

О

времени происхожденія

СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

О. Бодянскаго.

СЪ 19-Ю СНИМКАМИ.

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи.

1855.

Печатать позволяется

съ тѣмъ что бы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва.
Генваря 10-го дня 1855 года.

Ценсоръ М. Похвисневъ.

О

ВРЕМЕНИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

СЛАВЯНСКИХЪ ПИСЬМЕНЪ

Сиче во и Диониси сѣи глеть,
речи: есть менлодно мню, ико
же и криво, иже не силъ и разоу-
моу кѣимати, иъ глѣмъ.

Нолъ Ексархъ Българскѣи.

Прологъ къ книгѣ «Месеса.»

Въ предлагаемомъ изслѣдованіи разсматривается мною одно только обстоятельство изъ жизни незабвенныхъ просвѣтителей Славянскаго племени, вопросъ о *письменахъ*, приписываемыхъ нѣкоторыми одному изъ нихъ, а другими обоимъ вмѣстѣ. О жизни ихъ такъ много писали уже, что почти нѣтъ въ ней ничего такого, о чемъ бы не было предложено нѣсколькихъ мнѣній, какъ водится, самыхъ разнорѣчивыхъ, а нерѣдко и совершенно противоположныхъ одно другому. Тѣмъ не менѣе, многое и многое въ житіи Солунцевъ заставляетъ насъ еще желать лучшаго и точнѣйшаго разъясненія; а изъ этого многого въ особенности нуждается въ томъ вопросъ о времени составленія письменныхъ знаковъ для передачи звуковъ Славянскаго языка. Открытіе въ наши дни нѣсколькихъ новыхъ памятниковъ, относящихся къ этому предмету, или

вѣрнѣе, старыхъ, но забытыхъ было небрежнымъ потомствомъ, и то обстоятельство, что никто еще не воспользовался ими во всемъ ихъ объемѣ, побудили меня сличить съ показаніями, представляемыми ими, показанія прежнихъ свѣдѣтельствъ и сдѣлать отсюда выводъ. Другіе, статья можетъ, сдѣлаютъ другой выводъ; но, во первыхъ, сколько головъ, столько и умовъ, говоритъ пословица; а во вторыхъ, радъ буду, что своей, какой ни есть, работой, ускорю етотъ лучшій выводъ, вызову болѣе счастливые труды. Первоначально я хотѣлъ было присоединить къ предлагаемому сочиненію и етъ, въ полномъ смыслѣ, *вновь* открытые, источники, равно какъ и важнѣйшіе изъ извѣстныхъ уже: тѣ и другіе, разумѣется, сличивъ по нѣсколькимъ, доступнымъ мнѣ, спискамъ, съ разнословіями въ концѣ; но непредвидѣнныя препятствія удержали меня отъ того на нѣкоторое время. Теперь же представляю 19-ть снимковъ со всѣхъ, бывшихъ у меня подъ руками, рукописныхъ памятниковъ по изслѣдываемому вопросу. Они сдѣланы съ возможной точностью извѣстнымъ художникомъ, І. Т. Шелковниковымъ. Очень жалѣю, что не могъ прибавить къ нимъ снимка и съ старѣйшаго до сихъ поръ рукописнаго Храброва сказанія «*О писменехъ*», находящагося въ Московской Синодальной Библіотекѣ № 145, и составленнаго, вмѣстѣ со многимъ другимъ, для Булгарскаго царя, Александра, тахомъ священно-

III

иннокомъ Лаврентіемъ въ 1348-мъ году; въ первый разъ оно напечатано, какъ извѣстно, К. Ѳ. Калайдовичемъ, при его «Іоаннѣ, Ексархѣ Болгарскомъ», въ Москвѣ, 1824, въ XI-мъ Приложеніи (стр. 189—192).

Судя по етому уже одному вопросу, очевидно, что пересмотръ свѣдѣній нашихъ о дѣятельности Славянскихъ благовѣстниковъ желателенъ въ высшей степени. Быть можетъ, кто ни будь это и сдѣластъ къ тому времени, которое получено мною какъ итогъ, послѣ всесторонняго изслѣдованія его; быть можетъ, и я самъ буду имѣть возможность къ той порѣ что ни есть сдѣлать для того; по крайней мѣрѣ, отъ души желалъ бы видѣть самый точный, самый добросовѣстный, пересмотръ тому.

Und die aufgefundene *russische* Acte macht eine Revision alles bisher über diese Materien im Publico verhandelten, nothwendig: ganz neue Data erscheinen, aber auch neue Widersprüche: ob und wie diese letztere alle zu heben sind? da sehe die bedächtige Kritik zu.

A. L. von Schlözer.

(*Исторія, III, Кар. X. S. 242; въ Рус. II, стр. 582*).

Въ жизни народовъ, какъ и человѣка, бываютъ событія, воспоминаніе коихъ всякой разъ погружаетъ мыслящія умы въ невольныя думы. Особенно это надо замѣтить о годовщинѣ ихъ, когда они, такъ сказать, сами напрашиваются. Тутъ, иногда, приходится раздуматься и самой даже неповоротливой, самой разсѣянной, головѣ. Цѣлыя поколѣнія пытаются свои умственные силы надъ тою, другою стороною ихъ, оставшейся недовольно еще освѣщенной, загадочной. По тому что любознаніе наше безгранично; мы часто не въ состояніи остановиться и тамъ, гдѣ, по видимому, нѣтъ ни какой надежды на успѣхъ. Чѣмъ больше неудачъ, тѣмъ сильнѣе во многихъ разгарается духъ пытливости. Авось, не

поднимется ли на сколько ни будь завѣса таинственности, не подастся ли, хоть на шагъ, впередъ вѣковая работа, — и я ужь не напрасно жилъ, — думаетъ разоблачитель неразоблаченного. Да если и ничего не сдѣлаю, — это не значитъ, чтобы она рѣшительно была не подъ силу человѣческому духу, а просто только то одно, что я, одинъ лишь я, не доросъ еще до нея. Что отъ человѣка, то по человѣку и для человѣка, и въ семъ-то смыслѣ справедливо сказалъ лучший изъ Римскихъ писателей: «*Nil mortalibus arduum est.*» (Сарт. V.) И то правда, даромъ ничего не дается въ жизни совершить особеннаго, какъ замѣчаетъ тотъ же пѣвецъ: «*Nil sine magno vita labore dedit mortalibus.*» Самыя, такъ называемыя, дѣла случая, требуютъ, по крайней мѣрѣ, не случайнаго ума, чтобы схватить предлагаемое имъ указаніе, понять намекъ, разгадать, къ чему дается ключъ, открыть сокровище. Сдѣсь та же, по видимому, игра, какую представляетъ, не рѣдко, счастье. «Помилуйте, сегодня счастье, завтра счастье, послѣ завтра счастье, всю жизнь счастье, да счастье; надо же когда ни будь и хоть крошку ума,» отвѣчалъ нашъ несравненный полководецъ, когда ему, какъ-то, передавали отзывъ другихъ объ его побѣдахъ. И точно, въ противномъ случаѣ, и золотая посредственность выигрывала бы битвы при Арбелахъ, Фарсалахъ, Акціумѣ, Полтавѣ, Нови, Ваграмѣ. открывала бы Америки, порохъ, компасъ, типографскій станокъ, законы тяготѣнія, пара, свѣтлописи, создавала бы Иліады и Одиссеи, и т. п., что только носить на себѣ признакъ творчества, печать генія. Сколько милліоновъ людей каждый день видѣло и видитъ паденіе всякаго рода тѣлъ съ извѣстной высоты на землю, и, однако же, только Нютонъ умъ вызванъ былъ упавшимъ близъ него яблокомъ къ думѣ о тяготѣніи и стремленіи тѣлъ внизъ и, вдумываясь въ причину того, объяснилъ намъ тайну движенія мірозданія. Въ природѣ меньше, чѣмъ полагаютъ, непонятнаго для умѣющаго читать ея буквы, ума быстрого, вникательнаго, сообразительнаго. Міръ человѣческій, равнымъ образомъ, доступенъ такимъ избранникамъ. Цѣлыя столѣтія пролетали надъ исполинскими постройками Египта, цѣлыя поколѣнія глядѣли на письмена, начертанныя на нихъ, равно какъ на письмена

на скалахъ Мидіи, обломкахъ царскихъ зданій Ниневіи, Вавилона и т. п., частью на поверхности земли, а частью въ развалинахъ, покрытыхъ вѣковымъ хламомъ и мусоромъ; а только Шампольонъ далъ намъ ключъ къ іероглифамъ, которыя Лепсіусъ съ такимъ успѣхомъ читаетъ намъ теперь; только Гротендъ да Ролинсонъ разгадали клинообразные знаки; только Бюрнуфъ воскресилъ Зендъ; только Бошпъ открылъ дверь къ познанію истинной сущности языковъ Индоевропейской семьи, и тѣмъ положилъ камень во главу угла новому вѣдѣнію, основанному на историческомъ сравненіи; только Лассенъ представилъ жизнь старой Индіи во всемъ ея богатствѣ, доступномъ современной наукѣ; Бунзенъ судьбы древняго Египта, Нибуръ Ветхаго Рима, Гротъ своеобразной Греціи. Значить, повторяю, для ума пронизательнаго едва ли есть случай. Обыкновенно, имъ называютъ событіе, причины коего сокрыты, и по тому неожиданностью своей поражаютъ насъ. Но кто въ состояніи постигать отношеніе явленій къ ихъ двигателямъ, слѣдовательно, разгадывать сцѣпленіе обстоятельствъ, переплетеніе ихъ и взаимное дѣйствіе однихъ на другія, а разгадывая, видѣть, куда что стремится, и, согласно съ тѣмъ, направлять ходъ ихъ по своему соображенію, или же ставить себя внѣ ихъ ударовъ, для того вовсе нѣтъ нечаянностей, по крайней мѣрѣ, какъ можно меньше. Исключенія составляютъ такія происшествія, корни которыхъ слишкомъ далеко ужъ скрываются за чертой круга, въ коемъ суждено намъ дѣйствовать. Стало быть, все тутъ зависить отъ склада собственнаго нашего ума и объема сферы, въ коей движемся, позволяющей на большее, или меньшее разстояніе раздвигать свой кругозоръ. О тѣхъ, кто имѣетъ всѣ етѣ необходимыя условія, не безъ основанія пословица говоритъ: «На ловца звѣрь бѣжить.»

Если это справедливо вообще, взятое по отношенію ко всему, что совершается вокругъ насъ, и что не безсмысленно проходитъ мимо мужа съ думой на челѣ, то тѣмъ болѣе справедливо по отношенію къ событіямъ важнымъ, которыя однимъ уже появленіемъ своимъ невольно приковываютъ къ себѣ его пытливые взоры. По етому, и событія *годовщинныя*

о коихъ я упомянулъ въ самомъ началѣ, и къ коимъ все это веду, проносащіяся надъ головой большинства совершенно незамѣченными, не могутъ не затрогивать собой вниманія, привыкшаго наблюдать и вдумываться въ проходящее передъ его глазами. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже ни слова о прочемъ, привлекающемъ его къ нимъ, довольно одной урочности ихъ, чтобы, любознательный и отчетливый, остановился онъ на нихъ и захотѣлъ разузнать, что и отъ чего они; разузнавая же ихъ прошедшее и встрѣчая въ немъ многое въ темномъ, или загадочномъ, видѣ, естественно, пожелаетъ то уяснить себѣ. Такимъ образомъ, любопытство его, эта вообще самая щекотливая сторона природы нашей, задѣто, какъ мы привыкли въ подобныхъ случаяхъ выражаться, за живое, нища дѣятельности его нашлась, и—вотъ онъ, не удовлетворяясь сдѣланнымъ до него, съ самоотверженіемъ бросается въ поле, предѣлы коего чѣмъ далѣе идетъ, тѣмъ болѣе отдвигаются. Ни мало, однако, не робѣя передъ безбрежностью своего странствія, медленно, но осторожно, подвигается впередъ, твердо рѣшившись самъ исходить все поле разыскиваемого имъ, намѣрить его во всѣхъ направленіяхъ, и, подъ конецъ, непосредственно пробѣрить правдивость показаній другихъ. Единственнымъ побужденіемъ къ тому, его путеводной звѣздой, — стремленіе найти истину, или, по крайности, подойти къ ней, какъ можно ближе; во имя науки и для науки предпринимаетъ онъ переслѣдованіе. Конечно, выборъ волею зависитъ отъ него; но нельзя же ужъ быть на столько равнодушнымъ къ окружающему насъ, чтобы совершенно чуждаться его, жить въ одномъ лишь томъ кругѣ, который сами мы создали для себя. Сколько чрезмѣрна привязанность къ настоящему, событіямъ дня и мгновенія, вредна, столько и совершенное безчувствіе къ нему неизвинительно: и то, и другое — крайность, неестественно, отзывается предубѣжденіемъ, намѣренностью. Благоразумное желаніе постигнуть совершающееся передъ нами врожденно существу, получившему отъ самаго Бога способность постиженія. Одни животныя безчувственны къ тому; да и тѣ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, обнаруживаютъ нѣчто, похожее на влеченіе узнать виновника, на-

рушнншаго еднообразіе презабательной ихъ жиакн. Кѣмъ и для кого етѣ волны житейскаго моря? Не ужь-то всѣ онѣ — дѣло слѣпаго случая и для слѣпцовъ? для каменія и тернїя? Не ужь-то мы тутъ — постороннїе зрїтели, защищенныя отъ всакихъ тревоженїй самымъ положенїемъ своимъ, зрїтели, какнхъ, многда, видимъ на стѣнахъ многихъ нашихъ общественныхъ и частныхъ зданїй, которые съ одинакимъ глубокомыслїемъ устремляютъ взоры свои на сцену, когда на ней разыгрывается драма тмаи темъ, и тогда, когда все такъ молчнтъ, какъ гробовая доска? Поступать такъ, значнтъ вовсе не сознавать себя, своего опредѣленїя, поступать не по человѣчески: «Ното sum, humani а me nil alienum puto;» (Ter. Неха.) тѣмъ болѣе, когда въ событїи затронута еще бываетъ наша собственная, или же народная, личность.

Второй половиной нашего столѣтїя открывается въ жизни Славянскаго народа непрерывный рядъ тысячелѣтнихъ торжествъ въ память событїй, записанныхъ исторїей, и при томъ такихъ, послѣдствїя которыхъ имѣли, а многихъ и теперь еще имѣютъ, и будутъ имѣть, пока самое племя существуетъ, рѣшительное влїяніе на жизнь всего его, или же какой ни будь его части. Первенство между етѣми торжественными праздноствами принадлежитъ тысячелѣтїю *изобрѣтенїя*, или точнѣе, *составленїя письменъ*, предназначавшихся для всѣхъ Славянскихъ народовъ, и дѣйствительно употребившихся большинствомъ ихъ; стало, они открываются событїемъ, касающимся всѣхъ Славянъ. Когда же именно случилось это событїе?

Подъ Славянскими письменами, обыкновенно, разумѣется, такъ называемая, *Кириллица*, по имени изобрѣтателя или составителя ея, и объ ея-то времени появленїя я сдѣсь пускаюсь въ поиски. Етѣмъ уже исключаются отсюда всѣ изслѣдованїя о томъ, имѣли ль Славяне какїя либо письмена до нея; далѣе, въ какомъ отношенїи находится она къ другой, тоже Славянской и, какъ показываютъ новѣйшія розысканїя, почти современной ей, азбукѣ, именно Глаголицѣ или Глаголитикѣ; напоследокъ, какая связь обѣихъ ихъ съ

азбуками прочихъ Индоевропейскихъ народовъ? Всѣ етѣ вопросы, какъ ни любопытны сами по себѣ, и какъ, по видимому, ни тѣсно связаны съ задачей моею, скорѣе умѣстны въ подробномъ изслѣдованіи вообще о письменахъ Славянскихъ, или же въ критическомъ изложеніи жизни составителя ихъ, нежели при разсмотрѣніи одной только части етѣхъ предметовъ. Тамъ ихъ настоящее мѣсто, а по тому и желанное рѣшеніе.

ГЛАВА I.

Обзоръ источниковъ или свѣдѣтельствъ.

Gratius ex ipso fonte bibuntur aquae.

Ovid.

(5 P. 5.)

Всякое разслѣдованіе наше, если хотимъ сообщить ему прочную опору и достигнуть надежнѣе задуманной цѣли, должно быть произведено по, такъ называемымъ, *источникамъ*. Источники слагаются изъ современныхъ извѣстному происшествію, или, по меньшей мѣрѣ, ближайшихъ и непосредственныхъ, показаній, очищенныхъ, разумѣется, критикой. Позднѣйшія свѣдѣнія принимаются съ крайней осторожностью, и только при отсутствіи первыхъ. Стройное исчисленіе тѣхъ и другихъ касательно нашего вопроса представлено славнымъ Шафарикомъ въ безцѣнномъ сочиненіи его: «Славянскія Древности» (1); но съ тѣхъ поръ число ихъ возрасло значительно, и при томъ, нѣкоторые изъ первыхъ чрезвычайной важности. Съ открытіемъ ихъ какъ исторія принятія Христіанства Славянскими народами изъ устъ Цареградскихъ благовѣстниковъ, такъ и, нераздѣльно соединен-

ное съ нимъ, появленіе у нихъ особыхъ писемъ, бывшихъ естественнымъ послѣдствіемъ того, во многихъ отношеніяхъ, въ глазахъ спокойнаго изслѣдователя, принимаетъ совсѣмъ иной видъ. Не приступая еще къ самому разъясненію своей задачи, полагаю необходимымъ, прежде всего, назвать источники, прежніе и новые, доставившіе мнѣ основу для соображеній и выводовъ, сказать о нихъ свое мнѣніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выслушать ихъ показанія.

Казалось бы, скорѣе и болѣе всего сохранили намъ данныхъ о нашемъ предметѣ тѣ, которые были прямо замѣшаны въ немъ, составляли именно источникъ всего дѣла, т. е., Греки, ихъ тогдашніе лѣтописцы, съ такой подробностью передающіе намъ даже самыя пустыя происшествія своего вѣка и народа. Вышло наоборотъ. Гордые своимъ образованіемъ и гражданственностью, они съ презрѣніемъ смотрѣли на всѣхъ тѣхъ, кто только не принадлежалъ къ нимъ, и, по тому, неохотно и сколько можно короче, отзывались о послѣднихъ, какъ бы ни было важно событіе, приводившее, такъ называемыхъ ими, варваровъ въ столкновеніе съ ихъ народомъ; не рѣдко же случалось, что и вовсе умалчивали о происшествіяхъ всемірнаго значенія. Я уже имѣлъ разъ случай, въ другомъ сочиненіи, близкомъ по содержанію къ нынѣшнему (2), говорить объ этомъ странномъ явленіи, особенно по отношенію къ Славянамъ, стараясь разгадать причину онаго. «Извѣстна, — говорилъ я тамъ, — старинная, наслѣдственная, народная ненависть Грековъ къ Славянамъ, своимъ постояннымъ сосѣдямъ, которая, соотвѣтствуя такой же враждѣ Нѣмцевъ къ Славянамъ Западнымъ, длится, сколько исторія запомнить, и которая, прибавлю, и теперь ни чуть не измѣнилась ни въ объемъ, ни въ силѣ своей. Она-то была причиною, что етѣ народы — сосѣди, находясь въ вѣчномъ столкновеніи и схваткахъ другъ съ другомъ, такъ мало оставили рассказовъ о своихъ взаимныхъ сношеніяхъ и отношеніяхъ. Каждый изъ нихъ считалъ для своей народной гордости обиднымъ искреннюю повѣсть о неудачахъ и проигрышахъ етѣхъ варваровъ (такъ они взаимно величали себя), и упоминалъ тогда только, ко-

гда ни какъ нельзя было миновать того; но и тутъ замѣчаете видимое неудовольствіе и принужденность. Прибавьте къ сему чтеніе книгъ на своемъ языкѣ новообращавшимися Славянами, которое могло быть не совсѣмъ пріятно и Грекамъ (судя по поступкамъ ихъ даже въ наши дни въ Македоніи, Фракіи и Булгаріи) (3), и по тому могло наложить молчаніе на уста современниковъ о семъ событіи,» и проч. Вотъ по чему и о годѣ составленія Славянской азбуки, какъ вообще и о цѣломъ событіи, коего оно только часть, ни одинъ современный Византіецъ не сказалъ намъ ни слова въ своемъ сочиненіи; позднѣйшіе лѣтописцы, почерпавшіе свѣдѣнія свои уже не изъ первыхъ рукъ, но изъ мутнаго, во многихъ отношеніяхъ, народнаго преданія и стороннихъ писателей, говорятъ только вообще о принятіи крещенія Булгарскимъ Государемъ, Борисомъ, повторяя, большею частью, одинъ другаго (4), а по тому и не могутъ составлять собой, въ теперешнемъ нашемъ изслѣдованіи, ни какого источника.

Есть, однако же, и на Греческомъ языкѣ одно сочиненіе, весьма важное и рѣшительное во многомъ для насъ. Это — «Βίος καὶ πολιτεία, ὁμολογία τε, καὶ μερικὴ θαυμάτων διήγησις, τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος, ἀρχιεπισκόπου Βουλγάρων.» «Житіе Святаго Климента, Епископа Буларскаго,» ученика Кирилла и Меводія, писанное, какъ сказано въ самомъ заглавіи его; Теофилактомъ, архіепископомъ Первой Юстиніаны и всей Булгаріи, что, по розысканіямъ, основаннымъ на етомъ сочиненіи новѣйшимъ издателемъ его, ошибочно; наоборотъ, оно памятникъ X вѣка, составленный однимъ изъ учениковъ Славянскихъ благовѣстниковъ, по происхожденію Булгаромъ, а Теофилакту приписанъ, конечно, въ послѣдствіи, для внушенія къ нему въ другихъ большаго довѣрія и важности (5). Примѣры подобнаго приписанія слишкомъ часты и обыкновенны не въ одной древности, будутъ ли побужденія къ тому болѣе, или менѣе чисты, т. е., происходятъ ли они съ доброй цѣлью, или, по незнанію настоящаго творца, опираются на одномъ гаданіи, или же съ намѣреніемъ, слѣдовательно, имѣютъ въ виду вы-

дать одно за другое, новое за старое, поддѣлку за подлинникъ (6). Но что за причина, заставившая Булгара писать жизнь своего учителя не на родномъ языкѣ? Мнѣ кажется, что подлинникъ ея былъ составленъ на Славянскомъ, и только въ послѣдствіи переведенъ кѣмъ-то на Греческій. Грекъ, по сказанному выше вообще объ его отношеніяхъ къ Славянину, не въ состояніи былъ съ такой теплотой, участіемъ и подробностью передавать дѣйствія чужеродца; да етому противорѣчить и прямое указаніе сочинителемъ на его Булгарское происхождение (гл. XXII): «Κλήμης τοῦ Βουλγάρου ὑμῖν παρέδωκε.» А чтобы Булгаръ рѣшился промѣнять отечественный языкъ на другой, хотя бы самый образованный, невѣроятно по тогдашнимъ отношеніямъ всѣхъ Булгарскихъ писателей къ Грекамъ и самимъ себѣ. Обыкновенно, не только въ первыя времена какой либо письменности, но и послѣ довольно долго еще, горячка родолюбія и отвращеніе ко всему чужому, царятъ, можно сказать, безгранично надъ умами, воображеніемъ и волей пишущей братіи. Тогда больше пытаются свои силы въ своемъ, либо переносятъ съ чужаго на отцевскую ниву, но не на оборотъ, по самой простой причинѣ — отсутствію, пока, достойнаго предмета для перевода. «Но не для описанія на иноземномъ языкѣ?» Конечно, въ этомъ не бываетъ недостатка у всякаго народа для умнаго и неупрежденнаго чѣмъ либо противъ него писателя; однако же, Греки не представили собой исключенія въ отношеніи къ изслѣдываемому мною предмету. Егѣ соображенія заставляютъ меня относить и «Житіе Св. Климента» не къ Греческимъ, но къ *Славянскимъ* источникамъ, хотя мы теперь имѣемъ его на одномъ лишь Греческомъ языкѣ. Я той мысли, что когда ни будь, при большемъ знакомствѣ съ сокровищами нашей Церковнославянской письменности, откроется и самый Славянскій подлинникъ онаго. Вотъ, однако, свидѣтельство, предлагаемое егѣмъ памятникомъ о нашемъ предметѣ (7):

«Μεθόδιος, ὃς τὴν Πανόνων ἐπαρχίαν ἐκόσμησεν ἀρχιεπίσκοπος Μοράβου γενόμενος, καὶ Κύριλλος ὁ πολὺς μὲν τὴν ἔσω φιλοσοφίαν πλείων δὲ τὴν ἔσω, εἶχοντο μὲν ἰκανῶς λόγου δι-

δασκαλικού, ἐλλάδι γλώσση προφερομένου, καὶ πολλοὺς εἶλκεν ἡ τῆς τριαύτης σοφίας ἄλυσις· ἐπεὶ δὲ τὸ τῶν Σθλοβενῶν γένος εἶτ' οὖν Βουλγάρων ἀσυνέτως εἶχον τῶν ἐλλάδι γλώσση συντεθειμένων γραφῶν, ζημίαν ἠγοῦντο τοῦτο μεγίστην οἱ ἅγιοι, καὶ τὸ μὴ τὸν λύχνον τῶν γραφῶν ἐπανάπτεσθαι τῷ τῶν Βουλγάρων αὐχμηρῷ τόπῳ ἀπαρακλήτου λύπης ἐποῦντο ὑπέθεσιν· ἤλυον, ἐδυσφύρουσιν, ἀπελέγοντο τὴν ζωὴν· τί γοῦν ποιούσι; πρὸς τὸν Παράκλητον ἀροβλέπουσιν οὐ πρῶτον δῶρον αἱ γλώσσαι καὶ τοῦ λόγου βοήθεια· καὶ παρὰ τούτου τὴν χάριν ταύτην αἰτοῦνται, γράμματά τε ἐξευρέσθαι, δασύτητι Βουλγάρου γλώσσης κατὰλληλα, καὶ δηνηθῆναι τὰς θείας γραφὰς πρὸς τὴν φωνὴν τοῦ ἔθνους τῇ ἐρμηνείᾳ μεταγαγεῖν. ἀμέλει καὶ νηστεία εὐτόκῳ καὶ προσευχῇ ἐπιμόνῳ κακῶσι τε σώματος καὶ ψυχῆς συντριβῇ καὶ ταπεινώσει ἐκδόντες ἑαυτοὺς τοῦ ποθομένου τυγχάνουσιν·.... τυχόντες οὖν τοῦ εὐκαίτου τούτου χαρίσματος ἐξευρίσκουσι μὲν τὰ Σθλοβενικά γράμματα, ἐρμηνεύουσι δὲ τὰς θεοπνεύστους γραφὰς ἐκ τῆς ἐλλάδος γλώσσης εἰς τὴν Βουλγαρικὴν, ποιοῦνται δὲ σπουδὴν τοῖς δεξιτέροις τῶν μαθητῶν παραδόναι τὰ θεία μαθήματα· οὐκ ὀλίγοι γὰρ τῆς διδασκαλικῆς αὐτῶν πηγῆς ἔπνον, ὧν ἔγκριτοὶ τε καὶ τοῦ χοροῦ κορυφαῖοι Γοράσδος τε καὶ Κλήμης καὶ Ναοῦμ καὶ Ἀγγελάριος καὶ Σάββας (гл. II).» И ниже (гл. IV, по новѣйшему изданію): «Οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὸν τῶν Βουλγάρων ἄρχοντα Βορίσην, ὅς ἐπὶ τοῦ τῶν Ῥωμαίων βασιλέως Μιχαὴλ ἦν, καὶ τοῦτον ὁ μέγας Μεθόδιος καὶ πάλαι μὲν τέκνον ἐποιήσατο, καὶ τῆς οἰκείας γλώσσης τῆς πάντα καλῆς ἐξηρτήσατο καὶ τότε δὲ ταῖς τῶν λόγων εὐεργεσίαις ἀδιαλείπτως εἶχε δωρούμενος· ἦν γὰρ ὁ Βορίσης οὗτος καὶ ἄλλως γκώμης δεξιᾶς καὶ τοῦ ἀγαθοῦ δεκτικῆς, ἐφ' οὗ καὶ τὸ τῶν Βουλγάρων ἔθνος τοῦ θείου τε καταξιούσθαι βαπτίσματος καὶ χριστιανίξειν ἤρξατο· ὅτε δὴ καὶ οἱ ἅγιοι οὗτοι, Κύριλλος, φημί, καὶ Μεθόδιος, τὸ πλῆθος τῶν πιστευόντων ἰδόντες.... γράμματα ἐξεύροντο καθ' ὃ προειρήκαμεν, καὶ τὴν τῶν γραφῶν ἐπὶ τὸ

Βουλγαρικὸν μετάθεσιν ἐποίησαντο, ἵνα τὰ γεννηθέντα τέκνα τοῦ θεοῦ καὶ θείας τροφῆς ἱκανῶς ἔχαιεν, καὶ οὕτω τῆς σκυθικῆς πλάνης τὸ τῶν Βουλγάρων ἔθνος ἀπαλλαγέν . . . τὸν Χριστὸν, ἐπέγνωσαν, ὅψι μὲν καὶ περὶ τὴν ἐνδεκάτην ἢ δωδεκάτην τὸν θεῖον δ' οὖν ἀμπελῶνα εἰσεληλυθὸς τῇ τοῦ καλέσαντος χάριτι· ἐν ἔτει γὰρ ἑξακισχιλιοστῷ τριακοσιοστῷ ἑβδομηκοστῷ ἑβδόμῳ τῆς τοῦ κόσμου γενέσεως ἢ τούτου τοῦ γένους κλήσις γεγένηται.

Methodius, qui Panonum eparchiam ornavit, archiepiscopus Moravi creatus, et Cyrillus, multus in exteriori philosophia, sed major in interiori, satis quidem pollebant oratione didactica, quae graeco sermone profertur, multosque trahebat hujus sapientiae catena: cum autem Slovenorum gens siue Bulgarorum non intelligeret libros graece conscriptos, damnum hoc maximum reputabant Sancti, et facem scripturarum caliginosae Bulgarorum regioni non accendi inconsolabilis doloris faciebant materiam: conturbati erant, ferre non poterant, vitam abdicabant. Quid tandem faciunt? Ad Paracletum respiciunt, cujus primum donum linguae et sermonis auxilium, et ab illo gratiam petunt *litteras inveniendi* asperitati Bulgarorum linguae respondententes, ut possint sacras scripturas ad linguam hujus gentis interpretatione transferre. Et revera jejunio intenso et orationi constanti, corporis macerationi et animi contritioni et humiliationi cum se dedissent, cupitum consequuntur. Nacti igitur hanc gratiam *excogitant slovenicas litteras* et divinitus inspiratas scripturas e graeca lingua in bulgaricam vertunt et magna cum diligentia acutioribus discipulis tradunt sacras doctrinas. Non pauci ex eorum doctrinae fonte biberunt, quorum praecipui sunt et chori coryphaei: Gorasdus et Clemens et Naum et Angelarius et Sabbas.

Quin etiam Bulgarorum ducem Borisen, tempore Romanorum imperatoris Michaël regnantem, quem magnus Methodius jam olim filium suum fecerat, et suae linguae omnino pulchrae affixerat, tunc sermonis beneficiis indesinenter donans captabat: erat enim Borises hic ingenii dextri et boni capax, sub quo Bulgarorum gens christianizare coeperat, quando Sancti hi, Cyrillus inquam et Methodius, multitudinem cre-

dentium videntes, *litteras excogitarunt*, ut supra diximus, et scripturarum in linguam bulgaricam versionem fecerunt, ut nati filii Dei divinum cibum haberent; sic scythico errore Bulgarorum gens liberata Christum cognovit, sero quidem et circa undecimam aut duodecimam vineam divinam ingressa vocantis gratia. Anno enim sexies millesimo trecentesimo septuagesimo septimo a mundi creatione hujus gentis vocatio facta est.» (Edit. Pamper. p. 103, 107—108; ed. Mikl. p. 2—3; 6—7; Interpret. X, XII).

Совѣтъ иного рода и свойства извѣстie, заключающееся въ отрывкѣ, напечатанномъ Бандури въ его «*Imperium Orientale*,» (p. 112 — 116), равно какъ и въ его же «*Animadversiones in Constantini Porphyrogeniti librum de administrando imperio*» (Ed. Bonn. 357 — 366), съ Латинскимъ переводомъ, откуда послѣдній повторенъ Штриттеромъ въ «*Methodiae populogum*,» (Tom. II, p. 959 — 967). Отрывокъ этотъ писанъ, по увѣренiю Бандури, нашедшаго онъ въ рукописи Кольбертовой библіотеки, подъ № 4432-мъ, новѣйшимъ почеркомъ: «*quam (historiam) geregi in codice ms. Colbertino recenti manu conscripto.*» Въ немъ рассказывается объ обращенiи Русовъ въ Христіанство, но, — говоритъ Шлѣцеръ (Несторъ, III, S. 221 — 222, Руск. II, 542 — 543), — «здѣсь отъиѣнно смѣшно перемѣшаны (auf eine gar lächerliche Weise) Моравы, Россы и Руссы (Ρωσ; und Russen), и времена Рюриковы съ временами св. Владимира,» что до него еще замѣтилъ самъ Бандури. То есть, дѣло въ томъ, что прежде всего излагается посольство Рускаго великаго князя (ὁ μέγας ἄρχων) въ разныя земли для испытанiя, которая Вѣра самая лучшая; послы посѣтили Римъ, а за нимъ Царьградъ и, возвратясь, донесли ему, что, хоть они точно видѣли въ Римѣ много великаго и блистательнаго, но видѣнное въ Царьградѣ превышаетъ всякое воображенiе чело-вѣческое. Послѣ сего в. князь Рускiй (μέγας ρῆγας) проситъ царя прислать ему епископа, который бы крестилъ его и народъ его, что тотъ и исполняетъ, отправивъ къ нему благочестиваго и добродѣтельнаго епископа съ двумя товарищами, Кирилломъ и Аванасiемъ, тоже извѣстными

добродѣтелию , ученостью и умомъ , чрезвычайно свѣдущими какъ въ Св. Писанίи , такъ и въ Словесности , доказательствомъ чему служатъ сочиненія ихъ. Прибывъ туда , они крестили Русовъ и наставили въ начаткахъ Христίανскаго ученія. Но видя , что народъ етотъ совершенно варварскίи и необразованъ , а по тому не въ состоянίи выучить 24 Γρετσικихъ буквъ , изобрѣли и начертали для него 35 буквъ , которыя такъ звучать (слѣдуетъ названіе каждой , что смотри ниже , въ самомъ Γρετσικомъ изложениі). Егѣ 35 Рускихъ буквъ заучиваются ими , а съ тѣмъ усвоется истинное познаніе благочестивой Вѣры: »ἦν δὲ τότε Βασίλειος ὁ ἐκ Μακεδονίας ὁ τὰ τῶν Ῥωμαίων σκηπτρα διέπων ὃς καὶ μετὰ χαρᾶς μεγάλης τοὺς σταλέντας ἐκ τῶν ἐκεῖσε ἀνθρώπους δεξάμενος ἀρχιερέα τινὰ αὐτοῖς ἐξέπεμψε, ἐπ' εὐλαβείᾳ καὶ ἀρετῇ διαβόητον, καὶ σὺν αὐτῷ ἀνδρᾶς δύο, Κύριλλον καὶ Ἀθανάσιον, ἐναρίτους καὶ αὐτοὺς ὄντας καὶ πᾶν λογιωτάτους καὶ φρονιμωτάτους. καὶ οὐ μόνον τῆς θείας γραφῆς ἦσαν ἔμπλεοι, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἔξω καλῶς ἐξησηκημένοι, ὡς τὰ τε γενόμενα ὑπ' αὐτῶν γράμματα μαρτυροῦσι τοῦτο καλῶς. οὗτοι δὲ ἐκεῖσε ἀπελθόντες πάντας ἐδίδασκον καὶ ἐβάπτιζον καὶ πρὸς τὴν τῶν Χριστιανῶν εὐσεβείαν ἐνήγον. βάρβαρον δὲ πάντῃ καὶ σόλοικον βλέποντες τὸ τοιοῦτον ἔθνος, οὐκ εἶχον οἱ ῥηθέντες λογιώτατοι ἀνδρες ὅπως καὶ τὰ τῶν Ἑλλήνων εἴκοσι τέσσαρα γράμματα αὐτοῖς διδάξαι, μήποτε πάλιν τῆς εὐσεβείας παρεκκλίνωσι. διὸ καὶ τριάκοντα πέντε στοιχεῖα γραμμάτων αὐτοῖς ἐνεχάραξαν καὶ ἐδίδαξαν. ὡν περ καὶ ἡ κλησις ὀνομάτων ἐστὶν αὕτη, ᾗς, μπούκη, βέτθ, γλαῶδ, δοπρῶ, γέεστι, ζηβήτ, ζελῶ, ζεπλέα, ἦ, ζεῆ, κάκω, λουδία, μή, νᾶς, ὦν, ποκόη, ριτρίη, σθλόβω, ντεβέρδω, ἦκ, φέρωτ, χέρ, ὦτ, τζη, τζέρβη, σάα, σθία, γέορ, γερῆ, γέρ, γέατ, γίου, γέους, γέα. ταῦτα μὲν εἰσὶ τὰ λέ γράμματα τῶν Ῥωσῶν ἅπερ καὶ ἕως τοῦ νῦν μανθάνουσι πάντες, καὶ καλῶς τὴν εὐσεβείαν γινώσκουσι. Tunc porro Basilii Macedo Romanorum sceptrum moderebatur; qui exceptis cum gaudio magno huiusmodi legatis episcopum eo misit pie-

tate et virtute clarum, cum comitibus duobus, Cyrillo et Athanasio, qui et ipsi virtute, eruditione et prudentia ornatissimi erant, neque solum divinae scripturae notitia repleti, sed etiam in humanioribus literis probe exercitati, ut eorum scripta testificantur. eo profecti illi omnes edocuerunt et baptizarunt et Christianae pietatis rudimentis instituerunt. cum autem gentem eam omnino barbaram et rudem cernerent, ac nullo modo possent doctissimi viri viginti quattuor Graecorum literas ipsos edocere, ne rursus a pia religione deflecterent, *triginta quinque literas ab se inventas et exaratas iisdem tradiderunt*, quarum nomina haec sunt: *As, Mpucl, Betd, Glaod, Dopro, Geesti, Zibit, Zelo, Zeplea, I, Sei, Caco, Ludia, Mi, Nas, On, Pocol, Ritzii, Sthlobo, Nteberdo, Ic, Pherot, Cher, Ot, Tzi, Tzerbi, Saa, Sthia, Geor, Geri, Ger, Geat, Giu, Geus, Gea*. Hae sunt triginta quinque Russorum literae, quas hactenus omnes ediscunt, atque rectam piae religionis notitiam obtinent.» За симъ разсказывается чудо съ Евангелиемъ, которое епископъ бросилъ въ зажженный костеръ, по требованію князя и народа, и когда оно осталось нетронутымъ, какъ было, «*ἄπερ ἰδόντες οἱ βάρβαροι καὶ τῷ μεγέθει καταπλαγέντες τοῦ θαύματος, ἀνευδοιάστως πρὸς τὸ βάπτισμα ἠτομίλου, καὶ καθαιρόμενοι τὸν νοῦν τὸν σωτήρα ἔδοξαν χύριον*. Quod conspicati barbari, ac magnitudine miraculi perculsi, sine mora vel dubitatione ad sanctum baptisma sponte accesserunt, ac mente purgati salvatorem dominum laudibus celebrarunt.» Оставляя другимъ, вмѣстѣ съ Шлѣцеромъ, потѣшаться промахами етого Грека противу языка, его неумѣньемъ назвать, какъ должно, наши буквы, равно какъ и мнѣніемъ о причинѣ, побудившей изобрѣсти ихъ, и пр., т. п., можемъ замѣтить, что, хотя составитель етого разсказа дѣйствительно не силенъ въ исторіи и путаетъ времена, лица и событія, однако, надо признаться, иначе и быть не могло, когда источники его тоже самое представляютъ. Источники етѣ, мнѣ кажется, были, преимущественно, разные лѣтописные сборники наши. Въ пользу такого мнѣнія говорятъ: а) чрезвычайная подробность въ изложеніи повѣсти объ испытаніи Вѣрь, совпадающей во многомъ съ находящимся въ

нашихъ источникахъ; б) изъ нихъ только могъ онъ узнать объ Анастасіи, какъ поправляетъ Добровскій, т. е., знаменитомъ Настасѣ или Анастасѣ Корсунянинѣ, котораго обративъ въ Аванасіа, сдѣлалъ товарищемъ Кириллу, а обонхъ епископу или архіепископу (митрополиту) Греку. О Кириллѣ дознался онъ тоже изъ нашихъ лѣтописей и, подобно имъ, отправилъ его учить нашихъ предковъ. Статся могло, что Аванасій поставленъ у него вмѣсто Месодіа, согласно съ нѣкоторыми Хронографами нашими, какъ увидимъ ниже; в) названіе буквъ нашихъ, въ которомъ, при всей порчѣ, нельзя не замѣтить, что онъ списалъ его съ произношенія Рускихъ, и притомъ Южныхъ. Это доказываетъ первое: поставленіе буквы *і* впереди *мже*, — совершенно по обычаю Малороссійскому, между тѣмъ, какъ Великороссіяне дѣлаютъ то на оборотъ (*мже, і*); второе: произношеніе полугласныхъ и помѣщеніе носовыхъ. Изъ первыхъ написаніе *ѳ*, *уѳор*, близко подходитъ къ Малороссійскому названію его *ѳромъ*; въ противномъ случаѣ онъ написалъ бы, какъ и слѣдующія (*ѳ, ѳ*), безъ *о* послѣ *ѳ*. Замѣтятъ: «*о* употреблено имъ для выраженія твердаго произношенія этого звука.» Согласенъ; но точно такъ и Малороссіяне его употребляютъ для того же самаго въ формѣ *іо* (или, по нашему образу писанія, *ѳ*), какъ онъ *ѳо*. Изъ вторыхъ *юсъ* (*ж*), *уѳоус*, и *ѳ*, *уѳа*, поставлены на самомъ концѣ опять по обычаю Малороссіянъ, наблюдавшемуся прежде въ грамѣткахъ Славянскихъ. Послѣднее, *ѳ*, смѣшивалось, по причинѣ потери истиннаго его звука въ устахъ большей части Славянъ, съ буквой *ѳ*, употребляясь одно вмѣсто другаго какъ въ произношеніи, такъ равно на самомъ письмѣ и въ печати; въ послѣдней *ѳ* даже взяло перевѣсъ надъ *ѳ*, оставивъ ему только нѣсколько словъ и случаевъ. Но бывало, что и въ азбукѣ отдѣляли то и другое; тогда порядокъ всѣхъ етѣхъ буквъ являлся именно тотъ самой, какой и у этого Грека: *ѳ, ѳ, ѳ, ѳ, ѳ, ѳ, ѳ, ѳ*. г) Названіе буквы *р* словомъ *ριτζιη* скорѣе напоминаетъ, какъ называютъ этотъ звукъ тоже въ Южной Руси, нежели въ Сѣверной, разумѣю: *ирцы*, а не *рцы*. д) Названіе буквы *мкъ* (*ѳк, іс*) вмѣсто *укъ* (*оукъ*), рѣшительно по обычаю Малорускихъ букарей, которые часто называли въ старину,

а можетъ быть и теперь еще кое-гдѣ, такъ *укъ*, а не *рѣдко* и тремя разомъ именами: *икъ*, *укъ*, *оникъ*, указывая тѣмъ на тройное ея начертаніе, перенесенное съ Греческаго и въ Церковнославянскій: *υ*, *ου*, *ϛ* (*υ*, *υ*; *ου*, *ου*; *ϛ*, *ϛ*), которыя всѣ три стояли вмѣстѣ, обокъ. Съ Малорусами согласны и Румуны (Валахи въ Валахіи, Молдавіи, Бессарабіи, Буковинѣ, Угрии, Седмиградіи, Банатѣ, Македоніи, Фессаліи, Албаніи и др.) въ названіи всѣхъ, упомянутыхъ тутъ, звуковъ, за исключеніемъ поставленія *и* и *і*, въ чемъ сходятся они съ Великорусами, да буквы *р*, которая у нихъ совершенно такъ звучитъ, какъ назвалъ ее Грекъ, рыцы, *ῥιτζιη*, и буквы *икъ* (довольствуясь только *укомъ*, *ϛ*, и *оникомъ*, *ου*). (8) Самой же поводъ къ разсказу сдѣсь о буквахъ могла подать ему либо навпа Степенная Книга, въ которой именно говорится о нихъ подъ однимъ годомъ съ княженіемъ Аскольда и Дира, ихъ походомъ подъ Царьградъ, крещеніемъ при Василіи Македонѣ, чудомъ съ Евангеліемъ, и т. д.: «Не предо многими бо лѣты преже крещенія блаженныя великія Ольги начало бысть Рускія азбуки, ихъ же составиша дивніи философы Мееодій и Константинъ самобратніи, иже отъ Солуня посланы быша Михайломъ Царемъ въ Болгары, по прошенію Князей Болгарскихъ, при немъ и крещены быша Болгары. По немъ же Кіевстѣи Князи, Оскольдъ и Диръ, и сіи плѣняху Римлянскую страну,» и проч.; либо же другой какой лѣтописный сборникъ, особливо Временникъ или Хронографъ, служившій источникомъ и для составителей самой Степенной Книги и Никоновской Лѣтописи, въ которой встрѣчаемъ почти тоже, съ нѣкоторою только разницей въ выраженіяхъ и пропускомъ извѣстія объ азбукѣ. Этой канвы довольно было для сметливаго, чтобы по ней вывести уже самому любаго рода узорочья, каковы: число буквъ и ихъ названія, которыя могли показаться Греку очень стоящими любовытства и, какъ такія, передачи своимъ соотчичамъ. Перечислить же ихъ могъ онъ пожелать точно такъ же, какъ и сочинитель Проложнаго Житія Кирилла, въ которомъ, впрочемъ, насчитано 38 словъ, что въ Четьи-Минехъ названо уже письменами, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, а у этого Грека ихъ только 35. Но «извѣстія объ Аскольдѣ и Дирѣ,

равномѣрно и о крещеніи ихъ, могъ онъ вычитать и не изъ Рускихъ источниковъ.» Да, но не въ томъ видѣ, въ какомъ находимъ ихъ у него, не съ тѣми подробностями. Далѣе, у Византійцевъ (Амартола, К. Багрянороднаго, Кедрина, Зошары, Глики и др.) многого нѣтъ изъ передаваемого имъ; и, напоследокъ, всѣ извѣстія ихъ перенесены уже въ Рускіе Временники или Хронографы, иначе, какъ не рѣдко величали ихъ, Гранографы (коиѣ столько обязана и наша, такъ называемая, Никоновская Лѣтопись, какъ откроется ниже), гдѣ и могъ онъ встрѣтиться съ ними, и при томъ съ готовой обстановкой, которою и воспользовался по своему, перемѣшавъ все еще пуще, чѣмъ его руководители, кои (какъ покажу послѣ) страшно противорѣчатъ сами себѣ, рассказывая одно и тоже въ одномъ случаѣ такъ, а въ другомъ иначе. Если моя догадка справедлива, тогда вѣкъ составленія этого отрывка ни коиѣ образомъ не старѣе вѣка упомянутыхъ выше Рускихъ лѣтописныхъ Сборниковъ, и по тому, повторю съ Добровскимъ (Cyrill u. Meth. §. 9): «Мы не можемъ полагаться на сказанія, въ немъ заключающіяся,» какъ на современный, или, по крайности, ближайшій къ тому источникъ.

Гораздо любознательнѣе, а, можетъ быть, и безпристрастнѣе, былъ *Западъ*, который оставилъ намъ нѣсколько свѣдѣтельствъ объ изслѣдуемомъ событіи. Такъ, отъ *папы Иоанна VIII* дошло до насъ нѣсколько *посланий* (epistolae), важныхъ для нашего предмета (9). Этотъ папа, одинъ изъ достойнѣйшихъ преемниковъ Николая I-го, перваго и по желанію отщепиться отъ Восточнаго Православія, нѣсколько разъ колебался между двумя спорящими сторонами въ земляхъ Паннонскихъ и Иллирскихъ, и по тому, смотря по перевѣсу главныхъ своихъ отношеній къ Царьграду, переходилъ то къ тѣмъ, то къ другимъ. Такъ, по жалобѣ Нѣмецкаго духовенства на появленіе Меодія въ Панноніи и вообще Великоморавіи въ званіи епископа и съ богослуженіемъ на Славянскомъ языкѣ (870), принесенной папѣ Адриану II, но, по смерти его (872), рѣшенной его преемникомъ (Іоанномъ VIII), Славянскій языкъ въ Церкви былъ запрещенъ особымъ посланіемъ папы, отправленнымъ, черезъ

Авконскаго епископа, Павла, какъ нарочнаго папскаго посла (Легата) въ Германію и Паннонію: «*ne in ea lingua (barbara, hoc est, in sclavina) sacra missarum solempnia celebrares, sed vel in latina vel greca lingua, sicut ecclesia Dei toto terrarum orbi diffusa, et in omnibus gentibus dilatata cantat.*» Спустя 4 года (въ 874), тотъ же папа писалъ уже къ Карломану, сыну Людвига II-го, совѣтъмъ противное, вѣроятно, подвигнутый къ тому мирнымъ договоромъ Святополка съ императоромъ, воевавшимъ весьма неудачно, и по тому принужденнымъ помириться во что бы то ни стало: «*modo, quo rotuit, sibi Winidos reconciliavit*» (Hinc. Remens.). Именно, тамъ читаемъ слѣдующее: «*Reddito ac restituto nobis Pannoniensium episcopatu, liceat fratri nostro Methodio, qui illic a sede apostolica ordinatus est, secundum priscam consuetudinem libere, que sunt episcopi, gerere.*» Въ Паннонскомъ Житіи Меѳодія сказано, что папа къ етому побужденъ былъ посольствомъ Моравлянъ, писавшихъ: «*иди и първѣ оѣи наши ѿ сѣго ветра ирѣчению прииди, то даждь намъ Меѳодіи архіеѣи и оучителю,*» который, между тѣмъ, послѣ торжественнаго состязанія своего съ Нѣмецкими священниками, когда возвратился въ Паннонію изъ втораго путешествія въ Римъ, былъ сосланъ въ Швабію («къ Сѣверю»), гдѣ и оставался «ползтретъ лѣта» (2½ года): 871 — 874. Но противники Православія не теряли надежды на успѣхъ. Своими наговорами имъ удалось заподозрить Меѳодія у Святополка, по собственному признанію, мало понимавшаго догматическія тонкости Вѣроученія: «*Εγώ μὲν ἐμαυτῷ πρὸν τὸν ἰδιωτισμὸν σύνοδα, καὶ ἀπλῶς εἰμι τὰ δογματικά· καὶ τί γάρ ἢ ἀγράμματος; τοῦ μόνου χριστιανοῦ μεταποιῶμαι τε καὶ μεταποιήσομαι*» (Vita S. Clem., с. XI, pag. 16.). Ego quidem magnae imperitiae mihi sum conscius et simplex sum quoad dogmatica: quid enim nisi illiteratus? Christianismum tamen mihi vindico et vindicabo» (Id., pag. XV.), который, однако, принялъ его, первоначально, съ большимъ радушіемъ и поручилъ ему «*всѣхъ цркви и стрижьини: къ всѣхъ градахъ*» (Житіе Меѳодія). Слѣдствіемъ того было отправленіе имъ священника Іоанна (вѣроятно, «*ex Venetiis,*» котораго употреблялъ онъ передъ тѣмъ, за 4 года, въ сношеніи своемъ съ Людвигомъ) къ папѣ

съ посланіемъ о разрѣшеніи недоумѣній его касательно Меѳодіева ученія. Въ отвѣтъ папа прислалъ посланіе къ обоимъ, Меѳодію и Святополку, въ июлѣ 879. Первому писалъ: «*Audivimus, quod non ea, que sancta Romana ecclesia ab ipso apostolorum principe didicit, et cottidie predicat, tu docendo doceas, et ipsum populum in errorem mittas. Unde his apostolatus nostri litteris tibi iubemus, ut, omni occasione postposita, ad nos de presenti venire procures, ut ex ore tuo audiamus et cognoscamus, utrum sic teneas, et sic predices, sicut verbis ac litteris te sancte Romane ecclesie promisisti, aut non, veraciter cognoscamus doctrinam tuam. Audimus et iam, quod missas cantes in barbara, hoc est, in sclavina (al. cod. sclavonica) lingua.*» Второму же: «*Quod autem, sicut Johanne presbitero vestro, quem nobis misistis, referente didicimus, in recta fide dubitetis. Monemus dilectionem vestram, ut sic teneatis, sic credatis, sicut Sancta Romana Ecclesia ab ipso Apostolorum principe didicit, tenuit, et usque ad finem seculi tenebit.... Quia vero audivimus quia Methodius vester archiepiscopus ab antecessore nostro Adriano scilicet Papa ordinatus, vobisque directus, aliter doceat, quam coram Sede Apostolica se credere et verbis et litteris professus est, valde miramur. Tamen propter hoc direximus illi, ut absque omni occasione ad nos venire procuret, quatenus ex ore eius audiamus, utrum sic teneat et credat, sicut promisit, aut non.*» Впрочемъ, въ концѣ посланія своего къ Меѳодію, папа за-прещаетъ не безусловно употребленіе Славянскаго языка въ богослуженіи; онъ соглашается, чтобы проповѣданіе слова Божія и объясненіе его производились и на этомъ языкѣ, что составляетъ замѣчательную уступку, и, съ одной стороны, связывая новое распоряженіе съ предъидущими нѣкотораго рода послѣдовательностью, оставляетъ возможность ему, съ другою, перейти къ противному распоряженію, слѣдовательно, заготовляетъ уже, такъ сказать, заблаговременно мостикъ для перехода на другой берегъ: «*Predicare vero, aut sermonem in populo facere tibi licet, quum psalmista omnes commonet Deum gentes laudare, et apostolus omnis inquit lingua confiteatur, quia Jhesus in gloria est Dei Patris.*» Эта, можетъ быть, смутно предчувствованная имъ при написаніи сего посланія (раз-

умѣется, на основаніи всего прежняго), перемѣна, черезъ годъ же, не болѣе, дѣйствительно совершилась. Въ іюнѣ 880 года вотъ что писалъ уже папа къ Святополку черезъ Меѳодія, который, явившись, по требованію, въ Римъ, совершенно оправдался передъ нимъ во взведенныхъ на него навіѣтахъ ожесточенными его и паствы его противниками: «Igitur hunc Methodium venerabilem archiepiscopum vestrum interrogauimus, coram positis fratribus nostris episcopis, si orthodoxae fidei symbolum ita crederet, et inter sacra missarum sollenia caneret, sicuti sanctam Romanam ecclesiam tenere, et in sanctis vniuersalibus synodis a sanctis patribus secundum euangelicam Christi Dei nostri auctoritatem promulgatum atque traditum constat. Ille autem professus est, se iuxta euangelicam et apostolicam doctrinam, sicuti sancta Romana ecclesia docet, et a patribus traditum est, tenere et psallere. Nos autem illum in omnibus ecclesiasticis doctrinis, et vtilitatibus *orthodoxum*, et proficuum esse reperientes, vobis iterum ad regendam commissam sibi Dei ecclesiam remisimus; quem veluti pastorem proprium vt digno honore, ac reuerentia, laetaque mente recipiatis, iubemus.... Presbiteros vero et diaconos, seu cuiuscunque ordinis clericos, siue Sclauos, siue cuiuslibet gentis, qui intra prouinciae tuae fines consistunt, praecipimus esse subiectos et obediens, in omnibus iam dicto *confratri nostro* archiepiscopo vestro, ut nichil omnino praeter ipsius conscientiam agant. Quodsi contumaces et inobedientes existentes, scandalum aliquod, vel schisma facere praesumpserint, et post primam et secundam admonitionem se minime correxerint, quasi zizaniorum seminatores ab ecclesiis et finibus vestris auctoritate nostra praecipimus procul esse abiiciendos, secundum auctoritatem capitulorum, quae illi dedimus, et vobis direximus.» Тоже самое, и почти слово въ слово, находимъ и въ посланіи папы, приводимомъ въ Паннонскомъ Житіи Меѳодія, т. е., когда, собравъ «люди Моравскыи келлахъ проусти предъ ними кнестолю, да вшихъ слышати изгълании его,» о которомъ недоброжелатели распустили было слухъ, надѣясь, преждевременно, на осужденіе папой поступковъ Меѳодія, «поуутьше апостоликыи кингы (посланіе), обратомъ писаник, яко братъ нашъ Меѳодии пражокръвѣхъ ксть и явлѣно дѣлаици дѣлаици, и къ роукоу его соутъ ѿ Бѣ и ѿ авльскаго

стола вса словянскыи страны, да яко же прокълеть, проклатъ да воудн.» Послѣ чего, прибавляетъ жизнеописатель, «восрама- шеса, разидошаса яко мъглы, съ стоддъмь.» Причины такого неожиданнаго оборота дѣла надобно искать, кажется, въ боязни папы потерять и Паннонію, какъ, не задолго передъ тѣмъ, потерявъ Булгарію и Иллирикъ, отошедшія, по общему опредѣленію Цареградскаго собора (869—870), отъ Рима къ Царьграду, которыя теперь надѣялся снова возвратить, при помощи разныхъ уступокъ и непрерывныхъ увѣщательныхъ посланій то къ Булгарскому государю и его боярамъ, то къ духовенству Булгарскому и своимъ тамъ нунціямъ, то къ самому патріарху, то, наконецъ, къ Хорватамъ и ихъ властямъ, склоняя, «ut nihil dubitantes de parte Graecorum vel Sclavorum, ad gremium Romane ecclesiae revertantur» (Epist. ad Salonitanos ad ann. 878—880), и пр. Онъ даже, для достиженія этой цѣли, составлявшей задушевное желаніе его и его предшественниковъ, тайную причину ихъ дѣйствій и, въ послѣдствіи, главную причину отдѣленія Рима отъ Восточной Церкви, т. е., для подчиненія себѣ Славянскихъ земель, между Адриатическимъ и Чернымъ морями лежащихъ, согласился было признать снова Фотія, вторично вступившаго на патріаршій престолъ по смерти Игнатія (878), того самаго Фотія, который, изза етѣхъ же народовъ, 10-тъ лѣтъ тому назадъ, предалъ папу, Николая I-го, проклятію (867). Къ етому можно прибавить, конечно, и вѣроятныя представленія Меѳодія папѣ о той чрезмѣрной привязанности Славянъ ко всему народному, особенно къ языку и славословію на немъ Бога, которой всегда и всюду племя наше отличалось и отличается и которая именно и побудила его преимущественно войти въ сношенія съ Греками, охотнѣе, чѣмъ Латыны, допускавшими и прочія нарѣчія при богослуженіи. «людемъ нашимъ погацства сѧ ѡкрѣстившѣ, и по крѣтльскѣ сѧ законѣ державшѣ, оуучителя не имамъ такоаго, иже бы ны къ свои дѣлѣкъ истѣю крѣтльскѣ сѧздѣлъ, да быша и ны стрѣны того зраце, подобни бы сѧ намъ, то послѣи ны, кѣно, сѣишѣ и зунтель такъ. ѡ всѣхъ бо на нѣхъ страны въсегда дозрѣи законъ исходи (Житіе Кирила).» Въ Житіи Меѳодія исчислены и самые етѣ учителя по ихъ происхожденію, приво-

дившіе, своимъ разногласнымъ ученіемъ (полагаю, преимущественно о происхожденіи Св. Духа, освященіи и жертвоприношеніи агнца, по обычаю Евреевъ, на алтарь, вмѣстѣ съ Святыми тайнами, и т. п. *Mansi XV, 355. Mabillon Comm. in ord. Roman. вѣ Museum ital. II, pag. CXIX ss.*), Славянъ, понимавшихъ языкъ ихъ, въ смущеніе, а не понимавшихъ просто въ отчаяніе: «я соуть къ ны вѣшали оутители мнози крѣстими, изъ Влакъ и изъ Гръкъ и изъ Итальяцъ, оутяше ны раздѣнуъ, а ны Словами преста уады, и не шмамы, иже кы ны наставляхъ на истинноу и разоумъ слыхаша. то, довриа вѣдко, послаи тѣхъ моужь, иже ны исправитъ къскоу правдоу.» т. е., просили именно наставниковъ на своемъ языкѣ; самыхъ Греческихъ проповѣдниковъ, учившихъ не по Славянски, не понимали, какъ и всѣхъ прочихъ. Слѣдовательно, «Ѣ вѣкъ во на вса странахъ вѣсегда довриа хриомъ исходи.» должно разумѣть только относительно готовности, которую Греческое духовенство показывало къ Христіанскому Вѣроученію и богослуженію, соглашаясь на допущеніе и прочихъ языковъ, сверхъ трехъ «Пилатныхъ» («по Пилатскоу писанію, иже на крѣстѣ Гѣи написа.» Житіе Меѳодія). Туземное духовенство, уже въ то время довольно численное (судя по тому, что, при погребеніи Меѳодія, сочинитель Житія Климента насчитываетъ 200 человекъ онаго: *δηλοῖ δὲ καὶ τὸ πλῆθος τῶν τε πρεσβυτέρων καὶ διακόνων καὶ ὑποδιακόνων, ὅς τελευτῶν διακονίους τῇ ἐνορίᾳ τῆς οἰκειᾶς ἐκκλησίας ἐγχετέλιπεν.* (Сар. VI), слѣдовательно, по знанію Славянскаго языка, со вліяніемъ на народъ, доставляло, съ своей стороны, значительную опору Меѳодіевымъ представленіямъ папѣ о необходимости оставить языкъ Славянскій при богослуженіи; въ противномъ случаѣ, неудовольствіе было неизбежно, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ населенія, и тогда отпаденіе отъ Рима Моравской іерархіи рѣшено. Да и внѣшняя обстановка не могла радовать Іоанна VIII-го: внутренняя борьба съ Итальянскими князьями и потомками Карла, вѣчно несогласными, и по тому усобившими, равно какъ борьба съ Сарацинами и, пуце всего, іерархическое соперничество съ Греческимъ патріархомъ, столь удачно начатое и поведенное двумя его предѣстниками, обѣщавшее, съ первенствомъ, распространеніе предѣловъ духовнаго владѣнія надъ милліо-

нами еще свѣжаго и нетронутаго племени; все это невольно склоняло папу къ умѣренности и терпимости, до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, а по сему и къ допущенію внутри Церкви нѣкоторыхъ различій даже во взглядѣ на самыя догматы, не окрѣпшіе еще, по своей новостн, тѣмъ болѣе на часть обрядную. Отъ того, онъ легко, кажется, уступилъ представленіямъ Паннонскаго архіепископа въ извѣстномъ Вѣроученіи («закръстишии убои родоу каждоу истери нши (на Мееодіа), шю Длоли и Акироил из Моса, они шзъ, а другы тли, шю волать немилтерьское кресмо и славаши съарарити из сева съ правго нечи.» Жит. Мее.), котораго, по всему судя, Мееодій никогда не признавалъ, тѣмъ болѣе, что оно, при жизни его, не успѣло еще обратиться въ непремѣнное вѣрованіе Запада; по крайности, какъ видѣли мыше, папа не упоминаетъ о томъ въ письмѣ къ Святополку о право-вѣрїи Мееодія, но только выражается, что онъ нашелъ его мыслящимъ согласно съ ученіемъ Церкви Римской и постановленіями Вселенскихъ Соборовъ (10). Но и того съ большею охотою пустилъ папа въ другой ереси, далеко уступавшей, сущностью своей, въ важности первой, хотя не менѣе значительной по вліянію своему, долго и сильно въ послѣдствіи волновавшей міръ Западный, а съ нимъ и Славянскій, ереси трезычной: «Бладохъ же истера многа уади, шю оуадохъ Словянскимъ книги глѣше, шю недостонти ни котероу же изыкоу имати боукоу своихъ, ризъ Иврен и Гръкъ и Латинъ, по Платоноу писанию, шже на крестъ Гѣи написа, шже апостолики иклатъши и грьмууишии икрелъ промлатъ» (Житіе Мееодія), что еще въ первое посѣщеніе Мееодія съ братомъ своимъ, Константиномъ, произнесено было папой Адрианомъ II-мъ (867—869); а по етому, теперь, тѣмъ удобнѣе казалось Иоанну утвердить такое распоряженіе своего предшественника: «Оумислихомъ испытакъше послати Мееодии, сѣише и съ оуеники, из страли вши, моужи же съвршенъ разоумъши и проковарши, да къ оуити, шю же кесте просили, съкздаи книжки къ изыки кашъ, по всемоу цркъвомоу униоу испѣли, и съ стою мѣшею рекъше съ слоужбою и крщенише, шю же кесте философъ итлаъ Костантикъ» (Житіе Мееодія);—распоряженіе, уже однажды и имъ самимъ допущенное (874). Отъ того, продолжая посланіе

къ Святополку, папа Ювннъ VIII-й, прежде нежели рѣшается произнестъ вновь позволеніе на введеніе при богослуженіи Славянскаго языка, упоминаетъ вкратцѣ объ изобрѣтеніи письменъ для него Константиномъ и, въ слѣдъ за тѣмъ, приводитъ причины, по чему восхваленіе Бога на етомъ, и всякомъ другомъ, языкѣ, сверхъ трехъ «Пилатныхъ» непротвнво ни здравому уму, ни Правовѣрію, подтверждая все это ссылкой на Священное Писаніе: «*Litteras denique sclauonicas (11), a Constantino quondam philosopho repertas, quibus Deo laudes debite resonent, iure laudamus, et in eadem lingua Christi Domini nostri preconia et opera ut enarrentur, iubemus: neque enim tribus tantum, sed omnibus linguis Dominum laudare auctoritate sacra monemur, quae praecipit dicens: Laudate Dominum omnes gentes, laudate eum omnes populi. Et apostoli repleti Spiritu sancto locuti sunt omnibus linguis magnalia Dei. Hinc et Paulus, coelestis quoque tuba insonat monens: Omnis lingua confiteatur, quia Dominus noster Jesus Christus in gloria est Dei Patris. De quibus etiam in prima ad Corinthios epistola satis et manifeste nos admonet, quatenus linguis loquentes, ecclesiam Dei aedificemus. Nec sanae fidei, vel doctrinae aliquid obstat, siue missas in eadem sclauonica lingua canere, siue sanctum euangelium vel lectiones diuinas noui et veteris testamenti bene translatas, et interpretatas legere, aut alia horarum officia omnia psallere: quoniam qui fecit tres linguas principales, hebraeam scilicet, graecam, et latinam, ipse creauit et alias omnes ad laudem et gloriam suam. Iubemus tamen, ut in omnibus ecclesiis terrae vestrae propter maiorem honorificentiam euangelium latine legatur, et postmodum sclauonica lingua translatum in auribus populi, latina verba non intelligentis, annuncietur; sicut in quibusdam ecclesiis fieri videtur. Et si tibi et iudicibus tuis placet, missas latina lingua magis audire, praecipimus, ut latine missarum solennia tibi celebrentur.*» Читая его въ посланіи папы, невольно припоминаете себѣ многое изъ посланія другаго папы, его предшественника, къ Ростиславу и подручнымъ его князьямъ, приводимаго составителемъ Меѳодіева Житія: «сѣ же єдинѣ хранити обичаи, да на ѡмнихъ ѡбъязе убоѡуть ѡбѣдѣ и ѡскѡбѣ рѣчьскѣ, таѣе словѣнскѣ, да сѣ испѣванѣ книжнѡмъ сло-

но, или въсклзату Гѣ вса изхци, и другоче вса съдѣти азши раздвутьи всацѣмъ вошии, или не дастъ имъ стѣи дѣи ѿвѣрати.» Вся розница тутъ только въ одномъ размѣщеніи. Конечно, при составленіи этого посланія въ Куріи Папской имѣлось въ виду и первое; отсюда, естественно, объясняется такое сходство ихъ въ приведенныхъ словахъ; а жизнеописатель Меодія тоже, вѣроятно, имѣлъ послѣднее передъ глазами, можетъ быть, даже самый подлинникъ. Такое согласіе двухъ, независимыхъ одно отъ другаго, показаній, составленныхъ въ разное время, разными лицами, на разныхъ языкахъ и въ разныхъ мѣстахъ, говорить о подлинности того и другаго. Стало, свѣдѣтельство папы Іоанна VIII-го, какъ современника Константина и Меодія, лично знавшаго обоихъ, посланіе котораго, кажется, только 10-ью годами отдѣлено отъ кончины перваго, чрезвычайно замѣчательно. А что это точно было такъ, т. е., что онъ хорошо зналъ составителя письменъ Славянскихъ, на то указываетъ одно выраженіе, находящееся въ его посланіи, разумѣю, «*quondam*,» которое, по новѣйшему и самому вѣроятному объясненію Шафарика (Slov. star., str., 815, pozn. 90, Руск. пер. II, кн. 2-я, стр. 325), не рѣдко означаетъ въ средневѣковой Латини не, «нѣкоторый, какой-то,» но «известный.»

Кромѣ папы Іоанна VIII-го, второе извѣстіе, современное Кириллу и Меодію, предлагаетъ намъ неизвѣстный Зальцбургецъ, *Anonymus Salisburgensis: De conversione Bagoariorum et Carantanorum* an. 873» (12), который, перечисляя, въ послѣдовательномъ порядкѣ, кратко Зальцбургскихъ архіепископовъ и ихъ дѣянія, замѣчаетъ, при одномъ изъ нихъ, и о появленіи въ Панноніи, принадлежавшей къ ихъ церковному округу, Меодія, заставившаго удалиться изъ оной намѣстника ихъ, протопресвитера Рихвальда (pag. LXXV): «Post illum vero (Swarnagalum, praesbyterum) Altfredum presbyterum et magistrum cujusque artis Liuprammus illuc direxit; quem Adalwinus successor Liuprammi archipresbyterum ibi constituit, commendans illi claves ecclesiae, curamque post illum totius populi gerendam. Similiter, eo defuncto, Rihbaldum constituit archipresbyterum. Qui multum tempore ibi

commoratus est, exercens suum potestative officium, sicut illi licuit archiepiscopus suus, usque dum quidam graecus, methodius nomine, noviter inventis sclavinis litteris, linguam latinam doctrinamque romanam atque literas auctorales latinas philosophice superducens, vilescece fecit cuncto populo ex parte missas et evangelia ecclesiasticumque officium illorum, qui hoc latine celebraverunt. Quod ille ferre non valens sedem repetivit Juvavensem.»

Третье известіе составляетъ: «*Vita SS. Cyrilli et Methodii cum translatione Sancti Clementis,*» изданное Болландистами, по рукописи Дюканжа, въ «*Acta Sanctorum,*» подъ 9-мъ Марта (Vol. II, p. 19 sq.). Такъ какъ Левъ де Марси (de Marsi), Монтекассинскій монахъ, потомъ кардиналь-епископъ Остіійскій (de Ostia), жившій въ XII-мъ вѣкѣ (13), дѣлаетъ выписку, въ лѣтописи своего монастыря, изъ этого сочиненія, то отсюда заключаютъ, что оно было уже извѣстно, по меньшей мѣрѣ, въ XI-мъ столѣтіи. Одинъ изъ издателей его, отецъ Геншенъ (Godefroi Henchenius (14), полагаетъ, что егѣ «*Vita et Translatio*» сочинены Гавдерикомъ, епископомъ города Велитры, т. е., что оно составляло часть какого-то творенія его, теперь уже утраченнаго. Добровскій, въ сочиненіи своемъ «*Кириллъ и Меѳодій*» (стр. 15, Руск. пер. 10), называетъ «*Vita et Translatio*» *Легендой*, и при томъ *Итальянской* или *первой*, въ отличіе отъ *второй* или *Моравской*. Онъ напечаталъ ее, вмѣстѣ со второй, основанной преимущественно на ней до самой кончины Кирилла, въ 1826 годѣ, и сопровождалъ учеными замѣчаніями. По сему и эта *Вторая* или *Моравская Легенда* (15), какъ дословное почти повтореніе *Итальянской* въ первой своей части, съ перемѣной лишь выраженій, сокращеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, риторическими украшеніями и собственными догадками или выдумками составлявшаго ее, можетъ быть причислена, если не къ современнымъ источникамъ (по тому что появилась, по мнѣнію Добровскаго (16), вѣроятно, въ XIV стол.), то къ такимъ, которые несомнѣнно и очевидно по нимъ составлены, и показанія ея должно, по крайности, слычать съ первообразомъ ея. Свѣдѣтельства егѣхъ обоихъ Сказаній или *Легендъ* о нашемъ предметѣ предлагаютъ слѣдую-

щее. *Итальянское Сказаніе*: «Cumque ad partes illas, Deo praeparante, venisset (Constantinus cum suo fratre Methodio), cognoscentes loci indigenae adventum illorum, valde gavisii sunt, quia et reliquias beati Clementis secum ferre audierant, et *Evangelium in eorum lingua a Philosopho praedicto translatum*. Exeuntes igitur extra civitatem obviam honorifice et cum ingenti laetitia recipiunt eos. Coeperunt itaque ad id, (ad) quod venerant, peragendum, studiose insistere et *parvulos eorum literas edocere*, officia ecclesiastica instruere et ad correptionem diversorum errorum, quos in populo illo repererant, falcem eloquiorum suorum inducere, sicque abradis et extirpatis de agro illo pestifero multifariis vitiorum sentibus, divini verbi gramina seminare.» *Моравское Сказаніе* такъ: «Cumque viri Dei ipsum Regem cum populo suo religiosa sollicitudine ad fidei lumen omnino provocassent, illis deinde vetus et novum testamentum vigilantia cura (Bolland. deest «vig. cura») exponentes et informantes eos, *plura de Graeco et Latino transferentes*, in Slavonica lingua canonicas horas et missas in ecclesia Dei publice statuerunt decantare.» И такъ, по Первому Сказанію философа, т. е., Константина, принесъ съ собою Евангеліе въ Моравію, уже переведенное, и, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, началъ учить грамотѣ учениковъ (parvulos), конечно, приготовляя въ нихъ себѣ причетниковъ; слѣдовательно, письмена были составлены имъ еще до прихода въ эту страну. А по Второму сказано только, что оба братья ревностно объясняли уже *готовый* (предложеніемъ) Ветхій и Новій Заветъ и многое переводили не съ одного Греческаго, но и съ Латинскаго; послѣднее едва ли въ строгомъ смыслѣ справедливо, т. е., касательно перевода съ Латинскаго, по тому что самый переводъ Библии указываетъ на подлинникъ Греческій, кромѣ нѣкоторыхъ апокрифическихъ книгъ, переведенныхъ, дѣйствительно, съ Вульгаты въ послѣдствіи. А что въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ Глагольскихъ памятникахъ, равно какъ и въ Кирилловскихъ, списанныхъ съ нихъ, изложеніе напоминаетъ Вульгату, то это произошло, по объясненію Добровскаго, скорѣе отъ того, что переводчикъ пользовался Греческимъ подлинникомъ, такъ называемою, Завадною семью или, по Церковнославянски, извода (рецензіи), съ коею

Вульгата, какъ извѣстно, наиболѣе сходится, нежели отъ того, что переводъ сдѣланъ былъ прямо съ послѣдней. Впрочемъ, Шафарикъ, возражая Добровскому, замѣчаетъ, что переводившій только справлялся съ Вульгатой: «*že původce hlá-holské recensí nahlížel do Vulgaty,*» по тому что Латинь была въ большомъ употребленіи въ той странѣ, въ которой онъ жилъ (Македоніи и Далмаціи) и, слѣдовательно, не могла быть ему неизвѣстной, а съ ней и Вульгата (*Památky hlá-holského písemnictví. Praga, 1853; str. XXXVI—XXXVII, XXXIX*). Сверхъ того, въ Моравскомъ Сказаніи говорится еще о Славянскомъ Служебникѣ и Часословѣ (*Liturgiagion, missagium liber, et Hologogium*); стало, также принесенныхъ въ готовности; слѣдственно, и по Второму или Моравскому Сказанію письма Славянскія сославлены до прибытія Солунцевъ въ Моравію.

Тоже слѣдуетъ замѣтить и о «*Житіи св. Вячеслава,*» написанномъ Христаномъ и составившемъ собой вторую половину Моравской Легенды, хотя и въ первую вошло достаточно изъ него, что и образовало, съ Сказаніемъ Гавдерика, эту часть (*Cyryll und Method, S. 17, Рус. 11—12*). Впрочемъ, Вторая Легенда скоро была вытѣснена новой, основанной на ней и Христанѣ, съ прибавленіемъ вновь кой-чего (17), и названа Добровскимъ *Третьей*. Етого Христана не должно смѣшивать съ извѣстнымъ сыномъ Чешскаго князя, Болеслава I-го, жившимъ въ X-мъ вѣкѣ (18) и бывшимъ Бенедиктинскимъ монахомъ (какъ того хотѣли нѣкоторые, достаточно опровергнутые Добровскимъ), хотя за такого онъ и выдаетъ себя въ своемъ сочиненіи: онъ былъ составитель Житія св. Вячеслава и Житія св. Людмилы, и жилъ въ концѣ XIII, или началѣ XIV вѣка, скорѣе всего игуменъ Бенедиктинскаго Брезневскаго монастыря близъ Праги (1279—87), и дѣйствительно носилъ имя Христана (въ дипломахъ *Cristannus*) (19). Для перваго черпалъ онъ многое изъ Житія св. Вячеслава, написаннаго неизвѣстнымъ, пораспоряженію императора Оттона II-го (973—83) (20), для втораго—Житіемъ XIII-го вѣка (21) и другимъ половиною XIV (22), по которымъ и составилъ свой трудъ (23), хотя послѣднее, можетъ стать, въ первоиздѣ-

номъ своемъ видѣ не уступаетъ въ древности Житію св. Вячеслава. Творенія его послужили, въ свою очередь, источникомъ для другихъ, между прочимъ и упомянутому выше составителю Моравскаго Сказанія (24). Въ томъ и другомъ (въ Сказаніи о Людмилѣ по древнѣйшему и по передѣлкѣ его Христаномъ) находимъ извѣстія о нашемъ предметѣ такого рода. *По легендѣ о Св. Людмилѣ*: «Sanctus Cyrillus graecis et latinis apicibus sufficientissime instructus, postquam Ungariam ad fidem Jesu boni convertisset, in nomine sanctae trinitatis et individuae unitatis Moraviam est ingressus, ubi omnipotenti Deo, cum eius adjutorio, non modicum populum acquisiuit. *Inventisque novis* apicibus siue *litteris* vetus et novum testamentum pluraque alia de graeco siue latino sermone in Sclauonicum transtulit idioma, missas caeterasque canonicas horas resonare sclauonica voce in ecclesia statuendo, quod usque hodie in Ungaria et in pluribus Sclauonorum regionibus observatur, multaeque ex hoc animae Christo Domino acquiruntur.» *По Христановой передѣлкѣ*: «Siquidem Quirillus quidam natione graecus, tam latinis quam ipsis Graecorum apicibus instructus, postquam Bulgarii crediderant, aggressus est in nomine Sanctae trinitatis et individuae unitatis etiam supra dictae genti, Moraviae degenti, fidem Domini nostri J. Chr. praedicare, et cooperante gratia diuina, postquam illos Christo lucratus erat, etiam apices vel *characteres novos comperit*, et vetus novumque testamentum pluraque alia de graeco siue latino sermone in Sclauonicum transtulit idioma, missas caeterasque canonicas horas resonare sclauonica voce in ecclesia statuendo, quod usque hodie in Ungaria et in pluribus Sclauonorum regionibus observantur, multaeque ex hoc animae Christo Domino acquiruntur.» Очевидно, что Сказаніе о Людмилѣ, ничѣмъ не обязанное Итальянскому Сказанію, служило, однако же, какъ замѣтилъ уже Добровскій, источникомъ для Сказанія Моравскаго и Христанова о Славянскихъ письменахъ и богослуженіи, съ тою, впрочемъ, разницею, что извѣстіе объ обращеніи Константиномъ Угрии въ Христіанство до прибытія своего въ Моравію, а также и о существованіи того и другаго въ ней и многихъ Славянскихъ земляхъ, прибавлено отсюда, а Христаномъ измѣнено въ извѣстіе о Булгаріи. Оно перешло, повторяю, и во

Вторую или Моравскую Легенду, по тому что Сказанія сии (о Людмилѣ и Вячеславѣ) составитель ея имѣлъ въ виду при повѣствованіи о посольствѣ Константина и Меѳодія къ Ростиславу: «Egressus vero venit (Constantinus) primo ad Bulgaros, quos divina cooperatrice gratia sua praedicatione convertit ad fidem.» Еще больше: извѣстіе это находимъ даже въ 6-ти «*Lectiones de Cyrillo et Methodio*» въ древнемъ Оломуцкомъ Служебникѣ (ex veteri ms. Breuiario Olomuc.), слово въ слово почти сходно съ Христановымъ. Такъ и въ немъ читаемъ: «*Beatus Cyrillus natione Graecus, tam Latinis quam ipsis Graecorum apicibus instructus, postquam Wulgari crediderunt, aggressus est, in nomine sanctae Trinitatis et indiuiduae unitatis, etiam genti Moraviae fidem Domini nostri Jesu Christi praedicare. Et cooperante Diuina gratia, postquam illos Christo lucratus fuerat, etiam apices et characteres novos comperit, et vetus nouumque Testamentum, pluraque alia de Graeco seu Latino Slauonicam in linguam transtulit, ac missas praeterea ceterasque canonicas horas in Ecclesia resonare statuit. Quod et usque hodie in partibus Slauorum agitur, maxime in Wulgaris, multaeque ex hoc animae Christo Domino acquiruntur.*» Это сходство объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, по замѣчанію Добровскаго (Cyrill. und Meth. §. 3), что всѣ три: Христанъ, Вторая или Моравская Легенда и этотъ Служебникъ, списывали только одинъ другаго: Служебникъ и Моравская Легенда Христана, а онъ Легенду о Людмилѣ, перемѣнивъ лишь «*Vulgarii*» въ «*Bulgarii*.» Вѣроятно, писавшій Житіе Людмилы зналъ уже о Житіи Климента, составленномъ однимъ изъ учениковъ его и сохранившемся на Греческомъ языкѣ, гдѣ именно сказано тоже самое, т. е., извѣстіе о пребываніи Константина и Меѳодія въ Булгаріи помѣщено прежде прибытія ихъ въ Моравію, что встрѣчаемъ также и у другихъ: продолжателя Константина Багрянороднаго, Скилицы, Кедрина, Дуклянскаго священника, Градиштскаго или Опатовицкаго монаха, въ Проложныхъ Житіяхъ Кирилла и Меѳодія, Несторовой Лѣтописи и др.; послѣдніе, впрочемъ, посылаютъ Кирилла изъ Моравіи въ Булгарію, но все же таки посылаютъ въ нее.

Того же самаго значенія, то есть, какъ писатели, хотя не современные, но ближайшіе къ современнымъ, непосредственно слѣдовавшимъ за ними, сохранившіе воспоминаніе, или преданіе, старшихъ, были еще:

I. Въ *Чехахъ*: такъ называемый, *Сазавскій монахъ*, въ разсказѣ о св. Прокопѣ (основателѣ монастыря на рѣкѣ Сазавѣ, въ которомъ богослуженіе совершалось на Церковнославянскомъ языкѣ и въ которомъ онъ былъ игуменомъ (1035 года), равно какъ и въ разсказѣ объ его обители (уничтоженной изгнаніемъ монаховъ изъ Чехъ и отдачей монастыря ихъ Католикамъ 1097 г.). Тутъ сказано, что онъ зналъ Славянское письмо, изобрѣтенное св. Кирилломъ: «Tempore siquidem praefati Ducis Oudalrici fuit heremita *Procopius* nomine, natione Bohemicus de villa Chotun, *Sclauonicis litteris, a sanctissimo Quirillo Episcopo quondam inventis et statutis, canonice admodum imbutus, in seculo praesbiter eximius, honesta vitae et casta mysteria celebrans, postmodum infula monasticae parmatus professionis, solus cum solo Deo in fidei pignore inconulsus deguit.*» Извѣстіе это составляетъ вставку въ лѣтописи Козьмы (*Script. regum Bohem., ed. Pelcel et Dobrowski, I, p. 90*) подъ 1038 г. Согласно съ егѣмъ монахомъ и другими Чешскими сказаніями и *Далимиць*, Чешскій писатель, или тотъ, кого подъ симъ именемъ согласились Чехи разумѣть и относить къ 1282 — 1314 г., въ своей *Хроникѣ Чешской*, рассказывая въ стихахъ о крещеніи Боривоя, упоминаетъ только, что онъ, не допущенный Святополкомъ къ столу, какъ язычникъ, тотчасъ:

«prosi krsta ot Svatoptuka moravského,
a ot Methodieie arcibiskupa velehradského.
Ten arcibiskup Rusin (въ др. Ruseńin, Rusky) biěie,
mšu svú slovansky stúžieše.
U Velehradie krsti Āecha prvěho,
Bořivoie knieze českého,
leta ot narozenie božieho
Po osmi set po devietidsát čtvrtěho.»

Но объ изобрѣтеніи письменъ онъ рѣшительно ни слова не говоритъ (25).

II. Другой монахъ жилъ въ *Moravia*, въ половинѣ XII вѣка, и извѣстенъ подъ именемъ *Градишскаго* или *Опатовицкаго монаха*: онъ, приписывая обонимъ братьямъ изобрѣтеніе письменъ, называетъ ихъ Българскими (26): «*Haec ipsa tempestate Cyrillus et Methudius, inventis Bulgarorum literis, verbum Dei praedicaverunt Moravicis.*»

III. Къ этому же времени (1150 и слѣд. г.) относится и преданіе объ изобрѣтеніи нашей азбуки въ *Далмаціи*, записанное неизвѣстнымъ *Диоклейскимъ* или *Дуклянскимъ священникомъ* (*Anonymus presbyter Diocleas*) въ лѣтописи, первоначально составленной на Сербскомъ или Хорватскомъ языкѣ, а послѣ переведенной на Латинскій (27). Въ этой послѣдней сказано, что Константинъ, по обращеніи Козарской земли (*Caesarea, pro Cosarea или Cosaria*), пошелъ въ Българію, которую тоже привелъ въ Христіанство: «*Post haec convertit totam gentem Bulgarinorum et similiter baptizati sunt in fide Sanctae Trinitatis;*» между тѣмъ, папа Стефанъ, слыша о такихъ подвигахъ Константина, пригласилъ его къ себѣ. На пути въ Римъ, онъ проходилъ черезъ землю, въ коей владѣлъ тогда Святополкъ, который принялъ его съ почестями и былъ обращенъ въ Христіанскую Вѣру. Между отбытіемъ Константина въ путь, по волѣ папы, и приходомъ къ Святополку помѣщено извѣстіе объ изобрѣтеніи имъ письменъ и переводѣ книгъ. Я приведу все это въ томъ видѣ, какъ оно находится у Дуклянца: «*Inter haec mortuus est rex Saramirus, et accepit regnum eius Sfetopelek nomine. Regnante vero rege Suetopelek, misit papa Stephanus litteras ad venerabilem virum Constantinum doctorem, vocans eum ad se: audierat enim de eo, quod sua praedicatione converti fecerat innumerabilem gentem, et ob hanc caussam desiderabat eum videre. Itaque Constantinus vir sanctissimus ordinavit presbyteros, et litteram lingua Sclavonica componens, commutavit Euangelium Christi, atque Psalterium, et omnes divinos libros veteris et novi Testamenti, de Graeca litera in Sclavonicam, nec non et Missam eis ordinans more Graecorum, confirmavit eos in fide Christi. Et valedicens omnibus, quos ad fidem Christi converterat, secundum Apostolicum di-*

ctum, Romam pergere festinabat. Dum autem pergeret transiens per regnum regis Sphetopelek, honorifice ab eo susceptus est. Tunc vir Dei Constantinus, cui nomen postea Kyryllus a papa Stephano impositum est, quando consecrauit eum monachum, coepit praedicare regi Euangelium Christi et fidem sanctae Trinitatis; ad cuius praedicationem rex Sphetopelek credidit Christo, et baptizatus est cum omni regno suo, et effectus est orthodoxus, et verus sanctae Trinitatis cultor. Aliquantis post haec diebus immoratus cum rege vir beatissimus, confirmauit eum in fide atque doctrina Christi; et valefaciens omnibus Christicolis, Romam profectus est» (apud *Lucium*: De regno Dalmatiae et Croatiae etc. Amstl. 1666, fol., 288 sq.). Въ недавно открытомъ и изданномъ въ свѣтъ подлинникѣ этой лѣтописи, тоже самое разсказано по Славянски (по Сербски или Хорватски, т. е., нарѣчіемъ Далматскимъ), стихами (ст. 319—379), съ небольшими измѣненіями, каковы: вм. Suetopelek читаемъ *Budimir*, а послѣ оба являются, сперва Будимиръ, по ходу рѣчи, король Българскій, который отправляется въ Козарію, гдѣ принимаетъ его *Svetipuk*, государь ея, обращенный, какъ и Будимиръ, въ Христіанство Константиномъ, а потомъ (ст. 388 и слѣд.) Svetipuka виднѣтъ опять лицомъ особеннымъ, которое, какъ и у Дуклянца, дозволяетъ Христіанамъ-Латинцамъ возвратиться въ свои мѣста свободно и возобновить города и крѣпости, разоренныя язычниками, и, наконецъ (ст. 428 и сл.), отправляетъ съ Будимиромъ посольство къ папѣ Стефану, съ просьбой, пригласить учителей въ Вѣрѣ и т. д. Вообще, въ лѣтописи Дуклянскаго священника, какъ въ подлинникѣ, такъ и переводѣ, царствуетъ страшное смѣшеніе именъ и событій, Богъ вѣсть откуда взятыхъ и неразгаданныхъ. Въ ней часто происшествіе извѣстное и не подлежащее ни какому сомнѣнію стоитъ объ руку съ такимъ, которое, по всему, либо чистая выдумка, либо же, по крайней мѣрѣ, съ большою примѣсью изъ мутнаго источника родныхъ преданій, а не рѣдко привнесено составителемъ лѣтописи даже изъ чужой исторіи, и при томъ, большею частью, безъ должнаго различенія мѣста, времени, лицъ и т. п. Примѣръ тому смѣшеніе, какое видимъ въ приведенномъ мною происшествіи, въ коемъ собы-

тія Великоморавскія перепутаны съ Хорватскими , а отчасти и съ Козарскими, не говоря уже ничего о времени и лицахъ, каковы, на примѣръ, имя папы Стефана, сюда вовсе не принадлежащее , равно какъ обращеніе Святополка Константиномъ и т. п. Видно, что въ основѣ всего этого лежитъ истинное событіе , т. е., проповѣдь Константина въ Козарской, Българской и Моравской земляхъ , путешествіе въ Римъ къ папѣ (добровольно, или же по приглашенію), составленіе Славянскихъ писемъ и переводъ богослужебныхъ книгъ на языкъ Славянской. Последнее не сказано прямо , гдѣ произведено имъ; можно догадываться только по ходу разказа о мѣстѣ и времени, какъ это увидимъ въ послѣдствіи. Ясно, что и Далматскіе Славяне, зная и видя на самомъ дѣлѣ , какое благо для народа богослуженіе на своемъ языкѣ , по, съ другой стороны , не желая совершенно прервать всякое общеніе съ Западнымъ первосвященникомъ , скрѣпляемое какъ сосѣдствомъ , связями, такъ равно и временемъ, пытались примирить въ етомъ сказаніи столько противоположныя основы и, такимъ образомъ , примкнуть и себя къ общему благодѣянію для Славянскаго племени, оказанному безсмертными трудами Селунскихъ благовѣстниковъ. Естественно, отъ стремленія совмѣстить столь несомѣстимое , должно было произойти смѣшеніе и несообразности въ разказѣ. Тѣмъ не менѣе , цѣль очевидна , и попытка достигнуть ея не разъ повторялась послѣ тутъ же и тѣмъ же народомъ. Впрочемъ, замѣчательно, что въ Славянскомъ изложеніи етого сказанія «*lingua Sclauonica*» названа «*knjiga hârvacka*.» «... i tada biše Papa Stipan, i posla listove ka svetu mužu Kostancu zovući ga k sebi, jere slišao biše, kako pripovidaše viru Isusovu, i da biše tolik puk obratio na viru Isusovu, i za to ga viditi želiše. I tako sveti muž Kostanc naredi popove i knjigu Hârvacku, i iztumači iz gârčkoga hârvacku knjigu, hârvacki iztumači evangjelja, i sve pištule crikvene, i tako staroga, kako novoga zakona, i učini knjige s papinim dopušćenjem, i naredi misu, i utvârdi zemlju u viru Isukârstovu, i vase prošćenje, i obrati k Rimu put svoj, koji mu pod posluh sveti zapovidan biše.... и пр. (ст. 334—333).» Слово книга употребляется въ Сербскомъ не только въ смыслѣ нынѣшнемъ , но также и въ старинномъ,

едва ли не первоначальному, т. е., въ смыслѣ буква, письмо, языкъ, и тому подобн., откуда теперешнее простонародное, Сербское, книга, наше письмо, грамотка. (См. Сербскія народныя пѣсни, изд. Вукомъ Стеф. Караджичемъ и другими).

IV. Въ XI-мъ столѣтїи *Оома*, архидїаконъ *Спалтскій* (*Spalatensis*), передавая опредѣленіе Собора, держаннаго въ Салонѣ во второй уже разъ (въ первой 925 г.) противъ совершавшихъ службы Божїя на Церковнославянскомъ языкѣ, рассказываетъ, что отцы Собора, между прочимъ, по тому возставали на такое богослуженіе, что письмена-то етѣ были выдуманы, какъ они говорили, извѣстнымъ еретикомъ, *Меоодїемъ*, и назвали ихъ, конечно, по етой причинѣ, Готскими (28). «Fuerat siquidem tempore Domini Alexandri Papae et Joannis decessoris Laurentii supradicti, a domino Maynardo quondam Pomposiano Abbate et postea Episcopo Cardili, quaedam Synodus omnium praelatorum Dalmatiae et Chroatiae multum solemniter celebrata, in qua multa fuerunt conscripta capitula, inter quae siquidem hoc firmatum et statutum, ut nullus de cetero in lingua *Slavonica* praesumere divina mysteria celebrare, nisi tantum in Latina et Graeca, nec aliquis ejusdem linguae promoveretur ad sacros. Dicebant enim Gothicas literas a quodam Methodio haeretico fuisse repertas, qui multa contra Catholicae fidei normam in eadem Slavonica lingua manendo conscripsit. Quam ob rem divino judicio repentina morte fuisset damnatus.» (*Archidiaconus Spalatensis*, ap. *Schwandtneri* Scriptores rerum Hungaricarum, III; *Fartati*, *Illyria sacra*, III, и проч.).

V. *Бернардъ Кремсмонстерскій*, по замѣчанію *Добровскаго* (*Cyrill und Method. § 9*), не выразумѣвъ словъ неизвѣстнаго сочинителя исторїи крещенїя Баварцевъ и Хорутанцевъ, обратилъ *Рихвальда* въ *Освальда*, а сказаніе своего источника о *Меоодїи* въ *Паннонскомъ* краѣ измѣнилъ въ слѣдующее: «Interjecto aliquo tempore supervenit quidam Slavus ab Histriae et Dalmatiae partibus nomine Methodius, qui adinvenit slavicas litteras et slavice celebravit divinum officium et vile-

scere fecit latinum; tandem fugatus a Karantanis partibus intravit Moraviam ibique quiescit.»

VI. Извѣстный *Авентинъ* (собственно *Иоаннъ Турмайръ*, 1466 — 1534), основываясь на Западныхъ писателяхъ, тоже повторилъ только то одно, что вычиталъ въ своихъ источникахъ, а по тому, какъ большая часть ихъ, считалъ *Методія* составителемъ Славянскаго письма. «Eadem tempestate Methudius Philosophus *Venedas* (hoc est, *Slavicas*) invenit litteras veritque divina oracula in vernaculum Slavorum sermonem (*Annal. Bojorum.*)»

Но если ни Востокъ, ни Западъ Европы не оставили намъ больше свѣдѣній о такомъ важномъ, во всѣхъ отношеніяхъ, событіи, каково было принятіе Христіанства отъ Грековъ изъ рукъ Солунскихъ благовѣстниковъ, на языкѣ новообращенныхъ и, естественное послѣдствіе того, составленіе особыхъ письменъ, за то сами *предки наши* вознаградили отчасти это упущеніе далеко просвѣщеннѣйшихъ себя сосѣдей, но дѣйствовавшихъ, въ отношеніи къ нимъ, не всегда безпристрастно. Извѣстія етѣ оставлены намъ самыми *сотрудниками Славянскихъ апостоловъ, а также преемниками и послѣдователями ихъ непосредственныхъ учениковъ*. Я разумею: 1) «Житіе и жизнь и подвизи, иже въ стѣхъ оца нашего Константина философа, прѣзго вставившиа и оучителя Словянскоу языкоу; 2) Память и житіе бѣженаго оца нашего и оучителя Методиа, архиепиа Моравска.» Оба етѣ памятника не рѣдко встрѣчаются въ нашихъ рукописяхъ, слѣдовательно, хорошо были извѣстны предкамъ нашимъ; такъ, о первомъ говорится съ похвалою уже въ XI-мъ вѣкѣ, въ Сборникѣ 1076 г., принадлежавшемъ прежде Ермитажной библиотекѣ, а теперь Императорской Публичной въ Петербургѣ (29): «Послоушати житія стѣаго Василѣа и стѣаго Іоанна Златоустаго и стѣаго Кирилла философа и нѣхъ много стѣихъ, иако и ти съвѣрѣа похваляють о нихъ речоуште: измлада прилежалоу стѣхъ книгѣ, тоже и на довраа дѣла подвизноушася» (стран. 7). Такъ, Несторъ извѣстіе свое объ изобрѣтеніи нашихъ письменъ и переводѣ книгъ и т. п., преимущественно, какъ увидимъ ниже, основывалъ на нихъ; такъ, все Житіе обоихъ Святыхъ просвѣтителей, находящееся

въ печатной Четви-Минеи, есть не иное что, какъ передѣлка Житія Кирилла; на это указываютъ и слова, выставленныя тутъ же, на поляхъ: «Отъ различныхъ харатейныхъ Четви соображенія.» Слѣдовательно, въ послѣднихъ находились оба Житія, особенно Кириллово. И точно: то и другое, сколько я знаю теперь, помѣщены, во первыхъ: въ извѣстныхъ большихъ «Макарьевскихъ Четвяхъ-Минейхъ», въ которыхъ вошли, какъ я лично убѣдился въ томъ, многіе памятники, цѣлкомъ списанныя съ харатейныхъ рукописей; во вторыхъ: Житіе Меодія въ Четви-Минеи на апрѣль и май, принадлежащей Московской Духовной Академіи (бум. рук. въ листъ, полууст., № 94.); въ третьихъ: въ другихъ сборникахъ, о коихъ скажу ниже, и изъ коихъ нѣкоторые далеко идутъ назадъ въ древность. Какъ восхищался Житіемъ Кирилла Шлѣцеръ (въ своемъ Несторѣ II, §. 234 — 241, въ Руск. III, 567 — 578), извѣстнымъ ему только по печатному источнику, и по одному уже ему охотно отдавалъ первенство нашей Четви передъ Латинской! Сдѣсь видѣнъ глубокій и проницательный его умъ, который угадывалъ источникъ повѣствуемому въ Житіи, утверждая, что въ немъ все далеко правдивѣе, чѣмъ въ «Acta SS.» не смотря на нѣкоторые промахи противу времени и т. п. Согласуясь въ существенномъ, — продолжаетъ Шлѣцеръ, — съ свѣдѣніями, доселѣ извѣстными, оно и противорѣчитъ онымъ во многихъ другихъ, а это указываетъ намъ на то, что сочинитель сего Житія заимствовалъ совсѣмъ изъ иныхъ источниковъ, нежели сочинители Латинскихъ Легендъ. За то, какъ промахнулся Добровскій, который, дѣлая свои замѣчанія на Шлѣцера Нестора, между прочимъ, выразился объ етомъ высокомъ уваженіи совѣстливаго ученаго къ нашей Четви-Минеи не совсѣмъ почтительно! Увлеченія безъ изслѣдованія ни куда не годятся и дѣлаютъ насъ смѣшными у самаго поздняго потомства. Какъ бы то ни было, только не ранѣе 1843 года обращено было на етъ два памятника должное вниманіе ученыхъ статей, помѣщенной въ VI-й книжкѣ (стр. 406—434) «Москвитянина» (30) и принадлежащей одному изъ достойнѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ профессоровъ Московской Духовной Академіи, который открылъ ихъ въ бумажной рукописи

XV-го в. (въ л.), находящейся въ библіотекѣ той же Академіи (31). Сдѣсь, въ первый разъ, сообщены изъ нихъ, въ лѣтописной послѣдовательности, выписки разнаго объема, сопровождаенныя историческими и археологическими разысканіями и замѣчаніями, обличающими въ сочинителѣ свѣтлый умъ, большую начитанность и во многомъ вѣрныя приемы. Объясненія его нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ весьма удачны, а другія невольно вызываютъ къ новымъ поискамъ. Но, хотя то и другое Житіе составляетъ безцѣнный памятникъ общеславянской старины, предлагающій множество новаго для уясненія такой отдаленной древности, тѣмъ не менѣе, къ крайнему удивленію, онъ нашелъ издателя себѣ спустя только десять лѣтъ, и то не у насъ: равнодушіе, ни чѣмъ неизвинимое! Именно: въ 1-й части «Югославянскихъ памятниковъ» («Památky dřevního písemnictví Jihoslovanů» или: «Изборъ Югославянскихъ достопамятностей», изданныхъ въ 1851 г. (32), въ Прагѣ, и содержащихъ въ себѣ древнѣйшіе письменные остатки Сербской словесности, Кириллицей писанные, обихъ разрядовъ (Церковнославянскіе подъ вліяніемъ Сербскаго, и Сербскіе подъ вліяніемъ Церковнославянскаго). Изъ нихъ одно только Житіе Меѳодія помѣщено Шафарикомъ въ самомъ началѣ, по тому что Житіе Кирилла напечатано имъ тамъ по списку Рыльского Булгарскаго монастыря, взятому изъ рукописи Похвальныхъ словъ и Житій Булгарскихъ и Сербскихъ святыхъ, писанной грамматикомъ Владиславомъ, 1479 г., въ Жеглиговѣ, подъ Черною горой, въ Македоніи, слѣдовательно, извода Сербскаго, хотя, очевидно, какъ еготъ списокъ, такъ и прочіе (извѣстные доселѣ изводы, конхъ Шафарикъ насчитываетъ 6-ть, ему доступныхъ, кромѣ упомянутаго, и кои суть: Московскій Макарьевской Четы-Миней; Львовскій 1-й XV-го в. Сербскаго разряда; Львовскій 2-й Рускаго разряда, находящійся въ монастырѣ св. Онуфрія; Римскій XVI—XVII ст. въ Ватиканской библіотекѣ, и Сѣвероугорскій пергаменный, но неполный, въ частныхъ рукахъ), составляютъ противни съ Булгарскаго подлинника. Такое предпочтеніе свое Сербскому изводу Шафарикъ основываетъ на томъ, что онъ принадлежитъ извѣстной странѣ, вѣку и представляетъ цѣлое съ начала до конца, чего въ

прочихъ онъ не видитъ. Древнія грамматическія формы во всѣхъ почти всюду замѣнены новыми; Московскій далеко больше содержитъ въ себѣ толкованій и порчи, нежели Владиславовъ, съ чѣмъ, однако, я не могу согласиться. Да если бы и такъ, все же онъ гораздо ближе, по складу своего языка, къ подлиннику, чѣмъ Сербскій. Львовскій 1-й не полонъ, 2-й совершенно передѣланъ по свойству Рускаго языка, и при томъ содержитъ вставку о владѣніи Моравскихъ князей на Руси, а Ватиканскій наибольшимъ подвергся передѣлкамъ. А какъ изданіе назначено предпочтительно для историческихъ, а не филологическихъ и подобныхъ, цѣлей, то, по тому, допущены были исправленія по другимъ спискамъ только самыхъ очевидныхъ промаховъ Сербскаго писца. Второе же Житіе помѣщено въ етѣхъ памятникахъ по списку, упомянутому выше, полученному издателемъ изъ Москвы, съ небольшими переѣнами, не измѣняющими сущности ни мало (33). Давно уже оба етѣ Житія изготовлялись мною къ напечатанію въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ,» и при томъ по двумъ, доступнымъ мнѣ тогда, спискамъ; я предполагалъ было помѣстить ихъ въ одной изъ книжекъ 1848, или 1849, года, по открытіи въ нихъ особаго отдѣла для Славянскихъ матеріаловъ.

Раздѣляя мнѣніе Шафарика, выраженное имъ уже въ 1848 году, въ сочиненіи его: «Разцвѣтъ Славянской письменности въ Булгаріи» (34), о томъ, что первое изъ сихъ Житій составлено ученикомъ Солунскихъ братьевъ, Климентомъ (35), замѣчу, что, вчитываясь въ Житіе Кирилла и сличая со всѣмъ, извѣстнымъ мнѣ о немъ изъ другихъ источниковъ, я убѣдился, что и, такъ называемая Добровскимъ, первая или Итальянская Легенда, есть не что иное, какъ только сокращеніе этого Житія. Кѣмъ оно сдѣлано, навѣрное сказать нельзя, хотя нѣкоторые и приписываютъ его Гавдеріку. Можетъ быть, епископъ Велитрскій воспользовался Житіемъ Кирилла, составленнымъ Климентомъ и, безъ сомнѣнія, ходившимъ по рукамъ у Славянъ западныхъ и южныхъ, изъ коихъ знающій могъ сдѣлать изъ него сокращеніе по Латыни; или же Гавдерікъ пользовался, для значи-

тельной части своего сочинения, однимъ и тѣмъ же источникомъ, что и Климентъ, т. е., сочиненіемъ Кирилла: «Прѣписи съ Магометанами и Жиды въ Коздряхъ», которое писано было по Гречески, а на Славянскій переведено Меѳодіемъ, раздѣлившимъ его на восемь словъ, и извѣстно намъ еще въ XII вѣкѣ подъ заглавіемъ: «Кирилъ Словѣнскимъ», но теперь уже, кажется, исчезло: «Ѣ многа же ны се оуириташе, въ мала положихомъ селнио, илмати ради, а иже хощеть старшешу въседѣ сихъ стѣхъ искати, въ книгѣхъ иго обрацети а, иже приложи оуителъ нашъ и архимѣнъ Мефодіи, братъ Константина философа, раздѣль и на осмъ словесъ, и тоу оузритъ словесноу силю Ѣ Бѣна вѣгодати, ино и илмешъ илларѣ на противныа», говорить творецъ Житія Кирилла, заключая прѣписи его съ Иудеями въ присутствіи Козарскаго Кагана (а не всѣ прѣписи въ Козаріи, по тому что они продолжались еще и на другой день). Существенныхъ прибавленій со стороны сократителя очень не много, а что лишняго противу Житія, относится болѣе къ случившемуся на Западѣ, слѣдовательно, привнесено, какъ дополненіе туземца. Если моя догадка справедлива, въ такомъ случаѣ всѣ свѣдѣтельства Западныхъ источниковъ, за исключеніемъ дипломатическихъ сношеній, т. е., посланій папы Іоанна VIII-го, перестаютъ быть первостепенными источниками, но переходятъ въ разрядъ второ-степенныхъ, которые, какъ составленные вольно со словъ другихъ, естественно, должны были, въ послѣдствіи, подвергаться дальнѣйшимъ измѣненіямъ, передѣлкамъ и тому подобному, что и видимъ уже на второмъ или Моравскомъ Сказаніи. Мнѣ сдается, что первая или Итальянская Легенда находится точно въ такомъ отношеніи къ Климентову Житію Кирилла, въ какомъ нѣкоторыя изъ Сказаній о Меѳодіи, встрѣчаемыхъ въ нашихъ рукописныхъ Прологахъ. Или же тутъ правда на оборотъ, то есть, Славянское Житіе Кирилла составляетъ распространеніе Латинскаго, приписываемаго Гавдеріку? И это дѣло статочное. Кто ни будь изъ учениковъ Кирилла, или Меѳодія, вообще изъ современниковъ, даже нѣсколько близкихъ къ тому времени Славянскихъ книжныхъ людей въ земляхъ Славянскихъ Ѳракійскаго полуострова, имѣя въ рукахъ жизнеописаніе незабвеннаго про-

свѣтителя и наставника своего племенн на языкѣ, невѣдомомъ для большинства облагодѣльствованныхъ имъ, могъ рѣшиться оказать услугу ету предложениемъ онаго, дополнивъ его другими, извѣстными ему, данными, состоящими, большею частью, въ размноженіи второстепенными свѣдѣніями заключающагося уже въ рассказѣ. То ли, иное предположеніе болѣе справедливо, во всякомъ случаѣ неопровержимо чрезвычайно поразительное сходство обоихъ Житій между собою; отъ того заимствование одного у другаго яснѣе самаго солнечнаго дня. Указать, кто тутъ кого списывалъ, при теперешнемъ состояніи нашихъ свѣдѣній объ етѣхъ памятникахъ, рѣшительно невозможно.

Что до мнѣнія, высказаннаго тоже и тамъ же Шафарикомъ, о сочиненіи Житія Меѳодіева Моравцемъ Гораздомъ, назначавшимся имъ, по смерти своей, въ преемники (36), то съ онымъ я не могу согласиться, и вотъ по чему. Въ одномъ пергаменномъ Прологѣ Московскаго Успенскаго Собора, въ л., въ два столбца, уставомъ, по каталогу 1814 года, № 179, принадлежащемъ XII-му вѣку, между прочимъ, помѣщены (на стр. 192-й, во 2-мъ столбцѣ, и слѣдующ.): а) упомянутое выше Житіе Меѳодія, подъ заглавіемъ: «Мѣмимъ къ ї днѣ намѣ и житію вѣжельго оѣдѣ намѣ и оуцѣтелеа Меѳодіа, архіеѣпа Моравьска,» и, въ слѣдъ за нимъ: б) «Слово похвалано на илмѣ стѣма и прѣсладельнымъ оуцѣтелеаа Словогьсноу издѣноу, стхворьшесмоу (такъ!) писменъи нмоу, прѣложѣшема покымъ и кетхымъ даномъ къ издѣмъ ихъ, влаженомоу Курилоу и архіеѣпоу Плоньскоу, и (такъ!) Меѳодію.» Послѣ второе встрѣтилось мнѣ какъ въ упомянутыхъ Макарьевскихъ Четьяхъ - Минейхъ, такъ равно и въ Четьи-Миней на апрѣль и май Московской Духовной Академіи, тоже названныхъ уже мною выше. Впрочемъ, въ Макарьевскихъ Четьяхъ оно помѣщено подъ 14-мъ февраля и 6-мъ апрѣля, и при томъ въ томъ и другомъ случаѣ непосредственно за самымъ Житіемъ, какъ бы необходимое сопровожденіе того и другаго, между тѣмъ какъ въ обѣихъ Академическихкихъ рукописяхъ, т. е., въ стоій Четьи-Миней и бумажномъ сборникѣ, № 63-й,

ХУ-го в., Похвальное Слово слѣдуетъ только за Житіемъ Меодія (какъ и въ Успенской Четивіи на апрѣль). Уже одно такое непосредственное помѣщеніе этого Похвальнаго слова за Житіемъ Меодія въ древнѣйшемъ ихъ спискѣ (ХІІ-го вѣка), нѣкоторымъ образомъ, наводитъ на мысль, что оба они, вѣроятно, твореніе одного и того же лица. Вѣроятность эта обращается въ убѣжденіе, если сравнимъ слогъ того и другаго, согласіе историческихъ данныхъ, въ нихъ высказанныхъ, на примѣръ: о правленіи Меодія въ званіи воеводы княженіемъ Словѣнскимъ, удаленіи его на Олимпъ, облеченіи въ черныя ризы, отреченіи отъ архіепископскаго сана и принятіи игуменства въ монастырѣ Полихронѣ (37); далѣе, о приходѣ въ Моравію, путешествіи въ Римъ, годѣ кончины Кирилла, возвращеніи къ Ростиславу, Святополку и Коцелу съ посланіемъ папы, и проч.; потомъ, сходство самыхъ выраженій: «кого же кса добрымъ дѣтели и подвигы прилагюще сихъ оугоданицехъ по единомуу не постыдимъса, охъмъ бо ратьмъ въ, охъмъ же малы мьнини, а друугинхъ болни, словеснъмъ дѣтелию прѣспѣхъ, а дѣтелиемъ словемъ, кхъмъ бо са оуподобъ, кхъхъ образъ на себѣ шлалше.» читаемъ въ Житіи о Меодіи, и то же въ Словѣ Похвальномъ о немъ, съ небольшою только перестановкою: «кхъмъ секе оуподобъ, кхъхъ образъ на себѣ поношъ, охъмъ ратьмъ кхъкъ, охъмъ мьнини, а друугинхъ прѣспѣхъ силою и дѣтелию и подвигъмъ, кхъснмъ яко снѣце лоугами прѣтъуьнами и наздимъмъ.» Придайте сюда сходство выраженій въ посланіи папы Адріяна II-го въ обоихъ твореніяхъ. Конечно, въ Словѣ Похвальномъ посланіе это короче; но что сохранено, то сохранено дословно. Подобное же сходство встрѣчаемъ и въ другихъ твореніяхъ Климента, который, какъ обыкновенно водится за писателями, имѣлъ свои любимыя слова и обороты; такъ въ Житіи Меодія, по случаю жалобъ Нѣмецкаго духовенства на Меодія непріятелю Моравскаго короля (Карломану, къ владѣніямъ коего принадлежало княжество Блатенское, въ которомъ Меодій находился у Коцела, послѣ вторичнаго возвращенія своего изъ Рима; либо же это относится къ Людовику Нѣмецкому, отцу Карломана, правившаго еще при жизни Людовика (876) Хорутаніей и Пан-

ноніей съ властію королевскою), «аще и имшея области оугити», говорили жалобщики, сочинитель выразился о причинѣ того: «по семь же старши крагъ, захидлигъи докроу и протешанигъ истнагъ, изъденже сѣдше крагоу Морднискана корола нань съ нѣстни слѣтъ;» а въ «Похвалѣ стѣмъ Клименту патриарху Римьскѣмъ» списанной «Климентъ кнѣмъ», говоря о поводѣ къ мученію св. Климента, онъ употребляетъ тѣже самыя выраженія: «решиша же и захистинигъ докроу старши крагъ дѣшеолъ илюсти итери саггѣ своего афиснигъ и игемона, да сиратишъ искора еѣмъсешномъ иго житѣ (38).» Думаю, что и слѣдующее мѣсто изъ Житія св. Климента на Греческомъ языкѣ можетъ нѣсколько (отнюдь же не окончательно), при другихъ данныхъ, подкрѣпить мое мнѣніе о причисленіи Житія Меѳодіева къ твореніямъ Климента: «Σκοπόν δὲ τοῦ βίου τὸν μέγαν ἐποιεῖτο Μεθόδιον, καὶ πρὸς ἐκεῖνον ἀπευθυνόμενος μὴ ἀποτυχεῖν ἠπείγετό τε καὶ ἠῤυετο, καὶ διὸν τινα πίνακα σοφοῦ τὴν τέχνην ζωγράφου τὸν ἐκείνου βίον καὶ τὰς πράξεις τῆς οἰκείας ἀγωγῆς προστησάμενος ἑαυτὸν ἐ ζωγράφει πρὸς τοῦτον ἐπιμελῶς. τὸν γὰρ τούτον βίον ὡς οὐδεὶς ἄλλος ἐγίνωσκεν, οἷα ἐκ νέου ἐπι καὶ ἀπαλοῦ ἐκείνω παρηκολουθητικῶς καὶ ὀφθαλμοῦς πάντα τὰ τοῦ διδασκάλου παρεληφῶς (Vita S. Clementis, cap. XXII, p. 27, ed. Mikl.). Если етѣ слова снесемъ съ тѣмъ, что говоритъ сочинитель Житія Климента, въ слѣдъ за симъ, ниже о немъ, т. е., исчисливъ творенія его (Слова или проповѣди на праздники, Похвалы Богородицѣ, Иоанну Крестителю, Житія пророковъ, апостоловъ, страданія мучениковъ), спрашиваетъ читателя: «πρὸ θεῶν καὶ πατέρων ὁσίων ἀγωγὴν, καὶ ζηλωτῆς εἰς πολιτείας ἀσάργου μικροῦ καὶ ἀναίμωνος; εὐρήσεις ταύτην Βουλγάρῳ γλώσσει πονηθεῖσαν τῷ σοφῷ Κλήμεντι· φέρονται γὰρ ταῦτα πάντα παρὰ τοῖς φιλοπόνοις σωζόμενα, τοῦτο μὲν εἰς πολλοὺς τῶν ἁγίων συντεθειμένα, τοῦτω δὲ τὴν πανάμωμον τοῦ θεοῦ μητέρα ἱκετηρίαις, εὐχαριστηρίαις, καὶ ἀπλῶς εἰπεῖν, πάντα τὰ τῆς ἐκκλησίας, καὶ οἷς μνημαθίου θεοῦ καὶ ἁγίων φαιδρύνονται, καὶ ψυχὰι καταναυσοῦνται, Κλήμης τοῖς Βουλγάραις ὑμῖν παρέδοκε;» то не можемъ подуматъ, что-бы онъ, столько старавшійся подражать ему во всемъ, опи-

сывавшій жизнь и дѣянiя святыхъ мужей, равно какъ и восхвалявшій ихъ въ особыхъ Словахъ, оставилъ въ сторонѣ Житiе своего учителя и образца, не прославилъ его своимъ витiйствомъ. Последнее, какъ видѣли уже выше, дѣйстви- тельно сдѣлано было имъ какъ для него, такъ и брата его, Константина. При томъ, можно ли допустить, чтобы, напи- савъ отдѣльно «Похвалоу скатоу Кирилоу оучителю Словѣнскоу лужиноу» («сътворено Климентомъ епископомъ,» сказано въ самомъ заглавiи «Похвалы» (39), и его «Житiе» (въ чемъ теперь, послѣ всего сказаннаго доселѣ, кажется, никто не усом- нится), равно какъ такую же Похвалу обоимъ вмѣстѣ, онъ не сдѣлалъ того же самаго и въ отношенiи къ Мео- дію, объ особенной любви къ которому биографъ его имен- но замѣчаетъ намъ? А если Слово Похвально Кириллу и Мео- дію вмѣстѣ, и отдѣльно одному первому, равно какъ и Похвала Клименту Римскому, составляютъ трудъ Климента, епископа Словѣнскаго, то само собою слѣдуетъ, что и Житiе Меодiа, въ силу приведенныхъ сейчасть доказательствъ, должно принад- лежать ему же. Вообще, Славянскiй Климентъ любилъ писать Похвалы или Слова Похвальныя: это говоритъ намъ и жизне- описатель его, замѣчая, что съ него только появился «Βουλ- γάρων γλώσσα πανηγυρική.» Такъ: «Συνιδὼν δὲ τὸ τοῦ λαοῦ παρὰ καὶ περὶ τὸ νοῦσαι γραφὰς ἀτεχνῶς δερμάτινον, καὶ ἱερεῖς δὲ πολλοὺς Βουλγάρους δυσζυνέτως ἔχοντας τῶν γραμμικῶν ὧν περὶ τὴν ἀνάγνωσιν μόνην ἐνετρίβησαν γράμμασι, κἀντεῦθεν κτη- νῶδεις ἔντας, ὡς μὴ ὄντος Βουλγάρων γλώσση πανηγυ- ρικοῦ λόγου, ταῦτα τοίνυν συνεγνωκῶς μηχανᾶται καὶ πρὸς τοῦτο, καὶ καθαρεῖ τὸ τῆς ἀγνοίας τεῖχος τῷ μηχανήματι λό- γους γὰρ συντεθεικῶς εἰς πάσας τὰς ἑορτὰς ἀπλοῦς καὶ σαφεῖς καὶ μηδὲν βαθὺ μηδὲ περινενοημένον ἔχοντας, ἀλλ' οἷους μὴ δεαφεύγειν μηδὲ τὸν ἡλιθιώτατον ἐν Βουλγάραις, διὰ τούτων τὰς τῶν ἀπλουστέρων ψυχὰς ἐθρέψατο γάλακτι ποτίσας τοὺς μὴ δυναμένους στερεωτέραν τροφήν προσήκασθαι, καὶ Παῦλος ἄλλοις τοῖς Βουλγάραις Κορινθίοις ἄλλος γενόμενος· δι' αὐτῶν γὰρ τῶν τε Χριστοῦ καὶ ἐπὶ Χριστῷ τελουμένων ἑορτῶν ἔξεστι μαθεῖν τὰ

μυστήρια καὶ τῆς πανήγυρος Θεοτόκου ταῖς μνήμας πολλάκις, ὡς ἴστε, γινόμεναις τοῦ ἔτους ἑγκώμια καὶ διηγήσεις τῶν περὶ αὐτὴν θαυμασιῶν διὰ τῶν λόγων ἐκείνων ὁ Κλήμης περιλοτῆμται· οὐδὲ τὸν Βαπτιστὴν εὐρήσεις ἀνεγκωμιάστον, ἀλλὰ καὶ τὰς τῆς κεφαλῆς αὐτοῦ θαυμαστάς εὐρέσεις μαθήσει, καὶ προφητῶν καὶ ἀποστόλων ἐντεῦξή βίαις καὶ περιόδοις, καὶ μαρτύρων ἀθλῶν περωθήσει πρὸς τὸν ἐκείνους διὰ τοῦ αἵματος αὐτοῦ προσλαβόμενον (caput XXII).» Да и творения его, дошедшія до насъ (40), тоже самое подтверждаютъ. Въ нихъ встрѣчаемъ (сколько доселѣ извѣстно) 9-ть Похвальныхъ словъ и только 4 Поученія, да два Житія (всего 15-ть), хотя, какъ видѣли выше, и етѣхъ послѣднихъ написалъ онъ много (41). Сочинитель статьи о Кириллѣ и Меодіи (въ «Москвитянинѣ» 1843 г.) первый, основываясь на сходствѣ нѣкоторыхъ словъ и выраженій, въ Житіяхъ обоихъ святыхъ встрѣчаемыхъ, сказалъ, что они принадлежатъ одной странѣ и одному времени, но отнюдь не утверждалъ, чтобы были произведенія одного лица, какъ это полагаетъ Шафарикъ (въ предисловіи къ Житію Кирилла, стр. IV): вѣроятно, онъ вывелъ такое заключеніе изъ образа выраженія сочинителя, употребившаго слово «жизнеописатель» одинаково о томъ и другомъ Житіи, такъ что легко можно было подуматъ, будто онъ считаетъ виновникомъ ихъ кого либо одного (стр. 405 — 409). За то, первый, подавшій голосъ въ пользу принадлежности етѣхъ Житій одному лицу, былъ В. М. Ундольскій, поставивъ ихъ въ числѣ твореній Климента Словѣнска въ письмѣ, писанномъ ко мнѣ въ мартѣ 1848 г., и напечатанномъ мною въ предисловіи къ «Славянорусскимъ сочиненіямъ въ пергаменномъ сборникѣ покойнаго И. Н. Царскаго» (въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», 1848 г., кн. VII, стр. XI). Разумѣется, и онъ, какъ и я, имѣлъ на то достаточныя причины, которыя не мѣсто было ему излагать тогда въ упомянутомъ письмѣ, содержаніе котораго преимущественно составлялъ рассказъ объ открытіи имъ твореній Климента (когда и какъ), вызванный моимъ къ нему о томъ вопросомъ.

Но такъ ли, иначе, только въ Житіяхъ Кирилла и Меѳодія встрѣчаемъ весьма важное свидѣтельство о нашемъ предметѣ. Пригласивъ Константина въ собраніе, нарочно составленное по случаю посольства отъ Ростислава, князя Моравскаго, царь Михаи́ль «призва Константина философа, и сътвори и слышати рѣчь сѣю, и рече: какъ та трудоу съуща, философе, по достоитъ тебѣ тамо ити, сеа бо рѣчи не можеть ниъ никто же исприскити, ино же ты. Ѣвѣща же философъ: и трудоу съ тѣломъ и колѣнъ, радъ идоу тамо, аще нмоуть боуки въ азъмъ скон. и рече ѿрѣ къ нмоу: дѣдъ мон и ѿѿ мон, и ниѣ мнози, и склече то го, не ѡвръан соутъ, то како азъ то могоу ѡвръести; философъ же рече: то ито можеть на подѣ бесѣдоу написати, или вретниуско нма себѣ ѡвръести; Ѣвѣща смоу плми ѿрѣ и съ Вардою оуемъ сконмъ: аще ты хоѣши, то можеть Бѣъ тебѣ дати, иже дѣти вемъ, иже просати несоумитиѣмъ и ѡвръѣзати тѣлоуѣнмъ. шедъ же философъ по прѣкмоу ѡбмулю на молитвоу са наложи и съ ннѣми сѣнослѣшники, въскоръ же са смоу Бѣъ ики, послушала молитвы радъ сконхъ, и аenie сложи писмена, и идуа бесѣдоу писати евангелъ смоу: нскони бѣ слово, и слово бѣ оу Бѣа, и Бѣъ иѣ слово, и проум.» И въ посланіи Михаи́ла къ Ростиславу, приведенномъ тутъ же въ слѣдъ: «и посла и съ дары многи, написакъ къ Ростиславоу еписистолю сиѣ: Бѣъ, иже велитъ всакомоу, дѣки въ разоумъ истинныи пришелъ и на вольшии са униъ стажалъ, иидѣтъ втроу твою и поденгъ, сътвори и выитъ къ наша дѣта, ика въ боуки въ каши азъмъ, его же не бѣ дано было, томо въ перка дѣта, да и ки прѣутетеса велицѣхъ азъмѣхъ, иже слѣвати Бѣа сконмъ азъмомъ.» А въ Житіи Меѳодія нѣсколько короче разсказывается ето событіе: «тѣгда ѿрѣ Михаи́ль рече къ философѣу Константиноу: слышнши ли, философе, рѣчь сѣю (послание Ростислава); ниъ сего да не можеть сътворити, радѣтъ тебе. тѣ на ти дары мнози, и номъ братъ скон, игоуменъ, Меѳедни, иди же. ки бо иста Селоуанина, да Селоуание вѣси (въ другихъ списк.: «все») уиство Словѣнскы бесѣдоуютъ. тѣгда не съмастаса Ѣвѣщи ни Бѣа, ни ѿрѣ, по словеса стѣо апѣла Петра, ино же рече: Бѣа контеса, ѿрѣ уѣтѣте. иъ вели(коу) слышакѣша рѣчь, на молитвоу са наложили и съ ннѣми, иже вѣдоу того же дѣа, иго же и си, да тоу ики Бѣ философѣу Словѣнскы книгы, и аenie оустрои къ писмена и бесѣдоу състала, поути са итъ Моравскыго, номъ Меѳодии.»

же должно отнести и «Похвалоу скатому Кирилоу, оучителю Словѣнскоу азыкоу, сътворекоеу Климентомъ Епископомъ.» Въ етой «Похвалѣ» однако, рѣчь о нашемъ предметѣ ведется только стороной, именно: «Словѣнскоу же азыкоу, къ неразоумѣн и ирацѣ грѣхониз соущоу, мудостію и челоуколюбіемъ Гдѣ нашего Іса Хрѣта явленъ бысть пастырѣ и оучителю, ниже затуе оуста мно лвомъ триазыушнымъ еретникомъ, иже хувиствію оураунишася и глаголахоу: недостойтъ нивымъ азыкомъ славити Бга, токмо Жидомъ, ти Роумомъ, ти Сланномъ, прихастиницѣмъ са злобою Пилатоу твореще, ихъ же блади рздори испыми притудами, пала силою престяго Дха, преложи и кесъ церконымъ оуставъ отъ Греуескаго на Словѣнскии азыкъ.» И ниже: «Кое бо място оукрмса, его же не оскати стоилии сконими; или же ли хитрость оутантса блаженныа его думи; кестмиъ бо азыкомъ сокрокенима танимъ ко извѣтѣхъ словесныхъ разоумно испокѣда смиза, окомоу писмены, окомоу оуученіемъ.... Напоследокъ: «или же боготканимымъ кнѣземъ оуказе многолюднаго азыка Словенска, томоу бо съ помын апостолъ посланиъ бысть, отъ техъ оубо оустъ истече источиникъ животныхъ словесъ, напамѣ пресохшою соухотоу кашоу (стр. 29).»

Четвертое свидѣтельство составляетъ «Нолнъ прозкуѣръ Еисархъ Българскынъ» въ «Прологѣ» къ «приложенію, възподовьнаго уарморизьца и прозкуѣтера Нолкиа Даласкннвска, слова о правди крѣ.» или къ «Книгѣ Небеса,» иначе «Богословію.» Онъ жилъ, по соображеніи всѣхъ мѣстъ, встрѣчающихся о немъ въ твореніяхъ его, въ правленіе Българскаго царя, Симеона (888—927), занимая весьма важное званіе ексарха, означавшее, по древнему объясненію, намѣстника патріаршаго, обязанностью коего было наблюдать за сохраненіемъ церковнаго порядка, посредничать между Церковью своего народа и верховной духовной ея главой. Я не думаю, чтобы нашего Іоанна можно отождествить съ Іоанномъ пресвитеромъ, упоминаемымъ въ посланіи папы Іоанна VIII-го, 879 года, къ Великоморавскому Святополку, котораго этотъ послѣдній отправилъ было къ нему по дѣламъ вѣроисповѣднымъ, и отъ котораго папа узналъ о сомнѣніяхъ его въ Правовѣрїи: «Quod autem, sicut *Johanne presbitero vestro*, quem nobis misistis, referente didicimus, in recta fide dubitatis, etc. (Epistola 201, pag. 77, ap. Voczek, Codex diplomat.

et epistol. Moraviae, № LVIII, 1, pag. 41).» Это тотъ самый пресвитеръ Іоаннъ, котораго Святополкъ, какъ я сказалъ уже однажды, и какъ основательно замѣтилъ сочинитель «Beitraege zur Geschichte der christlichen Kirche in-Maechten und Boehmen» еще въ 1849 году, употребилъ, было уже разъ, тоже въ сношеніи своемъ съ королемъ Нѣмецкимъ, Людвигомъ, 874 г., и извѣстенъ подъ именемъ «Johannes de Venetiis». Стало быть, Іоаннъ Ексархъ вовсе не былъ въ Моравіи. Калайдовичу простительно было сблизать етѣхъ Іоанновъ между собою, но въ наше время подобныя промахи не нѣе извинительны (43). Чтобъ удержать старое мнѣніе, нужно опровергнуть новое, противоположное ему, тѣмъ болѣе, когда оно высказано до нашего труда въ такомъ сочиненіи, которое прямо относится къ предмету, изслѣдываемому нами, и не принадлежитъ къ разряду дюжинныхъ явленій. Незнаніе о существованіи етого изысканія—не извиненіе, по тому что изслѣдователь прежде всего долженъ знать, что было сдѣлано до него по предмету, занимающему его. Возвращаясь къ Ексарху, замѣчу, что онъ предпочтительно отличился переводами съ Греческаго, къ которымъ, однако, составлялъ свои дополненія, объясненія, введенія и тому подобное. Видно, что онъ въ особенности любилъ Іоанна Дамаскина, коего перевелъ Богословіе, Философію, Грамматику Греческаго языка, съ приснособленіемъ къ Славянскому, равно какъ свв. Василія и Северіяна Габальскаго Шестодневъ или толкованіе первыхъ главъ книги Бытія о сотвореніи міра; кромѣ того, оставилъ нѣсколько собственныхъ поученій на праздничныя дни. Извѣстно изслѣдованіе о немъ незабвеннаго труженника на полѣ древней нашей словесности, К. О. Калайдовича, изданное у насъ ровно 30 лѣтъ назадъ; къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ доселѣ свѣдѣнія наши объ Ексархѣ и знакомство съ твореніями его ни на волосъ не подвинулись впередъ. Въ упомянутомъ сочиненіи помѣщены только, для образца, отрывки изъ Ексарховыхъ сочиненій (числомъ 9-ть), и при нихъ нѣсколько (3) отрывковъ изъ другихъ старинныхъ памятниковъ, а частію вполнѣ нѣкоторыя небольшія сочиненія (5-ть); все это сопровождается множествомъ примѣчаній (119), въ которыхъ разбросаны самая любопытныя вы-

писки изъ старинныхъ рукописей и иногда довольно удачныя догадки и объясненія; сверхъ того, въ концѣ довольно палеографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ чрезвычайно отчетливо. Это—наше первое замѣчательное археолого-филологическое сочиненіе, имѣвшее у насъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, впрочемъ, извиняемыхъ временемъ, самое благотворительное вліяніе на изученіе родной старины. Вотъ, однако, что Ексархъ говоритъ, въ упомянутомъ выше Прологѣ къ «Богословію» или къ «Книгѣ Небесъ», о нашемъ предметѣ (44): «Помеже оубо сватыи челоуцькѣ Книи Къстатниѣ философъ река, многы тродѣ приа, строа писмена Словѣнскихъ книгъ, и отъ евангелиа и дѣла прѣлагаа изборъ. иако же достиже, жыкыи въ мирѣ семь тьмыцьи, толико же прѣложъ, прѣстоупи къ бесконьчѣи (по другимъ спискамъ, въ Синодальномъ же неправильно «въ бесконьца и») свѣтъ, приатъ дѣла сконхъ мьздоу, съ симъ же (по другимъ списк., въ Синодальномъ «съ симъ же») сы и оставяа иго въ житии семь, великии Книи архиепископуѣ, Мефодии, братъ иго, прѣложи вса оуставьица книгы .ѣ. отъ Славьскѣ азьки, иже есть Гръцьскѣ, въ Словѣнскѣ».

Пятый отечественный источникъ: «О писменехъ, урѣкорицьца Храбра (45), или «Сказаніе, како състави стѣи Курьдъ Словѣномъ писмена противоу азькоу» (46). Только по первому заглавію узнаемъ имя и званіе сочинителя, между тѣмъ какъ въ другомъ того не находимъ. Конечно, оба заглавія принадлежатъ не самому писателю, но сдѣланы послѣ, и первое, кажется, должно признать древнѣйшимъ, когда еще извѣстно было, кому именно сочиненіе это приписывалось. Разсматривая Сказаніе о составленіи Кирилломъ Словѣнскихъ писменъ, видимъ, прежде всего, что оно *не есть* самостоятельное *цѣлое*, писанное съ желаніемъ передать потомству это событіе, но что оно, напротивъ, часть другаго сочиненія, вѣроятно, въ тѣсной связи съ нимъ бывшаго. На это указываетъ уже самое начало Сказанія, въ которомъ второе слово: «оубо,» послѣ «прежде» («Прежде оубо Словѣне не имѣхъ книгъ» (или, по другимъ, «писменъ»), какъ частица заключительной-окончательная (*igitur, itaque etc.*), прямо указываетъ собой на связь послѣдующаго съ предыдущимъ, т. е., того.

что послѣ него слѣдуетъ, съ тѣмъ, что передъ нимъ говорилось. Далѣе, сочиненіе сіе не было единственнымъ трудомъ Храбра объ этомъ предметѣ; по крайней мѣрѣ, изъ словъ его: «сѣтъ же и нинъ откѣти, аже нкде речемиъ, а нмнѣ нѣтъ крѣма», можно заключать, что онъ собирался еще разъ говорить о немъ. *Времи* сочиненія открывається изъ самаго содержанія его и изъ некоторыхъ выраженій. Въ немъ сочинитель, рассказывая о происхожденіи письменъ у Славянъ, впереди всего выставляетъ, что они въ язычествѣ не имѣли книгъ, употребляя только черты и рѣзи, а по крещеніи начали, по нуждѣ, пробиваться Римскими и Греческими буквами, какъ пошло, по тому что не было еще до того изобрѣтено ни какого строя письменнаго, другими словами: не было знаковъ, приравненныхъ къ ихъ звукамъ, къ природѣ языка ихъ. «Прѣжде оубо Словяне не имѣхъ книгъ, нѣ урѣтми и рѣзми утѣхъ и глѣхъ, погани сѣше, крѣстившесѣся, Римскими и Грѣцкими писмени изждалхѣся писати Словянскѣ рѣчи безъ оустроеннѣ». За симъ слѣдуютъ примѣры въ доказательство недостаточности обыкновенной Греческой азбуки для выраженія Славянскихъ словъ (губ. в, шип. и свистящ., мягкихъ гласныхъ и согласныхъ, полугласныхъ и носовыхъ). Неустройство это прекратилось съ изобрѣтеніемъ знаковъ для Славянскихъ звуковъ Кирилломъ Философомъ, частью взятыхъ имъ просто изъ Греческой азбуки, а частью новыхъ,—согласно съ свойствами Славянской рѣчи: «По томъ же уаколювьць Кѣ, строи вѣса и не оставѣа уауа рода безъ разоумѣ, нѣ вѣса къ разоумоу привода и спасенію, помнѣвѣхъ родъ Словянскѣ, посла имъ сѣаго Константина философа, нарицаемаго Кирилла, мѣжа праведка и истинна, и створи имъ писмена тридесѣти и осми, оубо по униоу Грѣцкихъ писменъ, оубо же по Словянскѣ рѣчи» (первыхъ 24, послѣднихъ 14, всѣхъ же 38). Послѣ этого сочинитель обращается къ возраженіямъ, изъ коихъ первое противу числа письменъ: «а можеться и меншиимъ того писати» (меньшимъ числомъ знаковъ), подобно Грекамъ, и отвѣчаетъ, что етѣми буквами «не изпльнѣеться книги ихъ» (Грековъ), а по тому, нужно было добавить къ нимъ еще 15-ть (11 двогласныхъ, да 3 для чиселъ), что и составило всѣхъ 38, именно, столько, сколько и для Славянъ понадобилось: «тѣмъ же томоу подобно и къ тѣмъ же

образъ сътвори стѣи Кирилъ тридесате писменъ и осмь.» Второе, противу возраженія: «Уесомоу же сѣтъ Словѣньскы писмена (книгы)» Вѣдь ихъ не сотворилъ Богъ, или ангели, ни они «ниже отъ нова сѣтъ (ископии)» какъ Жидовскія, Римскія и Еллинскія, принятія самимъ Богомъ, повелѣвшимъ только на сихъ трехъ языкахъ «книгамъ быти», и освященныя надписью на крестѣ Спасителя? На етотъ вопросъ, какъ извѣстно изъ Жизнеописанія Кирилла и Меѳодія и подлинной переписки папы Иоанна VIII-го, поднятый Латинско-Нѣмецкихъ духовенствомъ, противнымъ Славянскому богослуженію, и составлявшій, по видимому, самое неопровержимое доказательство ихъ, сочинитель Сказанія о писменехъ Словѣньскихъ отвѣчаетъ, вооружаясь всею своей ученостію «отъ стѣхъ книгъ, мно же илюучи хомса,» и называетъ его безумнымъ: «Къ тѣмъ что глаголемъ, или что речемъ изъ тацѣмъ безоумнымъ?» Тутъ ясно слышится голосъ человека, если не современника самому событію, то весьма близкаго къ нему, когда пылъ страстей еще не совсѣмъ было погасъ. Богъ,—говоритъ онъ,—всякой вещи назначилъ свой рядъ; не етѣ языки были первобытными, но «Сирьскы, ны же и Адамъ глагола;» по смѣшенію же языкъ, «са размыслила и прави, и обмыла, и оустави, и закони, и хитрости ихъ азими;» каждому народу дано свое: «Египтянамъ землемѣріе, Персамъ, Халдеямъ и Ассириямъ звѣздохетство, волхвованіе, врачеваніе, и всѣ хитрости человекскія; Евреямъ—Святія книги, а Еллинамъ—грамматиким и философим.» Прежде они не имѣли своихъ письменъ, но употребляли Финикійскія, что длилось много лѣтъ. Тутъ опять слѣдуетъ разсказъ о постепенномъ изобрѣтеніи Греческихъ буквъ, съ указаніемъ на самыхъ изобрѣтателей: Паламидъ нашель 16-ть, Кадмъ 3, Симонидъ 2, Епихарій 3, что и составило 24, къ коимъ, спустя довольное время, Діонисій грамматикъ прибавилъ еще 6-ть дwoегласныхъ, за нимъ кто-то другой 5, и, въ заключеніе, три для числительныхъ («чисменитаа»), всего 38; по томъ опять прошло очень много лѣтъ, когда переведено было и Священное Писаніе 70-тью мужами съ Жидовскаго на Греческій. Между тѣмъ какъ столько времени и лицъ потребовалось для составленія Греческой азбуки и перевода слова Божія, для Славянъ одинъ лишь человекъ все ето сдѣлалъ, и при томъ въ самое короткое вре-

причины догадываться о времени, когда жилъ Храбръ, или, быть можетъ, и знали о томъ изъ другихъ источниковъ,» какъ дѣльно замѣтилъ уже ето издатель Храброва Сказанія по Саввинскому списку (стр. 31—32); во вторыхъ: къ чему предполагать такой подлогъ? Ссылка, влагаемая другими въ уста сочинителя о томъ, что составленіе Славянской азбуки произошло почти въ наши дни, по тому что много еще въ живыхъ, лично знавшихъ виновниковъ ея, ни къ чему не могла пригодиться вставщикамъ, такъ какъ сущность дѣла отъ того и безъ того ни мало не измѣнилась. Ето доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что во всѣхъ прочихъ спискахъ слова сіи пропущены, конечно, по тому, что они казались уже переписчикамъ етѣмъ не современными, а по тому и не идущими прямо къ дѣлу. Да притомъ, слова, слѣдующія за тѣмъ: «и аще къпросиши, въ кое время; то вси вѣдати и рещати,» нѣкоторымъ образомъ, указываютъ уже на недавнее еще время составленія Славянскихъ письменъ; въ противномъ случаѣ «Славянскіе букари,» какъ выражается Храбръ, то есть, люди книжные (знакомые съ буквами или письменами, слѣдов., письменные, какъ говорятъ въ Малороссіи, или грамотные, какъ величаютъ ихъ въ Великороссіи; по Хорут. буква, буквъ дерево, а bukve, им. мн., книга, откуда búkvica, книжка), не могли бы, конечно, помнить о томъ, ибо по недавности письма и, стало, рѣдкости его, книжное дѣло было не въ большомъ ходу, записки о томъ, если и существовали, не успѣли еще распространиться до того, чтобы говорить о времени изобрѣтенія азбуки по нимъ, а не по преданію, изустной памяти.

Однако, если мы теперь узнали время составленія Храброва Сказанія о нашихъ письменахъ, т. е, что ето было, по всему вѣроятію, X-е столѣтіе (47), все таки свѣдѣнія наши о *самомъ Храбрѣ* ни сколько не увеличились. Знаемъ только, что онъ былъ черноризецъ или мнихъ, и мнихъ, какъ показываетъ сочиненіе его, просвѣщенный, довольно знакомый съ Греческой Словесностью, прекрасно владѣвшій роднымъ словомъ, которымъ выражался точно, плавно и сильно. Быть можетъ, со временемъ узнаемъ и другія его творенія. Но *гдѣ* онъ жилъ? Если бы твореніе его дошло до

насть въ спискѣ старше XIV-го вѣка, по крайности, такомъ, въ которомъ, не смотря на молодость противня, переписчикъ не измѣняетъ ничего въ выраженіяхъ и вообще складѣ и ладѣ грамматическомъ и лексическомъ (чего, въ строгомъ смыслѣ, по сую пору, не знаемъ ни за однимъ нашимъ памятникомъ, писанъ ли онъ на Руси, въ Панноніи, Булгаріи, или въ Сербіи), тогда бы уже по одному языку можно было, съ большею, меньшею достовѣрностью, опредѣлить вѣкъ сочиненія, стало бытъ, и вѣкъ самаго сочинителя. Но всѣ списки этого сочиненія, доселѣ намъ извѣстные, не переходятъ за половину упомянутого выше столѣтія, а по языку одни указываютъ на составленіе ихъ въ Новобулгарскомъ Царствѣ, другіе въ Сербскихъ земляхъ, третьи же на Руси и т. д. (48). Отъ того мѣсто жительства Храбра и прочія обстоятельства жизни его остаются неразгаданными для насъ, если не захотимъ остановиться на одномъ выраженіи Вратиславскаго списка, важность коего открывается уже изъ того, что Шафарикъ внесъ изъ него довольно въ свой, по возможности, возстановленный, древній текстъ этого Сказанія, и тѣмъ отдалъ должное открытому и изданному нѣкогда мною списку. Мѣсто это читается такъ: «Се иже сѣтъ писмена (ловенска, спредъ ихъ подобаетъ писати: ѣ, бѣ, вѣ, даже до д, и ѿ снхъ всихъ сѣтъ четыры междесатил подобна Греускимъ писменомъ.» Сдѣсь особенно бросается намъ въ глаза слово «четыры междесатил, междоу десатил, обыкновенно въ Церковнославянскомъ выражаемое «двѣдесать четыре.» Оно было уже разъ мною объяснено, при изданіи самаго списка (стр. 29—39), и по тому мнѣ остается теперь только повторить сказанное тамъ, то есть, что формула эта въ Церковномъ языкѣ одна изъ самыхъ рѣдкихъ, такъ что Добровскій въ своей Грамматикѣ этого языка могъ привести для нея одинъ только примѣръ (Instit. ling. Slav. dial. vet. II, с. 2, §. 22, pag. 509, Руск. пер. стр. 64). Изъ всѣхъ нынѣшнихъ Славянскихъ нарѣчій одно лишь Чешское представляетъ, въ своихъ письменныхъ памятникахъ, примѣры такого способа составленія этого числительнаго, удержавшагося даже въ наше время въ устахъ простаго народа и въ языкѣ книжномъ, т. е., въ немъ двойств. «междоу (въ Остром. Ев. чаще междѣ, что едва ли правильно) десатилма упо-

требуется только для числительныхъ отъ 20 до 30, и звучало въ старину по Чешски «*mezi desjetma*,» которое сокращалось постепенно: «*mez dsjetma*, *mez dcjetma*, *mez cjjetma*, *mecitma*.» Эту формулу можно означить числами такъ: $10 + 1 + 10 = 21$, $10 + 2 + 10 = 22$, $10 + 3 + 10 = 23$, и т. д., а словами: *едннъ между десятима*, = *jeden mezi desjetma* (или *mez dsjetma*, — *dcjetma*, — *cjjetma*, *mecitma*), «два между десятима», = *dva mezi desjetma*, и т. д. до «девятъ между десятима», *devjet' mezi desjetma* (*jednemecitma*, *dvamecitma*, *trimecitma*, *ctyřmecitma*, *pětmecitma*, *šestmecitma*, *sedmmecitma*, *osmmecitma*, *devětmecitma*) (49). Догадываются, что такое образование произошло у насъ точно такъ же, какъ и Римское «*un de viginti*», т. е., $X + 1 + X$, одинъ между десятию, *едннъ между десятима*, *jeden mezi dvětma desitma* (50). Но это едва ли такъ. Тогда слѣдовало бы допустить, что Чехи сняли свою форму съ математической формулы ($X + 1 + X$), чего нельзя предполагать, слѣдов., подражали, слѣдов., оно принадлежитъ книжному языку, между тѣмъ какъ дѣло было совершенно на оборотъ: слово это встрѣчается равно въ старинныхъ и простонародныхъ памятникахъ. При томъ, самое объясненіе невѣрно, по тому что «*un de viginti*», собственно значить не «одинъ между десятию», но «одинъ отъ двадцати», *unum de viginti* ($1 - 20 = 19$, или $20 - 1 = 19$), т. е., безъ одного двадцать, точно какъ «*duo de viginti*» вмѣсто *decem et octo*, два отъ двадцати или безъ двухъ двадцать, двадцать безъ двухъ: *duo* (2) *de viginti* ($- 20$), т. е., $2 - 20 = 18$ или $20 - 2 = 18$, что повторяется, такимъ же образомъ, и для выраженія 28, 29 до 98 и 99 включительно: *duo de triginta* (28), *undesexaginta* (59), *undecentum* (99), и проч. Тутъ же и самая формула этого числа говоритъ противъ (XVIII, а не $X + II + X$) (51). Впрочемъ, все дѣло въ томъ, что форма эта, уцѣлѣвшая лишь въ Чешскомъ, встрѣчается и въ самомъ Церковнославянскомъ, по моимъ наблюденіямъ, только въ такихъ его памятникахъ, которые, всѣми своими свойствами, указываютъ на переписку ихъ съ Глагольскаго письма; а Глагольское письмо, какъ видно изъ новѣйшихъ розысканій Шафарика (52), по всей вѣроятности, имѣло колыбелью своей земли, лежа-

щія на западъ отъ Фракіи и Булгаріи, особенно Македонію и Албанію, гдѣ находилась Велицкая епархія, такъ названная по горѣ и рѣкѣ Велицѣ (впадающей въ Струмицу), съ городомъ (теперь селеніемъ) Велицей, и смѣнившая прежнюю знаменитую Тиверіопольскую епископію, въ землѣ Славянъ Драговичей. По крайней мѣрѣ, это вѣроятно въ отношеніи къ Глагольскимъ памятникамъ Булгарскаго извода или разряда, по тому что Далматскій или Хорватскій разрядъ ихъ, конечно, такъ же древній на Адриатическомъ поморьѣ, какъ тотъ въ названныхъ земляхъ, по сию пору не обслѣдованъ съ надлежащей точностью и не выказано отношеніе его къ Булгарскому. Отсюда, при теперешнемъ состояніи сего вопроса, нельзя еще сказать, который изъ нихъ старѣе, первобытнѣе. Трудность рѣшенія увеличивается, сверхъ того, близостью сихъ странъ другъ къ другу, отъ чего появившееся въ одной легко могло перейти въ другую, и на оборотъ. Какъ бы то ни было, сдѣсь, въ окрестностяхъ Охрида, какъ главногъ пребыванія своемъ, на разграньѣ Македоніи, Фессаліи, Дарданіи и Албаніи, дѣйствовали довольно долгое время Климентъ, знаменитѣйшій изъ учениковъ и послѣдователей Кирилла и Меѳодія о которомъ, какъ замѣчено было уже выше, во второмъ Греческомъ Житіи его или Сказаніи (меньшаго объема), отзываются, какъ объ изобрѣтателѣ особенныхъ Славянскихъ писемъ, яко бы, болѣе ясныхъ, чѣмъ тѣ, кои составлены были учителемъ его, Кирилломъ: «Ἡ σοφία τοῦ θεοῦ καὶ χαρακτῆρας ἑτέρουσ γράμματων πρὸς τὸ σαφέστερον ἢ οὗς ἐξεῦρεν ὁ σοφὸς Κύριλλος. Καὶ δι' αὐτῶν τῆν θεόπνευστον πᾶσαν γραφὴν καὶ τοὺς πανηγυρικοὺς τῶν λόγων καὶ μαρτύρων καὶ ὁσίων βίους ἁγίων, καὶ ἱερὰ ἄσματα γραφῆ παραδέδωκεν, ἃ καὶ ἐπιμελῶς τοὺς εὐφυστέρους τῶν παιδῶν ἐδίδασκεν, ἐξ αὐτῶν δὲ τοὺς ἀξίους καὶ πρὸς ἱεραικοὺς βαθμοὺς ἀνεβίβασε καὶ βάρβαρον οὗτο καὶ ἁμὸν ἔθνος εἰς ἔθνος ἅγιον διὰ τῆς οἰκείας σπουδῆς μετεποίησεν, ἀποστολικὸν ἔργον ἀνύσας καὶ ἀποστολικῆς διὰ τοῦτο ἀξιοθεὶς χάριτος.» *Excogitavit etiam alias litterarum formas, quae praeberent majorem perspicuitatem, quam quas sapiens Cyrillus invenerat, et per illas formas universam*

scripturam a Deo inspiratam et panegyricos sermones martyrumque et sanctorum divinatorum vitas et carmina sacra tradidit, quae quidem industrie docuit pueros ingeniosiores, et qui ex his digni erant ad gradus sacerdotales evexit, itaque gentem tam barbaram rudemque in gentem sacram proprio studio commutavit, apostolicum opus perficiens et apostolica gratia propterea dignatus» (53). Подъ етѣми же особенными письменами, Шафарикъ доказываетъ, можно разумѣть Глаголицу. Ибо, хотя точно въ древнѣйшихъ памятникахъ Церковнославянскихъ встрѣчаемъ довольно слѣдовъ Глаголицы, указывающихъ, что они списаны съ Глагольскихъ противней (нужды нѣтъ, писаны ли были первоначально Глаголитикой, или же только списаны съ Жирлицы, и по томъ съ Глаголицы опять Кириллицей), и хотя древнѣйшіе Глаголитскіе памятники тоже содержатъ въ себѣ тѣ сочиненія, о коихъ говорится въ етомъ Житіи Климента (въ большей, меньшей, мѣрѣ), однако, навѣрное сказать нельзя, чтобы Глаголица принадлежала Клименту. Въ особенности сему противорѣчитъ не столько выраженіе «*ενοφίβατο*,» употребленное сочинителемъ етого извѣстія о новыхъ знакахъ, приписываемыхъ имъ Клименту, и означающее, если не «изобрѣлъ,» то, по крайности, «придумалъ,» что одно отъ другаго не Богъ вѣсть какъ далеко, сколько то обстоятельство, что въ твореніяхъ самаго Климента, изъ коихъ нѣкоторыя дошли до насъ въ довольно древнихъ спискахъ (даже XII-го в.), не встрѣчаемъ, по замѣчанію Шафарика (*Památky Nlaholského písemnictví*, стр. XVIII), ничего, чтобы малѣйше намекало на Глаголицу въ какомъ угодно отношеніи. Если Климентъ дѣйствительно «*придумалъ*,» что либо для письма, казавшееся, или бывшее въ самомъ дѣлѣ, болѣе яснымъ буквъ, изобрѣтенныхъ Кирилломъ, то подъ етѣмъ не слѣдуетъ ли понимать тѣхъ измѣненій, о которыхъ уже, близкій къ тому времени. Храбръ замѣчаетъ, говоря: «*Аще ли кто речець, ико ивѣсть оустроилъ добръ, понеже сѧ постраждѣть и еше, отвѣтъ речешъ смилъ: и Гръуьскы тѣкожде многожди сѣтъ постражди. . . оудовѣко есть послѣжде поткорити, кеже прѣкое створити?*» Шафарикъ, ссылаясь на етѣ слова, прибавляетъ, однако, что подъ ними скорѣе слѣдуетъ разумѣть небольшія измѣненія и по-

правки въ Кириллицѣ, каковы, на примѣръ, ѡ вѣ. ѳ (у Сербовъ), ѡ вѣ. ѳ (которое, замѣчу съ своей стороны, встречаемъ уже въ памятникахъ XII-го вѣка), и т. п., нежели тѣ, какія можно предполагать, судя по словамъ этого Сказанія о Климентѣ. Другіе думаютъ, что измѣненія Климента ограничивались только нѣкоторыми чертами въ буквахъ, составленныхъ Кирилломъ по Греческому первообразу (54), ибо Славянская азбука Кирилла слишкомъ уже походила на Греческую, а по тому измѣненія Климента отдалили ее нѣсколько отъ своего образца. Но памятники свидѣтельствуютъ противное: формы Греческихъ буквъ съ VIII даже до XIII в. столько сходны съ нашими Церковнославянскими (разумѣю, съ уставомъ, по тому что онъ преимущественно употреблялся тогда), что, какъ сказано уже разъ, если бы не содержаніе, легко можно принять однѣ за другія. Напоследокъ, догадываются, что Климентъ вовсе не изобрѣталъ новой азбуки, а только исправлялъ ту, которая уже была въ обычаѣ. Какъ разумѣть етѣ слова! Относятся ли они къ Кириллицѣ? Въ такомъ случаѣ мнѣніе ето сходится съ мнѣніемъ Шафарика, упомянутымъ выше, хотя неизвѣстно, въ какой степени допускаются тутъ исправленія въ Кириллицѣ. Или же ето относится къ измѣненію формъ Глаголицы для большей ясности, что точно сочинитель утверждаетъ въ первой части своего періода («Но Житіе говоритъ, что Климентъ измѣнилъ формы Глаголицы «для большей ясности»)? Но, допуская и етого возможность (да и по чему нѣтъ, если допускаемъ то въ отношеніи къ Кириллицѣ?), замѣчу, впрочемъ, что въ Житіи Климента вовсе не употреблено слово «Глаголица», ниже что либо, похоже на нее. Во всякомъ случаѣ, взаимное вліяніе етѣхъ двухъ Славянскихъ азбукъ, по всему современнымъ, т. е., одной на другую, уже въ первые, кажется, годы обращенія нашихъ предковъ, особенно въ мѣстахъ, близкихъ къ колыбели Православія, не подлежитъ теперь ни какому сомнѣнію. И по тому, что дивнаго, если обѣ онѣ извѣстны были и Храбру, хотя онъ, въ своемъ Сказаніи о писменехъ, говоритъ лишь обѣ одной? если выраженія, встречающіяся намъ преимущественно въ памятникахъ Глагольскихъ, указывающихъ на земли, почитаемыя перво-

родиной ихъ, попадаются въ сочиненіи Храбра, и тѣмъ даютъ, нѣкоторымъ образомъ, знать о мѣстѣ, откуда онъ происходилъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ намекаютъ на это? Дошло же, полагаю, не даромъ, до насъ твореніе его въ спискѣ, который, по даннымъ, содержащимся въ немъ, переписанъ Кириллицей съ Глаголицы, въ спискѣ, сохранившемъ его, чрезвычайно важное извѣстіе, не встрѣчающееся ни въ одномъ изъ прочихъ, довольно таки уже многочисленныхъ: я разумѣю знаменитое: «сѣтъ бо еше живи, иже сѣтъ видѣли ихъ (Кирилла и Меѳодія).» Слѣдовательно, мнихъ Храбръ жилъ бы, въ такомъ случаѣ, въ западной части Булгарскаго Царства, то есть, тамъ, гдѣ подвизались, со времени удаленія своего изъ Великоморавіи по смерти Меѳодія, и прочіе товарищи Климента, Наумъ, Гораздъ и Константинъ (55).

Шестой отечественный источникъ: *Несторово* сказаніе, находящееся въ его «*Повѣсти времяныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская земля,*» подъ 898-мъ, изложенное имъ послѣ извѣстія о приходѣ Угровъ въ предѣлы Славянскіе, покореніи ихъ и о воеванъ на Грековъ, Мораву и Чехы. Коснувшись послѣдняго, лѣтописатель вспомнилъ, что Славяне, сидящіе на Дунаѣ и покоренные Уграми, принадлежатъ къ одной и той же семьѣ съ Моравой, Чехами, Ляхами и Полянами, называвшимися уже въ его пору Русью, и что для всѣхъ ихъ переведены были, когда-то, книги съ Греческаго въ Моравѣ (или Маравѣ), при пособіи особенныхъ письменъ, прозавшихся, съ того времени, грамотой Словѣнской, употребляемой въ Руси и въ Дунайской Булгаріи: «*Бѣ единъ языкъ Словѣнскъ: Словѣни, иже спѣяху по Дунаевѣ, ихъ же прѣяша Ури, и Маравѣ, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовома Русь. Смы бо первое прѣложено книги Маравѣ, яже прозвася грамота Словѣнская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ*» (Пол. собр. Русск. лѣтописей, томъ I-й, стр. 11). За смъ, естественно, слѣдовало ему рассказать, какъ это случилось, что и сдѣлалъ онъ. Разсказъ этотъ принадлежитъ собственно лѣтописцу, т. е., изложенъ имъ своими словами и выраженіями; тѣмъ не менѣе, основанъ

онъ на другомъ, и при томъ письменномъ источникѣ, на которой указалъ первоначально тотъ же самый, кто познакомилъ насъ такъ обстоятельно и умно съ Паннонскими Житіями, а за нимъ и другіе (56), вопреки нѣкоторымъ, приписывающимъ теперь честь эту себѣ (57). Такимъ источникомъ для Нестора было «Житіе Меѳодія». Опираясь на него, лѣтописецъ нашъ передаетъ намъ то только, что шло къ его предмету, именно: посольство Ростислава, Святополка и Коцела (прибавленнаго имъ изъ хода разсказа Житія, по тому что въ етомъ источникѣ первые два названы поименно: «Прилоуижеся къ ты дѣи Ростислава князѣ Словѣньскѣ съ Стопѣлѣмъ, посласта изъ Моравы къ црѣю Михаилоу;» въ Житіи же Кирилла, бывшемъ тоже не безызвѣстнымъ Нестору, рѣчь идетъ объ одномъ Ростиславѣ, а о Святополкѣ и Коцелѣ сказано общимъ выраженіемъ «Князи»: «Ростислава, Моравскимъ князѣ, Бѣгомъ оустниа, съвятѣ сътвори съ Князи своими и съ Моравы, посла къ црѣю Михаилоу;» а какъ и въ «Словѣ Похвальномъ» всѣ они три упомянуты, одинъ за другимъ, именно, въ епистолинѣ «къ княземъ стрлци томъ, Ростиславоу и Стопѣлоу и Коцлоу», то, дѣло возможное, что и етотъ источникъ былъ извѣстенъ Нестору, стало, могъ быть принять имъ въ соображеніе, сверхъ Паннонскаго Житія Меѳодія, и изъ него-то, безъ дальняго, взято свѣдѣніе и о Коцелѣ, будто участвовавшемъ въ семъ посольствѣ) въ Царьградъ къ Михаилу царю, о присылкѣ учителей, которые бы объяснили Священное Писаніе и разумъ его; тогда царь созвалъ всѣхъ ученыхъ и объявилъ имъ прошеніе Словѣньскихъ князей, а тѣ указали на двухъ образованныхъ сыновей одного Селунянина, Льва, искусныхъ въ языкѣ Словѣньскомъ. Когда они были вытребованы къ царю, послѣдній объявилъ имъ желаніе приславшихъ Славянъ, и уговорилъ ихъ отправиться къ нимъ, между тѣмъ какъ въ Житіи Меѳодія Кириллъ представленъ присутствующимъ уже въ собраніи ученыхъ, и Михаилъ прямо къ нему обращается съ предложеніемъ пуститься съ братомъ къ приглашавшимъ, такъ какъ оба они родомъ изъ Селуня, въ которомъ говорятъ чисто по Словѣньски: «да Селоушане вси (или «все») уисто Словѣньски бесѣдоуютъ,» и они, не смѣя отказать, согласились пойти въ Моравію. По

Нестору, оба брата, по приходѣ уже въ послѣднюю, составили азбуку Словѣнскую и предложили Апостолъ и Евангеліе, а за тѣмъ и прочія богослужебныя книги, что привело въ большую радость Славянъ, когда услышали они славословіе Божіе на родномъ языкѣ: *«Сими же пришедъшема, начаста съставлявати писмена азбукъовная Словѣнски, и предложиста Апостолъ и Еуангеліе. Ради быша Словѣни, яко слышаша величїа божья своимъ языкомъ.»* Въ Житіи же Меѳодія на оборотъ: писмена Славянскія изобрѣтаются въ томъ мѣстѣ, откуда они посланы были, и при томъ младшимъ братомъ, философомъ; слѣдовательно, согласно съ показаніемъ Житія сего послѣдняго. За тѣмъ, въ Житіи кратко сказано о прибытіи ихъ въ Мораву, трехлѣтнемъ въ ней пребываніи и приглашеніи папой въ Римъ, о посвященіи тамъ Меѳодія на «поповство» (по слову Похв. «*презкоутерство*»), возстаніи «етерой многой чади,» противу перевода Библии на Славянскій языкъ, чади, опирающейся на надписи на крестѣ Христовомъ только на трехъ языкахъ, что, однако, папа не одобрилъ и предалъ ее за то проклятію, назвавъ Пилатниками и триязычниками. Еще больше: онъ велѣлъ одному изъ такихъ епископовъ посвятить нѣсколько учениковъ Славянскихъ. За симъ говорится о кончинѣ Кирилла, посольствѣ Коцела къ папѣ съ просьбой отпустить къ нему Меѳодія, и тотъ, исполняя желаніе князя, отправляетъ его съ посланіемъ, наполненнымъ похвалами тремъ князьямъ Словѣнскимъ, ихъ Славянскому языку, и повторяетъ клятвы на хулителей его за употребленіе въ богослуженіи. Изъ всего этого Несторъ удержалъ у себя, въ сжатомъ извлеченіи (но все почти словами Житія), только рассказъ о хулителяхъ Словѣнскихъ книгъ, послѣ чего тотчасъ замѣчаетъ, что возвратившись назадъ, одинъ изъ братьевъ (Кириллъ) вскорѣ отправился на проповѣдь въ Булгарію, а другой (Меѳодій) остался въ Моравіи. Это опять противорѣчитъ показаніямъ Житія. Но далѣе снова, за одно съ етѣмъ Житіемъ, пишетъ, какъ Коцель поставилъ Меѳодія епископомъ въ Паніи (Панноніи), т. е., отправивъ его для того вторично къ папѣ «*съ .ѣ. моужь уастъми уади, да и кшоу стити на сѣиство въ Пановни, на столъ стѣо Айдрионика аѣаѣ ѿ .б.*» Къ послѣднему Несторъ прибавляетъ отъ себя: *«ученика святаго апостола Павла,»* и, вспомянувъ, словами Житія, (вы-

хваченными изъ самаго конца онаго) о переводѣ Мееодіемъ въ полгода Свящ. Писанія съ Греческаго языка, при пособіи двухъ поповъ скорописцевъ, еще разъ замѣчаетъ о томъ, что «Мееодій — настольникъ Андроника, посѣщавшаго Моравы, (впрочемъ, и въ «Похвальномъ Словѣ» говорится объ этомъ въ выраженіяхъ, весьма близкихъ къ Житію Мееодія и Несторову извѣстію: «срѣше же ирѣчьстнаго и вѣоучьстнаго Мееодія на архиепѣство на столѣ стѣо Андроника аѣла къ Павови Ѣ .б., поустинил и на страли Словѣнскимъ оучитъ къ мѣмъ ихъ»), а черезъ Андроника и апостола Павла, который училъ тутъ, по тому что тутъ Илюрикъ, до коего доходилъ онъ и въ комъ прежде всего («первѣ») жили Словѣни; стало быть, Павелъ былъ учителемъ и Словѣнскому языку; а какъ и мы Русь, — говоритъ Несторъ, — того же языка, то, по тому, и намъ учитель Павелъ; Словѣнскій же языкъ и Русскій — одно и то же; Русскимъ же прозвался онъ по Варягамъ Руси, но первоначально былъ Словѣнскій, а Русь — Словѣне, не смотря на то, что нѣкогда Русь называлась еще Полянми, т. е., по тому, что жила въ поляхъ; однако, она говорила и говоритъ Словѣнскою рѣчью.» Судя по такому ряду умозаключеній, очевидно, что весь етотъ рассказъ, вызванный нашествіемъ Угровъ на Словѣнъ, вставленъ тутъ лѣтописцемъ для того лишь, чтобы доказать, что всѣ племена Славянскія, не смотря на разныя ихъ названія, суть одинъ народъ какъ по языку, пребыванію или жилищамъ, такъ и по принятію Христіанства, крещенію и самой грамотѣ, изобрѣтенной именно только для нихъ однихъ, и по тому прозавшейся «грамотой Словѣнской» (Славянской). Начавъ положеніемъ: «*бѣ единъ языкъ Словѣнскъ,*» онъ и кончилъ тѣмъ же самымъ положеніемъ: «*языкъ Словѣнскый единъ* (58).» Сверхъ того, это доказывается и тѣмъ обстоятельствомъ, что разсужденіе сіе помѣщено между разсказомъ объ Уграхъ: «Въ лѣто 6410 (о 6407—6409 годахъ нечего было сказать, а поставлены они имъ сдѣсь только для одного числительнаго порядка) Леонъ царь на Угры на Болгары,» и проч. Отсюда ясно открывается, что Несторъ не былъ простымъ списчикомъ чужихъ словъ; на оборотъ, заимствуя изъ другихъ, позволялъ себѣ, по поводу того, другаго обстоятельства, собственныя соображенія, не рѣдко совер-

шенно противоположныя своему источнику, какъ это видимъ и въ передачѣ имъ разказа о нашемъ предметѣ. Такая двойственность характера Несторовыхъ сказаній заставляетъ насъ отнести имъ мѣсто между собственными источниками и источниками второстепенными, дѣлаетъ ихъ между тѣми и другими посредствующимъ звеномъ.

А второстепенные источники или, какъ называютъ ихъ обыкновенно, вспомогательные, *пособія*, принадлежатъ не личнымъ свидѣтелямъ, очевидцамъ, или, по крайности, современникамъ, но ближайшимъ къ нимъ, равно какъ и слѣдовавшимъ за ними, которые пересказываютъ сказанное уже другими, изъ другихъ рукъ. Таковы въ нашемъ вопросѣ:

а) *Прологи* или коротенькія Житія, въ видѣ извлеченія изъ большихъ; говорю въ видѣ извлеченія, по тому что въ дошедшихъ до насъ печатныхъ и рукописныхъ спискахъ можно замѣчать и явныя заимствованія изъ пространныхъ Житій и, съ тѣмъ вмѣстѣ, изъ другихъ какихъ-то источниковъ, оказывающіяся, большею частью, смѣшеніемъ исторически извѣстнаго съ неизвѣстнаго. Таково, на примѣръ, въ *«Проложномъ Житіи Кирилла»* (59) увѣреніе, какъ онъ молитвою уморилъ еретика Замбрія (или Замврія, по другимъ Замбля), подговаривавшаго другихъ посягнуть на жизнь его. Все, что до этого темнаго извѣстія ни говорится въ семъ Проложномъ Житіи, очевидно, составляетъ извлеченіе изъ большаго его Житія (Паннионскаго), даже коегдѣ дословное; но отсюда начинается уклоненіе отъ него. Такъ, сказавъ, согласно съ своимъ источникомъ, объ отходѣ Кирилла на Мораву и о наученіи имъ многихъ Вѣрѣ Христовой, вдругъ прибавляетъ, что онъ тамъ умертвилъ какого-то еретика, по имени Замбрія. За тѣмъ, по словамъ его, Кириллъ отправился на проповѣдь въ Булгарію (согласно съ показаніемъ Нестора), и это составляетъ новое отступленіе отъ прежняго источника; изъ Булгаріи въ Словенныя и на Дунай: «По семъ иде въ Мораву, и мнози плещи вѣрвати Хѣмъ, и Замбрія еретика молитвою оумори, иже плещи аумати стѣ. По семъ иде въ Болгары, проповѣдая Хѣ. Тамъ же и въ Словеныя прииде, и вса грады плещи и въ Доцима вѣрѣ Хѣ;» тутъ поставляется въ

епископа въ Канаонъ градъ , для жителей коего , послѣ сорокадневнаго поста и моленія , составляетъ , по просьбѣ ихъ , 38-мь словъ : «и молиша и , да илючунтъ а книгамъ своимъ азукномъ . Онъ же постиса .и. дѣи, изъ Бѣоу молиса, и яписса кнѣ .л. словъ и .и.» очевидно, буквѣ или письменъ, по тому что въ слѣдъ же за симъ сказано : «и тако илючунъ а книгамъ Словенскимъ азукномъ, сего рѣди Словенскимъ оучитель наречеса, и тако поживъ и уюдеса сътвори , въ старости добръ изъ Гѣоу отиде , и погребенъ емь въ Канаонъ градъ.» Да и въ «Книгѣ Житій» или нашей печатной «Четыи Миней,» въ Житіи Кирилла и Меодія, подъ 14-мъ февраля, мѣсто его, съ ссылкой на Проложное Житіе Кирилла, передано въ томъ смыслѣ, въ какомъ слѣдуетъ понимать его по ходу рѣчи : «Онъ же перьше постиса дѣи четиридесать, и поснзшесткующен емъ благодати Сѣго Дѣа, изобрѣте азукни Славенскихъ, ивѣщю въ свѣтъ тридесать и осемъ писменъ» (Кіев. изд. 1700 г., стр. 541). Слѣдовательно, конецъ этого Проложнаго Житія нѣсколько измѣненъ противу большаго Житія, и измѣненъ, полагаю, позднѣйшими составителями Проложныхъ Житій, принадлежащихъ, какъ извѣстно, къ разряду чисто Славянскихъ произведеній (а не переводовъ съ Греческаго). Отъ того тутъ сказано даже изъ сколькихъ именно буквъ состояла азбука, изобрѣтенная Кирилломъ для какихъ-то Канаонянъ.

Дѣйствительно, городъ *Канаонъ* или *Каонъ*, даже *Камнъ*, по сию пору остается загадкой для всѣхъ. Отправляясь отъ ~~.....~~, что Прологи не принадлежатъ къ переводной письменности ~~.....~~шей, и зная общій ихъ характеръ, я, послѣ разныхъ соображеній, наконецъ предложилъ себѣ вопросъ : Не есть ли тутъ Канаонъ или Каонъ просто *Катаонъ* или *Катанъ*, откуда Катанскій вмѣсто Костанскій, или Костенскій, Костенчскій, по имени края на границѣ Македоніи, изъ коего родомъ былъ другой Кириллъ, тоже философъ, прозванный Костенскимъ, Костенчскимъ или, по нѣкоторымъ рукописямъ, Костанскимъ, Кастанскимъ, также много трудившійся для Славянской письменности и писавшій объ азукѣ Славянской? Отсюда, заключалъ я, легко могли смѣшать его съ Кирилломъ Селунскимъ, приписать дѣйствія и творенія одного другому, какъ это точно замѣчаемъ въ

нѣкоторыхъ извѣстiяхъ о томъ и другомъ (60). Догадка моя не обманула меня. Изучая Хронографы и сличая извѣстiя, находящiяся въ нихъ: «О преложенiи книгъ отъ Греческаго азыка изъ Словенскими», которыя всѣ почти схожи одно съ другимъ, какъ увидимъ ниже, я, однако, нашелъ въ двухъ, сверхъ обычнаго извѣстiя, т. е., «О преложенiи», еще «Взиратцѣ сиазанiе о рожденiи и житiи стѣго Кириля философа», которое есть не что иное, какъ наше «Проложное Житiе». Только тутъ оно далеко исправнѣе и коегдѣ полнѣе, нежели во всѣхъ прочихъ, извѣстныхъ мнѣ доселѣ, спискахъ (61). Но главное достоинство етѣхъ двухъ Хронографныхъ списковъ состоитъ въ предполагавшемся мною названiи Канаона именовъ города Катаона. Списки етѣ находятся, одинъ въ Хронографѣ № 393, писанномъ на бумагѣ, въ листѣ, церковникомъ Никитой Александровымъ (62) и доведенномъ по «црствю всемъ Россiи црѣ Михаиломъ Феодорокича», въ 169-ти главахъ (63), а другой въ Хронографѣ же № 394-й, тоже бумажномъ, въ листѣ, и относящемся къ одной порѣ съ первымъ, въ 178 главахъ, изъ коихъ послѣдняя озаглавлена: «О болгарскомъ державствѣ Московскаго государствѣ» (64). Оба принадлежатъ къ богатому собранiю рукописей В. М. Ундольскаго, и, заисключенiемъ небольшихъ разнословiй, большею частью въ правописанiи, почти во всемъ сходны между собою. Вотъ какъ читается въ обоихъ ихъ мѣсто, относящееся къ нашему предмету: «По семъ же иде въ Болгары, проповѣда Хрѣта, тако же и въ Словены пришеде, и вса градъ по Двинахъ назуи вървати Хрѣтови (или «во Хрѣта»). И поставлемъ бысть епѣпопомъ въ Катаонѣ градѣ; и молишася емъ, да назунтъ ихъ книгамъ своимъ ихъ азыкомъ. Омъ же постиса .м. днен, молиса Бгъ, и написа имѣ по ихъ азыку .м. словъ, и тако назуи ихъ книгамъ Словенскимъ азыкомъ, и сего ради нареуемъ бысть Словенскiи зунтель. И тако пожиез, и многи туды и подици подьемъ ѿ върз Хрѣтова, и уюдеса многа сотвориез, во старости добръ ко Гдѣ ѿнде, и погресиезъ бысть въ Катаонѣ градѣ.» Слѣдующее за симъ прибавленiе указываетъ, по моему мнѣнiю, нѣкоторымъ образомъ, на народъ, мѣсто и время составленiя етого Проложнаго Житiя: «Мы же Словенскiи и Болгарскiи азыкъ да глѣмъ стѣмъ оцѣ ишемъ и зѣтѣю Кирилъ (или «Кирилъ») философа, зунила памать!» Послѣ, наводя справки, я увидѣлъ, что это же самое находится также

и въ двухъ Хронографахъ Румянцевскаго Музея, описанныхъ А. Х. Востоковымъ подъ № CCCCLVII и CCCCLIX, оба, XVII-го вѣка, изъ коихъ первый писанъ полууставомъ разныхъ почерковъ въ л. на 931, а второй неполный (недостаетъ начала до 104-й главы), въ 4-ку на 534 л., скорописный. Въ полууставномъ, передъ главой 171-й, говоритъ описатель, помѣщено изъ Пролога: «О преложении книгъ взумъ изъ Словенскихъ и виратца сказаніе о рожденіи и житіи свѣта Кирила Философа», слѣдов., заглавіе почти до слова одинаковое съ заглавіемъ нашихъ Хронографовъ; только изъ одного заглавія ничего нельзя еще узнать, каково въ этомъ спискѣ названіе разыскаемаго города; вѣроятно, такое же, какъ и во всѣхъ прочихъ, судя по тому, что оно не выписано; напротивъ, въ скорописномъ Хронографѣ названіе его совершенно сходно съ названіемъ Хронографовъ, рассмотрѣнныхъ нами, что открывается изъ сличенія окончанія этого Житія, помѣщеннаго въ 171-й главѣ и приведеннаго разбирающимъ его (стр. 777, столб. 2-й «Опис. Румянц. Музея»): «погребенъ емь въ Катлонъ граде. Мы же Словенскіи и Болгарскіи взумъ да гдѣ стѣмъ оу нѣмъ и зѣтаю Кирилу Философу взумъ память» (65). Я такъ думаю: составитель Проложнаго Житія, державшійся, до самаго путешествія Кирилла въ Моравы, подробнаго Житія его, когда дошелъ до этого событія, вдругъ, не извѣстно по чему, оставилъ свой источникъ, и началъ пригѣшивать къ вѣрному и неизвѣстное намъ ни откуда, по крайней мѣрѣ, по сю пору не уясненное еще ни кѣмъ. О путешествіи же въ Булгарію, послѣ Моравіи, онъ могъ узнать изъ словъ Нестора: («*Костянтинъ же възвратився въспясть, и иде учитъ Болгарьскаю языка*»); а о возвращеніи его къ Словенамъ Подунайскимъ, статья можетъ, заключилъ изъ того обстоятельства, что Кириллъ былъ учителемъ у нихъ и изобрѣлъ для нихъ письмена. Бывши вѣроучителемъ, рассуждалъ онъ, могъ быть и епископомъ; но какимъ же? Вѣроятно, Катанскимъ или Катаонскимъ; вѣдь помнится же, подъ 21-мъ марта, Кириллъ, епископъ Катанскій? Конечно, это—одно и то же, а Катанскій то же, что Кастанскій или Костанскій, Костенскій, по горному хребту *Kastagna*, упоминаемому старинными путешественниками (XV и XVI стол.), по Турец-

ки Костендже, а по Славянски Костеница или Костаница, который находится не далеко верховьевъ рѣки Мьсты (древнихъ Nestus) и Марицы, на разгранѣхъ Булгаріи, Фракіи и Македоніи. И точно, тутъ были, по словамъ Белони, путешествовавшаго въ XVI-мъ вѣкѣ, четыре монастыря, и тутъ же, какъ мы знаемъ, родился другой Константинъ, жившій при Сербскомъ деспотѣ, Стефанѣ, сынѣ Лазаря, погибшаго на Косовомъ полѣ (1389 г.) въ битвѣ съ Турецкимъ Султаномъ, Мурадомъ, и описавшій жизнь етого деспота (1389 — 1427). Онъ извѣстенъ, кромѣ того, также и филологическимъ сочиненіемъ о Славянскомъ языкѣ, изъ коего до насъ дошло только извлечение, въ которомъ онъ названъ прямо «*Константиномъ философомъ Костенскимъ и учителемъ Сербскимъ*» (66). Всего етого довольно было, чтобы сдѣлать упомянутыя посылки, вывести оттуда заключеніе о сходствѣ всѣхъ етѣхъ, столько несходныхъ и отдаленныхъ временемъ и мѣстомъ, лицъ и, стало быть, перемѣшать одно съ другимъ, и т. д. Что ето дѣйствительно такъ происходило, доказательствомъ тому служатъ сходныя выраженія, особливо въ заключеніи Проложнаго Кириллова Житія, съ такимъ же Житіемъ Кирилла, епископа Катанскаго. Въ первомъ: «и тако пожнехъ и уюдеса створи (въ друг. «створи, створи»), въ старости добръ (въ др. «докрив») изъ Гдоу отънде [въ др. «престависа»]; проп. «къ Гдоу»), и погребенъ бысть въ Клинонѣ градѣ утно.» А во второмъ: «и ннхъ же не малю сътвори уюдесъ, въ глѣбокоу старость дошедъ, изъ Гбу отънде, и положенъ бысть въ томъ острѣ утно.» Я привожу ету выписку по Проложному Житію Кирилла, епископа Катанскаго, помѣщенному въ Макарьевскихъ Четвяхъ-Минейхъ подъ 21-мъ марта, и при томъ въ двухъ спискахъ (что не рѣдкость въ Прологахъ етѣхъ Миней): первый на листѣ дри (въ началѣ втораго столбца), второй же на дри; оба въ сущности сходны, но въ выраженіяхъ значительно отличаются. Слѣдовательно, смѣшеніе тѣмъ вѣроятнѣе возможно было, что оба Кирилла философа принадлежали, по рожденію, почти одной и той же странѣ, и при томъ колыбель одного не въ дальнемъ разстояніи отъ колыбели другаго. Далѣе: оба они назывались философами, словомъ, которое, кажется, охотно давалось въ старину у насъ людямъ, отличавшимся особенной ученостью, или умомъ,

обогащеннымъ начитанностью и т. п.; такъ, на примѣръ, извѣстно же намъ «Слово из Собора Архистратига Хрѣта Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ небесныхъ,» передъ коимъ читаемъ прибавленіе: «иже во стѣхъ шѣд илшего Кирилла философа» (подъ 11-мъ ноября), первоначально напечатанное въ 4-й книжкѣ «Твореній свв. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ (годъ 1-й)», гдѣ сказано, что подъ етѣмъ Кирилломъ философомъ слѣдуетъ разумѣть Кирилла, епископа Ростовскаго; потомъ г. А. Розовъ отыскалъ полнѣе списокъ и прислалъ его ко мнѣ, который и былъ обнаругованъ мною въ VII-й книгѣ «Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» 2-го года; по мнѣнію нашедшаго, Слово это должно оставить за Кирилломъ II-мъ, митрополитомъ Русскимъ (жившимъ нѣсколько позже Кирилла, Ростовскаго), которому обыкновенно приписывается оно (67).

Подобно Кириллу, и Меѳодій имѣеть свое *Пролѣжное Житіе*, въ которомъ тоже является Замбрій, но уже съ прибавкой «родомъ Козаринъ, а вѣрою еретикъ,» какъ противникъ Меѳодіеву ученію, и при томъ съ 2,000 сообщниковъ, разсѣявшихся послѣ гибели своего предводителя; кромѣ того, Замбрій тутъ имѣеть у себя помощникомъ какого-то Сядислава или Седислава (который, судя по имени, былъ представителемъ языческихъ Славянъ, недовольныхъ Христіанствомъ?), и градъ Каонъ (или, по другому списку, Каинъ), куда Меѳодій, какъ и Кириллъ, поставленъ епископомъ въ Царѣградѣ, и въ коемъ все это происходило. Во первыхъ: очевидное смѣшеніе одного съ другимъ, т. е., дѣйствія одного приписаны другому, по тому что не могли же оба они быть въ одно и то же время и въ одномъ и томъ же городѣ епископами, равно какъ и имѣть дѣло съ Замбриемъ, котораго первый «мѣткою оумори» еще въ первое посѣщеніе свое Моравы за намѣреніе убить его, послѣ чего отправился къ Болгарамъ, отъ коихъ, возвратясь къ Дунайскимъ Славянамъ, былъ поставленъ ими въ епископа въ Канаонѣ градѣ и т. д.; а второй, на оборотъ, посланъ былъ въ этотъ самый городъ патріархомъ, въ санѣ епископа, когда онъ, тоже вторично, собирався къ Моравамъ, прибывши къ коимъ многія сотворилъ чудеса, между прочимъ, погубилъ, послѣ прѣнія въ сбо-

рѣ, составленномъ Моравскимъ княземъ, Жидовъ и еретика, Козарина Замбрія, съ его единомышленниками. Такое противорѣчивое извѣстiе, безъ сомнѣнiя, привнесено составителемъ (а можетъ и составителями) Проложнаго Житiя того и другаго, позволившаго себѣ прибавленiя, по своимъ соображенiямъ, къ первоначальному источнику. Доискиваясь, откуда бы этотъ еретикъ попалъ сюда, я остановился на сказанiи Георгiя Амартола въ его «Книгахъ временныхъ и образныхъ» или «Временникъ къроста ѿ различныхъ хронографъ и сказатель», именно въ отдѣлѣ «ѿ хрестыанскихъ црехъ.» Сдѣсь, сказавъ о воцаренiи Константина Великаго по Максентiю, Георгiй излагаетъ исторiю Сильвестра, папы Римскаго, т. е., его прѣнiе, по волѣ императора, съ Жидами: «Бжтвеному же Константиноу вообраши Жиды, иерца же и книгуня .р. .и., да сд прать съ Силвестромъ, да сд икити истина вса на разарченые жидовскаго вестоуды.» Когда онъ, послѣ долгаго словопрѣнiя, остался побѣдителемъ, вдругъ одинъ изъ среды ихъ, по имени Замбрiй, озвался съ упрекомъ къ одновѣрцамъ: «Аще ли Силвестроу словеса внимаете, поужа иеть оубскаихъ словесъ и замонъ оставити,» и тутъ же обратился съ прошенiемъ къ царю позволить «не глншьи, но вѣщми икити истиноу,» т. е., онъ требовалъ привести быка, на которомъ вызвался «икити силоу вѣсково», говоря, что произнесенiемъ одного имени этого умертвить его: «здемъ нма вѣа нашего ни кудина творена иетьства оудлшавши, жива боудеть,» что и сдѣлано было имъ; но Сильвестръ потребовалъ, чтобы онъ же и воззвалъ убитаго снова къ жизни; «икити паны призови къ оуши волоу тоже нма и живъ боудеть, и разоумиши вси къ нма то впрокати.» Замбрiй не взялся, обѣщаясь, самъ и всѣ Жиды сдѣлаться Христiанами, если Сильвестръ возвратитъ погубленнаго имъ: «такъ нма глвкы црехъ: вси Жидове, оставише законъ, къ Хрѣтманствамъ взра притцемъ.» Епископъ Христiанскiй, послѣ молитвы къ Богу, оживилъ и поставилъ убитаго «съ ксею лепотою,» послѣ чего видѣвшiе его «зало уюдишася и крестансы (68). Явно, что событiе это припоминаетъ намъ подобное же, случившееся за три вѣки, въ томъ же самомъ мѣстѣ, съ апостоломъ Петромъ и Симономъ волхвомъ, когда, по выраженiю Амартола, «высть въ Римѣ матежъ многъ и сърстанiе Петра ради и Симона, ино предъ окоу уюдеса твордохутся»; когда послѣднiй,

какъ и Замбрій, «повелъ привести юнецъ превелѣн, вхѣла въ оубѣ смѣ, и оумре юнецъ; Петръ же помохася, воспреси в; людѣ же кидяше, дикншася, глѣше: констиноу еше оажити наус оумираиѣ кащѣши естѣ тѣдо,» и многія другія «назѣименѣ створиста, и словесы когословными и родословными глѣста межѣ собою не тоуію къ Римѣ, но и ко ъспрѣи дрекле, иже Кимъ Римляниѣ, прѣбрыи оубѣиѣ Петрокъ и сѣмскретниѣ сѣдательствениѣше исповадѣстѣ (69)». Безъ сомнѣнія, сходство етѣхъ событій въ существенномъ, т. е., препираніе Христіанъ съ Жидами, не смотря на несходство времени, мѣста, народовъ и дѣйствователей, было главной причиной, что составитель Проложныхъ Житій нашихъ апостоловъ считалъ себя вправе перенести изъ одного изъ нихъ, извѣстнаго ему (прѣнія Сильвестрова), то, что, по его мнѣнію, шло и къ прѣнію описываемыхъ имъ: я разумѣю имя Замбрія, котораго онъ представилъ Козариномъ, принявшимъ Жидовство, болѣе другихъ состязавшимся съ Солунцами и противившимся ихъ ученію, но, наконецъ, побѣжденнымъ ими. Въ Житіи Кирилла о гибели его сказано просто, что тотъ «его мѣтною оумера,» а въ Житіи Меѳодія говорится: «Замъбрѣи оубѣ расадеса.» Можетъ быть, первую мысль вывести его лице подало сказаніе Паннонскаго Кириллова Житія (служившаго ему, болѣею частью, какъ замѣчено, руководной нитью) о томъ мужѣ, котораго Козары выслали Кириллу и Меѳодію на встрѣчу къ Каспійскимъ вратамъ, который еще до прибытія къ Кагану, вступилъ уже въ препираніе, и который, по етому Житію, былъ человѣкъ хитеръ и заскопивъ: «Въсѣдъ же въ морекъ, поутѣ са итѣ Козарьскаго, на Меѳотскою изеро и Киспискиа врати Камънашскихъ горъ. Послаша же Козари противоу кшоу мѣужѣ лѣтѣиѣи и хиснониѣ, иже всѣдою съ нимъ синдеса.» Судя по содержанию вопросовъ етого хитреца и отвѣтамъ на нихъ Кирилла, то былъ Жидовинъ, либо же, по меньшей мѣрѣ, послѣдователь Жидовства. Замѣчательно сходство Пролога о Меѳодіи съ сказаніемъ Амартола о Сильвестрѣ даже въ самомъ приѣмѣ разсказа о началѣ прѣнія и концѣ его. Какъ Константинъ, такъ и князь Моравскій собираетъ соборъ: «и повелѣи кѣзѣ Моравскимъ емити соборѣ», на который явилось съ Замбріемъ двѣ тысячи, между тѣмъ какъ въ Римѣ только сто двадцать. По одержаніи побѣды Сильвестромъ надъ Замбріемъ, Жиды крестились:

«и въ радость велика, црѣ же и людие докоуче вси во дню тасоу, и рекоша: велики Бѣ крѣтиски.» Сдѣсь же побѣжденные «рлугъгошиса», но и ради же быша крѣтисе (по друг. список.: «радость же бысть христѣаномъ»), и нарекоша и (Меѳодіа) оуста Хѣл».

Во вторыхъ: въ этомъ Прологѣ встрѣчаемъ извѣстіе, что Кириллъ упросилъ Меѳодіа сопутствовать ему къ Козарамъ, по той причинѣ, «мно оумъише языкъ Словянскъ.» Можетъ быть, сдѣсь источникъ мнѣнію о Славянскомъ происхожденіи Козаръ, которое не рѣдко попадаетъ намъ въ нашихъ лѣтописныхъ сборникахъ и которое заставило прибавить въ Четьи-Миней, въ слѣдъ за Житіемъ, особую статью «О Козарехъ», въ коей, между разными историческими извѣстіями о нихъ, утвердительно сказано, что это «саме народъ Сигасин, языкъ Славенскаго или Рускаго (л. 542),» и что, послѣ разныхъ перемѣнъ, Козарскъ имени память оуста въ Малороссійскомъ житіи Воинства крѣтискомъ, подокъ томъ, зде мало времени имевомъ» (л. 543). Дѣйствительно, въ разныхъ Малороссійскихъ лѣтописяхъ не разъ встрѣчается мнѣніе ето. Но скорѣе всего, кажется, было на оборотъ, т. е., довода къ такому мнѣнію составителя Проложнаго Меѳодіева Житія о Козарахъ Славянахъ должно искать въ самомъ названіи етого народа, которымъ въ средніе вѣки объясняли не шутя значеніе имени Козакъ, перешедшаго первоначально на южныхъ Русовъ, а отъ сходства или сродства имени, для многихъ даже тождества, заключили о сходствѣ, сродствѣ или тождествѣ и народовъ, носившихъ оныя. И не одни только наши ученые вѣрили въ Славянство Козаровъ: сочинитель «Commentarii graevii de Sanctis Cyrillo et Methodio» въ «Acta SS.», тоже самое доказывалъ, противъ чего возставали уже Ассемани и Шлецеръ (70). Буде же послѣднее предположеніе вѣроятнѣе, тогда время составленія обонхъ Проложныхъ Житій Кирилла и Меѳодіа нѣкоторымъ образомъ разоблачается: имъ будетъ то пространство его, когда начали сблизать названія Козаровъ и Козаковъ между собою и одно другимъ объяснять. Отсюда самъ собою вытекаетъ вопросъ: стало быть, Кириллъ не зналъ Славянскаго языка? И для кого же? Для Козаръ языкъ Славянскій! При томъ, самъ Меѳодій, приглашенный братомъ,

какъ знавшій языкъ Славянскій, выучился ему, по словамъ этого Пролога, только во время своего управления Славянской областью въ званіи князя или воеводы: «и прѣсмѣхъ тѣмъ лѣтъ .і. извѣмѣ азъ языкъ Словенскій.» Слѣдовательно, оба наши апостолы первоначально не знали Славянскаго языка, а выучились ему въ послѣдствіи, стало быть, не въ Солуни, и т. п.! Во всякомъ случаѣ, путешествіе Меодія съ Константиномъ въ Козары, вовсе не есть чье либо мнѣніе, но оно опирается на показаніи обоихъ Паннонскихъ Житій ихъ, Похвальнаго Слова имъ, а также Проложнаго Житія Меодія Сербской семьи, о коемъ сейчасъ поведу рѣчь ниже. Такъ, въ Житіи Кирилла читаемъ: когда, на возвратномъ пути изъ Козаръ въ Царьградъ, Кириллъ пришелъ въ безводныя мѣста, и, терпя страшную жажду, рѣшился, не дожидаясь, пока принесутъ ему воды сопровождавшіе его, испить «изъ слѣднѣи кудрицы,» которая «вѣлаше имъ и золу,» то, обратясь къ Меодію, просилъ его почерпнуть ея: «и рече къ Меодію братоу своему: не трѣблю оубо жажду, да поурѣши оубо воды себѣ,» и проч. А въ Житіи Меодія читаемъ: «приидоушюжеся крѣпости такомоу, и послаа ѿрѣ по философа, брата его въ Козары, да помѣтѣ и съ собою на помощь, вѣдхоу бо тамо Жидове крѣпильскоую крѣоу велики доудаше. онъ же рече, мно готовъ есмь за крѣпильскоую крѣоу оумрѣти, и не ослоушася, въ шѣдѣ слоужи мно ракъ мѣльшоу братоу, повинюшася семоу. Съ же мѣтвомъ, а философъ словеса прѣмощетъ ш, и посрамисте.» Что значать, противъ етѣхъ прямыхъ и ясныхъ показаній лучшихъ, первостепенныхъ, источниковъ для исторіи нашихъ апостоловъ, всѣ кривыя соображенія, выводимыя изъ невѣрно понятыхъ словъ Климентова жизнеописателя, объ особенной привязанности Климента къ Меодію? Напротивъ, можно полагать, что онъ, какъ слѣдовавшій всюду за учителемъ своимъ, послѣдовалъ и тутъ за нимъ, въ Козары, и, будучи очевидцемъ обрѣтенія мощей Климента, папы Римскаго, Константиномъ, не только, по мнѣнію Шафарика (71), составилъ Сказаніе о томъ, но даже рѣшился, изъ особеннаго уваженія и благоговѣнія къ сему святителю, принять на себя имя его при постриженіи своемъ въ монашество. Еще больше: онъ-то лучше всякаго другаго могъ описать намъ жизнь Константина и Меодія, какъ неразлучный спутникъ и соуча-

стникъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто же, какъ не очевидецъ, въ состояніи былъ передать, съ такой подробностью, хотъ, на примѣръ, состязаніе обоихъ братьевъ съ Латинскимъ духовенствомъ? Чтобы отвергать показанія такихъ источниковъ, какovy оба Житія, и мнѣніе такого ученаго, каковъ Шафарикъ, нужно, по крайней мѣрѣ, первыя хотя прочесть со вниманіемъ и сообразить прочтенное, а послѣднее раскинуть умомъ—разумомъ, на чемъ, де, основалъ онъ такое свое мнѣніе.

б) *Проложное Житіе* или *Сказаніе* о Кириллѣ и Меѳодіи, находящееся въ одномъ харатейномъ Прологѣ, писанномъ полууставомъ, въ листъ (на 171), не позже XIII вѣка, по замѣчанію Калайдовича (Іоан. Екс. Болгарскій, стр. 90), можетъ быть, Сербомъ, въ Хиландарскомъ монастырѣ, на Аѳонѣ (или начала XIV в., по словамъ А. Х. Востокова въ «Описаніи Румянц. Музея», коему и принадлежитъ, подъ № СССХІХ, стр. 447—454). Прологъ этотъ содержитъ въ себѣ полныя 12-ть мѣсяцевъ, но въ этомъ спискѣ первый изъ нихъ, сентябрь, уже утраченъ; къ краткимъ жизнеописаніямъ святыхъ присовокуплены иногда тропари. Вообще, етѣ Житія не рѣдко расходятся съ подробными. Подъ 25-мъ августа въ этомъ Прологѣ помѣщена также «Паметь къ светыхъ по истинѣ преподобному отцоу нашему Архіепископоу Моравьскоу Костандина, нарицаемаго Кирила философа, и Методіа брата его, и оучителя соудца Словеньскоу езыхкоу.» За симъ прибавлено тутъ же: «И творить же паметь сию .5. Априля мѣсяца и вельми Церкви празднують въ день паметь сию». Издатель его (Калайдовичъ) прибавляетъ къ этому, что Православная Церковь празднуетъ память сихъ Славянскихъ учителей еще 11 мая и 6-го апрѣля, а Кирилла и особенно, февраля 14-го дня; Чехи и Моравцы марта 9-го, какъ это видно изъ «Acta Sanctorum,» t. II. Языкъ Пролога вовсе не Булгарскаго, но Сербскаго, разряда или извода; первоначальное же составленіе Житія очень можетъ быть Булгарское. Не смотря на всю краткость его, въ немъ довольно новаго. Такъ, судя по заглавію, и Кириллъ былъ архіепископомъ Моравскимъ, слѣдов., это согласно съ позднѣйшими Моравскими Житіями (72); но, кажется, тутъ, просто, ошибка писца, или же скорѣе, заглавіе сдѣлано кѣмъ-

то не по содержанию Житія, но по памяти и понятію о сихъ учителяхъ нашихъ, по тому что въ самомъ изложеніи, какъ замѣтилъ уже и Добровскій (въ *Maehrische Legende von Cyrill und Method*, S. 65), архіепископомъ названъ только Меѳодій, Кириллъ же учителемъ: «Тыи каажени оубо и пресвѣдосави отецъ нашъ Меѳодіе, Архіепископъ Вышнюю Моравоу, братъ соущи пресвѣдосави Кирила философа, ирѣваго оуучителя Словенскихъ ииригъ, родомъ соущи Солунциина.» Далѣе замѣчательно, что Меѳодій, какъ я сказалъ уже выше, отправляется съ Константиномъ къ Сарацинамъ и Козарамъ: «Бѣ же сѣи Методіе сѣ своимъ братомъ къ Срациниахъ и Козаряхъ, оубо сѣ иимъ прѣвославнии вѣрѣ.» Какъ понимать это? Что Меѳодій сопровождалъ брата въ Козарскую землю, это намъ извѣстно уже изъ подробнаго Житія его. Но о соупутствіи Меѳодія Кириллу въ Срацины, кромѣ Слова Похвальнаго, нигдѣ и никто, сколько я знаю, не говорилъ; а по тому, не отсюда ли составитель Пролога взялъ это извѣстіе? или, не на живомъ ли участіи Меѳодія въ дѣлѣ брата своего основалъ онъ догадку также и объ участіи его въ посольствѣ къ Срацинамъ, бывшемъ на 24 году отъ рожденія Константинова (851), тѣмъ болѣе, что и въ Козарѣхъ Константинъ препирался, кромѣ Жидовъ, тоже и съ Сарацинами? Дальнѣйшее согласіе этого Житія съ пространными Житіями Кирилла и Меѳодія состоитъ въ извѣстіи о пребываніи ихъ въ Моравѣ, приготовленіи способныхъ пручениковъ и путешествіи съ ними въ Римъ, гдѣ Римляне «дало ою скато и апостельско наречие, поставилише презкитере Словенскихъ оученикии», самаго же Меѳодія «ижеже постави Архіепископъ изъ столъ Андронина апостола Панонскихъ области (73), идаже оубо, многи ииласти и ииности пострада отъ сѣрѣуьскихъ Епископъ и презкитеръ, противещирихъса ирѣкии вѣрѣ,» т. е., рѣчь объ извѣстныхъ козняхъ Латинско-Нѣмецкаго духовенства. Находясь на семъ столѣ, онъ «къ земли Моравьстѣи преложи еса ѿ нингъ Ветхаго и Новаго Закопа отъ Гръуьскѣи въ Словѣнски;» это совпадаетъ почти дословно съ показаніемъ Іоанна Ексарха Болгарскаго: «преложи еса оуставленни иириги ѿ отъ Славнскихъ азъкиа, иже естѣ Гръуьскѣи, въ Словѣнскихъ,» между тѣмъ какъ въ Житіи Меѳодія сказано вообще: «преложи въ вѣрѣхъ еса иириги, еса исполни, рѣкии Мавлѣи, ѿ Гръуьскѣи азъкиа въ Словѣнскихъ,» за чѣмъ указывается и самое время предложенія,

т. е., полгода (съ марта по 26 октября); тутъ же, на оборотъ, означенъ даже самый годъ, что, собственно, и нужно намъ для нашего изслѣдованія: «въ ѿ единаго, въ з сотное ѿ оу и третіе лѣто, при Скитопльцѣ Кнезъ, Царь въ тѣгда Гръномъ Касиліе, а Българомъ отъ Бога Кнезь Борьсь и Крль Измечъсинимъ людемъ.» Означеніе года сбивчиво, и сбивчиво по ошибкѣ писца, по тому что такъ, какъ выставлено сдѣсь, не считаютъ не только въ Славянскихъ земляхъ, но и нигдѣ въ мірѣ: въ шести сотное, триста, четыреста третіе лѣто. Калайдовичъ, не могши объяснить такого численія, поставилъ послѣ него вопросительный знакъ въ скобкахъ, а Добровскій (*Maehrische Legende*, S. 66, Anm.) объяснялъ такъ: «Слово: «сотное» и слѣдующее твердо (т) переставлены, буква же т сдѣсь означаетъ тисоуца (т. е., «сотное» относится къ «тисоуца,» и при томъ вмѣсто «соушное,» что Сербъ, по свойству своего языка, легко могъ обратить въ «сотное»), а по тому, все это значить: «въ шести тисоушное четыреста и третіе лѣто,» 6403, что составляетъ 895 годъ. А какъ 895 не совпадаетъ съ 3-мъ Индиктомъ, то, — продолжаетъ Добровскій, — тутъ надо разумѣть одинъ изъ слѣдующихъ трехъ годовъ: 855, 870, 885. Что до «Крля Измечъсинимъ людемъ,» то уже етѣтъ прѣдънищательный изслѣдователь замѣтилъ, что послѣ «Крля» пропущено «Карль», въ чемъ ни какъ нельзя сомнѣваться, разумѣя подъ нимъ либо «Карла» (III-го, Толстаго), либо же «Карломана,» смотря по тому, къ какому году приурочимъ 6403 годъ. Я полагаю, что показаніе года можно еще и такъ объяснить, т. е., что «сотное» поставлено писцемъ вмѣсто «тисоушное» или «тисоушное, ѿ означаетъ триста (ѿ), а «оу» должно раздѣлить: о отнести къ т (въ выраженіи словами «трисото»), у вмѣсто у, означающаго 90, т же вмѣсто г: тогда выйдетъ «ѿтѿг, годъ, тотъ самый, какой встрѣчаемъ и въ пространномъ Житіи Меѳодія (885), и, что замѣчательно, тотъ же самой Индиктъ (г) въ обоихъ. Разница лишь въ томъ, что сдѣсь годъ етотъ составляетъ годъ перевода книгъ Меѳодіемъ, а тамъ — годъ смерти его, о переводѣ же рѣчь идетъ въ слѣдъ за рассказомъ о возвращеніи его къ царю и патріарху. Въ заключеніе говорится о кончинѣ Меѳодія, предсказанной имъ за три дня, и мѣстѣ погребенія: «Лежить же въ келіцѣи цѣркви

Моравьстѣи, отъ лѣвоюу страну въ ставъ за олтаремъ светые Богородице.» Добровскій извѣстіе это называетъ «страннымъ» (sonderbare Nachricht), спрашивая, гдѣ еѣ «великая церковь Моравьская?» Но на это же самое мѣсто указываетъ и Паннонское Житіе Меѳодія: «и положиша и въ съборьнѣи цркви.» Этой великой или соборной церковью въ Моравіи, конечно, могла быть только церковь стольнаго города еѣ, мѣстопробыванія великаго князя и архіепископа. Такимъ же стольнымъ городомъ Ростислава и Святополка былъ Велеградъ (74), на рѣкѣ Моравѣ, развалины котораго извѣстны теперь подъ именемъ «Градишта» (городища), основаннаго, послѣ разрушенія перваго Уграми (907 и слѣд.), только въ началѣ третьей четверти XIII столѣтія (1258 г). Прямое показаніе сихъ двухъ Житій о погребеніи Меѳодія въ Моравіи подтверждается и «Слоужбою» ему и Кириллу, въ которой, въ одномъ мѣстѣ, между прочимъ, такъ воспѣваются они: «О коу стѣл хвалится славно градъ Солоуѣсныи Курѣлѣ стѣи Меѳодіѣ, Мисна и Панонна (Панонна) и Моравьская бѣжене земѣ, славаѣни и въиначи: бѣтъ Жѣ.»

«Сѣе Меѳодіѣ, оуѣтелю приаждѣ.... та бѣжене поетъ земѣ Моравьская-уестно твое тѣло иначи и Паноньская стѣю, проскѣщѣл тобою, и людикъ сѣю, съмедшѣл праздноуѣ твоѣа память.» (75).

Такое согласное показаніе этого Житія съ Паннонскимъ Житіемъ Меѳодія въ данныхъ, заключающихся преимущественно съ такой отчетностью единственно въ нихъ, даетъ мнѣ поводъ предполагать, что Житіе это чуть ли не есть просто извлечение или сокращеніе пространнаго, и при томъ сдѣланное ученикомъ Меѳодія, который одинъ лишь въ состояніи былъ означить такъ вѣрно мѣсто погребенія его, конечно, самъ присутствуя при ономъ, по меньшей мѣрѣ, видя его гробъ: «въ величѣи цркви Моравьстѣи, отъ лѣвоюу страну, въ ставъ, за олтаремъ светые Богородице.» Такъ говорятъ одни только очевидцы. Могло даже статья, что это писано и не зависимо отъ пространнаго Житія, но такимъ же лицомъ, какъ и первое, т. е., непосредственнымъ ученикомъ Меѳодія, коротко знакомымъ съ жизнью и самимъ мѣстомъ дѣятель-

ности своего учителя. На это указываетъ и поставленіе имени князя Святополка прежде именъ другихъ государей, употребленныхъ имъ для означенія времени перевода Св. Писанія на Словѣнскій языкъ, хотя можетъ быть, уже не въ Моравіи, но въ Булгаріи, и при томъ Булгарскимъ, по происхожденію, Славяниномъ: «а Българомъ отъ Бога Кнезь Борысь» — тутъ ясно слышимъ голосъ одноземца и однородца сего князя.

в) Разныя показанія послѣдующихъ *Лѣтописей*, *Лѣтописцевъ*, *Временниковъ* или *Хронографовъ*, такъ называемыхъ, *Сказаній*, и т. п. По свойствамъ языка, который всюду Церковнославянскій или Словацкискии, но по изводу своему или редакціи содержитъ уже въ себѣ примѣсь другаго, хотя родственнаго, показанія етъ принадлежатъ *Булгарамъ*, послѣ разрушенія ихъ перваго Царства, далѣе *Сербамъ*, и наконецъ *Рускимъ*.

Изъ *первыхъ* (Булгарскихъ) въ нынѣшнее время могу назвать: 1) «Смѣзаніе ѿ сътворенія мироу» т. е., краткое исчисленіе замѣчательнѣйшихъ событій, найденное мною, въ 1842 году, въ концѣ одного рукописнаго Служебника, виѣсть съ Храбровымъ Сказаніемъ о писменехъ: оно принадлежитъ Вратиславской Гимназической Библиотекѣ при церкви св. Магдалины. Сдѣсь, въ концѣ этого лѣточислительнаго Сказанія, предъ самымъ Сказаніемъ Храбра, читаемъ коротенькій итогъ времени, прошедшаго отъ Р. Х. до Михаила, царя Греческаго: «ѿ Хѣа Рождства до първаго вѣковарнаго цѣа Костатина лѣтъ .лѣтн. (318), ѿ Константина цѣа до Михаила цѣа Греческаго лѣтъ .лѣтн. (542). Вѣстхъ лѣтъ ѿ Адама .лѣтн. (6865).» За симъ слѣдуетъ самое свидѣтельство, какъ увидимъ сейчасъ ниже, о крещеніи Моравы, посланіи въ нее Кирилла и Меѳодія и переводѣ ими Св. Писанія на «Словенскимъ языкомъ на Българскимъ». Послѣднія слова составляютъ, какъ уже было доказано разъ мною въ особой статьѣ, единственное прямое свидѣтельство, дошедшее до насъ отъ древности, о томъ, на какой именно языкъ переведено Священное Писаніе. А какъ лѣточисленіе тутъ доведено только до 18-го года царствованія Михаила III-го, т. е. $318 + 542 = 860$, то это указываетъ намъ на самое время составленія онаго; послѣ того указаніе на 6865 годъ отъ со-

творенія міра принадлежитъ послѣдующему времени, т. е., тому лицу, которое, выставивъ этотъ годъ въ семь лѣточисленіи, прибавило еще отъ себя извѣстіе о принятіи Христіанства Моравскими Славянами и посылкѣ къ нимъ Селунскихъ апостоловъ, переведшихъ Св. Книги съ Греческаго языка на Славянобългарскій. Стало быть, егѣмъ опредѣляется самое время происхожденія нашего свѣдѣтельства, именно: это будетъ половина XIV-го вѣка: 6865 г. отъ Адама и 1357 отъ Рожд. Христова, т. е., при Шишманѣ, послѣднемъ царѣ Българскомъ, преемникѣ Александра, при коемъ списанъ былъ, попомъ Филиппомъ, Сборникъ, содержащій въ себѣ, между прочимъ, «Събраніе латно (Временникъ) премудраго Мависси», 6653 (1345) г., по сию пору, къ сожалѣнію, не обнародованное. Это подтверждается и самымъ языкомъ Сказанія, который, не смотря на то, что содержитъ въ себѣ много старинны, по правописанію, принадлежитъ къ разряду Среднебългарскому (76). Въ этомъ-то лѣточислительномъ Сказаніи читаемъ, послѣ означенія 6865 года отъ Адама или 1357 отъ Р. Х., тотчасъ свѣдѣтельство о занимающемъ насъ вопросѣ: «Въ црство сего Михаила црѣ иррениъ емьстѣ Словенскимъ измъкъ Морлиа, и даяъ емьстѣ нмъ сѣмъ Месоди, и нррѣ съ нмъ, братъ его Кирилъ, сѣмъ философа сѣмъ, сѣмъ Леонидъ, и сѣмъ Филіппа. Сѣмъ нхъ пррложиста нррѣ Бжстекное писаніе Греческимъ нмъ на Словенскимъ измъкъ на Българскимъ.» Стало, по этому показанію, Месодій выдвинуть на первое мѣсто, а Кирилъ приданъ ему, конечно, по тому, что тотъ названъ въ немъ епископомъ: совершенно на оборотъ противу свѣдѣтельства Житія Месодіева, въ коемъ сказано, какъ мы видѣли уже, что Константинъ, «оустроилъ писмена и кестодѣ составилъ, нррѣ сѣмъ Морлиа сѣмъ, нмъ Месодицъ,» гдѣ послѣдній «нррѣ нмъ съ нмъ нррѣ нррѣ слррѣ нррѣ философу и оути сѣмъ нмъ;» тутъ «нмъ» составляетъ намекъ на первое покорное служеніе его младшему брату въ Козарахъ. Впрочемъ, въ заглавіи къ Проложному пергам. Житію ихъ XIII или XIV-го в., находящемуся въ Румянц. Музеѣ, оба они, какъ извѣстно намъ, названы даже архіепископами. На послѣдокъ, достойно примѣчанія, что тоже оба они поименованы философами и переводчиками (послѣднее встрѣчаемъ и въ другихъ показаніяхъ) Св. Писанія

именно на Славянобългарскій языкъ, что совершено ими въ 860 г., или въ слѣдъ за тѣмъ. Годъ етотъ открывается изъ показанія лѣтъ отъ Р. Х. до Константина Великаго, а отъ него до Михаила III-го, протекшихъ, т. е., $318+542=860$.

2) Показаніе о «днѣ кончины Меодія, архіепископа Моравска,» заключающееся въ рукописномъ «Апостолѣ» XII-го в., найденномъ въ Охридѣ и замѣчательномъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ немъ есть двѣ страницы, писанныя на половину Кириллицей и Глаголицей, а, сверхъ того, и въ другихъ мѣстахъ встрѣчаются какъ отдѣльныя буквы, такъ и цѣлыя реченія Глагольскія. Нашедшій относитъ его къ XII-му вѣку; но, судя по сообщенной имъ выпискѣ (всего 4 строчки), можно сказать навѣрное только то одно, что памятникъ етотъ списанъ съ Глаголицы (77). Вотъ это показаніе: «Въ тожде днѣ поуи валжены ѿцъ нашъ Меодіе архіепъ Моравскъ, оунтель Словѣнскоу азбукоу, иже приложи къспресь, наставляъ хати ѿ Греуѣси въ Словѣнскъ азбуки (78).» Безъ сомнѣнія, подъ «къспресь» разумѣется тутъ либо 1-я глава Евангелія отъ Іоанна, читаемая въ Свѣтлое Воскресеніе Христова; либо же, точнѣе всего, Евангелія на дни воскресные или недѣльные, «Апракосъ.» Слѣдовательно, етѣмъ утверждается участіе Меодія даже въ переводѣ Воскресныхъ Чтеній, обыкновенно приписываемыхъ одному Константину. Далѣе: «наставляъ хати ѿ Греуѣси въ Словѣнскъ азбуки,» по моему мнѣнію, означаетъ не то, чтобы одинъ лишь онъ сталъ писать съ Греческаго по Славянски, т. е., Греческими буквами, примѣненными къ свойству Славянскихъ звуковъ, но только вообще, что и онъ, какъ братъ настоящаго изобрѣтателя Славянской азбуки по образцу Греческой, принадлежитъ къ первымъ, начавшимъ употреблять ее. О Кириллѣ же не сказано здѣсь по тому, что онъ «поуи» не «къ тожде днѣ.» Иначе, слѣдовало бы показаніе это поставить выше всѣхъ другихъ показаній и, согласно съ нимъ, приписать, вопреки свѣдѣтельству всей древности, переводъ Воскресныхъ Евангелій, а съ тѣмъ и изобрѣтеніе письменъ, не Константину, но Меодію, какъ того (т. е., послѣдняго) дѣйствительно и хочетъ сочинитель статьи «О древней письменности Славянъ (стр. 67—89).» Но,

чтобы доставить мнѣнію своему какую либо степень вѣроятности, надлежитъ, прежде всего, доказать несостоятельность всѣхъ прочихъ свидѣтельствъ, въ пользу Кирилла говорящихъ, что, надѣюсь, едва ли возможно.

3) Показаніе древней «Службы св. Меѳодію», находящейся у того же самого лица, что и предыдущее, въ одномъ тропарѣ коей онъ названъ «*обратникомъ буквъ*»: «Зконъ благодати блазгата стаживъ ся, стѣю Меѳодіе, тамъ оубо кыста скатымъ оуби камъ прѣмждръ обратникъ и прѣдалъ еси своимъ людемъ и стадоу оубеникъ ихъ, ими же утѣше и оубоуахресе въ скатымъ книгы благо слоукъ Госнода» (стр. 68). Сдѣсь слово «обратникъ» можетъ представлять два смысла: по первому оно то же, что *обратитель*, отъ *обратити*, оборотить, слѣдственно, тотъ, кто обратилъ что либо отъ чего либо и къ чему либо, тутъ — Греческія письмена въ Славянскія, т. е., сдѣлавъ ихъ Славянскими, принаровивъ или примѣнивъ къ звукамъ Славянскимъ, стало быть, обратникъ то же, что примѣнитель. По второму смыслу обратникъ то же, что обрѣтатель, находчикъ, отъ *обрѣсти*, т. е., допустивъ, что въ немъ ѣ измѣнилось въ а, какъ въ Церковнославянскомъ прѣславѣмъ, грахъ; Полабскомъ млака, цлавакъ, дара, нина, пана, Любемаръ, и под., вмѣсто, прѣславѣмъ, грахъ; мѣко, цлавѣкъ (человѣкъ), дѣра, нынѣ, пѣна, Любомѣръ (79). Изъ етѣхъ двухъ объясненій трудно сказать, которое вѣроятнѣе; но, во всякомъ случаѣ, отъ того ли, другаго будемъ производить его, главный смыслъ одинаковъ — изобрѣтеніе или нахожденіе буквъ Меѳодіемъ для Славянскихъ звуковъ, намекалъ ли писавшій етѣмъ на простое обращеніе Греческаго письма въ Славянское посредствомъ снаровки или примѣненія чуждыхъ знаковъ къ новымъ, что, судя по большинству буквъ, взятыхъ изъ Греческаго алфавита, вѣроятно; или же видѣлъ въ етомъ только обрѣтеніе, иначе изобрѣтеніе, составленіе. Судя по выраженію «оубеникъ ихъ», т. е., познаніе, которое передалъ онъ «своимъ людемъ и стадоу», естественнѣе будетъ предполагать послѣднее толкованіе. Но подъ етѣмъ я понимаю только примѣненіе Греческихъ буквъ къ Славянскимъ звукамъ, отнюдь же не къ какимъ-то извѣстнымъ уже въ Славянскомъ языкѣ буквамъ

(80), слѣдовательно, существовавшимъ до Константина и Меѳодія, которыя, во первыхъ, вовсе не извѣстны, а допускаются только утверждающимъ это, какъ извѣстныя, и, во вторыхъ, если бы это было такъ, то не для чего было бы тогда и трудиться обращать ихъ. «Однако,»—замѣтить мнѣ, «такъ ли, иначе, все же Меѳодій, а не другой кто, не Константинъ или Кириллъ, братъ его, по прямому смыслу этого показанія, былъ обратникъ или обрѣтникъ, обрѣтатель Славянскихъ буквъ?» Свѣдѣтельство это принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ составленіе нашей азбуки, дѣйствительно, приписывается старшему изъ двухъ братьевъ. Уже Добровскій обратилъ на это обстоятельство вниманіе, и по тому, въ сочиненіи своемъ о Кириллѣ и Меѳодіи, распредѣлилъ всѣ свѣдѣтельства объ изобрѣтеніи письменъ въ етомъ отношеніи на три разряда: на свѣдѣтельства, приписывающія то одному Кириллу, Меѳодію и, напоследокъ, обоимъ вмѣстѣ. Замѣтимъ, что второе мнѣніе утверждали до сихъ поръ только Западные показатели, но отнюдь не очевидцы, хотя отчасти и современники, именно: неизвѣстный Зальцбургскій сочинитель исторіи обращенія въ Христіанство Баварцевъ и Хорутанцевъ, и Салонскій Соборъ. Это и естественно было, по тому что и Зальцбургское и Далматское Католическое духовенство больше и дольше всего соприкасалось и спорило не съ Константиномъ, который промелькнулъ въ Моравскихъ и Паннонскихъ странахъ какъ бы молніей (всего съ небольшимъ 4 года, а по другимъ и меньше), но съ Меѳодіемъ, которой трудился тутъ около 20-ти, и даже, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, за 20 лѣтъ одинъ, и при томъ, какъ верховный духовный пастырь обширнѣйшей іерархіи. Отправляя богослуженіе на языкъ народа Славянскаго, для котораго отыскались даже особыя письмена, получившія, съ той поры, названіе Славянскихъ, Меѳодій особенно былъ непріятенъ Латинскому священству, которое, въ жалобахъ своихъ, прямо высказываетъ это, ни мало не скрывая причины ненависти къ нему: «*Quidam Graecus nomine, noviter inventis Slavinis literis, linguam latinam doctrinamque romanam atque literas auctorabiles latinas, philosophice superducens, vilescere fecit*» (*Anonymus Salisburg.*); «*qui (quidam Methodius haereticus) multa contra catholicae fidei normam, in eadem*

Slavonica lingua manendo conscripsit (*Archidiaconus Thomas Salonit.*).» А что къ симъ чужимъ свидѣтельствамъ присоединяется теперь и Славянское, причину тому, полагаю, слѣдуетъ искать не въ етѣхъ свидѣтельствахъ, но, скорѣе, въ нѣкоторыхъ туземныхъ показаніяхъ. Таковы, прежде всего, отчасти неточныя выраженія самыхъ Жизнеописаній Кирилла и Меѳодія въ разсказъ объ изобрѣтеніи письменъ. Въ первомъ читаемъ, какъ Константинъ, склоняся на увѣщаніе царя, «но прѣкомоу обычаю, на мѣткѣ са вложи, и съ нѣмъ и съ поспѣшникомъ;» а во второмъ увѣщаніе царя обращено къ обоимъ братьямъ, которые «не съмастасѣ брѣри ни Бѣ, ни Фѣ... въ вели(коу) слышкѣша рѣчь, на молитвѣ са вложиста и съ нѣмъ, иже блжкѣу того же дѣи, иже же и си.» Если взять етѣ слова отдѣльно, то не только, прежде всего, подумаешь, что оба брата участвовали въ изобрѣтеніи, но даже при пособіи другихъ поспѣшниковъ, бывшихъ одинаковаго съ ними духа (разумѣется, больше всего, учениковъ и сотрудниковъ въ дѣлѣ обращенія народовъ въ Христіанство), между тѣмъ какъ, снесши его мѣсто съ предыдущимъ и послѣдующимъ, откроемъ, что все оспѣшествованіе Меѳодія и иныхъ единомысленныхъ ограничивалось въ семъ случаѣ только общей молитвой. Да при томъ, въ томъ и другомъ Житіи, при разсказѣ о самомъ изобрѣтеніи письменъ, прямо указывается на одного только Константина: «въскорѣ емоу (Константину) Бѣи мѣи, послушави мѣткѣ рѣкъ своихъ, и тогда сложи писмени, и шауа беседау писати Евангельскоую.» И ниже, въ посланіи Михаила къ Ростиславу: «и то ти посладомъ того, емоу же са Бѣи мѣи, моужа устави и благоуари, и низи зъво, и философи.» Последнее названіе во всѣхъ источникахъ усвоится всегда почти одному лишь Константину или Кириллу. А выраженіе: «посладомъ того, емоу же Бѣи са мѣи,» какъ сходное съ предыдущимъ, относящимся къ явленію ему Богомъ письменъ, т. е., внушенія касательно изобрѣтенія ихъ, и саѣсь должно, по тому, означать тоже. Въ Житіи же Меѳодія прямо сказано объ изобрѣтеніи азбуки нашей именно философомъ: «да тоу мѣи Бѣи философу Словѣнскимъ книги, и азки оустроивъ писмени и беседау състакъ, поути са шъ Моравьскаго, поимъ Меѳодіи.» Слѣдовательно, Меѳодій въ семъ дѣлѣ, т. е., въ

самомъ изображеніи; является, собственно говоря, въ сторонѣ, равно какъ и при переводѣ бесѣды Евангельской (Евангелія отъ Іоанна), а за нимъ и прочихъ Воскресныхъ или Недѣльныхъ чтеній (въ переводѣ коихъ, можетъ быть, и участвовалъ, но не въ переводѣ, по крайней мѣрѣ, 1-й главы отъ Іоанна, что принадлежитъ, по прямому смыслу Житія Константина, одному лишь Константину), и только послѣ совершенія всего этого, Меѳодій, бывшій, статья можетъ, въ то время все еще настоятелемъ Полухронской обители, присоединяется къ Константину, отправляется съ нимъ въ Моравію и начинаетъ опять помогать ему въ новомъ подвигѣ. «Нѣтъ сего да не можеть сътворити, разже тебе,» говоритъ царь Константину; «ты имѣти дары мнози, и мноимъ братъ своимъ, игоуми ея Меѳодии, иди же.... илутъ (Меѳодій) пакы съ покорымъ подмоуася слоужити философу и оучити съ нимъ.» Да и царь Мпхалъ, въ упомянутомъ выше посланіи своемъ къ Ростиславу, ничего не говоритъ объ участіи Меѳодія въ изображеніи писменъ, между тѣмъ какъ тутъ-то и было самое настоящее мѣсто къ тому, если бы старшій братъ, по крайности, сколько ни будь замѣшанъ былъ въ етомъ дѣлѣ; если бы сочинитель Житія зналъ что либо о томъ, сочинитель, съ такою обстоятельностью и подробностью изобразившій намъ жизнь его. При томъ, Константинъ отличался особеннымъ даромъ и способностью къ языкамъ, а Меѳодій совѣмъ другими, не менѣе важными, но все же другими, способностями и свойствами. Такъ въ самыхъ дѣтскихъ лѣтахъ, когда отланъ былъ «къ оученію ииужное, Константинъ сплмше плуе всахъ оученихъ къ книгахъ, паматію и хытростію (быстротою ума) доброю вельми, иио-и дивитса всамъ, садаше ко къ домоу своему, оутаса шпгамъ илзуесть;» вызванный логоветомъ Теокистомъ, родственникомъ своимъ, ко Двору, въ товарици при ученіи молодому Михаилу, «иллуте къса (Салинскы оучени), иио же ни единъ ѿ нилъ (соучениковъ), споростъ са съ пржежлѣмъ съилоуми, съ тзми всахъ докшше, съ нили же съаше полезите, оуклвласа ѿ оуклоуаюицхъ къ стронъти.» По совершеніи же образованія, его уговорили «оучителымъ сикъ прѣити, оутии философи своа земца и страншма.» Въ етомъ званіи онъ показалъ себя особенно въ прѣвнн съ патриархомъ Анніемъ, иконоборцемъ; въ присутствіи царя и высшаго

духовенства (843, на 16 году отъ рожд.); потомъ не менѣе отличался въ прѣнїи съ Сарацинами (851, на 24 г. отъ рожд.) о Святой Троицѣ, требовавшими нарочно для того лучшаго «мглосова изъ Грековъ (кажется, у Мелитенскаго емира, Аммермана); по возвращенїи оттуда, удалился въ безмолвіе, на гору Олимпъ, къ брату Меоодию, тоже проводившему тамъ жизнь въ отшельничествѣ, «тоимо книгами вьсадоуд.» Такіе успѣхи побудили царя отправить его и къ Козарамъ, просившимъ прислать къ нимъ «моуша книжиа, да препрїтъ Свѣра и Срдцныи,» склонявшихъ ихъ въ свою Вѣру, и соглашавшихся послѣ того принять Греческое исповѣданіе: «те по кашоу са вѣроу имемъ.» Достоинно вниманія, что и тутъ, какъ послѣ, при отправленїи къ Славянамъ, императоръ замѣтилъ ему: «ниъ во нитѣ не можеть сего достоинно сътворити.» Потому-то и писавшїй Похвальное Слово ему выразился о немъ: «родъмъ съ мѣшии вѣннзи Костѣнтинъ, а оушъмъ и добродѣтелии вѣсиръ вѣздатѣмъ мно не оуль дѣловымии прилома и скѣтаса вѣсѣмъ оученикъмъ философьскимъ... слово рѣсѣкамъ комоуждѣ изъиноу протикоу скокмоу разоуемоу, въ во имѣу данъ даръ дѣловымии изъини гѣти мно и айлоу.» Напротивъ, Меоодїй, по словамъ жизнеописателя его, отличался благообразїемъ, любя «издѣтаса устьыми вьсады,» сначала быстротою своею (способностями) побудилъ царя дать ему «ишавении дѣржати Словѣнско,» которое, однако, послѣ 10-ти лѣтняго управленія, оставилъ, замѣтивъ много безчиннаго въ жизни сей и, не хотя «устьыми дѣи оуѣзтити (навлечь на себя роптанія благородныхъ душъ), овалуеса въ урны ризи,» удалился на Олимпъ въ уединеніе, гдѣ тоже «придежаше», между прочимъ, «и книгамъ». Тѣми же самыми красками изображаетъ его и сочинитель Похвальнаго Слова: «измада житииснми слѣи илѣтъ примати, моудростно бо мно цѣтъ вѣгоуѣлнѣтъ цѣтъи, вѣсѣи владѣиими бѣи любнми, въ вьсадахъ мно Соломонъ ивѣмѣтаса, дѣвѣи прѣтѣи и пѣлѣдѣи и вѣпрѣшѣи износѣ, на слоужѣи вѣсѣмъ оугоднѣи, мно и придатъ обрѣтѣтаса, и на конѣи мно и Слѣтсонъ и Гедѣонъ и Ісѣ Навѣгнѣи, тѣи же и комѣодѣскимъ самъ приимъ.» По удаленїи на Олимпъ, «въ покниоуѣмса вѣсѣмъ съ покорѣннми и сѣмѣреннми, въ вѣдѣи и молѣтѣи, въ сѣтоужѣи и слоужѣи, въ издрѣдѣи иощѣи, въ тѣзѣи вьсѣгда, въ оуѣнѣи дѣоуѣи, въ пѣлуѣ вѣзѣи, ѿ оуѣи истѣи и испѣи мно рѣноу, и тоу оуѣи»

или все тело свое, наътскаго поном отиноудъ нехъдъи, или ксть, иъ на въсноу ноцъ стои, ѿ заходаща снцъ до въсходаща не для снъа оуима сконма, ни вѣжма си дрѣманиа, ни покоа брѣжма своимъ, пооууанса въ всламъхъ и иланихъ и ичснхъ дѣокъннхъ, съидвижадса съиостигноути житиа стѣхъ оиѣ, оветъ же прѣснъа кротостию и мхууанимъ, а другъма постѣмъ и вѣдѣнемъ и мѣткою и смѣреннемъ издрядно, и тако именитѣ въстѣ къ въсхъхъ оиѣхъ, подокъвъ величюму Дръсению и Антоиию и Слѣа, въсхъхъ житиа совою съаършамъ.» Такое подвижничество обратило вниманіе на него всѣхъ прочихъ подвижниковъ, которые, съ согласіа патріарха, желали поставить его митрополитомъ «въ уастѣа мѣста,» но, не могли убѣдить его къ тому, склонили принять игуменство въ Полихронскомъ монастырѣ, одномъ изъ богатѣйшихъ на Азіатской сторонѣ Мраморнаго моря (81). Впрочемъ, и жизнеописатель Кирилла, рассказывая о Ростиславовомъ посольствѣ и соѣщаніи царя на особенномъ соборѣ, снова влагаеъ въ уста Михаила то же самое, что прежде, при отправленіи къ Козарамъ, и тѣмъ, какъ нельзя лучше, опредѣляетъ отличительную черту свойствъ младшаго изъ братьевъ, которыми онъ превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ, слѣдоват., и брата своего, т. е., глубокую *ученость и языковѣднѣе*. Пособіе же Меѳодіа младшему брату въ такомъ высокомъ дѣлѣ, совершенное, съ особенной кротостью, и въ этотъ разъ, какъ и прежде (въ посольствѣ, конечно, къ Козарамъ), стало, ограниченіе себя второю ролью (что жизнеописатель и выставляетъ на видъ); далѣе, ученіе съ нимъ вмѣстѣ и въ одинаковомъ духѣ, равно какъ долговременная дѣятельность послѣ смерти братьней и особенная заслуга въ окончаніи перевода Божественнаго Писанія на Славянскій, преимущественно ему приписываемая біографомъ его: все это, въ совокупности взятое, очень могло навести на мысль читавшихъ его жизнь, что и онъ былъ участникомъ въ составленіи письменъ для того народа, для котораго столько потрудился. Это и видимъ мы (не говоря уже о неизвѣстномъ сочинителѣ исторіи обращенія Баварцевъ и Хорутанъ, равно какъ и о Сплитскомъ архидіаконѣ Ѳомѣ) въ Несторовомъ рассказѣ, который, какъ замѣчено уже, составилъ его преимущественно по Житію Меѳодіеву, и который

сдѣлать участникомъ и Меодія въ изобрѣтеніи азбуки: «Сима же пришедъшема въ Словѣнскую землю (къ Ростиславу), начаста съставлявати писмена азбуковъныя Словѣнски, и преложиаста Апостолъ и Еуангелъе (П. С. Р. Д. I, стр. 11).» Сообразивъ всѣ етѣ обстоятельства, и я спрашиваю, на оборотъ: можно ли заключать, что «Меодій сталъ первый писать Греческими буквами въ Славянскій языкъ?» (82).

Изъ *вторыхъ* (Сербскихъ) относятся сюда показанія, встречаемыя въ *небольшихъ Сербскихъ летописяхъ*, изъ коихъ двѣ обнаружены уже Шафарикомъ въ его «Югославянскихъ памятникахъ», именно:

1) «Лѣтописьца» по списку Сеченіевскому, около 1501 года, въ которомъ читаемъ: «Въ лѣто .,sїx. (6360—852) написа се се словеса светимъ Кирилломъ.»

2) По списку *рукописи Рацкой* (изъ Рачи) около 1671 года: «Въ лѣто .,sїx. (6360—852) написа се наша словеса светимъ Кирилломъ философомъ и оучителемъ Българскаго языка, при цари Грузскомъ Михаиле и Осодори матери его, иже оутвердише илити се светимъ иконамъ.» (83). Кромѣ указанія на годъ изобрѣтенія «нашихъ словесъ» Кирилломъ, важно въ послѣднемъ еще названіе его «оучителемъ Българскаго языка» (народа). Если это мнѣніе и не слишкомъ отдаленной древности, все же оно обличаетъ взглядъ людей, по крайней мѣрѣ, XVII-го вѣка, видѣвшихъ въ Кириллѣ наставника Славянъ Българскихъ, по тому что подъ «Българскимъ языкомъ» здѣсь, конечно, должно разумѣть не собственныхъ Българъ и языкъ ихъ, т. е., племя, принадлежащее къ Сѣверной вѣтви языковъ, родичей Гуновъ, Обровъ, Козаръ, Печенѣговъ, Половцевъ, Татаръ, Турокъ, и т. под., но народъ и языкъ Славянскій, покоренный Българами и въ это время успѣвшій уже побѣдителей своихъ и владыкъ почти совершенно слить съ собою, за исключеніемъ одного имени, оставшагося на память прошедшаго, какъ наше имя Русь, свидѣтельствующее тоже о подобномъ отношеніи двухъ народовъ, кромѣ покоренія, замѣннаго у насъ призваніемъ.

3) Свѣдѣтельство «Сказаніиъ издратца старшаго ѿ Адама до днѣшняго времени,» помѣщеннаго въ концѣ одного сборника разныхъ подлинныхъ и переводныхъ (съ Греческаго) сочиненій на Церковнославянскій языкъ по Сербскому изводу (редакціи), прежде принадлежавшаго Черногорскому Владыкѣ, Петру Петровичу Нѣгошу 1-му, и подареннаго имъ извѣстному Польскому ученому, Андрею Кухарскому, во время его путешествія (ок. 1830 г.) по Славянскимъ Землямъ, съ цѣлію занять кафедру Славянскихъ нарѣчій, въ прежнемъ Варшавскомъ Университетѣ (84). Въ 1842 году я имѣлъ случай разсматривать етотъ сборникъ въ самой Варшавѣ и сдѣлать изъ него большія выписки, изъ коихъ одну, именно, относящуюся къ теперешнему предмету моего изслѣдованія, обнародовалъ тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Москву (85). Сказаніе ето составляетъ окончаніе сборника, состоящаго изъ 4-хъ книгъ, изъ коихъ первой недостаетъ уже начальныхъ 14 листовъ, и состоитъ изъ 5 статей. Сказанію предшествуетъ «Житіе и жизнь пріо поминаннаго словенскаго вѣроуспѣшнаго гдѣ деспота Стефана, съясленно повелѣннымъ и помужденнымъ старшаго патриарха землемъ тое Сръбскимъ, и крѣ Николомъ и полатиъ вѣдѣлымъ,» и проч.; а выше (№ 49): «Географіа инома о Моухимеде,» равно какъ (№ 48) «о преставленіи деспота Гюрга въ граде Смедеревца» (6965—1457); въ срединѣ же 4-й книги (№-й 25): «Новѣсть изложена о Сръбскѣмъ госпѣ, иже поминанъ въ землемъ Сръбстанѣ вѣхъстѣи своего, колко кто прожитъ, и вѣхъду вѣхъстѣи провѣе, и кто по нѣ вѣсть, и каковы концы прѣиде.» Самое Сказаніе содержитъ исчисленіе замѣчательнѣйшихъ событій съ приуроченіемъ ихъ къ году. Судя по слѣдующимъ словамъ: «Въкоца ѿ Адама дозѣ лѣ, зѣмъ,» (6856—1348), видно, что Сказаніе сіе первоначально оканчивалось въ етомъ мѣстѣ, и что дальнѣйшее, въ которомъ чрезвычайно много и точно говорится объ отношеніяхъ Сербовъ къ Греческой и Турецкой Имперіямъ, а также и прочимъ сосѣдямъ, составлено было уже послѣ, и при томъ въ нѣсколько пріемовъ. Ета вторая часть его доведена до 7-ми (7082—1574) лѣта: послѣднее извѣстіе о преставленіи «прѣосвѣщеннаго архіепископа Аѣвонѣа, тоежде прѣие Пѣвские архіепископа» (86). Въ его-то первой части читаемъ слѣдующее извѣстіе: «Махалъ сѣѣ Осѣфлокъ съ матерію сѣ Осѣрою,

лѣ .кѣ. и съ Ксїанѣмъ Манадонѣмъ лѣто едно, и мѣ .д̄. При сихъ оуки се Православіе и иноши сѣмъ въ цркви вѣстїише се нѣмъ, и Балгари хрѣтїани быше, и словеса Словейсїа саставише се сѣмъ Курїлаѣ въ лѣ .стѣ. (6360—852). Ксїанѣ Манадонъ .Ѡ. лѣ. При сѣ Рѣси црѣтїи се и вѣше Хрѣтїане.»

Наконецъ, къ Сербскому разряду относится и показаніе «Синаксаря» или Святцевъ при *Псалтыри*, печатанной въ Черногорьѣ, на Цетинѣ (въ 4-ку, на 347 лист.), 1495 года, второй изъ напечатанныхъ тамъ книгъ (первая, Октоихъ или Осмогласникъ 1494 г., въ л., на 270 л., отъ коей сохранился только одинъ листъ въ мѣстѣ печатанія своего), и дошедшей къ намъ только въ одномъ экземплярѣ, который, какъ сказано было г. Кухарскому, уступленъ въ одно изъ Рускихъ книгохранилищъ (87). Въ Синаксарѣ этой псалтыри читаемъ, подъ 14-мъ февраля: «Светаго Кирила филосога и оуцнителя Словенскаго» (88). Слѣдовательно, изъ этого узнаемъ только, что Кирилъ философъ и по свѣдѣтельству одной изъ древнѣйшихъ первопечатныхъ книгъ Кириллицей былъ *учителемъ Славянскимъ*. Въ другихъ же, какъ древняго, такъ и послѣдующаго, времени Мѣсяцесловахъ, рукописныхъ и печатныхъ, не рѣдко и того менѣе говорится о немъ. На примѣръ, въ Синаксарѣ, при извѣстномъ Остромировомъ Евангеліи: «д̄и (Фекрѣра) нѣ прѣданаго Духейта хѣдотворца, и прѣданаго оца нашего Константина филосога, прѣсвѣтаго въ хрѣнѣуство писанъмъ Курїла» (оборот. 265 листа, столб. 2). А въ Синаксарѣ харатейнаго (или пергаменнаго) Евангелія «Апракосъ», принадлежащаго Московскому Архангельскому Собору, № 3-й, въ л., (на обор. 251 л., столб. 1), подъ 6-мъ апрѣля: «Въ .л̄. стѣхъ сѣпомъ .ста. и .л̄. и стѣ оца, сѣтѣха архїейна. И стѣ Мефедїа архїейна, и Курїла врата жго.» (89) На оборотъ, въ Святцахъ нѣкоторыхъ, весьма старинныхъ, рукописныхъ Евангелій и т. п. (на прим., при пергаменномъ Мстиславовомъ Евангеліи, хранящемся въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ, 1125 г., № 1-й; при такомъ же Евангеліи 1144 г., Московской Синодальной Библіотеки, и др.), вовсе не находимъ ни одного изъ Селунскихъ просвѣтителей Славянъ.

Изъ *Третьихъ* (Русскихъ) принадлежать сюда:

1) *Сказанія Русскихъ Хронографовъ*, изъ коихъ, въ нынѣшнее время, доступны мнѣ слѣдующія: а) *Сказаніе Хронографа, писаннаго на бумагѣ, въ 4-ку, полууставомъ, конца XV-го вѣка (1494 года), въ Псковѣ, Дьякомъ съ Дубкова или изъ Дубкова (въ подлинникѣ Сдубкова), и находящагося въ Румянцевскомъ Музеѣ, въ Петербургѣ (въ мал. л., на 475 л., въ два столбца, полууст.)*. Сказаніе это напечатано при сочин. Добровскаго «Кирилъ и Меѳодій» въ Рускомъ переводѣ, въ числѣ «Приложеній» (III-е, стр. 108 — 120); самъ же Хронографъ подробно описанъ А. Х. Востоковымъ (въ «Описаніи Русскихъ и Словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музея,» подъ № ССССЛIII, стр. 725—734). Отсюда узнаемъ, что онъ «содержитъ въ себѣ сначала *Палею*, т. е., Священную Исторію по книгамъ Ветхаго Заѣта, со вставками изъ апокрифическихъ книгъ, потомъ Исторію Монархій по Временнику Георгія Амартола, а Русскія происшествія только до Владиміра, въ немногихъ краткихъ выпискахъ. Начинается шестодневомъ, т. е., описаніемъ сотворенія міра, съ богословскими толкованіями, большею частію по шестодневу Іоанна Ексарха; при чемъ сочинитель часто обращаетъ слово свое къ Жидовину, приводя противъ него изъ Ветхо-Законныхъ книгъ доказательства о истинѣ Евангелія.» Такъ какъ въ этомъ спискѣ первые листы утрачены (до описанія 3-го дня), то и нельзя знать, каково было, собственно, начало его; но, судя по Сборнику подъ № ССCLXI (въ мал. л., на 347 л., полууст. исхода XVI, или начала XVII в., заключающаго въ себѣ только изъясненіе Книги бытія до Авраама, послѣ чего слѣдуютъ разныя историческія и богословскія статьи; стр. 517—519), содержащему въ себѣ тоже *Палею*, заглавіе было: «*Палея пріе- доваго оца нашего Іоанна Дамаскина.*» Въ другихъ спискахъ (Собранія Гр. Толстова I, 78, и V, 50) она приписана Іоанну Златоусту. *Палея* эта, замѣчаетъ Востоковъ (тамъ же), совершенно отлична отъ *Палеи*, находящейся въ Румянц. Музеѣ подъ № ССХСХVII (въ 4-ку, 310 л., полуустав. XVII в., подходящимъ къ скорописи), собранной изъ Хронографовъ и тому подобныхъ источниковъ (стр. 421—422), съ довольно длин-

замѣтить, что та часть ея, въ коей заключаются свѣдѣнія, относящіяся къ нашему предмету, представляетъ, какъ нарочно, самое странное смѣшеніе извѣстій, взятыхъ на выдержку изъ разныхъ источниковъ, Богъ вѣсть кѣмъ составленныхъ, но списанныхъ обонимъ писцами со всею добросовѣстностью. Замѣчательно, что такая путаница существуетъ только въ одной етой статьѣ. Извѣстія етѣ, по видимому, всѣ подбирались, преимущественно, для уясненія начала крещенія Руси и, по поводу оногo, начала грамоты въ ней и богослужебнаго языка. Доказательствомъ тому служитъ то обстоятельство, что въ етомъ хронографическомъ показаніи встрѣчаемъ нѣсколько разъ, кстати и не кстати, рассказъ о началѣ Христіанства на Руси и, съ тѣмъ вмѣстѣ, Славянскою азбукою, изобрѣтенною, яко бы именно для Рускаго языка, Рускимъ и на Руси: мнѣніе, которое довольно рано начинается уже показываться въ нашей письменности подъ разными видами, и которое вкралось даже въ изложение Паннонскаго Житія Кирилла, какъ видѣли выше, въ томъ его мѣстѣ, гдѣ рассказывается о пребываніи послѣдняго въ Херсонѣ и изученіи языковъ Еврейскаго и Самарійскаго, равно какъ, по нѣкоторымъ спискамъ, и въ изложение Храброва Сказанія о писменехъ, въ коихъ извѣстіе о «Словѣнскихъ книгахъ» всюду примѣнено къ «Роусымъ», хотя это было въ совершенномъ разладѣ съ предыдущимъ и послѣдующимъ, не говоря уже о самомъ содержаніи сказанія. Такъ, на примѣръ, въ статьѣ (по счету 26-й): «Преложеніе грамотамъ», найденной мною въ извѣстной (разумѣется, больше по названію) «Чепи златой» (93), по списку въ Четьи-Миней митрополита Макарія (помѣщенной послѣ 31-го іюля, начиная съ 1897 листа, и составляющей свободную передѣлку Сказанія Храбра), читаемъ: «Прежде же всѣхъ емсть Жмдоуьская грамота. С темъ смѣша Славянскіи грамотицици, таке по сихъ Римьская и проуи и ииѣ мнози. По мноухъ же лѣтахъ Русьская, послѣ же всѣхъ Пермьская.» Послѣднее слово указываетъ на вѣкъ составленія етой статьи, что еще больше видно изъ того мѣста, гдѣ сочинитель, подобно Храбру, отстаиваетъ ее отъ нареканій, и при томъ почти его словами и выраженіями: «А Греускоуо лѣфантеу Славки, не прѣсиѣ сѣре, съставивама сѣте. Тацъ и по

тому жъ Пермская грамота, иже Славянская, юже Стефанъ сътвори, но Кирилъ философи спосоклаше многожды братъ его Мефодъ, или грамоту складати, или азбуку съставити, или книги переводити. Стефану жъ книто жъ обрѣтается помощникъ, разже токмо едиъ Бгъ намъ приважше и сила, помощникъ къ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зде.» Наконецъ, мѣсто о времени и годѣ составленія азбуки такъ передѣлано: «И аще въспросиши Русьския грамотники, гдѣ: кто имъ есть грамоту сътвори и книги претълковалъ, то вси вѣдють и скороу отвѣщють, рекоуще: стъи Костантинъ философъ, нарицешъ Кирилъ; тѣи намъ грамоту сътвори, и книги преложи на Русьския шукни на Русьскимъ съ братомъ си съ прѣимъ с Мефодомъ, иже бысть послѣди стъи Моравскимъ....» Вѣроятно, такая передѣлка Храброва Сказанія произошла, по крайней мѣрѣ, въ XV столѣтїи, т. е., скороу послѣ кончины изобрѣтателя Пермской азбуки (1396 г.); слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, что мнѣніе ето встрѣчается намъ въ Палѣи и служило, такъ сказать, путеводной мыслью при составленіи свѣдѣнія о началѣ нашихъ письменъ, *сплоченнаго* кѣмъ-то изъ Паннонскаго Житія Кирилла и тому под. Въ послѣдствїи, етѣ извѣстія, отовсюду собранныя, были кѣмъ-то спутаны самимъ страннымъ образомъ, такъ что въ буквальномъ смыслѣ слова представляютъ собою «*membra disjecta*». Пересмотримъ же составъ етой статьи со всѣми ея излучинами, безъ чего не можемъ имѣть яснаго понятія о достоинствѣ ея и отношеніи къ изслѣдываемому нами вопросу.

Статья наша соприкасается съ статьей, содержащей въ себѣ сказаніе о «Царствѣ Римскомъ,» отъ Ромула до Константина. Извѣстія етѣ чрезвычайно кратки, особливо со времени Константина, и при томъ переплетены, на своихъ мѣстахъ, вставками о рожденіи, жизни, страданіи и т. д. Христа, осадѣ и взятїи Иерусалима, Оригенѣ, Манентѣ, мученикахъ при Максимилианѣ и Диоклитіанѣ, 7-ми соборахъ, Бахметѣ или Магометѣ, Петрѣ Гугнивомъ и о Латинахъ. Самыя же вставки всѣ имѣють свой смыслъ и мало нарушаютъ стройность цѣлаго, что продолжается до самаго Михаила, сына Теофилова, т. е., того самаго, съ коего и Несторъ повелъ свой рассказъ о Рускомъ народѣ и его соплеменникахъ. Но тутъ начина-

ются пополненія нашего издѣлія, въ сущности ничѣмъ не хуже такихъ же въ другихъ Временныхъ Книгахъ, только, какъ сказано, страшно перебиты въ обѣихъ спискахъ Палѣи. Сказавъ о числѣ лѣтъ царствованія Михаила, прежде всего сообщается извѣстіе о крещеніи Болгаровъ и переводѣ книгъ съ Греческаго на Славянскій: «По Феодоре же црѣкови Михаилъ сѣхъ его с мѣрою с Феодорою лѣ .д., а единъ .і. лѣ, а съ Касимельмъ лѣ .д. и при семъ црѣтви, ко .б. с лѣ црѣтви его, прѣдѣ въ змѣла Болгарьскимъ, и прѣложиша книги ѿ Грекукаго изумилии Словеньскимъ изумилъ, Кирилъ философъ с Мефедельмъ, а лѣ .зѣ. и .лг., при Бориси кѣзи Болгарьстемъ.» За симъ слѣдуетъ разсказъ о походѣ Володимера (ошибочно, вмѣсто Аскольда и Дира) въ Греку, въ 200 ладіяхъ 6374 (866) года, съ замѣчаніемъ, что «прѣже тѣхъ лѣтъ Словени и Крикици ходиша въ Карагому», прося, для наряду въ ихъ землѣ, дать имъ «ивази, да владѣють ими.» Вмѣсто того, чтобъ продолжать извѣстія изъ Рускихъ лѣтописей, тутъ нежданно встрѣчаемъ поворотъ къ прежнему: «Сѣе оубо на прѣдлежаща да возратимса,» т. е., о томъ, какъ мать Михаила царя, Феодора, снова «оутверди прѣстославнью вѣрѣ (Православіе) и стѣхъ мною поклицине.» Послѣ этого опять обращеніе къ разсказу о приходѣ Руси на двухъ стахъ лодьяхъ: «По сѣхъ же црѣ на Агардми иде коскати,» и, дошедши «чермилъ рѣки,» получилъ вѣсть отъ епарха, «шко Рѣсь на Костайтинъ градъ идетъ,» ея разсѣяніи и т. д. За тѣмъ объ убіеніи Михаила Васплиемъ Македоняниномъ, замѣчая, что до этого событія прошло отъ 7-го Собора 64 года и 9-ть мѣсяцевъ; за Васплиемъ исчисляются его преемники, съ означеніемъ лѣтъ царствованія, до Константина Багрянороднаго, при коемъ «коска Семесѣ с Болгарь,» а «к лѣто .д. и .лг. и .дм. иде Игоръ на Грѣ въ .і. корель,» за тѣмъ, какъ и съ извѣстіемъ объ Аскольдовомъ походѣ, поворотъ къ прежнему, т. е., о томъ, кто послѣ Константина былъ царемъ: «По Костайтинѣ црѣткови Ромилъ, поставленъ на Костайтинѣ црѣмъ и Николою патриархомъ,» и, какъ ни въ чемъ не бывало, «К лѣ .д. и .лг. и .дм., иидити Юю же мѣдъ въ .і. дѣ, прѣлизша Роѣ на Костайтинъ градъ в лодичѣхъ .і. и сѣе гѣмъ, ѿ реда Варлжсиа сѣчимъ,» и пр. Явно, что лѣточисленіе, поставленное вѣнше, должно стоять тутъ, а послѣднее совершенно неу-

мѣстно, и скорѣе относится не къ Игореву походу на Греки, но къ походу на Печенѣгы, равно какъ и къ извѣстію о воцареніи Романа, дѣйствительно случившемся около того времени, а по другимъ, въ этотъ самый годъ; но это, какъ и многое другое, по обычаю, перепутано. Конечно, такая путаница произошла частью отъ самаго собирателя извѣстій, а частью и отъ переписчиковъ. Такъ, рассказавъ о разсѣяніи «людей Руси,» онъ обращается къ царствованію Романа, который, «долгою старостью и недзгомъ изнемогъся, ко прирощѣ рѣжжмго Востанѣннѣ повелѣ,» а «въ лѣтѣ 75. и 76. и 77. индикта 7 по радѣ на которое и третеею скоа сѣмъ, мѣжъ о мѣи мѣи, оутверди,» и какъ на него возсталъ сынъ его, Стефанъ, «с полаты зде снѣде оѣдѣ, и строникъ, оземьсткова, и постриже и уерморизуѣ, оуслалъ самодержецъ Константинъ сего зѣ, мѣдѣ дѣбѣ въ 78. и 79. и 80. Романъ же цѣрѣ по остроке оумре.» Сдѣсь, въ первомъ лѣточислительномъ показаніи пропущено цѣлыхъ 50 лѣтъ, между тѣмъ какъ во второмъ цифра эта на своемъ мѣстѣ, и пропущена едва ли дьякомъ съ Дубкова, или попомъ отъ Домонтовой стѣны, въ коихъ одинаково ее встрѣчаемъ; показаніе же, само по себѣ, вполне вѣрно. За нимъ ужь слѣдуютъ выписки о занимающемъ насъ предметѣ; но, какъ говорится, ступилъ впередъ, а пошелъ назадъ: годъ составленія Славянской грамоты, одинаковаго свойства съ годомъ 6403-мъ, т. е., какъ тамъ опущено число «и» передъ «ѣ». такъ и тутъ «ѣ» передъ тою же самою чистительной: «В лѣтѣ 75. 76. 77. Константинъ философъ нарече мѣи Кирилъ створилъ грамоту Словенскимъ (въ спискѣ Дьяка «словеснымъ») «мзыкомъ, глѣмъ мѣи мѣи, ко дѣи Михаила цѣрѣ Греускаго и ко дѣи мѣи мѣи Люрика (въ спискѣ священника поправлено «Рюрика») Новгородскаго (въ 1-мъ спискѣ («Новгородскаго»), егѣ сѣмъ Руска земля прѣнде.» Кромѣ, упомянутой уже выше, ошибки въ годѣ, указаніе на царствовавшихъ государей во время составленія Славянской грамоты говорить не въ худую сторону этого извѣстія, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Да и въ другомъ отношеніи оно замѣчательно: я говорю о названіи грамоты Словенскаго языка словомъ «митица,» которое уже подало поводъ однимъ видѣть въ этомъ

намекъ на Глаголотицію, т. е., Глаголотику (94), а другимъ просто обращеніе на Рускій ладъ Латинскаго *litterae*, *litterae*. Которое изъ сихъ двухъ мнѣній справедливѣе, пока, ничего не скажу, предоставляя полную волю историческому изложенію хода дѣла. Шафарикъ въ новѣйшемъ своемъ трудѣ «Памятники Глагольской письменности» (стр. XXIV—XXV), разбирая послѣднее мнѣніе, говоритъ: «Что же касается свѣдѣтельства Сказанія о Русскомъ письмѣ и переводѣ, найденномъ Кирилломъ, то я думаю, что его можно съ основаніемъ относить только къ Варягамъ—Руссамъ въ Тавріи и Готскому письму, по тому что, умалчивая уже о ненадежности показанія сего касательно происхожденія и времени, я не нахожу въ словахъ «Святцевъ» и «Службы» того значенія, какое насильственно придаютъ имъ. И точно, горько и даже рѣшительно невѣроятно, думать, чтобы Меѳодій, отвергая Славянскую азбуку Кирилла, и замѣняя ее своей Греко—Славянской, старался самъ помрачить славу брата своего, правда, младшаго, но далеко ученѣйшаго и при томъ умершаго уже. Никогда *непозволительно* рѣшать предметы такого рода, и при томъ столько темные еще, словами того, или другаго посторонняго свѣдѣтеля, но рѣшать должно согласнымъ показаніемъ всѣхъ настоящихъ очевидцевъ. Вѣдь это же самое сказаніе въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что Кириллъ только въ послѣдствіи, именно, по возвращеніи изъ Тавріи, изобрѣлъ Славянскія письмена въ Царьградѣ, узнавъ изъ устъ самаго императора, что Славяне не имѣютъ еще ни какой азбуки, которая бы годилась для написанія священныхъ и богослужебныхъ книгъ? Да и современный черноризецъ, Храбръ, утверждаетъ, что Славянское письмо составлено было на основаніи Греческаго; съ етимъ согласуются показанія папы Іоанна VIII-го, епископа Гавдерика, лично знавшаго Кирилла, неизвѣстнаго Хорутанца и Іоанна Ексарха Болгарскаго, жившаго въ самомъ началѣ X-го столѣтія: всѣ они въ одинъ голосъ говорятъ о новостяхъ письменъ и переводъ книгъ на Славянскій языкъ. Сличая етѣ прямые свѣдѣтельства съ толкованіемъ темныхъ и ложно понятыхъ словъ о Кириллѣ въ Тавріи по Румянцевскому Хронографу XV-го вѣка, послѣднія можно назвать просто «ды-

ломъ и паромъ.» Въ другомъ мѣстѣ, именно въ предисловіи къ «Житію блаженнаго оуучителя нашего Константина философа,» напечатанному имъ въ концѣ 1851 года (въ Прагѣ) въ «Памятникахъ древней югославянской письменности,» а также и въ общемъ предисловіи къ послѣднему, онъ говоритъ почти то же самое. Въ первомъ (стр. IV): «Житіе его распространено по многимъ землямъ и рукописямъ, и изъ него выписывались и вставлялись цѣлыя статьи въ другія старинныя сочиненія; таковы, на примѣръ: объ осми словахъ Константина, переведенныхъ Мееодиѣмъ, о содержаніи философии, о поставленіи человѣка среди Ангеловъ и животныхъ, о чествованіи Константина у Кагана, о подписи на Соломоновой чашѣ и т. д. Какъ бы то ни было, Житіе наше, не смотря на позднѣйшія поновленія и вставки, въ нѣкоторыхъ спискахъ содержитъ въ себѣ доказательства того, что оно произведеніе близкаго очевидца всѣхъ дѣяній и предпріятій св. Константина. Впрочемъ, къ таковымъ обновамъ и вставкамъ не принадлежитъ, по моему мнѣнію, извѣстіе, упоминаемое въ VIII-й главѣ о Русскомъ языкѣ и письмѣ, по тому что сдѣсь слово «Русскій,» употреблено еще въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно было въ ходу ок. 857 года, и относится не къ Славяно-Руссамъ, но къ Варяго-Руссамъ въ Таврии, преемникамъ Готскаго богослуженія. Тутъ *Русскія письма суть Готскія письма.* Еще болѣе: можетъ быть, мѣсто въ XVI-ой главѣ, въ которой исчисляются «Готѣи, Обри, Турси,» обремененное столькими разнорѣчіями, первоначально читалось «Готѣи ти Руси (Ръси)». Во второмъ (стр. VI): «Къ сказанному въ предисловіи къ Житію св. Кирилла касательно объясненія мѣста въ VIII-й главѣ о Русскомъ Евангеліи и Псалтыри, прибавлю сдѣсь еще, что, хотя, прочитавъ даже новѣйшія сочиненія Погодина, Круга, Куняка и Крузе, считаю правдоподобнымъ извѣстіе сказаній о поселеніи и крещеніи Варяго-Руссовъ (Бравалина и другихъ) въ Таврию до 860 года, однако же, охотнѣе отноту слово «Русскій» къ Готамъ. Другіе, статья можетъ, скорѣе захотятъ видѣть въ етомъ «Глагольское письмо.» Я даже и того не вижу въ етомъ сказаніи, что видитъ Шафарикъ, т. е., чтобы въ немъ рѣчь шла о Варяго-Руссахъ и Готскомъ пись-
7»

мѣ. Конечно, отдѣльныя лица изъ Варяго-Русовъ могли уже во время пребыванія Константина съ Меодіемъ у Козаръ въ Крымѣ (857 — 858, по другимъ 861), быть Христіанами, но не могли имѣть Евангелія и Псалтыри на своемъ языкѣ, по тому что въ Сказаніи рѣчь идетъ объ етѣхъ книгахъ, найденныхъ Константиномъ и писанныхъ Рускими буквами, равно и о челоуѣкѣ, говорившемъ на етомъ языкѣ, съ которымъ побесѣдовавъ, Константинъ узналъ силу языка, и по томъ, примѣняя его къ своему и разбирая по складамъ, скоро рѣ выучился чтенію и произношенію: «*Обратѣ же тоу Єгліе и ꙗлатирь Роускими писмены писано, и ꙗкиа обратѣ ꙗиоуи тоу бесѣдоу, и бесѣдоуа съ нимъ, и силъ рѣчи прѣимъ, свои бесѣда прѣкладъ раздѣлуаа писмена, гласила и согласила, и изъ Бѣоу мѣтѣоу тѣора, етѣскора научатъ ꙗести и силзати, и мнози са емоу дивахоу, Бѣа дѣлаще.*» Очевидно, тутъ и помину нѣтъ объ языкѣ Готскомъ, или, положимъ, другомъ какомъ, на которомъ писаны были найденныя имъ Евангеліе и Псалтырь: рѣчь шла только о челоуѣкѣ, вразумившемъ Константина въ етой, а не другой какой, грамотѣ, грамотѣ иного происхожденія, хотя Варяго-Русъ, если разумѣть подъ нимъ Норманна (Шведа, Датчанина, Нѣмца, Англичанина?), въ состояніи еще былъ въ ту пору понимать названныя книги и на языкѣ Таврическихъ Готовъ (даже по переводу Ульфила), кои давно считались Христіанами и составляли особую Епархію, зависѣвшую отъ Греческаго патріарха. Въ VIII-мъ стол. они, предводимые епискомъ своимъ, Іоанномъ, довольно противились Козарамъ (95). Тоже самое сказать должно и о предположеніи, будто ето извѣстіе о нахожденіи Константиномъ Евангелія и Псалтыри на Рускомъ языкѣ, ни мало не даетъ повода къ уменьшенію заслугъ св. Кирилла и Меодія и не опровергаетъ того, что они были изобрѣтателями Славянскихъ письменъ: по тому что «такой переводъ,—говорятъ намъ,—хотя и могъ существовать, однако жъ, онъ могъ быть писанъ *Греческими буквами*» (Казанскія Губерн. Вѣдомости 1842 года, № 20). Если бы етотъ переводъ былъ писанъ Греческими буквами, въ такомъ случаѣ Константинъ не сталъ бы учиться чтенію его, хоть бы, можетъ быть, и не совсѣмъ понималъ читаемое. А изъ того, что онъ самъ не умѣлъ читать етого перевода (что очень странно звучитъ

при Греческой *транскрипции*), ни какъ не слѣдуетъ еще предполагать, что этотъ переводъ былъ писанъ Глагольскими письменами. Прежде всего надобно доказать, что «Росьскіи писмены» и Глагольски — одно и то же, къ чему упомянутое извѣстіе не даетъ ни малѣйшаго повода. Отъ того я все таки рѣшаюсь считать это извѣстіе скорѣе позднѣйшей вставкой въ Житіе Кирилла, съ цѣлію объяснить, откуда въ Константиновѣ знаніе языка Славянскаго, который здѣсь разумѣется подъ именемъ Рускаго (тѣмъ болѣе, что на Константина и брата его по большей части смотрѣли, какъ не на Славянъ, откуда въ Проложныхъ Житіяхъ ихъ, какъ мы видѣли уже, замѣчаемъ тоже самое намѣреніе уяснить знаніе Славянскаго языка, по крайней мѣрѣ относительно Меѳодія, выучившагося ему во время своего правленія Славянскимъ Княжествомъ; слѣдовательно, мнѣніе это показалось тогда, когда стали забывать, или мало обращать вниманія на Селунское происхожденіе ихъ), Житіе, изъ котораго оно перенесено и въ Палѣю, тѣмъ существенной частью онаго, принадлежащей составителю самаго Житія, по тому что тогда, по замѣчанію Шафарика, дѣйствительно произошелъ бы тотъ случай, о которомъ онъ упоминаетъ, т. е., послѣдній самъ бы собою противорѣчилъ, представляя вскорѣ за тѣмъ рассказъ о посольствѣ Ростислава въ Царьградъ, и тутъ же объ изобрѣтеніи Славянской азбуки, какъ послѣдствіи этого событія, азбуки, уже до того, по собственнымъ же его словамъ, отысканной Константиномъ «въ Козарѣхъ.» Подобныхъ вставокъ, дышащихъ ревностью не по разуму къ своему, довольно встрѣчается въ письменности каждаго народа, слѣдовательно, и нашего, на что, если нужно; можно представить цѣлыя десятки примѣровъ. То не оправданіе, что «на святыхъ братьевъ, Кирилла и Меѳодія, глядѣли у насъ постоянно, какъ на Грековъ, и, стало быть не могли назвать роднымъ языкомъ ихъ языка Славянскаго (96).» Во первыхъ, не «постоянно,» и во вторыхъ, развѣ большинство такъ глядѣвшихъ на нихъ исключаетъ возможность взглянуть кому либо иначе, и такой взглядъ свой записать кстати, съ цѣлію передать его потомству? Взглянулъ же иначе кто-то въ этой самой Палѣѣ (я соединяю однородное въ ней вмѣстѣ, хотя оно

разбросано) на принятіе Русью Вѣры, пошедши въ слѣдъ за етѣмъ извѣстіемъ о Рускихъ письменахъ въ Херсонѣ, включенномъ сюда, очевидно, изъ Житія Кириллова, и, развивая все далѣе и болѣе сказанное въ началѣ только какъ бы намекомъ, въ двухъ мѣстахъ. Въ етомъ взглядѣ, высказанномъ подѣ конецъ тоже опять по поводу выписки о смерти Кирилла, кажется, изъ какого-то Синаксаря, вклеенной сюда, очевидно, по тому лишь, что о немъ выше говорено было, уже не довольствуются тѣмъ, что Константинъ обрѣлъ Евангеліе и Псалтырь на Рускомъ языкѣ, равно какъ и человекъ, бѣдодовавшаго по Руски, но прямо утверждаютъ, что, какъ «въ роуѣмъ изуми и ѿкоуду же прѣа,» такъ точно «и грамоту Роускоюю,» которая «никимъ же писана, но токмо слышана Бѣмъ еседержителемъ, ѿрѣмъ, и Сѣомъ и Сѣмъ Дѣомъ». Первую «Володимеруѣ Сѣмъ Дѣмъ едоудноудъ прити, а ѿрѣмъ ѿ Греки и протии иудѣ ѿрѣкимъ,» а вторая «писана Бѣомъ дѣмъ ѿ Корсоуе Роусиноу, ѿ немъ же илоудиса философъ Константинъ, и ѿтоуду сложикъ и написалъ книги Роускимъ гласомъ... (въ Моск. Акад. № 19 спискѣ «изумкомъ») гѣмъ моудъ Роусинъ ѿмъ ѿгоудрѣмъ (въ Моск. Акад. «и жикѣмъ ѿгоудрѣмъ»), ѿмъ и доудрѣмъ, къ уѣмъ вѣрѣ, едикъ ѿудиникѣ, и гѣ едикъ ѿ Роуски изуми писана прѣмъ ѿрѣмъ, и неѣудомъ никимъ же, ѿкоуду ѿмъ емъ.» Слѣсъ Константинъ ужъ даже «писана книги Роускимъ гласомъ или «изумкомъ.» Далѣе: опять рѣчь поведена о Константинѣ, какъ продолженіе извѣстія, представленнаго выше, и говорится, что онъ жилъ «е дѣмъ Михаила ѿрѣмъ и ѿгоудрѣмъ Прѣим (?), посланъ ѿмъ (въ Моск. Акад. сп. прибавлено: «философъ Константинъ») и Морѣкоу (опять прибавл. тамъ же: «Михаилѣ ѿрѣмъ») Морѣксному кѣмъ, проснишу философа, и тамъ шѣдъ, илоуди Морѣкоу, и Лѣмъ, и Уѣмъ, и проудѣ изуми, и ерѣмъ прѣкосалимоуду ѿудрѣмъ и никъ (Моск. Ак. «и Лѣмъ, и Уѣмъ, и проудѣмъ изуми, и ерѣмъ ѿудрѣмъ къ ѿмъ Прѣкоудрѣмъ»), и книги писана имъ Роускимъ гѣмъ (Моск. Ак. «и книги писана Рѣскимъ изумкомъ»), и доудѣ илоудикъ, и ѿтоудѣ иде къ Римъ, и тоу разколекѣ, ѿелудѣ къ уѣрѣмъ римъ, и ирѣкошѣ имъ емоу Кирилъ, е томъ болѣудѣмъ и прѣстѣмъ (Моск. Ак.: «доудѣ... ѿудѣ... разколекѣ, и ѿелудѣ къ уѣрѣмъ римъ... Кирилъ, и къ томъ болѣудѣмъ прѣстѣмъ») (97). Извѣстіе это, конечно, весьма важное, но отнюдь не строго историческое, составляетъ дальнѣйшее чье-то предположеніе, основанное на

вмѣстѣ, Чешскій инокъ обители Емаусской въ Прагѣ, созданной императоромъ и королемъ, Карломъ IV-мъ, именно для отправления на Церковнославянскомъ языкѣ по сряду, однако, Римскому, особенными монахами, вызванными имъ для того нарочно изъ Далмаціи, считалъ необходимымъ, въ 1395 году, сдѣлать, въ концѣ Глагольской части (или, по его страны), на всякой случай, надпись Глагольскими буквами, по Чешски, что, между прочимъ, говоритъ объ его происхожденіи. Надпись эта, слѣдственно, показываетъ его и, можетъ быть, также современниковъ его, взгляды на етъ два вѣроисповѣдныя обряда, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и двѣ азбуки, употребляемыя въ нихъ служебныхъ книгахъ (99). Стало, повторяю, такой взглядъ на Кирилла и Меѳодія, если бы онъ былъ дѣйствительно общимъ нашимъ предкамъ, не мѣшаетъ вставкѣ этого сказанія ни въ Житіе Кирилла, ни изъ него въ спутанное сказаніе Палѣи. Приводить же въ дополненіе его другое сходное сказаніе, находящееся въ одномъ изъ Хронографовъ Рускихъ XV вѣка, точнѣе Палѣи, не слѣдуетъ, по тому что это послѣднее не идетъ сюда, не составляя собою ничего новаго, но находясь именно вмѣстѣ съ первымъ сказаніемъ и, такимъ образомъ, принадлежа съ нимъ къ одному и тому же роду, — компиляціи составителя Палѣи.

Сказавъ, какъ мы видѣли уже, объ изобрѣтеніи азбуки Кирилломъ при Михаилѣ, царѣ Греческомъ, и Рюрикѣ, князѣ Новгородскомъ, составитель хотѣлъ было далѣе представить объ этомъ событіи нѣкоторыя подробности, судя по заглавію, тутъ же имъ выставленному (и при томъ, въ строку): «**Ѡ грамотѣ**». Для того онъ сталъ выписывать изъ Храбра свѣдѣнія о составленіи, прежде всего, азбуки Греческой, какъ первообраза Славянской: «**Греческію грамотѣ створиша ѡ. мужь: Нилмидъ, Кадъ Миласѣи, Симокъ, Ѡпидарѣи, Дювнесь**» (имена, по большей части, приведены въ превратномъ видѣ), и, не докончивъ выписки, тотчасъ перескочилъ къ другому предмету, къ молитвѣ, принадлежащей, по его и многихъ другихъ мнѣнію, Кириллу: «**Сиче же рече стѣи Кирилъ: «Духъ смѣхъ словомъ молю Бѣоу,»** и проч. Въ спискѣ Домонтовскаго попа, въ верху оборота 811 листа, читаемъ, какъ заглавіе кннотварью: «**Ѡ сотвореніи**

грамоты Словенскимъ изъимомъ,» а въ верху 812 листа, «Мѣтка. ст. Кир. ѿ соткоренїи Словенскїа литвицы, и грамоты: литвы.» Етѣмъ подтверждается упомянутое выше мнѣніе, что слово «литвица» есть просто передѣлка Латинскаго «*littera*,» въ объясненіе котораго прибавлено тутъ же «*грамоты*,» слѣдовательно, о Глаголитоуцѣ въ этомъ случаѣ и помину быть не можетъ. Молитва сія часто встрѣчается въ «Толковыхъ Азбукахъ,» въ коихъ выдается, какъ сказано выше, за твореніе Кирилла (собственно же принадлежитъ ученику его, Константину), конечно, по сходству свѣтскаго имени Кирилла съ именемъ послѣдняго (100). Кончивъ эту молитву, составитель выписокъ снова обратился къ прерванному извѣстію Храбра объ Греческой азбукѣ: «и по семъ Дионисїи,» и, опять не кончивъ, бессмысленно выхватываетъ изъ Храбра же 6-ть Славянскихъ буквъ изъ числа 14-ти, приводимыхъ имъ въ началѣ своего сказанїя: «ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ.» оставивъ даже послѣднюю букву невыписанной (ѡ), по тому что странно было бы считать етѣ буквы относящимися къ выписываемому изъ Храбра извѣстію о составленїи Дионисомъ для Греческой азбуки 6-ти двогласныхъ: «По многахъ же мѣтахъ Дионисїи Грамматикъ шесть двогласныхъ обрѣте,» тѣмъ болѣе странно, что въ спискѣ Палѣи Домонтовскаго священника етѣхъ буквъ не шесть, но семь, именно, вставлена еще и передъ ѡ. За тѣмъ опять переходитъ къ крещенію земли Руской при Владимирѣ: «Потомъ же мало днємъ мноушнихъ, крѣствъ въ землѣ Руской ко днѣмъ вѣлгоушнаго кнѣза Владимира, свѣ Святослава (такъ-съ!), вѣоука Игоревѣ и Олжнѣвѣ, положивъ первое началло крѣщенїю в землѣ Руской, и вѣоука Люриковѣ, в лѣ, ѡ. и . ѡ. и . ѡх,» послѣ чего обращается къ житїю Кирилла и выписываетъ изъ него, сперва разговоръ логовѣста съ Константиномъ о философіи, за тѣмъ прѣніе его съ патріархомъ (Аннїемъ), далѣе переходитъ прямо къ прибытію Константина въ Срацины и бесѣдамъ его съ тамошними учеными, изъ коихъ, однако, приводитъ только начало, о крестномъ знаменїи, и тотчасъ обращается къ бесѣдѣ съ Иудеями (о любви къ врагамъ); не кончивъ того, выписываетъ вопросы «хитра и заскопѣва Козарина» (высланнаго ему на встрѣчу Козарами, когда тотъ отправился къ Кавказскимъ горамъ и Каспійскимъ вратамъ) о поставленїи царя изъ другаго рода, и о ссылкахъ

епископъ (Адалбертъ), какъ ревнителя Католичества и, стало быть, противника и гонителя Православія въ Чехиѣ, Моравиѣ, Угрии и Польшѣ, въ коихъ истреблялъ онъ съ тѣмъ вмѣстѣ и Славянское письмо, которое тутъ опять названо «Руской грамотой»: «Потомъ многымъ лѣтомъ живущимъ и пришедъ кон Латинскимъ в Моравю, и в Уехи, и в Лахи, разрушиша (!) вѣроу пракоузную, и Рѣцкую грамоту Штерже, а Латинскую грамоту и вѣроу постаки, прѣмъ вѣры нощи поже, а еѣмъ цесеуе, а дроѣ рѣзгилъ, и иде в Рѣцкую землю, хотя и тѣ ко свою вѣроу привести, и тамо побьенъ бы кон Латинскимъ.» Откуда это извѣстие? Навѣрное нельзя сказать, но должно думать, что оно гораздо старѣе времени переписки Палѣи дьякомъ съ Дубкова и попомъ отъ Домонтовы стѣны. Оно находится и на концѣ Житія Кириллова по списку упомянутой выше рукописи Московской Духовной Академіи № 19 («Толкованіе Пророковъ»), вмѣстѣ съ извѣстіемъ: «Се же вѣди вѣдомо всими языки и исми людьми, мно Рѣскимъ языкъ ни Шидѣ же прѣз вѣры свѣ стѣмъ, и грамота Рѣска ни кымъ же шкелел, но токмо слымъ Бгомъ Вседержителемъ, Оѣмъ в Стѣмъ Дѣомъ» (обор. 389 л.), точь въ точь, какъ въ Псковской Палѣѣ по обѣимъ спискамъ; стало, новое доказательство въ пользу нашего мнѣнія объ источникахъ для составителя этой послѣдней. Въ упомянутомъ сейчасъ Академическомъ спискѣ извѣстіе о Войтѣхѣ гораздо точнѣе сохранилось, именно: «Потомъже многымъ лѣтѣ живущи, прише Вѣнтѣ в Моравѣ, и в Уехи, и в Лахи, разруши вѣрѣ пракоу, и Рѣцкую грамоту Штерже, а Латинскую вѣрѣ и грамотѣ постаки, и прѣмъ вѣры еѣмъ и нощи исксуге, а дрогма рѣзгил, и иде в Рѣцкую землю, хотя и тѣ вѣрѣ привести, и тамо убьенъ бы Вѣнтѣ, Латинскимъ пискивъ» (л. 390). Ясно, что имя «Войтѣхъ» было уже для вносившаго это извѣстіе въ Палѣю непонятно, и по тому онъ сдѣлалъ изъ него «ков», тѣмъ болѣе, что слово кониъ, конилъ, и ихъ производныя, не рѣдко пишутся, въ старыхъ рукописяхъ, съ ѣ (вѣниъ, вѣнилъ); а какъ дѣло шло о Латинствѣ, то, естественно, изъ второй половины собственнаго имени «Контѣхъ» (тѣхъ), онъ образовалъ «Латинскимъ»; такимъ образомъ, составилось изъ «Контѣхъ» «кон Латинскимъ», съ чѣмъ согласованъ уже и глаголѣ, къ нему относящійся и стоящій позади, «разрушиша» вмѣсто «разроуши», хотя все послѣдующее оставлено нетронутымъ,

а самое «кон Латинскихъ» изъ мпож. числа обращено, подъ ко-
нецъ, въ единственное. И въ другомъ спискѣ Житія св. Ки-
рилла, находящемся у меня и принадлежащемъ по письму
XVII-му вѣку, встрѣтилъ я это же самое извѣстiе, и при томъ
въ заключенiе Житiя; въ немъ говорится о книгахъ Кирил-
ла, переведенныхъ Меоодиємъ и раздѣленныхъ на 8 словъ
(103). Тутъ оно въ существенномъ согласно съ Академиче-
скимъ, кромѣ слѣдующаго оборота: «назвѣ Ржскую и писмо
Бжерже, Латинскую же языкъ зстали и грамоту, а правокрныи сѣни
и попы изсече;» но названiе самаго гонителя Православiя и
Православныхъ сохранено точно: «прише Контѣ... оубѣ въ Кон-
тѣхъ, вислоупъ Латинскѣи» Академическiй списокъ Кириллова
Житiя етѣмъ оканчивается; но въ моемъ извѣстiе о судьбѣ
Православiя идетъ далѣе. Вотъ кто, по словамъ его, послѣдова-
тели Православнаго исповѣданiя: «И не тоймо Моуряване, Уехи,
Козари, Карвати, Сѣмы, Бѣгари, Ляхи и земля Моунтаньская, вса
Далматiа и Дифантiа, и Колохи быша Роѹ, Словѣнскѣи языкѣ
и писмѣ Бѣ хвалиша, вѣроу Греческоюю держаша, но и короля
Вгерскѣи вѣроу Греческоюю держаша, яко ꙗко то мнѣ ꙗ житiи стго Свѣты
Сергаскаго достаточне широче выписоуеть,» и проч. (104). Слѣдо-
вательно, послѣднее (Житiе Савы) служило источникомъ для
этого извѣстiя. Какъ бы то ни было, все, до сихъ поръ
сказанное мною объ этомъ отрывкѣ изъ Псковской Па-
лѣи показываетъ намъ, что извѣстiя, въ ней заключающiя-
ся и относящiяся къ нашему предмету, внесены въ нее,
въ высшей степени, небрежно. Небрежность эта до того,
наконецъ, простирается, что два мѣста изъ Житiя Кирил-
ла, изъ коихъ первое относится къ истолкованiю надписи
на потирѣ Соломоновомъ, а второе къ роду его и вложено
въ уста Козарскаго кагана предъ обѣдомъ: «Каганъ вѣроси фило-
софi: какъ утъ, да не посадимъ тебе на своемъ униоу» (по Паннонско-
му списку Житiя исправиле: «какъ есть твоа уестъ, да та поса-
дѣтъ на своемъ униу»), помѣщены въ Палѣѣ, одно черезъ цѣ-
лыхъ 8-мь листовъ, совершенно особнякомъ, между извѣстi-
емъ «ꙗ Фре і о дѣрѣ и ѡ прѣи кий,» и «о прѣрухъ и ѡ прѣрѣдѣ,» а
другое и того далѣе, между Ипполитовымъ извѣстiемъ «ꙗ .б.
апаѣ стѣ,» и изреченiемъ одного святаго («Назъ ѡ стѣхъ рече») о
сотворенiи человека и поставленiи его межѣ «аѣгъ и свѣты»,

что, въ другихъ рукописяхъ, приписывается тоже Константину Философу. Послѣ толкованія о потирѣ (недостающаго въ 1-й Палѣѣ, по причинѣ потери 450 — 451 листовъ) прибавлено: «Сихъ же стиховъ никто не можетъ протолковать, но протолковал дрекае, иже приходи къ Роу филосоу Костантинъ, нарицаемы Кирилъ» — извѣстіе одинаковаго достоинства съ другими, утверждающими тоже, какъ увидимъ вскорѣ ниже. Слѣдовательно, на такомъ мутномъ источникѣ, очевидно, вставленномъ въ послѣдствіи кѣмъ-то изъ Рускихъ книжниковъ какъ въ Житіе Кирилла, по справедливому замѣчанію нашедшаго его («Москвитянинъ», 1843 г., стран. 409 и 414), такъ равно и въ самую Палѣю, не слѣдуетъ слишкомъ опираться, равно какъ и отставать, основываясь на немъ одномъ, «возможность Рускаго перевода нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ въ IX-мъ вѣкѣ, сдѣланнаго до Кирилла и Меодія (105). Наконецъ, должно замѣтить, что все это спутанное сказаніе Палѣи по обонимъ Псковскимъ спискамъ, доселѣ намъ извѣстнымъ, отыскалось еще въ одномъ Хронографѣ, разобранномъ въ Описаніи Румянц. Музея (стр. 754—761) подъ № CCCCLVI, по письму XVII-го вѣка (скорописью, а потомъ полууставомъ, на 518 л.), со многими вставками и добавленіями. Впрочемъ, Хронографъ этотъ названъ (на 12 листѣ) «Прологъ сиречь собраніе ѿ многихъ летописецъ, ѿ многа на мло.» Сказаніе наше помѣщено въ немъ послѣ 3 гл. ст. 167, начинаясь словами, въ видѣ заглавія : «Ѡ Словецехъ», за коимъ тотчасъ: «В лето 737ъ къ цѣткѣ Михаила цѣра и иѣри его Феодору мучаса призывати вм. «прозывать») Руска земля,» и т. д., а потомъ наше извѣстіе: «Въ лето 738ъ ко днѣ Михаила цѣра Греческаго и ко днѣ кнѣза Рерка Новгородскаго, его же сѣомъ Руска земля иреде, стѣмъ Константинъ филосоу, нарицаемы Кирилъ, сотвориша грамоту Словецскимъ азкомъ, глѣмю литицу.» Въ слѣдъ за етѣмъ, какъ и въ обонихъ спискахъ Палѣи, заглавіе: «Ѡ грамоте,» и за тѣмъ: Греческую грамоту сотвориша 7 мѣтъ,» и т. д., до самаго конца, въ коемъ тоже обращеніе къ Константину и Володимиру, но, вмѣсто «сродникомъ» читаемъ «сроднимъ,» а «и люди изъскалите ѿ всякоа беда крѣпкѣ и Роуцкимъ,» измѣнено въ «и люди изъскалита ѿ всякоа еда стадо Греческое и Руское,» равно какъ «молю и мильса дѣю снѣпемъ грамотица сна

малы, юже похваламъ емо, написа недостоини», обращено въ «молюся и мисля дѣю списания слова сего малго и похвалоу емо написахъ недостоини.» Но важнѣйшее различіе заключается не столько въ этомъ, такъ же и не въ замѣненіи имени Люрика именемъ Рерика, или перестановкѣ членовъ этого періода (въ Палѣи сперва говорится объ изобрѣтателѣ литицы, потомъ означается, въ чье царствованіе, а въ Прологѣ на оборотъ: сперва царствованіе Михаила и Рерика, а потомъ уже имя изобрѣтателя и самаго изобрѣтенія), сколько въ означеніи самаго года изобрѣтенія грамоты, который по Палѣи 6303, а по Прологу 6373=865). Спрашивается: кто кому служилъ источникомъ: Палѣя ли Прологу, или Прологъ Палѣи?

б) Сказанія собственно *Хронографовъ* или *Временниковъ*, которые, къ стыду нашей Археологіи, по сию пору не только не оцѣнены сколько ни будь ученымъ образомъ, но даже не показаны происхожденіе и виды или разряды ихъ. Описаны только нѣкоторые изъ нихъ по содержанію неутомимымъ знатокомъ письменной старины нашей, А. Х. Востоковымъ (въ «Опис. Румянц. Музея,» числомъ 10-тъ, подъ №№ CCCCLIII—CCCCLXII, да извлеченія изъ двухъ, CCCCLXIII и CCCCLXIV, стр. 725—790). Ни мѣсто, ни время не дозволяютъ мнѣ пополнить теперь этотъ недостатокъ. Скажу только, что во всѣхъ, разсмотрѣнныхъ мною, Временникахъ, принадлежащихъ Императорскому Обществу исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ (6-тъ), далѣе, В. М. Ундольскому (тоже 6-тъ), и, наконецъ, мнѣ (1-тъ), я замѣтилъ, при большемъ сходствѣ, большое и разногласіе какъ въ порядкѣ статей, такъ содержаніи, числѣ, языкѣ, времени, до котораго простирается каждый изъ нихъ, равно какъ и различныхъ дополненіяхъ. Почти во всѣхъ етѣхъ Хронографахъ разныя извѣстія о Славянахъ начинаются съ царствованія Михаила, сына Теофилова, обыкновенно статей «О Словенскомъ языкѣ и о Рускомъ (по Несторовой лѣтописи: «Въ столпотвореніи, егда раздѣли Богъ челоуѣки на 72 языка,» и т. д., до извѣстія объ Уграхъ при Иракліи), за коей слѣдуетъ «О крещеніи Болгарскомъ» три статьи, далѣе «О хлѣбѣ царевѣ (мраморной конюшнѣ); потомъ «О при-

шествіи Руси на Царьградъ (подъ Аскольдомъ и Диромъ: «Ннегда прїидоша Русь на Царьградъ изъ дною стѣ лодѣи,» и т. д.); черезъ двѣ статьи («Объ убіеніи Варды кесаря, и поставленіи Василія Македонянина на царство,» т. е., соправителемъ Михаилу) «О князѣхъ Рускихъ,» т. е., посольствѣ за море Новгородцами и союзниками ихъ и призваніи оттуда Рюрика и пр. («При Михаилѣ и Василіи црехъ и при Фотіи патрїарсѣ прїидоша Русь Словеня и Крикичи изъ Варгоми и рѣшл: земля наша велика и обидана,» и т. п.); за симъ, еще черезъ три статьи («О разбіеніи зерцала;» «О убіеніи Михаилъ царя,» и «о царствѣ Василія Македонянина»), «О князѣ Русѣмъ,»—повтореніе разказа объ Аскольдовомъ и Дировомъ приходѣ подъ Царьградъ, но уже со словъ другаго лѣтописца («Роди же, ирицлемѣи Руси, иже и Кумляк,» и пр.); наконецъ, послѣ сказанія «О смерти Василія царя,» слѣдуетъ «Царство Льва Премудраго, сына Васильева.» Тутъ-то встрѣчаемъ извѣстіе: «О преложеніи книгъ ѿ Грекусилго идиша на Словенскіи,» а въ нѣкоторыхъ еще прибавлено «и въратца сизданіе о рожденіи и о житіи сѣго Кирила философа.» Хотя по заглавію слѣдовало бы, прежде всего, услышать о переводѣ, но въ тѣхъ, въ коихъ и то и другое помѣщено (именно въ 3-хъ Хронографахъ собранія В. М. Ундольскаго, №№ 393, 394 и 397, и въ 3-хъ же (Общ. истор. и древн. Росс.), послѣднее предшествуетъ первому, т. е., сперва читаемъ вкратцѣ сказаніе о Кирилѣ, которое, какъ замѣчено было выше, есть, такъ называемое, Проложное его Житіе, разобранное уже мною въ своемъ мѣстѣ довольно подробно. Что же до сказанія о преложеніи книгъ, то оно представляетъ тоже нѣкоторыя особенности: въ однихъ спискахъ это событіе приурочивается къ 6409 (5-ти Общ. ист. и др. Росс. №№ 280—281, 283—284, 287, и 2-хъ В. М. Ундольскаго №№ 394 и 397), а въ другихъ къ 6414 (1 Общества исторія и древн. Росс. № 282, и 4-хъ В. М. Ундольскаго №№ 392, 393, 395 и 396, да въ Никонов. лѣтописи), или къ 901 и 906 по Р. Х. Сверхъ того, по однимъ имя князя Паннонскаго или Блатенскаго звучало Кочуль (Общ. истор. и древн. Росс. №№ 281 и 287), Кочюль (того же № 283, Унд. 394—397), Кочель (Никон. лѣтоп.), и даже, на выворотъ, Колецъ (Унд. № 393 и Общ. ист. и др. Росс. 282), и нѣкоторыя другія, меньшей важности, осо-

бенности. Но вотъ въ какомъ видѣ является намъ самое сказаніе это, слѣченное по всѣмъ, доступнымъ мнѣ, спискамъ: «Въ лѣто ѿ Адама 7570 (7571), а ѿ седмаго собора ѿ лѣта, въ .лѣ. в лѣто Льва Прейраго, а ѿ крщеніа Болгарскаго .л. лѣтъ, Константинъ Философъ и братъ его Мефодіи прѣложиша стѣхъ книги ѿ Греческаго на Словянскыи языки. Болгары же, и Славяне, Сербы, и Арбылсы, и Босане и Роуси, во всѣхъ тѣхъ единыхъ языкахъ. Стѣхъ же Константинъ Философъ многи книги прѣложихъ, и ѿнде вунти прѣреченныа языки, и предати имъ стѣе писаніе по ихъ языкоу. Брата же его стѣго Мефодіа кнѣзь Коулюкъ постави епѣскаго во Испании (такъ-съ!), во градѣ Моракѣ, еже стѣ Нарникъ, до него же лѣтъ Плекель ходилъ, проповѣдалъ Хрѣта. многи же книги тамо прѣбываа прѣложи.» Сколько несообразностей въ этомъ извѣстїи въ одномъ означенїи года прѣложенїа книгъ Константиномъ и Мефодіемъ, не говоря уже о томъ, что онъ въ разныхъ спискахъ разнo выставленъ! Видно, что подбиравшїи его, подбирали на удачу. Нельзя сказать, чтобы всѣ означенїа этого сказанїа были совершенно несостоятельны: они несостоятельны только относительно единицы столѣтїа; но самое столѣтїе, (за исключенїемъ указанїа на него по численїю отъ сотворенїа міра), вѣрно, даже означавшїи его близко подошелъ и къ самому десятку столѣтїа, конечно, смотря по тому, какой переводъ будемъ разумѣть. Далѣе, развѣ это не хронографщикова догадка (просто ли хронографщика-списчика, или же хронографщика-составителя), когда онъ вычисляетъ народы, для которыхъ переводъ етотъ сдѣланъ, и которыхъ будто бы Константинъ лично училъ и преподавалъ имъ Священное Писанїе? Положимъ, что подъ Булгарами и Славянами онъ разумѣлъ еще два народа, господствующїи въ Царствѣ Булгарскомъ и принадлежащїи, какъ извѣстно, по новѣйшимъ изслѣдованїямъ, къ Чудско-Татарскому или Турецкому племени, и другой, подчиненный, то есть, Славянъ Мизїйскихъ, Фракійскихъ и Македонскихъ; но Арбанасы-то (Албанцы) какъ сюда попали? Развѣ не разумѣть ли подъ ними Славянъ, живущихъ даже и теперь (а тогда далеко въ большемъ числѣ и на большемъ пространствѣ) въ сѣверной и сѣверовосточной части Албанїи? Но и тогда все же останется чистымъ предположенїемъ мысль, чтобы Кириллъ Сербамъ, Босня-

камъ (т. е., тѣмъ же Сербамъ, только въ Босніи, такъ названноі по рѣкѣ Боснѣ, протекающей по срединѣ ея, съ юга на сѣверъ, и впадающей въ Саву близъ города Брода) и Руси проповѣдывалъ Евангеліе и т. д. Форма названія одного изъ упомянутыхъ тутъ народовъ, именно: «Арбанасы (ед. Арбанасъ, также Арбанаса, откуда Арбанія, Албанія), указываетъ намъ и на самый источникъ, откуда это извѣстіе списано, т. е., это было какое ни будь Сербское сказаніе о Кириллѣ и Меѳодіи (въ Хронографѣ, или отдѣльно), по тому что форма эта принадлежитъ преимущественно Сербамъ, и образована ими, по свойству своего языка, допускающаго замѣну одного плавнаго звука другимъ, особенно въ иностранныхъ словахъ; отсюда изъ формы Албанасъ, Албанашъ, Албанецъ (л въ р, и, на оборотъ, р въ л) произошло Арбанасъ и т. д. Егѣмъ же естественно объясняется и включеніе Арбанасовъ или Албанцевъ въ число Славянскихъ народовъ, яко бы просвѣщенныхъ Константиномъ Философомъ, какъ сосѣдей Сербовъ. Не меньше сбивчиво и безсознательно сказанное Хронографами о братѣ Константина. Нельзя незамѣтить въ основѣ его того же самага источника, изъ котораго черпалъ и нашъ Несторъ, или же, статья можетъ, послѣдній и былъ для него единственнымъ источникомъ. Ясныя слова нашего лѣтописца запутаны еще разными дополненіями: «По семь же Коцелъ князь постави Меѳедья епископа въ Паніи на столѣ святаго Онъдроника апостола, единого отъ .б. (70), ученика святаго апостола Павла» (П. С. Р. Лѣт. I, стр. 11). Изъ Коцела хронографщикъ сдѣлалъ Кочула, Кочюла, Кочела, даже Колеца, что встрѣчаемъ и удругихъ (даже въ нѣкоторыхъ спискахъ Паннонскихъ Житій Кирилла и Меѳодія), а изъ слова (испорченнаго уже и у Нестора) «Паніи» (вмѣсто Панноніи), бывшаго непонятнымъ для него, но очень напоминающимъ звуками своимъ Испанію, образовано имъ это послѣднее слово. А какъ передъ симъ у Нестора сказано: «а Меѳодій оста въ Моравѣ;» Моравѣ же употреблена тутъ Несторомъ безъ дальнѣйшаго опредѣленія, что она такое, страна, или же городъ, то хронистъ, судя по такому выраженію, очень намекающему на городъ, и принялъ ее за городъ, тѣмъ болѣе, что и во второмъ мѣстѣ, въ коемъ слово это употреблено Несторомъ (нѣсколько ниже), оно тоже

стоитъ безъ всякаго поясненія, и тоже очень похоже на прежнее: «въ Моравы бо ходилъ, и апостолъ Павелъ училъ ту; ту бо есть Иллирикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ.» Принявъ «Мораву» за столярной градъ Испаніи, въ которой, по его, Кочуль поставилъ Меодія епископомъ, онъ думалъ пояснить то, написавъ, въ слѣдъ за словомъ, «Моравъъ», слова: «еже есть Иллирикъ, до него же илль Павелъ ходилъ,» давая тѣмъ знать, что Мораву и Иллирикъ одно и тоже, т. е., столица Испаніи, гдѣ, пребывая, онъ перевелъ многія книги, разумѣется, сверхъ Св. Писанія, которое, какъ я сказалъ еще прежде, съ братомъ своимъ предложилъ. Какъ ни дико кажется все это, но, право, оно ни чѣмъ ни лучше, ни хуже извѣстій Палѣи. Оба етѣ свѣдѣнія, безъ прекословія, порожденіе того вѣка, когда сказанія первохристіанской старины нашей слѣдвали уже довольно темными, и по тому позволяли лѣтописцамъ всякаго рода гаданія и поясненія, большею частью, какъ показываетъ опытъ, неудачныя и еще пуще запутывавшія дѣло. А что лѣтописцы, особливо хронографы, дѣйствительно допускали себѣ подобныя толкованія, примѣромъ тому можетъ служить любой изъ нихъ. Не ходя далеко, возьмемъ етѣ же самыя Хронографы. Вотъ какъ, на примѣръ, въ «Сказаніи о науцѣ Рускихъ ииженъ», объясняется наше племенное имя, Славянинъ (стр. 331): «Словаже же варичахуса ѿ многихъ словъ писменнаго разума, новеже егда Кириллъ Философъ науа творити бунки, но не вичашеса слово малыи писмены, яко же въ проунхъ мзыцехъ, и сего ради ижекошаса Словаки, рекше, великословы. прѣметъ бо Рускѣи мзыкъ ѿд. писмены, но и тогда тьснота рхун выкаетъ, въ проунхъ же мзыцехъ мже тридесати, и се димѣфонгами исполняется число (106).» Другой примѣръ оттуда же, касательно того, какъ хронографы обращали мало вниманія на выборъ извѣстій о какомъ либо лицѣ, или событіи, изъ разныхъ источниковъ, и по тому не рѣдко изъ одного дѣлали два и болѣе, какъ бы совершенно отличныя. Выписавши изъ Греческаго лѣтописца извѣстное сказаніе о склоненіи Болгарскаго царя, Бориса, въ Христіанство сестрой его, захваченной еще въ юныхъ лѣтахъ Греками въ плѣнъ и воспитанной при Императорскомъ дворѣ, вносившей въ Хронографъ Славянскія извѣстія, продолжаетъ: «Прѣиде же Болгар-

скии кнѣзь Борисъ изъ Цръградѣ, проса стѣго крѣщенн со истинъ Кнѣзевскъ сконнхъ, и бжтвенною блтню сподобиса прнати, и ѿ ннхъли прнати его црѣ Михаилъ, и нарече его по своему имени Михаилъ.» И, въ слѣдъ за симъ, тутъ же, ставитъ снова сказаніе, яко бы «ѿ дрезанскъ кнѣзъ Болгарскомъ, и ѿ крѣсенн Болгаръ, иже крѣтншася въ лѣто 8708. (6376—868).» Сдѣсь представляется, какъ царь Михаилъ, съ кесаремъ Вардой (дядей по матери), «иде Болгаръ коевати», которые, страдая отъ страшнаго голода, просили «Хрѣстне быти», и князь ихъ является самъ съ Болгарами въ Царьградѣ, гдѣ крестился и «прнати его ѿ ннхъли црѣ Михаилъ, и нарече има емъ Симеонъ,» а съ нимъ и бояри его, и проч. Оба етѣ извѣстія относятся къ одному и тому же лицу; вся разница въ томъ, что первое читается въ одномъ, а другое въ другомъ Византійцѣ, называющемъ крестившагося Болгарскаго государя не Борисомъ, но Симеономъ; изъ этого хронографъ вывелъ уже отъ себя, что князь Булгарскій, принужденный нашествіемъ Греческаго царя и голодомъ къ крещенію, долженъ быть лицомъ, отличнымъ отъ Бориса, тѣмъ болѣе, что и имя-то ему «Симеонъ;» отсюда явилось у него два государя, крестившихся въ одно и то же время, между тѣмъ какъ въ сущности всѣ лѣтописцы рассказываютъ это дѣло объ одномъ лишь лицѣ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и называютъ его иначе. Свѣдѣнія етѣ, однако, о Болгарскомъ крещеніи пригодятся намъ въ своемъ мѣстѣ отчасти и для занимающаго насъ предмета.

2) Разныя *лѣточислительныя приписки*, Булгарскаго и Русскаго происхожденія, встрѣчаемыя при извѣстномъ «Лѣтописца въскорѣ», составленномъ Царьградскимъ патріархомъ, Никифоромъ, преемникомъ Тарасія, предсѣдательствовавшаго на седьмомъ Вселенскомъ Соборѣ. Онъ извѣстенъ сочиненіями своими противъ иконоборцевъ, удалившихъ его, по приказанію императора, Льва Армянина (на 6-мъ году патріаршества и 2-мъ правленія Льва) въ заточеніе, въ монастырь Феодора Студита, гдѣ и скончался. Но изъ всѣхъ сочиненій его наибольше распространено было «Χρονολογία σύντομος,» Chronographia brevis, или, какъ наши предки перевели, «Лѣтопи-

свѣ къскорѣ», напечатанный первоначально при Хронографѣи Георгія Синкелла, въ Парижскомъ (1652 г., стр. 395—420) и Венеціанскомъ (стр. 315—335) изданіяхъ Византійцевъ, и перепечатанный при немъ же въ Боннскомъ 1829 (vol. I, pag. 737—788) В. Диндорфомъ, съ Латинскимъ переводомъ, сдѣланнымъ еще Анастасіемъ Библиотекаремъ. Эта Хронографія, какъ сказано въ самомъ надписаніи ея, простирается отъ Адама до императора Михаила и сына его, Теофила: «ἀπὸ Ἀδάμ μέχρι χρόνων Μιχαὴλ καὶ Θεοφίλου, υἱοῦ αὐτοῦ;» ab Adamo ad Michaelis et Theophili ejus filii tempora. Сомнѣнія, представляемыя самымъ заглавіемъ, объясняются просто, т. е., Никифоръ сдѣлалъ одно только общее заглавіе своему сочиненію («Χρονολογία σύντομος»), дальнѣйшее же все принадлежитъ другому, «qui opus manibus excerptit atque debuit in titulum praeferre μέχρι χρόνων Μιχαὴλ καὶ Θεοφίλου υἱοῦ αὐτοῦ,» какъ справедливо замѣчаетъ писавшій «in Breviarium Chronographicum Nicephori patriarchae Cr. breves annotationes» (ed. Bonn., pag. 551). Это случилось, прибавляетъ тотъ же объяснитель, около смерти императора Михаила и восшествія на престолъ сына его, Теофила, послѣдовавшихъ спустя четыре мѣсяца по кончинѣ Никифора, случившейся 13-го іюня, 828 или 829 года (послѣ 14-лѣтняго заточенія), смотря по тому, отъ сентября ли, или же генваря станемъ считать по Юліанскому календарю годы. Да и другія слова, въ заглавіи этого сочиненія находящіяся, именно: «τοῦ ἐν ἁγίαις πατρὸς ἡμῶν,» Sancti patris nostri, ясно говорятъ, что надписаніе его въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, принадлежитъ не самому творцу, но сдѣлано другими, стало «Лѣтописецъ въскорѣ» дѣйствительно составляетъ трудъ Никифоровъ, тѣмъ болѣе, что и Анастасій Библиотекаръ, современникъ и переводчикъ его, слѣдовательно, не могшій не знать, по своему мѣсту и значенію, чье сочиненіе переводить, прямо приписываетъ оное ему, а не иному кому либо; прибавленія же въ немъ, какъ и въ другихъ, указываютъ только на немедленное же распространеніе этого творенія, которое всякой воленъ былъ вести далѣе и пополнять по своему усмотрѣнію. А по тому все, что находимъ въ немъ послѣ кончины творца его, должно считать какъ въ Греческомъ подлин-

никѣ, такъ равно и нашемъ Славянскомъ предложеніи, позднѣйшими вставками, дополненіями и продолженіями. Таковы въ первомъ: означеніе лѣтъ царствованія Михаила Косноязычнаго, Θεοφιλα, Михаила III-го и Василія; впрочемъ, при послѣднемъ не выставлены годы царствованія его, но тотчасъ подведенъ еще разъ общій счетъ лѣтамъ отъ одного всемірнаго событія до другаго; оканчивающійся 6348, т. е., 848 по счисленію Никифора, принимающаго до Р. Х. 5500 лѣтъ, или же 840 по обыкновенному. Изъ сего открывается, что въ етомъ небольшомъ пространствѣ времени замѣтны вставки не одного, но нѣсколькихъ: годы правленія Косноязычнаго и Θεοφιλα—одного, Михаила III-го—другаго, общій счетъ—третьяго, а первый годъ Василія—четвертаго. Кромѣ того, кажется, Никифорово же лѣточисленіе, съ небольшими разногласіями, имѣетъ: а) при «Прологѣ о Хѣ създанныхъ сѣго ѣвангелии, сътворенныхъ Константиныхъ, имъ же и предложенныхъ естъ тогожде създанныхъ евангелискыхъ.» Сдѣсь оно помѣщено въ концѣ, подъ названіемъ: «Историкши за Бѣ въкратцѣ одрѣжани лѣ отъ Адама до Хѣа пришьстена и пакы отъ Хѣ до илстоуѣалго въ (!) ѣи видѣнѣ». По нему отъ Адама до потопа 2262, отъ потопа до Авраама 1070 или отъ Адама 3332; отъ Авраама до исхода изъ Египта 505 или отъ Адама 3837; отъ исхода до Саула 547 или отъ Адама 4384; отъ Адама до Александра 5029, а отъ Адама до Р. Х. 5500; отъ Адама до Константина 5843; оканчивается 7-мъ годомъ царствованія Льва Мудраго, т. е., $886+7=893$, или $887+7=894$, до котораго, отъ «аропатиа Хѣа девять сътъ ѣи» ($5533+918=6451$), а «отъ Адама до илстоуѣалго въ ѣи видѣнѣ естъ лѣ „з.ѣг.“» (6406), что соотвѣтствуетъ 906, считая по его (5500 отъ Р. Х.), или 898, по обыкновенному счисленію; но упомянутый счетъ отъ распятія Христова «до Льва ѣрѣа илвизъшѣалго», очевидно, ошибоченъ; слѣдовательно, и сдѣсь нѣсколько счетовъ или приписокъ, вставокъ, какъ хотите назовите. б) Кодинъ Георгій, Куропалатъ или начальникъ Царскаго Двора при послѣднихъ императорахъ, составившій описаніе чиновъ, зданій, св. Софіи и самаго начала Царяграда, равно какъ и краткое лѣточисленіе отъ сотворенія міра до взятія Византіи, въ которомъ, по царствованіи Михаила III-го, слѣдуетъ Никифору, считая,

какъ и етотъ, 5500 лѣтъ до Р. Х., и полагая правленіе послѣдняго въ 6349; но до перваго Христiанскаго государя приводитъ только одни итоги большихъ эпохъ счисленія, а съ Константина начинается вычислять всѣхъ его преемниковъ съ годами ихъ правленія, какъ въ «Историкни вѣратъцѣ». Въ Славянскомъ же переводѣ Никифорова Лѣтописца привнесенія идутъ гораздо далѣе, смотря по тому, къ какому вѣку относится самый памятникъ, въ которомъ «Лѣтописецъ къскорѣ» или «къборзѣ» (ибо и ето встрѣчается въ нѣкоторыхъ спискахъ) помѣщенъ, или же независимо отъ того списанъ. Такимъ образомъ: а) въ списокѣ, приложенномъ къ, такъ называемой, «Лѣтописи, по Никоновому списку, въ концѣ 1-й ея части (приложеніе III), подъ заголовкой «Минифорл, патрiарха Царяграда, Лѣтописецъ въскорѣ;» дополненія идутъ до 7-го года царствованія Константина Багрянороднаго, при коемъ къ Русѣ княжити похъ Игорьъ, а Олегъ умре.» б) Въ «Лѣтописца ѿ созданиа мiра вѣратъцѣ», помѣщенномъ въ Хронографѣ, писанномъ церковникомъ, Никитой Александровымъ (см. выше, стр. 67), содержащемъ тоже только годы большихъ эпохъ до Р. Х., а оттолѣ прямо до Константина (5812), съ коего по Соборамъ; послѣ послѣдняго изъ нихъ, бывшаго въ 6296, слѣдуетъ счетъ Славянскимъ событіямъ, изъ коихъ до «крещенiа Болгарскаго» прошло, де, отъ Р. Х. 1206, что, будто бы, отвѣчаетъ 6377 году отъ Адама (по Никиф. 877, по обыкн. 869); «а ѿ иршенiа до преложениа книгъ изъ Словенскiи языкъ стѣи Кирилѣ ѿ (30) лѣтъ, ѿ Адама рѣгъ (6407=907 или 899), а ѿ седмаго Собора до преложениа книгъ ѿгъ (873 или 865); а в Русѣи княжити Рюрикъ в лѣто рѣгѣ (6375=875 или 867); ѿ преложениа книгъ до крещениа Рускаго рѣгъ»: ясно, что тутъ счетъ не отъ 907, 899 и даже не 873, но лишь отъ 865. Слѣдовательно, очевидныя противорѣчiя етѣхъ счетовъ самимъ себѣ говорятъ намъ о томъ, что они не могутъ принадлежать одному и тому же лицу. Завершается же етотъ лѣтосчетъ указаніемъ, сколько прошло времени отъ крещенія Руси до начала седьмой тысячи: «а ѿ крещениа Рускаго до конца седима [неправильно, вмѣсто «шестыа] тысяци», или же «до началъ седима тысяци, лѣтъ .фѣ.» (1492?). в) Въ третьемъ списокѣ Никифорова Лѣтописца, встрѣченномъ мною въ Палѣѣ по списку попа Константина (см. выше, стр. 92 и слѣд.), съ заглавіемъ въ строку: «Гра-

пографъ ѿ Адама» и на полѣ: «Лѣтоисчисленіе Адамско» (стр. 834), на сборотъ, сначала выставлены лѣта каждой главной эпохи до Р. Х., по томъ показывается, за сколько лѣтъ жили до этого же времени Іовъ, Моисей, Давидъ, Самунгъ, Соломонъ, Іеремія, Езекиа, Агей, Захарія, Даніилъ, Ілія, Елисей, равно время пребыванія сыновъ Израилевыхъ въ Египтѣ. послѣ чего, снова счетъ идетъ отъ вознесенія Христова до Константина, отъ котораго далѣе оиять по однимъ Соборамъ, мзъ конхъ отъ послѣдняго прошло «до Михаилова крѣпа и до преложенія свѣдѣній книгъ изъ Словенскимъ языкомъ Кирилѣ философомъ лѣтъ 796», что сложивъ съ 796, прошедшими до седьмаго Собора по счету этого лѣтописца, получимъ 857, по обычному 865, «а ѿ преложенія свѣдѣній книгъ до крѣпа Рѣскаго земли лѣтъ 86 (857+123=960, или, по обычному счисленію, 988 (иначе годъ принятія Христіанства Владимиромъ); «ѿ Константина крѣпа до Михаила крѣпа мѣсяца лѣтъ 656» (542), т. е., отъ перваго лѣта Константинова до 1-го лѣта Михаилова послѣ матери (842+14=656). г) Въ той же Палѣ, съ 853 по 855 л., помѣщенъ, послѣ статьи «И еще ѿ всѣхъ стѣхъ скорѣ, ѿ времени, уиизъ и которымъ по которымъ мѣсяцъ», второй такой же Лѣтописецъ, озаглавленный на полѣ киноварью: «ѿ лѣтоисчисленія второе». Онъ почти во всемъ одинаковъ съ предыдущимъ, за исключеніемъ того, что при каждомъ Сборѣ показанъ и годъ отъ сотворенія міра. Послѣдній происходилъ, какъ и по первому, отъ Адама 6296—5500=799 (а по обычному 788), отъ котораго до Михаила 61 годъ, т. е., то же, что и выше (857 или 865). Но далѣе иной счетъ, именно: «Къ лѣтъ 877, ииднига .єї., наущенъ Михаилъ крѣпствовати, наущати именоватиса Рѣскаго земли», т. е., 6360—5500=860 или 6390—5508=852; а «ѿ Михаила до крѣпа Болгарскія земли к лѣтъ 877. (вмѣсто лѣтъ .єї. = 860 + 17 = 877 или 852+17=869); «ѿ крѣпа Болгарскія до преложенія книгъ лѣтъ 908. (877+29=908 или 898); «ѿ преложенія книгъ до крѣпа Рѣскаго земли лѣтъ 992», (т. е., 908+92=1000 или 990.) д) Напоследокъ, Палѣя Домонтовскаго священника предлагаетъ намъ и третье еще лѣточисленіе, именно, въ самомъ концѣ своемъ, т. е., гѣмъ статьямъ, которыми завершается етотъ списокъ Палѣи, по тому что списокъ 1-й или дьяка съ Дубкова, судя по описанію его А. Х. Востоковымъ, прерывается въ самомъ началѣ

этого третьяго лѣтописца («Дѣиѣи .бл. и мѣць г. и заколѣвъ пѣ... на торѣгъ»); но и во 2-мъ спискѣ начала ему тоже недостаетъ; онъ соприкасается съ концемъ предпоследней статьи «Сѣво Василии т(омъ) сѣвнишескѣ униа», «вдругъ на 881-мъ листѣ словами: «и мѣць .ѣ. при сѣ вѣмѣи Пгвѣи мѣтъ» (т. е. «Троманъ, лѣ ѣ»); «Дѣдринъ лѣ .ѣ.», и т. д. Передъ статьей, предшествующей ему, помѣщенъ рядъ статей подобнаго же содержанія, начинающихся, на 864-мъ л., началомъ статьи «(Ѡ) лѣтосчисленіи .ѣѣ лѣ, а родѣ ѡ» (какъ выставлено на полѣ, вверху, киноварью); тутъ говорится только о рожденіи Христа, крещеніи, распятіи, воскресеніи, вознесеніи и ниспосланіи Св. Духа; за тѣмъ «Дорофѣи свѣа Туровскѣ ѡ дѣвѣа .ї. аѣлѣ»; послѣ чего «Тогѣ ѡ .б. зѣникъ.» Сличивъ этотъ лѣтописецъ съ напечатаннымъ при Никоновской Лѣтописи, я увидѣлъ, что онъ вполне съ нимъ сходенъ въ имѣющемся на лицо, кромѣ пустыхъ разнорѣчій, происшедшихъ больше отъ писца, да отмѣнъ правописанія. Тоже весьма совпадаетъ и съ своимъ Греческимъ подлинникомъ, за исключеніемъ нѣкоторой разности въ числахъ, очевидно, отъ небрежности переписчиковъ происшедшей; но годы, протекшіе, отъ одного Собора до другаго, равно какъ и имена лицъ, противъ которыхъ они держаны были и за что, составляютъ либо наше прибавленіе (т. е., Славянское, что подтверждается самобытнымъ означеніемъ мнѣніи ересеначальниковъ, на примѣръ: противу Арія, «раздѣлающаго Божество»; на Македонія, «доуховорца»; на Несторія, «человѣчнослоуживниа»; на Евтихія, Диоскора и Севгира, «сѣмоущене и разумашеме въкодѣрнихъ»; на блжди Оригеоноу»; на Арія, Кира и Макарія, «единио вола ереси»; по Никон. списку: «единовольша ереси»; на «Никоноворецъ»), либо переводъ съ Греческаго списка, нѣсколько отличнаго отъ того, который присоединенъ къ Синкеллу, либо же, наконецъ, составляетъ попытку передать, въ подлинникѣ заключающееся, какъ можно самостоятельнѣе, по своему, т. е., согласно съ духомъ Славянскимъ и свойствами его языка. Окончаніе же обоихъ списковъ, при Лѣтописи по Никоновскому списку и въ Псковской Псалти по рукописи священника Константина, одинаково, т. е., и тамъ и тутъ завершается началомъ правленія въ Грекахъ Константина Багрянороднаго, а въ Руси Игоря (913-мъ годомъ). Что до вставокъ, то

онѣ въ томъ и другомъ спискѣ состоятъ въ слѣдующемъ: «Михаилъ, снъ его (Феофила, въ Никоновскомъ «Феодула»), съ Феодорою матерію его, и съ Феоклю, сестрою его, лѣ .дѣ (пропущено противу подлинника: « а мѣѣ .ѣ .дѣиѣ ѿи). Михаилъ (т. е., «единъ», какъ въ другихъ, подобныхъ Лѣтописцахъ, читаемъ) лѣ .лѣ. (въ «Историческихъ кѣратъцахъ»: «лѣ .лѣ. а мѣѣ .ѣ .дѣиѣ .ѣ.» что ближе къ подлиннику: «Μιχαὴλ μόνος ἔτη ἰά, μῆνα ἕνα, ἡμέρας θ’;» а въ «Лѣтописцѣ кѣратъцѣ» при Изборникѣ 1073 года: «Михаилъ единъ, коупно съ Вардох Кесарьмъ, лѣ .лѣ. и оуспѣша вмста оба»), съ Васильемъ лѣ и мѣѣ .дѣ., и змиланъ вмста (въ Палѣи «законенъ бѣ»); въ подлинникѣ: «ἐσφάγη ἐν τῷ παλατίῳ τοῦ ἁγίου Μάμαντος, in palatio S. Mamtantis dicto occisus est»; но въ Никон. пропущ. «лѣ»). Тутъ первая вставка, относящаяся къ Руси: «При сего цѣркви приидоша Роусь, Уюдь, Словене (въ Палѣев. «Словени»; въ Никон. прибавлено «Новгородцы») и Крикнчи (Палѣев. «Кривичи») изъ Варагомъ, рѣша: земля наша велика и обильна, а народъ изъ нея шеть; поидите князити и владѣти нами, просиша кнѣзъ и издаша три брата съ роды своими, Люрика, Синеоусъ и Троукола (по Палѣѣ, въ коей, послѣ «велики», слѣдуетъ: «просиша кнѣзъ», и проч., а въ Никон. послѣ: «съ роды своими» тотчасъ: старей Рюрикъ седе в Новгороде, Синеоусъ на Белз озерѣ, Троукоръ во Изворскѣ). Потомъ «ѣ Алама лѣ .лѣ. и .тѣ .ѣ., 6370, т. е., 862 по обыкновенному счету, которому, разумѣется, считавшій слѣдовалъ, по тому что по пятисотному (5500), или Никифоровому, выйдетъ 870, что противорѣчитъ, какъ и выше, всѣмъ прочимъ, предыдущимъ и послѣдующимъ, событіямъ. За симъ: «по двою лѣтѣ Синеоусъ и Троукоръ оушре и яриа всю власть в Роуси Рюрикъ», что по Палѣи: «По .лѣ. ю лѣ престави Синеѣ и Троуколъ, Люрикъ ѡживи.» Далѣе, опять по Греческому Лѣтописцу, но какому, не извѣстно; вѣроятно, по тому самому, по коему выставлено все численіе, по смерти Никофора, которое, какъ мы видѣли уже, почти во всемъ согласно, съ одной стороны, съ находящимся при подлинникѣ послѣдняго, а съ другою, съ прочими, дошедшими до насъ и доступными нынѣ мнѣ, подобными же Лѣтописцамъ, т. е., при твореніи Константиновомъ и Изборникѣ Святославовомъ. Вся розница ихъ противу Греческаго состоитъ только: а) послѣдняго въ томъ, что въ немъ Михаилъ II-й царство-

валъ лѣтъ 9, мѣсяць 9 и дней 9, между тѣмъ какъ во всѣхъ прочихъ лѣтъ 8 и мѣсяць 9; б) опущены 20 дней царствованія Теофилова въ немъ и въ «Историкки въкратъ-ца;» в) тоже опущено 20 дней по «Историкки» въ царствованіи Теодоры съ Михаиломъ (вмѣсто 22 только 2), а въ Изборниковомъ, Никоновскомъ и Палѣевскомъ не упомянуты какъ мѣсяць, такъ и дни. Что до правленія Михаила одного, то съ подлинникомъ, какъ показано уже, сходится вполне «Историкки,» прочіе же показываютъ 12 вѣ. 11 лѣтъ, 1 мѣсяца и 9 дней, что произошло, конечно, отъ того, что въ спискахъ «Никонов. и Палѣи» соцарствованіе Василія съ Михаиломъ выставлено отдѣльно: 1 годъ и 4 мѣсяца; слѣдовательно, круглое число послѣдніе предпочли подробному. Отъ того, слѣдующее показаніе, какъ я сказалъ, вѣроятно Греческаго происхожденія, какъ и предшествующія, подъ конемъ вписаны чисто Рускія, естественно, должно имѣть въ спискахъ Никоновскомъ и Палѣи разницу въ означеніи лѣтъ государстванія Василія однимъ годомъ съ небольшимъ противу показаній въ другихъ такихъ же Лѣтописцахъ. И точно, въ первыхъ двухъ сказанъ: «По Михаилъ цѣ Василей лѣ .ѣи. и мѣ .ѣи.», а по Лѣтописцу Изборника: «Василіосъ и Кѣн. стантинъ сѣ его лѣ .ѣи. и .ѣи. дѣи.» по Константиновскому же: «Василъ .ѣи. лѣ.» Напротивъ, въ Греческомъ подлинникѣ лѣта Василіева правленія вовсе неозначены, но выставлено одно лишь его имя: «Βασιλειος» (Basilius), и тотчасъ подведенъ итогъ по главнымъ событіямъ отъ Адама до Христа (5500), а отъ Христа до Константина Великаго, отъ него же къ Теофилу, что, согласно съ замѣченнымъ мною уже выше, указываетъ на 840 годъ, а не на 848-й, какъ бы можно было думать, полагая, что подводившій этотъ итогъ слѣдовалъ въ немъ 5500-му счисленію, но тогда оно указывало бы уже на правленіе Теофилова сына, а не самаго Теофила. Или же, желая отстоять 5500-лѣтнее счисленіе, нужно будетъ допустить, что счетчикъ употребилъ тутъ отцовское имя вмѣсто сыновняго. Какъ бы ни было, только подъ царствованіемъ Василія занесено въ Никоновскій и Палѣевскій списки «Лѣтописца въскоръ» два событія изъ жизни Славянскаго народа: одно касается Славянъ Булгарскихъ, именно, крещенія

нихъ, а другое Славянъ Рускихъ, т. е., смерти перваго великаго князя ихъ: «Въ .ā. лѣ црѣкл его црѣна въ земля Болгарьскаа ѿ Адамъ лѣ .ѣ. и .тозъ.», и «въ .кѣ. лѣ црѣкл его оумре Рюрикъ (Люрикъ оумре), и дастъ княжение (кнѣзьне Олгови), срединноу скоумоу, и сѣд малаго, Игоря». Годы того и другаго показаній, равно какъ и предыдущихъ, относящихся къ намъ, Славянамъ, совершенно совпадаютъ съ такими же Несторовой лѣтописи; и не одни годы, но и самый образъ выраженій почти одинъ и тотъ же съ Несторовымъ. Въ заключеніе: «Лекъ и Александръ, сѣд Василья црѣд, лѣ .лѣ. Въ .лѣ. е лѣ црѣкл его преложенъ быша книгы ѿ Греускаго црѣкл (въ Пал. «ѿ Гръкъ») на Словенскимъ (въ Палѣи «црѣкл»), а ѿ црѣкл Болгарьскаго до преложенъ книгы (въ Палѣи «на Роу») лѣ .лѣ.; а ѿ .ѣ. свора до преложенъ книгы (последнія два слова не находятся въ Палѣи) лѣ .оѣ., а ѿ Адамъ лѣ .ѣ. и .ѣ. и .ѣ.». Ясно, что все это собрано вмѣстѣ для одной и той же цѣли, т. е., опредѣленія времени преложенія книгъ; но, во первыхъ: число лѣтъ правленія царей Льва и Александра неточно, по какому бы мы счисленію ни означали годы правленія ихъ: вмѣсто 20 другіе полагаютъ 25 и 26 лѣтъ; последнее встрѣчаемъ въ Лѣтописцѣ при Изборникѣ 1073-го года: «Леонъ и Александръ, сѣд Василья, лѣ .лѣ. мѣ .лѣ. дѣни .лѣ.»; да «Александръ ѣдникъ лѣ .лѣ. дѣни .лѣ.» Дѣйствительно, по выкладкѣ Круга, лѣти Василя царствовали съ 30-го августа 886: первый по 11-е мая 912, а второй по 6-е іюня 913 года; стало, первому выпало, говоря круглымъ числомъ, 26 лѣтъ, а второму годъ съ небольшимъ; да и въ частностяхъ вычисленіе Круга совершенно совпадаетъ съ показаніемъ Изборникова Лѣтописца (107). Во вторыхъ: 12-е лѣто, по тому, правленія императора Льва будетъ приходится 898 года, что совершенно согласно и съ, присоединенными въ слѣдъ за тѣмъ къ опредѣленію перевода Священныхъ Книгъ, двумя вычисленіями, т. е., показаніемъ лѣтъ, протекшихъ отъ крещенія Болгарскаго и отъ Адама. 30-е лѣто перваго падаетъ на 898 годъ, считая отъ втораго года Василяева правленія (868-го), а 6405 отъ сотворенія міра, по обыкновенному счисленію, тоже указываетъ на это же самое (898-е) лѣто. Одна лишь выкладка времени отъ Седьмаго Собора не оправдывается, по тому что, откуда бы мы ни счита-

ли егѣ 77 лѣтъ, отъ 783, 787, 795, 805, 806 и т. п., во всякомъ случаѣ протекшее время укажетъ не на Львово, но на другаго царствованіе; слѣдовательно, эта выкладка принадлежитъ и другому лицу и къ другому предложению относится. Какое же изъ сихъ послѣднихъ будетъ относиться къ нашему предмету, увидимъ въ своемъ мѣстѣ; по тому что опредѣленіе предложенія на Славянскій языкъ Св. Книгъ 12-мъ годомъ царствованія императора Льва, не относится прямо къ теперешнему нашему розыску, хотя, конечно, можетъ и должно быть во многомъ принимаемо въ соображеніе. Последнее добавленіе къ Никифоровому «Лѣтописцу взиратцѣ» по обоимъ спискамъ, какъ замѣчено выше, относится къ правленію Константина Багрянороднаго: «Мостамитиѣ, сѣхъ Львоуѣ, хатъ Романковѣ, прѣткова лѣ .ѣ.» Подъ нимъ записано: «а в Роуѣси поудъ князяти (Пал. «князяти») Игорь, а Олегъ оумра» (въ Пал. «а Олегъ и тѣ оумра»); за симъ въ томъ и другомъ слѣдуетъ исчисленіе, кто изъ царей Греческихъ былъ вѣренъ Православію, а кто отступилъ отъ него, съ показаніемъ при каждомъ самыхъ лѣтъ правленія, что оканчивается, по списку Палѣи, 84-мъ царемъ, Мануиломъ, или 6899-мъ годомъ, а по списку Никоновой лѣтописи 85-мъ, Калдуяномъ, или 6933=1425-мъ. Уже по одному стому исчисленіе сіе не можетъ принадлежать патріарху Никифору, тѣмъ болѣе, что его нѣтъ и при Греческомъ подлинникѣ, хотя, съ другой стороны, оно могло быть доведено до того времени, до котораго и простое лѣточисленіе его, послѣ же его продолжалось другими. Такъ точно списокъ епископамъ Византіи, находящійся при Греческомъ подлинникѣ, какъ сочиненіе, принадлежащее ему, продолженъ въ немъ до самаго Фотія.

Есть еще особый видъ Никифорова Лѣтописца, который, подобно стому исчисленію православныхъ и неправославныхъ Греческихъ царей, не только что продолженъ до послѣдняго изъ нихъ, но даже, во многихъ случаяхъ, сличенъ съ другими подобными лѣточисленіями. Такой списокъ встрѣтился мнѣ при одномъ экземплярѣ «Книги, глаголемои Длоакитѣ, содержаша в себѣ толкованіе неодоуѣ разумываемыхъ рѣшен, иже обрѣтаются во стѣ книгѣ Словенскаго изуми, иностранними гѣгоданіи

положены,» томъ самомъ, которому предпослано, въ видѣ предисловія, Храброво «Сказаніе, како состави стѣи Кирилъ Оудософъ азѣвни по издѣнъ Словеискъ,» и проч. (см. прим. 46). Онъ писанъ нѣсколько отличнымъ отъ Сказанія и Алфавита почеркомъ, хотя тоже красивымъ, четкимъ и съ киноварными заглавными; бумага нѣсколько темнѣе; счетъ листовъ особой (43), озаглавленъ такъ: «Ѡ Летоисца изверлио къратце о изуале родословіа Ѡ Адама перваго дни и Ѡ кового козѣна ѣго поидоша црѣе, судѣа же и владѣлцы, и кто смодко лѣтъ бысть имѣо тѣвцаго мола сегѣ.» Это, кажется, составляетъ попытку нашихъ предковъ обработать Никифорово лѣтописное счисленіе. Трудившійся надъ нимъ тщательно сличалъ показанія Никифора съ другими, доступными ему, исчисленіями, и, находя разницу, отличалъ ее, но, большею частью, не пускаясь въ разысканіе причинъ оной. Такъ, на примѣръ: отъ смерти Моисея до Самуила 520, а по Библии 540, «глѣтъ же са и делѣнихъ Апостолскихъ Ѡ Моисеяка оумертѣа до Самуила лѣ .ѣѣ. Ѡбрацѣмъ по сему лѣтописцу изданше лѣтъ .Ѡ., а по Библии изданше лѣтъ .ѣ. Сіе не апостолское писаніе погрѣши, но или переписываго погрѣшеніа бысть, долгаго ради времѣни пишѣма стѣраются и неидема выклаѣ, шко же се ѣгда оу тверда ѣдина уертница сотретса, то и итьстѣ рѣзвѣати, твердо ли было, или поимѣ; тако же верхѣма уертница з поком сотретса, тако же не вѣдѣти, покой ли былъ, или же иже, да тѣмъ ѣ три сотномъ унсла осмьдесатное мнитса, и въ осмьдесатномъ осмь мнитса.» Или: «По сему лѣтописцу Ѡ перваго уѣвѣна родоуулаинка Адама дѣже до Рѣтѣа Хрѣтова родословіѣ уѣвѣскаго бытѣа лѣты иззѣмѣнитѣ и славнѣ уѣвѣнъ, црѣн же и свѣдѣн и владѣлецъ соутѣно лѣ .сѣ., лишѣ же ѣвертѣса лѣ .иѣ.; а по Библии разгласѣтса оумлаеніемъ недостаѣо ѣ пѣтѣсашное и пѣсотное унсло лѣ .иѣ. и мѣѣ .сѣ. А старѣе переумѣ тако же рѣзгласѣются: Ѡ црѣа Дѣда до Рѣтѣа Хрѣтова .дѣѣ. лѣта, а Ѡ пѣвѣнѣа Іерослаинѣока по сему лѣтописцу до Хрѣта .хѣ. лѣтъ, а в старѣхъ пишѣтъ .фѣ. лѣтъ. А Ѡ змертѣа Александрѣа до Августѣока црѣтѣа лѣтъ .сѣи., а Ѡ изуала царѣтѣа Августѣока до Рѣтѣа Хрѣтова .иѣ. лѣта, то право; а Ѡ Александрѣа лѣтъ .сѣ. И то рѣзѣогласѣе в унслахъ лѣтописныхъ Ѡ переписывѣщихъ бысть, шко же преже рѣхъ Ѡ Моисѣа до Самуила.» Съ Августа передѣ каждымъ изъ государей выставлѣется, прежде всего, годъ отъ Р. Х., а по томъ ужъ число лѣтъ правленія. Точно такимъ же

образомъ разность лѣтописныхъ счетовъ указана при Константиѣ Великомъ и каждомъ Вселенскомъ Соборѣ, изъ коихъ приведу здѣсь только первое и послѣднее, необходимыя для нашихъ соображеній: «Ѿ Рѣтва Хрѣтова до перваго лѣта црѣ Константина по семъ лѣтописцѣ лѣтъ .тѣа. и мѣъ .ѣ., а Ѿ вознесенїа Гдѣа лѣтъ .сѣѡ. и мѣъ .ѣ., а Ѿ Адама лѣтъ .сѡѡѡ. и мѣъ .ѣ.; а въ старыхъ переписяхъ лѣтописнѣ пишеть Ѿ Рѣтва Хрѣтова до црѣ Константина лѣтъ .тѣѡ., а Ѿ вознесенїа Гдѣа лѣтъ .тѣ. ннѣ .сѡѡ. а Ѿ Адама .сѡѡѡ., ннѣ .сѡѡѡѡ. Во .лѣ. лѣто црѣтва ѣго вьствь первымъ вселенскїи Соборъ въ Никен стѣхъ ѡцѣ .тѣи. на Арїа злоустиваго, глѡщаго Сѣа Бжїа сѣтворена вьти; Ѿ Рѣтва Хрѣтова до перваго Собора лѣ .тѣг. и мѣъ .лѣ., а Ѿ вознесенїа Хрѣтова лѣтъ .тѣ. и мѣъ , а Ѿ Адама лѣтъ .сѡѡлг.; а въ старѣ переписахъ пишеть Ѿ вознесенїа Хрѣтова до перваго Собора лѣ .тѣи., ннѣ .тѣ., а Ѿ Адама лѣтъ .сѡѡѡѡ. В лѣто .сѣѡѡѡ. по Лѣтъ црѣтова Константина сѣъ с мѣрїю Нрнною лѣ .лѣ. При смѣхъ вьствь седмїи Соборъ въ Никен , лѣ .сѣ. лѣто црѣтва ѣго на нкомоборцовѣ , стѣхъ отецъ .тѣѣ. прї Амдрелне папе Римстемъ и Тарасїн Цреградскомъ. Ѿ Адама до седмаго Собора по семъ лѣтописцѣ .сѣѣхъ. лѣта, а Ѿ Рѣтва Хрѣтова лѣ .ѡѡѡ. и мѣъ .ѣ., а Ѿ шестаго Собора до седмаго лѣ .рѣѡ.; а въ старыхъ переписяхъ пишѣ Ѿ Адама до седмаго Собора лѣтъ .сѣѣѣ., а Ѿ Рѣтва Хрѣтова .лѣѣѣ.» Здѣсь все совершенно противорѣчитъ какъ само себѣ, такъ и обыкновенному способу лѣтосчисления. Отъ того и царствованіе Михайла III-го пришлось «въ лѣто .сѣѣ.» (6405 = 805), и при томъ онъ правиль, яко бы, «съ мѣрїю своею, Феодорою, лѣта .лѣ., а ѣдинъ лѣ .тѣ., а с Василемъ Македонаниномъ лѣто ѣдино и мѣѣ .лѣ.» Слѣдовательно, въ послѣднемъ счетѣ пропущено цѣлыхъ десять лѣтъ, что тоже замѣчаемъ и при Василии, который, будто бы, царствовалъ только «лѣтъ .ѡ.» Не смотря на это, царствованіе послѣдняго Греческаго императора пришлось въ .лѣѣѣ.» (6950=1442), а «скончаса въ лѣто .лѣѣѣ.» (6961=1454), между тѣмъ въ заключительномъ его итогѣ открывается опять несостоятельность, именно, по счету его, «Ѿ Рѣтва Хрѣтова до великаго црѣ Константина лѣтъ .тѣа, а Ѿ перваго црѣ Константина до послѣдмаго сего црѣ Константина лѣ .лѣѣѣ (321+1095=только 1416!), а Ѿ Рѣтва Хрѣтова до послѣдмаго црѣ Константина, до скончанїа ѣго, лѣ .лѣѣѣ (1460!); црѣвлюще црѣе Гречестїи въ Константине граде .лѣѣѣѣ лѣтъ (1127, что съ 321 составитъ лишь 1448!). Такое

противорѣчіе въ означеніи лѣтъ начала правленія каждаго царя отъ Р. X. принадлежитъ не Никифору, но тому, кто Лѣтописецъ его довелъ до послѣдняго Византійскаго императора. Вторую половину этого Лѣтописца составляетъ «Заулао великомъ именованію и црѣмъ», т. е., Рускимъ. Составитель не хотѣлъ сливать, по примѣру другихъ, событій Рускихъ съ Византійскими, но отвелъ для нихъ особое мѣсто. Сдѣсь счисленіе далеко правильнѣе того. Такъ, приходъ «Варлагъ по моласію Руси,» т. е., «Рюрика съ родомъ своимъ,» отнесенъ къ лѣту .,зѣо. (6370 = 862), при црѣхъ Грецескихъ, иже тогда црѣквиюрихъ, при Михайлѣ I Василіи Македонинне;» а кончина его произошла, по нему, въ лѣто .,зѣиѣз (6387 = 879); далѣе опять частью правильно, частью сбивчиво. Такъ, крещеніе Руси, въ слѣдствіе «чюдеси сѣгао екагнла,» послѣдовало «а лѣта .,зѣѣ» (6409=801 или 809), а ѿ седмгао Собора .лѣ. лѣ. и мѣа .лѣ., ко второе надесать лѣто црѣта Льва Премѣраго,» что, какъ ни считай, не совпадетъ; «а в старыхъ перепискахъ пишеть ѿ седмгао Собора .лѣ. лѣто, а ѿ крещеніа Болгарскаго .лѣ. лѣтъ., а до крещеніа Болгарскаго ѿ Адама лѣтъ .,зѣоѣс (6376=868), а ѿ крещеніа Болгарскаго до преложеніа кнѣзъ Кирилѣ лѣ .лѣ. (868 + 30=898), а ѿ Адама .,зѣѣз (6407=899), а ѿ седмгао Собора лѣтъ .ѣз»: послѣднее не сходится съ предыдущими, равно какъ и другія означенія, 82 и 88. Точно такъ же не сходится и слѣдующее означеніе времени отъ преложенія до крещенія Рускаго 123 лѣта, если не считать тутъ преложенія, предшествовавашаго 865-му году; но прямое означеніе имъ лѣтъ крещенія нашего при Владимирѣ почти правильно, такъ какъ оно случилось въ 6495: «Русь крестилася преже Владимера ѿ Грековъ в лѣто ѿ созданіа мира .,зѣѣѣ» (= 987). Что же до принятія, по словамъ этого Лѣтописца, Поляками Вѣры Христіанской, «роиз .лѣи.», то это, быть можетъ, составляетъ собственное соображеніе составителя его, опирающееся на томъ старинномъ преданіи Польскаго народа (сохраненнаго, правда, позднѣйшими писателями), по которому уже при Семимыслѣ (921 — 962) Христіанство смѣло распространялось, хотя самъ онъ и оставался въ язычествѣ. Впрочемъ, самое выраженіе «роиз» намекаетъ на источникъ, откуда такое означеніе времени принятія Христіанства Поляками, перенесено въ этотъ Лѣтописецъ.

Спрашивается, откуда пошли всѣ етѣ лѣтописныя показанія, особенно для древняго времени? Первые лѣтописцы, идущіе не далѣе X-го столѣтія, равно какъ и послѣдній, до половины XV-го (1454 въ части 1-й, а во 2-й до половины первой четверти XVII-го [1613] или избранія и возведенія на престолъ царствія Московскаго государства перваго Романова), основываются, какъ сказано уже, до Теофила на Лѣтописцѣ Никифоровомъ, но далѣе, мнѣ кажется, составляютъ простое извлеченіе перечнемъ изъ нашихъ Лѣтописей и Хронографовъ, что доказывается какъ сходствомъ расположенія, такъ и тождествомъ, по крайности, чрезвычайной близостью, самыхъ выраженій во многихъ и многихъ случаяхъ. Такъ, сличите приводимое въ етѣхъ Лѣтописцахъ съ тѣмъ, что находится въ Лѣтописи Нестора и нѣкоторыхъ Хронографахъ отъ царствія Василя Михайлу. Началомъ, конечно, послужили перечни, подобные перечню, предпосланному Несторомъ разсказу о томъ, «што са оудя (къ) лѣта си»,» который рѣшительно взятъ имъ «взиратъца» у Никифора и его неизвѣстнаго продолжателя (или продолжателей) до самаго Михаила. Свѣривъ всѣ ихъ между собою (какъ это я и сдѣлалъ), увидимъ, что несходнаго у Нестора съ ними весьма мало, да и это малое такъ незначительно и такъ причина тому очевидна, что только самый недалбовидный, или же неопытный въ дѣлѣ исторической критики, можетъ не замѣтить оной. Но Несторъ самъ называетъ источникъ свой: «Иуеишю Михайлуу царствокати, наудаса проудмати Роусна земля; о семъ бо оудядохомъ, яко при семъ цари приходима Роусъ на Царьгородъ, яко же пишется въ лѣтописаньи Гречустымъ, тамже отселе поумемъ и тисла положимъ;» и тотчасъ же, дѣйствительно, начинается свою «Повѣсть премышнихъ лѣтъ» прежде всего положеніемъ лѣтъ, то есть, «лѣтописцемъ взиратъца», отъ Адама до своего времени (смерти Святополка), рядомъ всемірныхъ поворотныхъ событій и ихъ представителей (отъ Адама до потопа, Авраама, Мойсея, Давыда, разрушенія перваго Іерусалима, Александра, Р. Х., Константина и Михаила): послѣдній изъ нихъ не по тому, чтобы онъ былъ въ самомъ дѣлѣ такая же личность, какъ прочіе, но по тому единственно, что иуеишю емоу царствокати, наудаса проудмати Роусна земля,» которой судьбы рѣшился

онъ изложить. Отъ етого же государя, въ описаніи правленія котораго вычиталъ Несторъ первое извѣстіе о Руси, счетъ лѣтъ идетъ у него въ «положеніи чиселъ» уже по собственнымъ государямъ, отъ правленія къ правленію. Представивъ, такимъ образомъ, напередъ лѣтописный обзоръ того, что намѣренъ былъ изложить въ своемъ Временникѣ, онъ открываетъ его 6366-мъ лѣтомъ (858), подъ которымъ нашелъ «въ Греческихъ лѣтописаніи» извѣстіе о народѣ, соплеменномъ своему, т. е., Болгарскихъ Славянахъ, именно, о войнѣ противъ нихъ Михаила, кончившейся крещеніемъ. За тѣмъ, къ слѣдующему году (6367=859) приурочиваетъ преданіе о дани Варягамъ съ Сѣверныхъ, а Козарамъ съ Южныхъ Славянъ, а черезъ три года (6370=862) объ изгнаніи первыми Варяговъ, объ усобицахъ у изгнавшихъ и средствѣхъ противу того—призваніи князей изза моря; послѣ етого опять три пустыхъ лѣтнихъ чиселъ (6371, 72, 73), о которыхъ ничего не могъ найти ни въ своемъ Греческомъ (хотя въ Славянскомъ предложеніи) подлинникѣ, ни въ памяти народной, и только подъ слѣдующимъ (6374=866) годомъ заноситъ о томъ приходѣ Руси на Царьгородъ, о которомъ сказалъ въ самомъ началѣ своей Лѣтописи и который далъ ему поводъ начать ее правленіемъ Михаила, по тому что ни въ какомъ Греческомъ лѣтописаніи подъ 6360 (852) годомъ не говорится о Руси; слѣдовательно, Несторъ тутъ разумѣлъ походъ Аскольдовъ и Дировъ, дѣйствительно рассказываемый подъ етѣмъ годомъ источникомъ его, Георгіемъ Грѣшнымъ, какъ ето показываетъ самое дѣло. Ибо ето событіе читаемъ у Георгія передъ убиеніемъ кесаря Варды (дяди Михаила по матери) Василиемъ, что, какъ извѣстно, предшествовало избранію послѣдняго въ соправители, почти за полтора года до смерти самаго Михаила (868 по Нестору, 866 по другимъ). Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ рассказовъ у Нестора объ отечественномъ, и тѣмъ менѣе о Греческихъ и соплеменныхъ намъ народовъ дѣлахъ; но подъ 6376 (868) отмѣчено вступленіе на престолъ Василія, подъ 6377 (869) крещеніе *всей* Болгарской земли, подъ 6395 (887) царство Льва и Александра, дѣтей Василія. Занесеніе извѣстій изъ Греческой лѣтописи не переходитъ половины X-го столѣтія: я разумѣю такихъ, которыя почти никакого не имѣютъ къ намъ отно-

шенія, или же только второстепенное. По чему же не далѣе? По тому, кажется, что и источникъ его, Георгій, въ своихъ неизвѣстныхъ продолжателяхъ не простирается далѣе Романовой смерти. «Стало, Георгій, а не Никифоръ, Несторовъ источникъ?» И тотъ, и другой: первый черезъ послѣдняго. По тому что, взявши изъ Амартола извѣстныя данныя, онъ не могъ, однако, взять у него лѣтописнаго обзора, предполагаемаго имъ, послѣ введенія, самой лѣтописи, такъ какъ его нѣтъ въ Хроникѣ Византійца; составить же его изъ соображенія разныхъ мѣстъ ея было слишкомъ искусственно для черноризца конца XI-го, или начала XII-го вѣка, когда онъ могъ ближе и удобнѣе перенести нужное ему изъ творенія другаго Византійца, которымъ самъ Георгій, какъ своимъ современникомъ, воспользовался до того, что рѣшительно по немъ расположилъ свой «Временникъ въпросъ», на что намекъ встрѣчаемъ уже въ самомъ его названіи, по коему тотъ «отъ различныхъ хронографъ и связатель собрать и сложитъ.» Стоитъ только свѣрить лѣтописныя данныя, т. е., означеніе «лѣтносѣ», въ томъ и другомъ, чтобы убѣдиться въ такомъ употребленіи Грѣшнымъ Никифорова «Лѣтописца въпросъ». Сходство простирается даже на самыя выраженія; на примѣръ, изъ многого малое: «По Самсонѣ не бысть соудѣи лѣтъ .лѣ.; тамъ и велико зло бысть», читаемъ у Никифора; «нко по Самсонѣ не бы княженн лѣтъ .лѣ.; тамъ же и велик зло бы», читаемъ и у Амартола. Или, въ первомъ: «Поудѣи Кесарь .лѣ. лѣтъ. Тон зкомъ дастъ виднѣта и високость изобрете. По Поудѣи Августъ, символецъ его, Октавиъ сынъ, иже и Савастъ наречеса, лѣтъ .лѣ.»; а во второмъ: «Поудѣи црѣ виднѣдержецъ лѣтъ .лѣ.; тѣ же и зкомъ дастъ, виднѣта и висента фарте. По Поудѣи Флава Августъ символецъ его, Октавиъ сынъ, иже Савастъ наречесъ бы, лѣ .лѣ.» Очевидно, не Никифоръ у Георгія, но этотъ у него, заимствовался, такъ какъ первый кончиной своей опередилъ послѣдняго (828). Быть можетъ, и «Лѣтописецъ въпросъ» былъ въ рукахъ у Нестора уже съ дополненіями, или продолженіемъ, о которомъ я сказалъ выше, даже со включеніемъ Славянскихъ событій, точно такъ, какъ «Книгы временныхъ и обрзцѣхъ Георгіа», которыя простираются, собственно, только до смерти Михаила III-го, дальнѣйшее же составляетъ, какъ и у Никифора, продолженіе неизвѣстнаго, судя по сло-

гу и приемамъ. Оба етѣ источника Несторовой Лѣтописи дошли до насъ въ весьма древнихъ переводахъ, составленныхъ, судя по языку, еще въ первое время по крещеніи Славянъ Булгарскихъ, отъ коихъ перешли, съ прочими письменными памятниками, и на Русь тотчасъ по принятіи ею Христіанства. Переводъ же ихъ на Славянскій объясняется временемъ ихъ появленія, совпадавшимъ съ временемъ обращенія Славянъ и знакомства ихъ съ книжнымъ дѣломъ. То и другое (Никифорово и Георгіево) произведеніе составляло въ самой Византіи книжную новость, слѣдовательно, такъ сказать, само напрашивалось на «преложеніе,» тѣмъ болѣе, что непосредственно удовлетворяло естественной потребности новопросвѣщеннаго народа знать, что са оудда въ лѣта си» до него, какъ прекрасно выразился Несторъ. Во всякомъ случаѣ, етѣ лѣтописныя приписки къ Никифорову Хронографу, откуда бѣ ни зашли въ него, изъ Несторовой ли Лѣтописи и Хронографовъ, или же на оборотъ (по тому что сродство ихъ съ ними очевидно и въ равной мѣрѣ допускаетъ тотъ и другой способъ объясненія), въ большей, меньшей мѣрѣ, касаясь нашего предмета, невольны вызывали насъ войти во всѣ етѣ объясненія. Въ Хронографахъ онѣ встрѣчаются въ простѣйшемъ видѣ, т. е., въ нихъ говорится сперва о преложеніи книгъ при Львѣ Мудромъ, а за тѣмъ опредѣляется время его указаніемъ на годы, прошедшіе до него отъ Адама, послѣдняго Вселенскаго Собора и Болгарскаго крещенія; съ етѣмъ непосредственно соединено исчисленіе народовъ, для коихъ переводъ сдѣланъ былъ, какъ это и разсмотрѣно нами уже подѣ извѣстіями Хронографовъ о занимающемъ насъ вопросѣ. Напротивъ, при Никифоровомъ Лѣтописцѣ, какъ мы знаемъ, извѣстіе это обставлено многими другими, близкими къ нему, событіями, и при томъ, въ разныхъ опискахъ этого Лѣтописца съ разными вычисленіями, чего вовсе не встрѣчаемъ въ Хронографной передачѣ его.

Но по чему же етѣ приписки къ Никифорову Лѣтописцу и Хронографы относятъ преложеніе Славянскихъ книгъ къ 12-му году правленія Льва Мудраго или Философа? Мы знаемъ по всѣмъ доселѣшнимъ показаніямъ отечественныхъ

и иностранныхъ источниковъ, что это могло состояться только либо въ царствованіе Михаила III-го, либо же Василія Македонянина, отнюдь же не Льва, сына его, по крайности, не въ 12-е лѣто правленія его, какой бы переводъ разные списки сихъ показаній ни разумѣли въ положеніи лѣтъ. Дѣло это опирается просто на одномъ недоразумѣніи. Извѣстно, что Несторъ подь 6406 годомъ (898), замѣчаетъ, какъ, въ 20-е лѣто правленія Олегава, «идоша Оугри мимо Кіека горою», отъ чего мѣсто, гдѣ они, пришедши къ Днѣпру, стояли вежами, прозвалось по нимъ «Оугорское.» Угри етѣ были Оугри Уерити, пробиравшіеся къ Уграмъ Бѣлымъ, еще прежде прошедшимъ къ Дунайскимъ землямъ, въ сосѣдство Славянамъ (108). Тѣ и другіе шли «отъ востока и оустремившася черезъ горы великіа (Карпатскія и Трансильванскія), и поуаша коскати на жикоуша тоу Волху (Волохы) и Словѣни», изъ коихъ, говоритъ онъ, первыхъ «Оугри прогнаша», такъ какъ они, подобно имъ, насиліемъ «пріаша землю Словѣнскую и сядоша съ Словѣны, покоришася и подъ са.» Земля ета «оттогда прозвася земля Оугорская», а сами Угри «поуаша коскати на Греки, и поплашаша землю Фрагъскую и Макидонскую доже и до Селоуна», и не только на Грековъ, но и «на Моравоу и на Уахи (Уехы).» Это, какъ я замѣтилъ уже въ своемъ мѣстѣ, разбирая свѣдѣтельство Нестора о нашемъ предметѣ (стр. 61), это событіе, касавшееся большей части Славянъ (сѣверовосточныхъ, южныхъ и западныхъ) и имѣвшее чрезвычайное вліяніе на послѣдующія судьбы ихъ, представляло ему случай еще разъ напомнить единство языка (племени) Славянского и вычислить важнѣйшихъ представителей его: Славяно Дунайскіе, «сидъ же пріаша Оугри, и Маравя, Уеси, и Лахове, и Подле, иже нынѣ зокоуми Роусь.» Они едини были и по грамотѣ: «Сидъ во первое предложени иниги Маравя, дже прозвася грамота Словѣнская,» которая теперь (во время лѣтописателя), «грамота еста» только «къ Роуси и къ Болгарехъ Дучанскимъ.» Коснувшись, по поводу нашествія Угровъ на Словѣнъ, столько важнаго событія, Несторъ пускается въ подробности о немъ: излагаетъ, когда, какъ и черезъ кого показалась у его народа (Славянского) грамота: это-то и составляетъ извѣстный рассказъ его о посольствѣ Моравскихъ князей въ Царьградъ къ императору Михаилу, просившихъ прислать къ нимъ «оучители, иже бы (ихъ)

наиздалъ (наоучилъ) и поучалъ и протококовалъ Святыхъ книгъ», и какъ къ нимъ посланы были учителя, которые не только въ состояніи были «протоковати Святыхъ книгъ», но даже «состависта писмена азъкоукоумна Словѣнски, и преложиста Аностаолъ и Евангеліе», а по томъ одинъ изъ нихъ (Меѳодіи) покончилъ начатой трудъ: «предожи и еса книги исполди (сполна) отъ Греуска думка въ Словѣнски» (П. С. Р. Л. I, стр. 11). Разсказъ этотъ по поводу выступленія Угровъ, начавшихъ, съ тѣхъ поръ, играть важную роль въ жизни Славянскаго племени, а по тому всюду старательно отмѣчаемыхъ лѣтописцемъ въ своемъ Временникѣ (тогдашъ же за етѣмъ разсказомъ, подъ 6410 = 902 о наемѣ ихъ противу Болгаръ при Симеонѣ, разбившихъ его и вогнавшихъ въ Дерестръ; 6442=934, 6451=943), другіе лѣтописцы передали каждый по своему. Одни либо просто списывали Нестора, не мудрствуя лукаво; другіе, напротивъ, позволяли себѣ передѣлки, именно: въ нѣкоторыхъ Хронографахъ, какъ мы видѣли уже, стоитъ въ этомъ мѣстѣ позднѣйшая обработка Житія Кириллова, такъ называемое, Проложное Житіе, и, въ слѣдъ за нимъ, «о преложеніи книгъ съ Греускаго на Словѣнскимъ азъкъ», начинающееся словами: «Во ѿ. лѣ. лѣто црѣства Леона преложиши книги ѿ Греускаго на Словѣнскимъ азъкъ», съ чѣмъ соединено извѣстіе, для какихъ именно Славянскихъ народовъ это сдѣлано было Кирилломъ и Меѳодіемъ, непосредственно, яко бы, посѣщавшихъ и наставлявшихъ ихъ въ истинахъ Христіанства; впрочемъ, есть Хронографы, въ коихъ оба послѣдніа одно за другимъ слѣдуютъ (Прологъ впереди); либо, наконецъ, преложеніе книгъ внесено въ «Лѣтописецъ изъскортъ» и тому под., какъ особая эпоха, къ которой и отъ которой исчисляется протекшее время, при чемъ, иногда, оно поближе опредѣляется другими событіями (седьмымъ Соборомъ, Болгарскимъ крещеніемъ, крещеніемъ Руской земли, и т. п.); въ Никоновской же Лѣтописи, какъ сводномъ собственно Хронографѣ неизвѣстнаго, жившаго въ XVI-мъ столѣтіи, встрѣчаемъ нѣсколько (рядомъ) изъ етѣхъ опредѣленій времени перевода Священныхъ Книгъ: сперва по Нестору, съ вольной передѣлкой койчего (на примѣръ: «Смиъ во перкое положени книги ко Испаниі, во граде Мраке, еже есть Ширецъ»), за тѣмъ по Хронографамъ о преложеніи: «во второе илдецать лѣто црѣства Леа Премудрого пред-

жизни книги,» съ исчисленіемъ, для кого изъ Славянъ; далѣе, вторая половина Несторова же сказанія со времени поставленія Кочеломъ Мееодія въ епископы «во Испаниі, на столѣ склѣтаго апостола Андронима,» какъ бы что-то отличное отъ изложенной выше первой половины, и при томъ еще съ надписью: «О томъ же, отъ инаго Лѣтописца» (часть I, стр. 26 — 29). Это обстоятельство, между прочимъ, говоритъ намъ, что составитель Лѣтописи или точнѣе Хронографа по Никонову списку не пользовался спискомъ Несторовой Лѣтописи непосредственно, но только подобными себѣ Хронографами; въ противномъ случаѣ онъ былъ бы согласенъ съ какимъ ни есть изъ нихъ, между тѣмъ какъ у него видимъ совершенно противное. Что ни было бы, только кто-то изъ трудившихся надъ устроеньемъ (а, статья можетъ, и просто переписываніемъ, или же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ) нашихъ Хронографовъ, внося въ свой списокъ Славянскія и Рускія извѣстія изъ Несторовой Лѣтописи, когда дошелъ до сказанія послѣдней о предложении книгъ, помѣщенномъ подъ упомянутымъ лѣтомъ Олегова княженія, по случаю прохода Угровъ мимо Кіева, вмѣсто того, чтобы прямо перенести этотъ рассказъ въ свой Временникъ, подъ главой, посвященной «црѣткѣ Льва Премоудраго, сына Василѣва,» или же, по крайности, въ извлеченіи, согласно съ характеромъ Хронографовъ (которые, дѣйствительно, етѣмъ наиболѣе отличаются), вздумалъ замѣнить его собственнымъ своимъ соображеніемъ времени, когда именно событіе это (переводъ книгъ) произошло. Это сдѣлалъ онъ просто, т. е., счелъ лѣта, протекшія отъ перваго года правленія Льва Мудраго до года, подъ которымъ Несторъ передаетъ свой рассказъ о предложении книгъ, именно: 6395 — 6406 или 887 — 898, въ итогѣ ровно «дъвадцатомъ лѣтѣ (12): «Во вторенадцатомъ лѣтѣ Льва Премоудраго Костантинъ философъ и братъ его Мееодіи предложиста стѣмъ книги,» и т. д. Такимъ образомъ, благодаря этой выкладкѣ хронографщика, основанной совсѣмъ на другомъ соображеніи въ Несторовой Лѣтописи, мы получили новое извѣстіе о предложении книгъ, случившемся, яко бы, въ 12-й годъ царствованія Льва, сына Василѣва, между тѣмъ какъ это время, не говоря уже о томъ, что не можетъ быть ни по какимъ даннымъ временемъ перевода, есть просто на просто

только время прохода Угровъ мимо Кіева, пробудившихъ въ начальномъ лѣтописцѣ нашемъ своимъ послѣдующимъ отношеіемъ къ народу Славянскому воспоминаніе, какъ я сказалъ уже, о событіи, хотя и недавно случившемся (относительно разстоянія времени переложенія книгъ отъ времени прохода Угровъ), но событіи первой важности для этого послѣдняго, а главное не въ 12-е лѣто правленія Львова. Къ этому вычисленію хронографщикъ нашелъ нужнымъ присовокупить еще выписку изъ какого-то, доселѣ намъ неизвѣстнаго, Българскаго, или Сербскаго, Хронографа, о томъ, какіе именно Славянскіе народы теперь «единого азыка и единой грамоты.» О такомъ заимствованіи изъ этого источника говоритъ намъ какъ самое свойство сказанія сего, такъ и языкъ его (см. выше стр. 113—114). А что это дѣлю возможное, т. е., заимствованіе его изъ упомянутыхъ Временниковъ, подтвержденіемъ тому служатъ, съ одной стороны, статьи изъ исторіи обоихъ соплеменныхъ намъ народовъ въ Временникахъ, коихъ (статей) большей части нельзя найти ни въ одномъ иностранномъ памятникѣ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ въ Хронографахъ, а съ другой—указаніе даже въ заглавіи етѣхъ послѣднихъ на то, что они дѣйствительно служили составителямъ нашихъ Временниковъ источниками. Такъ, вычисляя источники, изъ коихъ составитель или составители ихъ брали свои свѣдѣнія, приводятся не одни лишь книги Библейскія и другія, но именно говорится, что черпано было еще «отъ Русскихъ лѣтописецъ, Сербскихъ и Българскихъ.» Изъ Хронографовъ же извѣстіе о преложеніи Книгъ въ 12-е лѣто Льва, царя Греческаго, могло перейти и въ другіе лѣтописные памятники, съ приложеніемъ, или безъ приложенія, выписки изъ Сербскаго источника о народахъ, единыхъ съ нами по роду, Вѣрѣ и грамотѣ, и разнообразно обдѣльвалось, между прочимъ, такимъ образомъ, присоединено къ-то и къ Никифорову «Лѣтописцю късноря,» въ самомъ концѣ прочихъ приписокъ къ нему.

3) Одинаковаго достоинства съ предыдущими двумя (подъ а и б) показанія о нашемъ предметѣ и извѣстіе, помѣщенное въ «Житіи свѣго и равноапостолика къ нѣмъ Кіевскаго Владимера, къса Россіи самодержца,» по Крупичпольскому списку «Пчелы» (109).

Исчисляя, сколько разъ крестилась Русь, сочинитель такъ выражается о второмъ крещеніи ея; «Повторѣ крѣстилса Русь роуцѣ ѿ рождества Хѣи .ѿѣг. (863) за Михаила црѣи Грециѣ, а за патриархи Константинопольскѣи Фотіа, ѿ которыхъ тѣ на прозѣку князехи Словенскихъ Склановола, Ростислава и Коцела прислаши емыи Слованомъ и Руси чѣтанъ крѣри Хрѣмы Меѿодіи и Кириллѣ, спосе чѣкки злциѣ Лва з Колунѣ; тѣи Дѣѣ Сѣмѣмъ зложили Словенскѣи лѣтери, і предложили на ижѣи Словенскѣи Грециѣи книги, стѣе бѣгаіе, Лѣтолъ и иныи» (стр. 14). Ошибка въ названіи города — очень понятна и, конечно, принадлежитъ позднѣйшему переписчику, для котораго Солунь напоминалъ край Рускій, Волунь или Волянъ. Отправить же Кирилла и Меѿодія и къ Руси, разумѣется, внушило ему то же самое побужденіе, которое и другихъ хронистовъ заставило сказать, что Кириллъ перенялъ даже самое изобрѣтеніе Славянскихъ письменъ отъ какого-то Русина въ Козарѣхъ; впрочемъ, не то ли же самое говорятъ и приведенные выше Хронографы? Все различіе состоитъ лишь въ томъ, что они отправляютъ, между прочимъ, одного только Кирилла, и къ Руси «оучити и предати стѣе писаніе по ихъ измыи», тогда какъ въ етомъ Житіи, согласно съ главнымъ источникомъ его (поименованнымъ въ самомъ заглавіи, т. е., Несторовой Лѣтописью), посланы въ Русь оба братья. Но годъ, поставленный одинаково какъ для крещенія Руси при Аскольдѣ и Дирѣ (что, по свѣдѣтельству нѣкоторыхъ данныхъ, имѣло мѣсто), такъ и для благоговѣствованія Селунцевъ нашихъ Моравскимъ Славянамъ, весьма замѣчательнъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Онъ не могъ быть взятъ у Нестора, по тому ужъ, что оба разсказа у послѣдняго стоятъ подъ разными годами, т. е., походъ Аскольда и Диры подъ 6374-мъ (866), а посольство Ростислава, Святополька и Коцела въ Царьградъ подъ 6406 (898), по поводу, какъ я замѣтилъ выше, прохода Угровъ мимо Киева и вторженій ихъ въ Паннонію, случившихся въ царствованіе и, отчасти, по винѣ Греческаго императора, Льва Мудраго, двинувшаго первоначально ету Восточную орду на Славянъ Булгарскихъ, непосредственныхъ сосѣдей владѣній его, Моравцевъ, тоже и по винѣ Нѣмцевъ, равнымъ образомъ побуждавшихъ къ тому Мадьяровъ за одно съ Визан-

тійцемъ. При томъ, Несторъ, рассказывая походы Аскольда и Дира, ничего не говоритъ о крещеніи Руси. Тѣмъ не менѣе, сказанія нашихъ хронистовъ должно принимать съ большей осторожностью, особливо, что касается такой отдаленной древности, слѣдовательно, и нашего предмета. Свѣдѣнія свои берутъ они, откуда и какъ попало, ни мало не справляясь, точно ли все это идетъ къ тому, къ чему приурочиваютъ; а послѣ, извольте вы, поздніе потомки, разбирать, что и какъ причитается у нихъ кому въ родню. Да, возясь съ ихъ мозаикой, частенько приходится повторять пословицу, пущенную въ ходъ о какомъ-то Робертѣ еще Латынщиками среднихъ вѣковъ: «*Experto crede Roberto!*»

4) Заключая разсмотрѣніе источниковъ для нашего предмета, остается еще упомянуть мнѣ о показаніи: а) *Рускаго Анеологіона*, т. е., «Цѣтослокл, во всѣмъ крѣзѣ лѣтнѣмъ по мѣсяцеслоку предвѣднѣствѣмъ, и прѣднѣмъ Гдѣскимъ, и Бѣгородичнымъ, и стѣмъ и оугодничомъ Бѣйнимъ, изкоторымъ осокма и окрѣма слѣзѣмъ кому, когда и кѣмъ, но Црковномъ оуставѣ ити покезѣкѣтса.» Иначе Анеологіонъ просто называется «*Минѣя прѣднѣствѣмъ.*» Въ немъ (или въ ней), подъ 14-мъ февраля, упоминается о Моравскомъ епископѣ Кириллѣ, учителѣ Словѣнъ и Болгаръ, а подъ 11-мъ мая, о братѣ его, Меѣодіи. О первомъ замѣчено, что «*онъ составилъ Словѣнское письмо по образцу Греческаго.*» а о второмъ, что онъ «*братъ Кирилла Философа, Словѣнскаго Апостола, изобрѣтателя Словѣнской азбуки.*» Свѣдѣніе это беру я изъ извѣстнаго сочиненія Добровскаго, «*Кириллъ и Меѣодіи*» (Cyrill und Method), которое самъ онъ тоже взялъ у Кульчинскаго, по тому что повѣрить его я не въ состояніи, такъ какъ въ теперешнемъ изданіи Анеологіона болѣе оно не находится. б) «*Сокорникъ дванадесатимъ мѣсѣмъ*» или «*Слатецѣмъ*, «иначе «*Мѣсяцесловокъ*», печатанныхъ въ разное время, отдѣльно и при другихъ твореніяхъ. Изъ нихъ въ одномъ, въ 12-ю долю, недавно пріобрѣтенномъ мною, къ сожалѣнію, безъ выходнаго листа, но по печати и языку принадлежащемъ къ книгамъ Южнорускимъ XVII-го столѣтія, читаемъ, подъ 14-мъ февраля: «*Прѣ: Кирилъ философъ оунтеда*

Словенскъ и Кѣрѣб, и Писменъ изъВертники, иже вьсть въ лѣто, ѿх. Въ црѣво Михаила третего» (110). Въ другомъ, при «Мелиткослока» Кіевской печати прошлаго вѣка (въ 12-ю долю л.), подъ тѣмъ же числомъ: «Иже въ стѣхъ оца нашего Кѣрѣла, Еписпа Катаискаго, философа и оучителя Славянскыхъ, и Болгарскыхъ, и писменъ изъобрѣтателя, иже изъ Славянскыа на Россійскій языкъ преложи: вьсть же въ лѣто, ѿх., въ црѣво Михаила третѣаго;» а подъ 11-мъ мая: «Преподобнаго оца нашего Меѳодіа Еписпа Моравскаго, иже въ братъ стѣа Кѣрѣла, изъобрѣтнаго писмена Славянскіа: поиме въ лѣто ѿн. въ царство Васіліа Македона» (111). Въ «Мясца слога всахъ стѣхъ, празднествыхъ Православною Греко-Восточною Церковію, съ показаніемъ тѣхъ и торжественныхъ дней. Изданіе третіе надесать. Москва, въ Синодальной типографіи, лѣтѣ (въ 12-ю д. л.),» подъ тѣми же числами, просто: «дѣ. февр. Св. Кѣрѣла, Епископа Катаискаго,» а подъ «дѣ. майа: Св. Меѳодіа и Константина, Епископовъ Моравскихъ.» Въ «Христіанскомъ памятникѣ, содержащемъ въ себѣ исчисленіе праздниковъ и святыхъ, прославляемыхъ Православною Греко-Россійскою Церковію, краткія жизнеописанія святыхъ, духовныя стихотворенія на каждый день года, благочестивыя размышленія, пасхалію на 100 лѣтъ,» и проч. (112), въ Москвѣ 1840 г., подъ 14-мъ февр.: «Преп. Кирилла Епископа Катаискаго, философа и учителя Славянскаго, что преложилъ Россійскую граммату съ Греческаго, составилъ изъ 38 буквъ; скончася въ 9-мъ вѣкѣ по Р. Х. 867 году въ царство Михаила III-го;» а подъ 11-мъ мая: «Преп. Меѳодіа и Константина, нареченнаго Кирилла, Епископовъ Моравскихъ, братій единопутробныхъ, изобрѣтателей письменъ Славянскихъ, переведшихъ на Славянскій языкъ Новый Завѣтъ и Псалтырь въ царство Василя Македонянина, жившихъ въ 880 лѣто и скончавшихся.» Сверхъ того, при рукописи «Последованіе црковнаго пѣнія и собранна вселѣтнаго ѿ мѣа септембра до мѣа августа по уставу, иже во Іерлѣимъ стѣа Даври прѣшнаго и вѣноснаго оца нашего Савы,» въ 12 долю листа (скорописью, съ киноварн. заглавіями), по крайней мѣрѣ XVII-го в., подъ 14-мъ февраля: «Прѣшнаго оца пѣна, Давіисветил. I иже во стѣхъ оца пѣна, Кирилла,

Свѣдѣніа Клягальскаго, оутѣла Словенѣ и Болгаромъ. Іже преложнн Реченнѣ грамотѣ со Греческиа, І крести Словены и Болгары.» Во всѣхъ сихъ показаніяхъ очевидно вліяніе Проложныхъ Житій Кирилла и Меодія, равно какъ и другихъ, разобранныхъ мною уже выше, и, стало быть, необходимое оттуда послѣдствіе (113).

И такъ, вотъ все, что только мнѣ, въ нынѣшнее время, извѣстно и доступно по источникамъ для изслѣдуемаго мною предмета. Я счелъ нужнымъ привести его здѣсь прежде всего, чтобы тѣмъ каждому доставить возможность не только повѣрить судъ другихъ, въ томъ числѣ и мой, но и самому произнести оный, по собственнымъ своимъ соображеніямъ,—словомъ, сколько можно больше дать простора, и сколько можно меньше зависимости отъ мнѣній и воззрѣній другихъ, что, какъ извѣстно, составляетъ жизнь всякаго самостоятельнаго труда, душу самобытныхъ изслѣдованій. По крайней мѣрѣ, тутъ, какъ говорится, игра въ открытую. Да и въ самомъ дѣлѣ: «*Tantum scimus, quantum memoria valemus*» (114). Приводя етѣ свѣдѣнія, я приводилъ ихъ по народамъ, коимъ они обязаны своимъ происхожденіемъ, равномѣрно и по внутренней цѣнности каждаго: это образовало, въ первомъ отношеніи, два главные разряда: свѣдѣнія, предлагаемая иностранными источниками, и свѣдѣнія отечественныя; первыя распались далѣе еще на два особые вида: источники Латинскіе и Греческіе, а вторыя—на столько видовъ, сколько Славянскихъ народовъ, сохранившихъ на письмѣ память о своихъ апостолахъ.

ГЛАВА II.

Ризборъ свидѣтельствъ.

Sed unde haec proferuntur, unde probantur? Mihi certe hic praesidio ea est Critices regula: «Contemnitur, quidquid a recentiore sine vetustioris auctoritate profertur.»

D o b n e r.

Annales Bohemorum, III, pag. 143.

Теперь, когда мы знаемъ, кто, что и какъ говорить о предметѣ, занимающемъ насъ, можемъ уже приступить къ соображеніямъ и выводамъ, предлагаемымъ еѣми показаніями.

Разсматривая всѣ показанія объ изобрѣтеніи или составленіи Славянскихъ письменъ, прежде всего видимъ, что ни одного изъ нихъ нѣтъ въ строгомъ смыслѣ современнаго, т. е., такого, которое, пошедши отъ современника, дошло бы къ намъ, если не въ подлинникѣ, по крайности, въ списокѣ своего вѣка. Пальма первенства по древности принадлежитъ посланіямъ папы Іоанна VIII-го, сохранившимся въ, такъ называемомъ, «Regestum,» писанномъ во второй половинѣ

Охрида; всѣ прочія свѣдѣтельства, какъ и свѣдѣтельства Латинскія, принадлежатъ послѣдующему времени.

Но дѣло принимаетъ совершенно иной видъ, когда станемъ смотрѣть на *внутренній вѣкъ* cadaго свѣдѣтельства. Тутъ многія изъ дошедшихъ къ намъ въ самыхъ позднихъ спискахъ восходятъ, по всѣмъ даннымъ, предлагаемымъ содержаніемъ ихъ, почти къ одному вѣку съ самымъ событіемъ, т. е., IX, другія къ X-му, еще больше къ XI-му стол. Таковы изъ перваго разряда, именно *Церковнославянскія*: Паннонскія Житія, составленныя тотчасъ по смерти Меодія однимъ изъ учениковъ его еще до разрушенія Моравской державы (907 года), во владѣніи Коцеля; обѣ Похвалы имъ; Сказаніе обѣ обрѣтеніи мощей св. Климента, папы Римскаго; а изъ *Латинскихъ*: Исторія обращенія Хорутанцевъ, писанная неизвѣстнымъ Зальцбургцемъ, современникомъ Кириллу и Меодію, и при томъ спустя 4 года по смерти перваго (873); Посланія папы Іоанна VIII-го, тоже при жизни послѣдняго, въ слѣдующее десятилѣтіе (872—882); Vita S. Cyrilli et Methodii, in Acta SS., приписываемая Гавдерику; слѣдовательно 5 Церковнославянскихъ, и 3 Латинскихъ, всего 8-мъ, современныхъ самому событію и двигателямъ его. Изъ втораго разряда (X-го вѣка), на *Славянскомъ*: Житіе Климента, епископа Словѣнска, составленное ученикомъ его немедленно по кончинѣ учителя (916-го, іюля 27-го дня); показаніе Пролога Іоанна, ексарха Болгарскаго, къ Богословію Дамаскина (888 — 927); Сказаніе Храбра о письменехъ (въ первой четверти X-го, до смерти Симеона, царя Болгарскаго); Житіе Вячеслава (уб. 935); а изъ *Латинскихъ*: Житіе сего же князя, составленное, по повелѣнію императора Оттона II-го (961—983), равно Житіе бабки его, Людмилы (927); и того: 4 Славянскихъ и 2 Латинскихъ, всего 6. Изъ третьяго разряда (XI-го стол.): Службы Кириллу и Меодію, нѣкоторыя Житія въ Прологахъ, Житіе в. к. Владимира: 3; да изъ XII-го вѣка: Сказаніе Нестора въ его Повѣсти временныхъ лѣтъ, Сазавскаго (1126 — 62) и Градиштскаго или Опатовицкаго монаховъ (1143 — 1163), Дуклянскаго священника (1150—1200), Охридскаго Апостола: 3 Славянскихъ и 2 иноязычныхъ, хотя то же писанныхъ Славянами.

И такъ, начиная съ самаго почти появленія Селунскихъ благовѣстниковъ въ земляхъ Славянскихъ (869 или 873) до конца XII-го вѣка, стало быть, въ продолженіе трехъ съ половиной вѣковъ, свои и чужіе, на отечественномъ и другихъ языкахъ (Греческомъ и Латинскомъ), описывали ихъ благодѣтельныя дѣйствія и передали современникамъ и позднему потомству; по тому рядъ свѣдѣтельствъ о нихъ, слѣдовательно, и о нашемъ предметѣ, непрерывно продолжался и доставилъ намъ 22 свѣдѣтелей (5 + 3 = 8; 4 + 2 = 6; 3; 3 + 2 = 5), изъ коихъ 15-ть Славянъ, и 7 инородцевъ. Есть, стало быть, что послушать и раскинуть, какъ говорится, о чемъ умомъ-разумомъ. Ибо не всѣ они одно и тоже передаютъ намъ: тутъ слышимъ голосъ съ разныхъ сторонъ, разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ. Отъ того, естественно, нельзя было ожидать строгаго согласія и точности въ передаваемомъ: не всякій рассказываетъ только, что и какъ происходило, но еще примѣшиваетъ къ тому и свой взглядъ, а иногда даже догадки о такомъ, чего, по его мнѣнію, недостаетъ тутъ для его полноты. Это необходимо вело къ порчѣ, искаженію первоначальной основы дѣйствительно случившагося. Но такова, обыкновенно судьба, всѣхъ человѣческихъ дѣяній, и изза нея не имѣемъ права отвергать цѣлаго, какъ не отвергаемъ же изза поврежденія одной какой либо части въ машинѣ всего устроая ея, цѣлой машины; напротивъ, стараемся удалить порчу, исправить поврежденное. Такъ и здѣсь: нужно отдѣлать, что не принадлежитъ, не могло и не должно принадлежать, по существу самаго дѣла, первоначально къ рассказываемому происшествію, а привнесено послѣ людьми къ людскому, въ слѣдствіе разныхъ причинъ, цѣлей и побужденій. Правда, лучше, если бъ этого не было, если бъ событіе можно было прослѣдить по однимъ подлиннымъ бумагамъ, однимъ очевидцамъ и современникамъ; но гдѣ же это, столько желаемое всѣми нами, непререкаемое совершенство свѣдѣтельствъ, идеаль историка-исслѣдователя и судьи, гдѣ его намъ взять? Если станемъ гоняться за нимъ настойчиво, судить единственно по доказательствамъ, одновременнымъ съ случившимся, то, желая остаться послѣдовательными и вѣрными своимъ требо-

вашиямъ и правиламъ, принуждены будемъ, что ни шагъ, отвергать то, другое, за отсутствіемъ подлинныхъ показаній и улыкъ, между тѣмъ какъ ни предыдущее, ни послѣдующее, ни самое свойство подлежащаго суду нашему не противорѣчатъ правдѣ событія, по крайней мѣрѣ, возможности. Не могу не привести здѣсь сказаннаго мною уже разъ по поводу отвѣта людямъ, которые захотѣли бы не признавать истинности найденнаго мною свѣдѣтельства о томъ, на какое именно Славянское нарѣчіе перевели богослужбеныя книги Кириллъ и Меѳодій. «Искать свѣдѣтельства объ языкѣ переводчиковъ Св. Книгъ, *современнаю самими переводчиками*, было бы вовсе неумѣстно. Правда, оно показывало бы намъ добрую волю и стремленіе къ истинѣ ищущаго; но, при всемъ томъ, рѣшительно никогда *не осуществимо*, противорѣчить самой природѣ дѣла, тогдашнему положенію вещей и обстоятельствъ. *Возможно ли*, чтобы Константинъ и Меѳодій, устроившіе для своего перевода Славянскую азбуку, тотчасъ же записали: «Вотъ, де, мы, а не кто другой, перевели Божественныя Книги съ Греческаго на такой, а не иной какой, языкъ, въ такое-то и такое время? Гдѣ же это бываетъ? Совсѣмъ иное въ повѣйшія *отчетливыя* времена, когда люди такъ всему извѣрились, когда недостаточно уже видѣть своими глазами и слышать своими ушами, надобно еще *осязать*, записать, пожалуй, на гербовой, внести въ протоколъ и скрѣпить подписью дюжины и больше свѣдѣтелей. Случается нерѣдко, что и послѣ такой даже законности поговариваютъ еще: «Все такъ, да не при насъ». Напротивъ, въ то время каждый и всѣ знали совершившееся, видѣли и ощутили его, больше или меньше сами участвовали въ немъ. За чѣмъ же было имъ записывать еще столь извѣстное каждому, имъ, только что получившимъ письмена для своего *«безъоустроенна»* языка? Обыкновенно, въ старыя времена, самыя просвѣщенные народы, коротко знакомые съ письмомъ, рѣдко прибѣгали тотчасъ къ письму, для того, чтобы записать какое либо происшествіе по его горячимъ слѣдамъ; проходило довольно времени, когда оно уже становилось повѣстью, сказаніемъ, обращалось въ преданіе и грозило исчезнуть, или изъясниться, и тогда являлся какой нѣ будь книжникъ и вносилъ въ свою

лѣтопись, домашнія, келейныя записки, или же просто записывалъ его на бѣломъ листѣ первой попавшейся ему рукописи, книги, даже на поляхъ ихъ, «памяти ради», умоляя неотступно чтущихъ, «оже ся гдѣ описалъ, переписалъ, или не дописалъ, исправляти Бога дѣля, зане умъ молодъ, не дошелъ». Не уже ли вы (возьмемъ изъ тысячи одинъ примѣръ) отвергнете крещеніе Руси при Владимирѣ по тому только, что оно не записано *въ современныхъ отечественныхъ* памятникахъ? Добываясь такой современности, придется намъ отвергнуть всю нашу древность, по крайней мѣрѣ, до половины XI-го вѣка. Вообще, отрицать, отвергать весьма легко; еще легче требовать того, другого современнаго и, за неявкою его, не вѣрить въ истинность событія, засвѣдѣльствованнаго кѣмъ либо спустя два, три вѣка. Чѣмъ болѣе углубляемся мы въ древнія сказанія и памятники, соображаемъ со всѣхъ сторонъ, предшествовавшее, тогдашнее и послѣдующее, время, обстоятельства, людей, и т. п., тѣмъ становимся отчетливѣе въ юношескихъ нашихъ сомнѣніяхъ, происходящихъ почти всегда отъ недостатка короткаго знакомства съ сѣдою стариной, поверхности и излишняго, но очень естественнаго, довѣрія въ свои свѣжія силы, не испытавшія еще всей тяжести архивныхъ занятій и сладости пыли страшныхъ фоліантовъ (117). То же самое слѣдуетъ стазать и о томъ, чтобы всѣ свѣдѣтельства объ изобрѣтеніи письменъ, неразлучно соединенныхъ съ переводомъ книгъ на Славянскій языкъ, условливавшихъ самую возможность его, чтобы всѣ свѣдѣтельства о нихъ были отмѣчены печатью подлинности и современности, чтобы дошли они къ намъ безъ всякихъ наростовъ и измѣненій, въ ихъ первичности и чистотѣ. Плавая по морю, нельзя, чтобы какой валъ его не хлеснулъ когда и намъ въ лице, не оставилъ слѣда своего и на нашемъ платьѣ. Не много такихъ счастливецевъ, которые безъ тревоженій и крушеній выходятъ на берегъ. Все дѣло въ томъ, въ какой мѣрѣ поврежденія судна, уцѣлѣло ль что отъ его первобытнаго вида, годно ли еще оно. и по скольку годно? А по тому первое дѣло отдѣлать первооснову отъ нароста, бывшее отъ не бывшаго, голось очевидца-современника отъ голоса толкователей послѣдующаго времени, ихъ догадокъ, украшеній, пе-

редѣлокъ и т. п. По сему вся тайна успѣха изслѣдователя заключается въ умѣнѣ отличить дѣйствительное отъ возможнаго, вѣроятное отъ невѣроятнаго и даже небывалаго. Это главное и существенное какъ во всякомъ разысканіи, такъ, стало быть, и нашемъ. Что до того, если количество добытаго етѣмъ путемъ окажется не велико, за то: «малъ золотникъ, да дорогъ», привыкли мы говорить въ такомъ случаѣ. Отдѣлимъ же и мы въ нашемъ вопросѣ все, привнесенное вѣками къ первоначальнымъ извѣстіямъ: покажемъ, что въ нихъ дѣйствительнаго, что вѣроятнаго и, на послѣдокъ, совершенно вымышленнаго, намѣренно и безнамѣренно, съ какою либо цѣлю, или по невѣдѣнію: «Мы же сде нисуе же своего можемъ полагати, изъ же слышаше ѿ тахъ мощъ, тоже слыжшъ», говоритъ Іоаннъ, ексархъ Болгарскій (въ Шестодневѣ, по Московскому Синодальному харатейному списку, л. 2-й, столб. 1-й).

Сдѣсь, прежде всего, поражаютъ насъ *разнорѣчія* въ показаніяхъ касательно лица изобрѣтателя. Особенность эта не могла пройти не замѣченной мимо Шлѣцера и Добровскаго. Первый говоритъ: «Изобрѣтателемъ Славенскія грамоты и переводчикомъ Библии на Славенскій языкъ иной называетъ *Константина*, другой *Кирилла*, третій *Меѳодіа*» (118); а второй, въ извѣстномъ своемъ изслѣдованіи о Кириллѣ и Меѳодіи, посвятилъ етому два отдѣльные §§—а (8 и 9-й), изъ коихъ въ одномъ рассматриваетъ свѣдѣтельства, приписывающія «изобрѣтеніе Славянскаго письма Кириллу и Меѳодію вмѣстѣ» (*Zeugnisse für Cyrill und Method zugleich*), а въ другомъ «одному лишь Меѳодію» (*Zeugnisse für Method allein, als Erfinder der slawonischen Schrift*). Совершенно естественно должно было ожидать, что онъ воспользуется только тѣми изъ нихъ, какія были ему въ ту пору доступны, именно: о Кириллѣ и Меѳодіи приводитъ онъ просто два (Нестора и Климентова жизнеописателя), а о Меѳодіи четыре (сочинителя Исторіи обращенія въ Христіанство Хорутанцевъ, Бернарда Кремсмонстерскаго, Салонскаго Собора 1060 г. и какого-то Грека, упоминаемаго Бандури въ его *Imprium orientale* (119), между тѣмъ какъ первыхъ теперь имѣетъ-

ся у насъ подъ руками 6-ть, а вторыхъ однимъ больше прежняго, т. е., 5-ть, да 4 такихъ, что глухо, или сомнительно, выражаются о томъ (Лѣточислительное сказаніе по списку Вратиславскому; Проложное харатейное Житіе XIII-го или XIV в., рукописный Охридскій Апостолъ XII в., и Служба св. Меѳодію). Всѣ прочія единодушно приписываютъ составленіе письменъ одному лишь Кириллу.

Шлѣцеръ, приведши мнѣнія о трехъ будто бы изобрѣтателяхъ нашего письма, тотчасъ же замѣчаетъ: «Теперь мы знаемъ, чего держаться. *Константинъ* и *Кириллъ* есть одинъ и тотъ же человекъ; постригшись въ монахи, долженъ онъ былъ имя свое переимѣнить на такое, которое съ прежнимъ начиналось бы тою же буквою; а *Меѳодій* былъ его братъ и сотрудникъ. Несторъ обонхъ величаетъ философами, и всюду говоритъ о нихъ въ двойственномъ числѣ. Что вновь изобрѣтенная азбука названа *Кириллицею*, *Кирилловскою*, это сдѣлалось только по случаю: въ услугахъ, оказанныхъ обоими братьями Славенамъ, Меѳодій имѣетъ не токмо столько же, сколько и Кириллъ, но и еще болѣе его участія; послѣдній умеръ очень рано, а Меѳодій жилъ еще послѣ него, можетъ быть, лѣтъ съ 30, и честь *совершенія* перевода Библии принадлежитъ токмо ему». Егѣмъ, по моему мнѣнію, достаточно объясняется причина, по чему изобрѣтеніе азбуки приписывалось обонимъ братьямъ, т. е., первое, по тому, что Меѳодій былъ *братъ* и *сотрудникъ* Константиновъ, хотя и на второмъ мѣстѣ, до самой его смерти, какъ показываютъ то оба Паннонскія Житія ихъ; второе, что онъ еще больше, по крайности, долѣе потрудился для тѣхъ, кому братъ составилъ письмена и началъ переводъ книгъ; и третье, что онъ, по всей вѣроятности, участвуя, на первыхъ порахъ, вмѣстѣ съ братомъ въ преложеніи самыхъ необходимыхъ для богослуженія книгъ (а въ послѣдствіи, какъ увѣряетъ его жизнеописатель, и другіе: Иоаннъ, ексархъ Болгарскій и т. д.), повершилъ переводъ Св. Писанія. Такой взглядъ на труды братьевъ очень естественъ, по тому что основывался на самомъ дѣлѣ, вытекалъ изъ совмѣстнаго служенія ихъ и дѣятельности въ столь различныхъ земляхъ и въ различное время. Отъ того оба они

сдѣлались уже почти въ глазахъ самыхъ современниковъ ихъ неразлучными, и, говоря объ одномъ, нельзя было не заговорить о другомъ, и на оборотъ. Ибо рѣшительно невѣроятно, чтобы, на примѣръ, жизнеописатель св. Климента (ум. 916), какъ сказано уже, ученикъ его, не зналъ, кому изъ двухъ братьевъ собственно принадлежитъ изобрѣтеніе Славянской азбуки. И того невѣроятнѣе, чтобы сочинитель Слова Похвальнаго имъ, по всему сопутникъ ихъ, не вѣдалъ настоящаго виновника этого изобрѣтенія; но, поставивши задачей себѣ восхвалить своихъ и племени своего учителей и наставниковъ виѣстѣ, онъ вездѣ, по тому, говоритъ о нихъ безразлично, смотритъ на дѣла ихъ, въ равной мѣрѣ принадлежащія тому и другому; отъ того всюду выражается о нихъ, по свойству Церковнославянскаго языка, числомъ двойственнымъ. Только въ двухъ мѣстахъ рѣчи упоминаетъ отдѣльно о каждомъ: когда описываетъ душевныя и тѣлесныя свойства того и другаго, и когда рассказываетъ, какъ Меѳодій, по кончинѣ брата, отправился, съ посланіемъ папы, обратно къ Славянамъ Моравскимъ; но послѣ того, когда и онъ «приложиса къ оубѣмъ своимъ», витія снова обращается къ прежнему образу выраженія, опять *хваля въздаеть совокупно*: «Тамъ же кымъ оубо хвалы въздаемъ елма, троушшимаса толико Хѣ ради къ вѣстоульскимъ и западнимъ и северскимъ странамъ, не ширюма ирменитимъ и тальюфинимъ, къ вѣульскимъ и бескомъульскимъ, ирѣсть гѣмъ моульскимъ на рамѣ вѣспринимимъ, и тѣмъ оладѣльнѣмъ градѣмъ землю потрѣвѣлаша рѣзориста, и вѣсѣмста дѣоульнѣмъ сѣма и унѣсто цркви принесоста жито, дѣиномъ оубѣнимъ, имъ же сѣмѣмъ сѣламно сѣтѣмъ», и проч. По этому и въ заглавіи сего Слова надобно было ожидать того же самаго, что въ Словѣ, — названія обоихъ не только учителями «Словѣньскоу мѣмоу», но и сотворителями писменъ его: «сѣтѣкоръшемъ писменъ мѣмоу» (120). Что до Нестора, то, хотя источникъ его, на которомъ онъ преимущественно основалъ рассказъ свой объ этомъ предметѣ, какъ то было уже мною показано выше, тщательно отдѣляетъ, въ дѣлѣ изобрѣтенія писменъ, Меѳодія отъ Кирилла, однако, и онъ смотрѣлъ на нихъ съ той же самой точки, съ какой и два его предшественника, что ему, какъ двумя вѣками жившему позже, еще извинительно. Къ этому прибавлю: на-

часть извѣстіе свое прошеніемъ трехъ князей о присылкѣ учителей, которые бы могли истолковать имъ божественныя книги и смыслъ ихъ роднымъ словомъ, онъ и далѣе уже ведетъ рѣчь объ учителяхъ, т. е., какъ царь нашелъ двухъ такихъ наставниковъ, какъ склонилъ ихъ отправиться къ просившимъ и, какъ они, пришедши туда, принялись за то, къ чему были призваны, т. е., «снѣдша слово Божіе въ азукѣ ихъ», для чего, разумѣется, нужно было прежде составить азбучныя письмена: «Сима же пришедъшема, научста съставити писмена азукѣнокъши Словѣнска, и преложиша Апостолъ и Євангеліе». Прочіе повторяютъ это за Несторомъ болѣе или менѣе придерживаясь его словъ; такъ Степенная Книга списываетъ у него со всею точностію; только, какъ показалъ еще Шлёцеръ (121), дѣлаетъ вставку между извѣстіемъ о составленіи азбуки и переводомъ книгъ (122), вставку, въ которой исчисляетъ народовъ, говорящихъ языкомъ, одинакимъ съ Рускимъ (примѣшавъ, впрочемъ, и Арбанасовъ), что, какъ замѣтилъ я уже разъ, составляетъ умствованіе самаго составителя этой Степенной лѣтописи, или взято имъ изъ какого ни есть Хронографа, подобнаго разобранымъ уже мною выже въ 1-й главѣ, въ коихъ именно то же и почти тѣми же словами читаемъ; разница лишь въ томъ, что въ Степенной исчисленіе поставлено тотчасъ за извѣстіемъ объ изобрѣтеніи письменъ азбучныхъ, и по томъ слѣдуетъ указаніе на годъ, въ который переведены Апостолъ и Евангеліе (12-е лѣто Льва Премудраго), чего нѣтъ въ Несторовомъ Временникѣ, между тѣмъ какъ въ Хронографахъ на оборотъ, да еще и съ добавленіями (сперва указаніе на годъ отъ сотворенія міра, по томъ на годы, прошедшіе отъ 7-го Собора, и за тѣмъ ужъ на 12-е лѣто Льва), назначенными служить къ большому и точнѣйшему опредѣленію времени такого важнаго событія, хотя отъ того вышло совершенно противное. При томъ Хронографы не говорятъ прямо объ азукѣ, но только о слѣдствіи изобрѣтенія ея — преложеніи книгъ. Изъ того, что Константинъ по томъ посылается съ етѣмъ переводомъ (какъ въ Степенной Книгѣ, такъ Хронографахъ и Никоновской Лѣтописи) къ Славянскимъ народамъ, поименованнымъ непосредственно за извѣстіемъ о преложеніи,

видно и самая цѣль этого исчисления: надобно было доказать, что они приняли крещеніе и ученіе Христіанское непосредственно отъ него, равно, какъ и Священ. Писаніе «на ихъ языкѣ», переведенное имъ и братомъ его, Меѳодіемъ, о которомъ снова повторяется, что онъ, пребывая епископомъ во градѣ Моравѣ, много тамъ потрудился надъ преложеніемъ книгъ. Последнее, какъ доказано въ своемъ мѣстѣ, составляетъ неудачное толкованіе словъ Нестора: «По семъ же Коцелъ князь постави Меѳодіа Епископа въ Павліа на столѣ скатаго Андроника апостола», и проч., что встрѣчаемъ въ Степенной въ одномъ мѣстѣ съ Несторомъ, но съ обращеніемъ Павліа въ Испанію (къ чему, конечно, больше всего содѣйствовали нѣкоторые списки Несторовой Лѣтописи, на прим., Политикинскій, въ коемъ уже находимъ «въ Испаніи»), и съ такимъ же объясненіемъ, какъ и Хронографовъ, что въ ней былъ «градъ Морава, еже есть Илюрикъ», гдѣ и пребывалъ Меѳодій. Но въ другомъ мѣстѣ, именно: въ Словѣ Похвальномъ в. к. Ольгѣ (123) поименованъ сперва Меѳодій, а за нимъ и Константинъ, какъ составители «азбуки Рускія»; Никонова же Лѣтопись въ одномъ мѣстѣ слово въ слово списываетъ только съ Нестора (стр. 27), а въ другомъ (стр. 28) тоже дословно сходится съ Хронографами. Такая простая выписка изъ лѣтописей и проч. источниковъ составляетъ отличительную особенность Никоновскаго лѣтописнаго сборника, особенно въ 1-й части. Подобнаго же рода и извѣстіе Житія св. Владимира по Крупичпольскому списку, повторяющаго тутъ слова своего источника, Лѣтописи Несторовой. Остается Градиштскій или Опатовицкій черноризецъ. И онъ, какъ и другіе, говоритъ въ своей лѣтописи о нашемъ предметѣ мимоходомъ, вскользь, не останавливаясь особенно надъ нимъ, не входя въ подробности, но только *вообще*, и при томъ, по поводу рѣчи о крещеніи Боривоа, какъ извѣстно, перваго Христіанскаго князя Чеховъ, по преданію, записанному въ Латинскихъ легендахъ и лѣтописи Козьмы.

Отсюда открывается, что всѣ етѣ показанія, приписывающія составленіе нашихъ письменъ обоимъ братьямъ, произошли больше изъ образа воззрѣнія *вообще* на нихъ, на ихъ

всюду почти *соавѣстную* дѣятельность, неразлучное соупотребленіе одного другому, равно какъ и взаимодействіе, нежели на самое изобрѣтеніе. Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, напротивъ, дѣло столько же естественно, сколько и приписаніе тому и другому во многихъ Сказаніяхъ сана епископскаго, даже архіепископскаго, и при томъ въ одномъ и томъ же городѣ; сколько проповѣданіе Слова Божія, крещеніе и сообщеніе Св. Писанія не однимъ лишь Моравскимъ и Българскимъ Славянамъ, но и всѣмъ Славянскимъ народамъ; сколько обращеніе не Бориса лишь, но и Владимира; сколько назначеніе для обоихъ одного и того же мѣста погребенія, и пр. Нужды нѣтъ, что противу етого вопіяли и Исторія, и Хронологія, и Етнографія (причисленіе Козаровъ и Албанцевъ или Арбанасовъ къ народамъ Славянскимъ): многіе знать того не хотѣли, а по тому неразлучныхъ въ жизни своей не рѣшались разлучать и по смерти, тѣмъ болѣе въ дѣлахъ ихъ, особливо при самомъ выступленіи на поприще своей дѣятельности, въ такомъ рѣшительномъ и благодѣтельномъ дѣйствіи ихъ для всего рода Славянскаго, каково изобрѣтеніе письменъ и преложеніе Божественныхъ книгъ «*изъ своихъ изумъ*», «*не на тоужемъ основании свое дѣло полагающа, изъ изумовъ писмени изобрѣжаша, и съвершиста изъ изумъ инокъ*»; «*просвѣтити ста боужьствама*». Какъ это важно было, видѣть можемъ изъ словъ самаго царя Михаила въ посланіи его къ Ростиславу: «*Бѣ... видѣхъ въ роу твою и подвигъ, сътвори и нмѣхъ изъ наша дѣла, мѣль боужьхъ изъ наша изумъ, егоже не вѣдаю было, токмо изъ прѣкии дѣла, да нмѣхъ приутетеса велицѣхъ изумѣхъ, иже слыкати Бѣа своимъ изумомъ*». Если такъ смотрѣли на это въ Царьградѣ, какъ же могли не цѣнить того высоко сами Славяне, ихъ потомки? И дѣйствительно, радость ихъ была безмѣрна, по свѣдѣтельству разныхъ лицъ и на разномъ мѣстѣ: «*Н ради быша Словѣне, мно слышаша величїемъ божїемъ своимъ изумомъ*», говоритъ Несторъ. А сочинитель Итальянскаго Сказанія или, по Добровскому, Первой Легенды, оказавъ о прибытіи Константина съ Мессодіемъ въ Моравію, замѣчаетъ тутъ же, что жители ея, когда узнали о томъ, чрезвычайно обрадовались, по тому что слышали, что къ нимъ принесены были ими какъ

мощи блаженнаго Климента , такъ и Евангеліе , *переведенное на ихъ языкъ философомъ*: «Cumque ad partes illas venisset (Constantinus), cognoscentes loci indigenae adventum eorum (Constant. cum Methodio), *valde gavisi sunt*, quia et reliquias b. Clementis secum ferre audierant, et Evangelium *in eorum linguam* a philosopho praedicto translatum».

Свѣдѣтельства, приписывающія изобрѣтеніе Славянской азбуки одному лишь *Меодію*, принадлежать единственно Западу; етъмъ все сказано о причинѣ того. Дѣйствуя столь долгое время въ самой паствѣ, окруженной отовсюду Латинскимъ, непріязненнымъ ему и ей, духовенствомъ, конечно, Меодій долженъ былъ находиться съ послѣднимъ въ частыхъ сношеніяхъ и вольныхъ, невольныхъ, столкновеніяхъ, и тѣмъ произвести живое впечатлѣніе, слѣдовательно, оставить по себѣ долгое воспоминаніе въ умахъ ихъ, какъ главный представитель и, съ тѣмъ вмѣстѣ, виновникъ новаго Богослуженія, столько по душѣ пришедшагося народу, больше же всего распространитель и двигатель его, онъ Латинскимъ священствомъ совершенно естественно могъ быть почитаемъ также и творцемъ тѣхъ буквенныхъ знаковъ, которыми передавались письму священныя хвалы, раздававшіяся, со времени появленія его, на языкѣ народномъ въ храмахъ и подъ открытымъ небомъ Великоморавіи,—нововведеніе, какъ извѣстно, нуще всего пугавшее Западную іерархію, на которое никогда и нигдѣ она не соглашалась, и по сю пору не согласилась въ отношеніи ко всѣмъ народамъ, за исключеніемъ Славянъ, принудившихъ ее отступить отъ своего основнаго правила, хотя съ затаенной мыслью не упускать ни какого случая и средства и етъхъ отщепенцевъ приводить постепенно подъ одинъ уровень съ прочими. Отсюда понятенъ и тонъ, отзывающійся внутренней насмѣшкой, тонъ, съ какимъ писатели—платники, какъ величаютъ ихъ Житіе Кирилла, отзываются о Меодіи, изобрѣвшемъ, по ихъ мнѣнію, письмена, «иже не отъ нона сать, ихъ же изать никто же ниъ прѣвѣжъ обрѣлъ, ни апостоли, ни Римьскыи папа», которые думали заклеить навсегда позоромъ, назвавъ оныя письменами Готскими (Goticas literas), т. е., еретическими, такъ какъ Готы всегда были въ глазахъ ихъ

раскольниками. Тогда это имя (Готъ, Готскій) было подобо-
 значащимъ слову отщепенецъ, какъ въ старину и нынѣ имя
 Рускій синонимомъ Православнаго, а не то, чтобы клеймив-
 шіе имъ Меодія, не знали, въ самомъ дѣлѣ, что это за пись-
 мена, смѣшивали ихъ съ азбукой Готовъ, давнымъ давно не
 существовавшихъ уже на свѣтѣ, слѣдовательно, принадлежав-
 шей Нѣмцамъ, которыхъ, по тому, какъ ревностныхъ еще
 послѣдователей ученія Римскаго, не могли ставить на одну
 доску съ Славянами, или Греками. Отсюда, это имя (*Goticus*),
 равно какъ *Graecus* и *Sclavus*, употребленныя Латинскими пи-
 сателями о Меодіи и, мнимомъ его изобрѣтеніи, письменахъ,
 употреблены не въ собственномъ значеніи, но больше, мень-
 ше съ оттѣнкомъ вѣроисповѣднымъ, т. е., *извѣстный Грекъ*
Меодій въ устахъ Зальцбургца (*quidam Graecus Methodius*),
извѣстный Славянинъ изъ Истрии или Далмаціи, по имени
Меодій (*quidam Sclavus ab Histriae et Dalmatiae partibus,*
nomine Methodius) въ устахъ Бернарда Кремсмонстерскаго,
 и *Славянскія письмена* (*Slavinae literae, Sclavicae literae*) у
 того и другаго значать, первыя два—членъ, послѣдователь
 Восточнаго Православія, а вторыя—письмена Православія Гре-
 ко-Славянскаго, такъ какъ оба прямо противоположаютъ ихъ
 Латинскому исповѣданію, Латинскимъ письменамъ: «Linguam
 latinam doctrinamque romanam atque literas auctorabiles la-
 tinas vilescere fecit» (*Anonymus Salisburgensis*); «adinvenit Scla-
 vicas literas et Sclavicae celebravit divinum officium et vile-
 scere fecit Latinum» (*Bernardus*); «qui (Methodius) multa contra
 Catholicae fidei normam in eadem Sclavonica lingua manendo
 conscripsit» (*Archidiacon. Spalatensis*). Сдѣсь, по сему, всѣ етѣ
 названія, повторяю, придаваемыя Меодію и Славянскому пись-
 му, имѣютъ еще и переносный смыслъ, смыслъ религіозный;
 ими хотѣли указать на принадлежность того и другаго къ
 другой Церкви, другому обряду и ученію, точь въ точь, какъ
 и папа Іоаннъ XIII-й называлъ уже Греческое Православіе
 по Славянскимъ народамъ, особенно его делѣвшимъ, обря-
 домъ Булгарскимъ, Рускимъ, или вообще обрядомъ Славян-
 скаго языка: «non secundum ritus Bulgaricae gentis vel Rus-
 siae aut Sclavonicae linguae». Хотя не одинъ Меодій про-
 повѣдывалъ Христіанство и славилъ Бога на этомъ языкѣ, одна-

ко, братъ его подвизался съ нимъ слишкомъ короткое время, а по тому тотъ, какъ главный требователь и распространитель его въ земляхъ Славянскихъ, смежныхъ съ Западомъ, преимущественно остался въ памяти Латино-Нѣмецкаго духовенства представителемъ и первовиновникомъ ненавистнаго ему обряда и вѣроученія, а съ нимъ, естественно, и изобрѣтателемъ поваго письма. О силѣ впечатлѣннн апостольской дѣятельности Меѳодія въ егѣхъ странахъ на послѣдователей Римскаго папы можемъ судить по тому обстоятельству, что прошло уже безъ малаго тысяча лѣтъ, а и теперь еще имя Меѳодія самое извѣстное, самое любимое у нашихъ Западныхъ соплеменниковъ, и при томъ далеко въ большей степени, нежели имя его брата, Константина или Кирилла, только что промелькнувшаго передъ ними:

«Nitra milá, Nitra, ty vysoká Nitra:
 Kdeže sú té časy, v ktorých si ty kvitla?
 Nitra milá, Nitra, ty Slovenská mati!
 Co pozrem na teba, musím zaplakati.
 Ty si bola nĕgdy všeckých krajín hlava,
 V ktorých tečie Dunaj, Visla i Morava;
 Ty si bola bydló kráľa Svatopluka,
 Keď tu panovala jeho mocná ruka.
 Ty si bola svaté město Methodovo,
 Keď tu naším otcom kázau božie slovo.
 Včilek tvoja sláva, v touni skryta leží:
 Tak sa časy menia, tak tento svät beží!» (124)

поютъ нынѣшннн Словаки, хотя, признаться надобно, со словъ и голоса уже пѣвца *ученаго*, но пѣсьню, сдѣлавшуюся теперь рѣшительно общеизвѣстной и вполне народной. Дѣло тутъ не въ томъ, отъ кого пошла она, но о чемъ она поетъ, кѣмъ и съ какимъ духомъ поется.

Послѣ сего, если исключимъ отсюда еще тѣ изъ показаннн объ изобрѣтателѣ нашихъ письменъ, которыя выражаются о немъ слишкомъ неопредѣленно, не указывая прямо на лице, но больше на самое дѣло изобрѣтенн, или послѣдствнн его—переводъ Св. Книгъ, каковы, изъ иностранныхъ, въ осо-

бенности; Моравское Сказаніе, а изъ отечественныхъ: Проложныя Житія Кирилла и Меѳодія Сербскаго извода, Охридскій Апостолъ, Служба Меѳодію, Вратиславское Лѣточислительное, сказаніе, сказаніе Хронографовъ, Никоновская Лѣтопись (во второй выпискѣ своей, на стр. 28-й части 1-й), и проч., под. имъ; если, говорю, исключимъ етѣ неточныя, смѣшанныя показанія, то всѣ прочія свѣдѣтельства говорятъ намъ прямо, ясно и опредѣленно совсѣмъ противное, т. е., въ одинъ голосъ указываютъ на Константина, какъ на главнаго творца нашихъ письменъ. Свѣдѣтельства етѣ идутъ не съ одной только стороны, но ото всѣхъ четырехъ. Тутъ слышимъ и вѣсти съ Запада, а въ нихъ различаемъ голосъ Итальянцевъ (Посланія папы Іоанна VIII-го и Перваго или Итальянскаго Сказанія), и вѣсти изъ разныхъ краевъ Славянскихъ, непосредственно, или только отчасти, замѣшанныхъ въ етомъ событіи, и при томъ на чужомъ и своемъ языкѣ: трехъ Чеховъ, Латинскимъ словомъ передающихъ намъ, дошедшее до нихъ, славявіе (Легенда о св. Людмицѣ и Христанова передѣлка оной, Лѣтопись Єзавскаго монастыря); далѣе, на родномъ языкѣ: одну изъ Чехъ (Сказаніе о св. Прокопѣ), два изъ Паннонской или Великоморавской архіепископїи Меѳодія (Паннонскія Житія), четыре изъ земель Сербскихъ (Дуклянскаго или Діоклейскаго священника, краткія Сербскія лѣтописи, сказаніе Черногорскаго Сборника), два изъ краевъ Булгарскихъ (Іоанна, ексарха Булгарскаго, и Храбра о письменехъ), и нѣсколько Рускихъ (Хронографовъ, въ разсказѣ о значеніи названій Славянъ и т. д.). Нѣкоторыя изъ етѣхъ показаній, по всему, идутъ изъ первыхъ рукъ, отъ непосредственныхъ учениковъ, очевидцевъ и участниковъ въ дѣлѣ благоустроенія Славянскихъ апостоловъ, каковы: Паннонскія Жизнеописанія ихъ, которыя, по даннымъ, содержащимся въ нихъ, составлены во время, самое ближайшее къ дѣйствителямъ. Именно: Житіе Кирилла послѣ его кончины, что доказывается, съ одной стороны, тѣмъ, что сочинитель завершаетъ свою повѣсть извѣстіемъ о погребеніи его, а съ другой—согласіемъ въ етомъ съ нимъ Первой или Итальянской Легенды, если она дѣйствительно составляетъ отдѣльное, самобытное, сказаніе. Далѣе, сочинитель называетъ Константина прямо учителемъ своимъ: «Богъ...

сътвори къ намъ родъ, въздѣнь намъ оутитель спъ, имъ просвети думы нашъ, сладостію омраченымъ оумъ нашъ». Такъ обыкновенно выражаются только въ первое время послѣ крещенія о виновникѣ или виновникахъ его: сличите Похвальное Слово Кириллу и Меѳодію, такое же Слово Иларіона, митрополита Кіевскаго, св. Владимиру, равно какъ и Іакова мнаха ему же и т. п. Етому не вредятъ ни мало нѣкоторыя вставки, замѣчаемыя въ семъ Житіи, указывающія на позднѣйшее время, по тому что они слишкомъ обличаютъ себя, стоятъ особнякомъ и находятся въ противорѣчій съ прочими показаніями Житія и вообще со всѣмъ его содержаніемъ. Въ Житіи же Меѳодія и того яснѣе указано на время составленія его: первое: сочинитель является очевидцемъ распространенія Христіанства, умноженія духовенства и возвышенія Великоморавіи Святополкомъ: «Ѣ того же дѣе великии плуатъ раски оуцение бѣжи и стрижьници множитиса въ всѣхъ градѣхъ, и погании карокати къ истиньнымъ Бѣ, сконхъ владни Ѣмѣтающеса, и Моравьскна область пространни плуатъ въса страны и крагы скоа повѣжати, и съ несогрѣшениемъ, яко сами похвадаютъ присно». Второе, въ заключеніи испрашивается благословеніе его на учениковъ его, защита отъ непріятностей, споспѣшествованіе ученію распространеніемъ его и изгнаніемъ ересей, чтобы, послѣдуя примѣру его (Меѳодія), стадо его было въ одномъ съ нимъ мѣстѣ: «Ты же съчеше, стѣи и устьями глаго, мѣткыми сконни призири на ны, желающамъ тебе, иже великии Ѣ великомъ власти оуцениемъ скон, и оуцение пространамъ, а иреси прогона, да достоинно зѣланимъ нашего (невольное обращеніе къ обоемъ, Кириллу и Меѳодію) живѣше съде, ставемъ съ тобою, твоемъ стадо, ѡдесноу страву Хѣ Бѣ нашего, и тѣноу живѣ приемлюще Ѣ него». Стало быть, умалчивая о паденіи Великоморавскаго Царства, послѣдовавшемъ въ 907 году (спустя, по однимъ показаніямъ, 22, а по другимъ 15 лѣтъ по кончинѣ Меѳодія), а еще больше о гоненіи на Меѳодіевыхъ учениковъ, принужденныхъ въ самый годъ преставленія его Ѣхать въ Булгарію, сочинитель тѣмъ указываетъ на время составленія своего творенія, которое, по сему, писано имъ тотчасъ по смерти своего учителя, до наступленія еще преслѣдованій. Кромѣ того, являясь принадлежащимъ къ обитателямъ Ко-

целова Княжества, когда говорить о клеветахъ на Меодія Латинскаго духовенства Нѣмецкому королю: «но семь же старши врагъ (дьяволъ), заведливши доверю и противнымъ истинѣ, изудеши сѣдце врагоу Моравьскаго короля на нь (въ др. сп. «на шкъ») съ вѣстми сѣпш, яко на нашемъ оуласти оуиши», даетъ знать, гдѣ именно было писано имъ это Житіе. Можно было бы утверждать, на основаніи выраженія «на шъ» въ спискѣ Московскаго Успенскаго Собора, что тутъ указаніе прямо на одного лишь Меодія («на него» сокращенно «на шъ»), но другіе списки противорѣчатъ тому, слѣдовательно, подтверждаютъ мнѣніе, упомянутое выше, т. е., что оно составлено въ Коцеловой Паннониі, доставшейся, по смерти его (861 — 877 или 884) Святополку, жители коей, по недавности соединенія съ Моравіей, отличали еще себя отъ жителей послѣдней, какъ показываютъ то, приведенныя уже выше, слова сочинителя о послѣднихъ: «мно же и сами похвадаютъ присно». Въ противномъ случаѣ, онъ не сталъ бы такъ отзываться о нихъ, если бъ проживалъ въ собственной Моравіи. Да и вообще взгляды на многое обличаетъ въ сочинителѣ, хотя и Православнаго, но Православнаго тамошнихъ странъ, а не изъ Задунайскихъ Славянъ, т. е., по жительству во время написанія, а не по происхожденію. Взглядъ этотъ наиболѣе отразился въ особенномъ предпочтеніи, даваемомъ имъ какъ папамъ вообще передъ патріархами, такъ и въ раздѣленіи нѣкоторыхъ понятій ихъ, на примѣръ, касательно числа Вселенскихъ Соборовъ, титулъ его: «дностолинь, шстолинь илюоудръжи чрстнью нѣсномоу,» «Петрока соуда», и т. п., хотя въ главномъ и не поддался онъ вліянію Запада, т. е., въ исповѣданіи Символа, начинавшемъ составлять уже и тогда, по свѣдѣтельству жизнеописателя св. Климента, существенное отличіе Каеоликовъ отъ Католиковъ, по тому что говоритъ (во вступленіи): «ѿ того же оца и стѣи дхъ исходитъ, яко же рече самъ сѣъ книземъ глаомъ: дхъ истинный, иже ѿ оца исходитъ» (125). Житіе Кирилла, какъ сказано уже, дошло къ намъ лишь въ спискѣ не старѣе XV-го вѣка; но изъ этого еще не слѣдуетъ выводить заключенія, что его не было прежде. Откуда же, спрошу, отправляясь назадъ въ древность, составитель Изборника 1076-го года взялъ извѣстіе объ этомъ Житіи, говоря: «послоушши ты

Житіемъ... сѣго Кирилла Философа? Другаго Кирилла Философа не было въ то время столь извѣстнаго своею любовію къ книжному ученію, по тому что нельзя же тутъ подозрѣвать Константина Философа, родомъ изъ Африки, жившаго во время Нестора и перваго начавшаго переводить съ Арабскаго на Европейскіе языки (126). А Проложное Житіе его, если было уже тогда, судя по спискамъ съ оного, дошедшимъ до насъ, вовсе не распространяется столько о занятіяхъ Константина книгами и тому под., чтобы можно было указывать на него, какъ на образецъ любви къ чтенію книжному, наравнѣ съ Василиемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустымъ, «иже измлада прилежаху сѣтъхъ книгъ». При томъ, Житіе Месодія, Іоаннъ ексархъ Болгарскій, Посланія папы Іоанна VIII-го, Итальянское Сказаніе (или Легенда), Сказаніе о Людмилѣ и Дуклянскій священникъ: всѣ они сохранились въ спискахъ старѣе XIII-го вѣка, изъ коихъ нѣкоторые, какъ показано уже, почти современны самимъ Солунскимъ самообратьямъ. Прологъ Іоанна, ексарха Болгарскаго, дошедшій въ пергаменномъ спискѣ XII-го в., приписываетъ Константину лишь составленіе азбуки, прибавляя, что онъ «многомъ труды прии, строи писмена Словѣнскихъ языкъ», и т. д. Храброво Сказаніе тоже своимъ противнемъ съ Глагольскаго списка и нѣкоторыми выраженіями, въ немъ только уцѣлѣвшими («сати ко ере живи, иже сати видяи ихъ»), указываетъ на время, самое близкое къ етѣмъ незабвеннымъ мужамъ, по крайности, дѣлаетъ сочинителя его современникомъ ученикамъ и сотрудникамъ ихъ. Дуклянецъ, столько баснословащій не только во многомъ другомъ, но и тутъ, въ разказѣ о дѣйствіяхъ Константина и его жизни, правильно приписываетъ ему изобрѣтеніе азбуки, хотя въ Славянскомъ подлинникѣ названа она у него «книгой Хорватской», а въ Латинскомъ переводѣ «lingua Sclavonica, litera Sclavonica». Прочіе отечественные памятники, сюда относящіеся, хотъ и позднѣйшаго происхожденія, каковы: Анеологіонъ и др., а нѣкоторыя (какъ Хронографы Псковскихъ списчиковъ или Палѣя) даже во многомъ перемѣшивающіе времена, лица и событія, однако, въ етомъ вѣрно передаютъ слова своихъ подлинниковъ, называя одного только Константина или Кирилла составителемъ письменъ нашихъ (въ 3-мъ мѣстѣ приписываютъ переводъ обоемъ

братьямъ), каковымъ онъ, дѣйствительно, и былъ, по согласному свѣдѣтельству обоихъ Паннонскихъ Житій его и, брата его, Меодія: «шедь же философъ, по прькому обычаю на мѣтвѣ са мѣложи... и аге сложи писмена (Житіе Кирилла)»; да тоу (послѣ молитвы, какъ и въ Житіи Кирилла) мѣи Бѣ философу Словѣнскимъ книгамъ, и аге оустроенихъ писмена и бесѣдоу составилъ (переведши I-ю главу Іоанна и всѣ Воскресныя Евангельскія Чтенія), поути са мѣтѣ Моравьскыаго» (Житіе Меодія). И это, столь прямое и рѣшительное, показаніе подтверждается, какъ мы знаемъ уже, всѣми прочими, выше названными, свѣдѣтельствами, особенно свѣдѣтельствомъ современника обоихъ братьевъ, лично ихъ знавшаго и имѣвшаго съ однимъ изъ нихъ (Меодіемъ) долгія и частыя служебныя сношенія: «*litteras Slavonicas a Constantino quondam philosopho (извѣстнаго всѣмъ) repertas*», и проч., писалъ онъ торжественно къ Святополку. Могъ ли онъ этого не знать? Вѣдь со времени кончины Кирилла, при которой онъ могъ быть и участвовать въ великолѣпныхъ похоронахъ, прошло всего только 10 лѣтъ? Могъ ли онъ отнести такое изобрѣтеніе къ другому, пишучи къ государю, лично въ етомъ дѣлѣ замѣпанному, и при томъ, посылая письмо свое съ Меодіемъ? Одно изъ двухъ, или папа ошибся сдѣсь самымъ грубымъ образомъ, или же посланій его, особливо этого, никогда не существовало, слѣдовательно, они поддѣлка? То и другое, разумѣется, надо впередъ доказать, и доказать не голыми предположеніями, съ какими выступилъ было извѣстный Блумбергъ, но по всѣмъ правиламъ строго ученой и неумытнѣй критики, безъ всякой, напередъ уже взлелѣянной, мысли, но опираясь на самомъ точномъ пересмотрѣ всего, сюда относящагося, какъ говорится, до послѣдней нитки; и тогда уже, убѣдясь непосредственно самымъ дѣломъ въ противномъ, отвергать голосъ етого папы въ изслѣдуемомъ вопросѣ.

Столько же неопредѣленности и разногласія въ показаніяхъ источниковъ и о мѣстѣ изобрѣтенія нашихъ писменъ. Это естественно, по тому что составляетъ необходимое послѣдствіе показаній о лицѣ. Изъ нихъ: Степенная Книга въ «Словѣ Похвальномъ в. к. Ольгѣ», указываетъ на *Бумарію*,

но чрезвычайно сбивчиво. Сказавъ, что не задолго до Ольги «изузло бысть Рускіа азбуки», составленной «днѣскими философы, Меѳодіемъ и Константиномъ самобратами», Солунцами, тотчасъ отправляетъ ихъ, съ согласія царя Михаила, въ Болгары, по прошенію князей Болгарскихъ, которыхъ они и крестятъ, а за тѣмъ, поворотивъ круто, рассказываетъ объ обращеніи Рускихъ князей, Оскольда и Дира, и извѣстномъ чудѣ съ Евангелиемъ, послѣ чего, слѣдуетъ выписка изъ Несторовой Лѣтописи о предложеніи книгъ, только не на Словѣнскій, а на Рускій языкъ; стало, Руская азбука изобрѣтена, по етому показанію, собственно, не извѣстно гдѣ; можно догадываться только, судя по слѣдующимъ за тѣмъ словамъ, что сіе сдѣлано въ Булгарахъ Солунскими самобратами, когда они приводили въ Христіанство князей ихъ и переводили, въ 12-е лѣто царствованія Льва Премудраго, книги съ Греческаго на Рускій. Такое смѣшеніе истиннаго съ ложнымъ, понятно, какъ происшедшее отъ желанія приписать своему народу честь изобрѣтенія письменъ и перевода Священныхъ Книгъ; стало быть, такое мнѣніе указываетъ на происхождение свое въ тотъ вѣкъ, когда преданіе объ етѣхъ событіяхъ начало уже тускнѣть, а письменныя показанія книжныи людѣ, принялся толковать по своему, когда Христіанство сильно уже пустило корни въ народъ, который гордился новой жизнью, а начетчики старались еще больше дать пищи тому, увѣряя, что онъ не только крещеніе, но и самую даже письменность, съ азбукой, получилъ непосредственно изъ рукъ Славянскихъ апостоловъ. Сдѣсь начало всѣмъ етѣмъ извращеніямъ первоначальнаго извѣстія о принятіи Христіанской Вѣры Рускими и, соединенномъ съ ними нераздѣльно, изобрѣтеніи письменъ; при етомъ, разумѣется, мало, а иногда и вовсе, не обращали вниманія на лица, мѣсто, и время, рѣшительно ни на что, но смотрѣли на одно лишь, какъ бы и во что бы ни стало, а приписать *себѣ*, своему народу и землѣ, такое важное дѣло. По сему, дивиться ли намъ, если одинъ и тотъ же писатель, увлеченный любимой мыслью, черезъ нѣсколько строкъ, самъ же себѣ противорѣчить и, въ ослѣпленіи, не замѣчаетъ того? Такъ составитель или составители етой же самой Степенной Книги, въ извѣстіи о св. Владимирѣ, повторивъ слова рассказъ о крещеніи Осколь-

да и Дира и чудесномъ сохраненіи Евангелія въ огнѣ, тогда часть выписываютъ изъ Нестора посольство къ царю Михаилу Ростислава, Святополка и Кочела, обращенныхъ ими въ князей Рускихъ: «Руси удивихася, удрася снзъ Христова, и вси крестихася. Кнзѣ же ихъ, Ростислакъ, и Скатослакъ (!), и Коуель послаша къ царю галгоуше», и пр.; но въ дальнѣйшей выпискѣ утверждаютъ, держась того же Нестора, что Константинъ и Меодій посланы Михаиломъ въ «Словенскую землю», куда пришедши, «наулаша составити писменъ азбуконна Словенскимъ языкомъ». Послѣ сего исчисляють Словѣнскіе народы, при чемъ замѣчается, что «не встѣхъ гдѣхъ единъ языкъ съ Русимъ», однако не утверждается, чтобы переводъ сдѣланъ былъ (все таки въ 12-е лѣто Льва Премудраго) на Рускій, но на Словенскій, и только, въ заключеніе всего разказа, восхваляя благодать Божию, помиловавшую «дрекле хлѣбѣдшамъ во идольствѣ прелесть Рускимъ люди», опять возвращаются на первую, задушевную, мысль свою, и утверждаютъ «къ нимъ же преже салгоколи пресалгѣ Боже языкъ, Рускимъ писменомъ, Рускимъ же и языкомъ, быти книжному исполненію». Стало, по ихъ мнѣнію, писмена, изобрѣтенныя въ Словенской землѣ, все же суть писмена Рускія, то есть, етъмъ хотѣли указать либо просто на тождество Руской азбуки съ изобрѣтенною въ Словенской землѣ, либо, на оборотъ, не смотря на явное противорѣчіе, утверждали, что, хотя и въ Словенской землѣ составлена она и книги переведены на Словенскій языкъ, все же то и другое Рускія, для Русовъ, не перестаютъ быть Рускими, по тому что князья-то самые были князья Рускіе; а отсюда неминуемо слѣдуетъ, что землю Словенскую считали они частью Руси.

Но «Словенская земля» тутъ, очевидно, то же, что *Словенщина*, *Словенская земля*, какъ называютъ испоконъ Словаки свою родину, а за ними и самые Нѣмцы въ старину, «*Slavonia*». Названіе это правильно, по тому что принадлежитъ большинству народа, составлявшаго Великоморавскую Державу, такъ названную только въ землеписномъ значеніи, по рѣкѣ Моравѣ, распадавшейся на Моравію по сю и по ту сторону Дуная, слѣдовательно, и по отношенію къ другой еще Моравѣ (то же на рѣкѣ Моравѣ), находящейся въ Верхней

Церковь, попытки, которыя проходятъ черезъ всю Исторію ихъ, отъ Боривоя до торжественнаго молебнаго пѣнія въ наши дни подъ открытымъ небомъ, совершеннаго на языкѣ нашей Церкви среди Праги, на одной изъ обширѣйшихъ и красивѣйшихъ ея площадей, передъ ликомъ святаго Вячеслава, на котораго, по свѣдѣтельству Славянскаго Житія его, «вздвѣши Бога благодѣи такоу», что онъ «взоутеиъ бысть ижегдаи Словѣнскимъ во слѣдоу новозоу, намыте радознѣ доеде и протуташе а вѣде безъ казны, иже же доврѣиъ свѣстознѣ, иже повѣ» (стр. 86 — 87). Тутъ-то, въ етомъ желаніи получить драгоценнѣйшее благо, «его же не въ исраамъ емае», — какъ писалъ Греческій царь въ посланіи своемъ съ Константиномъ и Меодіемъ Ростиславу, «изъ тѣмъ въ врьданъ лѣта, да соврѣтуетеся владѣицѣ адмѣцѣ, иже славати Бога своимъ думомъ», скрывается источникъ всѣмъ тѣмъ многословнымъ и обширнымъ подробностямъ, въ какія пускаются почти всѣ Латинскіе списки Житія Кирилла и Меодія о прѣніи въ Венециі и Римѣ съ Римскимъ духовенствомъ, подробности, во многомъ отличныя отъ подробностей въ Церковнославянскихъ спискахъ.

Дуклянскій священникъ, переиѣшавъ лица, времена и событія въ сказаніи своемъ о Константиѣ, естественно, смѣшалъ и самое мѣсто составленія имъ книгъ, то есть, письменъ. Судя по тому, что это было во время Святополка, можно бы тутъ думать о Моравской или Словѣнской землѣ; судя же, съ другой стороны, о томъ, что Будимиръ, обращенный Константиномъ въ Христіанство, ходилъ въ *Казарикку*, гдѣ «*prigivna kraljući sveti ruka*», котораго тоже Константинъ обратилъ, «*koji Kostant biše obratil*», можно думать, что и азбука изобрѣтена либо въ *Казарикѣ*, либо во владѣніи Будимировомъ, которое тоже трудно понять, гдѣ оно собственно лежало, въ Булгаріи или же въ Далматской Хорваціи, на что, по видимому, указываетъ самое названіе, данное имъ ей, т. е., «*knjiga hãgvaska*»). О Казарикѣ или Казаріи говорятъ еще нѣкоторые памятники: отрывокъ какого-то Грека у Бандури, перенутамшаго времена Ростиславовы, Асизольдовы и Владимировы. Конечно, тутъ указаніе на Казарію или Хазарію только стороной, такъ что можно думать и о ней, и собственно

о землѣ Руской; за то, Псковскій Хронографъ въ другомъ мѣстѣ прямо уже утверждаетъ о Владимирѣ, что при Романѣ царѣ крестилась Руская земля, царь Володимеръ въ градѣ *Корсуни*; «идеже книги обратомась, тоу и крещеніе обратесь», и при томъ: «Роускимъ гласомъ писаны быша книги». Въ какомъ смыслѣ понималъ писавшій это обрѣтеніе Книгъ, и, по тому, и намъ слѣдуетъ понимать его, открывается изъ извѣстной вставки въ Паннонскомъ Житіи Кирилла, гдѣ тоже замѣчено, что Константинъ въ Херсонѣ «оверте евангеліе и писатрь Роусскими писмени писаво», и т. д. Можетъ статься, эта вставка въ Житіи Кирилла, бывшемъ, какъ мы знаемъ, хорошо извѣстнымъ въ старину, сдѣлалась источникомъ всѣхъ прочихъ сказаній о первоначальномъ изобрѣтеніи письменъ какимъ-то Русиномъ и для Рускаго языка, отъ котораго, въ бесѣдѣ, перенялъ уже Константинъ, стало быть, присвоилъ себѣ чужое; можетъ статься, это было и на оборотъ: вставка сдѣлана на основаніи сказанія въ какой либо Лѣтописи, Временникѣ, или другомъ подобномъ памятникѣ, поводъ къ чему подала таже самая мысль, которая внушала не разъ многимъ самымъ страннымъ понятія о древности и знатности своего рода и народа, побудила, на примѣръ, еще перваго Рускаго митрополита выразиться о предшествовавшихъ Владимиру князьяхъ, что они «не къ хощу и не къ неведомъ земли каздмустекоша, не къ Роусскимъ, ниже кадомъ исамшимъ есть всѣми конци земля (129), а Царя Ивана Васильевича выводитъ свое происхожденіе прямо отъ Августа, Кесаря Римскаго. А и то можетъ быть, что она есть произведеніе того времени, когда давнымъ давно уже покорители Славянъ Мизійскихъ, Фракійскихъ и Македонскихъ, Булгаре, «срѣдоша отъ азъма къ азъмъ, и отъ азъмъ къ люди азъ» (Цсал. CIV, 13), слились съ покоренными и, слѣдовательно, сдѣлались Славянами, а по тому книжники, гдѣ имъ начинали ето имя, видѣли въ немъ истыкъ Славянъ, а съ нимъ и имя родичей ихъ, Коваръ и другихъ. Родство же тѣхъ и другихъ, тѣмъ дажѣ отъ насъ въ древность, тѣмъ болѣе было еще свѣжо. Иначе, откуда же бы сталъ утверждать Ибн-Гаукаль, что «lingua Bulgarorum similis est linguae Chazarorum?» (130) А «lingua Chazarorum» вовсе ничего не имѣетъ сходнаго съ Турецкой и Персидской рѣчью: «a Turcica et

Persica differt» (131). Впрочемъ, это рѣшать окончательно намъ только списки Паннонскаго Житія Кирилла болѣе древняго извода, нежели тѣ, какіе теперь имѣемъ у себя подъ руками, хотя, какъ сказано было уже разъ, въ Житіи Кирилла и Меодія, помѣщенномъ въ печатной «Книгѣ Житіи святыхъ», извѣстіе объ обрѣтеніи Рускихъ писменъ въ Херсонѣ не находится—знакъ, что составитель его, пользовавшійся различными харатейными Четьями, которыя, по собственнымъ словамъ, лишь сократилъ, сомнѣвался уже въ справедливости онаго.

Всѣ прочія, сюда относящіяся, показанія частью глухо отзываются о *мѣстѣ* изобрѣтенія Кириллицы, частью мимоходомъ, частью же вообще, частью не только ничего не говорятъ, но, судя по свойству и направленію сообщающаго показаніе, и не могли что либо сказать о немъ; напоследокъ, есть и такія, которыя не называютъ по имени самое мѣсто, но оно само собой вытекаетъ изъ ихъ разсказа. Къ первымъ тремъ разрядамъ относятся, изъ иностранныхъ: Житіе Климента, неизвѣстный историкъ обращенія въ Христіанство Баварцевъ и Хорутанъ, Бернардъ, оба Чешскіе черноризцы (Сазавскій и Опатовицкій или Градиштскій), а изъ своихъ: Иоаннъ, ексархъ Болгарскій, сочинитель Похвальнаго Слова Кириллу и Меодію, и такого же одному Кириллу, Храбръ, Крупичпольское Житіе св. Владимира, Анеологюнъ или Цвѣтословъ и Никоновская Лѣтопись въ статьѣ «О предложеніи книгъ отъ Греческаго на Словенскій» (стр. 28). Къ четвертому: Посланія папы Іоанна VIII-го, Македонскій Апостолъ XII-го вѣка, Служба Меодію, краткія Булгарскія и Сербскія лѣточислительныя сказанія (Вратиславское, Сеченіевское, Рацкое и Черногорское), Рускіе Хронографы (Шсковскіе и другіе). Предоставляя каждому провѣрить точность такого моего распредѣленія по разрядамъ етѣхъ свѣдѣтельствъ касательно извѣстій ихъ о мѣстѣ составленія нашихъ писменъ, считаю нужнымъ сказать, однако же, нѣсколько словъ и самъ сдѣсь о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это относится собственно къ Похвальному Слову Климента и Храброву Сказанію. Первый, говоря, что Кириллъ и Меодій въ западныхъ странахъ Паннонскихъ (т. е., Панноніи Задунайской, на западъ отъ Дуная, слѣдователь-

но, Коцеловомъ владѣніи) и Моравскихъ (т. е., обѣихъ Моравяхъ, Верхней и Нижней, по ту и по сю сторону Дуная простиравшихся), «просветителя коуцѣвама», вовсе не утверждаетъ тѣмъ, чтобы егѣ послѣднія были тутъ изобрѣтены ими; наоборотъ, это составляетъ лишь повтореніе другими словами сказаннаго уже нѣсколько выше: «прѣидоста оттоудоу (послѣ пребыванія въ Козарахъ) на Западныхъ странахъ, бѣговѣстькоуцѣи слово бѣниѣ изъ изумиѣ поукъ, и къ сѣ црѣвѣиѣи законѣ прѣложѣшѣ, ѿ Гръуѣ сѣаго въ свои ниѣ изъумиѣ прѣдѣста». Только такъ «просветляютъ коуцѣвама». А второй (Храбръ) занимается не столько розыскомъ о мѣстѣ, сколько вообще повѣстью о способѣ изобрѣтенія письменъ Славянскихъ, ихъ составѣ, отношеніи къ первообразу своему и звукамъ, для коихъ предназначались, необходимостью ихъ и защитой отъ порицателей со стороны излишества и несовершенствъ, и, напослѣдокъ, лицемъ изобрѣтателя и временемъ составленія ихъ, а при пособіи ихъ, и прѣложеніемъ книгъ. Понятно, что тутъ вопросъ о мѣстѣ не входилъ въ соображеніе Храбра, конечно, по тому, что далеко меньше возбуждалъ, или и вовсе не возбуждалъ, ничего сомнѣнія, какъ всѣмъ извѣстный, отъ того не подвергавшійся чьему либо нападенію, не вызывавшій любопытства. Впрочемъ, какъ онъ, такъ и многіе до него и послѣ него передававшіе сказаніе о происхожденіи нашей азбуки, обыкновенно начинали его указаніемъ на такое лице, котораго одно уже имя заключало въ себѣ непосредственный отвѣтъ и на самый вопросъ о мѣстѣ. Я разумѣю «Миханла цесарѣ Гръуѣ сѣа». Въ самомъ дѣлѣ, къ чему тутъ было еще указывать на мѣсто, гдѣ это случилось, когда все событіе излагалось съ такой обстановкой и подробностью, когда поименованы были кто, откуда, куда и за чѣмъ отправилъ посольство: «прѣлоуѣ унжеса въ тѣ дѣи Ростислакъ, князи Словѣнскѣи, Бѣгомъ оустимѣи, съвѣтъ сътвори съ князи своими и Моравскими, послѣ къ црѣи Миханлоу, гдѣ тако», и проч.? При томъ, въ обѣихъ Паннонскихъ Житіяхъ, а отчасти въ Несторовой Лѣтописи и Итальянскомъ Сказаніи (Моравское Сказаніе или Вторая Легенда, по снесеніи предыдущаго съ послѣдующимъ, тоже не противорѣчить етому, и по тому скорѣе всего относится въ семь случаевъ къ одному разряду съ Итальянской), слово въ слово почти повторя-

ются самыя рѣчи пословъ, или же посланія, послѣ чего слѣдуетъ разсказъ, какимъ образомъ Греческій царь исполнилъ просьбу, т. е., черезъ кого и какъ Константинъ Философъ, прославившійся уже своимъ вѣроисповѣднымъ путешествіемъ къ Сарицынамъ и Козарамъ и, по признанію царя, единственный человѣкъ, способный къ тому, склоненъ былъ подъять такое важное дѣло: «къмъ та труднѣе соудѣ, философъ, но потрава ти тамо ни, сіе во рѣчь не можеть ниъ никто же исправити, мно же ты»; какъ онъ, наконецъ, «оумоленъ бѣше, сложи писмени и бесѣдоу състави (переводъ Евангелія отъ Іоанна), поути са шть Морльскл, моноу Месводни». За чѣмъ же, послѣ всего этого, еще называть то мѣсто поименно, гдѣ все сіе происходило? Кто не видитъ и не знаетъ, что это былъ по преимуществу «Градъ Царей», какъ прекрасно назвали его предки наши? Такимъ образомъ, два древнѣйшіе *источные* памятника представляютъ намъ самый обстоятельный отвѣтъ, какъ показало все доселѣшнее разсѣдованіе, также и на вопросъ, гдѣ именно слѣдуетъ полагать колыбель Славянскихъ письменъ изобрѣтенныхъ Кирилломъ? Сдѣсь древнѣйшее есть и самое надежнѣйшее и основательнѣйшее, а потому, какъ такое, должно имѣть первенство передъ всѣми другими показаніями, далеко уступающими ему въ старинѣ и обстоятельности: «Contemnitur, quidquid a recentiore sine vetustioris auctoritate profertur».

ГЛАВА III.

Исторія вопроса.

Multum, crede mihi, refert, quo fonte bibatur.

Аноним.

Познакомившись, сколько возможно, обстоятельнѣе съ источниками изслѣдуемаго вопроса, а также разобравъ возрастъ ихъ, взаимное отношеніе и самыя показанія о лицѣхъ и мѣстѣ, то есть, *кому и гдѣ*, по всей вѣроятности, слѣдуетъ приписать составленіе Кирилловскаго письма, можно бы уже было, какъ говорится, наложить на него и послѣднюю руку, другими словами, приступить къ рѣшенію, *когда же* именно составлена наша азбука? Но, имѣя дѣло съ лѣточислительной задачей, нельзя обходить лѣточисленія; я хочу сказать етѣмъ, что, не касаясь еще пересмотра показаній разныхъ источниковъ о времени, въ которое явились Славянскія письмена, надобно наложить *исторію* этого вопроса, *кто, когда и какъ* рѣшалъ его, что сдѣлано другими до насъ и въ какомъ состояніи онъ теперь находится? Это необходимо сколько для того, чтобы просто удовлетворить человѣческому любопытству, желающему знать прошедшее лица, или предмета, съ которыми приходится поближе столкнуться, по по-

словницъ: «Скажи, съ кѣмъ водишься, и я скажу, кто ты таковъ!» столько и для того, чтобы, видя, какимъ судьбамъ подвергался изслѣдуемый предметъ, не дѣлать уже вновь, сдѣланнаго другими, стало, сберечь время, и, главное, схватить нить, съ которой должно начать дальнѣйшую работу, а черезъ то скорѣе и вѣрнѣе пристать къ берегу. Его же выкажетъ и разницу между нашимъ и чужимъ трудомъ, и тѣмъ опредѣлитъ относительное достоинство обоихъ.

Всѣ, писавшіе о Кириллѣ и Меѳодіи, больше или меньше касались и изслѣдываемаго вопроса; не смотря на то, не всѣ они подлежатъ сдѣсъ нашему разсмотрѣнію, но только тѣ, которые особенное вниманіе обращали на него, старались, по мѣрѣ силъ и средствъ, уяснить себѣ въ точности самыя годъ этого событія, или, по крайности, подойти къ нему сколько можно ближе.

Первый, сколько мнѣ извѣстно, пытавшійся опредѣлить время изобрѣтенія Славянскихъ письменъ научнымъ образомъ, былъ ученый издатель Житія Кирилла и Меѳодія въ «Acta S. S.», отецъ *Геншенъ*, который въ замѣчаніяхъ, предпосланныхъ ему подь числомъ 31, говоритъ, что слухъ объ обращеніи Козаровъ въ Христіанство, распространившійся между Славянами, достигъ и Ростислава, главнаго въ ту пору князя Моравскаго (который коегдѣ, кажется, назывался и Святополкомъ), а тотъ, видя народъ свой оставившимъ уже язычество и жаждущимъ Христіанства, отправилъ тоже пословъ къ императору Михаилу, моля его прислать ему того самаго славнаго учителя, Константина, который уже наставлялъ Козаровъ, чтобы, такимъ же образомъ, и его народъ научилъ. Просьба была уважена. Я полагаю,—продолжаетъ Геншенъ,—это случилось около 856 года, когда Михаилъ удалилъ мать и сестру отъ участія въ правленіи Государствомъ, а св. Игнатія отъ дружескаго общенія. Товарищемъ въ этомъ второмъ посольствѣ Константина былъ родной братъ его, Меѳодій. Годъ прибытія ихъ къ стольному городу, Виллеграду, опредѣляетъ первое Житіе ихъ по списку Дюшена, въ коемъ сказано, что они провели въ Моравіи четыре съ половиной года

и обратили весь народъ съ его государемъ. Послѣ того призвалъ ихъ въ Римъ папа Николай, и они, отправившись тотчасъ, пришли, однако туда только при папѣ Адрианѣ II-мъ, преемникѣ Николая, скончавшагося въ половинѣ ноября 867 года. «Sparsus illico apud caeteras Slavinorum phylarchias rumor conversionis Chazarorum, ad Ratislaum praepotentem eo tempore Principem Moraviae (qui et Swantoplucus sive Sfantipulcus appellari alibi videtur), quum gentem suam videret ultro ab idolorum cultu recessisse, et Christianae fidei percipiendae avidam esse, legatos et ipse ad Imperatorem Michaëlem mittit, oratque, ut eximium illum doctorem Constantinum, qui Chazaros crudiisset, ad suam quoque gentem instruendam venire pateretur, quod sane haud gravate concessum. Id remur contigisse ante annum 856, quando Michaël et ab Imperii regimine matrem ac sororem, et se ab S. Ignatii familiari consuetudine removit, fraudulentis Bardae avunculi sui consiliis circumventus. Socius Constantino ad hanc secundam expeditionem germanus suus Methodius fuit. Quando ad regiam urbem Willegradum pervenerint Sancti, inde perspicitur, quod in priore vita e codice Duchesnii, dicuntur annos quatuor et medium in Moravia permansisse, gentemque universam cum Rege convertisse. Dein Romam evocati a Nicolao Papa, statim iter susceperunt, neque eo peruenerunt, nisi Hadriano II Pontifice, qui Nicolao idibus Novembris 867 mortuo, suffectus erat». Извѣстный *Паджу* (1624—1699), занимавшійся въ особенноти лѣточисленіемъ совмѣстно съ исторіей, въ своей «*Critica in Baronii annales*» (Antwerp. 1705; ed. 2-da Genev. 1727, 4 voll.), замѣчаетъ, подъ 863 годомъ (ч. 15), что Геншенъ ошибся, по тому что тогда Кириллъ и Меѳодій превели бы въ Моравію 10, если не больше лѣтъ, если они точно прибыли въ Римъ въ 867 году. А по тому приходъ ихъ въ Моравію онъ полагаетъ около 863 года, говоря: «Quum Cyrillus et Methodius in Moravia per annos quatuor et dimidium Evangelium disseminarint, annoque 867 Romam venerint, manifestum est, eos circa annum 863 Bulgariam reliquisse, et in Moravia perrexisse» (loc. cit. et ad ann. 866. num. 2). Знаменитый Иос. Сим. *Ассемани*, въ III-мъ томѣ своихъ «*Kalendaria Ecclesiae universae*», (Romae, 1755, pag. 120), приводитъ

мнѣнія обоихъ, названныхъ выше писателей, возражаетъ послѣднему тѣмъ, что, по его словамъ, держась Житій Кирилла и Меодія, Моравцы приняли Христіанство отъ нихъ только послѣ крещенія Българскаго царя, Бориса, а это произошло лишь 865 года. «Verum, si Actis SS. Cyrilli ac Methodii fides est adhibenda, colligitur, Moravos Christianam fidem a Methodio ac Cyrillo non accepisse, nisi postquam Michaël Rex Bulgarorum Baptisma suscepit: adeoque id factum fuisset oportet anno 865». И ниже: «Quare, postquam Michaël Rex Bulgarorum a Methodio (ut supra dixi) ad Christi fidem conversus esset, Rastices, ejusdem Michaëlis ac Chazarorum exemplo incitatus, eumdem Methodium ab Imperatore Graecorum Michaële ante annum quidem 866 expetiit, ut in Moraviam accedens se suumque populum Christiana fide imbueret» (pag. 122). Ровно черезъ 10-ть лѣтъ вышла въ свѣтъ 3-я часть «Примѣчаній» Добнера на Чешскую лѣтопись Гайка: «Wenceslai Hagek a Liboczan Annales Bohemorum, plurimis animadversionibus historico-chronologico-criticis aucti» etc. (Pragae, 1765), въ коей, разбирая 12-й годъ правленія князя Неклана, онъ упоминаетъ тутъ и о случившемся въ это время въ сосѣдней Моравіи, т. е., какъ Нѣмецкій императоръ, Людвикъ, желая надежнѣе усмирить сына своего, Карломана, возмущившагося было противъ него съ Хорутанцами и другими, подвластными ему, народами, распустилъ слухъ, что онъ идетъ войной лично противу извѣстнаго врага Нѣмецкаго царства, Растица (или Ростислава), который въ то самое время вступилъ въ связи съ Българами, спѣшившими ему съ востока на помощь. Но угрозы Людвика остались только угрозами, да и Растицу было не до того, по тому что егѣ толпы Българъ были не столько воинственнаго, сколько болѣе мирнаго рода, хотя, конечно, и не безъ государственныхъ цѣлей. Это былъ годъ прибытія въ Моравію Константина и Меодія съ ихъ Българскими поспѣшниками, то есть, Българскими и Греческими Славянами. Годъ этотъ—865-й, какъ справедливо означилъ его уже Паджи, поправляя ошибку отца Геншена: «Haec autem vera epocha est, annusque certus adventus SS. Cyrilli et Methodii in Moraviam. Recte enim adnotavit Pagius falsum esse Bollandum (Henschenium scribere voluit), dum existimavit

sanctos hos jam ante annum 856 ad Moraviam advenisse. Nam cum uterque vitae author dicat SS. Cyrillum et Methodium per annos quatuor et dimidium Evangelium in Moravia disseminasse, ac demum Romam concessisse jussu Nicolai Papae, qui eodem anno videlicet octingentesimo sexagesimo septimo demortuus est, *ducto calculo adventus ipsorum in Moraviam haud alio anno quam praesente (863) accidere potuit* (pag. 57 — 58). За сямъ подтвержденіе того видимъ въ «Annales Francofuldenses» ad h. an., въ коихъ сказано, что Растицъ, по словамъ Людовика, какъ показано уже выше, «imminet Francico Regno cum auxilio Bulgarorum ab oriente venientium». Эта молва, конечно, опиралась на великолѣпномъ посольствѣ Восточнаго императора къ Ростиславу, въ коемъ находились просимые имъ учителя истинной Вѣры и наставники въ законѣ, сопровождаемые многочисленными Булгарскими и Греческими Славянами. Последнее оправдывается показаніемъ Блаубейрнскаго Сказанія (Второй или Моравской Легенды): «Egressus itaque primo venit ad Bulgaros, quos divina gratia cooperante sua praedicatione convertit ad fidem. Abinde autem procedens, venit in terram Moraviae». А что дѣйствительно въ это время Моравцы просвѣтились снова Христіанствомъ (послѣ принятія большей частью его изъ рукъ Латино-Нѣмецкаго духовенства, случившагося 40 — 50 лѣтъ передъ тѣмъ), доказательство тому Добнеръ находитъ въ «Annales Weingartenses», въ коихъ, подъ етѣмъ же годомъ, сказано: «Gens Hunnorum Christianitatis nomen aggressa est». Подъ Гунами, въ то время уже давно не существовавшими, нельзя разумѣть Аваровъ, родичей ихъ, то же совершенно потерявшихся послѣ разгрома ихъ Карломъ Великимъ, слѣдовательно, должно разумѣть Моравскихъ Славянъ, занявшихъ всѣ ихъ Задунайскія владѣнія: «Moravos in omnes Transdanubianas Hunnorum regiones sese immisisse». Напоследокъ, Добнеръ опровергаетъ мнѣніе Ассемани, упомянутое выше, спрашивая: если Кириллъ и Меѳодій были около 866 года при Дворѣ Булгарскомъ, то по чему же не говорится о нихъ ни въ посланіи Бориса къ папѣ Николаю I-му, ни въ отвѣтахъ послѣдняго, ниже въ другихъ письмахъ къ нему и вельможамъ его? Пришедши же въ Моравію около этого года,

сколько оставалось имъ пробыть въ ней, если черезъ годъ, по словамъ самаго Ассемани, должны были спѣшить въ Римъ? Изъ всего этого открывается, что честь опредѣленія 863 года принадлежитъ, собственно, Паджи, а не Лобнеру, какъ ошибочно замѣтилъ Шлѣцеръ (132), а за нимъ и другіе: первый не потрудился навести справки словамъ Добнера, по скольку тутъ его, и по скольку Паджи, а послѣдніе и подавну не стали себя беспокоить такой малостью, вѣря безусловно въ непогрѣшимость Шлѣцера, тѣмъ болѣе, что онъ самъ же признавался, что всѣми данными для своей X-й главы, въ которой разсматриваетъ Жизнь Кирилла и Меѳодія, и которой столько былъ доволенъ, что не могъ удержаться, чтобы прежде всего самъ не похвалить ее (тамъ же, стр. 241, Руск. пер. стр. 579), обязанъ особенно Добнеру (133), который ничего существенно не прибавилъ къ Паджи, а тѣмъ менѣе прежде всѣхъ проложилъ путь къ рѣшенію этого вопроса посредствомъ вѣрныхъ соображеній. Етъ соображенія, отъ перваго до послѣдняго, принадлежать не ему, и онъ, какъ совѣстливый изслѣдователь, ни мало не присвоиваетъ ихъ себѣ, но именно указываетъ на того, кому они принадлежатъ, и почти его словами излагаетъ ихъ. Отъ того, какъ Шлѣцеръ, такъ и повѣрившіе ему на слово, ничего не сдѣлали для рѣшенія нашего вопроса, удовольствовались ссылкой на другихъ (134). Сюда принадлежатъ: *Исторіографъ нашъ*, который говоря, въ изложеніи «Исторіи Государства Россійскаго», объ изобрѣтеніи азбуки Кирилломъ и Меѳодіемъ, отправленными Греческимъ императоромъ, Михаиломъ, въ Моравію къ тамошнимъ Христіанскимъ князьямъ для перевода церковныхъ книгъ съ Греческаго языка (135), въ 261-мъ примѣчаніи, относящемся къ этому, выписываетъ сжато изъ «Книги Житій» рассказъ, подъ 11-мъ (а не 15-мъ, какъ у него поставлено) мам, о дѣйствіяхъ того и другаго, слѣдовательно, и о четырехлѣтнемъ пребываніи ихъ въ Моравіи, и прибавляетъ отъ себя: «Ежели Константинъ и братъ его жили въ Моравіи 4 года (въ Житіи Четырехъ-Миней печатной): «оумедлиша же тамо азъ четыре и вѣдше» (136), и пріѣхали въ Римъ скоро по смерти Николая IX (137), то Славянская грамота изобрѣтена ими въ 863 году: ибо сей папа умеръ

въ 867». Между источниками, на которыхъ основалъ онъ такое свое мнѣніе, приведены Добнеръ и Шлѣцеръ, въ которыхъ этотъ годъ означенъ, между тѣмъ какъ въ другихъ, тутъ же поименованныхъ (*Acta Sanctorum IX Mart.* и *Jo. P. Kohlii Introductio in historiam et rem literariam Slavorum. Altonaviae, 1729, cap. II*) рядомъ, выставленъ совсѣмъ другой. Почти тоже самое утверждаетъ и незабвенный митрополитъ нашъ, *Евгеній*, излагающій въ очеркѣ дѣйствія Кирилла и Меѳодія по печатному Житію ихъ (особенно обратившему на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей послѣ известнаго отзыва о немъ Шлѣцера, совершенно справедливаго, такъ какъ въ сущности и большей частью оно составляетъ свободный разсказъ со словъ Паннонскаго Житія Кирилла, что только теперь уяснилось намъ, когда послѣднее съ Житіемъ Меѳодія какъ бы вновь найдено) и ссылающійся при семъ на Шлѣцера: «Императоръ Михаилъ посылалъ его (Кирилла) къ Сарацинамъ на рѣку Евфратъ для оправданія Вѣры Христовой, а потомъ, вмѣстѣ съ братомъ, къ Козарамъ, для обращенія ихъ ко Христу, и, наконецъ, около 863 г., когда Моравскіе князья, Ростиславъ, Святополкъ и Коцелъ прислали въ Константинополь просить себѣ Христіанскихъ учителей, то по сему случаю отъ Императора и Константинопольскаго духовенства отправлены были къ нимъ оба брата, Константинъ и Меѳодій, первый, яко знатокъ многихъ Восточныхъ языковъ, а послѣдній свѣдущій наипаче въ Славенскомъ. Несторъ и многіе Западныя писатели согласно свидѣлствуютъ, что они изобрѣли Славенскія буквы и первыя перевели на Славенскій языкъ Священное Писаніе и церковныя книги. Въ ихъ Жизнеописаніи, помѣщенномъ въ Четвѣхъ-Минейхъ, подъ 11-мъ ч. мая, сказано, что они до отъѣзда къ Моравамъ въ Константинополь изобрѣли Славенскую азбуку, изъ 38 писменъ составленную, и тамъ начали переводить на Славенскій языкъ для опыта первое Евангеліе отъ Іоанна. Хотя труды ихъ были общіе, но азбука Славенская прозвана *Кирилловою*, можетъ быть, по тому, что Кириллъ, по своему знанію многихъ Восточныхъ языковъ, выбралъ изъ оныхъ для Славенскаго языка буквы, недостававшія въ Греческой азбукѣ, а Меѳодій больше его

трудился въ переводѣ книгъ. Ибо Константинъ или Кириллъ только 4 съ половиною года былъ съ братомъ въ Моравіи, а послѣ отшелъ къ Болгарамъ, или, какъ Шлецеръ думаетъ, въ Римъ и около 869 или 871 г. по вычисленію Шлецера, а по мнѣнію Миллера 868 г. въ Римѣ скончался» (138). К. *Калайдовичъ*, въ самомъ изложеніи изслѣдованія своего объ Иоаннѣ Ексархѣ Болгарскомъ, говоритъ: «Когда около 863 года Моравскіе князья, Ростиславъ, Святополкъ и Коцель, незадолго предъ тѣмъ принявшіе святое крещеніе, просили у Греческаго Императора Михаила наставниковъ, которые могли бы имъ, какъ пишетъ Несторъ, сказати книжная словеса и разумъ ихъ: то Михаилъ, по совѣту съ своими учеными, отправилъ къ Словенамъ двухъ братьевъ, Константина и Меодія, какъ свѣдущихъ въ языкѣ Словенскомъ. Они прибыли въ Моравію, изобрѣли особенный алфавитъ, образованный по Греческому, и предложили сперва необходимыя для богослуженія книги. Слѣдуя согласному показанію, должны мы приписать честь изобрѣтенія Словенской азбуки блаженному Кириллу, коего именемъ она доселѣ называется. Послѣдующіе труды, состоявшіе въ переводѣ съ Греческаго на Словенскій языкъ, должны принадлежать имъ совокупно. Константинъ во время пребыванія въ Моравіи, продолжавшагося, кажется, около четырехъ съ половиною лѣтъ, положилъ только начало знаменитыхъ трудовъ», и проч. (139). А въ 7-мъ примѣчаніи къ етѣмъ словамъ прибавляетъ: «Въ которомъ году случилось сіе достопамятное происшествіе (т. е., изобрѣтеніе азбуки), навѣрно не знаемъ. Посольство въ Константинополь, около 863, у насъ показано по *соображеніямъ Добнера*; а монахъ Храбръ увѣрять, что изобрѣтеніе азбуки послѣдовало въ лѣто отъ созданія вѣсего міра 5518 (855). Но на чемъ ето основано?» (140). Сверхъ того, въ примѣч. 3-мъ, оговаривается такъ: «И Шлецеръ догадывается, что трое Князей должны въ 861—864 г. отправить посольство въ Константинополь» (141). Не смотря на согласіе Калайдовича въ годъ съ предшественниками своими, какъ черпавшаго изъ одного съ ними источника, въ немъ пробивается уже другое мнѣніе на счетъ мѣста составленія письменъ, которымъ Евгений, слѣдуя Четь-Минейному печат-

ному Житію, считаетъ Константинополь, а онъ Моравію, держась въ етомъ словъ Нестора; впрочемъ, о годѣ, имъ же открытаго и обнародованнаго, замѣчательнѣйшаго списка Храброва Сказанія (1348 г., трудъ таха священноиннока Лаврентія), выражается съ недоумѣніемъ. Но далѣ всѣхъ зашелъ въ етомъ дѣлѣ Орестъ *Новицкій*, который, въ сочиненіи, писанномъ имъ 1835 г., какъ Э. Ор. профессоромъ еще Кіевской Духовной Академіи, «по задачѣ митрополита Евгенія и съ одобренія его напечатанномъ Академіей на счетъ суммы, пожертвованной имъ для изданія Академическихъ сочиненій по предмету Русскихъ древностей», именно «О первоначальномъ переводѣ Священнаго Писанія на Славянскій языкъ», замѣчательною, какъ первомъ опытѣ, многими удачными соображеніями, основанными на источникахъ, хотя не всегда изъ первыхъ рукъ, напротивъ, частенько изъ десятыхъ, который, говорю, въ сочиненіи етомъ, перебравши разныя мнѣнія разныхъ писателей о переводѣ Св. Писанія на Славянскій, и отдавая въ заключеніе преимущество, приписывающимъ его Кириллу и Меѳодію, восклицаетъ, подъ конецъ: «Теперь недостаетъ только прямаго указанія, въ какомъ именно году Кириллъ и Меѳодій начали дѣйствовать на своемъ поприщѣ. Несторъ ничего здѣсь не опредѣляетъ, кромѣ того, что Моравскіе Князья отправили посольство къ Императору Михаилу (см. Шлецера), по чему и должно ограничиться временемъ отъ 857 года (съ котораго Феодора уже не участвовала въ правленіи) до 867, когда Михаилъ былъ убитъ. Но въ которомъ именно году Кириллъ и Меѳодій приступили къ своему дѣлу? Монахъ Храбръ увѣряетъ, что изобрѣтеніе азбуки послѣдовало въ 855 (855). На чемъ основано это сказаніе—неизвѣстно (см. Калайдовича выше). *Добнеръ*, посредствомъ *вѣрнаго соображенія*, прежде всѣхъ проложилъ путь къ разрѣшенію етого вопроса: онъ обращаетъ вниманіе на Легенду Блаубейернскаго монастыря», и проч., и перечисляетъ мнимыя соображенія Добнера со словъ Шлецера, на котораго во всемъ етомъ и ссылается, и послѣ того заключаетъ: «слѣдовательно, прибытіе Кирилла и Меѳодія въ Моравію должно полагать около 863 года. *Вычисленіе Добнера имѣетъ все признаки истины*; оно совершен-

но согласно съ жизнеописаніемъ етѣхъ святыхъ въ Четьи-Миней (см. мнѣніе Евгенія выше), не противорѣчитъ также сказаніямъ Нестора и догадкѣ Шлецера (см. тоже Калайдовича), который полагаетъ, что они отправились не задолго до смерти Императора Михаила, и, наконецъ, принято всѣми лучшими знатоками Славянской древности», и тутъ же, въ выноскѣ (63-й), указаніе на Карамзина и Евгенія, стало быть, далеко не всѣми (142). Такъ-то не рѣдко ошибка одного ученаго съ вѣсомъ расплывается, въ теченіи времени, отъ нашей довѣрчивости въ его безошибочность и совѣстливость въ передачѣ чужихъ мнѣній, и такъ-то многіе изъ колѣна въ колѣно передаютъ ложныя показанія и ссылки другихъ, не имѣя возможности, или же лѣнясь, провѣрить ихъ по самымъ источникамъ. Что у Шлецера, по недоразумѣнію, сказано о Добнерѣ вмѣсто Паджи, и принадлежащее послѣднему отнесено къ первому, то, въ продолженіе 30 лѣтъ (за исключеніемъ одного Добровскаго, который, говоря объ этомъ, всюду приводитъ имена обоихъ, Паджи и Добнера, на прим., въ объясненіяхъ «Mährische Legende» (S. 93): «Da sie nun im Jahre 867 nach Rom gingen, so schloss schon Pagi und Dobner, dass die slawischen Lehrer im Jahre 863 nach Mähren gekommen wären», а ниже (S. 94) только объ одномъ Паджи: «Nach Pagi, der die Taufe des Königs Bogoris in das Jahr 861 setzt, zogen beide Brüder aus der Bulgarey 863 nach Mähren, wo sie volle fünfthhalb Jahre bleiben konnten»), пока дошло до сочинителя о первоначальномъ переводѣ Св. Писанія на Славянскій языкъ (съ 1805 года, когда явилась 3-я часть Шлецера Нестора, до 1835, когда написано упомянутое изслѣдованіе), обратилось уже въ нѣкотораго рода непреложную истину, по которой Добнеръ и «прежде всѣхъ-то проложилъ путь къ разрѣшенію етого вопроса посредствомъ вѣрнаго соображенія, и вычисленіе-то Добнера имѣетъ всѣ признаки истины», и проч., и проч., и проч., небывалое, то есть, въ головѣ добросовѣстнаго въ етомъ случаѣ священника св. Екатерины (P. Gelasius Dobner a S. Catharina instituti scholarum prius sacerdos). Къ большому изумленію моему, и сочинитель «Исторіи Христіанства въ Россіи до равноапостольнаго Князя Владиміра» введенъ былъ въ заблуж-

деніе словами Новицкаго, что доказывается ссылкой его на однихъ и тѣхъ же писателей, какъ принимающихъ это мнѣніе (143): «Такое вычисленіе первый сдѣлалъ Добнеръ (см. Несторъ, слич. Шлецеромъ, ч. II, стр. 448). Подобно ему, етогъ же 863 годъ признаютъ временемъ прибытія Солунскихъ братьевъ въ Моравію и другіе знаменитые ученые (Ист. Гос. Росс. Карамзина ч. I, прим. 261.—Словарь историческ. о духовн. писат. въ Россіи, М. Евгенія, ч. II, стр. 57, 1827 г.)» (144).

Въ то время, когда мнѣніе Паджи, приобрѣтая больше и больше приверженцевъ, стояло въ зенитѣ своемъ и, казалось, все обѣщало ему долголѣтіе, оно уже заносило ногу на первую ступеньку лѣстницы, ведущей съ вершины подъ гору. Первое сѣмя къ тому посѣяно было самымъ Калайдовичемъ, отыскавшимъ новый и, относительно письма, до сихъ поръ старѣйшій списокъ Храброва Сказанія о письменехъ, которое вызвало у него одно только простосердечное признаніе въ томъ, что онъ не знаетъ причинъ, на коихъ основано это сказаніе о совершенно иномъ годѣ изобрѣтенія Славянской азбуки. Въ сущности, извѣстіе это было не новость. Уже въ послѣдней четверти XVI-го столѣтія оно (сказаніе) было напечатано, и по томъ нѣсколько разъ и при разныхъ случаяхъ появлялось въ печати (какъ это показано мною въ одномъ изъ примѣчаній), о рукописной же извѣстности его нечего и говорить; едва ли есть сколько ни будь замѣчательное собраніе рукописей, въ которомъ бы не нашлось нѣсколькихъ списковъ его, хотя, должно признаться, древнѣе сдѣланнаго Лаврентіемъ тахомъ доселѣ не отыскано. Подобно Калайдовичу, и Карамзинъ не обратилъ на показаніе Храбра никакого вниманія: такъ сильно было вліяніе мнимо Добнеровскаго вычисленія, и, прибавлю, такъ велико въ ту пору отсутствіе у насъ перваго самостоятельнаго шага при всякомъ открытіи, стоявшемъ въ явномъ противорѣчіи съ прежнимъ порядкомъ вещей. Исторіографъ удовольствовался только слѣдующимъ извѣстіемъ, въ 260-мъ примѣчаніи къ 1-й части своей И. Г. Р.: «Одинъ Лѣтописецъ Россійскій среднихъ временъ, повторяя Несторово извѣстіе о буквахъ Кирилловыхъ, прибавляетъ: «прежде ꙗко Словени не имашу писемъ, но въчертывани и шарканани уставу и гадану» (см. въ

Синод. библиотекъ рукописн. книгу *О древностяхъ Россійск. Государства*, подъ № 529, Т. I, кн. 2). «Тоже извѣстіе найдено Г. Калайдовичемъ въ сочиненіи монаха *Храбра* о писменахъ, гдѣ сказано: «Прежде убо Словени не имашу книгъ, но урѣтми и рѣзми урѣтху и гатаху, во глави стѣ». Сіе сочиненіе внесено въ книгу (въ Синод. библиотекъ подъ № 85), писаную въ 1348 году для Болгарскаго Царя Александра Иеромонахомъ Лаврентіемъ Тахомъ. Александръ извѣстенъ намъ по Исторіи: онъ умеръ въ 1350 году». Изъ етѣхъ словъ ясно, что писавшій ихъ не читалъ Сказанія о письменехъ нигдѣ: ни у Бурцова, ни у Новикова, рѣшительно нигдѣ, даже и послѣ открытія списка Лаврентія, которому, въ видѣ фамиліи или прозвища, придавъ слово тахъ, написавъ первую букву его прописью. Ето подтверждается и словами его, въ слѣдующемъ примѣчаніи (261), сказанными объ Іоаннѣ Ексархѣ Болгарскомъ: «Я обязанъ Г. Калайдовичу слѣдующимъ любопытнымъ извѣстіемъ», и проч.: стало, самъ исторіографъ сочиненія Іоанна, ексарха Болгарскаго, не читалъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и списка Храброва сказанія о письменехъ, сдѣланнаго Лаврентіемъ тахомъ. Ето и понятно, по тому что 2-е изданіе своего неопытнаго творенія Карамзинъ началъ въ 1818, а сочиненіе Калайдовича показалось только въ 1824 г., когда тотъ отпечаталъ уже XI-ть томовъ (XII-й вышелъ въ 1829) и, больной, помышлялъ о переселеніи подъ другое небо.

Первый, выступившій съ мнѣніемъ, противоположнымъ господствовавшему дотолѣ, былъ знаменитый *Добровскій*, который еще въ 1818 г., въ своей «Исторіи Чешскаго языка и древней словесности» (145), утверждалъ, что «письменное искусство было вовсе неизвѣстно Славянамъ до счастливаго изобрѣтенія Славянской азбуки философомъ Константиномъ или Кирилломъ» (стр. 38), и что, по тому, нельзя и думать о первомъ до принятія Христіанства, т. е., до 845 года, а о второй до Кирилла, т. е., до 860 (стр. 45). Въ «Грамматикѣ языка Славянскаго по древнему нарѣчію, на коемъ Русскіе, Сербы и другіе Славяне Греческаго исповѣданія имѣютъ церковныя книги» (146), только нѣсколько видоизмѣнилъ его, говоря, что Мессодій, вызванный въ Моравію и Паннонію

около 863 года, по изобрѣтеніи Славянской грамоты, какъ говоритъ неизвѣстный объ обращеніи Хорутанцевъ, начавъ отправлять богослуженіе на языкѣ Славянскомъ, охладилъ народъ въ привязанности къ литургіи, Евангелію и церковному обряду на Латинскомъ языкѣ» (§. 2). Но спустя годъ онъ уже совсѣмъ не то заговорилъ. Видно, что мнѣніе это не вдругъ сложилось у него, по тому онъ всякой разъ, какъ приходилось ему вести рѣчь о годѣ изобрѣтенія Кириллицы, отдѣлялся отъ него либо молчаніемъ, либо же допускалъ время, довольно близко подходившее къ господствовавшему въ ту пору мнѣнію. Съ новымъ предположеніемъ онъ выступилъ въ первый разъ въ сочиненіи своемъ «Кириллъ и Меѳодій, апостолы Славянъ», какъ замѣчено было уже, помѣщенномъ въ VIII-й части «Изслѣдованій Чешскаго ученаго Общества за 1822 и 1823 годы, а изданнаго 1824, отдѣльно 1823 (147). Сдѣсь, приводя и разсматривая позднѣйшихъ писателей объ изобрѣтеніи Славянскаго письма и переводѣ книгъ съ Греческаго Константиномъ, Добровскій упоминаетъ и о Храбровомъ извѣстїи, не называя, однако, имени самаго сочинителя: «Свазднѣ, како состави Св. Кирилъ Философъ азбукѣ по азукѣ Словенскѣ и книги преведе отъ Грецескихъ на Славенскій азукъ,» которое попадаетъ не только въ рукописяхъ, но и напечатано въ двухъ старинныхъ букваряхъ». За тѣмъ приводитъ изъ сего сказанія то мѣсто, въ коемъ говорится о времени составленія письменъ: «Аще бо въпросиши книгѣуи», и проч., до конца, и, въ видѣ заключенія, дѣлаетъ таковъ выводъ: «ето будетъ 855 годъ, что согласно и съ истиною, хотя прочія числа не совсѣмъ вѣрно показаны». Эта невѣрность прочихъ чиселъ въ Рускомъ переводѣ кажется странною, по тому что, въ приведенной выпискѣ изъ Сказанія, мы ихъ не видимъ; но дѣло въ томъ, что переводчикъ приводитъ ее по списку, отысканному Калайдовичемъ и напечатанному годомъ позже выпуска въ свѣтъ сочиненія Добровскаго, въ которомъ числѣ стѣхъ нѣтъ, между тѣмъ какъ послѣдній выписываетъ по списку, напечатанному въ одномъ изъ старинныхъ букварей, въ коихъ мѣсто, содержащее опредѣленіе времени изобрѣтенія письменъ, такъ читается: «и аще въпросиши, въ кое время, то вѣдати и рекотъ, яко по сед-

момъ Собора, въ мѣ. лѣто, во время Михаила црѣ Греческаго и матери его Феодоры, иже пражкозроу ю кароу оутвердиста», и т. д., согласно въ существенномъ съ прочими. Такимъ образомъ, неосмотрительность переводчика поставила знаменитаго ученаго передъ Рускими читателями въ противорѣчїе съ самимъ собою: услужливость, за которую, конечно, никто не чувствуетъ обязаннымъ себя благодарностью сдѣлавшему ее. Но безъ этой неволькой услуги, слѣдующія за тѣмъ слова Добровскаго, кажущіяся при ней безсмысленными, имѣютъ свой смыслъ и свое значеніе: «такъ 44 годъ послѣ седьмаго Собора соотвѣтствуетъ 831, а не 855 году, а Коцель вступилъ на престолъ по смерти отца своего, Привины, позднѣе 855 года». Три года спустя (1826), въ изслѣдованіи своемъ о «Моравскомъ Житїи (Легендѣ) Кирилла и Меѳодія», изданномъ имъ, какъ замѣчено уже, по древнѣйшимъ рукописямъ и сличенномъ съ другими сказанїями (напечатанномъ тамъ же и такъ же, какъ и изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодїи), Добровскій, въ «Лѣтописномъ обзорѣнїи» къ этому сказанїю, вторично приурочиваетъ изобрѣтеніе азбуки къ упомянутому году: «855 Konstantin, der Philosoph, sonst Cyrill, vermehrt das griechische Alphabet mit einigen Zügen und richtet es für die slawonische Sprache ein, wahrscheinlich zu Konstantinopel, und fängt an die Evangelien, den Psalter, aus dem Griechischen in Slawonische zu übersetzen» (S. 53). Далѣе, говоря подъ 862 — 863 о посольствѣ Ростислава въ Царьградъ за наставникомъ или учителемъ Вѣры, тоже упоминаетъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ, вызвавшемъ отчасти самое посольство: «862 — 863 verlangt Rastislaw vom Kaiser Michael einen tauglichen Lehrer, der die Mähren im Lesen unterrichten könnte», и прибавляетъ: «вѣроятно, Растиславъ слышалъ объ изобрѣтенїи Константиномъ Славянской азбуки и его переводахъ; въ слѣдствїе требованія его Константинъ и, братъ его, Меѳодїй, были отправлены въ Моравію: «Wahrscheinlich hörte Rastislaw von Konstantins Erfindung des slawonischen Alphabets und seinen Uibersetzen. Nach Mähren werden nun Konstantin und sein Bruder Method gesendet» (S. 54). Надобно замѣтить, что мысли Добровскаго о посольствѣ Ростислава и прибытїи Константина и Меѳодія къ нему давно уже установились и почти

ничего не потерпѣли во все время его жизни. Такъ еще въ изслѣдованіи своемъ о крещеніи Чешскаго князя, Боривоя, явившемся въ 1803-мъ году (и помѣщенномъ, какъ и названный выше, въ Трудахъ Чешскаго Ученаго Общества, и отдѣльно), въ Хронологической таблицѣ (S. 60) отнесъ онъ первое къ 862, а второе къ 863-му году: «Rastislaw, Swatopluk, Nezilo bitten den Kaiser Michael um einen Lehrer, der ihr Volk besser unterrichten könnte, als es die teutschen Priester bisher gethan haben.... um 862. — Cyrill und Method kommen nach (Pannonien und) Mähren 863».... (148). Не смотря на то, онъ, при всякомъ случаѣ, охотно распространялся объ этомъ посольствѣ и причинахъ его (предполагаемыхъ имъ), между которыми всегда отводилъ первое мѣсто изобрѣтенію письменъ, предложенію книгъ съ Греческаго на Славянскій и отпращиванію богослуженія на семь послѣднемъ. По крайности, разбирая извѣстія изданнаго имъ Моравскаго Сказанія, нѣсколько разъ рассуждаетъ о томъ, на примѣръ, на стр. 85—86: «Das Wahrscheinlichste ist, dass Konstantin *jetzt* (послѣ возвращенія отъ Козаръ въ Константинополь: «Philosophus reversus est Constantinopolim» etc.), wo nicht schon *vor der Mission zu den Chasaren, das slawonische Alphabet erfand*, den Anfang mit der Uibersetzung der Evangelien und des Psalters machte, die slawonische Liturgie an den Gränzen von Macedonien und der Bulgarey einfuhrte, von welcher Anstalt sich der Ruf unter den slawischen Völkern verbreitete, bis er endlich auch zu den Ohren des mährischen Fürsten Rastislaw drang». Ниже, стр. 92—93: «Sie (Konstantin und Method) brachten nicht nur die ins Slawonische übersetzten Evangelien dahin (nach Mähren) mit, sondern sie mussten auch schon mit dem Messbuche (Liturgiarion) und dem Stundenbuche (Horologion, Часословъ,) versehen seyn.... Wenn nun nach dem Zeugnisse des bulgarischen Mönches Chrabr in seiner Schrift von den slawonischen Buchstaben (о писменехъ) Konstantin der Philosoph das Alphabet im Jahre 855 (wo nicht vielleicht schon *vor der chasarischen Mission, doch gewiss einige Jahre vor der Reise nach Mähren*) erfunden und die ersten Uibersetzen unternommen, so geschah diess zum Behufe der Slawen, die zwischen Konstantinopel und Thessalonich wohnten und die Bulgaren berührten, von wo aus sich die slawo-

nische Liturgie und Literatur allmählich weiter, endlich bis an die Donau und über die Donau verbreitete. Daher ist der im Nestor Kapitel X. eingeschobene Bericht, nach welchem der Ursprung der slawonischen Literatur nach Mähren versetzt wird, ganz und gar nicht richtig. Und es ist allerdings zu billigen, dass die neue russische Legende (Житіе въ печатной Четьи-Миней, по его мнѣнію, новѣйшаго происхожденія, по тому что источники его были ему и многимъ другимъ до нашего времени неизвѣстны) hierin von diesem Berichte abweicht, und dafür annimmt, *Konstantin habe vor der Sendung nach Mähren das slawonische Alphabet zu Konstantinopel erfunden, und mit solchem die griechischen Bücher zu übersetzen angefangen*. Стало быть, Добровскій, судя по всѣмъ етѣмъ выпискамъ, хотя и пустилъ въ ходъ новое мнѣніе о времени изобрѣтенія Славянскихъ письменъ, оперши его на Сказаніи Храбра, однако жъ, утверждалъ оное не безусловно, по тому что не разъ ослаблялъ такое предположеніе другимъ соображеніемъ, по коему ето могло случиться либо передъ отбытіемъ Константина въ Козары, либо послѣ возвращенія его оттуда, и при томъ за нѣсколько лѣтъ до отъѣзда въ Моравію. А посольство къ Козарамъ онъ допускалъ, основываясь на словахъ Ассемани (II, pag. 371), въ то время, когда Петронъ, возвратясь отъ Козаръ, къ коимъ посланъ былъ, по прошенію ихъ кагана, Греческимъ императоромъ, для построенія столицы, Саркела, присовѣтовалъ отправить въ Херсонъ отдѣльнаго начальника, что и было возложено на него самого, 840 года. Съ нимъ, будто, Константинъ посланъ былъ для проповѣди Евангелія. Такое мнѣніе Ассемани и Добровскій легко могли допустить, не зная настоящее года рожденія Константина, который сдѣлался намъ извѣстнымъ только изъ показанія Паннонскаго Житія его, гдѣ читаемъ, что онъ на 7-мъ году началъ учиться грамотѣ, на 14-мъ осиротѣлъ по смерти отца, а на 24-мъ отправленъ былъ для состязанія съ Сарацинами о Вѣрѣ къ князю ихъ, Амерману: все ето говоритъ, что онъ родился въ 827 году, слѣдовательно, долженъ былъ бы по 13-мъ г. проповѣдывать Козарамъ (840), а Сарацинамъ въ 851, и при томъ послѣ Козаровъ, что явно противорѣчитъ какъ упомянутому Житію его, такъ и прочимъ свѣдѣніямъ о немъ. Если бы Добров-

скій не увлекался предубѣжденіемъ противу Житія Кирилла и Меодія въ нашей печатной Четы-Миней, сравнивая послѣднюю въ достоинствѣ съ Acta SS. Католиковъ, кажется, больше вопреки Шлѣцеру, чрезвычайно, какъ извѣстно, цѣнившему ее и поставившему далеко выше послѣднихъ, то бы легко могъ избѣгнуть такой лѣточислительной несообразности, по тому что въ этомъ Житіи сказано также и о началѣ ученія его по 7-мъ году отъ рожденія. Зная же это, равно какъ и годъ кончины Кирилла, который Добровскій довольно близко означалъ (868), легко уже было найти и самый годъ его рожденія, стало, и годъ путешествія въ Козары и т. п. (149). По тому, изобрѣтеніе грамоты Славянской слѣдовало бы отнести, по крайней мѣрѣ, къ 12-му году жизни Константина (839), что, очевидно, нелѣпо. Второе же предположеніе, т. е., что она изобрѣтена имъ за нѣсколько лѣтъ до отъѣзда въ Моравію, слишкомъ неопредѣленно; по всей вѣроятности, онъ тутъ разумѣлъ 855-й годъ; иначе, не стала бы указывать на него по Сказанію Храбра о писменехъ. Сличая приведенное имъ мѣсто изъ этого сказанія въ сочиненіи «Кирилль и Меодій» съ помѣщеннымъ въ Азбукѣ, изд. въ Вильнѣ 1621 и у Бурцова въ Москвѣ 1637, равно какъ у Новикова и Калайдовича, открываемъ, что мѣсто это выписано Добровскимъ изъ Букваря «Начало ученія дѣтемъ», который, по его словамъ, далеко древнѣе названныхъ, по тому что напечатанъ, будто, въ Вильнѣ 1575—1580, и уцѣлѣлъ только въ одномъ экземплярѣ, принадлежащемъ маюратской библиотекѣ графовъ Ностицевъ въ Прагѣ, а не изъ Древней Россійской Вивліюенки, изд. Новиковымъ (М. 1791, изд. 2-е), части XVI-й, или разныхъ рукописей, какъ полагали то нѣкоторые (150). Сдѣсь сочиненіе это означено: «Сказаніе, какъ состави Св. Кирилль Философъ азбуку». Но и изданіе найденнаго Калайдовичемъ списка Храброва Сказанія было ему извѣстно, какъ это видно изъ его отзыва о томъ въ «Mährische Legende von Cyrill und Method» (стр. 75—76), хотя онъ и не употребилъ его нигдѣ въ дѣло.

Шаткость мнѣнія Добровскаго касательно года изобрѣтенія Славянскихъ письменъ, основаннаго на Сказаніи черно-

рица Храбра, по видимому, устранена была стастливо и навсегда *Шафарикомъ*, который, принимая доводы его, подкрѣпилъ ихъ еще новыми соображеніями. Разбирая жизнь и дѣйствія нашихъ апостоловъ, Шафарикъ, естественно, долженъ былъ обратить особенное вниманіе и на нашъ вопросъ. Нѣсколько разъ рассуждаетъ онъ о времени изобрѣтенія Славянскихъ письменъ: именно, прежде всего, по поводу рѣчи о крещеніи Болгарскаго государя, Бориса: «Славяне Греціи задолго уже до Кирилла и Меодія были крещены и употребляли Греческое письмо, точно такъ, какъ Славяне Хорватскіе, Хорутанскіе и Чешскіе Латинское, обращенные тоже въ Христіанство еще до Меодіева апостольства. Сюда принадлежитъ и то, также, что Константинъ, по самому достовѣрному свѣдѣтельству Храбра и Сербскихъ лѣтописей, составилъ Славянскую азбуку еще въ 855 году, и началъ переводъ чтеній изъ Евангелія и Посланій, между тѣмъ какъ обращеніе Булгаръ случилось только въ 861-мъ г. Отсюда слѣдуетъ, что упомянутый благовѣстникъ, при началѣ своего дѣла, имѣлъ въ виду не Булгаръ, но Славянъ въ Греціи, все еще и тогда не совсѣмъ утвердившихся было въ Вѣрѣ и, можетъ быть, коегдѣ придерживавшихся язычества» (151). Далѣе, въ Отд. IX-мъ «О Мораванахъ и Словакахъ (§. 41, ч. 6): «Зная хорошо, съ какой пользою употребляли свой родной языкъ въ дѣлахъ, относящихся къ Вѣроисповѣданію, Армяне, Ибры, Сирияне, Копты и другіе Восточные народы, отличавшіеся языкомъ отъ Грековъ и имѣвшіе свои храмы даже въ самомъ Царьградѣ, не говоря уже ничего о древнихъ Бессахъ и Готахъ на Западѣ, Константинъ рѣшился сдѣлать участниками етого благодѣянія и самыхъ Славянъ. Съ етой цѣлью составилъ онъ, 855 года, Славянскую азбуку, совершеннѣйшую въ своемъ родѣ, въ основаніе коей положилъ Греческое письмо, прибавивъ къ нему нѣсколько новыхъ, отчасти изъ упомянутыхъ языковъ, буквъ, и по томъ приступилъ, безъ отлагательства, къ переводу чтеній св. Евангелія, Посланій, Псалтыря и нѣкоторыхъ другихъ книгъ, необходимѣйшихъ при богослуженіи. Не только Греческіе и Булгарскіе Славяне приняли съ радостію предложенный имъ даръ, но также и самые Уральскіе Булгары, въ то время нѣсколько уже осла-

вявившіеся въ Мизіи, смягчены были силою слова Божія, и Меѳодій лично крестилъ Булгарскаго князя, Бориса, въ 861 году. Такимъ образомъ, Славянское богослуженіе начало распространяться 855 — 862, прежде всего, между Греческими, а послѣ и Булгарскими, Славянами, граничившими на Дунаѣ у Пешта, подъ Матрой и Ягромъ и далѣе у рѣки Торисы, непосредственно съ Моравской державой знаменитаго Ростислава. Около 863 г. (а въ примѣч. 111, въ Отд. о Славянахъ Булгарскихъ, допускаетъ и 862 годъ) (152) князь Ростиславъ, вѣроятно, зная уже о переводѣ Богослужебныхъ книгъ для Греческихъ и Булгарскихъ Славянъ, просилъ императора Михаила прислать ему Славянскихъ учителей. Етогъ тотчасъ отправилъ къ нему въ верхнюю Моравію, Константина и Меѳодія съ ихъ помощниками». Напоследокъ: «Представивъ, въ возможной краткости, сколько то было нужно для предлагаемой цѣли нашей, очеркъ апостольскимъ трудамъ Константина и Меѳодія, остается теперь еще привести главные доводы,» — говоритъ Шафарикъ нѣсколько ниже, — «по чему мы, вмѣстѣ съ Добровскимъ, Востоковымъ и другими (153), полагаемъ начало Славянской литургіи въ Булгаріи, а продолженіе ея въ Моравіи. И такъ, древніе отечественные, а съ ними и иностранные, писатели единогласно (!) приписываютъ изобрѣтеніе Славянской азбуки старшему брату, Константину или Кириллу, относя составленіе ея къ 855 году. Булгарскій черноризецъ, Храбръ, свѣдѣтель, очень хорошо знакомый съ своимъ предметомъ и, по всему вѣроятію, принадлежащій къ X-му, или, по крайней мѣрѣ, XI-му столѣтію, такъ выражается объ етомъ (слѣдуетъ выписка изъ вѣстнаго мѣста изъ него о времени изобрѣтенія письменъ, по списку Лаврентія таха). Съ етѣмъ согласны также краткія Булгарскія и Сербскія лѣтописи и временники, единогласно (!) приписывающіе изобрѣтеніе азбуки и первый переводъ книгъ Константину. Такъ, въ одномъ, конца XV-го столѣт., читаемъ: «Лѣта 855 написана соуть илми писмена Кирилломъ Философомъ, оучителемъ азыкоу Булгарскомоу, при царѣ Михаилѣ и матери его Феодорѣ». Въ другомъ Временникѣ половины XV-го стол., написано: «Лѣта 855 Константинъ Философъ, глаголемши Кирилъ, оустрои азыкоу Славенскомоу азы-

ческих и Българскихъ, что, по его словамъ, не только само собой въ природѣ вещей, но и подтверждается достовѣрнымъ показаніемъ цѣлой древности. «Невѣроятно, чтобы оба брата спѣшили съ переводомъ Св. книгъ въ далекія чужія земли, не подѣлившись прежде съ туземными Славянами, своими родичами, нуждавшимися въ этомъ и все еще, по недостатку въ книгахъ и ученіи, возвращавшимися въ язычество. Къ этому они имѣли и время и случай, по тому что до того еще путешествовали у Българскихъ Славянъ, а Меѳодій лично крестилъ князя ихъ, Борнса, 861 года. Апостольство же ихъ въ Българіи засвѣдѣтельствовано продолжателемъ Константина Багрянороднаго, Скилицей, Кедриномъ, жизнеописателемъ свят. Климента, Дуклянцемъ, черноризцемъ Градиштскимъ, Моравскимъ Сказаніемъ и Сказаніемъ о св. Людмилѣ (выписка изъ Житія Климента о составленіи азбуки). Сличая съ етѣми древними и разительными показаніями показаніе Нестора, полагающаго составленіе азбуки въ Моравіи и отправляющаго Константина, на оборотъ, изъ Моравіи въ Българію, видимъ, что онъ, какъ далекій житель, ошибся. Славянская литургія распространялась не изъ Моравіи въ Българію, но изъ Българіи въ Моравію, своимъ естественнымъ путемъ». А что языкъ перевода Свящ. книгъ Константиномъ и Меѳодіемъ есть Българскій, то это засвѣдѣтельствовано какъ жизнеописателемъ св. Климента и Градиштскимъ монахомъ, такъ равно и самымъ свойствомъ языка древнѣйшихъ Кирилловскихъ рукописей, который, очевидно Древнебългарскій (исчисляются нѣкоторыя изъ етѣхъ свойствъ). Наконецъ: «Причина къ призванію, или побужденію къ отбытію въ Моравію, Константина и Меѳодія должна быть не иная, какъ только принесеніе письменъ и Богослужебныхъ книгъ, большею частью уже готовыхъ. Жители етой страны, до того принявшіе Христіанство, не понимали ничего изъ Богослуженія, совершавшагося у нихъ Баварскими священниками на Латинскомъ языкѣ, а по тому князь ихъ, слыша объ успѣхѣ Славянскихъ письменъ и Богослуженія въ сосѣдней Българіи, пригласилъ къ себѣ етѣхъ святыхъ мужей, твердо вѣря, что они несравненно больше сообщать ему и его народу, нежели сколько можно было ожидать того отъ Баварцевъ. Не будь етой увѣренно-

сти, не было бы и причины къ призванію ихъ. Разумѣется, къ етому примѣшивались еще и другія второстепенныя причины: стремленіе къ тѣснѣйшему соединенію съ Византійскимъ императоромъ противъ Нѣмцевъ, главныхъ своихъ неприятелей, и прочее, тому подобное. Да и Константинъ и Меѳодій не посмѣли бы вступить въ землю, наполненную уже Нѣмецкими духовными, если бы не имѣли въ готовности большихъ даровъ и благодѣяній, чѣмъ етѣ соперники и противники ихъ. Это въ природѣ вещей и не противорѣчитъ вѣроятности, да и подтверждается показаніемъ древнѣйшихъ свидѣтелей, въ особенности Итальянскимъ Сказаніемъ, прямо увѣряющимъ, что Константинъ принесъ въ Моравію уже готовый переводъ Евангелія. Вступивъ въ нее, по приглашенію ли, или же сами по себѣ пришли изъ Булгаріи къ сосѣднимъ Славянамъ, уже расположеннымъ къ принятію ихъ, Константинъ и Меѳодій прожили тамъ безвыѣздно съ 863 по 870-й годъ, въ коемъ послѣдній, въ годину грозныхъ усобицъ, удалился въ Паннонію къ Блатенскому князю, Коцелу, гдѣ и ввелъ тоже Славянское Богослуженіе, а послѣ прекращенія бури снова возвратился въ Моравію и скончался въ ней 885 года. Множество писателей, являющихся въ Булгаріи тотчасъ по смерти Константина и Меѳодія, частью даже до разрушенія Моравскаго Государства Уграми и вскорѣ послѣ того, особенно въ X и XI-мъ стол., показываютъ, что начало Славянской письменности въ ней значительно предшествовало позднѣйшему опустошенію Моравіи и Панноніи, а по тому невѣроятно, чтобы эта письменность въ Булгаріи такъ рано и такъ далеко распространилась, если бы Константинъ и Меѳодій не ввели ее въ оную еще въ 855—863, т. е., до своего отбытія въ Верхнюю Моравію. Даже можно полагать, что она и сдѣсь, какъ въ Моравіи, безъ этого начала скоро бы, при тогдашнихъ церковныхъ замѣшательствахъ, заглохла и, вѣроятно, совершенно исчезла» (155).

По всему, казалось, что и етому мнѣнію суждена была блистательная будущность, даже въ большей степени, чѣмъ предшествовавшему. И точно, чего не доставало ему для того? Знаменитость именъ основателя и утвердителя его, пользовав-

шихся известностью и доверіемъ, вполне заслуженными, между соплеменниками и иноплеменниками въ такой мѣрѣ, въ какой никто до нихъ не могъ похвалиться тѣмъ; новость и свѣжесть самаго мнѣнія, его вѣроятность, не только не уменьшавшаяся при ближайшемъ углубленіи въ него, наоборотъ, еще возраставшая и даже обращавшаяся въ убѣжденіе; а основаніе, на которомъ построено это мнѣніе, вполне оправдывало предположенія о древности написанія его новѣйшими открытіями. Словомъ, все пророчило ему завидную судьбу, множество послѣдователей, а, со временемъ, и всеобщее доверіе. И, однакоже, послѣдователей въ теченіе цѣлыхъ 30 лѣтъ съ той поры, какъ оно было высказано въ первый разъ (1823), или 15-ти, какъ утверждено, по видимому, неотразимыми доводами, нашлось, сколько мнѣ известно, только нѣсколько, безусловно принявшихъ его, но ничего не сдѣлавшихъ, съ своей стороны, въ пользу онаго. Изъ нихъ три Славянина, а одинъ Нѣмецъ, хотя въ землѣ, наполненной Славянами. Еще за годъ (1836) до появленія четвертой тетради (листы 31—46, въ половинѣ марта) «Славянскихъ Древностей» (1837), Шафарика, *Палацкій*, историографъ Чешскихъ государственныхъ чиновъ, въ I-й части своей «Исторіи Чехіи», писанной на Нѣмецкомъ языкѣ («Geschichte von Böhmen»), повторилъ мнѣніе Добровскаго, но съ тѣми видоизмѣненіями, какія находимъ въ упомянутомъ сочиненіи Шафарика (156). Объясненіе этому—въ предисловіи послѣдняго къ своему творенію (157). Когда, семь лѣтъ по томъ, обращено было вниманіе на Памфлетъ Житія Кирилла и Меодія статьей о нихъ въ «Москвитянинѣ», переведенной и помѣщенной въ 1846 году, по Чешски, въ Журналѣ Чешскаго Музея (стр. 5—33), то, согласуясь съ етѣмъ новымъ источникомъ, историографъ Чешскій хотя многое перемѣнилъ въ своей «Исторіи народа Чешскаго» («Dějiny národu českého»), писанной на Чешскомъ языкѣ и явившейся въ 1848, противу сказаннаго имъ первоначально въ томъ же сочиненіи по Нѣмецки (158), однако, мѣсто о годѣ составленія Славянскихъ письменъ оставлено по прежнему, съ тою разницею, что высказано только по Чешски, и при томъ почти въ подстрочномъ переводѣ: «Wichtig aber und vor allem anziehend musste es dabei für die slawischen Christen werden, dass Cyrill für

ihre Sprache eine eigene Buchstabenschrift — daher Cyrillitza genannt — erfand 855, welche alle die mannigfaltigen Laute dieser Sprache, bis auf ihre feinsten Schattirungen herab, mit wunderbarer Präcision, Klarheit und Vollständigkeit bezeichnete; und dass er, nachdem zu seiner Zeit von den macedonischen Slawen gesprochenen Dialecte, sowohl die heilige Schrift als auch die Kirchenbücher in Slawische zu übersetzen anfang» (S. 120). «Pro Slowany ale ještě vážnější a zajímavější musela býti zásluha ta, že Cyrill, wynalezew r. 855 zvláštní litery, — po něm *cyrillici* zwané, jenž wšecky rozmanité zwuky jazyka slowanského až do těch nejjemnějších rozdílů podiwnau určitostí, jasností a auplností značily, písma swatá i knihy církewní do téhož jazyka, podlé nářečí tehdaz u macedonských Slowanůw užíwaného, překládati byl počal» (str. 138). Что до году посольства Ростиславова къ императору Михаилу, то оно отнесено имъ къ 862-му: «Také Rostislawa Morawského donesla se powěst o tom, co u jižných Slowanůw, u Bulharůw a Chazarůw se bylo stalo. I bud' že sama toliko potřeba zdárnějšího a důkladnějšího naučení, bud' že spolu i žádost ho pobádala, wstaupic do trwalého a důwérného s Byzantinci spolčení, wymaniti se i w této příčině od Němců: vždy jisté jest, že usilowal zjednati národu swému dobrodiní díla tak wýtečně apostolského. Wyprawiw poselstwí do Konstantinopole, 862, požadal císaře Michala o slowanské učitele; neb ačkoli národ jeho již byl přijal křest od kněží německých, však pro nedostatek u wyučowání ještě křest'anstwí bylo do mysli jeho se newštípilo. Císař Michal radost maje z poselstwí toho, wyprawil k Morawanům oba slawné bratří samy, potřebami na cestu hojně je opatřiw. Tímto způsobem dostawše se Cyrill a Methodius s učedlníky swými do Morawy, dowršili zde blahocinné dílo swé. Překlad slowanský písem swatých a potřebných knih církewních jimi tu dokonán, a w částém po všech krajích říše Morawské cestowání hlásáno slowo boží lidu w řeči jeho vlastní, и прочее. Изъ Рускихъ первый повторилъ мнѣніе Добровскаго и Шафарика о годѣ составления письменъ М. А. Максимовичъ, въ «Исторіи Руской Словесности», вышедшей въ Кіевѣ 1839, гдѣ такъ выразился о томъ: «Въ 855-мъ году Константинъ

составилъ Словенскую азбуку. Вскорѣ за тѣмъ онъ, вмѣстѣ съ Меодіемъ, началъ въ Царѣгородѣ перелагать Богослужебныя книги на Словенскій языкъ, и потомъ распространять на семь языкъ: ученіе и служеніе Христовой вѣры между Словенами Греческими и Болгарскими. Меодию принадлежитъ обращеніе въ Христіанство Болгарскаго Царя Бориса и его Бояръ, совершенное 861-го года, посредствомъ картины Страшнаго Суда. Около 863 года, въ слѣдствіе просьбы Моравскаго Князя Ростислава къ Царю Михаилу, Кирилль и Меодій перешли въ Верхнюю Моравію, съ Климентомъ и другими учениками своими, и распространяли тамъ Богослуженіе на языкъ Словенскомъ, и проч. Въ другомъ мѣстѣ, именно въ главѣ X-й, разсуждая «О писменности Словенской вообще, и древней Руской въ особенности», подъ статьей: «О писменахъ Кирилловскихъ», еще разъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Что изобрѣтателемъ оной (Словенской азбуки) былъ нашъ первоучитель Кирилль, это не подлежитъ сомнѣнію, по единогласному о томъ свидѣтельству многихъ древнихъ писателей (Іоан. Екз. Болгарскаго, Храбра, Нестора, Священника Дюклейскаго), и по самому названію азбуки *Кирилловскою* или *Кириллицею*. Временемъ ея составленія, — у Храбра, также у лѣтописцевъ Сербскихъ и Болгарскихъ, — положительно назначается 6363 годъ отъ сотворенія міра, т. е., 855 годъ отъ Р. Х.; слѣдственно 8-ю годами прежде, чѣмъ Словенскіе учителя отправлялись въ Моравію» (около 863 г.) (159). Черезъ 6-ть лѣтъ послѣ «Исторіи древней Руской Словесности», остановившейся на первой книгѣ (до поры Татарскаго погрома), появилась другая «Исторія Русской Словесности, преимущественно древней», въ видѣ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ стѣнахъ Московскаго Университета, профессоромъ ея въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи. Казалось, особенное счастье улыбнулось нашей старинной письменности, когда два профессора ея, на двухъ, совершенно противоположныхъ, концахъ Руси, занялись изложеніемъ судьбы оной; но, къ сожалѣнію, оба они остановились почти на одномъ и томъ же порогѣ. Какъ бы то ни было, только сочинитель послѣдней, представляя историческій очеркъ судьбы нашего слова и произведеній его, 3-ю бесѣду посвятилъ Церковно-

славянскому языку и отношенію его къ прочимъ родственнымъ нарѣчіямъ, преимущественно Рускому. Приступая къ задачѣ, своей онъ, прежде всего, предлагаетъ вопросъ: «Отъ рѣчи устной мы перейдемъ къ рѣчи письменной и спросимъ: когда нашъ народъ началъ писать и откуда онъ заимствовалъ первоначальную грамоту?» Переходя же къ рѣшенію, замѣчаетъ, что, «рѣшая этотъ вопросъ, мы не можемъ отдѣлать нашихъ предковъ отъ ихъ соплеменниковъ, потому что первоначальныя преданія у насъ сходятся», и, за тѣмъ, приводитъ разныя извѣстныя показанія о томъ, были ль у Словенъ письма въ язычествѣ; итогомъ было убѣжденіе, что «письма вразумительнаго мы не имѣемъ: оно начинается у насъ въ Христіанствѣ. Откуда же ведетъ начало грамота, нами теперь употребляемая? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы должны перенестись въ девятое столѣтіе, къ нашимъ соплеменникамъ, Словенамъ Болгарскимъ и Чешскимъ. Отъ нихъ мы приняли эту грамоту и черезъ тысячу лѣтъ ее сохранили». Тутъ слѣдуетъ перечисленіе ученыхъ, трудившихся надъ разработкой источниковъ (отечественныхъ и иностранныхъ) объ этомъ вопросѣ, и по томъ оговорка: «Не вдаваясь въ подробности изслѣдованій, которыя не входятъ въ мой предметъ, постараюсь предложить одни *полные выводы, какъ они представляются моею мысли*» (стр. 131). Изложивъ очеркомъ исторію Константина и Меѳодія (по статьѣ: «О Кириллѣ и Меѳодіи», помѣщенный въ Москвитянищѣ 1843 г., кн. 6-я) до возвращенія перваго изъ путешествія къ Козарамъ, замѣчаетъ: «Въ Царьградѣ соединился онъ опять съ своимъ братомъ, Меѳодіемъ — и тогда, оба вмѣстѣ, обратили они вниманіе на Словенскій народъ, простиравшійся по всей Греціи и Болгаріи. По большей части онъ былъ окрещенъ, но, по недостатку священныхъ книгъ на языкѣ народномъ, возвращался снова къ идолослуженію. Въ Болгаріи управляли имъ еще языческіе Государи. Между тѣмъ другіе народы около Византіи и далѣе: Армяне, Иверійцы, Сиріане и даже Готы на Западѣ, совершали богослуженіе на языкахъ отечественныхъ. Константинъ замыслилъ оказать то же благодѣяніе и Словенскому племени. Сорокъ дней постился онъ передъ совершеніемъ сего подвига. Должно было сочинить азбуку. Какъ

же онъ поступилъ? Двадцать четыре буквы Греческаго языка, благозвучнаго и художественнаго, были недостаточны для того, чтобы воспринять въ себя все разнообразіе, всю полноту звуковъ языка Словенскаго. Константинъ долженъ былъ прибѣгнуть для того къ алфавитамъ другихъ племенъ. Иные думаютъ, что онъ ограничился для этой цѣли письменами Греческими, Еврейскими и Латинскими, удовлетворяя предразсудку нѣкоторыхъ учителей Западной Церкви, хотѣвшихъ этими тремя языками ограничить Богослуженіе для всѣхъ народовъ. Но такой предразсудокъ не существовалъ въ Византіи, едва зачинался въ Римѣ — и не нужно было Константину прибѣгать къ такой хитрости. Скорѣе согласимся съ Добровскимъ, что мудрый изобрѣтатель Словенской азбуки, принявъ въ основу письма Греческія, за другими же недостававшими обратился къ письмамъ Восточнымъ: Еврейскимъ, Армянскимъ и Коптскимъ. Средства у него были. Византія, кромѣ духовныхъ сношеній, и политическія вела на письмѣ тѣхъ народовъ, съ которыми сносилась. Соборная Софійская Библіотека, конечно, могла предложить Константину грамоту всѣхъ племенъ, тогда писавшихъ. Сорокъ четыре буквы потребовалось для того, чтобы выразить всѣ оттѣнки Словенскаго языка. *Въ 855 году, эти звуки были начертаны: черезъ десять лѣтъ мы будемъ праздновать тысячелѣтіе нашей грамоты.* Чѣмъ болѣе ученые вникали въ нее и вникаютъ, тѣмъ болѣе изумлялись и изумляются премудрому ея составленію». Приводятся слова Шлѣцера, обращенныя имъ къ Константину и Меводию, какъ изобрѣтателямъ Славянскихъ письменъ (въ Несторѣ, гл. X), и по томъ слѣдуетъ отвѣтъ на вопросъ: «Что же первое предложено было съ Греческаго языка на Словенскій Константиномъ и Меводиёмъ? — «Искони бѣ Слово, и Слово бѣ отъ Бога, и Богъ бѣ Слово; се бѣ искони у Бога». — Вотъ первыя слова, написанныя на языкѣ почти нашемъ: — ими Церковь благовѣствуетъ въ праздникъ Воскресенія Спасителя, выражая основную мысль Христовой Вѣры; — это слова Апостола Любви, который возлежалъ на персяхъ у Христа и которому Спаситель, умирая на крестѣ, поручилъ Мать Свою. Старѣе этихъ словъ не имѣетъ наша грамота. Когда предложено было благовѣстіе отъ Іоанна,

Константинъ и Меѳодій показали Царю, Патріарху и всему Собору, и всѣ о томъ съ радостію прославили Бога. За тѣмъ переведены были: все Евангеліе, Апостолъ, Литургія, Псалмы и всѣ необходимыя Богослужебныя книги. Греческіе и Болгарскіе Словене съ восторгомъ приняли даръ Слова Божія на языкѣ народномъ отъ своихъ Первоучителей. Въ 861 году Меѳодій крестилъ Болгарскаго Царя, Бориса. Такимъ образомъ, отъ 855 до 862 года, Словенская литургія распространилась сначала у Словенъ Греческихъ, потомъ Болгарскихъ, которые по берегамъ Дуная, къ сѣверу, граничили съ другими своими соплеменниками. Между тѣмъ, Моравскіе Словене приняли крещеніе отъ Римской Церкви; но Римъ не имѣлъ преимуществъ Византіи, не заключалъ въ своихъ нѣдрахъ племенъ Словенскихъ и чуждался благой мысли: распространять и утверждать Божіе Слово черезъ народное. До Моравовъ доходятъ слухи о томъ, что братья ихъ соплеменники совершаютъ Богослуженіе на языкѣ вразумительномъ. Западный расколъ, хотя уже тогда готовился, но еще не совершился. Потому, Моравскій Князь Ростиславъ, въ 863 году, могъ обратиться къ Императору Михаилу и просить его, чтобы онъ прислалъ для его народа Словенскихъ учителей. Михаилъ отправилъ къ нему немедленно Константина и Меѳодія съ другими помощниками, и проч. (стр. 134—138). Теперь очередь выслушать Нѣмца. Г. *Vattenbach*, въ своихъ «*Beitraege zur Geschichte der christlichen Kirche in Maehren und Boehmen*», явившихся въ 1849 году (въ Вѣнѣ), составивъ, по случаю изданія найденнаго имъ одного посланія папы Стефана V-го къ Великоморавскому князю, Святополку (*Epistola Stephani Papae ad Zwentopolcum regem*), о коемъ сказано было мною выше, Жизнеописаніе Константина и Меѳодія, преимущественно по иностраннымъ источникамъ, и увѣряя, что оно въ цѣломъ очень сходится съ Паннонскими Житіями обоихъ братьевъ, сообщенными ему въ переводѣ по статьѣ «Москвитянина» В. В. Ганкой (S. 33—34), такъ выражается о нашемъ предметѣ: «Die slavische sprache kennen zu lernen hatte Konstantin sowohl in Thessalonich, wie in Konstantinopel vielfache gelegenheit; eine alte überlieferung setzt die erfindung der nach ihm genannten buchstaben in das jahr 855. Von geschichtli-

cher seite sehe ich keinen grund zu zweifeln , und dasz dem Konstantin der rubm dieser erfindung gebührt, ist durch das ausdrückliche zeugniz Johannis VIII in dem briefe an Methodius vollkommen sicher gestellt» (S. 7).

Больше не знаю, кто бы имѣлъ храбрость выступить съ Храбровымъ показаніемъ о годѣ составленія Славянскихъ письменъ. Новый, неожиданный, переворотъ произведенъ въ 1843-мъ году, когда напечатаны были выписки изъ Паннонскихъ Житій. Я уже замѣчалъ выше, что етѣ Житія вовсе не новость какая либо, что они хорошо были извѣстны нашимъ предкамъ, доказательствомъ чему ихъ списки, довольно не рѣдкіе, идущіе, сколько нынѣ извѣстно, съ самаго XII вѣка, которыми и пользовались составители нашихъ рукописныхъ и печатныхъ Четивъ-Миней, равно какъ и новѣйшіе писатели, ссылавшіеся на етѣ послѣднія (Шлёцеръ, Евгенийъ, Калайдовичъ, Новицкій, Максимовичъ и др.), или же на письменные списки (въ Ермаж-номъ Изборникѣ 1076 г., Мацѣевскій въ «Исторіи Первобыт-ной Христіанской церкви у Славянъ», ссылающійся на Житіе Кирилла и Меѳодія по рукописи бібліотеки Львовскаго монастыря св. Онуфрія, доставшейся изъ Сербской Хиландарскоѣ Лавры, подъ №-мъ 41-мъ, и составленной Рускимъ, судя по извѣстіямъ о власти Тверскихъ и Кіевскихъ князей и за Карпатами, слѣдовательно, это, по Шафарику, списокъ Львовскій 2-й позднѣйшаго вѣка) (160). Но то обстоятельство, что выписки изъ сихъ Житій представлены были человекомъ, который хорошо изучилъ ихъ и, слѣдовательно, по всѣмъ требованіямъ строгой критики, при томъ сопроводилъ нѣкоторыми основательными замѣчаніями, объясняющими многое темное и сомнительное въ нихъ, выписки по спискамъ, не подлежащимъ ни какому сомнѣнію и доступнымъ повѣркѣ cadaго, и, главное, какъ источникъ, а не второстепенное свѣдѣтельство, или же передѣлка, степень достовѣрности коей нельзя опредѣлить, это обстоятельство произвело нечаянный поворотъ въ исторіи вопроса о годѣ составленія Славянскихъ письменъ. Говорю, поворотъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, есть и переворотъ, потому что, въ сущности, съ этого времени замѣчаемъ въ новѣйшихъ изслѣдователяхъ обращеніе къ мнѣнію Паджи и Добнера, хотя на основаніяхъ, совершенно отличныхъ отъ

оснований, представленныхъ ими, и совершенно независимо отъ сихъ послѣднихъ. Самъ находчикъ или объявитель сихъ Житій ничего не сказалъ о годѣ появленія нашей азбуки, выразившись о томъ неопредѣленно, или вѣрнѣе, частью словами самыхъ Паннонскихъ Житій, частью же перифразомъ ихъ (стр. 417—419). Первый, воспользовавшійся выписками изъ хорошо извѣстныхъ когда-то, но въ новѣйшее время совершенно забытыхъ было, такъ называемыхъ, новооткрытыхъ Паннонскихъ Житій Кирилла и Меѳодія, былъ сочинитель весьма замѣчательной во многомъ «Исторіи Христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго Князя Владиміра», вышедшей черезъ три года по объявленіи оныхъ (выписокъ), то есть, 1846 года. Сдѣсь, приступая къ изложенію «Исторіи Христіанства собственно въ царствѣ Русскомъ», сочинитель, въ особомъ вступленіи къ ней, рассматриваетъ проповѣдь Славянскихъ апостоловъ въ Болгаріи и Моравіи, въ особенности же переводъ ими Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на Славянскій. Уже въ оговоркѣ своей, по чему онъ считалъ нужнымъ въ Исторіи Руской Церкви распространиться объ етомъ событіи, совершившемся собственно внѣ ея, намекаетъ на то, каковъ будетъ взглядъ его и на вопросъ о самомъ времени перевода и, необходимомъ условіи его, изобрѣтеніи особенныхъ для него письменъ. «Прежде всего скажемъ о переводѣ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ,—говоритъ онъ,—скажемъ по тому, что хотя переводъ сей совершенъ не у насъ, но онъ точно такъ же принадлежитъ и намъ, какъ прочимъ нашимъ братьямъ—Славянамъ, для которыхъ первоначально совершенъ; онъ принадлежитъ намъ нынѣ даже болѣе, нежели многимъ изъ нихъ, которые, будучи отторгнуты отъ Церкви Православной, давно уже лишены счастья слышать Богослуженіе на родномъ языкѣ; скажемъ прежде всего по тому, что переводъ сей совершенъ въ то именно время, когда въ новообразовавшееся царство Русское едва начинали проникать первые лучи святой вѣры, и, безспорно, явился лучшимъ преддуготовительнымъ средствомъ къ скорѣйшему распространенію ея въ нашемъ отечествѣ» (стр. 186). Всматриваясь же въ то великое событіе (переводъ Св. Писанія и Богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ), обратившее на себя въ наши

особенно дни справедливое вниманіе, авторъ замѣчаетъ, что «въ немъ достопримѣчательно для насъ все: и обстоятельства событія, и самое событіе, и его послѣдствія». Далѣе приступая къ обзорѣнню обстоятельствъ, «первый вопросъ и важнѣйшій есть вопросъ *о времени*»,—говоритъ онъ,—«когда положено начало сему славному переводу» (161). Разобравъ мнѣніе о томъ, «были ли у Славянъ еще съ первыхъ вѣковъ какой-либо переводъ хотя нѣкоторыхъ книгъ священныхъ», замѣчаетъ: «все, что можно придумать въ пользу такой мысли, очевидно, ведетъ только къ предположеніямъ, и притомъ очень шаткимъ, не представляя ни одного *прямо* доказательства. Между тѣмъ какъ съ другой стороны есть рѣшительныя доказательства, которые говорятъ, что переводъ Свящ. Писанія и богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ въ первый разъ совершенъ именно въ концѣ *девятой* вѣка св. Кирилломъ и Меодіемъ. До нынѣ уцѣлѣли, хотя въ позднѣйшихъ спискахъ, современныя жизнеописанія сихъ святыхъ братьевъ, составленныя ихъ учениками. И что же? Въ обоихъ жизнеописаніяхъ повѣствуется, что первыми изобрѣтателями Славянскихъ буквъ, первыми прелагателями священныхъ книгъ на Славянскую рѣчь, первыми учителями *Словенску языку* были св. Кирилгъ и Меодій» (стр. 193—194). За симъ приводятся мѣста изъ Паннонскихъ Житій о составленіи нашей азбуки, по томъ вычисляются прочіе показатели объ етомъ, изъ современниковъ: Папа Іоаннъ VIII-й и неизвѣстный сочинитель записки объ обращеніи Хорутанцевъ, а изъ прочихъ: Іоаннъ Ексархъ Болгарскій, жизнеописатель Климента, Епископа Болгарскаго, сочинитель Сказанія объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей Климента, Папы Римскаго, равно какъ и сочинитель Сказанія о Чешской Княгинѣ Людмилѣ, черноризецъ Храбръ, Несторъ, Дюклейскій священникъ, Проложное Житіе XIII-го в., Блаубейернская (Моравская) Легенда, и другія. Приведши свидѣтелей, сочинитель прибавляетъ, что «сомнѣваться въ достоверности о св. Кирилгѣ и Меодіи, какъ первыхъ прелагателяхъ Слова Божія и богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ, при такомъ множествѣ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, было бы, конечно, или легкомысліемъ, или намѣреннымъ упорствомъ» (стр. 198). Послѣ такихъ точныхъ замѣчаній о

принадлежности Кириллу и Меѳодію первоначальнаго перевода Св. Писанія и нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ на Славянскій языкъ, читаемъ слѣдующее, прямо относящееся къ изслѣдываемому нами вопросу: «Для насъ, въ частности, Русскихъ, во времени перевода св. Кирилломъ и Меѳодіемъ священныхъ книгъ на Славянскій языкъ, достопримѣчательно еще то, что оно, по началу своему, едва ли не въ точности, совпадаетъ *со временемъ основанія нашего отечества*. Въ одной Западной легендѣ (Блаубейернской) говорится, что св. Кириллъ и Меѳодій, прибывши въ Моравію, подвизались здѣсь *четыре съ половиною годѣ*, что подтверждаетъ и гораздо древнѣйшая Западная легенда о перенесеніи мощей св. Климента; потомъ, по требованію Папы Николая I-го, отправились въ Римъ, гдѣ не застали его уже живымъ, а встрѣчены были преемникомъ его, Адрианомъ II-мъ, который, какъ извѣстно, вступилъ на святительскій престолъ 14-го Декабря 867 года. Отсюда справедливо заключаютъ, что время прибытія Солунскихъ братьевъ въ Моравію надобно полагать въ первыхъ мѣсяцахъ 863 года. Но такъ какъ изъ *другихъ источниковъ* (древнѣйшаго рукописнаго житія св. Кирилла и нашей Чети-Миней) мы знаемъ, что св. Кириллъ съ Меѳодіемъ изобрѣли Славянскую азбуку, и начали переводить Евангеліе отъ Іоанна еще въ Царьградѣ, предъ отправленіемъ своимъ въ Моравію: то и должно относить *начало перевода священныхъ книгъ къ 862 году*, когда началось и Царство Русское. Слѣдовательно, *черезъ какіе ни будь семнадцать или шестнадцать лѣтъ Россія будетъ праздновать двойной тысящелѣтній юбилей и своею существованія и перевода Слова Божія на ея родное слово*. А въ примѣчаніи (388), слѣдующемъ къ этому, читаемъ: «Впрочемъ полагать съ *рѣшительностію* этотъ годъ началомъ перевода св. книгъ было бы не совсѣмъ основательно. Ибо, тогда какъ въ упомянутыхъ Западныхъ легендахъ время пребыванія св. Кирилла и Меѳодія въ Моравіи, до отправленія ихъ въ Римъ, распространяется на четыре съ половиною года, въ нѣкоторыхъ Славянскихъ сказаніяхъ оно болѣе или менѣе сокращается; наприм. въ печатной Чети-Миней ограничивается только четырьмя годами съ небольшимъ, въ древнемъ рукописномъ Житіи св. Кирилла—сорока мѣсяцами, а въ

такимъ же Житіи св. Меѳодія—только тремя годами. Въ послѣднемъ случаѣ время прибытія ихъ въ Моравію едва ли не справедливѣе отнести къ 864, а начало перевода къ 863. И, слѣдовательно, на основаніи всѣхъ разныхъ показаній, съ *достоверностью* можно сказать только, что это начало положено *около 862 года*» (стр. 199—200). Такимъ образомъ, расчетъ времени, сдѣланный тутъ, сдѣланъ вовсе не на показаніи одной какой-либо Легенды, наоборотъ, на показаніи какъ ея, такъ еще больше на совокупномъ соображеніи показаній, преимущественно писанныхъ на языкѣ отечественномъ, то есть, Четьи-Миней и Паннонскихъ Житій, изъ коихъ первая составляетъ въ этомъ случаѣ переходъ отъ Западныхъ къ Восточнымъ источникамъ (и употреблена была уже для того Евгениемъ, Новицкомъ и др.), а послѣднія — совершенную противоположность къ первымъ. Вычисленіе Паджи, касающееся, въ сущности, только прибытія Константина и Меѳодія въ Моравію, ихъ пребыванія въ ней и отсюда, обратной посылки, отправленія Ростиславова посольства по нимъ къ Греческому императору, подтверждается, въ основѣ своей, свѣдѣтельствомъ новыхъ источниковъ и, что особенно важно, къ нему прибавленъ выводъ и о составленіи писемъ, правда, первоначально уже внесенный митрополитомъ Евгениемъ, опиравшимся въ томъ на слова Четьи-Миней, источники коей, означенные вообще, были не совсѣмъ ясны для многихъ, но здѣсь, по уясненіи ихъ, выдвинуты на первое мѣсто.

Почти въ одно время съ «Исторіей Христіанства въ Россіи до Владиміра» явилось небольшое, но въ высокой степени важное, сочиненіе: «Кириллъ и Меѳодій, Славянскіе просвѣтители», принадлежащее тоже, какъ и предыдущее, лицу духовному, Преосвященнѣйшему Филарету, епископу Харьковскому (прежде Рижскому). Видно, что наши ученые пастыри съ любовью идутъ во слѣдъ незабвенному митрополиту Евгению, оказавшему столь памятные, столь безцѣнные, услуги нашей гражданской и церковной Исторіи. Оно было прислано въ Общество исторіи и древностей Россійскихъ и читано мною въ засѣданіи его ноября 30-го дня, 1846 года, и, вскорѣ за тѣмъ, напечатано въ декабрьской книжкѣ (IV-ой)

«Чтеній», бывшихъ въ то время подъ моимъ завѣдываніемъ, какъ секретаря Общества. Сочиненіе это, главнѣйш образомъ, распадается на двѣ части: на очеркъ жизни нашихъ просвѣтителей (стр. 1 — 15), и розысканіе о сочиненіяхъ и переводахъ ихъ (15 — 28; сюда же относится и «Дополненіе», помѣщенное въ V-й книжкѣ «Чтеній», стран. 29 — 30). Обѣ части сопровождаемы многими примѣчаніями, глубоко вводящими читателя въ сущность дѣла. Къ нашему вопросу принадлежатъ слѣдующія строки изъ первой части: «Едва возвратились Св. братья изъ этой (Хазарской) миссіи (относимою сочинителемъ къ 858 году), какъ въ концѣ 862 года Славяно-Паннонскіе Князья, Ростиславъ, Святополкъ и Котель, не имѣя истиннаго учителя своему народу (хотя Латинскіе священники и были у нихъ), а еще болѣе того чувствуя нужду слышать на родномъ языкѣ богослуженіе и ученіе о вѣрѣ, просили Императора Михаила и Патріарха Фотія прислать къ нимъ нужныхъ для нихъ учителей. Кого же и избрать было для сего, какъ не благочестивыхъ и образованныхъ урожденцевъ Солуны? Св. Кирилль, понимая и важность перевода Св. книгъ на народный языкъ, и трудность дѣла, съ благоговѣйнымъ приготовленіемъ сдѣлалъ первый опытъ перевода. Царь и Патріархъ радовались рѣшимости благочестивыхъ братьевъ на великій подвигъ и поспѣшили отправить ихъ. На семь пути Меѳодій успѣлъ произвестъ перемѣну въ Болгарскомъ Царѣ, Борисѣ, такъ что тотъ не только самъ принялъ крещеніе, но и рѣшился бороться съ языческимъ упорствомъ своего народа. Въ Моравіи Кирилль и Меѳодій съ усердіемъ Апостольскимъ совершили дѣло, для котораго были призваны,—обучали дѣтей, устраивали богослуженіе, то и другое на Славянскомъ языкѣ.... Четыре года съ половиною (съ 862 по 867 г.) Кирилль и Меѳодій исполняли Апостольское распоряженіе Восточнаго Патріарха во славу имени Христова» (стр. 3—6). Правда, что тутъ годъ составленія нашихъ писемъ прямо не указанъ, но, судя по приуроченью Ростиславова посольства къ 862 году и отнесенію перевода Св. книгъ на народный языкъ въ слѣдствіе этого посольства, ясно, что они, по мнѣнію сочинителя, явились въ это время. Вообще сочинитель считаетъ изобрѣтеніе азбуки Славянской такимъ из-

вѣстнымъ и безспорнымъ дѣломъ, что переходя къ слову о письменныхъ трудахъ Константина и Меѳодія, находятъ даже не нужнымъ распространяться о томъ: «Желая говорить за тѣмъ о письменныхъ трудахъ Славянскихъ просвѣтителей, не будемъ говорить о дѣлѣ извѣстномъ, объ изобрѣтеніи Св. Кирилломъ азбуки Славянской; замѣтимъ только, что трудъ сей, важный самъ по себѣ, получаетъ особенную важность въ связи его съ дѣломъ вѣры; въ семъ послѣднемъ видѣ своемъ онъ есть плодъ той Апостольской мудрости, какою отличались и отличаются распоряженія Церкви Восточной; это есть первый шагъ къ великому дѣлу проповѣдниковъ, но который уже доказываетъ, какого духа проповѣдники» (стр. 14 — 15).

Открытіе Паннонскихъ Житій, искусное извлеченіе изъ нихъ въ исторической послѣдовательности, сопровождаемое, какъ я уже не разъ замѣчалъ, весьма остроумными примѣчаніями, а также обработка извѣстій о жизни нашихъ апостоловъ лучшими знатоками и ревностными воздѣльвателями нашей Церковной исторіи на основаніи какъ етѣхъ извлеченій, такъ равно и непосредственномъ знакомствѣ съ самыми Житіями въ ихъ полномъ составѣ по нѣкоторымъ спискамъ, съ тѣхъ поръ обратившихъ на себя вниманіе владѣвшихъ ими, все это, вмѣстѣ взятое, не могло не произвести вліянія на образъ воззрѣнія, между прочимъ, и на разсматриваемый теперь вопросъ даже тѣхъ лицъ, которыя, казалось, сказали уже свое послѣднее слово о немъ, установившееся, наконецъ, однажды навсегда, послѣ долгихъ собственныхъ розысканій и самыхъ тщательныхъ соображеній. Я разумѣю здѣсь въ особенности знаменитаго *Шафарика*. Любя истину больше всего, онъ не колебался ни на мгновеніе отказаться отъ своего мнѣнія о годѣ составленія нашихъ письменъ, которое подкрѣпилъ было, какъ видѣли уже, 10 лѣтъ передъ тѣмъ, такими важными доказательствами, обѣщавшими, по видимому, совершенное преобладаніе мнѣнію его надъ всѣми прочими. Только такіе люди способны въ дѣлахъ, столько близкихъ къ нимъ, на такое высокое самоотверженіе, поднимать, такъ сказать, сами на себя руку, или, что одно и то же, на твореніе своихъ рукъ.

Впрочемъ , иначе и быть не могло съ Шафарикомъ: не въ первый уже разъ показалъ онъ намъ, пишущей и роющей-ся въ архивной пыли братія , такой прекрасный примѣръ. Мы помнимъ еще хорошо, какъ онъ въ своихъ «Славянскихъ Древностяхъ» откровенно сознался въ ошибочности своего взгляда на происхождение Сарматовъ, будто бы родственныхъ Сербамъ , какъ это доказывалъ прежде въ сочиненіи своемъ «Ueber d. Abkunft der Slawen» (Ofen 1828), между тѣмъ, въ 1837 году, пересмотрѣвъ еще разъ этотъ предметъ строго, нашелся вынужденнымъ отказаться отъ прежняго своего мнѣнія: «И сочинитель етѣхъ изслѣдованій (о Славянскихъ древностяхъ),— говоритъ онъ—(162), въ одномъ изъ прежнихъ своихъ сочиненій смѣшалъ было, по крайней мѣрѣ, по имени Мидскихъ Сарматовъ съ Виндскими Сербами и, слѣдовательно, хотя неумышленно, но все же содѣйствовалъ нѣсколько къ утверженію ложнаго мнѣнія о сродствѣ Сарматовъ и Сербовъ. А по тому, тѣмъ болѣе обязанъ онъ позаботиться сдѣсь о томъ, чтобы, сколько можно, исправить вредъ, нанесенный такимъ промахомъ , и вывести изъ заблужденія какъ себя, такъ и другихъ, слѣдуя въ этомъ извѣстному изреченію древняго поэта: «Una manus nobis vulnus oreque ferat» (Ovid.). Да, повторяю, высокій примѣръ для всей, вооруженной перьями, «киж-вомъ уади», не слишкомъ довѣрять себѣ и собственнымъ своимъ мнѣніямъ и предположеніямъ , по тому только, что они наши, кровь и сокъ нашъ. Развѣ не смѣшно думать, что мы, де, только непогрѣшимы, у насъ однихъ только и находится ключъ къ дверямъ, ведущимъ въ храмъ истины? Что насъ уполномочиваетъ на такія высомѣрныя мысли о себѣ, своемъ умѣ? Вѣдь не одни мы ищемъ правды, стало быть, нельзя же думать, чтобы всѣ прочіе соискатели, извѣстные и неизвѣстные намъ, принадлежали исключительно къ породѣ узколобыхъ? «Neminem decet consiliis adeo niti propriis»,— говаривали въ старину въ школахъ, — «ut non cedat alienis». Но тѣмъ, кто водится въ этомъ случаѣ противоположными правилами, вѣрять больше въ себя во всѣхъ отношеніяхъ жизни, тотъ, рано, поздно, принужденъ будетъ сознаться въ своемъ заблужденіи, отъ самоувѣренности и самопоклоненія происшедшемъ, если только въ немъ человѣческая при-

рода не совсѣмъ еще огрубѣла, дошла до степени, такъ сказать, окаменѣнія, тотъ принужденъ будетъ сказать съ Римскимъ пѣвцемъ: «*Neu ratioq telis vulneta facta meis!*» (*Ovid., Hor.*). Шафарикъ, однако, не принадлежитъ къ разряду этого рода людей, и, по тому, судя по прежнему и вообще по его свойствамъ, напередъ сказать было можно, что онъ не замедлитъ и въ нашемъ вопросѣ тотчасъ же отступить отъ прежняго своего мнѣнія и присоединиться къ тому, какое указываютъ новооткрытые памятники. И точно, въ 1848-мъ году, въ 1-й книжкѣ 1-й части Журнала Чешскаго Музея (*Časopis českého Museum, dílu prvního svazek první*), издаваемого въ Прагѣ, явилась статья Шафарика: «*Rozkvět slowanské literatury w Bulharsku*», немедленно мною переведенная и напечатанная въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» (кн. VII-я), подъ заглавіемъ: «Разцвѣтъ Славянской письменности въ Булгаріи», но читана была сочинителемъ въ королевскомъ Чешскомъ Ученомъ Обществѣ 25 ноября, 1847 г. нов. счисл. Статья эта представляетъ краткій, но чрезвычайно замѣчательный, обзоръ происхожденія письменности у Славянъ Булгарскихъ по новѣйшимъ даннымъ, изъ коихъ почти всѣ, принадлежащія до памятниковъ, находящихся въ Россіи, только что открытыхъ и печатаемыхъ, либо и прежде извѣстныхъ, но вполнѣ приготовляемыхъ къ печати, взяты имъ изъ его переписки со мной (какъ я сказалъ уже разъ выше). Въ ней Шафарикъ многое исправляетъ изъ прежнихъ своихъ мнѣній, въ томъ числѣ и мнѣніе о времени составленія Славянскихъ писемъ. Оно изложено имъ тотчасъ за очеркомъ жизни нашихъ первоучителей, принявшей, по собственнымъ его словамъ, теперь, въ слѣдствіе открытія совершенно новыхъ или, по крайней мѣрѣ, забытыхъ и мало извѣстныхъ, жизнеописаній, гораздо большій противу прежняго объемъ и отчасти новый видъ (163). Вотъ это мнѣніе, въ подлинникѣ и моемъ Рускомъ переводѣ: «*Základ ke staroslowanskému písemnictví položen Cyrillem w Carhradě, nejpodobněji na konci l. 861 nebo na začátku l. 862, sestavením písma čili abecedy a přeložením čtení Sw. Ewangelium: w tom nejstarší slowanská legenda o Cyrillovi od Klimenta a nejstarší latinská od Gauderika zároveň jsau shodny (Legend. slow. kap. XIV; Acta SS. M. Mart. 20. §. 7).*

Dílo dokončeno w běhu čtyr let w Morawě přeložením hlawních tehdejších bohoslužebných čili liturgických knih, jakéz jsau, mimo *Čtení z ewangelií a epistol, Žaltář, Paremejntk, Časoslow, Služebník, Trebník a Oktoich Damaskina*. W této práci měli nemalé aučastenstwi bez pochyby i nejprwnější a nejprřednější učedlníci Cyrilla a Methoda, zejména Kliment, Naum, Angelar, Sáva, Gorazd, z nichž prwní rodilý Bulbar, poslední rodilý Morawan. «Начало Древнеславянской грамоты положено Кирилломъ въ *Царырадѣ*, по всему вѣроятію, въ концѣ 861, либо въ началѣ 862 года, именно составленіемъ письменъ или азбуки и переводомъ Чтеній изъ Евангелія; въ этомъ согласны какъ древнѣйшее Славянское Сказаніе о Кириллѣ, сочиненное Климентомъ, такъ равно и такое же древнѣйшее сказаніе Латинское, писанное Гавдерикомъ. Начатое дѣло кончено въ теченіе четырехъ лѣтъ на Моравѣ переводомъ главныхъ, въ то время употреблявшихся, богослужебныхъ или литургическихъ книгъ, каковы, кромѣ *Чтеній изъ Евангелія и Посланій, Псалтырь, Парамейникъ, Часословъ, Служебникъ, Требникъ и Октоихъ Дамаскина*. Въ этомъ трудѣ, безъ сомнѣнія, принимали не малое участіе также первѣйшіе и лучшіе ученики Кирилла и Меодія, именно: Климентъ, Наумъ, Ангеларъ, Савва и Гораздъ, изъ коихъ первый родомъ Булгаръ, а послѣдній Мораванъ» (163).

Надобно замѣтить, однако же, что Шафарикъ въ этомъ случаѣ, собственно говоря, возвратился только къ первоначальному своему мнѣнію, высказанному имъ еще въ его «*Geschichte der slawischen Sprachen und Literatur nach allen Mundarten*. Ofen, 1826», мнѣнію, конечно, тогда больше опиравшемуся на одномъ лишь предположеніи, нежели соображеніи, всѣхъ, къ нему относящихся, обстоятельствъ. Но не разъ уже повторяли, что часто простая догадка свѣтлой и шпогсобъемлющей головы попадаетъ не меньше въ цѣль, какъ и самыя точныя, обширныя и совѣстливыя розысканія; что послѣднія не разъ блистательно подтверждали смутныя предчувствія истины, заключавшіяся въ первыхъ. И хотя послѣ, столкнувшись съ мнѣніями противоположными, но подкрѣпленными надлежащимъ числомъ до-

водовъ, расположенныхъ въ строгомъ порядкѣ и, по видимому, естественной связи между собою, случается поддаться обаянію мнимой учености, однако, когда наступитъ пора собственнаго изслѣдованія, невольно возвращаемся къ прежнимъ нашимъ, такъ названнымъ нами же самими, безотчетнымъ гаданіямъ, и съ изумленіемъ, въ первый разъ, замѣчаемъ, какъ много было въ нихъ вѣрнаго, хотя и высказаннаго, статья можетъ, темно, неопредѣленно, очеркомъ. Такъ и Шафарикъ, излагая дѣятельность нашихъ благовѣстниковъ, выразился было, почти 30 лѣтъ передъ тѣмъ, слѣдующимъ образомъ о нашемъ предметѣ: «Nach seiner Zurtückkunft von der chasagischen Mission schickt der mährische Fürst Rastislaw zwischen 861 — 863 seine Gesandten an Ks. Michael, und bittet sich einen Lehrer aus, von dem sein Volk lesen lernen, und in dem christlichen Gesetze vollkommener unterrichtet werden könnte. So nach einer Legende, die die Bekehrung der Bulgaren ganz übergeht; allein wenn auch die Gesandtschaft aus Mähren an Ks. Michael nicht etwa eine blosse Ausschmückung seyn sollte, so ist doch aus andern Berichten mehr als wahrscheinlich, dass Constantin und Method vor ihrer Abreise nach Mähren an der Bekehrung der Bulgaren arbeiteten. Um sich mehr Eingang zu verschaffen, erfand Constantin, wo nicht schon zu Constantinopel, doch gewiss in der Bulgarei, die slawonische Schrift, und übersetzte das Evangelium u. s. w. Die Erfindung des slawischen Gottesdienstes musste natürlich auch bei andern slawischen, schon eher getauften, Völkern den Wunsch erregen, solche Lehrer zu erhalten. Diess gab Anlass, sie nach Mähren einzuladen, es möge nun durch eine Gesandtschaft an Ks. Michael, oder auf eine andere Art geschehen seyn. Nun gehen Constantin und Method 863 nach Mähren. Man nimmt sie mit Freuden auf. Vier und ein halbes Jahr bleiben sie daselbst, predigen und richten den Gottesdienst in slawischer Sprache ein» (164). Очевидно, составленіе Славянскихъ писемъ по етому мнѣнію Шафарика, произошло въ промежутокъ 861—863 года, по тому что посольство Ростислава, какъ онъ думаетъ, было только слѣдствіемъ желанія получить учителей, «иже къ ны къ скои азъ ииъ летоу нареу Хрѣтискоуе енагааъ» (Жит. Кирилла), т. е., когда

могла о проповѣданіи Христіанства въ сосѣднихъ юговосточныхъ земляхъ, на языкѣ народонаселенія ихъ, дошла и до Моравскаго князя: «Philosopho autem reverso Constantinopolim, audiens Rastislaus, princeps Moraviae, quod factum fuerat a Philosopho in Gazarorum provincia, ipse quoque genti suae consulens, misit ad praedictum Imperatorem nuncios hoc, quod populus suus ab idolorum quidem cultura recesserat et christianam legem observare desiderabat, verum doctorem talem non habeat, qui ad legendum eos et ad perfectam legem ipsos edoceat: rogarese, ut talem hominem ad partes illas dirigat, qui pleniter fidem et ordinem divinae legis et viam veritatis populo illi ostendere valeat» (Leg. Gauder.) (165). Нужды нѣтъ, трудился ли Константинъ и Меодій надъ обращеніемъ Славянъ до прибытія Моравскихъ пословъ въ Византію, или нѣтъ; они могли явиться уже и въ слѣдствіе проповѣди ихъ у другихъ народовъ на языкѣ сихъ послѣднихъ, особливо у Козаровъ, сосѣдей Моравцевъ, какъ о томъ именно говоритъ приведенное сейчасъ извѣстіе Италіянскаго Сказанія. Что сдѣлано для одного народа, то могло быть сдѣлано и для другаго, слѣдовательно, и для моего, заключалъ Ростиславъ. Тѣмъ болѣе это возможно было, если оба брата, или же, по крайней мѣрѣ (что, кажется, вѣроятнѣе), одинъ, возвратившись изъ Козаръ, занимался обращеніемъ Греческихъ и Булгарскихъ Славянъ. Тогда, слухъ о томъ, конечно, не могъ не дойти до Моравцевъ, какъ извѣстно, сосѣдившихъ съ владѣніями Булгаръ уже у Пешта на Дунаѣ. Въ эту пору обращенія Славянъ, какъ первую попытку, послѣ обращенія другихъ народовъ, когда не извѣстно было еще, какъ пойдетъ дѣло, не было настоящей нужды въ изобрѣтеніи письменъ для обращаемыхъ, какъ бы только для одного лишь опыта, точно такъ, какъ не нашли же оба они необходимымъ того и для Козаръ, не зная еще, каковъ будетъ успѣхъ предпринятаго ими. Стало быть, до Ростиславова посольства хотя бы кто изъ двухъ братьевъ и проповѣдывалъ уже Славянамъ на Фракійскомъ полуостровѣ, не было еще большой необходимости въ составленіи для нихъ особой азбуки: потребность ея вызывается, конечно, не первыми попытками, но очевидностью успѣха, осуществленіемъ его, необходимостью въ ней большинства, массы, а не

какихъ ни будь единицъ, какъ бы онѣ важны сами по себѣ ни были. По тому Шафарикъ правильно предполагалъ, говоря: если посольство Моравскаго князя дѣйствительно состоялось, а не есть пустая выдумка, то Селунцы наши, прежде, нежели пустились въ Моравію на проповѣдь, должны были заняться ею въ Булгаріи, что, по свѣдѣтельству нѣкоторыхъ источниковъ, въ самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто. Это и естественно, и сподручнѣе; при томъ, обращая чужихъ, далекихъ, какъ же не подумать было, кончивъ его, и о ближайшихъ, своихъ? Обращеніе его должно было имѣть хорошій успѣхъ, если о проповѣданіи ихъ узналъ и Моравскій князь; или, отвергая даже посольство, намѣреніе ихъ долженствовало быть довольно твердо и опираться на успѣхъ и виды на него несомнѣнные, если они рѣшились проникнуть далѣе на сѣверъ, въ Великоморавію, и тамъ попытаться то же произвести, что и въ сосѣдней Булгаріи. Ибо пребываніе ихъ у Моравцевъ засвѣдѣствовано самыми неопровержимыми источниками. А чтобъ рѣшиться на успѣхъ въ такомъ дальнемъ путешествіи, нужно было имѣть обезпеченіе въ немъ напередъ, разумѣю, нужно было имѣть успѣхи въ ближайшей землѣ. Впрочемъ, такъ ли, иначе происходило, только, замѣчалъ Шафарикъ, во всякомъ случаѣ еще до отправленія своего въ Моравію, Константинъ и Меѳодій вмѣстѣ, или же порознь, даже одинъ кто либо изъ нихъ, трудился уже въ проповѣданіи между Славянами Булгарскими, какъ увѣряютъ въ томъ тоже нѣкоторыя показанія древности, на примѣръ, Моравское Сказаніе: «Egressus vero venit primo ad Bulgaros (vel Vulgares), quos divina cooperatrice (alii «cooperante») gratia sua praedicatione convertit ad fidem» (166); и трудъ былъ, должно полагать, не напрасенъ, по тому что, пришедши къ Моравцамъ, они явились туда уже съ словомъ Божиимъ на языкѣ Славянскомъ, по единодушному свѣдѣтельству всѣхъ почти источниковъ; слѣдовательно, первѣйшій опытъ перевода сдѣланъ былъ, — заключаетъ Шафарикъ, — въ одномъ изъ двухъ мѣстъ: либо въ самомъ Царьградѣ, либо же навѣрное въ Булгаріи, а по тому, и азбука или письмена составлены тамъ же; стало быть, до прибытія въ Моравію и послѣ возвращенія изъ Коарской земли, другими словами, между 861 и 863-мъ

годою. Справедливость такого, такъ сказать, предварительнаго, умозаключенія, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, вполне оправдалась новѣйшими самаго умозаключавшаго и другихъ, независимо отъ него дѣйствовавшихъ, изслѣдованіями, произведенными въ разное время и подъ разными обстоятельствами.

Совершенно инаго мнѣнія о началѣ и времени Славянскихъ письменъ *Копитаръ*, *Венелинъ* и нѣкоторые изъ современныхъ намъ писателей.

Копитаръ былъ когда-то жаркимъ поклонникомъ знаменитаго Добровскаго, сочиненій коего не выпускалъ изъ рукъ своихъ даже въ послѣдніе дни жизни; однако, по смерти его, мало по малу, сталъ кое въ чемъ уклоняться отъ своего образца и, наконецъ, во многомъ совершенно разошелся. Это ничуть не унижаетъ его, напротивъ, служитъ еще къ большому возвышенію, свѣдѣтельствуя о нѣкоторой своеобразности. Такъ, спустя 7-мь лѣтъ послѣ кончины своего друга, какъ онъ любилъ повторять это, былъ изданъ имъ «Glagolita Clozianus id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi λειψανοῦ foliorum XII membraneorum, servatum in bibliotheca comitis Paradis Cloz Tridentini. Vindobonae MDCCCXXXVI. fol.». Въ этомъ сочиненіи предпослано имъ «XXXIX Prolegomena», потомъ «Opus ipsum», переписанное Кириллицей («interpunctio codicis et distinctio editoris»), «graecum προλεγμενων Slavi interpretis, slavicae versionis interpretatio, et locorum biblicorum collatio»; далѣе «Epimetron, h. e. collatio interpretationis psalmi CIII, I—II, e codice sec. XI. glagolitocyrylliano, cum archetypo graeco ejusdem interpretationis, itidem inedito, e codd. Ambros. et Vindobonensi»; а въ заключение «Slavorum linguae sacrae Grammatica brevis et lexicon». Въ «Prolegomena» онъ выступилъ съ мнѣніемъ, совершенно противоположнымъ Добровскому, о древности Глагольскаго письма, утверждая, что оно если не старѣе, такъ ужъ ни чѣмъ не моложе Кирилловскаго: «Stat ergo firma sententia: literas Slavorum glagoliticas, quoad aetatem, esse saltem aequales cyryllianarum. An sint etiam antiquiores, nunc non est nostrum scrutari: sufficit

non *videri recentiores*» (pag. IV, col. 2). Въ этомъ, конечно, имѣя отрывокъ Глаголическаго памятника, по всему, древнѣйшаго тѣхъ, которые были извѣстны Добровскому и на основаніи которыхъ онъ относилъ появленіе Глаголитики къ первой четверти XIII-го столѣтія, Копитаръ осилилъ послѣдняго, хотя, по сю пору, не рѣшено еще окончательно, точно ли защищаемое имъ письмо не уступаетъ въ старинѣ Кирилловскому. Во всякомъ случаѣ, появленіе обѣихъ азбукъ, по его словамъ, современно; стало быть, опредѣливъ годъ одной, съ тѣмъ вмѣстѣ опредѣлимъ и годъ другой. Какой же именно этотъ годъ, Копитаръ ничего обстоятельно не говоритъ, и только въ одномъ мѣстѣ указываетъ на него, и то не безъ оговорки. Ревностный защитникъ правъ своей Церкви и верховнаго главы ея, онъ и тутъ, какъ во многихъ другихъ своихъ, явныхъ и тайныхъ, сочиненіяхъ, свелъ вопросъ чисто ученый на вѣромсповѣдно-спорный. Пользуясь свѣдѣтельствомъ исторіи о пребываніи Константина и Меодія у Коцела, сталъ утверждать, что богослуженіе на Славянскомъ языкѣ въ первый разъ появилось здѣсь, у Славянъ Паннонскихъ, иначе Хорутанскихъ, а по тому языкъ нашихъ Священныхъ книгъ, собственно, есть языкъ области князя Блатенскаго, стало, и письма составлены и приспособлены, первоначально, для говорившихъ имъ и на его землѣ. Вотъ мѣста изъ его, упомянутого выше, сочиненія, относящіяся сюда: «*Pannonici Slavi, olim primi linguae Slavorum sacrae auctores, hodie illius expertes sunt in ecclesia; latinam plerique colentes Missam, domi tantum utuntur vernacula; quae tamen, licet plus mille annis ieterlapsis, sacrae veteri et ipsi inter peregrinos plus minus mutatae etiam hodieque reliquarum omnium proxima et simillima permansit. Proximi his Bulgari, apud quos sec. X — XIII laetissime effluerat S. Methodii lingua sacra, Serbis cessere locum, cumque his etiam veris in Dalmatia Croatis (nam qui nunc ita vocantur Zagrabienses, ad pannonicos potius Slavos pertinent). Serbi et Croatae continuavere usque ad typographiae inventionem captamque a Turcis Constantinopolin. Ex eo vero tempore Russi, qui quamvis omnium novissime conversi, tamen statim ab initio officio quidem suo fecerant satis, in his reliquorum Graecorum et Slavorum graeci ritus angus-*

tiis, ipsi ex tuto speculati pedetentim et ecclesiae graecae et slavicae ejus ritus liturgiae curam tutelamque universam, una cum tanti patronatus fructibus amplissimis, nemine obstante, sibi vindicarunt» (Glagol. Cloz., pag. XII—XIII). Далѣе, сказавъ о мѣстѣ жительства Паннонскихъ Славянъ, простиравшихся когда-то отъ устья Савы до Адриатическаго моря и верховьевъ Дравы и Муры, продолжаетъ: «Certeque frequentissima cum indigenis et vicinis Christianis exercentes pacis commercia, pannonicum hi Slavi (partim tributarii, partim liberi), primi omnium Slavorum Christo nomen dederant, hocque Fortunae beneficio gloriam immortalem sunt adepti, *sua primum dialecto* reddita Christianae fidei mysteria iisdem plane vocabulis Croatis primum (167), postea etiam reliquis omnibus Slavorum populis imperiendi» (pag. XXX, col. 1). При этомъ ссылка на «Слованку» Добровскаго. Ссылка эта сдѣсь повторена только: выше, въ отдѣлѣ XII, озаглавленномъ: «Slavorum linguae sacrae origines», она приведена въ первый разъ послѣ самыхъ первыхъ словъ о томъ же предметѣ, именно, утверждая, что слова, относящіяся до Христіанскаго богослуженія, принадлежать, по мнѣнію самаго Добровскаго, Славянамъ Паннонскимъ: «Slavis omnino Pannoniis, utpote primis omnium christiana sacra amplexis, prima deberi rerum christianarum vocabula, sponte jam dudum agnoverat ipse Dobrovius (v. Slovanka A. 1814, I. 72); nec nisi cavillans (ut erat ingenio luxuriante animoque victae causae succurrere gestiente) postremo maluit in eremos et latibula nescio cujus veteris, nondumque commixtae dialecti serbo-bulgaro-macedonicae secedere (v. illius Cyrillum et Methodium, 1823, p. 131—133). Poterat ille quidem jure abnuere propositam a Russo Kalajdovič (in «Joanne Bulgariae exarcho, Mosquae 1824) dialectum moravicam: sed aequae debebat nimis bene fundatam primam suam sententiam de pannoniorum Slavorum primatu aut servare, aut meliori ipse argumentis evertere. Id quod nec fecit, nec puto potuisset facere. Nam ut taceamus, hodiernam sesquimillionis reliquiarum Pannoniae et Norici Slavorum dialectum, per varios casus, perque tot discrimina rerum, tamen hoc ipso adhuc die propius abesse a lingua sacra, quam aut reliquorum Pseudo-Illyriorum aut ipsorum Bulgarorum pessime a Dobrovio Illyriis accensitorum» (pag. XI). Нѣтъ сомнѣнія,

что въ нашъ, можетъ быть, мало признательный вѣкъ (не смотря на множество всякаго рода признаній, исповѣдей, и тому подобнаго, излагаемыхъ въ, такъ называемыхъ, запискахъ, посмертныхъ и досмертныхъ, большею частію скрывающихъ, нежели разоблачающихъ), всякое признаніе показываетъ, въ душахъ благородныхъ, признательность, а въ людяхъ съ противными свойствами, по крайней мѣрѣ, стремленіе къ исправленію, если только они не совсѣмъ еще загрузѣли (по тому что тогда это просто хвастовство тѣмъ, чего не слѣдуетъ выказывать); отъ того, читая приведенную ссылку Копитара на Добровскаго, сперва можно было бы подумать о первомъ, т. е., что онъ, указывая на нее, хотѣлъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, указать на первовиновника той мысли, вовсе не желая присвоить ее себѣ, но довольствуясь только второстепенной ролью, ролью разработателя ея. При позѣркѣ оказывается противное. Въ сборникѣ своемъ, названномъ «Слованкой» (Славянкой), и содержащемъ разнаго рода статьи, преимущественно критическія, по поводу чтенія различныхъ сочиненій и памятниковъ писанныя, Добровскій напечаталъ небольшое объясненіе Славянскихъ названій мѣсяцевъ, выписавъ ихъ изъ «Славенки» г. Ганке изъ Ганкенштейна, въ которой помѣщенъ былъ послѣднимъ разборъ одной старинной богослужебной рукописи (Будингъ, 1804, въ 4-ку), стр. 64, въ концѣ коей находится Синаксаръ или Святцы. Заключая объясненіе свое, онъ говоритъ о трудности указать на землю и народъ, въ коей етѣ названія показались въ первой разъ, и прибавляетъ, въ видѣ догадки: *Vermuthlich haben die rannonischen Slawen vom Kroatischen Stamme diese Namen erfunden, von welchen sie durch die Cyrillisch-liturgischen Bücher bis nach Russland gekommen seyn mögen* (168). То ли у него? Что Добровскій не придавалъ этому мнѣнію своему особенной важности, служитъ доказательствомъ, во первыхъ, оговорка его, «*vermuthlich*», а во вторыхъ дальнѣйшія слова: «*Man hat sich aber eben nicht sehr an diese Namen gebunden, indem man von Zeit zu Zeit in andern Ländern wieder andere ausgesonnen hat*», чему тутъ же приводить и примѣры. Слѣдовательно, онъ не заслуживаетъ ни того упрека, который сдѣлалъ ему Копитаръ, за невѣрность самому себѣ (какъ будто писатели ужъ не могутъ ошибать-

ся, или, сказавъ , даже напечатавъ разъ , должны при томъ вѣчно оставаться), ни той чести, которою думалъ онъ почтить его , какъ первовиновника этой мысли; въ самомъ же дѣлѣ , умыселъ тутъ , очевидно , другой былъ , выражаясь словами всѣмъ извѣстной басни, то есть :

«Хозяинъ музыку любилъ».

Какъ тотъ уловкой старался заманить къ себѣ сосѣда своихъ доморощенныхъ пѣвчихъ слушать, такъ понъ, указывая на первоисточникъ, конечно, мнимый, приводимой имъ идеи, имѣлъ въ виду сообщить ей тѣмъ хотя нѣкотораго рода значеніе, понимая хорошо, что славное имя всегда производитъ магическое дѣйствіе на толпу читателей, или слушателей, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена. Что это имѣлъ онъ въ виду, лучше всего показываетъ то обстоятельство, что ни разу не былъ пропущенъ имъ случай сдѣлать ссылку на его мнѣніе Добровскаго, какъ оно ни коротко и мало цѣпимо самымъ виновникомъ его. Тѣмъ не мене, опирался на него, какъ на скалу, Колитаръ, съ свойственной ему отъ природы смѣтливостью, продолжалъ, кстати и не кстати, утверждать одно и то же въ своихъ сочиненіяхъ, безпрестанно разнообразя только однѣ лишь формы выраженія. На примѣръ, въ томъ же *Glagolita Clozianus* и на томъ же мѣстѣ (Отдѣлъ XXIX, р. XXXI), продолжая далѣе свою рѣчь, говорить: «*Neque enim primo favore contenta bona Fortuna etiam A. 870 Methodium graecum ab ipsa Romana Sede Apostolica constitutum Pannoniae Archiepiscopum impulit, ut ad expungendos, tempore quidem temporisque jure potiores, sed et ferociores violentioresque, ideoque odiosos, e nova sua Metropoli Pannoniensi rivales Salisburgenses, «Slavina lingua cantaret missam», exemplo in Occidentali ecclesia novo et inauditout A. 880 ipse Johannes papa VIII, iterumque A. 1248 Innocentius IV, mallent permittere novationem speciosissimi unice in Occidente privilegii, quam in periculum adducere salutem fidemque gentis in Europa omnium numerosissimae.... Sed nec hostes, Arnulphus Photiusque, interea dormiebant, paganos Hungaros hinc evocantes, illinc immitentes nefario scelere in novam Methodii segetem, sicque Bulgariam asserentes Graecis! Ita jurisdictioni quidem Romani pontificis tunc periit interius*

Illyricum; eodemque fato profugi pannonici S. Methodii libri sacri apud Bulgaros, Serbos et Croatas Dalmatasque, tandemque ipsos remotissimos Russos paratissimum quidem receptum habuere, imo et profectum ad nostra usque tempora continuatum: primae tamen *originis*, et *patriae* sedis gloria manet aeternumque manebit Slavis Pannoniis. In Pannonia enim, ipsaque Pannonicorum Slavorum dialecto, Christianorum minime recentium romanae ecclesiae, illiusque calendario utentium, liturgi-
 am slavica cepisse initia, praeter argumenta firmissima, quae jam §. XII attulimus, accidit testimonium luculentissimum Ostromiriani codicis, omnium hucusque vetustissimi, A. 1057, in cujus synaxario festum S. Silvestri papae assignatur ad d. pridie Kal. Jan., more occidentalis ecclesiae, cum orientalis illud assignet ad d. IV. Non. Jan.» Не прерывая нити выписокъ объ одномъ и томъ же его мнѣнii, я приведу всѣ ихъ тутъ же въ подрядъ, и по томъ же уже обращусь къ его «firmissima argumenta». Въ Огдѣлѣ XXX: «Dialectorum slavicarum cisdanubianarum contentio», говоря о трехъ главнѣйшихъ изъ нихъ, замѣчаетъ, что «Carantani omnes, Croatarum et Serborum major pars jam ducentis circiter ante SS. Cyrilli et Methodii adventum annis Christo nomen dederant, ope latinorum ex Italia potiusque Francia monachorum missionariorum. De Bulgaris certant Critici, utrum A. 861 an 863 — 865 acceperint baptismum; quamquam nostro quidem iudicio hoc proprie de *Dominis* Bulgaris est intelligendum, nilque impedit, quo minus *subjecti* illis Slavi et in Pannonia Savia et in Moesia jam antea, plus minus Christiani fuerint, vel tacente historia. Neque ipsa historia tacebit, si quis quaerat curiosius. In concilio Constantinopolitano A. 870 legati Bulgarorum confitebantur, populares suos, cum primum occupassent Moesiam, graecos ibi presbyteros invenisse. Urge sis quae hinc consequantur. Utcunque fuerit, sive a subjectis sibi Slavis Bulgari didicerint rerum christianarum vocabula, sive ea SS. Cyrillus et Methodius importarint e Pannonia, hoc certo est certius, esse necessario haec vocabula *primitus profecta a Germanis*, quippe ipsa germanicissima, deberique Slavis Carantanis utpote unis cis Danubium historia teste Germanorum catechumenis» (pag. XXXII).
 Егѣ «v o c a b u l a s a c r a S l a v o r u m», на которыя онъ столько на-

пираетъ тутъ, и которыя, по его убѣжденію, неопровержимо подтверждаютъ «*Pannoniæ* (liceat sic appellare pannonicam originem patriamque) linguæ Slavorum sacræ», суть: цѣмъ Kirche; оltарь Altar; хръстъ et хръстити (recentius крѣстъ et крѣстити) Christ et christen; востъ Faste; ном phaph; пѣль et пѣло pēch Alemannis sec. IX pro inferno; среда (medium) pro die mercurii cum Germanis, quibus est *Mittwoch*; цѣсарь francica medii aevi pronuntiatione Caesaris; itidemque оцътъ acetum, aliaque id genus plane non potuisse proficisci nisi a *populo Germanis et Italis vicinissimo*, ab iisque primitus Christianismum edocto. Atqui hoc non nisi in Slavos Norici et Pannoniæ (sive eos malis medii illius aevi vocabulo universim Carantanos appellare) quadrat, dudum Christianos uno pluribusve ante Methodium seculis» (pag. IX). Въ примѣчаніи къ отдѣлу XXIX прибавляетъ еще нѣкоторыя: «Etiam vocabula nonnulla succurunt, e Bavarorum aperte lingua in Slavicam sacram illata: пѣльъ e *phening* germanico fecere Slavi, sicut кѣльъ e *ehuning*, et jam olim in Sarmatia оцъсрѣдъ e gothico *ausahrings* (inauris, hodie *Ohrring*). Vides germanicum *g* rite mutatum in *z*, sequente *z*; idemque postliminio redire in кѣльъгидъ sequente *z*. Sic et крѣмола fecere e *carmula*, voce citata pro *bavarica* in *Lege Bajuvariorum* medii aevi; ubi itidem vides Slavum more suo praemittere consonantes (кѣр- pro *car-*) sicut facit in градъ, арада, вродъ, злато, respondentibus germ. *gard*, *bart*, *furt*, *gold* etc.» (pag. XXXII). Ни мало не думая пускаться съдѣсь въ подробное опроверженіе несостоятельности такого доказательства Паннонскаго происхожденія языка нашихъ Священныхъ книгъ, считаю достаточнымъ упомянуть только о нѣкоторыхъ.

Прежде всего выставлю на видъ то обстоятельство, что Житія Кирилла и Меодія, извѣстныя, по мѣсту ихъ написанія, подъ именемъ Паннонскихъ, рѣшительно противорѣчатъ такому мнѣнію, прямо относя составленіе Славянскихъ письменъ и, въ слѣдъ за тѣмъ, переводъ Священнаго Писанія (конечно, не всего, но лишь извѣстной части его), еще ко времени пребыванія обоихъ братьевъ въ столицѣ Греческаго Царства, и при томъ въ слѣдствіе предложенія самаго царя Михаила и Собора принять приглашеніе Великоморавскаго

государя объ отправленіи къ нему «оучителю, иже бы» народу его къ своимъ душамъ истинно вѣроу христіанскоу сподобитъ»; что, Константинъ, когда на него именно было указано, какъ на единственнаго, къ тому способнаго, мужа, послѣ отклоненія отъ себя стого предложенія за болѣзнію, соглашался на него, только подѣ условіемъ, «аще имоуть боуиши въ душамъ своимъ»; а когда императоръ отвѣтилъ отрицательно, и настаивалъ на своемъ, опровергая его возраженія и замѣчая, если только онъ согласится, Богъ непременно дастъ ему искомое, «иже дати всамъ, иже просати несоумнѣиши, и открѣдети тѣлоушимъ», философъ, на послѣдокъ, уступилъ, «на молиткоу са положи, и вспорѣ а имоу Бѣи мен, послѣдшала молитви рѣкъ своихъ, а лении сложи писмена, и наца вездѣу писати бѣльскоу: писани въ слово, и проуаш». Въ посланіи къ Ростиславу, Михаилъ, между прочимъ, тоже прямо замѣчаетъ, что шлетъ къ нему мужа, которому Богъ, видя вѣру твою, открылъ буквы: «и иже въ наши аста, иже боуиши въ наши душамъ, да и бы приуштетеса велицѣхъ дѣлѣхъ, иже славати Бѣи своимъ дѣломъ, и те ти послѣдохъ того, иже устьина и благоуарна, и иже ушло и философи». Въ Житіи Меодія тоже самое и почти тѣми же выраженіями, только сжатѣе: «тѣгда не смастаса Брѣши (Константинъ и Меодій) ни Бѣи, ни цѣлѣ, но велико слышавши рѣкъ, на молиткоу са положиша ... да тоу мен Бѣи философу Словѣнскыи книги, а лении оустроени писмена и вездѣу съставѣ, поути са шукъ Морѣнскѣго, поимъ Меооди». Противу такого прямаго, современнаго и туземнаго показанія, нельзя ничего возразить, по тому что здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго повода предполагать какой либо подлогъ; а если ето такъ, то, безъ сомнѣнія, такое точное и непосредственное свѣдѣтельство въ прахъ обращаетъ всѣ наши недоумѣнія. Чтобъ сколько ни будь ослабить его, прежде всего нужно доказать намъ подложность, по меньшей мѣрѣ, несовершенство онаго, что едва ли возможно: въ такой высокой степени оба етъ памятника проникнуты во всемъ своемъ составѣ подлинностью, дышатъ своимъ вѣкомъ и духомъ. «Знай Копитаръ сіи памятники, навѣрно не сталъ бы доказывать противнаго». Можетъ быть; но, зная его и лично, и по сочиненіямъ, сомнѣваюсь, тѣмъ болѣе, что Житія Паннонскія, въ сущности своей, какъ замѣчено уже выше, суть источникъ,

давнымъ давно извѣстный нашимъ предкамъ; лучшимъ доказательствомъ тому служатъ различныя обработки ихъ, изъ коихъ послѣдняя извѣстна была уже Шлѣцеру, приходившему въ такое восхищеніе отъ нея и сдѣлавшему ее доступной всѣмъ изыскателямъ въ своемъ Несторѣ, слѣдовательно, и Копитару, не говоря уже о томъ, что въ земляхъ Православныхъ памятникъ этотъ всегда былъ доступенъ большинству въ «Книгѣ житій Святыхъ», составляющей то же самое для нихъ, что для Католиковъ «Acta Sanctorum» (169).

Довольно было бы и этого одного доказательства, но я остановлюсь нѣсколько на одномъ съ Копитаромъ полѣ, и разсмотрю его доводы, какъ бы вовсе не существовало только что приведеннаго мною противъ него неопровержимаго доказательства, чтобы показать, что и безъ этого послѣдняго, они не могутъ быть названы удовлетворительными. И точно, держась его мнѣнія, намъ придется отвергнуть всѣ показанія древности о мѣстѣ перваго появленія Богослуженія на Славянскомъ языкѣ и, неразрывно соединеннаго съ нимъ, составленія письменъ, изъ коихъ ни одно не указываетъ на его Паннонію. Не уже ли никому изъ цѣлой древности, въ теченіе тысячелѣтій, не могла прійти въ голову мысль считать эту страну колыбелью письменъ нашихъ, если бы представлялась тому хотя малѣйшая вѣроятность? Соглашаюсь, что человѣкъ необыкновенной остроты ума и силы сообразительной въ состояніи открыть присутствіе истины тамъ, гдѣ никому не снилось даже въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ; соглашаюсь и на то, что такой случай могъ имѣть мѣсто именно тутъ, и, однако же, я все таки позволяю себѣ спросить: какимъ же образомъ согласить тогда три, совершенно противорѣчающія одно другому, мнѣнія Копитара, изъ коихъ по первому: *Cyryllum et Methodium fratres, Slavorum linguam Pannonicae suae dioeceseos vernaculam adhibuisse etiam ad sacra, eamque scripsisse commodiore sibi, utpote Graecis, characterе graeco, assumtis e veteriore glagolitico, ignoti, ut in re veteri, auctoris, nonnullis signis sonorum Slavis propriorum* (XIII, pag. X.); по второму: «*Cyryllum pro sua ipsius commoditate ex illorum (sc. Slavorum cisdanubianorum glagolitarum) alphabeto nonnisi trientem adoptasse, reliqui bessis loco retentis*

commodioribus sibi graecis litteris simplicibus, aequivalentibus totidem simplicibus slavica» (Hesychii pag. 40); а по третьему: «Anno 870 Methodium.... ut.... Slavina lingua cantaret missam», exemplo in Occidentali ecclesia novo et inaudito? (Glag. Cloz. pag. XXXI). Последнее предположение подкреплено у него еще слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Non temere arponimus A. 870, sed rite expensis omnibus rei adjunctis. Vetus Cyrillianorum traditio inventionem alphabeti cyrilliani assignat indictioni III, quae A. 870 aptissime respondet; A. 872 e Pannonia remeant Salisburgum presbyter Richbaldus, «ferre non valens contemptum missae latinae, noviter inventis slavicae litteris adornata missa vernacula»; metropolita Salisburgensis, hanc novationem sibi longe incommodissimam sine mora c. 873 detulerit Romam, cum 878 Johannem papam VIII videamus inhibuisse; nullum in Joh. VIII epistolis liturgiae Slavicae apud Bulgaros vestigium» etc. (pag. XXXI, not. 2). Какъ? Разъ Солунцы вдвоемъ изобрѣтаютъ азбуку, на основѣ Греческой, какъ Греки, съ присоединеніемъ изъ Глаголицы, составленной неизвѣстнымъ, буквъ для выраженія тѣхъ именно звуковъ, для коихъ нѣтъ въ первой знаковь, то есть, собственно Славянскихъ, и употребляютъ етъ письменна при переводѣ Священныхъ книгъ на нарѣчіе Славянъ Паннонскихъ; въ другой—одинъ только Константинъ совершаетъ это, а въ третій—подвигъ сей отнесенъ лишь къ Меодію, и при томъ въ 870-мъ году? Слѣдовательно, когда онъ, по смерти Кирилла, возвратился къ Коцецу? Етого мало; ниже увидимъ еще два новыя предположенія его о началѣ той и другой азбуки, совершенно противныя тому, равно какъ и всѣмъ прочимъ, сейчасъ приведеннымъ выше, и самимъ себѣ. Рѣдко можно найти столько противорѣчій объ одномъ и томъ же предметѣ у одного и того же писателя, и при томъ именно въ одномъ и томъ же сочиненіи. Какую ни будь одну изъ етѣхъ несообразностей слѣдовало принять, но не оставлять ихъ одну подлѣ другой; а какъ етого не сдѣлано, то очевидно, что сочинитель, передавая письму свою мысль, не отдалъ еще себѣ яснаго отчета въ ней, по тому она просто—одно гаданіе, отнюдь же не убѣжденіе въ истинѣ, хотя онъ и старался придать ей свойства послѣдняго. Касательно заимствованія знаковь изъ Глаголицы для выраженія чисто Славянскихъ звуковъ, на-

добно замѣтить, что прежде всего слѣдовало доказать, а не предпосылать, какъ непреложность, старѣйшинство Глаголицы передъ Кириллицей. Въ дѣлѣ Науки это непозволительно; въ ней имѣютъ мѣсто одни только изслѣдованія, такъ какъ сама она есть не что иное, какъ стройное цѣлое, сложившееся изъ открытій ума, дознанныхъ самымъ дѣломъ. Въ ней ни какой вѣсъ самаго необыкновеннаго ученаго не имѣетъ мѣста, коль скоро не подкрѣпленъ самобытнымъ разысканіемъ о предметѣ. Справедливость этого самъ Копитаръ сознавалъ, отвѣчая противникамъ своимъ, замѣчавшимъ ему, что такое «мнѣніе его о Паннонскомъ происхожденіи священнаго языка Славянъ стоитъ особнякомъ и ни къмъ не принято»: «ubi *rationibus et argumentis* res agitur, vel *maximarum auctoritatum non sufficit auctoritas*» (Hesychii pag. 48), и, однакоже, не держался того, продолжая, по прежнему, въ 13-мъ отдѣлѣ (170) «Appendix miscellanea philologici maxime et slavistici argumenti» къ «своему» «Hesychii glossographi discipulus et *ἐπιλωοβιστής* Russus in ipsa Constantinopoli sec. XII—XIII», изданномъ 1840 (1839) году (171), отстаивать эту мысль одними только голыми утверженіями и ссылкой на то обстоятельство, и что Я. Гриммъ одинаково съ нимъ думаетъ о старшинствѣ Глагольскихъ письменъ передъ Кирилловскими: «Quod ipse *Jacobus Grimm*, etsi commotus aenigmatico Dobrovii strategemate et ipse fuerit labefactatus quoad pannonietaem, tamen novum majusque facinus admisit in Cyrillianos, palma longe remotioris antiquitatis litteris glagoliticis ultro delata» (pag. 49). И въ другомъ мѣстѣ (Отдѣл. 15), отклоняя отъ себя подозрѣніе въ томъ, будто бы онъ приписывалъ изобрѣтеніе Глаголитики Латинскому духовенству, снова ссылается на авторитетъ Гримма: «in quo, pro remotiori antiquitate, vehementer consentientem habet (Kopitarius) *Grimmium*» (pag. 57). Спутанность понятій его о составленіи Кириллицы и Глаголицы еще яснѣе откроется, когда сопоставимъ слѣдующія его предположенія о той и другой.

Сказавъ, что Кирилица изобрѣтена съобща обонми братьями изъ соединенія Греческихъ и Глаголическихъ знаковъ, вдругъ прибавляетъ: «Aut quid si ipse postea *Methodius*, ad

vitandam graecizantis alphabeti Cyrilliani inter Latinos invidiam, *glagolitici auctor exstiterit?* (pag. X.). Въ защиту противъ тѣхъ, кто бы назвалъ его мечтой (въ пользу чего исторія не можетъ представить намъ ни одного доказательства), отвѣчаетъ, что точно такая же мечта и мнѣніе Добровскаго о происхожденіи Глаголитики, опровергнутое появленіемъ двухъ, трехъ Глагольскихъ памятниковъ, принадлежащихъ несомнѣнно древнѣйшему времени того, къ которому приурочивалъ тотъ происхожденіе ея: «*Si porro quis objiciat, fingi haec, nec probari ullo argumento historico, illi nos respondebimus, aequè fictam plane esse Dobrovii de origine alphabeti glagolitici hypothesis*», etc. (pag. XI). Какъ будто чужая несостоятельность извиняетъ собственную нашу несостоятельность! Недовольный, однако, и стѣмъ временемъ, предлагаетъ послѣднюю догадку, далеко отважнѣйшую всѣхъ предыдущихъ: «*Quid si Ethicus iste, cui etiam orbis descriptio quarti ad summum seculi tribuitur, et Slavicarum literarum ante Cyrillum auctor exstiterit: cum illoque memoratus ab Hrabano presbyter Hieronymus ansam dederit alphabeti S. Hieronymo tribuendi?* Яснѣе дня, что тутъ самъ онъ не зналъ, какъ быть съ Кириллицей, признать ли ее дѣломъ обонхъ братьевъ, или одного изъ нихъ, и котораго именно; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, не желая оставить и Глаголицы въ тѣни, сперва даетъ ей въ отцы Меѳодія, а потомъ почти пять вѣковъ старшинства. Она-то, судя по его словамъ, была настоящее *Славянское письмо*: «*Sed postea (по смерти Меѳодія) liturgiae longe gratissimae apographa reliqua ab ipsis Slavis in Bulgaria et Macedonia, Croatia, Istria et Dalmatia exarata fuisse alphabeto itidem sibi consveto pure Slavico, id est glagolitico*» (Append. miscell. pag. 38), и при томъ письмо, существовавшее еще до Кирилла, письмо въ гражданскихъ или свѣтскихъ дѣлахъ первоначально употреблявшееся, а по томъ и въ церковныхъ, но, послѣ раздѣленія Церквей, мало по малу приверженцы Царьграда совершенно перестали писать имъ, бывшимъ нѣкогда общимъ, и, такимъ образомъ, Греко-Славянскому дали у себя предпочтеніе, а Глагольское оставили за послѣдователями Римскаго епископа: «*Nonne ergo sat probabilis hinc sponte se quasi vel invito tibi obtrudit conjectura, Slavos cisdanu-*

bianos ante S. Cyrillum habuisse et ad civilem usum adhibuisse litteras glagoliticis, sicut Germani ad usum civilem latinis.... at Slavos ipsos eadem commoditatis sed suae lege ductos primitus ex asse suum alphabetum integrum intulisse etiam in libros sacros, et nonnisi confirmato tandem inveteratoque ecclesiarum utriusque Romae schismate pedetentim graeci ritus Slavos graecissantem Cyrillianam scripturam adoptasse, glagolitica, antea utrisque communi, latini ritus Slavici relicta» (Ib., pag. 39—40). Съ другой стороны, спустя четыре года, настаивая пуще и пуще на Паннонское или Хэрутанское происхождение Церковнославянского языка, нашелся въ необходимости отвергать всѣ показанія исторіи о Кириллѣ и Меѳодіи, не подходящія подъ его мѣрку, говоря «historiam immortalium horum duumvirum liceat integram servare ab *fabulosis amplificationibus*» (pag. 51). Отсюда изъ всей исторіи того и другаго принимаетъ только 4-хлѣтнее съ половиной пребываніе ихъ между Моравцами и Паннонскими Славянами, оставляя нерѣшеннымъ, сами ли они пришли къ нимъ изъ Греціи, или же были призваны Славянами; далѣе поставленіе старшаго въ архіепископы Моравіи и Панноніи 868 года папой Адрианомъ II-мъ, а младшаго въ епископы, по смерти коего (13-го февраля того же года) тотъ возвращается одинъ къ своей паствѣ, и немедленно вводитъ Богослуженіе на языкѣ послѣдней, т. е., Славянъ Паннонскихъ, такъ какъ къ нимъ-то, а не къ Моравцамъ, прибылъ Меѳодій, по причинѣ военныхъ безпокойствъ, возникшихъ у послѣднихъ съ Нѣмцами; но нововведеніе ето въ землѣ, принадлежавшей въ церковномъ управленіи Зальцбургскимъ Нѣмцамъ, вызвало жалобы послѣднихъ передъ папой на него, который вынужденъ былъ нѣсколько разъ принимать то ту, то другую, сторону, что продолжалось до самой кончины Меѳодія (885—895). Слѣдственно, по его мнѣнію, все, что сверхъ етого, принадлежитъ безусловно къ вымысламъ, т. е., что ни передается намъ, гдѣ бы и кѣмъ бы то ни было, о дѣйствіяхъ нашихъ Солунцевъ до отбытія ихъ въ Римъ и посвященія папой, большею частью испорчено разными прибавленіями послѣдующаго времени; единственно же несомнѣнно то лишь, что заключается въ посланіяхъ святѣйшаго отца, который хо-

тя и называетъ Константина составителемъ Славянскихъ писемъ, одобряетъ и восхваляетъ ихъ («*Literas sclaviniscas, a Constantino quondam philosopho repertas*» etc.), однако, собственно говоря, они были, по одному мѣсту его «*Appendix miscellanea*» къ «*Hesychii glossographi discipulus*» (Отд. 7 «*De psalterio slavico Bononiensi cum expositione S. Athanasii*», pag. 38), «*exaratae a Methodio discipulisque ejus*»: «*Methodium privatis de causis coepisse λειτουργίῃ slavice librosque concinasse lingua quidem slavica suae dioeceseos pannonicae, sed a se discipulisque exaratos utcumque alphabeto sibi commodiori graecoslavico a fratre quondam suo Cyrillo combinato e graeco et glagolitico*», а по другому, безъ дальняго — изобрѣтены Меодіемъ, который только выдалъ ихъ за дѣло брата своего и рекомендовалъ папѣ: «*Methodius suam combinationem graecoslavicam fratri in acceptis retulit, et Papae probavit*» (Hesychii etc. 14, pag. 53, not.). Последнимъ приемомъ, конечно, хотѣлъ онъ избѣжать противорѣчія самому себѣ въ своемъ «*Glagolita Clozianus*», оставляя, такимъ образомъ, всю честь какъ введенія Славянскаго богослуженія, такъ равно и составленія для него писемъ, за однимъ лишь изъ братьевъ, тѣмъ самымъ, который наиболѣе благопріятствовалъ его любимому мнѣнію, т. е., выводу Священнаго языка нашего и азбуки изъ той страны, къ которой онъ самъ принадлежитъ по своему рожденію и воспитанію. «*Nos carut rei est, pes non lacrimatum causa*». Меодій изобрѣтатель разомъ двухъ алфавитовъ: Грекославянскаго и Глагольскаго: и коротко и ясно! А кто недоволенъ современностью послѣдней съ первой, тотъ, пожалуй, коли хочеть, можетъ отодвинуть старину ея и далѣе въ древность, хоть, на примѣръ, приписать Етику. Во всякомъ случаѣ все же за Меодіемъ останется другая, а съ тѣмъ вмѣстѣ, такъ, или иначе, Славянское богослуженіе и письма явились только въ Панноніи, и первоначально то и другое предназначалось, собственно, для Паннонскихъ Славянъ, отъ коихъ въ послѣдствіи, по смерти виновника етого благодѣянія, въ силу стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, перенесено было его учениками въ соседнія земли соплеменниковъ, предпочтительно на югъ лежащія, а съ теченіемъ времени произошло и на отдаленный

сѣверъ Европы, въ коемъ и теперь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, процвѣтаетъ: «Concludamus ergo: cantare coepisse Methodium in pannonico ducatu Blatensi ducis Hecilonis a. 870 missam lingua Slavina; sed hanc novationem licet a papa admissam, fuisse extrusam e Pannonia post Methodii obitum (885—895) jam ante Hungarorum adventum; at hoc laetius effloruisse in Bulgaris, Croatis et Serbis, unde et a. 988 in Russiam traducta est, immensum inde cum tempore captura incrementum: in hodierna contra Moravia, Bohemia et Polonia nunquam viguisse» (Hesychii pag. 54).

Прибѣгая къ такому способу доказательствъ, все на свѣтѣ можно доказать, т. е., отвергая всѣ, несогласныя съ нашимъ воззрѣніемъ на что либо, извѣстія и мнѣнія, подъ тѣмъ предлогомъ, что они «fabulosae amplificationes», а свои гаданія выдавая за «ex asse purum et integrum, veritatem quadrans», выражаясь его же Латынью. Еще разъ повторяю: вмѣсто подобныхъ названій, слѣдовало бы, прежде всего, опровергнуть етѣ извѣстія древности и доказать ихъ «баснословность», а свои утвержденія подкрѣпить болѣе существеннымъ, нежели голословное настояніе въ ихъ справедливости, болшемъ значеніи передъ показаніемъ исторической старины. Того же самаго, естественно, требуетъ строгая и неумытная критика и отъ доказательствъ со стороны языка, приводимыхъ имъ въ пользу Паннонскаго происхожденія нашихъ священныхъ книгъ, а не простаго увѣренія въ ихъ «твердости» («argumenta firmissima», Glagol. Cloz. p. XXXII) «и неодолимости» («invicta», Hesych. pag. 49). Въ дѣлѣ языковѣдѣнія мало сопоставить два слова, близко схожихъ между собою по звуку, для доказательства происхожденія одного изъ нихъ отъ другаго, но надобно это послѣднее ясно и неопровержимо представить путемъ филологическимъ. Мало ли найдется словъ, даже въ рѣчи народа полудикаго, судя по коимъ можно подумать, что онъ находился когда-то, или и теперь еще находится, въ непосредственномъ сношеніи съ тѣмъ народомъ, котораго етѣ слова составляютъ прямую собственность, или же, по крайней мѣрѣ, получили отъ него ту оболочку, въ коей перешли къ заимствователю, не смотря на все неизбѣжное въ такихъ случаяхъ

видоизмѣненіе? Напомню, изъ множества примѣровъ въ разныхъ языкахъ, нѣкоторые изъ роднаго: такова значительная часть словъ Латинскихъ, Еврейскихъ, Греческихъ, Итальянскихъ, Испанскихъ и т. п., слыша которыхъ, иной подумаетъ, что предки наши усвоили ихъ изъ первыхъ рукъ, т. е., отъ непосредственнаго сношенія съ ними, между тѣмъ какъ извѣстно, что они перешли къ намъ, одни изъ третьихъ, а другія даже пятыхъ и т. д., весьма же не многія изъ первыхъ. Стало, тутъ прежде всего требуется доказать ето непосредственное заимствование изъ источника, а не довольствоваться простымъ указаніемъ на то, или однимъ сопоставленіемъ. Къ такимъ словамъ принадлежатъ, послѣ всесторонняго обслѣдованія, и приводимыя имъ въ пользу своего мнѣнія: *хръсть*, *хръстити* или *кръсть*, *кръстити*, *михъ*, *михъжъ*, *вохъ*, *востъ*, *оусеразъ*, которыхъ, правда, не Славянскія, но занятыя нами отъ другихъ, только занятіе ето не нуждалось въ посредствѣ Паннонскихъ Славянъ, по тому что первыя четыре уже одной формой своей, въ какой перешли къ намъ, указываютъ не на Нѣмцевъ, Латинянъ, или Славянъ, обращенныхъ Нѣмецко-Латинскимъ духовенствомъ, но на Греческій языкъ, въ коемъ звучатъ: *Χριστός*, откуда *Хръсть*, послѣ *Хръстосъ* (Остром. Ев. 145, ст. 2, мн. ч. им. пад. «Лъжи хръсти», «*ψευδοχριστοῖ*»); если же разумѣть подъ *хръсть*, *кръсть* въ смыслѣ нынѣшняго *крестъ*, *σταυρός*, стух, а подъ *хръстити*, *крестить*, *κρῆνιστιν*, *βαπτίζειν*, то извѣстно, что буквы *х* и *к* у всѣхъ Славянъ весьма часто одна въ другую переходятъ, отъ чего всѣ етѣ три слова одинаково звучатъ не рѣдко даже нынѣ въ устахъ самыхъ образованныхъ, тѣмъ болѣе, что и самыя понятія, выражаемыя ими, кажутся чрезвычайно близкими простому и не хитрому уму. Далѣе *михъ* въ большей части Нѣмецкихъ нарѣчій имѣетъ двоякую форму, какъ и въ Славянскихъ, изъ коихъ каждая указываетъ собой на самостоятельную передѣлку Греческаго *μοῦχος*, независимо другъ отъ друга, будетъ ли то прямо отъ Грековъ, или черезъ Латинское духовенство; такъ полныя формы: ДВН. *muicho*, *muicha*, АС. *muich*, *muic*, *muic*, Гол. *muinik*, *muinick*, НС. тоже *muinik*, Ис. *muicg*; усѣченныя: ДВН. *muich*, НС. *Munk*, *Munk*, А. *muik*, Ис. *muikg*, Б. *münch*, Н. *Mönch*; подобныя формы его и въ Романскихъ нарѣ-

чїяхъ: Ит. monaco, Ис. -mongo, Ф. moine; въ нарѣчїи Кельтскомъ, именно Валлискомъ, mupach, mupac; такъ и въ Славянскомъ мнихъ и монахъ, именно Ч. и П. mničh, ВНЛ. mīch, ум. mīk, Хорут. meih, mīnik, mīih. Папезъ своей формой прямо указываетъ на Греческое *papas*, *pappas*, котораго другая форма *pappos*, коего простое въ Еолич. *pā*, а съ ними въ сродствѣ *appa*, Сир. abba, въ Гр. *ἄββα*; Латин. и Роман. его отрасли имѣютъ рара, равно какъ и Нѣмецкїя, изъ коихъ одни лишь Шведы удвояютъ послѣднее р (rarra), а другїя сдѣлали изъ него Papst или Babst (по одноорганичности р и b), Англичане pope; въ устахъ же Славянъ искони ближайшая форма къ Греческой папезъ, у Чеховъ, Словаковъ, Поляковъ, Хорутанъ, папезъ и папажъ; Папезъ, кромѣ Острома. Еванг. подъ 31-мъ декабря, встрѣчается и въ Синаксарѣ Глагол. Ватик. Еванг., принесен. Ассемани, XI-го вѣка, подъ 25 ноября (см. Hesych. pag. 41). Поизъ есть только видоизмѣненїе предыдущаго, по чему и звучитъ въ нѣкоторыхъ нарѣчїяхъ совершенно сходно съ одной изъ приведенныхъ формъ перваго, на пр., АС. рара, НС. и Гол. Raar, Rare; но въ ДВН. уже раff, а въ нынѣшнемъ книжномъ Pfaffe, откуда, съ извѣстной перемѣной а въ о, въ Валлиск. pope и въ Слав. попъ, точь въ точь, какъ папа въ Норв. popi; слѣдовательно, можно ли тутъ указывать на Баварское pharph? Скорѣе же, судя по большому сходству, можно было бы допустить заимствованїе у Кельтовъ въ Валлисѣ; но тогда куда же дѣваться съ исторїей? По тому, не всегда и самое сходство звуковъ предполагаетъ заимствованїе, или, какъ выразился уже I. П. Коль, одинъ изъ первыхъ нашихъ академиковъ, въ своемъ «Introductio in historiam et rem literariam Slavorum, imprimis sacram» (1729 г.): «Ex nonnullis, quae duobus populis communia sunt vocabulis, linguae ipsius communio non statim efficitur» (pag. 8, not. a). Не естественнѣе ли и при немъ думать, если ужъ пошло на заимствованїе, прежде всего о Латинскомъ языкѣ, употреблявшемся, какъ извѣстно, и на Фракийскомъ полуостровѣ долгое время и какъ государственный (до императора Фоки), и какъ разговорный множества Латинскихъ жителей, занимавшихъ тутъ цѣлыя области, изъ коихъ нѣкоторые, отъ смѣси съ туземцами, въ особенности

же Славянами, образовали особый видъ Романской вѣтви, извѣстный подъ родовымъ именемъ Румунскаго, Ромынскаго? Въ Латинскомъ же, какъ первообразъ одной его половины, встрѣчаемъ слово это, живо напоминающее наше, именно: *pora* въ смыслѣ жреца, съ которымъ сличите Сербское *попа*, *попо* и *попъ*, у прочихъ же Славянъ обыкновенно *попъ*, а у Румунъ *попъ* (ъ = средній звукъ между о и твердымъ е). Такого же точно происхожденія и *постъ*, ииѣющее во всѣхъ Славян. нарр. *п* (отъ коихъ перешло къ сосѣдямъ ихъ, Чуди, *paasto*), и Румун., т. е., съ Латинскаго *Fasti*, первоначально дни, въ которые не работали, откуда двоякое значеніе дней праздничныхъ (свѣтское) и постныхъ (церковное), въ кои воздерживались отъ обыкновенной скоромной пищи (*Fast-und Feiertag*). Въ такомъ же церковномъ смыслѣ оно перешло и къ Нѣмецкимъ народамъ, только съ сохраненіемъ *f*: Г., ДС., Ш. *fasta*, Д. *faste*, ДВН. и Н. *fasten*, АС. *fāstan*, Д Фриз. *festia*, и пр.; если же выводить отъ Г. *fastan*, откуда *fasta*, *fastubni*, воздержаніе, пощеніе, то извѣстно, что тогда заимствованіе обойдется еще ближе и непосредственнѣе, такъ какъ Готы долго жили вмѣстѣ и по сосѣдству съ Славянами на сѣверѣ и на югѣ, особливо въ Подунайскихъ и Адриатическихъ краяхъ, гдѣ были до насъ уже Христіанами. На возможность такого принятія указываютъ другія слова, перешедшія въ это отдаленное время общенія нашего съ Готами, исчисленныя давно Шафарикомъ въ его «Славянскихъ Древностяхъ» (Отд. о Готахъ, стр. 347, Руск. пер. I, кн. 2, стр. 251), и наоборотъ, отъ насъ къ нимъ; къ первымъ принадлежитъ и *оусердъ*, Гот. *ausahriggs*, *inaugis*, отъ *auso* ДН. *ōga*, *augis*. Лучшимъ доводомъ этого служить то обстоятельство, что его нѣтъ въ прочихъ Славянскихъ нарѣчійхъ, кромѣ ЦС. и Рускаго, между тѣмъ какъ это непременно должно бы быть, если бъ оно шло отъ Западныхъ Нѣмцевъ. Если это слово усвоено нами въ дохристіанское наше время и по томъ, естественно, должно было, уже какъ свое, войти и въ языкъ преложенія Священныхъ книгъ, за то «комманикъ» принадлежитъ времени, гораздо позднѣйшему Кирилла и Меѳодія, по тому что оно не встрѣчается въ Библии и сочиненіяхъ, обыкновенно считаемихъ за переводы

них или ближайшихъ къ нимъ лицъ; а по тому, вся важность его въ такомъ случаѣ пропадаетъ, откуда бы оно ни пришло въ Церковнославянскій языкъ, изъ Латинскаго ли (что дѣйствительно такъ, составляя видоизмѣненіе слова *communicatio*, въ смыслѣ приобщенія Св. Тайнамъ), или другаго какого, черезъ посредство третьяго. Остаются еще слова, взятая, по увѣренію Копитара, отъ Баварцевъ: *кѣлазъ* и *вѣлазъ*. Касательно перваго уже Шафарикъ ставитъ его между сомнительными, то есть, не рѣшаясь сказать утвердительно, кто у кого взялъ его: Готы ли у насъ, мы ли у Готовъ (172); но новѣйшія изслѣдованія показываютъ, что оно въ равной мѣрѣ свое тѣмъ и другимъ, будучи образованно каждымъ независимо по законамъ своего языка отъ одного, общаго всѣмъ Индоевропейскимъ нарѣчіямъ, корня *ka*, послѣ *ka-m*, *kan*, или позднѣе *kan*, собственно значащаго итти, двигаться, выходить, по томъ рождать, производить, и т. п., откуда, по естественному понятію о власти родительской, присвоено родоначальникамъ и понятіе вообще власти, какъ старшаго, высшаго, начальника и судьи и т. п. И не только въ Индоевропейской семьѣ отъ этого слова пошло названіе старшины, но и во многихъ нарѣчіяхъ Сѣверной, т. е., древнѣйшая Монголо-Тюркск. форма *Каанъ* является въ послѣдствіи въ формѣ *Каанъ*, т. е., великій Ханъ, *Ханъ* (*к* въ одноорган. *x*), *Канъ* (173), Лапон. *копогес*, и пр. Что же до втораго, *вѣлазъ*, то и оно того же гнѣзда, что и *оусеразъ*, т. е., Готское, *penning*, да и всѣ прочія Нѣмецкія нарѣчія имѣютъ его, разнообразя каждое по своему (ДВН. *pfening*, *pfending*, *pfentinc*, *pfantinc*, *pfanthiuc*, *pfenpinc*, *phenning*, *phenningo*, *phendico*, *fending*, *pending*, *penthing*, АС. *pening*, *peninc*, *peninck*, *penig*, *peneg*, *raenig*; Исл. *pening*, pl. *penningar*; Д. *pendig*, pl. *penge*; Ш. и Го. *penning*; А. *penpu*, pl. *pence*; а присутствіе этого слова преимущественно въ однихъ Западныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ говоритъ больше въ пользу заимствованія его отъ Нѣмцевъ каждымъ изъ нихъ точно такъ, какъ Славянами Мизійскими отъ Готовъ; по тому что Сербы Далматскіе и Хорутане тоже знакомы съ нимъ. Но, *олтарь*, *оцъть*, *цръкъ* или *цръкъ* и я считаю перешедшими къ намъ отъ Латинянъ. Первое какъ въ Нѣмецкихъ, такъ и Славянскихъ нарѣчіяхъ распространено (*altare*, отъ *altus*); второе дѣйстви-

тельно есть передѣлка Латинскаго *acetum*, которое, однако, то же, что Греческое *ἄξος*, встрѣчающееся уже у Эсхила, Ксенофонта и другихъ, и произведенное отъ *ἄξυς*, Лат. *acer*, острый, отъ кор. *ἄξ*, *ᾠκ* (откуда *ᾠκύς*, быстрый, скорый, Лат. *ocior*, cito), вм. *ᾠκ* (откуда *ᾠκη*, *ᾠκόνη*, *ᾠκίς*, Лат. *acus*, *асуо*, *ᾠκέω* и пр.), Сан. *ашу*, вѣроятно отъ акш (затерявагося уже корня), уцѣлѣвшаго въ Лат. *aqui-la* (*aqui-ala*, h. e., *habens*, *ᾠκίπτερος*) (*Pott*, *Etym. Forsch.* II, S. 54), *ашва*, *ашвас*, Лат. *equus*, вм. *ашва*, *ашава*, a *velocitate sic nominatus*, Гр. *ἵππος* вм. *ἰκκος* (κ въ π, какъ *κᾶς*, *κοῦ* и *πᾶς*, *ποῦ*), ДН. *ehu*; *ашва*, *equa*, Лит. *ašva*, и проч. (*Bopp*, *Gloss. Sanscr.*, ed. 2, pag. 35. col. 1.); по другимъ отъ *аш*, *аниш*, *ᾠγω*, *ᾠγνύω*, *асео*, *асуо*, unde *acidus*, *acer*, etc.; въ Нѣмецкомъ *acetum* или *ἄξος* приняло видъ Гот. *akeit*, ДС. *acid*, АС. *eced*, *ecede*, ДВН. *ezih*, Гол. *edik*, *eck*, *azyn*, Ш. *aettika*, Д. *aedike*, И. *edit*, А. *egar* (*vin*), что все, конечно, составляетъ такое же измѣненіе Лат. *acetum*, какъ оно само и наше Руск. *уксусъ* измѣненіе Греческаго *ᾠξος* (а можетъ быть и независимо образовавшееся отъ одного и того же, родственнаго всѣмъ, корня). Третье же (*цркъи*, *цркви*) распространенное у Нѣмцевъ, менѣе всего употребительно у непосредственныхъ ихъ сосѣдей, Славянъ западныхъ, на пр., Чеховъ, Словаковъ и Лужичанъ, встрѣчаясь только изрѣдка въ старинныхъ письменныхъ памятникахъ: въ Чешскомъ и Польскомъ оно теперь исключительно въ смыслѣ вѣроисповѣдно-отвлеченномъ, да и прежде весьма рѣдко, судя по памятникамъ; въ послѣднемъ преимущественно подъ *serkieu* разумѣютъ Православную церковь. Етого не могло быть, если бы оно зашло къ Славянамъ прямо черезъ посредство Нѣмцевъ, было просто независимая передѣлка ихъ *Kirche* или *Kirka*. И наше и Нѣмецкое есть передѣлка Латинскаго *circus*, означающаго, собственно, кругъ, округъ, окружіе, откуда уже мѣсто собранія и самое собраніе, какъ и у насъ быть на кругу, значить быть въ собраніи или мѣстѣ, гдѣ происходитъ собраніе; слѣдовательно, оно отвѣчаетъ Греческому *ἐκκλησία*, первоначально, *conventus*, *collectio*, *convocatio*, т. е., *populus convocatus*, *collectus*, *conventus*; далѣе, *locus*, *in quo congregationes fiunt*, proinde *pro templo seu aede sacra publico pietatis exercitio et cultui divino destinata*, *in qua convenit fide-*

lium coetus; monasterium; отсюда, не рѣдко, pro domo clericorum: «In quocumque loco sacerdos aedificaverit ecclesiam suam, id est domum suam in uno anno, haereditas ejus erit sempiternum» (*Du Cange*, Glossarium med. et inf. latinitatis, ed. Par. MDCCXXXIII — XXXVI, tom. III, p. 4 — 6). Оно отъ *ἐκ* и *κλειω*, *κλήω*, запираю, замыкаю; отъ *κλείς*, р. *κλειδός*, или *κλήϊς*, *κλής*, *κλαΐς*, въ Лат. принявшее форму *clavis*, *κλαΐς*; отъ него *κλισία* или *κλεισία*, *κλισιον*, мѣсто огражденное, запертое, хижина, куща, палатка; какъ отъ *κλήϊς* глаголѣ *κλήϊζω* про *κλήϊδω*, такъ и отъ *clavis*, *claudio*, *clausus*, *claudus*, отъ чего *claustrium*, огражденное (запертое) мѣсто, замокъ, монастырь, откуда Нѣмецко-Романское, принятое отъ нихъ и Славянами Запада, *claustrum*, Ч. и П. *klāster*, Вл. *klošter*, Хорв. *kloster*, Хорут. *klošter* и *kloštr*, Сербо-Католич. *klostar*, Н. *Kloster*, А. *cloister*, Ис. *claustrum*, Ф. *cloître*, сколько отъ того, что убѣжища сии служили надежнымъ приютомъ для жившихъ въ нихъ, по своему укрѣпленію, оградѣ, совершенно одинакой съ замкомъ (а это съ замкомъ, откуда первое составляетъ переносное значеніе послѣдняго, отличное у насъ самымъ удареніемъ), столько и по первичному своему смыслу. Въ силу перехода гортанной въ шипящую (*κ* въ *ш*), образовалось ДВН. *sluz*, НН. *slūten*, Н. *schliessen* (откуда *Schloss*, замокъ и замокъ). Самое же *circus* въ средствѣ съ Греч. *κίρκος* (въ смыслѣ Лат. *circus* въ обоихъ значеніяхъ), другая форма *κρίκος*. Преслѣдуя далѣе сродство его, видимъ связь между нимъ и слѣдующими словами: Р. *крюкъ*, А. *crook*, Н. *krücke*, ДН. *kringr* (*gyrus*), АС. *hring* (*annulus*), Авар. у средневѣковыхъ писателей *hringus*, укрѣпленный окопами станъ; Сл. *крягъ* (отъ коего *крягъ*, *кряжало*), а съ переходомъ *р* въ родственную *л*, кромѣ приведенныхъ выше, Н. и Д. *klinke*, Ш. *klinka*, НС. и Го. *klink*, Ф. *clinche*, *clenche*, и под. тому; Славянскія: *клюка* въ смыслѣ, близкомъ къ *крюкъ*, отъ коего и *ключь* названъ по своему сходству съ *тѣмъ* и другимъ, и означаетъ, какъ и *крягъ*, въ переносномъ смыслѣ, извѣстное пространство, или собраніе, однородное въ себѣ заключающее; кромѣ того *ключь* значитъ иногда и *крюкъ* въ нѣкоторыхъ Слав. нарр. Стало быть, кор. въ С. *крумч*, *curvum*, *inflexum esse*, отвѣчающее Слав. *кряж*, съ

переходомъ *k* въ одноорганную: и шипящую *ч*. Съ другой стороны, можно сличать *circus*, *κίρκος*, АС. *cyrc*, *circ*, Гол. *kerk*, НС. *karke*, П. *kyrka*, И. *kyrkia*, Д. *kirke*, ДВН. *chilcha*, съ другимъ вставочнымъ *i*: ДВН. *kirrichu*, *chirichu*, *chirichhu*, *chirihba*, *chilichu*, АС. *cirica*, *ciric*, *cyrice*, *cyric*; съ переменной *k* въ *h*: ДВН. *haruga*, *harga*, Г. *kelikn*, башня, храмъ, Гр. *εἰρκτή* про *εἰρκτή*, съ Сан. *griha*, вмѣсто *graha*, отъ кор. *grah*, *saroge*, *sumere*, *percipere*, вмѣщать и т. п., образовавшееся изъ *grabh*, отъ коего осталась только придыхательная, какъ и во многихъ 'другихъ (а *grabh* есть наше *гряжь*, гдѣ *л* вставочная благозвучная, безъ коей *гряж*), въ Лит. не существующая: *grėbju*, какъ и въ нѣкоторыхъ нашихъ областныхъ нарѣчіяхъ), Г. *greira*, Н. *greifen*, З. *gerer*, И. *grabain*; съ обращеніемъ гортанной въ придыхательную Гр. *ἀρκάζω* вм. *γρακάζω*, дагѣ *υρίκος* или *υρίφος* и т. д. (*Vopp's Glossar. Sanscr.*, ed. 2-da, s. h. v.). Есть еще третье мнѣніе, по коему *цръкъ* составляетъ только видоизмѣненіе Греч. *κυριακή*, т. е., *οικία*, въ смыслѣ *templum Domini*, scil. *Dei*, какъ *ἱερόν* и п. т. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, *цръкъ* не можетъ составлять прямого заимствованія съ Нѣмецкаго, но, либо, вмѣстѣ съ нимъ и по однимъ и тѣмъ же причинамъ, идетъ отъ Латинскаго *circus*, употреблявшагося въ средней Латыни, кромѣ обыкновеннаго своего значенія, какъ и *circulus*, т. е., *areae seu campī spatium*, еще и въ смыслѣ «*hominum coetus, collectus, consessus*»; при томъ «*circa*» или «*cerchia*» въ средніе вѣка означало *vigiliae, excubiae*, а *circumeundo, quia qui urbium custodiae invigilant, muros circumeunt*, какіе были и въ монастыряхъ: *circam etiam faciebant monachi in monasteriis, qui certis horis circuire debent monasterii officinas, observantes injurias et negligentias fratrum; est eorum officium circuire claustrum, ne forte inveniatur frater acediosus, aut alicui vanitati deditus*, по тому «*eorum etiam munus erat fratres ad horas canonicas colligere, signo pulsato*» (*Du Cange, Gloss. med. et inf. latin. s. h. v.*); все это называлось *circa, circha, cerchia*, откуда производныя *circare, κυκλεῖν, circumire, circator, circatores (visitatores), qui monasteria et domos, nec non parochias visitabant, ut statum eorum diligenter inspicerent et corrigerent*; отсюда самое церковное бдѣ-

ніе, особливо ночное, называлось часто *excubiae sive circa*: «*Excubiae plurimum sumuntur pro vigiliis seu horis et precibus nocturnis, quae in Ecclesia peraguntur*» (Id. II, 627); либо же *φρῆμι* и *Kirche* произведены, подобно Латинскому, отъ одного и того же, общаго Индоевропейской вѣтви, корня, показаннаго выше, независимо другъ отъ друга и каждое сообразно съ законами своего языка (174). Последнее предположеніе, признаюсь, считаю менѣе вѣроятнымъ, потому первое, кажется мнѣ, сообразнѣе съ положеніемъ дѣлъ во время перваго сближенія Нѣмецкаго и Славянскаго народовъ, непосредственныхъ сосѣдей Латинскаго Христіанскаго населенія обоихъ полуострововъ (Итальянскаго и Фракійскаго), отъ котораго тѣ и другіе, по временамъ, принимали крещеніе, а съ нимъ и названія ихъ для новыхъ предметовъ и понятій. Многія же Латинскія слова были въ ходу и въ устахъ Византійскихъ Грековъ, называвшихъ себя не иначе, какъ только *Ῥωμαῖοι*, т. е., Римляне, разумѣется, въ смыслѣ государственномъ, и гордившихся имъ до того, что и теперешнее еще простонародье Греческое величаетъ себя точно такъ же, а языкъ свой *Ῥωμαϊκὴ ἀπλὴ γλῶσσα*. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что *circus* дѣйствительно употреблялось у Грековъ въ формѣ *κίρκος*, какъ сказано уже, даже въ сочиненіяхъ Отцевъ Церкви (*Du Cange, Glossar. med. et infim. graecitatis. Lugd. MCLXXXVIII, s. h. v.*). При томъ, извѣстно, что уже задолго до Кирилла и Меодія Славяне Греческаго полуострова были хорошо знакомы съ Христіанствомъ, даже многіе изъ нихъ занимали высшія государственныя и церковныя мѣста; вспомнимъ императора Юстиніана, коего Славянское имя было Управда, по свѣдѣтельству наставника его, Теофила (ум. 534. *Ргос. Hist. arc.*), полководцевъ Доброгоста, Всегрѣда и Татимира, вельможу Оногоста (555 — 593), патріарха Никиту (766 — 780); далѣе, самые Булгарскіе послы говорили на съѣздѣ въ Царѣградѣ 869 г., что предки ихъ, пришедши въ Мизию, (678 г.), нашли уже между тамошними Славянами Греческое духовенство (*Guill. Bibl. Vita Hadr. ap. Assemani II, 190*). Во Фракіи же, Фессаліи и Македоніи до того распространялось Христіанство, что Булгарскій государь, Мурта-Канъ (Мортагонъ) силою старался положить преграду, строго преслѣдуя про-

повѣдниковъ его, переведенныхъ въ Булгарію изъ егѣхъ областей. На западъ же отъ нихъ жили Сербо-Хорваты, которые, тотчасъ по приходѣ своемъ сюда, по старанію императора Ираклія (ум. 641), были (хотя и не всѣ, но все же значительное число) крещены, и крещены священниками, присланными, по распоряженію его, изъ Италіи папой (Іоанномъ IV-мъ), какъ ближайшей къ нимъ, и обязались послѣднему *письменно* не вторгаться въ чужія земли (*Const. Porph. De adm. imp. c. 31.*). Такое распоряженіе ничего не значило въ отношеніи къ Римской Цекви, такъ какъ въ то время не было еще ни какого различія между нею и Восточной, и папа оставался въ полной зависимости во всѣхъ отношеніяхъ отъ Византіи. Можно ли же, по тому, думать, чтобы, при такомъ напорѣ Христіанства отовсюду, оно, при извѣстномъ отвращеніи нашего племени къ чужому языку, особливо въ дѣлѣ Богослуженія, совершалось у нихъ единственно на Греческомъ, или Латинскомъ, языкѣ, чтобы новообращаемые не пытались, сколько ни есть, выразить доступные понятіямъ ихъ новые предметы собственной рѣчью, а менѣе доступные разумнѣю усвоили себѣ, сообщая такимъ форму богѣ, менѣе согласную съ свойствами своего говора? А что же могло быть, такъ сказать, обыходнѣе и подручнѣе словъ изъ области новаго вѣрованія, какъ тѣ, кои Копитаръ старается провести въ языкъ Церковнославянскій черезъ пять, десятыя, какъ говорится, руки (Славянъ Паннонскихъ, Нѣмцевъ и Латинянъ)?

Еще менѣе вѣроятнымъ становится мнѣніе Копитара, когда, для подтвержденія его, нужно прибѣгать къ такимъ доводамъ, каково увѣреніе, будто бы слова *среда* или *срѣда* и *немо* или *нимо*, иначе *неймъ*, *никмъ*, перешли къ намъ отъ Нѣмцевъ. Не шутя, онъ увѣряетъ, что первое не что иное, какъ только переводъ Нѣмецкаго «Mittwoch»: *среда* (*medium*) *pro die mercurii cum Germanis, quibus est Mittwoch*» (*Glag. Cloz., pag. IX*), забывая, что въ такомъ случаѣ Нѣмцы должны были бы имѣть собственныя свои названія для всѣхъ, или, по крайности, большей части дней седмицы, между тѣмъ какъ у нихъ видимъ совершенно противное, т. е., всѣ недѣльные дни,

за исключеніемъ среды, суть чистой переводъ съ Латинскаго (175), а у Славянъ, ихъ сосѣдей, наоборотъ, т. е., кромѣ субботы, всѣ названія дней недѣльныхъ — свои, указывающія на дохристианское время; стало, кто же у кого могъ скорѣе заимствовать? Статочное ли дѣло, чтобы, при такой естественной связи всѣхъ названій для дней недѣльныхъ, вытекающихъ одно изъ другаго, а всѣхъ отъ одной общей мысли (недѣли, дня не дѣла, отдыха; понедѣльника, послѣ недѣли; вторника, втораго дня въ недѣлѣ; среды, средняго въ недѣлѣ, между воскресеньемъ, понедѣльникомъ и вторникомъ съ одной, и четверкомъ, пятницей и субботой съ другой стороны; четверка, дня четвертаго; пятницы — пятаго), Славяне не сумѣли уже дать имени одному изъ егѣхъ дней, а прибѣгли за нимъ къ переводу отъ сосѣдей, у которыхъ, однако, оно стоитъ ссобнякомъ, какимъ-то межіумкомъ, безъ всякой связи съ предыдущими и послѣдующими названіями дней, составляющими просто чужое добро? Естественнo ли, чтобы, по тому, Нѣмцы, изъ всѣхъ дней недѣли, дали только одному изъ нихъ свое названіе, а для прочихъ обратились къ Латинцамъ? Уже одна такая искусственность говорить въ пользу заимствования ими и для этого дня названія у другихъ, на что указываетъ и самое построеніе этого имени: *Mittwoche*, собственно, — *die Mitte der Woche*, среда, середина недѣли, что мы, Славяне, означили однимъ простымъ, а не составнымъ, словомъ; а сложность, какъ извѣстно, всегда признакъ искусственности, несамостоятельности. Что до *пѣчло*, то оно, по Копитару, якобы изуродованное нами Алеманнское *pēch*, вынѣшнее Нѣмецкое *Pech*, смола, варъ: «*пѣчло* а *pēch Alemannis* sec. IX pro inferno usitato» (Glag. Cloz.); и въ другомъ мѣстѣ: «*пѣчло* 1) *pīx*; 2) *infernus*, qui et *пѣчль* m., ut adeo nil dubii maneat de importatione vocabuli e Germania: *pēch* (*infernus*), de quo cf. *Grimmium* (*Vocabularium ling. Slav. sacrae*, ap. Glagol. Cloz. p. 79). Стало, сближеніе чужое, но имъ усвоенное и развитое въ одномъ примѣчаніи Glagol. Clozian., именно въ Отд. XXIX («*In historiam Bulgariae et Pannoniae respectus*»), слѣдующимъ замѣчательнымъ образомъ: «*Vocabuli autem пѣчль* m. aut *пѣчло*, *пѣчло* n., а German. *pēch* maedii aevi, pro Inferno, non quidem ipsum etymon alemannicum, at vim tamen

et notionem illius graece redditam habes in ipsa vulgari hodiernorum Graecorum *πίσι* (pix) pro majorum suorum et ecclesiastico *ἄδη*. Sic peregrinatum Germanicum *pēch* ab Alpibus Carnicis per totam Adriatici maris oram Slavicam, tandem in ipsa Graecia Cretaque *μεταμόρφωσιν* subiit, nisi *ἀναμόρφωσιν* malis dicere pristinae suae *πίσης* sive *picis*» (р. XXXII). И точно, послѣднее (*ἀναμόρφωσις*) вѣроподобнѣе, по тому что *πίσα* или *πίττα*, въ значеніи Латинскаго *pix* (которое то же самое и отъ одного съ ними корня пошло, только, согласно съ свойствомъ языка Латинянь, приняло такой, а не иной, видъ), встрѣчается уже у Гомера, Эсхила, Фукидида, и друг.; а *πίσα* и *πέσσω* или *πέττω*, Л. *pinso*, Сл. *везд.* идутъ отъ одного корня съ Сан. *пач*, въ коемъ ч изъ *к*, какъ показываютъ: *пактас*, *coctus*, *πικτός*, *пактис*, *πέκσις*, *πέψις*, *coctio* и т. п.; съ перемѣной на одноорганныю (б) б'адж (*дж = г*), что удержалось преимущественно въ Нѣмецкихъ нарр. (ДН. *bakken*, *bachen*, АС. *basan*, *baesan*, *basjan*, А. *bake*, Ис. и Ш. *baka*, Го. *bakkea*, Н. *backen*, Д. *bage*), хотя и съ *п* встрѣчается (другая форма ДН. *расchen*), но рѣже; съ перемѣной гортанной въ губную: *πέπτω*; на оборотъ: *соquo*, Н. *kochen*; далѣе съ опущеніемъ начальной согласной и измѣненіемъ слѣдующей гласной твердой въ слабую: *όπτάω*, *όπτός*, *έφο*; наконецъ, съ перестановкой: Лит. *kėppū*, *asso*, Сл. *мишш*, и пр. (*Vopp's Gloss. Sanscr. s. h. v.*; также: *Vergl. Accentuationssystem des Sanscrit und Griech. Berl. 1854, S. 174*). Первоначальное значеніе, судя по всему, было приводить въ мягкое состояніе чѣмъ бы то ни было, въ состояніе, на пр., броженія (отсюда *πέσσω*, *πέττω*, вм. *πέκσω*, *πέμτω*, Лат. *pinso* вм. *pinkso*, гдѣ *п* носовое), которое такъ какъ производится, не рѣдко, посредствомъ мѣшанія, то отсюда Греч. и Лат. глаголы означаютъ также и мѣсить, на пр., муку и под. для изготовленія въ пищу; отсюда въ нихъ дальнѣйшій отгѣнокъ, съ одной стороны, варить, съ другой печь, будетъ ли то посредствомъ естественной, или искусственной, теплоты (солнечныхъ лучей, или огня); послѣднія понятія присущи какъ Сан., такъ Греч., Латин., Славян. и Нѣм. формамъ, именно печь вообще; въ послѣдствіи, испеченное на искусственномъ огнѣ помощію какого ни будь орудія стали отличать отъ испеченнаго безъ онаго: отсюда у Славянъ жарить

и сжарить, у Нѣмцевъ braten, у Латинянъ frigere (frictum или frictum), у Грековъ φρύγειν, φρύσσειν, φρύττειν, и т. д.; но у многихъ такъ ли, иначе что либо испечено, называется печенымъ, на пр., по Малор., Чеш., Пол., Серб., и т. д., мясо, а также иногда овощи и т. п.; точно такъ и Сѣверные Нѣмцы говорятъ: das Backfleisch и Backobst, откуда и мѣсто, орудія для того или при томъ употребляемыя, и вообще все испеченное: der Backofen, die Backfanne, Backschüssel, der Backstein, das Backwerk, НН. Backfische, Backäpfel, и тому под. Сверхъ того, такъ какъ съ понятіемъ о мягкости или смягченіи находится въ сродствѣ понятіе о спѣлости, зрѣннн или созрѣннн, т. е., о приведеннн въ это состояннн посредствомъ теплотворнаго начала, то отсюда уже въ Сан. пѣкас, maturitas, пѣк'имас, maturus, равно какъ и Греч. глаголь означалъ и етотъ оттѣнокъ: сдѣсь зрѣлое представляется какъ бы изготовленнымъ, приведеннымъ, помощію внутренняго дѣйствія теплоты и тому под., въ положеннн спѣлости. Вотъ по чему и смола, деготь и т. п. какъ Греки, Латинны, Нѣмцы, Кельты, такъ и нѣкоторые изъ Славянъ называли словомъ отъ корня *неси*, именно, какъ показано выше: *пѣба*, *пѣта*, вм. *пѣба*, *пѣта* (или *пѣба*, *пѣта*), Л. *рѣх*, (отъ него въ Романскихъ нарр., Ит. *ресе*, *regola*, Ис. и П. *рез*, Ф. *роіх*, Н., подобно глаголю), въ двойкой формѣ, съ *р*: Бав. *рѣсн*, НС. *Pick*, АС. *рѣс*, НН. *Ресн*, Нор. *рѣк*, А. *рѣч*, и съ *в*: ДВН. *вѣн*, *вѣсн*, И. *вѣк*, Ш. *вѣк*, *вѣк*, Д. *вѣг* *вѣег*: Кельт.-Ирл. *рѣсн*, К.-Брет. *рѣс*, К.-Вал. *рѣг*; а у Славянъ: ЦС. по одному памятнику XII-го вѣка, Псалтырю, Кириллицей писанному (впрочемъ, вѣроятно, противню съ Глаголицы, судя по одному мѣсту съ етой послѣдней и вообще языку), находящемуся въ библіотекѣ Августиискаго монастыря у Спасителя въ Болоннѣ, и другому XVI-го, Прологу, семьи Сербской, въ Придворной Вѣнской библіотекѣ, въ коихъ стоитъ *неси*, по увѣренію издателя «*Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti. Vindobonae 1850*» (fol., s. h. v.); оно же, по его словамъ, встрѣчалось, когда то, и въ 1-мъ стихѣ XIII-ой главы Сираха («*olim etiam*»); но, справившись съ Острогскимъ изданіемъ Библіи и, ея противнемъ, Московскимъ 1663 г., читаемъ въ обожъ: «*Наскѣса несиѣ отернннн, и отернннн гордоиѣ,*

тоуеиъ ёмъ вѣдетъ». Не знаю, какъ въ лицевой Кіевской Библии 1648 г. (въ 4-ку), но въ Библии 1779, тамъ уже находимъ «смола» вм. «пекла». Слѣдовательно, окончаніе послѣдняго указываетъ на именительный «пекла», а не «пекло». Въ одномъ Прологѣ (ноября 28-го) слово отличено отъ смолы: «Друга же дѣя (кокетга) помаза смолою и пекломъ, что, по объясненію «Словаря Церковнославянскаго и Русскаго языка» (откуда взять и самый примѣръ), значить «горючая сѣра, варъ», а по тому отъ пекъ, то же 1) жаръ, зной, варъ; «Помолишюшеся о свѣхъ апостолю, вьстѣ пекъ и раздѣрїе много на земли (Прол. сентября 26-го. Тамъ же), и 2) вещество, вывариваемое изъ смолы; въ переносномъ смыслѣ пекло — тяжкая, несносная работа: «Попагъ въ пекло»; равно какъ и адъ; *пѣкло* же у Архангельцевъ и Новгородцевъ (Тихвинскихъ) — деревянная лопата, на которой сажаютъ въ печь хлѣбы, а *пекунство*мъ Вышневолочане называютъ солнопекъ («Опытъ областн. Великорусскаго Словаря. СПб. 1852 г., п. с. с.). У Малорусовъ подъ *пекломъ* всегда разумѣется предпочтительно адъ. Далѣе, названіе дегтя отъ корня «пек» встрѣчается еще у Сербовъ Православныхъ, но съ *a*, и при томъ въ формѣ «*паклина*» («Као катранъ, што се кола мажу», «Art Wagenschmiege»; см. *Вука Караджича* Сербскій рѣчникъ, изд. 2-е, 1852 г., п. с. с.), конечно, отъ *пакъ*, отъ коего пошло *пакао* вм. *пакаль*, въ двоякомъ смыслѣ: смола и адъ; впрочемъ, то и другое въ ходу наиболѣе въ западныхъ краяхъ Сербіи, смежныхъ съ Далмаціей, въ коей отъ формы «пак» вм. «пек» употребительны слова, означающія не только смолу, деготь и т. п., но и вообще огонь адскій: *пако*, м., 1) адъ; 2) *рїх* («*пако* неваренъ», *рїх* поп *соста*»; «*пако* житакъ», *рїх* fluida; «*пако* живи, Вітупен); *пакаль*, (р. пакла) и *пакао*, адъ, откуда *пакли-ти*, бѣситься, смолить и т. п.; *пакленъ*, адскій, преисподній, и смоленый, засмоленный, осмоленный, смольный, смолянистый и т. п.; при томъ въ ходу и форма «*пекель*» (*Stulli*, *Riesloslozje*, п. с. с.); между тѣмъ Православные Сербы отъ формы «пек» образовали лишь слова преимущественно для означенія печенія хлѣба (*pinso*), варива (*coquo*) и мяснаго, рыбнаго и т. п. (*asso*), равно какъ показанія силы солнечныхъ лучей (*uro*), при чемъ сущ. *пека*, 1) *vas pistorium*; 2) попече-

ніе, и 3) избалованное дитя (послѣднія въ переносномъ смыслѣ). Ясно, что первая форма (*лек*) болѣе свойственна Сербамъ Восточнымъ, а вторая (*лак*)—Западнымъ. Хорутанцы, по нарѣчіямъ, то же имѣютъ обѣ формы: *rekal*, *rekeu*, *rekov*, и *rakal*, *rakl*, но въ значеніи только адъ, кромѣшняя, отъ *лек* же спеченное и тотъ, кто печетъ, въ особенности хлѣбъ, иначе *rekâg*, съ производными отъ нихъ; *rekeu*, сковорода; *rekati*, кусаться (о курахъ), — *se*, спорить; *rekliti*, мучить, терзать, пытать; но *ресі*, *ресет*, печь вообще, жарить, жечь, и, въ переносномъ смыслѣ, какъ въ другихъ, имѣтъ попеченіе, бояться. Форма *пекло* и всѣ ея производныя, съ корнемъ *пекж*, равно извѣстна также Чехамъ, Словакамъ (*peklo*) и Полякамъ (*piekło*), отъ *пек*, а *пакло* рѣшительно не извѣстно, хотя Поляки и знаютъ *рак*, 1) въ значеніи смолы, и 2) въ смыслѣ связки, вязки (также и *рака*), спешееся по формѣ съ чужимъ *пакеть*, Фр. *rasquet*, А. *rask*, Гол. *rak* и т. д., въ Средне-вѣковой Латыни преобразившееся въ *raccus*, *fasciculus*, *sarcina*; Ит. *racco*, Исп. *raquete* (*Du Cange*, Gloss. med. et inf. lat. s. h. v.), хотя *φάκελλος* или *φάκελος*, встрѣчаемое уже у Еврипида; Оукидида и др., и говорить, что и это значеніе корня *пак* было извѣстно древнимъ, а также и Кельтамъ *рас* или (*p* въ одноорган. *b*): *bag*, *baich*, *beac'h*, въ какой формѣ попадаетъ въ Романскихъ нарр.: Исп. *baga*, Пров. *bagua*, ДФ *bague*, откуда Ит. *bagaglia*, — *lie*, — *lio*, Пров. и Фр. *bavage* (*Diez*, Etymolog. Wörterbuch der roman. Sprachen. Bonn, 1853, S. 36). Все это показываетъ, что слова етѣ, столько распространенныя по всѣмъ Индоевропейскимъ нарѣчіямъ и, замѣтимъ, въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ, которыя, впрочемъ, сводятся къ двумъ главнымъ видамъ (*пак* и *лек*), непременно пошли у каждого собственнымъ своимъ путемъ отъ одного корня, общаго етой семьѣ языковъ (разумѣется, кромѣ слова, означающаго связку, и т. п.), но первоисточину коего трудно съ достовѣрностью указать, и по тому ни коимъ образомъ нельзя согласиться на переходъ слова *пекло* изъ Нѣмецко-Баварскаго въ Хорутанское, или, по Копитару, въ Церковнославянское. Если бы это сколько ни будь возможно было, то, во первыхъ, то значеніе, которое оно имѣетъ въ Нѣмецкихъ нарѣчіяхъ, безъ сомнѣнія, перешло бы и въ

Хорутанское, между тѣмъ какъ его-то и нѣтъ въ немъ ни подъ одной формой, напротивъ, слово это тутъ употребляется въ томъ самомъ смыслѣ, какой имѣло и имѣетъ во всѣхъ почти Славянскихъ нарѣчιάхъ, и какой, судя по тому, должно признать главнымъ, по тому что онъ идетъ прямо отъ первоначально главнаго, выражающаго, такъ сказать, непосредственное, наглядно осязаемое, пластическое дѣйствіе теплоты и огня, между тѣмъ какъ то, на оборотъ, выведено отъ этого уже посредствомъ отвлеченія (что происходитъ отъ внутренняго, или же вѣшняго жара, пека, въ жидкомъ или липкомъ, кленстомъ видѣ, слѣдовательно, горючая сѣра, смола, варъ, и т. п.; отсюда уже дальнѣйшее отвлеченіе, на основаніи понятій о будущей жизни, преимущественно Христіанскихъ, неклеу приданъ смыслъ ада, хотя, съ другой стороны, таксе понятіе могло родиться и отъ дѣйствительныхъ ощущеній тѣла нашего въ сей еще жизни разнаго рода страданій, въ высшей степени истязательныхъ для насъ, по чему и выражается нашъ народъ о подобномъ состояніи несчастливца, какъ выше упомянуто: «Попа.лъ въ пекло!»). Во вторыхъ: рѣш какъ проводникъ понятія объ адѣ, должно было имѣть это понятіе какъ въ Нѣмецкомъ, такъ, равно, и Латинскомъ, изъ коего, походу рѣчи и мысли, Копитаръ ведетъ его; но ни въ томъ, ни въ другомъ послѣдняго понятія не замѣчаемъ. «По тому Славяне сами его уже составили»? Если такъ, то за чѣмъ же было имъ брать его у чужихъ безъ этого понятія? Не сручи.е ли было самимъ составить его, имѣя въ своемъ распоряженіи испоконъ тотъ же самый корень, какъ и етѣ два народа, и при томъ съ значеніемъ, гораздо ближайшимъ къ тому, для чего навязывается имъ это слово? По чему же нѣтъ слова этого въ Нѣмецкомъ значеніи у прочихъ Западныхъ Славянъ, бывшихъ, какъ и Хорутанскіе, въ не меньшихъ связяхъ съ Нѣмцами и столько перенявшихъ отъ нихъ волей и неволей? Этого не могло не быть, если бы дѣло происходило такъ, какъ стараются увѣрить насъ. Напротивъ, по чему слово это въ Древнегреческомъ значить *pih*, а въ Новогреческомъ *infernus*? Явно, по тому самому, по чему и въ Славянскихъ нарѣчιάхъ, одну.ю же не по тому, будто бы оно перешло въ него изъ Латинскаго черезъ посредство Нѣмцевъ и Славянъ.

Въ третьихъ: допустивъ, однако, на время возможность этого, мы непременно должны допустить и то обстоятельство, что Хорутанское нарѣчіе находится ближе всѣхъ прочихъ своихъ собратій къ Церковнославянскому, по той простой и естественной причинѣ, что тогда оно будетъ непосредственное, такъ сказать, порожденіе сего послѣдняго, которое, не смотря ни на какія перемѣны съ нимъ въ теченіе вѣковой разлуки, не могло до того отойти, чтобы близость его сдѣлалась подозрительной. Таковъ законъ природы, оправдываемый самымъ опытомъ, на примѣръ: изъ Романскихъ нарѣчій все таки Итальянское и въ теперешнемъ своемъ книжномъ видѣ, и по областнымъ своимъ подрѣчіямъ, самое ближайшее къ Латинскому, особливо къ его *lingua Romana rustica*, чѣмъ всѣ прочія его отрасли во Франціи, Испаніи, Португаліи, Швейцаріи и прежней Дакии. Я разумѣю здѣсь близость по перевѣсу всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя составляютъ сущность всякаго языка; въ частностяхъ не рѣдко случается, что самое позднее нарѣчіе, даже разнорѣчіе, въ какомъ ни есть захолустѣ, сохраняетъ такое изъ свойствъ, или словъ, древняго языка, какого напрасно искали бы въ самомъ старѣйшемъ его нарѣчій, иногда даже указываетъ прямо на самый праязыкъ, т. е., употреблявшійся въ доисторическое время, о которомъ заключаемъ по всему его составу, что онъ долженъ быть таковъ, а не иной. Что же? Языкъ нынѣшнихъ Хорутанцевъ по всѣмъ его, доступнымъ мнѣ, источникамъ и самому опыту, и при томъ въ разныхъ краяхъ, гдѣ только онъ звучитъ, я нахожу далеко не тѣмъ, за что Копитаръ выдаетъ намъ его; а этого не могло быть, если бы онъ былъ тотъ самый, на который Кириллъ и Меѳодій перевели богослужебныя книги во время пребыванія своего въ Панноніи. По крайней мѣрѣ, что ни будь напоминало бы такое тождество, что ни будь посущественнѣе тѣхъ не многихъ словъ, опираясь на которыя думаютъ доказать то, словъ, при томъ, иноязычныхъ, стало быть, какъ говорится, перелетней дичи, оказывающихся, при ближайшей повѣркѣ, дѣйствительно дичью, но дичью, залетѣвшей болѣе прямой дорогой, а нѣкоторыя даже достояніемъ Индоевропейскихъ нарѣчій, или большинства ихъ, по общему всѣмъ имъ праязыкѣ (176).

Сдѣсь ничто не значитъ и *названіе* Хорутанцевъ именовъ *Словенцы* или *Словинцы*, а нарѣчія ихъ *Словенское*, *Словинское*. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ писателей, кажется, имѣя въ виду это, сніются подкрѣпить слабость доводовъ Копитара тѣмъ, что, безъ дальняго величаютъ языкъ Хорутанскихъ Словенцевъ *Новословенскимъ*, въ отличіе отъ Церковнославянскаго, по ихъ мнѣнію, родоначальника его, и по тому называемаго ими *Древнесловенскимъ* или *Старословенскимъ* что, де, гораздо правильнѣе, чѣмъ названіе «*Церковнославянскій*», по тому что подъ етѣмъ разумѣется языкъ, употребляемый въ богослужебныхъ книгахъ Руской Церкви, слѣдовательно, подъ вліяніемъ Рускаго языка, больше, меньше обрусѣвшій (какъ будто съ примѣсю вліянія, на примѣръ, Сербскаго, онъ уже не Церковнославянскій!). Етотъ Новословенскій языкъ, по етому, родной братъ Новобулгарскаго; и какъ древнѣйшіе памятники Древнесловенскаго, или собственно Словенскаго, отца обонхъ ихъ, составляютъ: Клоцовъ Глаголита, Ассеманіево Евангеліе, Супрасльская рукопись и п. т. (разумѣется, большею частью, такъ называемые, Глагольскіе памятники), такъ точно и старѣйшііи памятники Новословенскаго суть Фрейзингенскіе отрывки: голословное мнѣніе, ни на чемъ не опертое, по крайности, доказательства въ пользу его по сю пору остаются за высказавшимъ его (177). Видно, что духъ мелкаго и узкаго родолюбія не переводится между земляками Копитара, когда ни успѣхи сравнительнаго языковѣдѣнія, ни такого же дѣписанія и народовѣдѣнія, не въ силахъ отклонить отъ подобныхъ богатырскихъ пошибовъ и стропотныхъ помысловъ. Въ самомъ дѣлѣ, выдавать (не приводя даже малѣйшихъ причинъ, но выставляя выдаваемое, какъ дѣло извѣстное и доказанное) за собственно Словенскіе или Древнесловенскіе памятники Глагольскія рукописи, хотъ бы то было и до половины XIII-го вѣка, а Фрейзингенскіе отрывки за памятники Новословенскаго, и называть послѣдній братомъ Новобулгарскаго, такъ что Словене Булгарскіе суть даже вѣтвь Словенскаго племени («*ein Zweig des slovenischen Stammes*»), что многе можетъ значить, какъ не то, что обыкновенно, но совершенно по дѣломъ, пятнаемъ именовъ kwasной любви къ своему роду и плоду? Другіе, не разобравъ хорошенько, въ чемъ дѣло, и принимая такія смѣла и положительно выра-

женныя мысли за дѣло доказанное, уже пытаются и въ Исторіи Славянской письменности ставить на первомъ мѣстѣ Глагольскіе памятники, а за ними Кирилльскіе, изъ обоихъ же (Глагольскихъ и Кирилльскихъ), составлять первую часть Исторіи Словенской Литературы, а вторую изъ Новословенской, т. е., Хсрутанской (178). Вопреки натянутымъ, вѣрнѣе, неестественнымъ, умствованіямъ, языкъ Новобулгарскій, не смотря на всю порчу его отъ вліянія сосѣднихъ ему языковъ, преимущественно Румунскаго и Шкипетарскаго или Албанскаго, лишившихъ его склоненій, въ оставшемся, именно: въ нѣкоторыхъ временахъ спряженій и словарѣ, несравненно ближе къ Церковнославянскому, чѣмъ всѣ прочія Славянскія нарѣчія. Въ этомъ послѣднемъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ изъ Турецкаго, Румунскаго, Новогреческаго и Албанскаго, которыя, сверхъ чаянія, сравнительно съ другими нарѣчіями, далеко въ меньшемъ количествѣ въ немъ, нежели въ нихъ такія же чужія, почти всѣ слова Церковно-славянскія, отъ чего ни одинъ изъ Славянскихъ народовъ, если исключимъ Рускихъ, такъ скоро не усваиваетъ себѣ разумѣніе Церковнославянскихъ памятниковъ, какъ самыя даже простыя Булгаре (другихъ у нихъ и нѣтъ, благодаря четырехвѣковому гнету Турковъ); ни одинъ въ такое короткое время и такъ хорошо не знакомится съ Рускимъ книжнымъ и народнымъ языкомъ и произношеніемъ его (больше, нежели какое другое изъ родственныхъ нарѣчій сблизившимся съ Церковно-славянскимъ въ слѣдствіе тысячелѣтняго общенія съ памятниками его и, какъ показываетъ исторія, даже родовыхъ и историческихъ узъ): говорю, опираясь на ежедневный опытъ, какъ профессоръ Славянскихъ нарѣчій, исторіи и литературы, имѣя въ числѣ слушателей по нѣскольку и изъ прочихъ соплеменниковъ. Да и на оборотъ: ни съ какимъ изъ Славянскихъ нарѣчій Рускій такъ быстро и легко не осваивается, можно сказать, на лету, какъ съ Новобулгарскимъ, не взирая на все измѣненіе его; не будь этого, тогда разумѣется, не стоило бы почти ни какаго напряженія знакомиться съ нимъ, во всякомъ же случаѣ не больше того, какое нужно для правильнаго пониманія Церковнославянскаго. Его обстоятельство не

можетъ быть оставлено безъ вниманія при опредѣленіи близости и сродства какихъ угодно нарѣчій и языковъ: что отъ насъ не далеко, то и дается намъ легко. Напротивъ, Сербъ уже больше требуетъ усилій для знакомства съ Новобулгарскимъ, нужды нѣтъ, что онъ отъ старины непосредственный сосѣдь Булгару, а Областной Хорватъ и Словенецъ и того больше; точно такъ и Булгаръ, послѣ Рускаго, легче всего осваивается съ Сербскимъ, за нимъ съ Областнымъ Хорватскимъ, а тамъ ужъ и Словенскимъ. Между Булгарскимъ и Рускимъ такое же отношеніе, какое между Чешскимъ и Словацкимъ, Польскимъ и Кашубскимъ, Верхнелужицкимъ и Нижнелужицкимъ, а между Булгарскимъ и Сербскимъ, какое между Чешскимъ и Польскимъ и Нижнелужицкимъ, Чешскимъ и Верхнелужицкимъ, Сербскимъ и Областнымъ Хорватскимъ, или Словенскимъ. Не доказательство справедливости противоположнаго мнѣнія сопоставленіе подъ одно названіе Булгарскихъ и Хорутанскихъ Славянъ и ихъ нарѣчій, какъ я замѣтилъ выше, а также и самый способъ разсматриванія ихъ, какъ двухъ равноправныхъ частей одного цѣлаго: это просто на просто одно лишь предположеніе, выраженное, впрочемъ, безъ дальнѣйшаго доказательства, въ видѣ общезвѣстной и дознанной истины. Подобныя приемы въ области исторіи и языковѣднія могутъ путать только однихъ неопытныхъ; это сылюкъ для легковѣрныхъ и мало знакомыхъ съ дѣломъ, всегда почти удающійся въ началѣ, но также всегда и разоблачаемый въ послѣдствіи. Строить на такомъ песочномъ основаніи могутъ лишь люди, которые болѣе гоняются за успѣхомъ во что бы и на сколько бы то его ни стало. Напередъ пусть намъ докажутъ, что Словѣне Булгарскіе или поселившіеся въ Мизіи, Фракіи, Македоніи и остальной Греціи, съ Словенами Хорутанскими, какъ бы ни раздвигало предѣловъ ихъ пристрастіе къ своему, первоначально и существенно такое же цѣлое, какое, по крайности, представляютъ собой Славяне Рускаго Сѣвера, Юга, или Запада, измѣненіе говора коихъ можно прослѣдить изъ столѣтія въ столѣтіе по памятникамъ письменнымъ, представляющимъ, въ самомъ началѣ, дѣйствительно, едва замѣтное уклоненіе отъ одного, общаго имъ, такъ сказать, склада и лада рѣчи, которое, однако, какъ ни увеличивалось съ теченіемъ времени, все же не

дошло до той степени различія, на которой видимъ Словенское нарѣчіе въ Хорутаніи и Словѣньское въ Булгаріи какъ въ наши дни, такъ равно и изъ вѣка въ вѣкъ назадъ въ древность. Тамъ тотчасъ замѣчаете, что это одно и то же, только нѣсколько разнообразное, и что изъ всѣхъ возможно родственныхъ имъ самое родственное и ближайшее другъ другу; сдѣсь же на оборотъ.

Фрейзингенскіе отрывки (которые Копитаръ, вѣрный своей любимой мысли, уже въ 1822 году выдавалъ за древнѣйшій памятникъ Церковнославянскаго языка) вовсе не йдутъ сюда: они, прежде всего, сохранились въ спискахъ XI—XII столѣтій; далѣе, суть памятникъ, точно, Словѣньскаго языка, но языка Кирилла и Меодія, державшагося и по смерти послѣдняго, тамъ и сямъ, въ Великоморавіи нѣкоторое время, по сильной привязанности къ нему осиротѣлой его паствы. Смѣтливое Нѣмецко-Латинское духовенство, можетъ быть, даже изъ среды самыхъ туземцевъ, не желая слишкомъ отчуждать отъ себя, на первыхъ порахъ, народъ, должно было, по неволѣ, что либо удерживать и изъ языка, обреченнаго уже имъ къ совершенному, со временемъ, изгнанію. Это тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ болѣе дѣло шло о такихъ, слишкомъ близкихъ къ сердцу простаго народа, предметахъ, каковы Исповѣдь и Слово о грѣхѣхъ, составляющіе содержаніе етѣхъ отрывковъ. Извѣстна политика Западной Церкви, руководящая дѣйствіями ея во всѣ времена: уступать тамъ лишь шагъ за шагомъ, гдѣ настойчивостію можно все потерять, а временнымъ послабленіемъ, напротивъ, все, или же многое, выиграть. При томъ, Отрывки етѣ принадлежать къ одному разряду съ Житіями Кирилла и Меодія Паннонскаго извода, съ Житіемъ св. Вячеслава, Церковной пѣснью Чеховъ («Господи, помилуй ны!» послѣ: «Господине, помилуй ны!» и пр.), т. е., къ остаткамъ Церковнославянскаго языка въ паствѣ Меодія, какъ сказалъ я, по смерти его. Не взирая на силу гоненія, открытаго противниками и заставившаго непосредственныхъ учениковъ его спастись бѣгствомъ въ сосѣднія земли, преимущественно въ Булгарію, языкъ етотъ, введенный съ богослуженіемъ, по добровольному избранію и призыву государя, его князей и самаго народа («Ростиславъ бо Моравскіи князь съзвѣтъ сътвори съ князи сконни и съ Моравла-

изъ, посла изъ црѣю Михаилоу, глѣ», и пр. Житіе Кирилла), на что смотрѣли, какъ на непосредственное внушеніе Божіе («Бѣгомъ оустимъ». Тамъ же.), языкъ, принятый съ такою радостію всѣми («радѣ выша Словани, яко слышашахъ величїа Божїа сконимъ думомъ». Несторъ. П. С. Р. Я. т. I, стр. 11), не могъ тотчасъ исчезнуть, равно какъ и сочиненія на немъ, разумѣется, относящіяся до богослуженія, что подтверждено на самомъ дѣлѣ упомянутыми двумя памятниками въ Чехахъ. А если это возможно было въ Чехахъ, то тѣмъ болѣе въ Моравіи и Панноніи, куда, собственно, и призванъ былъ онъ. Заключение о возможности этого подтверждается, такъ называемыми, Паннонскими Житіями самихъ нашихъ благовѣстниковъ, которыя и слывуть такъ именпо по тому обстоятельству, что писаны въ Панноніи, вскорѣ послѣ кончины Меодія, какъ это показано уже неопровержимымъ образомъ въ, часто упоминаемой нами, статьѣ: «Кириллъ и Меодій». Какъ въ нихъ и памятникахъ этого языка въ Чехахъ встрѣчаемъ, тамъ и сямъ, слова, указывающія на языкъ народа, среди котораго они писаны (179), такъ равно и етѣ Фрейзингенскіе отрывки суть памятникъ того же самаго языка, съ такой же, какъ и тѣ, невольной примѣсью изъ нарѣчія народа, у коего и для коего были составлены. Слѣдовательно, и тѣ, и етѣ писаны языкомъ Церковнославянскимъ или языкомъ Славянъ Българскихъ, внѣ земли и владѣній послѣднихъ, а по тому, естественно, подъ вліяніемъ другихъ (хоть и родственныхъ) нарѣчій. Въ противномъ случаѣ пришлось бы считать Житіе св. Вячеслава и Церковную пѣснь древнѣйшими памятниками Чешскаго языка, такъ какъ и въ нихъ на столько же замѣтно присутствіе послѣдняго, на сколько въ тѣхъ и въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ пробивается языкъ Славянъ Паннонскихъ. И такъ, разсматривая етотъ памятникъ самъ по себѣ, по однимъ лишь его внутреннимъ свойствамъ, убѣждаемся въ принадлежности его времени, которое слѣдовало послѣ Кирилла и Меодія, а съ тѣмъ и въ невозможности подтверждать имъ мысль о томъ, чтобы Хорутанскіе Славяне когда либо говорили языкомъ, въ немъ и прочихъ Церковнославянскихъ памятникахъ заключающимся, такъ какъ во всемъ согласныхъ съ нимъ.

Но окончательной ударъ Копитарову мнѣнію нанесенъ тѣмъ самимъ, къ чему виновникъ его отсылалъ на судъ и послѣднее рѣшеніе всѣ недоумѣнія и сомнѣнія объ етѣхъ памятникахъ, а съ ними, стало быть, и предположеніе свое о тождествѣ языка Хорутанцевъ съ языкомъ нашихъ Богослужебныхъ книгъ. «*Verum prius etiam rogandi erunt qui bibliothecas praesertim germanicas tractant; ut duce hac nostra qualicumque interpretatione exquirere velint sive latinum sive germanicum archetypum, ex quo haec nostra monumenta, omnium sui generis antiquissima fluxerint. Quo invento facile et nostra interpretatio emendabitur, et quae dubia aut controversa nobis amicisque fuere, liquido patescent*» (Glag. Cloz. pag. XLIV). Етотъ, столько желанный имъ, «archetypum», теперь въ рукахъ нашихъ, только по «latinum», neque «germanicum», и не для всѣхъ трехъ отрывковъ, но «slavicum», для одного только изъ нихъ, за то самаго замѣчательнаго по объему и содержанию своему. Уясненіе происхожденія етого отрывка открытіемъ первообраза его уясняетъ многое и въ судьбѣ остальныхъ двухъ, даетъ право дѣлать такія же заключенія и о нихъ, ни чѣмъ не отличающихся отъ него своимъ языкомъ и всѣмъ прочимъ. Первообразъ же для третьяго изъ Фрейзингенскихъ памятниковъ составляетъ то самое «Поученіе на память св. апостола Марка», на которое первый указалъ все же глава нынѣшнихъ Рускихъ филологовъ, Востоковъ, въ своихъ образцовыхъ «Грамматическихъ объясненіяхъ» етѣхъ отрывковъ, «представивъ сводное изложеніе его по нѣсколькимъ спискамъ, помѣщеннымъ въ Прологахъ подъ 25-мъ апрѣля. «Сравнивая оное (Поученіе) съ проповѣдью Словенскою, вписанною въ Фрейзингенскую рукопись»,—говоритъ А. Х.;—«читатель удостовѣрится, что одно изъ сихъ сочиненій передѣлано съ другаго, или, судя по нѣкоторымъ мѣстамъ, даже буквально списано. Въ печатномъ Прологѣ нѣкоторыя выраженія перемѣнены, отъ чего въ ономъ сходство съ Фрейзингенскою статьею въ мѣстахъ потеряно». Нѣсколько выше: «Неизвѣстно, кѣмъ сочинено сіе поученіе: слогъ и манеръ въ ономъ кажутся не Греческіе». Далѣе: «Мѣста сходныя въ семь Поученіи съ увѣщательною проповѣдью Южно-Словенскаго Миссіонера, расположены не въ томъ же самомъ поряд-

кѣ, и обставлены другими мѣстами несходными; сверхъ того въ первомъ изъ сихъ сочиненій рѣчь идетъ объ одномъ Св. Маркѣ, а послѣднее указываетъ вообще на Святыхъ. Но за всѣмъ тѣмъ, нельзя конечно считать сходства сія случайными, ибо они простираются не на малое только число выражений и мыслей одинаковыхъ. Трудно доискаться, отъ чего произошло сіе сходство между двумя письменными памятниками, столь отдаленными одинъ отъ другаго и временемъ, и мѣстомъ, и разностью буквъ: ежели только счастливый случай не откроетъ еще какихъ нибудь остатковъ древности, могущихъ служить къ разрѣшенію сей загадки» (180). Копитаръ, не смотря на то, что Краинецъ по происхожденію, и при томъ уже издателемъ «Собранія Словенскихъ памятниковъ въ Россіи названный превосходнымъ филологомъ» (стр. 3), ничего не сдумалъ сказать намъ особеннаго, помимо сообщеннаго Рускимъ филологомъ, равно какъ и открыть первообразъ хоть одного изъ трехъ отрывковъ, напротивъ, какъ сейчасъ упомянуто было, удовольствовался лишь превознесеніемъ похвалами объясненій упредившаго его филолога, примѣчаницами («commentarioli») второй руки, да, въ завершеніе всего, перепечатаніемъ самаго «Поученія на память св. ап. Марка» и переводомъ его на Латинскій, по тому что нельзя же считать чѣмъ либо особеннымъ мнѣнія его, тутъ же, въ четырехъ строчкахъ, высказаннаго, по коему это Поученіе, могло стать, занесено было въ Россію посломъ къ в. к. Ольгѣ, 960 года, Трирскимъ (послѣ Магдебургскимъ) архіепископомъ, Адальбертомъ, современникомъ Авраама, Фрейзингенскаго епископа, 957—994, по мнѣнію Копитара, «scriptoris codicis Frisingensis» (181). Списокъ съ списка Авраамова, оставшійся у насъ, какимъ бы то ни было образомъ послѣ Адальберта, могъ быть, отысканъ митрополитомъ Макаріемъ, поклонникомъ Западнаго просвѣщенія (?), либо даже другимъ какимъ ни есть способомъ полученъ имъ изъ Нѣмецкой земли: «Quid si missus c. 960 Olgae ducissae Adalbertus Treverensis, dein Magdeburgensis Archiepiscopus, Abrahami nostri aequalis, descriptam ex hujus *εὐμοκρίφ* tulerit in Russiam, ibique relictam aut perditam a repulso, posthac invenerit Macarius metropolita? Quamquam Macarius occidentalium doctrinae admirator potuit alia

etiam via ipse nascisci e Germania» (182). Такого рода предположения свѣдѣтельствуютъ только, что для человѣка, рѣшившагося, однажды, отстаивать какую либо мысль, самое несообразное и невѣроятное кажется дѣломъ совершенно въ порядкѣ вещей, очень возможнымъ, даже чуть ли на самомъ дѣлѣ не существовавшимъ. Какъ бы то ни было, только скоро 30 лѣтъ, какъ въ первый разъ было указано на необыкновенное сходство Фрейзингенскаго Поученія съ Поученіемъ на память св. апостола Марка, а объясненія причины тому по сю пору нѣтъ, какъ нѣтъ, ни откуда, ни съ Запада, ни съ Востока. Востокъ всю надежду въ этомъ случаѣ возложилъ на «счастливыи случай», который, авось, «откроетъ какой ни будь остатокъ древности, могущій служить къ разрѣшенію сей загадки». И, странно, случай этотъ, казалось, выжидаемый съ такимъ нетерпѣніемъ, по крайней мѣрѣ, знатоками и замѣшанными въ семъ дѣлѣ, нѣсколько лѣтъ тому представился, и, однако же, не только не вызвалъ ни чьего объясненія, но прошелъ незамѣченнымъ даже тѣми, которые больше всѣхъ, по видимому, дожидались его. Въ упомянутомъ уже разѣ письмѣ ко мнѣ, въ мартѣ 1848 года, В. М. Ундольскаго, о твореніяхъ «Климентѣ, епископа Словѣньска», представленъ былъ «перечень Словъ Климентѣ, съ ихъ началами», съ цѣлю, не встрѣтится ли кому либо чего еще новаго изъ сочиненій сего писателя. Подъ числомъ 2-мъ приведено тутъ: «Поученіе на память Апостола или Мученика». Начало: «Братіе, присно ждалъ». Оно, вмѣстѣ съ двумя другими (предшествующимъ и послѣдующимъ) (183), отыскано сочинителемъ письма еще въ 1840 году, въ одномъ пергаменномъ сборникѣ XII-го вѣка, принадлежащемъ Библіотекѣ Троицко-Сергіевой Лавры подъ № 11-мъ (184). Такое начало этого Климентова Слова само собою вызывало сличеніе съ такимъ же началомъ «Поученія на память св. ап. Марка». Конечно, тотъ, кто первый выписалъ его, знаетъ объ отношеніи его къ «Поученію» и, безъ сомнѣнія, въ свое время, при изданіи твореній Климентѣ, предпринятыхъ имъ (185), упомянетъ о томъ, даже, статья можетъ, займетъ подробными поисками о соотношеніи между етѣми Поученіями; однако, считаю нужнымъ замѣтить, и съ своей стороны, о послѣднемъ, тѣмъ болѣе, что оно, какъ нельзя лучше, свѣдѣтельствуеетъ противъ Ко-

питарова мнѣнія о Хорутанскомъ происхожденіи нашего Бого-
служебнаго языка.

Теперь, зная положительно, кому принадлежитъ значительная часть 3-го отрывка Фрейзингенской рукописи (у Копитара 2-го, въ *Glag. Cloz.*), т. е., Клименту, епископу Словѣньскому, непосредственному ученику Кирилла и Меѳодія, какъ мы видѣли уже, скончавшемуся 27-го іюля, 916-го года, теперь, говорю, имѣемъ полное право сдѣлать слѣдующія послылки и вывести отсюда заключенія: а) что рукопись эта не можетъ быть старѣе, по крайней мѣрѣ, первой четверти X-го вѣка; слѣдовательно, б) быть древнѣйшимъ памятникомъ какъ вообще Славянской письменности, такъ и въ особенности Церковно-славянской, и, по тому, в) свѣдѣтельствомъ въ пользу Паннонскаго или Хорутанскаго происхожденія Священнаго языка Славянъ Православной Церкви. Напротивъ, открытіе принадлежности «Поученія» Клименту показываетъ, окончательно и навсегда, еще съ новой стороны, ту истину, добытую уже при посредствѣ другихъ обстоятельствъ, что языкъ нашихъ богослужебныхъ книгъ дѣйствительно и непреложно есть языкъ тогдашнихъ Славянъ Булгарскихъ, такъ какъ самъ Климентъ былъ, по показанію его жизнеописателя, природный Булгаръ, слѣдственно, писалъ на своемъ родномъ языкѣ, а не на языкѣ Хорутанскомъ, хотя и родственномъ, но не въ такой степени, чтобы онъ былъ одно и то же съ языкомъ Славянъ Булгарскихъ. Чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ нарѣчія Славянскія ближе къ себѣ: это правда; но правда и то, какъ показываетъ исторія и новѣйшія основательныя изслѣдованія, что, при всемъ еродствѣ и сходствѣ, нарѣчія етѣ уже въ историческое время существовали и отличались другъ отъ друга тѣми же существенными признаками, какими и теперь, спустя слишкомъ тысячу лѣтъ. А если Климентъ употреблялъ языкъ Славянъ Булгарскихъ, то, естественно, то же должно сказать и объ учителяхъ его и Славянъ на Фракійскомъ полуостровѣ, равно какъ и въ Великоморавіи; въ противномъ случаѣ такое важное и существенное обстоятельство не было бы пропущено описывавшимъ жизнь Климента. Отсюда, г) третій отрывокъ Фрейзинген-

ской рукописи, столько сходный даже дословно во многомъ съ твореніемъ Климента, свидѣтельствуеъ, что онъ писанъ на одномъ и томъ же языкѣ съ етѣмъ послѣднимъ, отнюдь же не на оборотъ. Нѣкоторыя, самыя мелкія, разнорѣчія слѣдуетъ приписать тому, что до насъ дошелъ не подлинникъ, но только списокъ Климентова сочиненія изъ XII-го столѣтія, и при томъ разряда Рускаго, равно какъ и тому, что Фрейзингенскій отрывокъ переданъ Латинской азбукой, какъ извѣстно, самой недостаточной для воспроизведенія звуковъ языка нашего племени, особенно за столько вѣковъ въ древность. Не смотря на все искусство объяснявшаго ихъ, довольно еще остается сомнительнаго, какой именно Славянской звукъ хотѣлъ выразить писецъ той, или иной, Латинской буквой, хотя, съ другой стороны, это послѣднее ни мало не мѣшаетъ видѣть въ отрывкахъ сихъ Церковнославянское, а не Паннонское или Хорутанское, нарѣчіе. По сему полагаю, вмѣстѣ съ Востоковымъ, что одно изъ етѣхъ двухъ «Поученій» (Фрейзингенскій третій отрывокъ, точно такое же поученіе, какъ и Поученіе на память св. ап. Марка) есть, по меньшей мѣрѣ, передѣлка съ другаго, и передѣлка, что называется, рабская, т. е., допускающая буквальный снимокъ. Что съ чего списано или передѣлано, ясно. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же предполагать, чтобы Климентъ заимствовалъ сходное изъ Поученія, не извѣстно кѣмъ и когда составленнаго для Хорутанцевъ, стало быть, до прихода къ нимъ Солунцевъ, стало быть, на языкѣ Климента, т. е., Славянъ Булгарскихъ? Или думать, что оно составлено на Хорутанскомъ, но бывшемъ до того сходнымъ съ языкомъ Климентовымъ, что оба слѣдовало считать однимъ и тѣмъ же, а не двумя, даже родственными, нарѣчіями? Въ такомъ случаѣ, всякой толкъ о переводѣ богослужебныхъ книгъ на одно изъ етѣхъ нарѣчій, въ существѣ своемъ, становится излишнимъ, по тому что тогда это — одно и то же, а разница въ одномъ лишь названіи. Но такое сходство должно доказать, а не предполагать, или допускать только, какъ возможность, и на ней строить системы. Такъ какъ поученіе Климента писано на память апостола или мученика, то отсюда становится понятнымъ, что оно принадлежитъ къ разряду тѣхъ поученій, ко-

торья обыкновенно назначаются для произношенія не въ одинъ опредѣленный день, и при томъ разъ навсегда, но въ разные, сходные между собою по чему либо, церковные дни. Въ поученіяхъ такого рода всякой новообращенный народъ пуще всего нуждается, и по тому-то Климентъ, какъ извѣстно изъ Житія его, старался, прежде всего, удовлетворить етой первой потребности Славянъ Христіянъ; отъ того, въ древнѣйшихъ спискахъ етого поученія и другихъ подобныхъ, не встрѣчаемъ надписанія, на память какого именно лица, или событія, оно предназначалось, но вообще, что выражается въ самомъ изложеніи словомъ «имѣ» («има рекъ») (186). Можно думать, что это твореніе Климента, послѣ его удаленія, вмѣстѣ съ прочими товарищами, изъ Великоморавскихъ владѣній, было передѣлано кѣмъ ни есть изъ Православныхъ преемниковъ ихъ, чѣмъ объясняется обстановка взятаго изъ етого поученія другими мѣстами, равно какъ и самое расположеніе; либо еще самъ Климентъ взялъ изъ него то, что шло, и перенесъ въ другое поученіе о грѣхахъ (весьма обыкновенное явленіе, какъ извѣстно, въ древности), и, въ семъ послѣднемъ видѣ оно было кѣмъ-то записано Латинскимъ письмомъ, когда Кириллица, время отъ времени, болѣе и болѣе приходила въ забвеніе между Хорутанскими Славянами, подпавшими, съ тѣхъ поръ, зависимости Нѣмцевъ въ государственномъ и вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ. Подъ Поученіемъ о грѣхахъ, разумѣется такое, коимъ побуждаются вѣрующіе къ исповѣданію своихъ грѣховъ, или, какъ въ немъ сказано, «поуцатию» то есть, исчисленію передъ «Божіими рабами» или духовными отцами: «da po tomu zinzi (sinci) boži raba prizvavše, tere im grechi vaša počtete i im ispovedni bodete grechov vašich»; по Кирилловскому письму: «дл по томуѣ. сынъци, божиимъ раба призъвавъше, тере имъ грѣхы ваша поуцате и имъ исповѣдани бадете грѣховъ вашихъ». Стало, оно есть какъ бы приготовленіе или введеніе къ тому, что составляетъ содержаніе прочихъ двухъ отрывковъ; по сему, всѣ три, имѣя одну цѣль, по необходимости, и приспособлены къ ней, слѣдовательно, составляютъ нѣкотораго рода одно цѣлое. Я готовъ думать, что и прочіе два отрывка, гораздо меньшаго объема, изъ коихъ первый просто «исповѣдь грѣховъ» или въ грѣхахъ для каждаго, на

что указываютъ и слова, поставленныя въ заглавіи ея: «Glagolite po naz (nas) redka zloveza (slovesa)», а второй — исповѣдная молитва, то есть, передъ исповѣдью, что видно изъ словъ: «da bim čisto izrovjed stvoril i odpustek ot boga prijel»: да бгмъ чистѣ исповѣдь створиашъ и отпоустѣкъ отъ бога прѣимашъ, что и етѣ два, говорю, отрывка первоначально писаны однимъ изъ учениковъ Кирилла и Меѳодія, быть можетъ самимъ же Климентомъ, или кѣмъ либо изъ непосредственныхъ послѣдователей ихъ, и только съ теченіемъ времени подверглись передѣлкѣ, т. е., приспособлены больше къ обряду Западной Церкви. Но всего вѣроятнѣйшимъ полагаю составленіе етѣхъ трехъ памятниковъ туземцемъ (Паннонскимъ или Хорутанскимъ), но туземцемъ, жившимъ въ то время, когда языкъ Кирилла и Меѳодія не совѣтъ еще вышелъ изъ употребленія, по крайности, между духовенствомъ, да и простолюдину былъ на столько понятенъ, на сколько теперь въ земляхъ Православныхъ. Такимъ же временемъ естественнѣе всего считать пространство его отъ кончины Меѳодія до присоединенія Хорутаніи къ Баваріи (885—937), т. е., то самое время, когда, не смотря на изгнаніе Меѳодіевыхъ учениковъ, какъ богослуженіе, такъ и, органъ его, языкъ Церковнославянскій или Славянъ Булгарскихъ, продолжали все еще коекакъ пробиваться. Да и по чему же не такъ, если мы знаемъ навѣрное, что первые государи самыхъ разрушителей Великоморавской Державы были послѣдователями Православія? когда въ сосѣдственной и родной землѣ, Чешской, тоже нѣкоторые изъ членовъ семьи перваго Христіанскаго Чешскаго князя (Боривоя) крѣпко держались етого Исповѣданія, такъ что святая и богоугодная жизнь ихъ была описана не на Чешскомъ, тѣмъ менѣе Латинскомъ, или Нѣмецкомъ, языкѣ, но именно на языкѣ Церковнославянскомъ, и описаніе ето, какъ мы уже знаемъ, хотя не въ современномъ подлинникѣ, дошло даже до нашего времени? (187) При томъ же, и послѣ долго и долго, не взирая на переходъ владѣтельнаго Дома и высшаго сословія, простой народъ Чешскій питалъ сильное сочувствіе къ Славянскому богослуженію и языку, какъ онъ обыкновенно называлъ Православіе и его Церковнославянскій глаголъ, такъ что среди его по-

являлись, не рѣдко, мужи, основывавшіе особыя обители для безпрепятственнаго отправленія его (между прочимъ, знаменитый Сазавскій монастырь, о коемъ говорено было выше). Если дѣйствительно возможно было Чеху описать Житіе и кончину св. Вячеслава на етомъ языкѣ, то по чему же считать невозможнымъ такое же знаніе и употребленіе Церковнославянскаго языка въ эту пору въ Панноніи, имѣвшей передъ Чехіей то важное преимущество, что въ ней, по извѣстіямъ, не поддежающимъ ни какому сомнѣнію, не разъ и не мимоходомъ, пребывалъ Месодій, слѣдовательно, и его ученики? Жизнеописатель Климента говоритъ о многочисленности послѣднихъ при погребеніи его: не могли же всѣ они состоять изъ однихъ Великоморавцевъ, но, разумѣтся, по крайней мѣрѣ, на половину было ихъ и изъ владѣній Коцела? По сему, очень статочное дѣло, что одинъ изъ современниковъ Кирилла и Месодія, или же ихъ учениковъ, родомъ Хорутанецъ, былъ виновникомъ всѣхъ упомянутыхъ трехъ отрывковъ, написавъ ихъ на языкѣ нововведеннаго богослуженія, сдѣлавшемся ему извѣстнымъ точно такимъ же образомъ, какимъ и жизнеописателю св. Вячеслава, и т. п. Тогда понятно, что онъ, какъ членъ уже Римско-Нѣмецкой Церкви, но имѣвшій дѣло съ народомъ, недавно еще съ такимъ восторгомъ принявшимъ слово Божіе на понятномъ ему языкѣ, и по тому не могшимъ тотчасъ охладѣть къ нему, долженъ былъ, для вѣрнѣйшаго успѣха, т. е., склоненія къ своей Церкви и удержанія за ней, на первыхъ порахъ много кой въ чемъ сообразоваться съ волей и расположеніемъ послѣдняго, слѣдовательно, могъ составить на языкѣ, на которомъ такъ недавно провозглашалось ученіе Церкви Православной и совершалось покаяніе въ грѣхахъ, и самъ, сколько можно, близкія по формѣ и содержанію отъ себя, приуготовительное поученіе къ исповѣди, молитву передъ исповѣдью и самую исповѣдь, или же бывшія уже и извѣстныя ему на етомъ языкѣ, измѣнить по своему, т. е., приспособить къ нововводимому, такъ сказать, порядку вещей. Подъ етѣмъ я разумѣю, преимущественно, вставки, указывающія на обрядность или обычай Западной Церкви, именно: о Маріи, Петрѣ, Михаилѣ, Лаврентіи (Лавренцѣ), вѣрникахъ (*confessoribus*), дѣвахъ и

божияхъ рабахъ (*Dei servis*), какъ обыкновенно любить называть себя Западное духовенство, о законникахъ (*fidelibus*), мощахъ, Крисусть (Христосъ по древнему или Христъ) и т. п. А какъ трудно, почти невозможно, было (по крайней мѣрѣ, сколько исторія Церковнославянской письменности по сю пору показываетъ), пишучи на языкѣ, хоть и родственномъ (что тѣмъ опаснѣе), но все же не родномъ, т. е., языкѣ Православнаго богослуженія, выдержать его во всемъ безошибочно, то отсюда, сами собою, объясняются нѣкоторыя Хорутанскія формы, бессознательно сообщенныя словамъ и оборотамъ Церковнославянскимъ, равно какъ и нѣкоторыя выраженія Хорутанскія и Хорутано-Нѣмецкія, т. е., такія, которыя принадлежатъ Нѣмцамъ, но, нечувствительно привившись, по сосѣдственному общенію, къ нарѣчію Хорутанскому, черезъ него навязаны и писавшимъ Церковнославянской рѣчью. Къ первымъ относятся, между прочимъ, касательно звукоизмѣненія: поставленіе *е* вмѣсто доегласной *я*, равно какъ и вмѣсто мягкаго *е* (*є*), изрѣдка только показывающагося; такое же отвращеніе къ смягченію гласныхъ и согласныхъ; *у* (выраженное черезъ *и*) *вм.* *шт* или *ф*; вставочное *д*: *clanam ze i modlim ze* (III, 36); *taco zinzi i nam ze modliti tomu ge vuirchnemo Otzu Gozpodi* (III, 59): оно и теперь еще, по свѣдѣтельству Ярника: «*Versuch eines Etymologicons der slowenischen Mundart in inner Oesterreich*» (Klagenfurt, 1832, S. 52), употребляется, тамъ и сямъ, въ собственной Хорутани. Касательно измѣненія словъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ: предпочтительное поставленіе сокращенныхъ формъ, то есть, въ именахъ существительныхъ творительный именъ женскаго рода един. числа твердогласныхъ (*а*) на *о* *вм.* *посоваго*, по Польскому правописанію, *а* (*ø*), или *и* (*u*), что попадаетъ также въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ: *zemlo* (II, 11), *cisto* (II, 22), *nasu praudnu vuerun i praudnu izbovuediu* (III, 104—106), *mo dusu, i mo vuoliu, i mo vueru* (I, 30—31); равно какъ и въ глаголахъ: *poruso* (II, 61), *poronso* (I, 29); дажѣ, другія стяженія: *tua* (I, 29), *tuima* (II, 55), *tuo* (I, 32), *me* (I, 29—30), *memu* (I, 19), *vuecsne* (I, 34), *pomislenie* (II, 63), *zlodgem prestupam* (III, 24), *klanam ze* (III, 36), и пр.; но въ особенности, рядомъ съ окончаніемъ родительна-

го ед. ч. муж. и ср. прилаг. и мѣстоименій на *што, ето, ега*, окончаніе на *ига, ега, ога*: *saco mi iega potreba* (I, 20), *i u iega z(s)in* (II, 6, 11); *ni mega poz(s)ta* (I, 18), *za mega izvolenie* (I, 33), *i inoga mnogoga* (I, 19), *uchrani me ot uzega (vsega) zla* (II, 72); *bim* въ выраженіяхъ: *i da bim na zem zuete tacoga grecha pocazen vzel* (I, 25); *i da bim uzlissal na zodni den tuó milozt vueliu* (I, 35); *da bim cisto izpouued ztuoril* (II, 22); *da bim nezramen i neztiden na zudinem dine pred tuima osima ztoial* (II, 53—56), т. е., *бимъ*, встрѣчается иногда, какъ видно изъ примѣра, приведеннаго Востоковымъ (пергам. Псалтырь XII-го вѣка), и въ Церковнославянскомъ въ формѣ *бимъ*, *бимъ* и *бими* («Собрание Словен. памятниковъ внѣ Россіи», стр. 49). Что до поставленія *б* вм. *р*, то оно, по мнѣ, принадлежитъ скорѣе переписчику, а не сочинителю, и, такимъ образомъ, показываетъ, что памятники етѣ дошли къ намъ уже въ спискѣ, и въ спискѣ Нѣмца, а не въ подлинникѣ. Впрочемъ, это замѣненіе встрѣчается очень рѣдко, и при томъ, рядомъ съ нимъ, въ одномъ и томъ же словѣ, иногда, написано, какъ слѣдуетъ: *bo tomu oztanem zich mirzcih del* (III, 17); *da bo tomu nine u circuvah ich clapanam ze* (III, 35); и тутъ же: *mosete po tomu zinci uvideti i zami razumeti* (III, 28); *da po tomu zinci bosi raba prizuause* (III, 109); *bozcekachu* вм. *poscekachu* (III, 55); *izbovuediu* (III, 106); *nabciachu* (III, 46); *g* вм. *k*: *i pagi bratriia pomenem ze* (III, 14); и, на оборотъ, *k* вм. *g*: *Ese iezem ztuoril zla pot den po(o)nge se bih na zi zvuet vuuraken i bih crisken* (I, 13). Сдѣсь *vuuraken* = Хорутанское *urogen*, т. е., *g*, по старинному Нѣмецкому правописанію, а съ него и у прочихъ, сосѣднихъ Нѣмцамъ, Славянъ (Чеховъ, Поляковъ, Лужичанъ, Хорутанцевъ и пр.), вм. *j*, откуда происходитъ форма *urojen* вм. *urodjen*, ЦСлав. *оурождень*. Ко вторымъ (Хорутанскимъ) относятся слѣдующія слова, сохранившіяся, сколько извѣстно, теперь преимущественно только въ устахъ Словенцевъ, но прежде, вѣроятно, извѣстныя и другимъ Славянамъ въ большей, меньшей, мѣрѣ: *zlodeiet*, *zlodeiu* (I, 28); *zlodgem* (III, 74), *злодѣй* или *злѣодѣй*, въ смыслѣ злой духъ, дьяволъ; *da bi ni ztoideiu otel; otmi me zem zlodeiem* (I, 28); *jaz ze zaglagolo zlodeiu i uzem iego delom i uzem iego lepocam* (II, 1—4); *nu ge stati pred stolom bosigem ze zopir-*

nicom nasim ze zlodgem starim (III, 72—74); *segna, žejna*, жейна в м. жедна, жадья, жадья: *oni bo lasna patrovuechu, segna nabo-jachu* (в м. *paroiachu*; III, 45—46), отъ *žejati, žejen*: *žeja*, жажда: особенность этого нарѣчія состоитъ въ превращеніи ЦС. жд или дж, мягкаго *đ* Сербовъ, нашего *ж* и т. д., въ *je*; *lasna*, т. е., *lácna*, отъ *lácen, lácati*, алкать, *lačnost*, алчность: *oni bo lasna patrovu echu* (III, 45); *lakomztue*, отъ *lakom*, скупъ, *lakomstvo, lakomnost*, скупость: *ulakomztue* (II, 35); *lepocat*, отъ *lér*, хѣпъ, откуда *léróta*, краса; *lepotica*, прикраша, приманка, прелесть: *léroiti*, прикрашивать, румяниться, бѣлиться, и т. п.: *i uzem iego lepocat* (II, 4); *nizce, nič že*, ничто, в м. *ničo* (съ опущеніемъ нашего *т*, ничто): *niz ce teh del mirzene* (III, 26); однако, по словамъ Востокова, *ничъ же* встрѣчается и въ ЦСлав. (въ «Словахъ Григорія Богослова», рук. Импер. Публ. Библиотеки, три раза), в м. *ништо же*; *otmi, oteti*, 1-е л. *otmem, otimam* (от *imu*): *da bi ni zlodeiu otél* (I, 28); *otmi me vzem zlodeicem*, тамъ же: *i gemu ze oteti* (III, 96); *preise*, нынѣ *prejšen*, ЦСлав. *пращьши*, прежній, прошлый, предокъ, отъ *prej*, *пращь*, наше *прѣже*, *преже*, Серб. *предѣ*, *пріе*: *preise nassi zesztoko stradacho* (*пращьши* [предки] *наши жестоко страдаха*; III, 97); *rote, roti*, отъ *gota*, клятва (отъ *река*), по томъ толпа (нынѣшнее значеніе въ Рускомъ): въ обоихъ значеніяхъ употребительно въ Хорутанскомъ нарѣчіи, отъ коего *rotišće*, мѣсто присяги; *rotiti*, присягать, клясться: *ili u ne praudnei rote* (I, 15); *ese choise ih ne pazem, nu ge prestopam* (*eže rotu koize ih ne pazem, na je prestupam*; III, 23—24); *zpitnich*, отъ *zpitен*, в м. *izpiten*, отъ *izpitati*, *испытати, izpit*, *испытъ*: *u zpitnich rotach* (въ *испытанныхъ ротахъ*; II, 33); *ztoriti*, в м. *stvoriti*, т. е., благозвучная *в* (*е*) не вставляются, отгуда Словенецъ говоритъ *toriti*, въ смыслѣ гнать ливо, *torenje, torilo*, чаша, *torica*, репейникъ; чаще сложное *storiti*, створить, дѣлать, хотя и *stvariti*, сдѣлать, совершить, *stvar*, твореніе, *stvarniza*, природа и т. п.: отъ того и въ етѣхъ памятникахъ обѣ формы встрѣчаются одна подлѣ другой; точно также и *tor, terek*, в м. *vtork, vtorek*, вторникъ: *to ie mosim storiti, ese oni to vuelico strastiu stvorise* (III, 107—108); въ Новобулгарскомъ тоже *storiti*, особливо въ пѣсняхъ; точно также обѣ формы и отъ производныхъ татъ: *tatba* и *tatva*, откуда *tatbina, tatvina, tatoven*:

ili u lsi (lsi), ili tatbe (I, 15); v lisnih resih (ložnich recich), v tatbinach (II, 34); ese (eze) tatua, ese gaszboi (III, 22); *tepechu*, отъ *tepem*, *tepsti*, бить: nebo ie *tepechu metlami* (быль розгами, бичами) (III, 98); *tere*, вм. теже, какъ Серб. еръ, ербо, морем, мореш, море и т. д., вм. ежъ, ежъ бо, еже, еже бо, можемъ, можешь, може; впрочемъ, теперь въ Хорутанскомъ только *ter*, но въ Сербскомъ полная форма, *tere*; *circuvach*, *circua*, нынѣ *cirква*, *críkva*, *cirkev*, *cérkev*, *cérkov*, *cérkva*: *ni ne u circuvah ich clanam ze* (III, 36); *zredu*, отъ *zred*, *čred*, ВР. и МР. чередъ, но *čreda* или *čeda*, череда, урядъ, *grtex*, какъ во всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчьяхъ. Къ третьимъ (Хорутано-Нѣмецкимъ) формамъ принадлежитъ выраженіе *uz tazi*, *uzmaztue*, не разгаданное и Востоковымъ, но по Копитару составляющее передѣлку Древненѣмецкаго *ûz der mâze*, *aus der Masse*, τὸ ἔκμετρον, *extra modum*: ili v *uzmazi*, aut in *intemperantia* (I, 15); v *lichopiti*, v *uzmaztve i u uzem lichodiani* (in *nimis bibendo*, in *intemperantia et in omni immoderatione*) (II, 36 — 37). Всѣ етѣ слова, по тремъ видамъ ихъ, указываютъ намъ только на то, что твореніе на языкѣ Славянъ Булгарскихъ, занесенное въ Паннонію при Кириллѣ и Меѳодіи, или даже составленное тамъ кѣмъ либо изъ учениковъ ихъ и послѣдователей, и сдѣсь, какъ и въ другихъ краяхъ, родственнымъ племенемъ занятыхъ, подверглось, со временемъ, вліянію нарѣчія туземнаго съ одной стороны, а съ другой, по той же самой причинѣ, отразило на себѣ вліяніе тамошнихъ обстоятельствъ тогдашняго времени, точь въ точь, какъ и самыя Жизнеописанія Кирилла и Меѳодія, какъ Жизнеописаніе Вячеслава и Людмилы въ Чехахъ и т. п. А по тому, повторяю, нѣтъ необходимости утверждать Паннонское, или что одно и то же, Хорутанское, Словенское, происхожденіе языка Кириллова и Меѳодіева, пересаживать его отлуда въ Булгарію, а изъ нея въ другія Православныя Славянскія земли, слѣдовательно, приписывать Хорутано-Нѣмецкое происхожденіе и тѣмъ не многимъ словамъ, которыя указываютъ на Латинскій языкъ: они и безъ этого посредства могли хорошо войти въ языкъ Славянъ Греческихъ и Булгарскихъ, отъ гораздо чащаго и долговременнѣйшаго общенія ихъ съ самыми Новоримскими Греками, много

усвоившими себѣ изъ языка стараго Рима, и разными поселенцами Латинскаго происхожденія на Эракійскомъ полуостровѣ. А что касается до того, что въ Святцахъ при Остромировомъ Евангеліи память Сильвестра, папы Римскаго, записана подъ 31-мъ декабря, по обряду Западной Церкви, а не 2-го генваря, какъ празднуетъ Востокъ: «лѣ Мѣѣ тѣ. стѣѣ стѣѣго мѣѣ Селвестра павеса» (стр. 256, столб. I.), или что подъ 4-мъ октября тамъ же читаемъ: «дѣ Мѣѣ тѣ. стѣѣ стѣѣмъ мѣѣ Дюмета и Дюгена, и стѣѣго сѣѣномѣѣ Петра Капетоулапхъ», и пр. (стр. 228, столб. 1-й), оба, указывающія на Латинскій *Calendarium*, именно, послѣднее на списокъ, схожій съ спискомъ Морцеллія, въ которомъ *Capetoleogum* предлагавшій прочелъ *Capetoli eogum*, вмѣсто *Capitulensium*, какъ стоитъ въ исправлѣннѣихъ спискахъ, то это, по справедливому замѣчанію Шафарика (188) указываетъ на то лишь обстоятельство, что въ первыя времена Христіанства, когда не было еще завершено раздѣленіе Церквей, довольно переводилось и на Церковнославянскій языкъ съ Латинскихъ богослужебныхъ книгъ, особливо въ краяхъ, находившихся подъ верховной властію папы, какова и самая Мораво-Паннонская архіепископія Меодіа. Вѣдь и въ нашей Библии книги: 3-я Маккавейская, 3-я Ездры, Товитъ и Іудифъ переведены съ Вульгаты, по тому что князь Острожскій, издавая ее по списку Іоакимовскому (1538), нашелъ ихъ уже въ предложеніи съ Латинскаго, а не съ Греческаго? Развѣ можно по етому дѣлать посылку такого рода: стало, переводившіе, и тѣ, для кого переводились етѣ книги, принадлежали къ Римской Церкви? Такъ, пожалуй, и всѣхъ нашихъ переводчиковъ съ Латинскаго и другихъ языковъ, сочиненія на коихъ писаны Католиками, позволено будетъ считать тоже Католиками. Напротивъ, переводъ Остромировскихъ Святцевъ съ Латинскаго говоритъ единственно о томъ, что они моложе Меодіева времени, тѣмъ болѣе, что въ нихъ, подъ 14-мъ февраля, помѣщенъ уже и братъ его, Кириллъ. Считать, на оборотъ, послѣднее позднѣйшей лишь вставкой въ Календарь Паннонскаго происхожденія, а съ нимъ Остромирово Евангеліе и всѣ вообще Церковнославянскіе памятники, писанными на языкѣ Словенцевъ, какъ это дѣлаетъ Копитаръ, возражая

Шафарыку въ своемъ Гезихи (pag. 49): Imo ipse antiquissimus Russorum Novogrodensis codex Ostromirianus A. 1057 in Calendario suo aperta certaue prodit vestigia pannonici, unde descriptus fuit sive ἐπιτέσως sive ἀπιτέσως archegraphi in die festo S. Silvestri ex usu Romanae ecclesiae, et versione *нѣв-тоу* и *нхъ* facta e latini textus *Capitoleorum* genitivo, id quod jam monstravimus in Gtagolita Cloziano, quodque sat perplexum habet doctissimum Schaffaricum (Antiq. Slav.), ne quidquam provocantem ad *μακρὸν χιρόν*, quo quidem potuit probabiliter interpolari festum S. Cyrilli, at non aequè invehi in media Russia Romanae ecclesiae dies S. Silvestri festus alius quam ecclesiae graecae, nec latinismus *настоули нхъ*, считать, говорю, все это, опираясь на такихъ разъединенныхъ и въ высшей степени натянутыхъ доводахъ Хорутанизмомъ или Паннонизмомъ, значить представлять вещи совершенно въ превратномъ видѣ, изъ мухи, какъ говорится, дѣлать слона. Тутъ ни какал вѣра въ неопровержимость своихъ доказательствъ, нхъ побѣдоносность, не доставить намъ побѣды; равномѣрно, напрасны всѣ вызовы опрокинуть ихъ, въ родѣ слѣдующаго: «At nos opinionis nostrae *testimonia et argumenta* produximus, ut speramus, plane *victricia*: haec igitur *refellat* ante omnia, qui nos falli velit aut fallere» (Hesychius, p. 67), или же брань на невѣрующихъ и разнаго рода намеки на человѣческія слабости своихъ противниковъ (Ib., p. 56 — 62, 68 — 72), скажемъ его же самаго словами: «Indignum est honesto homine, *calumniari* malle, cum non possis rationes opponere rationibus» (Ib., p. 68). Изъ того, что коечто вошло въ языкъ Церковнославянскій, во время его странствованія тамъ и сямъ, изъ другаго языка, родственнаго (или чужаго), непозволительно называть его послѣднимъ, или выводить происхождение изъ земли, составляющей родину этого, какъ непозволительно же дѣлать заключеніе и на оборотъ. Что дивнаго, если въ самыхъ древнѣйшихъ Кирилловскихъ рукописяхъ встрѣчаемъ особенности не только Хорутанскаго нарѣчія, но и говора Славянъ Угорскихъ, Моравскихъ и Чешскихъ, когда была пора въ жизни Славянскаго племени, что всѣ безъ малого его вѣтви слышали слово Божіе на етомъ языкѣ, почти своемъ, языкѣ роднаго имъ бра-

та, ничѣмъ не старшаго, хотя и одареннаго отъ природы большими талантами, чѣмъ каждый изъ нихъ отдѣльно, даже всѣ, вмѣстѣ взятыя? Весьма вѣроятна, по тому, догадка Шафарика, что нѣкоторые изъ самыхъ старыхъ Церковнославянскихъ рукописныхъ памятниковъ, принадлежащихъ теперь намъ, Рускимъ, суть списки съ подлинниковъ Русовъ Карпатскихъ или Угорскихъ (Slovan. star., выше), прибавлю, даже Славянъ Адриатическихъ. Вотъ по чему въ егѣхъ спискахъ встрѣчаемъ слова и формы, противныя языку Кирилла и Меѳодія, по указывающія на землю и народъ, гдѣ они списаны, на примѣръ, въ Паннонскихъ Житіяхъ и Фрейзингенскихъ отрывкахъ — Паннонскія, въ Житіи Вячеслава и Церковной пѣсни «Господи, помилуй ны» — Чешскія, Остромировомъ Евангеліи — Южнорускія или Карпаторускія, каково: 3-е лице наст. врем. исць: «Уѣто ѿ тебе?» (Іоан. XXI, 22, стр. 53, стол. 4.); Уѣто ѿ мамы и тебе, Нѣсе? (Мат. VIII, 29, стр. 65, стол. 3), а въ Глаголическихъ — Хорватскія, Кирилловскихъ — Сербскія и Хорватскія. Все это признаки, указывающіе на историческія судьбы этого нарѣчія, отнюдь же не на происхождение его отъ народа, языку котораго принадлежать они. А по тому, соглашаясь съ Копитаромъ на счетъ равновѣчія обоихъ Славянскихъ азбукъ, Кириллицы и Глаголицы, пока другія открытія не отдадутъ первенства одной изъ нихъ, но не гаданія и мечтанія грамотниковъ, и охотно подписываясь подъ его правымъ выводомъ, доставленнымъ ему изученіемъ Клоцова памятника: «Alphabetum nunc dictum *glagoliticum* hodieque Slavorum tantum ritus latini reliquiis per Istriam Dalmatiamque quasi proprium, si minus antiquius, at saltem aequale esse antiquitate *cyrilliano*», не можемъ, въ силу всего, сказаннаго доселѣ, того же сдѣлать подъ другимъ его выводомъ, непосредственно за тѣмъ слѣдующимъ, о Паннонскомъ происхожденіи Церковнославянскаго языка: «Dialectum Slavorum utriusque ritus sacram, nunc emortuam, seculo nono fuisse *vernaculam* S. Methodii archiepiscopi Pannoniensis dioecesanorum, *Slavorum* nimirum *Pannoniae*, seu (ut passim vocantur illius aevi annalium scriptoribus) *Carantani*. Hanc ergo suae dioeceseos dialectum slavicam S. Methodium A. 870 in Pannonia primum evehisse ad aras, mox

ingenti Slavorum reliquorum omnium applausu exceptam, primaeque patriae per Hungarorum vastitatem exulem pupillam paratum receptum habuisse apud cognatos Bulgaros, Croatas, Serbos tandemque Russos, e quorum singulorum commercio etiam traxisse complura, quae ignorasset in Pannonia, et vicissim amisisse profugam quae domi habuisset» (189). Однако, и послѣ нашего разсмотрѣнія остающимся все таки при предположеніяхъ Копитара, скажемъ его же словами, что, подобно ему, и «Nos religiose quaesisse *verum*, paratos transire in contrariam sententiam, si quis nostris funditus eversis *meliora pro ea attulerit argumenta*» (Ib., pag. LXXX), но при этомъ просимъ не забывать заключительныхъ его словъ, хоть самъ онъ, правду молвить, какъ показываютъ всѣ его сочиненія, особливо «Hesychius», меньше чѣмъ кто либо слѣдовалъ требуемому имъ въ нихъ отъ другихъ: «Est veris Criticis sive linguae sive historiae palma proposita, minime tamen ea declamationis aut sycophantiae, sed *rationum et argumentorum*» (Ib.). Впрочемъ, какъ мало самъ Копитаръ вѣрилъ въ душѣ такому происхожденію языка Священныхъ книгъ Православнаго Исповѣданія, стало быть, и, нераздѣльно соединенному съ нимъ, образованію письменъ, для совмѣщенія коего съ первымъ принужденнымъ нашею, вопреки свѣдѣтельству всей древности, даже, по его, почти непогрѣшительной, Латинской древности (папы Іоанна VIII-го и другихъ), отдать преимущество какому-то древнему Кирилловскому показанію (не называя, однако, по имени, что и не нужно, по тому что оно, по всему, было показаніе Проложнаго Житія Сербскаго разряда и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ, слѣдов., далеко несовременное, но, какъ онъ выражается, преданіе, «*Cyrgillionorum traditio*») о появленіи ихъ (письменъ) въ 3-мъ индиктѣ, а по тому, какъ видѣли уже выше, все, несогласное съ тѣмъ, отвергать, какъ мало, говорю, самъ Копитаръ убѣжденъ былъ въ прочности выставленнаго и, съ отчаяніемъ погибающаго, защищаемаго имъ положенія о Паннонствѣ или Хорутанствѣ Кирилловскаго языка и Кириллицы, лучше всего показываютъ собственныя его слова: «*Se-terum*, — говоритъ онъ, — (*Glagol. Cloz.*, pag. XXXI, not. 2), *liturgiae slavicae initium non necessario cohaerere cum alphabeti inventione*». До чего не доведетъ человѣка, во всемъ дру-

гомъ, статья можетъ, довольно благоразумнаго, страстность въ спорѣ съ мнимыми вѣроисповѣдными и литературными соперниками, старавшимися, какъ онъ увѣрялъ, перехватить себѣ мнимую кафедру патріарха критиковъ-историковъ у Западныхъ Славянъ, оставшуюся праздною послѣ смерти Добровскаго и принадлежавшую будто бы, по словамъ главы Нѣмецкихъ филологовъ (190), по всему праву, ему, Копитару! Въ самомъ дѣлѣ, если и не такова была побудительная причина его книжныхъ походовъ противъ большей и лучшей части тамошнихъ Славянскихъ изслѣдователей, то, судя по его же простосердечному заключенію упомянутаго уже «Appendix miscellanea» къ «Nesychii discipulus et ἐπιγλωσσοβόστης Russus», это обстоятельство имѣло чрезвычайное вліяніе на ходъ ученыхъ работъ его и самый образъ выраженія, заставляло, противу воли, подаваться все далѣе и далѣе въ мнѣнія, однажды высказанномъ, не страшась ни какихъ, вытекающихъ отсюда, посылокъ и выводовъ, напротивъ, самъ еще отважно вызывая и бросая ими въ противниковъ. Къ сему присоединилась еще и мелочная, приходская, такъ сказать, любовь къ своему родному краю, какъ извѣстно, въ людяхъ, не умѣющихъ, или не хотящихъ, различить родины отъ отечества, приводящая, не рѣдко, къ довольно превратнымъ и забавнымъ поступкамъ, въ существѣ своемъ истекающимъ изъ самаго похвальнаго, самаго возвышеннаго, чувства: «Neque veremur, ne apud aequos iudices nobis officiat patria Carniola, ad cuius utpote Carantani et Pannoniae particulae gloriam haec conepemur adstruere» (Glagol. Cloz. pag. LXXX). Дивиться ли послѣ всего этого, что Копитаръ, утверждая Паннонское происхожденіе Церковнославянскаго языка и его азбуки, мало обращалъ вниманія на то, что послѣднюю, по тому, придется Кириллу изобрѣтать послѣ смерти своей, или же, замѣчая такую несообразность, прибѣгалъ, какъ показано было мною уже выше, къ самымъ насильственнымъ, даже нечестнымъ, толкованіямъ и изворотамъ, то есть, яко бы не Кириллъ былъ настоящимъ творцемъ нашихъ письменъ, но Меѳодій, который «suam combinationem graecoslavicam fratri in acceptis retulit, et Papae probavit», другими словами, допустилъ намѣренный подлогъ! И для чего же все это извращеніе лицъ, чиселъ, событій, эта, выра-

жаясь его же языкомъ, «*integra veritatis profanatio?*» Чтобы только «*linguae Methodii liturgicae pannonietatem argumentis extrinsecis et intrinsecis illustrare extraque omnem dubitationem ponere!*» Но «*sermo datur cunctis, animi sapientia paucis,*» скажемъ подобнымъ въ заключеніе.

Гаданія Копитара по сю пору не нашли себѣ ни въ комъ чувствія изъ Славянскаго и чужаго міра, кромѣ нѣсколькихъ чело-вѣкъ, изъ коихъ назовемъ: *Якова Гримма*, который еще въ 1824-мъ году, въ «*Voggede*» къ переведенной имъ «*Wuks's Stephanowitsch kleine serbische Grammatik*» (Leipzig, 8°), въ коемъ много и очень дѣльно говорить о Славянахъ вообще, ихъ нарѣчіяхъ и отношеніи къ другимъ родственнымъ, особливо Нѣмецкимъ, прежде всѣхъ повторилъ мысль его (Копитара) о Паннонскомъ происхожденіи языка Церковнославянскаго, высказанную имъ въ первый разъ въ разборѣ «*Institutiones linguae Slavicae veteris dialecti*», Добровскаго, помѣщенномъ въ Вѣнскихъ «*Jahrbücher der Literatur*», 1822 года (XVII Band, Jänner — März, S. 66—107), и отдѣльно (43 стр.), а послѣ, спустя 15 лѣтъ, снова повторенную и развитую, по случаю изданія Клоцова Глаголическаго памятника (191). Вотъ въ какихъ выраженіяхъ отецъ Нѣмецкой филологіи высказалъ тогда Копитарово мнѣніе: «*Natürlichste Annahme scheint, dass ihrem Ruf und ihrer Sendung gemäss Cyrillus und Methodius sich nicht der ihnen zu Hause geläufigen südöstlichen Mundart (welcher die heutige bulgarische etwan am nächsten stünde) bedient, dass sie vielmehr in Pannonien die pannonische, deren sie sich durch Befragung eingeborner Geistlichen leicht bemächtigen konnten, gewählt und genommen haben werden. Methodius wenigstens musste sich während seines langen Aufenthaltes vollkommene Fertigkeit in dem Dialect des Landes erwerben, andere zum Theil unbekannte Nacharbeiter vollendeten das Werk. Als die Ungarn in Pannonien fielen, flüchtete man ohne Zweifel die ältesten Handschriften der Kirchenbücher auswärts, und gerade dies mag zu ihrer grossen Verbreitung mitgewirkt haben. Serbische, polnische, litthauische, endlich auch russische Geistliche schrieben sie ab, wagten aber nur geringe Abweichungen*

nach ihrer Mundart einzuführen. Eine critische Vergleichung aller Handschriften wird diesen Abweichungen ihr Recht thun und aus den noch lebenden Volkssprachen erläutern; sie wird darauf Rücksicht nehmen, dass eben *der pannonische Dialect, von dem die Kirchensprache ausgegangen zu seyn scheint*, in seiner Entwicklung gehemmt wurde und heutzutage, wo nicht gänzlich erloschen ist, nur noch schwach in einigen Comitaten Westungarns fortlebt (VIII—IX). Другой — это близкій Копитару по многому и, главное, его землякъ, г. Миклошичь, который, кажется, отчасти раздѣляетъ его взглядъ, называя, какъ показано уже выше, языкъ Новобульгарскій и Словенскій (своихъ Словенцевъ или Словинцевъ въ прежней Панноніи и Хорутаніи или теперешнихъ Штирцевъ, Краинцевъ и т. д.) братьями, образовавшимися изъ языка прежнихъ Славянъ Бульгарскихъ, у насъ извѣстнаго подъ именемъ Церковнославянскаго, и отличая послѣдній (192) именемъ Старославянскаго (altslovenische), а свой Новословенскаго (Neuslovenische). Такой взглядъ, собственно говоря, есть только выводъ, сдѣланный имъ изъ одного Копитарова положенія, касательно того, что Бульгарскій языкъ ближе всѣхъ къ языку Словенцевъ Паннонскихъ или, что по его одно и тоже, языку Меоодіеву: «Proximis his (Pannonicis Slavis, olim primis linguae Slavorum sacrae auctoribus) Bulgari, apud quos sec. XIII laetissime effloruerat S. Methodii lingua sacra» (см. выше, стр. 214). Отъ этого замѣчаемъ въ сочиненіяхъ и изданіяхъ его много несообразностей, несогласныхъ съ возрѣніемъ на памятники Кирилловской письменности, свободнымъ отъ подобнаго совмѣщенія несомвѣстимаго, между прочимъ поставленіе ѣ вмѣсто ѣ, строго соблюдаемаго въ извѣстныхъ случаяхъ древнѣйшими рукописями (193)—промахъ, при всей, по видимому, маловажности своей, имѣющій большое вліяніе на правильное пониманіе ученія о Славянскихъ звукахъ. Вѣроисповѣдное отраженіе пробивается въ немъ въ употребленіи Латинскихъ буквъ для Новобульгарскаго и Мадорускаго нарѣчій, при чемъ старается увѣрить всѣхъ и каждого, что такъ гораздо приличнѣе и удобнѣе выразить звуки ихъ: «ich habe die überzeugung gewonnen, dass das entsprechend vermehrte lateinische alphabet zur bezeichnung der laute beider sprachen (bulgar. und

kleinruss.) *angemessener ist als das cyrillische* (194). «Ету большую удобность или соразмѣрность можно видѣть въ особенности въ Грамматикѣ Новобулгарскаго языка, написанной и изданной братьями Кириакъ-Цанковыми по мысли и взгляду Миклошича, въ Вѣнѣ 1852, въ коей нынѣшняя Булгарщина является какими-то іероглифами, если не хуже (195). Въ какой мѣрѣ раздѣляетъ онъ взглядъ Копитара о Глагольскомъ письмѣ, по сию пору не извѣстно, хотя и сдѣсь не обошлось безъ увлеченія, судя по тому, что онъ къ памятникамъ, собственно Словѣньскаго, т. е., Церковнославянскаго, языка въ его безпримѣсномъ видѣ, относитъ только древнѣйшіе памятники Глаголическіе, всѣ же прочіе считаетъ принадлежащими къ разряду етого языка подъ вліяніемъ другаго какого родственнаго: «Die quellen altslovenischer sprache können eingetheilt werden in die *eigentlich slovenischen*, zu denen ich den glagolita clozianus, das assemanische evangelium, den suprasler codex u. s. w. zähle, und in diejenigen, in denen der charakter des altslovenischen durch einfluss anderer sprachen mehr oder weniger gelitten, die ich daher slovenisch-bulgarisch, slovenisch-serbisch, slovenisch-russisch nenne, welche letzteren wieder in zwei classen zerfallen, je nachdem der einfluss von den Klein-oder Grossrussen ausgegangen» (196). Вотъ по чему онъ, при исчисленіи источниковъ для Церковнославянскаго языка, всегда отдастъ преимущество етѣмъ мнимымъ собственно Словѣньскимъ памятникамъ, ставя ихъ вѣчно на первомъ мѣстѣ (197). Въ наше время одно изъ Копитаровыхъ гаданій, о началѣ появленія Глаголиты, выраженныхъ, какъ показано уже выше, въ видѣ вопроса, обращено профессоромъ Славянскихъ нарѣчій, исторіи и литературы въ Казанскомъ Университетѣ, В. И. Григоровичемъ, въ статьѣ его: «О древней письменности Словянъ», въ утвердительное положеніе, т. е.: «Св. Кириллѣ нашелъ Глаголиту, а Месодій (вмѣстѣ съ Кирилломъ?) послѣ *обратилъ* ее и Греческій алфавитъ въ другую Славянскую азбуку (Кирилловскую)» (стр. 67). Я уже разъ показалъ несостоятельность етого, разобравъ, въ своемъ мѣстѣ (стр. 197), приводимыя имъ свѣдѣтельства въ пользу такого положенія, откуда вытекло заключеніе, что Кириллѣ ни коимъ образомъ не могъ найти Глаголиты, а Месодій

быть обратникомъ ея и Греческаго алфавита въ Кириллицу, иначе, составить изъ той и этого особую азбуку. Впрочемъ, и это мнѣніе, какъ намъ извѣстно уже, въ сущности своей, т. е., въ томъ, что и Меѳодій, какъ вѣрный помощникъ своему брату во всемъ (по свѣдѣтельству лучшихъ и надежнѣйшихъ источниковъ объ ихъ дѣятельности), могъ принимать и въ составленіи письменъ нѣкоторое участіе, не есть какая либо новость: оно до насъ приходило въ голову тысячи другимъ; доказательствомъ тому рядъ показаній, названныхъ и оцѣненныхъ уже мною во 2-й главѣ этого изслѣдованія, приписывающихъ изобрѣтеніе азбуки нашей посредственно или непосредственно также и Меѳодію. Это-то, безъ сомнѣнія, обстоятельство, побудило и Копитара допустить къ участію въ составленіи азбуки и Меѳодія, когда онъ говоритъ: «Cyrillum et Methodium fratres, Slavorum linguam Pannonicae suae dioeceseos vernaculam adhibuisse etiam ad sacra, eamque scripsisse commodiore sibi, utpote Graecis, caractere graeco, assumtis e veteriore glagolitico, ignoti, ut in re veteri, auctoris, nonnullis signis sonorum Slavis propriorum» (Glag. Cloz., pag. X). Однако, если мы захотѣли бы дойти до перваго, высказавшаго такое мнѣніе печатнымъ образомъ, то найдемъ, что имъ былъ уже *Добнеръ*, который, по словамъ Добровскаго (198), помѣстивъ, въ 1785-мъ году, въ 1-й части Записокъ Чешскаго ученаго Общества (199), рѣшеніе вопроса: «Дѣйствительно ли, такъ называемая теперь, Кирилловская азбука есть изобрѣтеніе Славянскаго апостола Кирилла?», написанное, по поводу, три года передъ тѣмъ (1782) явившагося сочиненія Добровскаго, доказывавшаго несостоятельность мнѣнія о составленіи Глаголитики блаженнымъ Иеронимомъ. Въ изслѣдованіи своемъ Добнеръ называетъ истинной *Кирилловой азбукой Глагольскую*, существовавшую уже при Меѳодіи и папѣ Іоаннѣ VIII-мъ, разумѣвшемъ подъ изобрѣтенными Кирилломъ письменами именно только ее, а не другую какую, и по тому, такъ называемая Кириллица, т. е., составленная по Греческой, столько же мало достойна названія своего, сколько и Глаголица названія Иеронимова письма. Послѣ, Греческіе Славяне, особливо духовенство ихъ, эту древнюю Славяно-Кирилловскую грамоту, для большаго удобства и быстроты въ пи-

саніи, промѣняли на Греческую, то есть, дополнили ее Глаголицей, именно, знаками ея для доегласныхъ и плавныхъ, удержавъ какъ начертаніе оныхъ, такъ равно и самое названіе каждой буквы. По етѣмъ двумъ причинамъ и новосоставленная азбука изъ Алфавиты и Буквицы или Глаголицы, истиннаго Кириллова письма, могла тоже по справедливости назваться Кириллицей: «Aus diesen beyden Ursachen konnte man es eben nicht unrecht ein cyrillisches Alphabet nennen» (S. 135). Новая азбука съ одной стороны, а съ другой способъ писанія Латинской Абецедой Славянъ, къ Римской Церкви отошедшихъ, нанесли смертельный ударъ Глаголицѣ. Стало, въ етомъ мнѣніи Добнера Копитаръ, въ одной изъ догадокъ своихъ, замѣнилъ Духовенство самими Кирилломъ и Меѳодіемъ, въ другой же приписалъ дѣло духовенства одному лишь Меѳодію, а въ третьей соглашался даже на изобрѣтеніе Глаголицы Меѳодіемъ, то есть, какъ я сказалъ уже, самъ не зная, какъ тутъ быть, и надѣясь такими извитіями, частью своего, частью чужаго, изобрѣтенія, какъ ни есть попасть въ цѣль касательно отношенія Славянскихъ письменъ къ Солунцамъ; а касательно отношенія ихъ къ Хорватско-Далматскому преданію о Глаголитикѣ—въ отношеніи къ Іерониму, извѣстному Отцу Церкви, или неизвѣстному священнику (упоминаемому Грабаномъ) и Египку. Что до мнѣнія профессора Григоровича, то оно, какъ видно, первой половиной своей вполнѣ Добнерово, а второй Добнеро-Копитарово. Въ какомъ родствѣ все это между собою, знаютъ лучше всего тѣ, до кого оно непосредственно касается. Могла быть тутъ и случайная стачка, какую иногда замѣчаемъ у людей, одаренныхъ особенной проницательностью и занимающихся однимъ и тѣмъ же предметомъ; но умѣстенъ и тотъ случай, о которомъ самъ же Добнеръ разсказалъ намъ въ заключеніе своего изслѣдованія. «Я ищу одного только уясненія, и ужь три года тому назадъ сообщилъ было письменно вкратцѣ нѣкоторыя изъ своихъ сомнѣній моему собрату по Ордену, Максимилиану Шимку, приготовлявшему къ изданію сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Розысканіе о Славянскомъ языкѣ». Я не могу навѣрное сказать, ето ли мое сомнѣніе имѣло какое вліяніе на его взглядъ, или онъ и до того уже было сошелся со

мною во мнѣніи, только, въ объявленномъ имъ планѣ, я прочелъ, въ самомъ почти началѣ, таково сужденіе его о выговорѣ Глагольскихъ и Кирилловскихъ буквъ: «Произношеніе Глаголическихъ буквъ, происхожденіе коихъ, вопреки мнѣнію всѣхъ нововводителей, далеко древнѣе происхожденія нынѣшнихъ Греко-Кирилловскихъ». Сколько и въ наше время Шимковъ! Напротивъ, какъ мало людей, похожихъ на Добнера, которые бы, подобно ему, откровенно сказали: «Auch ich bin nicht *der erste*, der das Alterthum und die Authenticität des cyrillischen Alphabets bestreitet» (S. 137), и, въ слѣдъ за тѣмъ, подобно ему, назвали бы намъ своихъ предшественниковъ въ этомъ: «Eine ganze illyrische Nation hält es für untergeschoben, ja theils für barbarisch, theils für eine spätere griechische Erfindung. Nicht genug, schon im sechszehnten Jahrhundert haben es unpartheyische Gelehrte dafür gehalten und ausgegeben». Таковы: Лейденскій профессоръ, Павелъ *Мерула*, который говорилъ: «Linguae Boge (вмѣсто Буквы, Буквица, подъ чѣмъ разумѣлъ онъ письменный или Церковнославянскій языкъ) duplices characteres sunt: Rutenici seu Moscovitici e Graecis depravati totidem numero et figura pene similes adjunctis pauculis barbaris. Item Dalmatici qui et Hieronymiani eadem potestate, totidem numero, sed figura longe dissimillimi» (Cosmographia generalis, p. II, L. 1, c. 8.); а Вильгельмъ *Постелль*, жившій еще раньше, Глаголицу считаетъ старше Кириллицы, появившейся въ ту лишь пору, когда Славяне Грецкіе стали съ ихъ Церковью отдѣляться и удаляться отъ Римской (Linguarum XII. characteribus differentium Alphabetum) (200). Такъ какъ оба, заспорившіе о Глаголитикѣ, а по поводу ея и о Кириллицѣ, Добнеръ и Добровскій, принадлежали къ членамъ ученаго Общества, по уставу коего не позволялось сочленамъ вступать ни въ какія между собою прѣнія, то послѣдній не могъ отвѣчать своему противнику, надѣясь, что другъ его, Дуринъ, еще въ 1777 году доказывавшій мнѣніе, совершенно противоположное мнѣнію Добнера, въ «Dissertatio de Slavobohemica sacri codicis versione». т. е., что «Hieronymiani vulgo glagolitici characteres ex Cyrillicis litteris repetuntur» (§. V.), подвергнетъ разбору Добнерова предположеніе въ своей

Bibliotheca Slavica (201). Между тѣмъ оригинальное мнѣніе тотчасъ, какъ водится, нашло послѣдователей. Краинецъ *Милгартъ*, въ своемъ «Опытѣ исторіи Краины» (202), и Верхне-лужицкій Сербъ, *Антонъ*, въ «Первыхъ чертахъ опыта о происхожденіи, нравахъ, вѣрованіи и образованіи древнихъ Славянъ» (203), съ жаромъ повторили выводы Добнера и каждый по своему повели ихъ далѣе. Послѣдній нашелъ (S. 104—110), что старшинство Глаголицы передъ Кириллицей доказывается самимъ видомъ ея, который безъискусственнѣе и грубѣе вида етой, потому древнѣе самаго Иеронима, составляетъ первобытныя Славянскія письмена: «ein ursprüngliches, uraltes Alphabet seyn muss», а первый утверждалъ, что Краинцы знали письменное искусство еще до отдѣленія своего отъ прочихъ Славянъ, т. е., перехода черезъ Дунай въ сосѣдство Италіи; впрочемъ, продолжаетъ онъ далѣе, Буквица изобрѣтена уже въ новыхъ жилищахъ, стало, во второй половинѣ V-го или первой VI-го стол., на основѣ Греческой азбуки (что доказывается порядкомъ самыхъ буквъ), за исключеніемъ, однако, нѣкоторыхъ согласныхъ и шипящихъ съ свистящими; етѣми-то письменами подписались, въ VII-мъ вѣкѣ, Хорваты, въ договорѣ съ папой, не воевать болѣе, и ихъ-то, черезъ двѣсти лѣтъ, (въ IX в.), переобразовали Греческіе проповѣдники, именно, Константинъ Философъ, который, для большаго успѣха въ народѣ, далъ каждой буквѣ прежнія Глаголическія названія, равно какъ недостающія въ Греческой азбукѣ замѣнилъ безъ дальняго буквами Глаголицы (*ц, ч, ш, щ* и слогъ *ръ*); съ нею явился онъ къ Задунайскимъ Славянамъ, распространилъ тамъ, какъ епископъ ихъ, помощію богослужебныхъ книгъ, и оставилъ ей по смерти свое имя (Кириллицы). Когда произошло раздѣленіе Церквей, послѣдняя осталась у тѣхъ изъ Славянъ, которые пребыли вѣрны Цареградскому патріарху (Рускіе, Сербы, Булгары и Румыны въ Молдавіи и Валахіи), но отдавшіеся Риму замѣнили Кирилловскую грамоту Абецедой, хотя Босняки, Далматы и Хорваты Греческаго Исповѣданія долго употребляли попеременно то Кириллицу, то Глаголицу. Краинцы еще въ XVI стол. писали послѣдней, но первой—никогда, такъ какъ они никогда не принадлежали Восточной Церкви, получивъ Христіанство черезъ посредство Фран-

ковъ и Итальянецъ (S. 347—358). Обрадовавшись случаю, разводящему его съ Добнеромъ, но доставлявшему, однако, возможность посчитаться съ нимъ при посредствѣ другаго, Добровскій написалъ изслѣдованіе о спорномъ вопросѣ, и издалъ въ 1808 г., подъ заглавіемъ «Glagolitica» (Prag, 8°), въ коемъ подвергъ строгому разбору всѣ доводы Добнера и Лингарта касательно происхожденія обѣихъ азбукъ, присоединивъ къ тому самую исторію своего прѣнія (204) и отозвавшись, между прочимъ, объ изслѣдованіи перваго такъ: «Er gassite überall alles zusammen, ohne Auswahl, ohne genauere Prüfung, was nur immer zur Bestätigung seiner ganz unerhörter Meinung auch nur von weitem dienen konnte» (S. 22). Не взирая, впрочемъ, на такой приговоръ, «неслыханное» дотоѣ мнѣніе о Глаголитикѣ произвело сильное впечатлѣніе на ученыхъ (205) и имѣло на послѣдующіе труды занимавшихся уже до того етѣмъ предметомъ немаловажное вліяніе, если судить по тому обстоятельству, что самъ Дурихъ подѣ конецъ перемѣнилъ свое прежнее мнѣніе о началѣ письменъ Славянскихъ, какъ показываютъ то бумаги его, рассмотрѣнныя Добровскимъ. «Verosimilior illa opinio videtur»,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ ихъ,—«quae Cyrillo et Methodio origines utriusque Alphabeti ita defert, ut Cyrillus auctor sit figurarum sonos Slavis proprios repraesentantium et formis Alphabeti graeci seculo IX usurpatis adaptatarum; Methodius vero earundem formarum Slauonicarum propagator, sed exigua quadam commutatione, quae alteri Alphabeto cuidam vetusto, Oscis, Runis, Rhetrariisque simili, aptior sit linearum reclarum magis quam curvarum ductu, quo duae vel tres literae in monogramma coire valeant» (206). Сдѣсь Мееодій является только второстепеннымъ лицомъ въ дѣлѣ составленія азбуки, приписанной безусловно младшему его брату, округлителемъ (commutator) и дальнѣйшимъ распространителемъ (propagator) готовыхъ уже письменныхъ знаковъ. Точно ту же роль придаѣ онъ ему и въ отношеніи къ Глаголитикѣ въ другомъ отрывкѣ, относящемся ко второй части его Библиотеки, въ отдѣлѣ о Петрскихъ Рунахъ, обнаруженныхъ графомъ Я. Потоцкимъ (въ «Voyage dans quelques parties de la basse Saxe». Hamb. 1795, 4.): «Comitis Clementis Grubissichii (207) in originem et historiam Alphabeti Sclave-

nici Glagolitici vulgo Hieronymiani disquisitio etsi quasdam assertiones in se contineat, quibus assentiri non possum; hujus tamen viri sub finem proposita opinio maxime ad veritatem accedit. Fatebor, est etenim pro veritate simplicius agendum, ante annos tredecim me nondum experientia edoctum, quanta lux rebus Slaucis ex Literatura septemtrionali accedat, Grubissichii argumenta etymologiae audacius subinde innixa, etiam ab ista opinione reddiderunt alienum, quam certis monumentis et rationibus infra confirmare studebo: nimirum *formam scribendi glagoliticam Runicae similem a Methodio emendatam* atque seruato Runarum fundamento calligraphico *Staf Gothis*, et Slavis identidem *Staw* nuncupato ex cyrillicis formis locupletatam, et sonis Slauonicis aptatam fuisse» (208). Причиной такого страннаго мнѣнія, вопреки собственному его признанію Добровскому въ томъ, что Глаголица образовалась изъ Кириллицы, при чемъ, говоритъ Добровскій, онъ мнѣ «Zug für Zug vorzeichnete, wie die Glagolitischen Buchstaben aus den Cyrillischen entstanden seyn mögen», причиной такого страннаго мнѣнія было «gewiss nichts anders, als einige unerwiesene Voraussetzungen und das unzuverlässige zweideutige Zeugnis des Archidiacons von Spalatro, Thomas, der den Method zum Urheber der Gothischen (er meinte die Slawonischen) Buchstaben und schon desshalb auch zum Ketzler machte» (209). То ли, другое произвело такую перемѣну во взглядѣ Дуриха, но оба мнѣнія его не лишены своей доли правды, по тому что, какъ мы знаемъ, уже изъ сѣдой древности шло преданіе, по коему изобрѣтеніе нашихъ письменъ приписывалось также и Месодию, который, разумѣется, могъ, трудясь вмѣстѣ съ братомъ и послѣ него первый такъ много и долго для Славянъ, коечто усовершенствовать и дѣйствительно способствовать ихъ распространенію своею дѣятельностію. Что до усовершенствованія Глагольскихъ знаковъ, то, соглашаясь даже съ возраженіемъ Добровскаго: «Woher will man es beweisen, dass, wenn auch die Slawen an der Ostsee die Runen schon im IX Jahrhunderte von ihren Nachbarn, den Dänen, angenommen hätten, auch die Slawen in Pannonien und Dalmatien sich je einer Runischen, oder Oscischen, oder einer

aus beiden gemischten oder nur ähnlichen Buchstabenschrift bedient habent» (Ib., S. 44), замѣчу, что нельзя отрицать пользы для Славянской исторіи, литературы и языка отъ изученія и сличенія съ такими же народовъ Европейскаго Сѣвера, равно какъ и сходства нѣкоторыхъ Глагольскихъ и Кирилловскихъ знаковъ съ Руническими, какъ это показываютъ новѣйшія изслѣдованія Я. Гримма и Шафарика (210), хотя въ главномъ Дурихъ, конечно, и ошибся, т. е., касательно мнимаго усовершенствованія и пополненія имъ Глаголицы Кириллицей, съ сохраненіемъ «*Ruparum fundamento calligraphico*» (211), какъ выразился онъ выше. Сходство же Рунъ съ обѣими нашими азбуками опирается не на заимствованіи послѣдними отъ первыхъ, но на томъ, что и тѣ, и другія, какъ и самыя употребляющіе ихъ, пошли отъ одного, общаго имъ, источника, по которому письма народовъ Индоевропейскихъ и Симиическихъ суть только видоизмѣненія одной, общей всѣмъ, основы, праазбуки, какъ показываютъ то новѣйшія открытія сравнительнаго языковѣдѣнія (212). Первое мнѣніе Дуриха объ образованіи Глагольскихъ писемъ изъ Кирилловскихъ встрѣчаемъ, кажется, прежде всего у *Ж. Л. Фриша*, который, по случаю выбора своего въ ректоры Берлинской Гимназіи, слѣдуя обычаю Нѣмецкихъ Учебныхъ Заведеній, произнесъ Рѣчь (2-го апрѣля, 1727 года), содержаніемъ коей избралъ «*Origo characteris Slavonici, vulgo dicti Cirulici, paucis generatim monstrata, ortus vero et progressus characteris, vulgo dicti Glagolitici, pluribus sigillatim descriptus, tanquam eximia historiae linguae Slavonicae pars*». Въ ней, во первыхъ, утверждаетъ онъ, что Славянскія буквы составлены Константиномъ Философомъ, названнымъ послѣ Кирилломъ, откуда и тѣ Кириллицей: «*Seculo post C. N. nono, Philosophus quidam natione Graecus, religione Christianus, nomine Constantinus, primus fuit qui Linguam Slavonicam literis Graecis scribere coepit, quod alii ante eum Latinis tentarunt. Hujus conatus ipsae Slavonicae literae, etiam historia tacente, testes esse possunt. Figuram enim Graecarum literarum omnium, quas vocamus majores (minores enim tum non erant), adhuc in eis agnoscimus. Quia vere Slavonicae gentes sonos in pronuntiatione quarundam*

Vocalium, Diphthongorum et Consonantium habent, quos literis Graecis non exprimere potuit Constantinus, his peculiaribus sonis novas finxit figuras. Deinde adscripsit cuilibet literae, tam Graecae, quam a se inventae, Sclavonicum quoddam Vocabulum, quod ab eadem litera incipit. Hoc vocabulum postea, sicut apud Hebraeos, nomen literae mansit, cui adscriptum erat. Propter haec nova literis Graecis adscripta nomina, et propter novas iisdem additas characterum figuras Constantinus dicitur literarum Sclavonicarum inventor, in primis a Pontifice Romano Iohanne IIX in Epistola, qua concessit primum Sclavis, Latinae Ecclesiae in Moravia adhaerentibus, linguae Sclavonicae publicum in cultus divini caeremoniis usum. Non retinuit vero hic Philosophus et Characteris Sclavonici Auctor nomen Constantini usque ad obitum, sed postquam aliquandiu in Moravia Episcopus fuisset, Romam rediens, ibidem nominis Latini loco adoptavit Graecum Cyrilli. Per quam vero mutationem nominis, quia Scriptores omnes eum deinde constanter neglecto Constantini nomine, Cyrillum appellant, in hac Historiae parte molesta orta est confusio. Quam auxit Methodii, Fratris Constantini, in Episcopatu Moraviae successio. Ita ut multi e Constantino quondam Philosopho, postea dicto Cyrillo, fecerint duos, ex illo patrem, ex hoc filium; alii vero Methodio Fratri tribuerint, quae de Cyrillo commemorantur. Nova quoque ratio scribendi linguam Sclavonicam non a Constantini, sed a Cyrilli nomine dicta est Cyrillica, sive, ut plerique hodie corrupte scribunt, Cyrulica, cum potius, si Sclavorum pronunciationem sequi vellent, Kiriullica scribere deberent» (pag. 4—9). Во вторыхъ, отъ Кириллицы выводитъ и самую Глаголицу, называя ее только вырождкомъ той, происшедшимъ такимъ образомъ: «Apices hujus Characteris Cyrillici beneficio aliquot Typographicarum officinarum apud Italos et Russos manserunt fere incontaminati et irretorti. In Manuscriptis vero, partim per calami mercenarii furorem Calligraphicum et tachygraphicum, hoc est, per eos qui vel inutilem literarum ornatum, vel majus e scribendi celeritate lucrum affectarunt; partim per scribarum imperitiam et negligentiam, adeo mutatus est, ut ex eo alius et quasi novus ortus sit. Eodem modo ac e Graecae et Latinae linguae Charactero majori hodiernus minor natus est,

et e Germanicae linguae figuris typographicis tot aliarum monstruosarum molesta seges adhuc quotidie provenit. Accepit quidem hic corruptus scribarum Sclavonicorum character novum nomen, et vocatus est *Glagolicus* sive *Glagoliticus*, sed latet sub figurarum ejus larva vetus et genuinus Cyrillicus, qui, lineamentorum qualitate fere amissa, eundem tamen constanter ordinem, eandem prononciationem, idem literarum nomen, tanquam verissimos originis testes retinet. In iisdem etiam regnis et provinciis, quibus Glagoliticis literas scribarum insania obtrusit, Croatiae, scilicet, Dalmatiae aliisque, Cyrillicus simul, ut archetypus, in usu est. Glagoliticus vero dicitur a Verbo Sclavonico glagoliti (loqui), quia hac scribendi ratione primum vulgaris dialectus, et nihil fere quod ad res sacras sive ecclesiasticas spectabat expressum est, quemadmodum in oppositione Linguae Sclavonicae, et characteris Cyrillici, qui in rebus Theologicis et moralibus a typographis olim tantum apud Russos in usu fuit, character illorum, quem scribunt, sive tachygraphicus (*Skoropiss*) et Dialectus quam eo exprimunt, simplex sive vulgaris (*prostoi*) dicitur» (pag. 9 — 10). О названіи Глаголицы Іеронимовымъ письмомъ и отношеніи Іеронима къ Кириллицѣ, замѣчаетъ: «Qui Hieronymo hujus characteris Glagoliticis inventionem attribuunt, vocant eum *Hieronymianum*, sed frustra distinguunt eum a Cyrillico, e quo ortus, et ita multo junior est; non enim in primis statim annis eo deformitatis pervenit, quo nunc eum conspiciamus. Et qui Cyrillici auctorem faciunt Hieronymum, refutantur non tantum Pontificis Ioh. IX testimonio, qui Constantinum eius inventorem vocat, sed et temporis ratione, quia diu post mortem Hieronymi inventio literarum Sclavonicarum Constantino a Pontifice tribuitur» (Ib.). Такое мнѣніе Фриша о началѣ двухъ Славянскихъ азбукъ и ихъ взаимномъ отношеніи, не смотря на малый объемъ его сочиненія, выраженное ясно, толково и не безъ слѣдовъ нѣкотораго знанія разбираемаго дѣла и вообще хоть одного Славянскаго нарѣчія, а также съ большею увѣренностію въ справедливости предлагаемаго, должно было произвести на современниковъ значительное впечатлѣніе; отъ того долго послѣ него ученые, которымъ приходилось вести рѣчь объ этомъ предметѣ прямо, или мимоходомъ, довольствовались повторе-

именъ славянскаго Берлинскій Глицкандльманъ ректоромъ, и въ сѣмьлѣи на него. Такъ уже, довольно извѣстный въ про- шломъ вѣкѣ. I. П. Кюм. названный при учрежденіи Имперіи Академіи Наукъ въ Петербургѣ въ профессора Петербургской Истори и Славяности, гдѣ вручила нѣсколько в нашету языкъ, *своими* Перекладославянскому, излагая въ сличеніи своемъ: *Introductio in Historiam et rem literariam Slavonicam, imprimis sacram, sive Historia critica veriorum Slavonicarum maxime insignium, nimirum codicis sacri et Ephremi Syri, duobus libris absoluta*, изданномъ. вскорѣ по возвращеніи его. въ Алтона въ *Altonaviae*, 1729 въ 12-ю д. исторію перевода Св. Писанія на Славянскій языкъ. долженъ былъ неминуемо коснуться и вопроса объ азбукахъ нашихъ: но, доказывая самымъ подробнымъ образомъ несостоятельность мнѣнія, приписывающаго переводъ Библии Іерониму Стридонскому, онъ при сложеніи ихъ излагаетъ почти словами Фриша, ссылаясь на него нѣсколько разъ въ примѣчаніяхъ: *Non diffitendum est duplicem existere Slavonicum characterem. Cyrillicum unum, alterum Glagoliticum: quorum illud a Methodii socio Slavonicaeque gentis doctore maximo, Cyrillo, hoc autem ab auctore quodam incerto, inventum et comparatum est. Ad Hieronymum vero auctorem alterius originem referendam esse nemo affirmabit. Nam ut Cyrillici, sive potius Cyrillici characteris inventum Constantino Philosopho, Cyrilli nomine a Pontifice ornato, unice acceptum ferendum esse vel nomen ipsum eidem inditum declarat: ita Glagoliticum, ut vocant, alphabetum longe recentioris esse originis, quam ut Hieronymo tribuatur. Errant igitur, qui Glagoliticum Hieronymo alphabetum tribuentes Hieronymianum illud vocant. Quid enim gravius est ipsius Pontificis Johannis octavi testimonio, qui in epistola, jam pluribus commemoranda, literarum Slavonicarum inventum Cyrillo uni adscribit, non Hieronymo, quem tamen, utpote magnae apud Pontificios existimationis Doctorem, si vel minimam veritatis speciem res habuisset, haud dubie commemorasset» (213). Впрочемъ, «De Glagolítico caractere», — говорить онъ въ примѣчаніи, — «non omnia adeo expedita et ad planum deducta esse videntur. Primum quidem origo ejus*

admodum incerta et obscura est. Nos etiam aliquando, ut verum fateamur, Glagoliticum eundem atque Cyrillicum characterem nobis finximus, ea maxime ratione inducti, quod nullum unquam librum Glagolitico characterе scriptum nec ipsi in Russia vidimus, nec aliis visum accepimus. Sed aliter sentire coepimus, postquam doctissimi Frischii historiam linguae Slavonicae, cum peculiari quadam super hac re scripta ad nos epistola conspeximus ac legimus. De origine tamen hujus alphabeti nondum plane certus sum. Vix enim adduci possum ut iis assentiar, qui *vel a Cyrillico non distinguendum vel e Cyrillico esse ortum glagoliticum asseverant*: tanta enim utrosque characteres comparantibus diversitas elucet, ut nulla propemodum litera alterius similitudinem referre, aut ex ea nata esse potuisse videatur» (pag. 76—80). По тому-то, разсматривая (въ §§. 6, 7 и 8) Жизнь Кирилла и Меѳодія, Коль ничего не могъ, съ своей стороны, прибавить ни для уясненія времени составленія той или другой азбуки, ни другихъ вопросовъ, вызываемыхъ отношеніемъ етъхъ Солунскихъ братьевъ къ Славянскимъ народамъ, довольствуясь просто вышиской изъ разныхъ, старыхъ и новыхъ, сочиненій, больше или меньше говорящихъ о томъ. Адав. *Фойтъ*, въ «Untersuchung über die Einführung, den Gebrauch und die Abänderung der Buchstaben und des Schreibens in Böhmen», помещенномъ въ «Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen», 1-er Band (Prag, 1775), тоже считаетъ мнѣніе Фриша о Глаголицѣ самымъ вѣроятнѣйшимъ: «Die wahrscheinlichste ist, dass dieses Alphabet (Glagolitza) viel jünger als die Kiurilitza, und vermuthlich aus derselben entstanden sey» (S. 173). Въ примѣчаніи (26-мъ) прибавляетъ: «Diese Meynung erhält dadurch eine nicht geringe Verstärkung, dass die glagolitischen Buchstaben mehr gekünstelt und zusammengesetzt, als die cyrillischen sind. Man hält aber immer das Einfache für älter als das Verzierte» (S. 175—176). Перебравши же всѣ, доступныя ему тогда мнѣнія, о той и другой азбукѣ, Фойгтъ заключаетъ: «Kurz, alle Zeugnisse sowohl der Freunde, als der Feinde unsrer slavischen Aposteln stimmen darinn überein, dass denenselben die eigentliche und ganz neue Erfindung der vorhin unter den Sla-

ven noch durchaus unbekanntem Buchstaben zuzuschreiben sey. Hätten unsre Vorfahren vor der Ankunft Cyrilli und Methudii bereits ihre eigene Schreibart gehabt; was wäre es nöthig gewesen, eine neue zu erfinden: da es ihnen ja verstattet ward, den Gottesdienst in ihrer angebohrnen slavischen Sprache zu halten; wozu ihre alten Buchstaben würden hinlänglich gewesen seyn? Allein, weil das kriegerische und auf seine Muttersprache erpichte Volk nicht zu bereden war, dass sie sich in einer fremden Sprache, als der griechischen oder lateinischen unterrichten liessen; so sahen sich ihre Bekehrer gezwungen, um ihren Zweck zu erreichen, sie wenigstens ihre Muttersprache schreiben zu lehren; ohne welche Beyhülfe sie weder das Christenthum, noch den allgemeinen Gottesdienst unter ihnen würden haben verbreiten können. Sie behielten zu diesem Behufe die griechischen Buchstaben bey, so weit sie zureichten: allein, um verschiedene der slavischen Sprache eigenthümliche Töne auszudrücken, mussten sie neue Zeichen oder Buchstaben erfinden» (S. 184—185) (214).

Етѣ усилія Западныхъ ученыхъ, своихъ и чужихъ, отгадать происхождение, или, по крайней мѣрѣ, взаимное отношеніе, нашихъ двухъ азбукъ, не могли не имѣть вліянія и на тѣхъ изъ Рускихъ писателей, особливо занимавшихся историческою критикою, которые, уже по роду и воспитанію своему, были изъ краевъ обширнаго Рускаго племени, касавшихся чужаго рубежа. Я тутъ разумѣю покойнаго Ю. И. Венелина. По происхожденію *Карпатскій Русь*, учившійся во многихъ заведеніяхъ Угрии и Галиціи, владѣвшій, подобно другимъ землякамъ и соплеменникамъ своимъ, нѣсколькими языками, древними и новыми, что условливалось преимущественно родиной его, называемой, не шутя, Европой въ маломъ видѣ (миніатюрѣ), Венелинъ, врожденной страсти къ историческимъ изслѣдованіямъ, могъ удовлетворить больше, меньше, всюду, гдѣ ни приходилось служить ему, имѣя въ своемъ распоряженіи, такъ сказать, ключъ къ умственнымъ сокровищамъ, т. е., языкознаніе, безъ котораго, разумѣется, ни какія дарованія не сдѣлаютъ никого критикомъ—историкомъ. Но хотя книжный міръ былъ ему открытъ настежь, однако, онъ не любилъ никому и ни въ чемъ впол-

нѣ поддаваться. Принимая все, какъ говорится, къ свѣдѣнію, онъ за то все и норовилъ къ одному и тому же, одной любимой мысли, составленной имъ о своемъ племени. Какъ ни странной кажется доселѣ эта душа всѣхъ его произведеній, *perius regum gegendatum*, тѣмъ не менѣе, прежде нежели произнесемъ надъ нимъ свой приговоръ, необходимо выслушать все, что онъ оставилъ онъ послѣ себя, какъ бы оно ни поражаало насъ, слишкомъ, можетъ быть, изысканный вкусъ. Съ этой-то цѣлю, вовсе не раздѣляя основной мысли Венелина, я всегда одобрялъ и одобряю обнародованіе неизданныхъ еще сочиненій его, такъ какъ въ нихъ, при всѣхъ преувеличеніяхъ и извѣстныхъ уже напередъ недостаткахъ, заключается множество чрезвычайно вѣрныхъ замѣчаній и блестящихъ соображеній, перѣдко совершенно неожиданныхъ и мѣткостью своей донельзя поражающихъ. Отъ того, завѣдывая изданіемъ «Чтеній въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», я помѣщалъ въ нихъ его посмертныя произведенія, за ихъ, повторяю, послѣднія достоинства. Естественно было ожидать, что онъ, въ своихъ походахъ противъ авторитетовъ (215), страсти, вынесенной имъ изъ первоначальной его родины и мѣста образованія, ученые коихъ предпочтительно передъ всѣми странами Европы отличаются, сколько могъ я замѣтить изъ чтенія и личнаго наблюденія, етѣмъ духомъ, обуславливаемымъ историческими и этнографическими судьбами старой Панноніи или Угорской земли, естественно, говорю, было ожидать, что и онъ, рано, поздно, коснется и начала Славянскихъ письменъ, и коснется по своему. И точно, во 2-мъ томѣ изслѣдованія своего: «Древніе и нынѣшніе Болгаре, въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религиозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ», изданномъ, по смерти его (Москва, 1841), тѣмъ же самимъ лицомъ, что и 1-й томъ издало (къ коему, т. е., 2-му, дополненія, жизнеописаніе и списокъ рукописнымъ сочиненіямъ, присоединены въ 1846-мъ), посвященномъ *Словенамъ*, т. е., Славянамъ въ Хорутанскихъ краяхъ, онъ весь §. 11-й занялъ толкованіемъ о «Славенскихъ писменахъ». Согласно съ основной мыслью своей о томъ, что жители Норика, Панноніи, Реціи, Карніи, Истріи, Венеціи и Винделиціи испоконъ были Славяне, доказатель-

ство чему думалъ видѣть въ самомъ названіи Ретовъ (Rheti, Rhaeti, Rhoeti, Raeti, Raiti), производя его отъ Греч. ῥητοί, по Лат. Rheti, отъ ῥητος (rhetus), сказанный, словный, словесный (отъ ῥέω, говорю), слѣдовательно, ῥητοί, Rheti, — Словенцы, а Реты были выселенцы Етрускіе (по Ливію, lib. V, с. 33), сохранившіе только одинъ языкъ, и то не безъ искаженія: «ne quid ex antiquo, praeter sonum linguae, nec eum incoaptum, retineant», стало, Етрускія письма вмѣстѣ и Ретійскія, согласно со всѣмъ етѣмъ, Венелинъ видѣлъ въ Етрускахъ и Ретахъ Словенцевъ Паннонскихъ или Хорутанскихъ, а въ письмѣ Етрускомъ — письмо Словенское, которое, де, уцѣлѣло только въ горахъ Словенскихъ, а послѣ сообщилось и далѣе. Мысль эта совершенно ложна, по тому что новѣйшія изслѣдованія (L. Staub; Die Urbewohner Rhätians und ihrer Zusammenhang mit den Etruskern. Stuttg. 1843), говорятъ, что жители Реци и Норика, какъ показываетъ разложеніе ихъ мѣстоименныхъ и другихъ названій (Id., Zur rhätischen Ethnologie. Stuttg. 1854), были Етруски, а не Славяне. слѣдовательно, и письмо ихъ Етруское, которое совсѣмъ не похоже на Славянское (G. Dennis, Städte und Begräbnisplätze Etruriens. Leipz. 1852). Тѣмъ не менѣе письмо это, какъ легко догадаться, было не что иное, по словамъ Венелина, какъ письмо Глагольское (Ретійское): «Если Этруски, по увѣренію современныхъ очевидцевъ, были единоплеменники Словенцевъ (?), то какое могло быть нарѣчіе, такъ называемыхъ Этрусковъ, какъ не Словенское?! Какой же особенный алфавитъ, о которомъ говорить Веллей Патеркулъ, могъ быть у Словенцевъ, какъ не Этрускій?! Что ежели етотъ же алфавитъ и доселѣ въ употребленіи у Словенцевъ Истрійскихъ, Далматскихъ и на островахъ Адриатическаго моря?!» (стр. 173). Изложивъ, за тѣмъ, мнѣнія о Глаголическомъ алфавитѣ по Шафариковой «Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten» (стр. 239—241), онъ, по обыкновенію своему, осмѣиваетъ каждое, равно какъ и мысль объ изобрѣтателѣ какой бы то ни было азбуки, называя то нравственной и физической невозможностью: «нравственно по тому, что невозможно вообразить себѣ такого глупца, который рѣшился бы уже, при одномъ существующемъ алфавитѣ, вы-

думывать другой. Всѣ народы Европы до сихъ поръ не изобрѣтали себѣ писменъ, а дожидались, пока къ нимъ не перейдетъ принятый у Грековъ Римлянами. Физически невозможно изобрѣтатель по тому, что *онъ одинъ только* знаетъ свою грамоту, слѣдовательно, онъ долженъ бы *самъ же* вездѣ заводить школы на свой щетъ; но еще пагубнѣе для успѣховъ *изобрѣтательства* было то, что, въ случаѣ извѣстности другаго алфавита, *изобрѣтатель* долженъ бы имѣть силу Правительства, чтобы умѣть *заставить* принять всякаго свои шутки» (стр. 179). Поглумившись вдоволь, онъ переходитъ къ Копитарову «*Glagolita Clozianus*», изданному передъ тѣмъ за годъ, рассказываетъ его исторію, и по томъ примѣняетъ опредѣленіе Салонскаго (близъ Спалатро) Собора 1060 года къ Глаголическому алфавиту, утверждая, что подъ «*Gothicas literas*, которыми Меоодій «*multa contra Catholicae fidei peritiam in eadem Slavonica lingua manendo conscripsit*», Отцы Собора разумѣли алфавитъ Словенцевъ (ссылка на Дубровничанина Туберо XV в. и Архидіакона Оому 1200 — 1268, называющихъ Далматинцевъ Готами (216), который, однако, «былъ забытъ въ послѣдствіи въ Италіи, но который притаился въ небольшомъ уголкѣ, получивъ новое названіе *Глаголическаго*» (стр. 184—185). Въ полной увѣренности въ истинѣ сказаннаго, приводитъ начертаніе послѣдняго алфавита и разныя выписки изъ Клоцова Глаголиты, послѣ которыхъ дѣлаетъ выводъ: «Вотъ вамъ вѣрное (?) понятіе о писменахъ, которыя Сербы и Кроаты Православнаго исповѣданія называли *Глаголическими* по тому только, что своихъ единоплеменниковъ Латинскаго обряду прозвали *par zobriquet Глаголитами* отъ того, что у сихъ послѣднихъ чтеніе Евангелія начиналось не словомъ: «*Рече Господь иритухъ снхъ*», или: «*Рече ко Нудеомъ*», но словомъ: «*Глагола Господь*». Эти писмена, однако, Греки и Латины называли *literae Gothicae*, а я наименовалъ *Словенскими* (*literae Raponicae* или *Rheticae*), чтобы дать почувствовать весь смыслъ словъ *Веллеи Патеркула*, и чтобъ опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что Словенцы и Краинцы никогда не писали Глаголическими буквами» (стр. 202). «При томъ же принято», — продолжаетъ далѣе, — «что грамота сдѣлалась необходимою и

возможною для Славянъ только тогда, когда нужно было переводить Св. Писаніе для отправленія Богослуженія,—принято за непреложное, что Св. Кириллъ и Меѳодій крестяны жителей Панноніи и Мизіи (Словенцевъ, Сербовъ и Болгаръ) въ IX вѣкѣ, слѣдовательно и необходимость въ писменахъ оказалась для Славянскихъ племенъ только съ этого времени. Такимъ образомъ Кириллъ и Меѳодій заслонили не только исторію Словенскихъ писменъ, но и *подлинную* эпоху крещенія самихъ *Словенцевъ*. Однако если взять въ уваженіе такія свидѣтельства и обстоятельства, на которыхъ Историческая Логика не можетъ не обратить особеннаго вниманія, можетъ оказаться, что *обращеніе* Панноніи и *первое* введеніе *Славянскаго* Богослуженія дѣйствительно также *несправедливо* приписано позднѣйшими Св. Меѳодію, какъ и изобрѣтеніе Греческаго устава и *нѣсколькихъ* *Глаголическихъ* буквъ, *коими* *пополненъ* *Греческій* *Алфавитъ*, *приписано* *Св. Кириллу*» (стр. 202—203). И ниже о послѣднемъ; «Народы Греческаго исповѣданія принятый ими Греческій алфавитъ дополнили буквами изъ, такъ называемаго, Глаголическаго шрифта, на пр. б, ж, ч, ш, ц.» (стр. 270). Тутъ доказываетъ, своимъ образомъ, обращеніе Словенцевъ вмѣстѣ съ жителями Италіи, переводъ Св. Писанія Улфилой на Словенскій языкъ, такъ какъ Готы, по его, Славяне и употребляли Словенское или Глагольское письмо (стр. 222—223). «Между тѣмъ какъ начало Богослуженія *на одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій testes oculati* относятъ къ IV-му вѣку стараніемъ Епископа *Улфилы*, Св. Кириллъ и Меѳодій (если исключить подложныя посланія Іоанна VIII къ послѣднему, сочиненныя въ XIII вѣкѣ) ничего и никого не имѣютъ имъ современнаго о переводѣ Кирилломъ Св. Писанія или же о введеніи Меѳодіемъ Славянскаго Богослуженія» (стр. 223). Касательно приписанія Зальцбургскимъ неизвѣстнымъ сочинителемъ исторіи обращенія въ Христіанство Хорутанцевъ изобрѣтенія Славянскихъ писменъ Меѳодію, замѣчаетъ, что «это означаетъ только то, что они существовали, но со времени Карла V. въ Латинскихъ церквахъ не были въ употребленіи, что даже Латинскіе монахи молитвы и другія вещи, по *новому* обряду, на *Словенскомъ* языкѣ старались выражать Латинскими буквами, да и самую исторію *безвѣстную* нельзя назвать

исторією ихъ обращенія въ Христіанство, а просто исторією *притязанія и вліянія* на эти области (Хорутанія и Славонія) Салцбургскихъ Архіепископовъ» (стр. 247). «И такъ изъ выраженія Салцбургскаго современника видно, что Апостольское призваніе Св. Меодія было не въ *Азбуку*, которая до него существовала, а въ *новомъ ученіи*» (стр. 247), т. е., возстановленіи бывшаго до введенія Латинскаго Богослуженія, иначе: въ содѣйствіи къ возстановленію Славянскаго Богослуженія, а съ нимъ и такого же письма. Отрицая составленіе письма Кирилломъ или Меодиємъ по поводу рѣчи о Глаголицѣ, Венелинъ только продолжалъ, давно уже начатое имъ: я хочу етѣмъ сказать, что онъ еще въ своей «Исторіи Болгаріи», писанной имъ во время пребыванія въ нашемъ Университетѣ, стало, вмѣстѣ съ первой частью сочиненія своего «Древніе и Новые Болгаре» (217), составилъ себѣ о томъ окончательное понятіе. Тутъ онъ, дошедши до Бориса, и рассказавъ обращеніе его въ Христіанство (863 г.) Меодиємъ, при помощи сестры Борисовой, сдѣлавшейся, во время плѣна, Христіанкой при Цареградскомъ Дворѣ, гдѣ была воспитана, и другихъ Греческихъ и Славянскихъ помощниковъ, онъ разбираетъ разныя изысканія новѣйшихъ критиковъ о виновникахъ крещенія Болгарскаго народа, при чемъ обращаетъ вниманіе на обученіе народа, введеніе богослуженія и перевода Св. Писанія. «Во всемъ етомъ помощникомъ Меодию былъ братъ его, Константинъ, выванный имъ въ Болгарію. Какъ природныя Болгаре, родомъ изъ Македоніи (Солунцы), они перевели Св. Писаніе на свой родной языкъ и для родныхъ, т. е., соплеменниковъ своихъ, Болгарскихъ Славянъ, доказательство чему въ томъ, что Болгаре приняли Христіанскую Вѣру прежде всѣхъ Славянскихъ племенъ Восточнаго Вѣроисповѣданія; что переводчики были уроженцы Болгарской страны или Болгаре; что переводъ, если онъ даже не существовалъ до Меодія, по естественному порядку и по требованію Короля, долженъ былъ быть совершенъ на языкъ или нарѣчій царствующаго народа, Болгаръ, и, наконецъ, неоспоримымъ доказательствомъ тому служатъ нынѣшній языкъ Болгарскій, живой и истинный отпечатокъ Церковнаго» (66—67). А чтобы вполнѣ доказать принадлежность всего этого Болгаріи, онъ разсматриваетъ сказа-

нія Житій и Лѣтописей о Солунскихъ братьяхъ, которыя и отвергаетъ, называя «Латинскія Легенды произведеніемъ XIV или XV-го столѣтія (или того времени, съ котораго Латинцы приняли Кирилла и Меѳодія въ свой Мѣсяцословъ), съ цѣлію показать, что Греко-Моравская и Чешская Церковь и ея Греко-Славянское Богослуженіе происходитъ изъ Рима, а тѣмъ самымъ доказать и утвердить зависимость сихъ странъ отъ Папы; для перваго сочинителя Латинской Легенды затѣяны были уже настоящія свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ Кирилла и Меѳодія, а потому пристрастіе и ревность къ распространенію Латыни были довольномъ поводомъ для сплетенія небывалой исторіи. Не зная, какимъ образомъ и откуда перешли въ Моравію переводы Свящ. Писанія и Богослужебныхъ книгъ, которыя, собственно, принадлежатъ Болгарамъ, онъ (сочинитель 1-й Легенды) приписалъ сіе Кириллу и Меѳодію: для сего выдумываетъ посольство Славянскихъ Князей къ Императору Михаилу, съ требованіемъ отъ него учителей, отправленіе къ нимъ изъ Царграда проповѣдниковъ Кирилла и Меѳодія, изобрѣтеніе ими Словенскихъ буквъ и переводъ Св. Писанія на языкъ, который называетъ Словенскимъ (стр. 111). Посольство основывается только на предположеніи, будто нашими Апостолами Богослуженіе введено въ Моравію, между тѣмъ какъ это сдѣлано было ими лишь въ Болгарскомъ государствѣ. Оно (посольство) неестественно, ибо Моравія отъ Имперіи отдѣлялась обширною Болгаріей, коей принадлежитъ вліяніе на Моравію. Невѣроятно, чтобы Моравы, какъ Славяне, просили себя въ учителя Грека, а не лучше какого либо Болгарина Славянина, да и Михаилъ не могъ располагать ни Меѳодіемъ, ни Кирилломъ, находившимися уже въ Болгаріи (стр. 112); слѣдовательно, ни тотъ, ни другой, ни въ Моравіи, ни въ Римѣ никогда не бывали, напротивъ, весь кругъ ихъ дѣйствій, все ихъ поприще заключалось въ предѣлахъ Болгарской Державы (стр. 113). Какъ Легенды—просто выдумка пристрастныхъ головъ, такъ точно и Буллы Папы Іоанна VIII-го къ Меѳодію, чеканенныя жалкимъ образомъ въ XV ст., уже послѣ появленія Легендъ, потому что въ нихъ заключаются понятія сочинителя Легендъ, изъ коихъ составлены во время Гуситскихъ войнъ, какъ историческія доказательства въ сіи

критическія времена принадлежности Чеховъ къ Римской Церкви. Сюда же относится и Біографія Климента, Архіепископа Болгарскаго, которая, де, по доказательствамъ (мнимымъ) Добровскаго, въ томъ, гдѣ касается Кирилла и Меѳодія, заимствована изъ Легендъ; а если ее сочинялъ Грекъ прежде появленія Легендъ, то она умножена въ послѣдствіи статьей о Кириллѣ и Меѳодіи какимъ либо Латинцемъ, или Грекомъ подкупленнымъ; если же вся составлена однимъ лицомъ, то писана только съ XIV столѣтія» (стр. 115) (218). Принесши въ жертву такому своему предположенію о дѣятельности Кирилла и Меѳодія, показанія Запада, Венелинъ также поступилъ и съ показаніями Востока: «Несторовъ разсказъ, судя по ясности и краткости слога Несторова, слишкомъ подробенъ и теменъ, чтобы приписать его Нестору; притомъ, въ извѣстіяхъ заграничныхъ онъ пользовался только одними Византійцами; но ни они не говорятъ о событіяхъ, содержащихся въ семь мѣстѣ, ни Латинскіе современные писатели; явно, что оно вставлено не извѣстно кѣмъ изъ продолжателей Нестора, въ качествѣ объясненія на текстъ Лѣтописи, и вставлено отсюда же, откуда и Буллы: всмотрѣвшись хорошенько въ оное, увидите, что оно есть не иное что, какъ только переведенная, хотя съ нѣкоторыми отмѣненіями, Латинская Легенда. Какой-то южный Русинъ, видя, что Несторъ, пропустилъ объяснить происхожденіе, такъ называемой, Славянской грамоты, пожелалъ замѣнить, сколько возможно, сей недостатокъ, и, не имѣя для сего особыхъ источниковъ, и будучи слишкомъ довѣрчивъ, принялъ отъ своихъ близкихъ сосѣдей, Латиновъ, Легенду, и внесъ ее въ текстъ Нестора» (стр. 117). На послѣдокъ, и о Житіи, помѣщенномъ въ Четь-Минеи, принимаетъ безусловно мнѣніе Добровскаго, признавая, однако, съ Шлѣцеромъ, во всемъ превосходство ея надъ Легендами. «Самое же затруднительное обстоятельство есть то, что сочинитель оной совершенно забылъ упомянуть о крещеніи Болгарской Державы, событіи, въ которомъ Меѳодій и Кириллъ были главными дѣятелями, и которое было величайшимъ событіемъ тогдашняго времени (стр. 119). Отсюда вытекаетъ, что Болгарское Богослуженіе и книги пришли въ Моравію по требованію не Ростислава, не изъ Византіи и не при по-

средствѣ Кирилла и Меѳодія, но по обращенію Святополка къ Борису, послѣ бѣгства, во время бурныхъ войнъ съ Нѣмцами, Латинскихъ, Франкскихъ и Нѣмецкихъ монаховъ изъ владѣній его, а съ ними и непонятной Латыни и ненужныхъ десятинъ и под. тому поборовъ. Въ сіе-то время (послѣ 876, въ которомъ умеръ Императоръ Людовикъ, а владѣнія его раздробились на три части) приняты въ Моравіи и Богеміи обряды Восточной Православной Церкви, при чемъ и Болгарскія Священныя книги перенесены туда изъ Болгаріи, тѣмъ паче, что Болгарское нарѣчіе было понятно всякому Моравянину. И это естественно: отвергая Латинское, надобно было принять Болгарское, какъ вразумительное, сверхъ того, не требовавшее ни податей, ни зависимости Моравіи, предоставлявшее имѣть у себя собственныхъ Епископовъ, чего не позволяли имъ Франки (стр. 131—132). И по тому не начало положили Кириллъ и Меѳодій сей Славянской Церкви, но гигантски распространили и развили, образовали членовъ ея. Вотъ величайшія услуги и заслуги ихъ!» (стр. 121). Такое мнѣніе свое о началѣ письменъ Славянскихъ, опираетъ еще на томъ обстоятельстве, что рѣшительно, молъ, «не вѣроятно, чтобы лишь одному Кириллу, или Меѳодію, могло придти на мысль писать Болгарскія слова Греческими буквами; напротивъ, знакомя народъ Болгарскій съ истинами Св. Писанія, естественно, сіи мужи познакомили оный и съ письменами. По крайней мѣрѣ источники указываютъ на нихъ, какъ главнѣйшихъ виновниковъ сего великаго и спасительнаго дѣла. Но одни голыя (справедливыя или подложныя) свидѣтельства не могутъ быть употреблены въ изслѣдованіи, если не сообразимъ оныхъ ни съ естественностью дѣла, ни съ теченіемъ обстоятельствъ, ни съ порядкомъ вещей, ни здравымъ разсудкомъ. А по тому, тогда только можно приписать Кириллу и Меѳодію первое употребленіе Греческаго алфавита въ Болгаріи и для Болгарскаго языка, когда докажутъ, что никому изъ многочисленныхъ Болгаръ, наполнявшихъ Европейскія области Восточной Имперіи, и даже поселенныхъ въ Малой Азій, съ давняго времени большею частію смѣшанныхъ съ Греками, бывшихъ гражданами, Христіанами, въ силѣ и уваженіи, ни случая не было, ни мысль не приходила въ голову писать Болгарскія

слова Греческими. А какъ этого доказать совершенно невозможно, то допустить должно, что Имперскіе Болгаре еще до Меодія и Кирилла писали сими буквами, ибо принятіе ихъ было неразлучно и необходимо соединено съ принятіемъ Христіанской Вѣры. Зная, что письменность у Восточныхъ Славянскихъ племенъ распространялась вмѣстѣ съ Христіанствомъ, и что начало ихъ обращенія значительное время заключалось въ предѣлахъ Имперіи между Болгарскими ея жителями, я совершенно убѣжденъ,—говоритъ Венелинъ,—что и письменность между ними уже долгое время была въ употребленіи, пока, наконецъ, при благопріятномъ случаѣ, изъ-за горъ Балканскихъ не распространилась и на прочія страны. Стало, Болгаре переняли отъ своихъ добрыхъ согражданъ, Грековъ, и буквы и Вѣру вмѣстѣ; но сіе случилось не вдругъ и не однимъ человѣкомъ введено, напротивъ, постепенно, и могло входить въ употребленіе у разныхъ лицъ въ одно и то же время. Тоже разумѣть слѣдуетъ и о переводѣ Св. Писанія и служебныхъ книгъ, ибо одно не могло случиться безъ другаго; то, другое и третье—принадлежности одного и того же событія. Сообразно сему Имперскіе Болгаре должны были имѣть въ переводѣ если не все Св. Писаніе, то, по крайней мѣрѣ, какую либо самую нужную часть онаго. Приписываемый источниками Меодію и Кириллу переводъ всей Библии и даже другихъ служебныхъ книгъ, заключаетъ въ себѣ что-то затруднительное, неестественное (стр. 73—78). Возможно ли, чтобы сіи мужи, въ безпрерывномъ своемъ путешествіи и занятіи проповѣдываніемъ, крещеніемъ и спорами, могли и помыслить о переводѣ тѣхъ огромныхъ книгъ (прежде надобно было имъ перевести служебныя, безъ коихъ не могли ввести Богослуженія, а послѣ Библию), для перевода коихъ, сообразно тогдашнему искусству писать, не довольно было цѣлой жизни, спокойной, сидѣльческой, да еще такими письменами, кои еще не существовали, и кои надобно только еще изобрѣсть? (стр. 60). Кто утверждаетъ переводъ за ними, тотъ, съ одной стороны, по Легендамъ, утверждаетъ это въ Булгаріи и Моравіи: но не ужели кто будетъ столько опрометчивъ, чтобы отважиться приписать такое двукратное предложеніе Св. Писанія одному,

или двумъ человѣкамъ, между тѣмъ какъ переводъ сего же самаго Писанія, за исключеніемъ Новаго Заѣта и Богослужебныхъ книгъ, на одинъ только Греческій, нѣкогда стоилъ довольно труда и времени 70-ти толковникамъ? Слѣдовательно, переводъ могъ быть сдѣланъ на одинъ только языкъ, и Св. Писаніе оставалось на семъ одномъ языкѣ, пока, въ послѣдствіи времени, не переведено и на прочіе виды общаго Славянскаго. Этотъ одинъ языкъ и былъ Болгарскій, и на немъ оно было пренесено и въ Моравію, такъ же какъ и въ Россію. Или неужели вздумаете сказать, что Кириллъ переводилъ оное въ Моравіи для Болгаръ? Или на Болгарскомъ языкѣ въ Моравіи для Мораванъ? Но неужели Христіанская Вѣра, и съ нею Св. Писаніе, обратнымъ путемъ перенесено изъ Моравіи въ Булгарію и Россію, да еще на Булгарскомъ языкѣ? То же разумѣется и о Меѳодіи: чтобъ онъ самъ и одинъ занимался тѣмъ, это не можетъ быть доказано, и невѣроятно. А какъ не трудились надъ этимъ переводомъ въ Моравіи, то онъ долженствовалъ быть совершенъ въ Болгаріи еще до 861, или 863 года, въ которомъ заставляють Константина и Меѳодія путешествовать въ Моравію, потому что, слѣдуя Легендамъ, какъ они могли бы вводить Богослуженіе въ Моравіи тотчасъ по прибытіи въ нее, не имѣя съ собою уже изъ Болгаріи готоваго перевода? И потому, Кириллъ ли и Меѳодій начали и совершили оный (переводъ), совершенно неизвѣстно и весьма сомнительно. Приписывать сіе имъ исключительно нельзя, ибо нельзя етого доказать; по крайней мѣрѣ начало письменъ, которое неразрывно касается и перевода Св. Писанія, противорѣчитъ тому (стр. 78—83). Извѣстно, что Славянскій родъ, распавшись на двѣ релігіозныя стороны, принялъ писмена двухъ почерковъ, Греческаго и Латинскаго (который тотъ же Греческій, только преобразованный и названный, по праву присвоенія, Латинскимъ, такъ какъ Нѣмецкій—такой же измѣненный Нѣмцами Латинскій). Всякій видитъ, что буквы, конемъ начали писать Болгаре, а потомъ и Россіяне, суть чистыя и настоящія Греческія, и, стало, говорить объ изобрѣтеніи сихъ буквъ Кирилломъ и Меѳодіемъ будетъ нелѣпо. Правда, что къ Греческому алфавиту прибавлены нѣкоторыя буквы для изображенія осталь-

ныхъ Болгарскихъ звуковъ; но неужели это значить быть изобрѣтателемъ той азбуки, которую въ самомъ дѣлѣ только дополнилъ, кто бы то ни былъ? Почему не говорить гораздо естественнѣе и приличнѣе о введеніи, или принятіи Болгарами Греческаго алфавита, вмѣсто безтолковаго слова *изобрѣтенія*? И такъ ни Кириллъ, ни Меѳодій, ни какой либо другой Болгаринъ не изобрѣталъ и не могъ изобрѣтать алфавита, который существовалъ уже прежде, за тысячу лѣтъ, и который называется Славянскимъ по тому только, что въ употребленіи у нѣсколькихъ видовъ Славянскаго рода и что дополненъ нѣсколькими новыми знаками. Вопросъ, кто и когда ввелъ въ употребленіе у Болгаръ Греческія писмена, то же, что вопросы: кѣмъ, какъ и когда перенесены Греческія буквы къ Латинамъ, Коптамъ, Готамъ и проч., или Арабскія къ Туркамъ, Татаро-Персамъ, Бухарцамъ и проч.? Если обратить полное вниманіе на принадлежности сего переноса, то нельзя не замѣтить, что главнѣйшею изъ оныхъ былъ переходъ Религіи и, во вторыхъ, непосредственное сосѣдство и тѣсное соприкосновеніе двухъ народовъ, между коими долженствовалъ случиться сей переходъ, или сообщеніе письменности. Дѣйствіе образованнаго Греческаго народа не могло быть обращено на одного только, или двухъ Болгаръ, ибо сіе невозможно, но происходило на всѣхъ точкахъ соприкосновенія онаго съ Болгарскимъ» (стр. 70—72). Дѣлая выводы изъ этого, сочинитель еще разъ настаиваетъ на то, что переводъ сей и Болгарское Богослуженіе существовали уже до просвѣтителей Болгарскаго народа, и существовали долго за Балканами, въ предѣлахъ Имперіи, вмѣстѣ съ письменами: «по сему-то Греческая Словесность имѣла сильное вліяніе на Словесность Имперской отрасли Славянскаго вида Болгаръ; по сему-то наше Св. Писаніе изобилуетъ Грецизмами, и на оборотъ, сіи Грецизмы показываютъ, что оно переведено не въ Моравіи, ни въ Болгаріи, но въ самой Имперіи. Впрочемъ, гдѣ бы ни совершенъ былъ сей переводъ, все равно; и самый Константинополь не менѣе могъ быть мѣстомъ его довершенія, какъ и Адрианополь, или Солунь. Не смотря на сіе, однако, не стану утверждать рѣшительно, что Меѳодій и Кириллъ не переводили совершенно ничего. Можетъ статься, что въ ихъ время не

вся Церковная библиотека была уже на Болгарскомъ языкѣ, и что, движимые ревностію къ своей Церкви, они перевели недостающее; или, если даже и все было довершено ихъ предшественниками, то они, какъ истинно ученѣйшіе мужи, могли заняться исправленіемъ недостатковъ, могшихъ вкратѣ въ столь обширномъ Церковномъ запасѣ, и сіе уже само по себѣ есть великій трудъ и великая заслуга (стр. 84). Они, потому, Болгарское Богослуженіе, переводъ Св. Писанія и Болгарскія писмена, существовавшія задолго до нихъ въ предѣлахъ Имперіи, пересадили и распространяли по Болгаріи и принадлежащимъ ей областямъ, ими обрацаемымъ» (стр. 120). Слѣдовательно, основная мысль всего, высказаннаго здѣсь Венелинымъ въ двухъ его сочиненіяхъ, это—какъ Христіанство, такъ и, послѣдствіе его, Богослуженіе, а черезъ то и самая письменность, гораздо старѣ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, а по тому всѣ сказанія, приписывающія все это имъ просто на просто—выдумка, ни на чемъ неоснованная, или точнѣе опирающаяся на поддѣлкѣ какихъ-то неблагонамѣренныхъ лицъ въ средніе вѣки. И все это обвиненіе въ подлогѣ цѣлой древности, показаній Востока и Запада, т. е., людей самыхъ различныхъ и ни чѣмъ не связанныхъ между собою, отдѣленныхъ исполненнымъ пространствомъ мѣста и времени, образованіемъ, вкусомъ, выгодами и цѣлями, весь этотъ гигантскій заговоръ поднять имъ во имя чего же? Единственно, чтобъ доказать, что Глаголица—то и есть настоящее Славянское письмо, которое далеко старѣе, чѣмъ какъ обыкновенно думаютъ, есть наслѣдство, оставленное намъ нашими праотцами временъ глубокаго язычества, между тѣмъ какъ, такъ называемая, Кириллица,—плодъ новѣйшій, неправильно присвоенный Константину Философу, или, брату его, Меѳодію. Она такое же Греческое письмо, какое Латинское, Коптское, Готское и т. п., отчасти только измѣнившаяся съ теченіемъ времени подъ тростію скорописною и перомъ борзописцевъ, старавшихся примѣнять, по силѣ разумѣнія своего, знаки, для чужаго слова первоначально составленные, къ выраженію звуковъ родныхъ, съ большимъ, меньшимъ успѣхомъ, пока, наконецъ, не достигли въ томъ нѣкотораго рода порядка, системы. Важнѣйшее пополненіе Греческаго алфавита состояло въ знакахъ,

прибавленныхъ къ нему изъ исконной Славянской азбуки, но дополненіе его не извѣстно, кѣмъ и когда сдѣлано, ни въ какомъ случаѣ не даетъ намъ права считать черезъ то Алфавиту особеннымъ какимъ-то письмомъ, ставить на одной доскѣ съ Глаголицей. А по тому тутъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо изобрѣтеніи особенныхъ буквъ, будете ли приписывать Кириллицу Константину, или кому бы то ни было. Очевидно, весь етотъ наборъ громкихъ словъ, позовъ противномыслящихъ передъ судилище здраваго смысла, исторической Логикѣ, Критеріума и тому подобныхъ, всѣ етѣ Родомонтады—изза того, что невѣроятно думать, будто Славяне Имперіи Греческой ранѣ Солунскихъ проповѣдниковъ не подвергались въ такой степени вліянію своихъ образованныхъ сосѣдей, чтобы, упорно оставаясь въ язычествѣ, отвергали Христіанство, а съ нимъ и всѣ благодѣянія его, между которыми, въ особенности, не избѣжно было знакомство съ книжнымъ богатствомъ просвѣщеннѣйшаго народа въ мірѣ и попытка усвоить его въ какой бы то ни было степени и себѣ, преимущественно сокровищъ Христіанской мудрости, слѣдственно, пересадка на родную почву, что, естественно, возможно только посредствомъ письменъ, приспособленныхъ къ разнымъ звукамъ! Но кто же отвергалъ послѣднее, т. е., вліяніе Грековъ и ихъ образованности на Славянъ, когда исторія прямо говоритъ о томъ? Кто не допускалъ очень ранняго крещенія тѣхъ изъ нихъ, которые слишкомъ далеко было врѣзались въ предѣлы Имперіи, и не однихъ лицъ, но даже цѣлыхъ полчищъ? Кто отрицалъ, что крещенные могли писать не только на Греческомъ, но и пытались знаками Греческой азбуки выражать, кто какъ зналъ и смогъ, родные звуки, было ли то переводъ съ Греческаго, или какое свое произведеніе? Не прямо ли говоритъ объ етомъ черноризецъ Храбръ, столько близкій къ спорному времени и совершенно выпущенный изъ виду Венелинымъ, то есть, что предки наши «кръстнише же са Римськими и Гръцьскими писменъи вждааха са писати Словѣньскѣ рѣчь безъ оустраожениа»? Слѣдовательно, сама Исторія засвѣдѣтельствовала намъ то, существованіе чего, притворяясь незнающимъ показанія ея, или забывая его, силится доказать онъ всѣмъ; но она тутъ же го-

ворить каждому. въ какой мѣрѣ все это было: «*наждахъ са писати безъ оустроения*», по нуждѣ, съ трудомъ и безъ всякаго устроя; слѣдовательно, это было то самое состояніе, въ какомъ каждый человѣкъ и цѣлый народъ находится по волюѣ, когда начинается какое дѣло, гонимый къ тому необходимостью, не давши, да и не могли дать, себѣ отчета, какъ это должно дѣлать, и по чему такъ, а не иначе;—состояніе, въ какомъ и теперь видимъ еще потомковъ тѣхъ же самыхъ Болгаръ, которые, спустя больше тысячи лѣтъ, очутились, въ этомъ случаѣ, въ положеніи своихъ праотцевъ, когда, лишенные всѣхъ средствъ научиться выражать свою новую рѣчь приличными ей письменными знаками, не подозрѣвая даже о существованіи такой возможности, а между тѣмъ, по частому общенію съ сосѣдями своими, Греками, знакомые съ ихъ грамотою, принужденные писать и записывать свои счета и расчеты и т. п., нуждаются, какъ и Словѣни, «*погани сѣште, писати свою Словенскъ рѣчу*», и писати, подобно тѣмъ, безъ всякаго устроения. «*Како бо можетъ са безъ оустрои Словянскъ рѣчу писати добръ Гръцкыми писменъ*», спрошу я словами Храбра? Стало, вся сила вопроса сводится на выраженіе, *съ устроемъ*, или *безъ устроа писати*? Тѣ и другіе Болгаре, до Кирилла задолго, и еще долѣе послѣ Кирилла, писали, и писали Греческими и Латинскими писменъ, но какъ писали? «*Наждахъ са писати безъ оустроения*», замѣтилъ Храбръ, и етѣмъ порѣшилъ все препираніе о томъ, писали ль Славяне до Кирилла, и какъ писали? Храбръ даже доноситъ намъ, какъ писали Славяне въ язычествѣ, слѣдовательно, не отвергаетъ нѣкотораго рода грамоты въ нихъ до Христіанства ихъ: «*сутьями и рѣзани уѣтѣхъ и гатлахъ, погани сѣште*», но тутъ же прибавляетъ, что это были не «*книги*»: «*не имѣхъ книги*», т. е., буквы, такъ какъ книга въ древнемъ Славянскомъ языкѣ употреблялась первоначально въ такомъ смыслѣ, въ какомъ у Латинянъ «*litterae*», откуда, какъ у етѣхъ «*literatura*», *literator*», такъ и у тѣхъ «*книжность*», *книжники*, *книжница*, *книжница*, и т. п., тотъ, кто знаетъ *litteras*, книги (буквы): «*Бже и написани писано идѣ нимъ книгами 'Славнскими, и Римскими и Герменскими; 'Иν δὲ ἐπιγραφῇ γεγραμμένη ἐπ' αὐτῷ ὑράμμασιν 'Ελληνικοῖς καὶ Ῥωμαῖκοῖς καὶ Ἑβραϊκοῖς*. Лук. XXIII,

38, стр. 191, ст. 30. Какъ оубо съ оумнѣсть кнѣигы, не оумнѣ са? *Πῶς οὗτος γράμματα οἶδε, μὴ μεμαθηχῶς.* Иоан. VII, 15, стр. 26, ст. 2-й. Аще ли того кнѣигамъ кѣрѣ не ѣмлѣте, на- не момъ глаголомъ кѣрѣ имете? *Εἰ δὲ τοῖς ἐκείνου γράμμα- σιν οὐ πιστεύετε, πῶς τοῖς ἐμοῖς ῥήμασι πιστεύσετε?* Иоан. V, 47, стр. 15, ст. 4. Остромирово Евангеліе; *воукѣръ*, отъ буква, какъ и теперь у Хорутанцевъ *bukvar*, книжникъ, и нашъ букварь; *bukve*, книга, и т. д.; наше *грамотѣй*, отъ грамота, какъ Греческое *γραμματούς* отъ *γράμμα*, и наше просто- народное *письменникъ*, грамотѣй; *письмлиннѣй*, *письмѣннѣй*, то же; *письменица*, грамотѣя, а *письмянница*, прописная аз- бука для учащихся; Малоруское *письменнѣй*, *письменникъ*, отъ письмо, *письма*. Были ли етѣ урѣты и рѣзи Глаголь- скія буквы, или же что особенное, — иной вопросъ, рѣ- шеніе котораго не относится теперь прямо къ моему во- просу, да и не можетъ имѣть непосредственнаго на него вліянія, по тому что даже допустивши тождество тѣхъ и етой, устрой для крестившихся Славянъ Греческихъ письменъ, вид- но былъ, по всему, крайней необходимостью, настоятельной потребностью, и, конечно, по тому, что и урѣты и рѣзи, Глаголи- ца и Гръцкія писмена съ Латинскими, не удовлетворяли Сла- вянь: «не добра са ими Словѣнска рѣчь пѣслада». Стало, Константинъ или Кириллъ *долженъ* былъ, по такой всѣхъ ихъ несостоя- тельности, устроить «Словѣнскоу родоу писмена, ова оубо по ум- ноу Гръцкихъ писменъ, ова же по Словѣнскѣи рѣчи». За стотъ-то «оустрои по Словѣнскѣи рѣчи» Греческая алфавита получила на- званіе «Словѣнскихъ писменъ», «Кириллицы», по имени своего устрой- теля: «Свѣтлы Константинъ Философъ, нарицаемъи Кирилъ, тѣ илкъ писмена сътвори и книги прѣложи, и Мефодіе, братъ его (т. е., пособникъ въ прѣложеніи книгъ). Запираться въ етомъ нель- зя, имѣя такого свѣдѣтеля, каковъ Храбръ, о которомъ не смѣемъ сказать, чтобы онъ все его выдумалъ, по тому что не имѣлъ къ тому ни какой причины. Не имѣемъ также ни какого повода подозрѣвать его въ неискренности, когда онъ ссылается даже на людей, которые могутъ то, т. е., «сътво- реніе» или «оустроѣніе писменъ» и «прѣложеніе книгъ», засвѣдѣ- тельствовать, какъ современники ихъ, какъ очевидцы: «Сѣтъ во кште живи, нже сѣтъ видѣли ихъ», то есть, Кирилла и Ме-

еодія. Сдѣсь «dawność świadek prawdy», говоритъ Польская пословица. Или и это издѣліе XIV — XV-го столѣтія? Но тогда отъ чего же это надѣліе буква въ букву, черта въ черту, напоминаетъ намъ Греческія писмена Кириллова времени, а не послѣдующаго, тѣмъ менѣе спустя 4—5 вѣковъ, когда и Греческій алфавитъ измѣнился уже значительно? Сдѣсь-то сходство — одно изъ доказательствъ, что наша азбука дѣйствительно появилась въ IX-мъ столѣтіи: каковъ родъ, таковъ и плодъ, или, говоря народной пословицей: каковъ корень (или пенъ), таковъ и отростень. Нѣтъ, на это и Венелинъ не отважился посягнуть, признавая за лучшее вовсе обойти молчаніемъ Храброво «Съмазаникъ, или състави сѣмъ Коурнакъ Философъ Словами писмени противко думноу ихъ», хотя, судя по нѣкоторымъ выраженіямъ его Филиппики противъ изобрѣтенія Кириллицы, ясно, что Сказаніе это было ему хорошо извѣстно (219). И стало, какъ замѣчаютъ Малороссіяне: «Выйде правда на верхъ, якъ ольва на воду».

Въ то время, когда у насъ Венелинъ такъ рассуждалъ объ отношеніяхъ двухъ Славянскихъ азбукъ, больше или меньше дѣйствуя подъ вліяніемъ соплеменныхъ Западныхъ ученыхъ, на Югѣ Славянскомъ, именно, въ княжествѣ Сербскомъ, явилось сочиненіе: «Постанакъ Славенски слова или писменость, каква е и каква треба, да е у Сербскомъ езыку», одъ *Адама Драгосавльвита*. У Београду, 1840 (въ 12, 140 стр.). Сочинитель, Сербъ изъ южной Угрии, но перешедшій на ту сторону Савы и Дуная, начитавшійся тѣхъ изъ доступныхъ ему Югозападныхъ Славянскихъ ученыхъ, которые мною приведены нѣсколько выше, и опираясь на Копитара и Якова Гримма, пытался, на такомъ основаніи, объяснить начало Славянскихъ письменъ, и оттуда вывести правила для Сербскаго правописанія, которое, какъ извѣстно, по сую пору еще не установилось, и которое, при вѣроисповѣдномъ распаденіи Сербовъ на два враждебные стана, чрезвычайно препятствуетъ новѣйшимъ усиліямъ благонамѣренныхъ прекратить это зло и соединить раздѣленныхъ братьевъ. Тамъ споръ о превосходствѣ Азбуки надъ Абецедой, и на оборотъ, имѣеть глубокое, историческое, значеніе, и по тому найти

средство, которое бы положило, наконецъ, етому спору конецъ, составляло издавна благія желанія пламенныхъ патриотовъ той и другой стороны. «Разделѣне Цркве разделе намъ и сродну братю нашу», — говоритъ онъ, — «разделе и оцрне. Да су Славени сви засдно у едноме Закону остали, шювъ бы се езикъ измедю себе ветъма съсдиню и много едначій остао и постао, него што е овако. Римскій е Законъ Славенскоме народу многу штету чиню: ако е Славенинъ Римскога Закона какву тудьинку себи узео за жену, то ветъ деца се ни су есапила (почитались) поколеня Славенскога; она су по матери постала Немцы, или Маджари, Таліани, или Французи. Ако ли е пакъ Славенка тудьинцу жена, то ветъ ніе ни мислити, да деца таковога брака у Римскоме Закону Славенима постану. Гомила (множество) се Славена у многима Државама у инороднике слила и стопила. Али опетъ има Славени Срба Грчкога Закона съ Маджарима помешани, кои свой народній езикъ говорити не умеду, али се они опетъ за то држе, да су Србљи по крви и Закону. Славени пакъ Римскога Закона, ако су гди помешани са другима своезаконницама, сасвимъ су се у исте слили, нити се ветъ више есапе, да су рода Славенскога. У Грчкоме Закону многи су се Грци, Власи и Цинцари (смѣсь Румуновъ съ Греками) посрбили, и тиме Славенскій народъ умложили; али у Римскоме нема тога догадая, да су какви иноезичници постали Славенима. Грчкій е дакле (по тому) Законъ досада (доселѣ) бивао и бива една потпора и одбрана у пропадаю Славенскоме народу и езику, а Римскій е текъ гредежно (постепенно, безпрестанно) умалявао Славене, и мало по мало преливао у свое законне тудѣезичнике. То су несрете, то су горки за насъ догадая (событія), кои су насъ, Славене, съ езикомъ заедно умалили и упропастили. Да ли те кадъ (когда) дотыи време, да се опетъ баръ (по крайней мѣрѣ) умно (въ умственномъ, духовномъ отношеніи) састанемо и саединимо, да се в Славени еданъ другоме обрате и обратиме? Ово те текъ онда (только тогда) бити мотыи, кадъ западни Србљи оставе у писмености Латинска слова, па сви скупа (всѣ вмѣстѣ) прииме и присвое тако названа Кирилова слова» (Кирилицу) (стр. 77 — 79). И ниже, приводя примѣръ изъ нашей исторіи о составленіи Петромъ Великимъ

Гражданской азбуки, замѣчаетъ: «Но нема Главѣ, нема Петра, коме да се повиную; а еданъ другоме, не гледеть, што имъ се езикъ и писменство неразборно (безразсудно) замете, ни су ради ни у чему првенство уступити. Ето (вотъ) какви су люди, гди господара нема» (стр. 105). Стало, при такомъ положеніи дѣлъ, повторяю, азбучный споръ, во многомъ полезной, теряетъ, по крайней мѣрѣ, половину своей смѣшной стороны, и всякое умное слово въ такихъ обстоятельствахъ не бесплодно падаетъ на умы мыслящіе и, не рѣдко, побуждаетъ призадуматься и невольно поискать причины злу; а донскиваясь того, естественно, раждается желаніе узнать поближе и самое искомое, то есть, начало или происхожденіе его; отъ того, часто приходится, въ подобныхъ случаяхъ, слышать рѣчь, какъ говорится, отъ Адама. И если Шлѣцеръ черезчуръ уже высоко оцѣнилъ крѣпость азбучныхъ основъ, говоря: «Es gibt eine Philosophie des ABC's, oder der Rechtschreibung mit allgemein weit festern Grundsätzen, als die Moral hat», все же нельзя отвергать вовсе своего рода философіи въ Филологіи, во главѣ которой, какъ извѣстно, стоитъ азбука, и по тому многіе, обходя начало слова, по сию пору никому еще не открывшаго своей тайны, довольствуются болѣе подручнымъ и осязательнымъ, началомъ азбучныхъ знаковъ, какъ видимой оболочки слова, хотя и тутъ, равнымъ образомъ, ни объ одномъ еще изъ многочисленныхъ труженниковъ разборчивое потомство не можетъ сказать: «Нашелъ, нашелъ!» Тѣмъ не менѣе, трудъ даровитаго искателя имѣетъ право на вниманіе, и его нельзя обойти, излагая исторію етѣхъ поисковъ, во первыхъ, для того, что бы знать, въ какомъ положеніи находится теперь вопросъ, т. е., что было сдѣлано доселѣ для рѣшенія его, и во вторыхъ, пользуясь опытностью своихъ предшественниковъ, не дѣлать того, что уже было сдѣлано ими, не повторять ихъ ошибокъ, но знать, откуда и какъ повести далѣе работу, въ увѣренности, что и мы, съ своей стороны, малуютолику лепту принесли для общаго дѣла, которое когда ни будь, авось, разоблачится, при такой общей дружной и всесторонней настойчивости. Драгосавиѣвичъ полагаетъ рѣшить ету задачу, если объяснитъ намъ смыслъ названія каж-

дой буквы, будучи увѣренъ, что имена ихъ ведутъ начало свое отъ іероглифовъ: «Да се многе стваре (вещи, предметы) не забораве (забудутся), почну люди по кори и дрвету, по кожи и камену шарати (чертить), и то ныово шаране буде првій почетакъ письменности людске, и назовесе іероглифомъ. Да се не би люди у погадяню (разоблаченіи) іероглифа варали (ошибались), додю на ту мисао (мысль), да речи тако малаю, као (какъ) што се говоре, те (и) тако одъ іероглифа постави слова, коя се садъ (теперь) зову *писмена*» (§. 1, стр. 3). Далѣе: «Кадъ човекъ (когда человекъ) слово по слово азбуке наше поименце проде, и свакога (всякого) слова име и значене редомъ размотри, появи му се таки нека у доста садъ (довольно теперь) за насъ замршеной (запутанной, темной) беседи символна тайна, кою су предяшњи (прежніе) пре (прежде, до) Христа живетьи народи Славенски исповедали, и коя се заиста садъ изъ словни имена, као изъ најстаріи споменика и памтеника письменности Славенске очевидно дознае» (§. 5, стр. 6). Изобрѣтеніе ея (азбуки) приписывается Иерониму, а Кирилъ и Меѳодій только преобразили ее въ IX-мъ вѣкѣ, приспособивъ къ Греческой: «По-приповеданю писмена су најпре произвели.... Готима Улфила, а Славенима Иеронимъ, кое после у IX веку Кирилъ и Методій преобрази и са Грчкима сличи» (§. 2, стр. 3—4). Въ слѣдъ за симъ (§. 3, тамъ же) утверждаетъ, «да су гласолична Иеронимова слова *млого старія одъ Кирилова*», ссылаясь на Добнера, Альтера, Раковецкаго и Дуриха, равно какъ и на Глаголитскій псалтырь 1222 года, списанный пресвитеромъ острова Раба, Николаемъ, съ одного экземпляра, принадлежавшаго Салонскому архіепископу, Феодору, около 640 года (?). Но въ особенности старшинство и древность ихъ—говорить онъ,—доказываются внѣшнимъ *видомъ, названіемъ, значеніемъ и изображеніемъ*, заставляющими насъ относить происхожденіе ихъ къ порѣ, далеко старшей даже поры Иеронимовой: «Узъ (возгъ, съгъ) то и то ёштъ кадъ погледимо, Иеронимова слова како *измладаю* (готово као какве іероглифе), и кадъ помислимо и расудимо, како се *именую, шта значе и представляю*, юрве (уже) онда (тогда) морамо (должны) заключити, да су не само (только) одъ Кирила

gel des *j* eine höchst eigenthümliche ist—beide alphabete entberer auf gleiche weise eines zeichens für diesen im slawischen so wichtigen laut. Endlich zeigt die *gestalt* der buchstaben mer oder minder deutlich, oft aber augenfällig, dass des glagolitische sich durch seltsame *verzerrung* und *verschnörkelung* vom cyrillischen unterscheidet. ich weise hier nur auf die buchstaben *д, е, ж, л, н, т, ф* hin, die diess besonders schlagend darthun; besonders beliebt ist im glagolitischen das anbringen von vierecken oder ungenauen kreissen an den buchstaben so bei *д, л, т, ф* und and., andere zeichen scheinen geradezu *auss dem cyrillischen in das glagolitische herübergenommen*, so das *ш*. Es steht mir fest, und das denke ich muss sich jedem unbefangenen betrachter beider alphabete aufdrängen, dass *das glagolitische eine absichtliche höchst geschmacklos ausgeführte veränderung des cyrillischen alphabetes ist*, eine schwerfälligere und ungefügere schrift als das ältere glagolitisch, ist mir noch nie vorgekommen. Kein unbefangener schrifterfinder fördert solche *monstra* zu tage. Mir gilt also das glagolitische alphabet für unzweifelhaft *secundär*, *im liegt das cyrillische zu grundee* und solte es auch den tag nach vollendung des letzteren angefertigt worden sein» (Die Formenlere der kirchenslawischen sprache, S. 31—32).

Тѣмъ не менѣе охотники утверждать противное, и утверждать именно на основаніи того, что другимъ внушило такой жесткій приговоръ надъ Глаголитикой, не перестаютъ появляться время отъ времени, правда, уже съ гораздо скромнѣйшими требованіями и болѣе взвѣшенными словами, но все таки не переводятся, и, судя по прошедшему и настоящему состоянію спорнаго вопроса, долго еще не переведутся. Къ самымъ новѣйшимъ защитникамъ старѣйшинства Глагольскаго письма передъ Кирилловскимъ принадлежитъ И. Паллонскій, выступившій въ юньской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1854-й годъ съ первой статьей своего изслѣдованія: «Филологическія замѣтки о Русскомъ языкѣ въ связи съ Церковнославянскимъ и другими Славянскими нарѣчійми» (Отд. II, стр. 165 — 226). Содержаніе первой части етого изслѣдо-

ванія, по словамъ сочинителя, составляютъ: «происхожденіе и образованіе Славянской, а потомъ Русской азбуки, объясненіе древняго и новѣйшаго правописанія, изслѣдованіе грамматическихъ формъ сравнительно съ соплеменными нарѣчіями» (стр. 167). Подъ розыскомъ «происхожденія Славянской азбуки» разумѣеть онъ розыскъ о томъ, откуда взяты въ нее тѣ начертанія, которыхъ нѣтъ въ Греческой; въ етомъ всѣ замѣчанія его направлены преимущественно противъ мнѣній Павскаго, въ заслугу которому ставитъ тутъ то обстоятельство, что послѣ него «мы перестанемъ, наконецъ, приписывать нѣкоторымъ Славянскимъ буквамъ Коптское, Армянское, Грузинское происхожденіе, основываясь на мнимомъ, или хотя бы даже и дѣйствительномъ, ихъ сходствѣ между собою» (стр. 169). Чтобы исправлять такой трудъ, каковъ «Филологическія наблюденія надъ составомъ Русскаго языка», надобно, разумѣется, имѣть свѣдѣнія побольше исправляемаго; даже съ равными, какъ говорится, не далеко уѣдешь. Павскій особенно силенъ въ языкахъ классическихъ, Еврейскомъ и Русскомъ письменномъ, но непосредственнаго знакомства, изъ самаго источника, съ остальными главными Индо-европейскими нарѣчіями, ему недостаетъ: сдѣсь онъ судитъ со словъ и показаній другихъ, отъ того въ немъ то лишь хорошо изъ етого, что хорошо въ самомъ подлинникѣ. Самый же важный недостатокъ нашего филолога составляетъ незнаніе Славянскихъ нарѣчій и малое знакомство съ Рускимъ языкомъ въ его историческомъ развитіи, т. е., по письменнымъ памятникамъ изъ вѣка въ вѣкъ. Стало, чтобы ослить его, нужно узнать, прежде всего, слабую сторону тѣхъ средствъ, которыми онъ располагаетъ, или точнѣе, чѣмъ онъ не располагаетъ, а долженъ бы располагать, если бы хотѣлъ имѣть вѣрный успѣхъ въ своемъ дѣлѣ. Вотъ по чему, естественно, такъ не много до сихъ поръ принесли намъ пользы всѣ оспариванія положеній, выведенныхъ Павскимъ изъ наблюденій надъ составомъ нашего языка: ни одинъ изъ препиравшихся съ нимъ не выросъ, говоря словами поговорки, ни на волосъ выше оспариваемаго ни въ чемъ: одинъ сильнѣе его въ сравнительномъ языковѣдѣніи, за то въ Славянскомъ едва, едва илетется; другой въ послѣднихъ побольше нѣсколько своего предшественника, такъ горе въ

древнихъ , особливо Симиическихъ , куда какъ не гораздъ ; были даже и такіе , что не знаешь (употреблю выраженіе Амартола) , «уесо рди матежъ много и сѣристанис творщюутъ-са!»! Новый противникъ , хотя и не принадлежитъ къ послѣд- нему разряду , и умѣлъ воспользоваться сказаннымъ до него , къ чему , по соображенію , и отъ себя коечто придалъ , но все же сочинитель «Филологическихъ наблюденій надъ Русскимъ языкомъ» ждетъ еще себѣ достойнѣйшаго соперника. Въ особенности неприятно поражаетъ читателя въ статьѣ послѣд- няго , какъ говаривали въ старину Рускіе , совопросника , его слишкомъ самоувѣренный тонъ тамъ , гдѣ вводятся въ дѣло Славянскія нарѣчія , противъ которыхъ онъ столько грѣшится , что слыша , не понимаешь , какъ можно было съ такимъ знаніемъ ихъ вступать въ бой , положимъ , хоть и съ слабѣйшимъ насъ въ оныхъ . То же самое долженъ я замѣтить и объ его «Сравнительной таблицѣ Славянскихъ алфавитовъ» , приложенной тутъ и составленной вовсе не критически , а изъ того , что подвернулось подъ руки , и кое-какъ . Есть самыя стран- ные , по видимому , непонятные , промахи . Не ужъ-то думаютъ таблица эта можетъ служить къ сравнительному изученію Славянскихъ письменъ ? Впрочемъ , было бы неумѣстно вы- числять мнѣ здѣсь даже важнѣйшія ошибки его ; знакомые съ дѣломъ , читай его статью , тотчасъ замѣтятъ еѣ недостат- ки ; однако , разбирая сказанное имъ о разсматриваемомъ во- просѣ , укажу и на нѣкоторые изъ нихъ кстати . Опредѣливъ значеніе носовыхъ звуковъ , онъ объясняетъ начертаніе ихъ , и здѣсь-то утверждаетъ , что «ни въ а , ни въ ж не видно слѣдовъ ни е , ни о , произносимыхъ въ видѣ ринезмовъ . По виду а похоже на а , а ж — на опрокинутое з ; между тѣмъ , ни въ а не заключа- лось звука а , ни въ ж звука оу . Должно , слѣдовательно , до- пустить , что эти начертанія придуманы самимъ изобрѣтате- лемъ произвольно . Со всѣмъ тѣмъ , разсматривая древнѣйшую Глагольскую азбуку , находимъ , что въ ней а изображалось знакомъ е съ приложеннымъ къ нему кружкомъ (съ лѣваго боку посередкѣ) . И дѣйствительно , а есть носовое е , а Ки- рилловское ж не есть ли только та же Глагольская буква , но опрокинутая ? Не можемъ рѣшить этого вопроса , но сильно подозрѣваемъ здѣсь заимствованіе . Не можемъ тоже допустить ,

чтобы Глагольская позаимствовала этотъ знакъ у Кирилловской: потому что въ первой онъ употребленъ правильно, и именно выражаетъ тотъ звукъ, какой изобрѣтателю нужно было выразить. Далѣе, въ Глагольской азбукѣ (упомянутое) начертаніе не только отвѣчаетъ Кирилловскому *л*, но, сверхъ того, служить знакомъ, что стоящая предъ нимъ гласная должна произноситься въ видѣ рипезма. Такимъ образомъ видимъ, что произношеніе носовыхъ звуковъ объясняется въ Глагольской азбукѣ, хотя отчасти, самымъ ихъ начертаніемъ, чего вовсе не находимъ въ Кирилловской. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что сія послѣдняя начертанія эти заимствовала у древнѣйшей — Глагольской» (§. 11. стр. 194—195.). Никакъ не слѣдуетъ, по тому что: а) объясненіе, сдѣланное имъ, древнѣйшаго произношенія и начертанія етѣхъ звуковъ не выдерживаетъ повѣрки. Начертаніе *л* указываетъ собой вовсе не на соответствующую ей Глагольскую фигуру, чего не могло не быть, если бы начертаніе ея было взято изъ послѣдней; въ этой *л* совершенно непохоже на Кирилловское *л*. б) Выражаетъ ли оно въ Глаголицѣ именно *є*, произносимое въ носъ — еще вопросъ, по тому что въ такомъ случаѣ должно бы ему изображать начертаніе *є*, употребленное въ Глаголитикѣ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ для указанія новаго назначенія, т. е., носоваго произношенія; положимъ то же самое колечко, но въ томъ видѣ, въ какомъ буква эта служитъ для означенія звука *є*, а не на оборотъ. Обратное же поставленіе ея говорить скорѣе, что такое начертаніе прямо взято изъ Кириллицы, для означенія этого звука, чтобъ не допустить тѣмъ, въ противномъ случаѣ, до большаго смѣшенія одного и того же знака, назначаемаго для выраженія разныхъ звуковъ. в) Что за смягченіе *ш* посредствомъ *є* простаго, приставляемаго къ *є* носовому? Развѣ оно выражаетъ этотъ звукъ даже въ томъ смыслѣ, какой ему навязывается? г) Развѣ *ж* составленное изъ *о* простаго и *є* носоваго выразитъ хоть бы приписываемый ему звукъ? Попытайтесь его произнести въ такомъ соединеніи. д) Если же, напротивъ, это соединеніе выражаетъ точно тотъ звукъ, то смягченіе его должно бы указывать на этотъ же, только смягченный, звукъ; но *и* и носовое *є* (*и+є*) такъ ли звучатъ? Не стану толковать сдѣсь, что *л* и *ж*, по сличеніи ихъ

Изъ того, что такъ честиль Западъ тогда и въ послѣдствіи Кириллицу, не слѣдуетъ еще такое же заключеніе и о Глаголицѣ, тѣмъ менѣе во время Кириллово. Не все, что сдается, удается.

Но стѣмъ не конецъ еще толкамъ о старшинствѣ Глаголицы передъ Кириллицей. Надоумленный графомъ К. О. Кастильони о томъ, что Майнцкій архіепископъ, *Hrabanus Maurus* (ум. 847 г.), въ «*Liber de inventione linguarum*» etc., издан. Гольдастомъ въ «*Regum Alamannicarum scriptores*» (II, р. 66 sq.), списалъ буквы какого-то Истрийскаго философа (ученаго, грамматика и т. п.), *Етика*, и приводитъ мѣсто изъ затеряннаго теперь уже сочиненія блаженнаго Іеронима о принадлежности ихъ етому послѣднему, Копитаръ чрезвычайно обрадовался случаю, и, не смотря на то, что не видалъ не только Етикова, но даже и Грабанова, творенія, тотчасъ построилъ, на донесеніи графа, систему, говоря: «*Quid si Ethicus . . . et Slavicarum litterarum ante Cyrillum auctor exstiterit: cum illoque memoratus ab Hrabano presbyter Hieronymus ansam dederit alphabeti S. Hieronymo tribuendi?*» Напрасно противъ того возражалъ Мавр. Гауптъ въ разборѣ своемъ «*Glagolita Clozianus*», помѣщенномъ въ LXXVI Bd. der «*Jahrbücher der Literatur*» (Wien, 8°) 1836 года (220), замѣчая: «*Die Buchstaben freilich und ihre Namen, wie sie Hrabanus giebt, haben mit den slavischen keine Aehnlichkeit, folgen, wenn wir den beigesetzten lateinischen Buchstaben trauen dürfen, der Ordnung des lateinischen Alphabets, und ermangeln der Zeichen für eigenthümlich slavische Laute; aber wir dürfen nicht vergessen, dass Hrabanus dieses Alphabet selbst nicht für richtig ausgiebt, so dass wir mehr auf seine Notiz als auf sein Alphabet Rücksicht nehmen müssen. Oder hat Aethicus ein von Hrabanus nicht ohne Entstellung überliefertes, von der Glagoliza grundverschiedenes, älteres slavische Alphabet erfunden, das sich nicht im Gebrauch erhielt? Ich gebe dies Alles nur als ganz unsichere und vielleicht ganz leere Vermuthung*» (221); aber im schlimmsten Falle ist des Herausgebers (Kopitar's) Ansicht nicht ohne Wahrscheinlichkeit, dass die von Hrabanus aufbewahrte Notiz den

traditionellen Glauben, welcher die Erfindung der Glagoliza dem heiligen Hieronymus zuschreibt, veranlasst habe» (S. 10). Слѣдовательно, только послѣднее обстоятельство въ мнѣніи Копитара, относящееся не къ древности происхожденія Глаголицы, но къ причинѣ приписанія ея Иерониму, Гауптъ считалъ заслуживающимъ вниманія. И, однако же, лѣтомъ 1853 года, явилось въ Берлинѣ сочиненіе: «De cosmographia Ethici libri tres» (8°, pag. 197), писанное докторомъ (или на доктора?) философіи, Кар. Авг. Фрид. Перцомъ, сыномъ извѣстнаго издателя «Monumenta Germaniae historica», въ которомъ доказывается, во 2-й главѣ 3-й книги (р. 151—156), что Етикъ былъ Славянинъ: «Ethicum natione Sclavum fuisse», по тому что Истрія, въ которой онъ родился, по собственнымъ его словамъ и увѣренію Иеронима (что, какъ увѣряетъ сочинитель, случилось около половины IV-го вѣка (222), была, начиная съ конца II-го столѣтія, вмѣстѣ съ Панноніей и Италіей, не разъ опустошаема и заселяема Сарматами (223), а Сарматы, по Нибуру (Kleine Schriften, I, S. 394 fg.) и Я. Гримму (Geschichte der deutschen Sprache, I, S. 228), молъ, Славяне (224), кои съ V-го вѣка не только Илирикъ, но также Далмацію, Паннонію и Истрію занимали (225): «Quae quum ita se habeant, sequitur, ut Ethicum natione Sarmatam fuisse concedamus: Sarmatas autem Sclavis adnumerandos esse certum est» (pag. 156). Бывши Истрійскимъ Славяниномъ, Етикъ, стало, былъ и составителемъ письменъ, неправильно приписывавшихся Иерониму, вѣрнѣе, Глаголическихъ: «His igitur causis inducimur, ut litteras ab Ethico inventas a Glagoliticis apicibus haud multum abhorrere suspicemur» (Ib.). По тому что Иеронимъ самъ, въ своемъ переводѣ Етиковой Космографіи, составленной во второй половинѣ IV-го столѣтія, а въ исходѣ, или началѣ, V-го переведенной (226), ему, Етику, а не другому кому либо, приписываетъ ихъ, говоря, что они совершенно отличны отъ Латинскихъ, какаѣ-то смѣсь Еврейскихъ, Греческихъ, Латинскихъ, Халдейскихъ, Сирійскихъ и Египетскихъ: «Sua sibi idem philosophus (Ethicus) auctoritate praelata quasi omnes assertiones eius in cunctis codicibus quis audeat aut retinere aut credere; istaque a nobis in momento vel passim eius litteris in breviarium divulgavimus. Ille ex parte gentilium litteras ex-

planare nimio enigmatе contentus, ex parte graecas syllabas elicuit, magis imo ac magis latina prosodia posuit» (pag. 500).
 Ниже (pag. 502): «Ejus abecedarii in sequenti characteres notavimus», — говоритъ Иеронимъ, — «quod nostris characteribus nullatenus convenit, sed hebraicis, graecis et latinis, chaldaicis, syriis atque aegyptiis, quae nobis ex parte vicina sunt; hic vero suam litterationem et interpretationem inter reliquos philosophos per semet ipsum nisus est, quae aliqui et quam plures gentilium scriptores in usus varios scribunt, lineam in diversa ponentes». Есть еще мѣсто, сюда относящееся, но, по связи его съ другимъ предметомъ, приведу его въ связи съ етѣмъ послѣднимъ. Доказательства же въ пользу тождества Етиковыхъ письменъ съ Глагольскими, Перць собралъ во 2-мъ параграфѣ своего изслѣдованія (стр. 156—169): всѣ они до одного ничего не доказываютъ, или же доказываютъ совершенно противное, т. е., что тѣ и другія не то, чтобы были тождественны, но, по сличеніи ихъ другъ съ другомъ, оказываются совершенно различными, а сходными лишь въ томъ, что сохранилось въ нихъ отъ общаго ихъ источника. Такое сужденіе свое, совершенно противоположное сужденію Перца, основываю на тѣхъ самыхъ данныхъ, на какихъ и онъ, т. е., изображеніяхъ, находящихся при всѣхъ, дошедшихъ до насъ, спискахъ перевода Етикова сочиненія Иеронимомъ; и по тому утверждать, что несхожее въ нихъ могло быть совершенно похоже въ подлинникѣ, очевидно, опирается на чистомъ предположеніи и, какъ такое, не идетъ въ дѣло: чего нѣтъ, о томъ и рѣчи нѣтъ, или же, на «могло быть» отвѣчу: «могло и не быть». Дѣйствительно: I) *качертанія* (*litterarum formae*) Етиковыхъ письменъ, при переводѣ его Космографіи, по собственному признанію сочинителя, «minus conformes», и оправдывать это несходство «corrupto omnium manuscriptorum statu» нельзя: «Etiam si Ethici characteres litteris Glagoliticis minus conformes essent, hoc in tam corrupto omnium manuscriptorum statu nullo modo admirandum foret» (р. 158), по тому уже, что съ лучшими достоинствами рукописей его творенія нѣтъ; слѣдовательно, лучшее намъ не извѣстно, а не извѣстное не можетъ быть мѣриломъ для извѣстнаго. При томъ, развѣ «ab non esse ad posse valet

consequentia»? Тоже непозволительно выводить доказательство о существовании большого сходства обѣихъ азбукъ изъ того, что Глагольская со временемъ очень измѣнилась; стало, отъ этого такое несходство между ними; но а) измѣненіе вовсе не таково, чтобы нельзя было съ перваго же взгляда узнать въ самыхъ даже новѣйшихъ начертаніяхъ Глаголицы самыхъ древнѣйшихъ, и б) не по позднѣйшимъ судимъ о сходствѣ, но по самымъ старѣйшимъ той и другой, оказывающимся несходными; слѣдственно, выводъ: «Si alphabetum Ethici Glagolicae, sicut vocitant, exemplar antiquissimum fuisse dicimus, scilicet cuius formae rudes et inconditae decursu temporum in ductus eos transformatae sint, quos hodie Glagolitae usurparunt: si hoc statuimus, utriusque alphabeti formas ex omni parte consentire non posse facili negotio intelligitur» (р. 159), совершенно неумѣстенъ. II) Точно также несходство названія (*litterarum nomina*) Етиковыхъ буквъ съ названіемъ Глаголитскихъ мало извинительно, и говорить, какъ и начертаніе, противъ, а не за тождество ихъ: «Sed magis fortasse haerebis in *litterarum nominibus*, quae apud Ethicum inveniuntur, quum toto coelo a Glagoliticorum apicum nominibus abhorreant. Neque tamen hisce ullo modo insistendum esse crediderim, quippe quae ab indocto quodam librario aut inventa, aut certe deformata et corrupta sint» (pag. 160). Но то, и другое, и третье — одна лишь догадка, и ею доказывать «Ethici litteras a Glagoliticis diversas nullo modo esse», никто не допуститъ (227). III) «Elementa Ethici numero a Glagoliticis apicibus summopere discedunt» (р. 161). Всѣ списки насчитываютъ ихъ отъ 22 до 32, а было, вѣроятно, гораздо больше. Положимъ, но чтобы подъ отсутствующими заключались именно тѣ, которыя Етикъ изобрѣлъ, и чтобъ они-то изображали именно звуки, свойственные языку Славянскому: «sed etiam plures apices excidisse certum est, eos scilicet, quos Ethicus ipse invenit, et quibus proprii Sclavonicae linguae soni exprimebantur» (р. 161—162), кто же этому повѣритъ, кромѣ самаго сочинителя? IV) *Порядокъ* буквъ во всемъ Латинскій: «Litterarum Ethici ordinem a serie latinorum apicum discedere perspicuum est» (р. 162), и это обстоятельство заставило Грабана приписать подъ каждой соотвѣтственныя Латинскія; но сочи-

нитель, по обыкновенію, въ такомъ сходствѣ обвиняетъ переписчика: «Hoc tamen adiiciendum erit, alphabeti ordinem funditus eversum esse a librario eo, qui primus litterarum nomina aut excogitavit, aut saltem plane deformavit; quod eam ob causam indoctum hominem fecisse credimus, quia praeter latinum alphabetum fortasse aliud numquam viderat» (p. 163), забывая, что, въ такомъ случаѣ, предполагается какое ни есть знаніе измѣняемыхъ или поддѣлываемыхъ письменъ, и, стало, нѣкоторое сходство въ обоихъ, которое, по тому, будетъ говорить не въ пользу сходства Етиковыхъ письменъ съ Глагольскими, но съ Латинскими. Впрочемъ, вѣра въ Славянское происхождение Етика побуждаетъ сочинителя утверждать: «scribam illum eos potissimum apices eiecisse, qui *sonos linguae proprios Sclavonicae reddentes, in seriem latinorum non quadrabant*» (p. 163), и въ этомъ видѣть себѣ опору въ слѣдующихъ словахъ Иеронима: «ipsum quoque carmen talibus characteribus distinxit (Ethicus), ut nullus hominum legere vel deserere nodos posset; hebraeos characteres resupinatos, graecòs incurvatos, latinos duplicatos in similitudinem circi, *suosque apices in medium positos, metrico more compositos, sua laude sibimet solus sciebat*» (p. 511, v. 5 sqq.). Вотъ, говоритъ Перцъ, — «quum philosophum nostrum Sarmatis sive Slavici adnumerandum esse pateat: sequitur *litteras eas, quas latinis atque graecis ipse addidit, ut omnes soni linguae suae scribendo exprimi possent, Sclavonicas seu Glagoliticas fuisse*» (p. 163—164). Нужды нѣтъ, что изъ такого Иеронимова показанія многіе выводили, по словамъ самаго сочинителя, что етѣ «apices, reliquorum ordini inserti et in medium positi», были, вѣроятно все, какіе ни будь неизвѣстные и таинственные знаки: «Litteras Ethici nihil fuisse multi persuadentur, nisi obscuras tantum et secretas notas» (p. 151), онъ, въ «hebraeorum characterum resupinatione, graecorum incurvatione, latinorum duplicatione in similitudinem circi» видитъ, что и обѣ Славянскія азбуки не иначе были составлены: «Ethicus igitur tali ratione litteras composuit: quare, ut iam omnibus comprobemus, quae de harum litterarum cum alphabetis Sclavonicis affinitate diximus, hoc loco nobis ostendum erit, *Cyrillizant quoque et Bukwizam haud aliter fuisse constitutas*» (p. 165),

и принимается (со словъ чужихъ) вычислять сходныя письма наши съ Еврейскими, Греческими, Латинскими, Армянскими и Коптскими (pag. 165—168), а въ итогѣ всего еще разъ настаиваетъ на свое мнѣніе: «*alphabetum Ethici philosophi pro natura eius atque indole a litteris Glagoliticis, quas vocant, non diversum esse; quae res magis etiam omnibus adri-deret, ni incredibili incuria librariorum et ordo apicum et formae ipsae depravati essent*» (p. 168). Это послѣднее обстоятельство, «*incredibilis incuria librariorum*», заставляетъ сочинителя нѣсколько измѣнить, подъ конецъ, свое мнѣніе, и удовольствоваться уже однимъ только первообразомъ Етиковыхъ письменъ для Славянскихъ: «*Alphabetum Ethici litterarum Slavonicarum exemplar et archetypum fuisse, ita ut decursu saeculorum ex antiquissima illa et incondita imagine recentiores Glagolitarum ductus, emendatos simul atque auctos, ortos esse confitendum sit*» (p. 169). Подлинникъ Етиковъ, какъ сказалъ я, не дошелъ къ потомству, но лишь одинокъ переводъ Иеронима, которому, какъ виновнику распространенія его, большинство читающихъ приписало самое изобрѣтеніе письменъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своемъ переводѣ, смѣшавъ слова переводчика съ словами сочинителя. А какъ Иеронимъ былъ тоже родомъ изъ Адриатическаго моря, и по тому считался между Славянскими писателями, не различавшими строго времени и народности, а обращавшими вниманіе на одно лишь мѣсто, землякомъ (каковымъ онъ точно былъ по землѣ, въ которой родился), а тамъ и соплеменникомъ (каковымъ отнюдь не могъ быть, какъ доказано уже другими), то понятно, что переходъ отъ всего этого былъ не только не далекъ, но и естественъ къ понятію объ Иеронимѣ, какъ изобрѣтателѣ етѣхъ письменъ; тѣмъ болѣе, что онъ былъ еще переводчикомъ Св. Писанія и выразился о томъ не довольно опредѣленно, говоря: «*translationem hanc meae linguae hominibus dederim*»; стало, говорили, переводъ послѣдовалъ на языкъ Славянскій, такъ какъ Славяне, а не другой какой народъ, испоконъ обитали въ Далмаціи, и даже, по мнѣнію противниковъ, являются въ ней уже не позже V-го столѣтія; это же не могло быть безъ письменъ, слѣдовательно, на Славянскій Глагольскими

буквами, какъ по самому виду своему древнѣйшими Кирилловскихъ, явившихся, какъ извѣстно, только во второй половинѣ IX-го вѣка. Но все это основано было на невольномъ, можно сказать, недоразумѣнн: «quoniam memoratus ab Hrabano presbyter Hieronymus litteras ex Cosmographia Ethici desumpserit», — разсуждаетъ сочинитель, — «nonne idem est, ac si ex manibus ipsis Hieronymi Glagolitae elementa accepissent?» (р. 171); впрочемъ, «etiamsi concedendum esset, famam illam de S. Hieronymo Sclavonicarum litterarum inventore ex laudato loco Hrabani Mauri ortam videri, tamen, nunquam Hrabanus «ansam dedisset alphabeti S. Hieronymo tribuendi», si litterae, quas Aethici sub nomine profert natura atque indole a Glagoliticis diversae fuissent» (Ib.). По тому «dicendum potius, fabulam de S. Hieronymo litterarum inventore ex ipsa veritate quasi matre atque fonte procreatam, optimo iure apud Sclavos per tot saeculorum vices conservatam esse» (Ib.); и, «eas (missas, codicem horarium, ceterasque divinas preces) autem a Sancto Hieronymo accepisse illius regionis incolas persuasos ita esse (замѣчаетъ словами Fr. Ageli Rocca, Ord. S. Augustini, Opera omnia II, Romae 1719), — ut potius armis omnes disperire malint, quam eas relinquere» (р. 170). Отсюда понятно, какую важность приписываетъ сочинитель такому мнѣнню объ Иеронимѣ: «si certis argumentis comprobari poterit, elementa Glagolitica rumore vetustissimo per Sclavonicas nationes longe lateque diffuso ad auctorem S. Hieronymum reduci: alphabetum Ethici cum Glagolitico ex omni parte consentire certo certius est» (р. 169), и, въ сгѣдъ за тѣмъ, пускается приводить, кто только когда либо и что либо говорилъ о томъ, даже безъ всякаго разбора, противникъ ли, или же защитникъ такого мнѣнн (228), лишь бы говорилъ о Глаголицѣ; но, при всѣхъ усилнхъ, не отыскалось ни одного показанн раньше XIII-го стол.; (229); тѣмъ не менѣ, въ заключенн, сдѣланъ выводъ: «Quae res omnes quas hucusque animo consideravimus, quum Ethici philosophi repertis nuper confirmantur elementis, de S. Hieronymo quum translate Cosmographiae, tum litterarum Glagoliticarum si non inventore, at saltem propagatore diutius dubitare nullo modo possumus» (р. 179). Отдавъ, такимъ образомъ, первенствѣ

Глаголитикѣ, ничего уже не стоило назвать ее и матерью Кириллицы, появление которой относить онъ, словами Копитара, къ 870-му году: «Certo certius est, alphabetum Cyrillicum anno 870, indictione III, a Constantino Philosopho, qui deinde Cyrillus appellatur, inventum esse, sed nihil contra videbatur de Glagoliticis apicibus constare» (p. 180). Но, вмѣсто всякихъ доказательствъ, читаемъ только голое утверждение объ образованіи Кирилловскихъ знаковъ изъ Глагольскихъ: «Nos vero de hac re nihil dubitabimus. Quum enim alphabeta illa tanta necessitudine coniuncta sint, ut alterum nonnisi ortum esse possit ex altero — constat autem *Glagolizam 520 fere annos ante Cyrillicam esse conditam — Sanctum Cyrillum ex Glagoliza litteras desumpsisse concedendum erit*» (p. 182). «Но, вѣдь, въ Етиковыхъ буквахъ нѣтъ буквъ для звуковъ, собственно Славянскихъ?» Нужды нѣтъ: «Ceterum probabile est, immo potius verisimile, Ethnicum ubi populares suos primis condonaret litteris, quod solet fere in humanis rebus fieri, non ita alphabetum absolvisse, ut in eo nihil emendari posse crederet a posteris. Quare si in alphabeto Ethici nonnullos sonos linguae proprios Sclavonicae desideramus, non inde sequitur a Glagolitico diversum esse: illud potius concludendum erit, eo factum esse, ut Sclavi novis litteris excogitatis alphabetum Ethici explerent atque emendarent» (ib.). Егѣмъ-то, говоритъ онъ, объясняется разное число и разные начертанія Глагольскихъ буквъ: «Sic demum explicandum erit, si tam varium Glagoliticarum litterarum numerum, tam varias formas extitisse percipimus» (p. 183). Все это показываетъ, что попытка осуществить одно изъ гаданій Копитара, выраженное въ Клоцовомъ Глаголитѣ, о большей древности Глагольскихъ буквъ передъ Кирилловскими, гаданіе, приходившее, правда, и другимъ, но имъ первымъ прикованное къ лицу историческому, до сихъ поръ никѣмъ еще не тронутому, что попытка, говорю, эта, взятая на себя Перцомъ (по тому что безъ Копитаровой догадки едва ли она когда могла быть предпринята), рѣшена, какъ видите, чрезвычайно неудачно: предположенія на предположенія, ни на что въ дѣйствительности не опирающіяся, и, не смотря на то, сочинитель честно и твердо вѣрить въ ихъ правду и несокрушимость. Отъ чего же

это, въ высшей степени странное, явленіе? Отъ того самаго, отъ чего и, первообразъ его, Копитаръ, такъ непоколебимо вѣрилъ въ основу этого мнѣнія, безъ коей оно никогда не могло даже зародиться, т. е., въ Славянство Иллировъ, уже Нибуромъ выставленное съ его темной стороны: «Er (Kopitar)»,— говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ «Vorträge über alte Länder- und Völkerkunde» (Berlin 1851, 8°, S. 306), lässt sich gar nicht ausreden, dass nicht die alten Illyrier schon Slaven gewesen seyen. Es ist dies gleichsam ein Glaubensartikel bei den Slaven (книжниковъ югозапада), eben wie die Neugriechen glauben, ihre Sprache sey die uralte griechische. Wo diese wunderliche Meinung sich festgesetzt hat, könnte auch kein Engel von Himmel sie ausrotten, es ist diess ein Eigensinn bei gelehrten Männern, der psychologisch merkwürdig ist. Diese Meinung geht so weit, dass sie den h. Hieronymus, der ein Illyrier war, durchaus als einen Slaven betrachten und die slavische Bibelübersetzung ihm zuschreiben, darum nennen sie *das glagolitische künstliche Alphabet, das von dem cyrillischen, im 9 Jahrhundert erfundenen, abgeleitet ist, ebenfalls slavisch*. Да, съ подобными людьми нечего дѣлать: лучше всего предоставить ихъ самимъ себѣ. Когда я прочелъ молодого Перца изслѣдованіе объ Египетской Космографіи, годъ тому назадъ, то вспомнилъ, какъ справедливо отозвался о немъ Шафарикъ въ одномъ изъ своихъ ко мнѣ писемъ, полученномъ еще до прихода этого сочиненія къ намъ: «Mladý Pertz v Berlíně, syn starého historika, vydal: «De cosmographia Ethici libri III» (Berol. 1853. 8°). Tam dokazuje, že blaholici složil Ethikus v Istrii, rodilý prý Sarmata (u něho = Slovan), около 350, obnovil Sv. Jeronym ok. 400. *Důvody slabé slabounké, ale spis jinač dosti zajímavý*» (230). Чтеніе самаго сочиненія вполне оправдало сужденіе Главы Славянскихъ историковъ-филологовъ. Оно все, скажу еще разъ въ заключеніе, основано на добровольномъ недоразумѣніи и доводахъ, взятыхъ отъ противнаго тому, что было въ самомъ дѣлѣ. Вѣчно слышите: «если бы не то, не другое»; или: и «той несообразности виной такой-то и такой невѣжда пишець, порча рукописей, потеря того и другаго»; словомъ, отрицаніе на отрицаніе безъ конца. Никогда еще

не случалось мнѣ читать опроверженія бывшаго дотолѣ мнѣнія доказательствами, взятыми всѣ до послѣдняго отъ чистаго предположенія, отъ того, чего никогда не было, а, между тѣмъ это не бывалое допускается, какъ дѣйствительно существовавшее. Черезъ годъ вышло самое твореніе Етика, обѣщанное Перцомъ въ концѣ своего сочиненія (231), но отложенное имъ до разсмотрѣнія и сличенія лучшихъ списковъ его. Г. Вуттке, профессоръ Лейпцигскаго Университета, переведенный недавно въ Берлинскій, издалъ его по рукописи своего города (Лейпцига), принадлежащей VIII-му или первой половинѣ IX-го вѣка и считающейся старѣйшей изъ извѣстныхъ (232). Етотъ поступилъ гораздо короче и совѣстливѣе. Дошедши, въ своемъ разборѣ Етикова сочиненія, до нихъ (буквъ), и приведши догадку, что онѣ, вѣроятно, зашли на Западъ съ Востока, гдѣ, статья можетъ, были, въ какомъ либо краѣ, въ употребленіи, тѣмъ болѣе, что ихъ встрѣчаемъ уже въ «Itinerarium» Ю. Мандевиля, называющаго ихъ (въ рукописномъ спискѣ своего путешествія) Сарацинскими знаками, Вуттке, въ примѣчаніи (1) замѣчаетъ: «Ein Kenner der alten slawischen Alfabete wies die Aehnlichkeit mit diesen (Runen) zurück. Dem Hieronymus schreibt man nämlich die Glagolica zu, und Aithikos war vielleicht ein Slave» (S. LXXVI).

Вотъ все, что только извѣстно мнѣ изъ сказаннаго, прямо, или косвенно, о времени Кириллицы, людьми, говорившими о соперницѣ ея, Глаголицѣ. Повторяю: я не имѣю теперь ни намѣренія, ни необходимости, пускаться самъ въ какія либо разслѣдованія о взаимномъ отношеніи етѣхъ азбукъ, разсмотрѣнціе правъ ихъ на первородство, происхожденіе и дальнѣйшее образованіе; мнѣ нужно единственно опредѣлить вполнѣ, или, по крайности, приблизительно, время появленія первой, т. е., Кириллицы, и, занимаясь тѣмъ, я касаюсь и послѣдней по столько лишь, по скольку то входитъ въ мою задачу. Не знаю еще, къ какимъ бы выводамъ пришелъ я, сдѣлавши предметомъ особеннаго изслѣдованія такой же вопросъ и о Глаголицѣ; но изъ замѣченнаго доселѣ о ней стороной, не могу согласиться на старшинство ея передъ Кириллицей, хотя, какъ сказалъ уже разъ, опираясь на новѣйшія данныя,

охотно отношу появленіе ея къ одному и тому же вѣку съ Кириллицей, или слѣдующему за тѣмъ. Недовольныхъ такимъ временемъ спрошу: Если Глаголица старше Кириллицы, то по чему же Храбръ ни слова не говоритъ о ней, между тѣмъ какъ о другихъ способахъ, даже самыхъ несовершенныхъ, употреблявшихся нашими предками еще въ язычествѣ, для выраженія мыслей, каковы урты и рзы, именно повѣствуетъ намъ, а когда крестились, то и о Греческихъ и Латинскихъ буквахъ, правда безъ всякаго строя, но все же «поуждалахся и ими писати»? А поставленіе извѣстія объ этомъ прежде извѣстія о Константиновомъ изобрѣтеніи, показываетъ, первое, что онъ въ рассказѣ своемъ держался лѣточислительной послѣдовательности, и второе: тѣ предшествовали ей. Если же о неполномъ и несовершенномъ родѣ писанія упомянулъ этотъ любознательный черноризецъ, то могъ ли не сдѣлать того же о Глаголицѣ, представляющей собой такое стройное цѣлое? Съ другой стороны, будь урты и рзы въ собственномъ смыслѣ иносмысла, а не зародыши только ихъ, или, точнѣе, первыя попытки въ нихъ, будь также, сколько ни есть, Греческія и Латинскія буквы приспособлены къ Славянскимъ звукамъ; на послѣдокъ, имѣйся у Славянъ уже своя особенная грамота, тогда зачѣмъ было бы изобрѣтать другую, новую? «Прежде оубо Словѣне не имѣху книгъ, на уртами и рзми уртехъ и глглахъ, погани сажше; крстнеше же са, Римскими и Гръцкыми писмены наждаха са писати Словѣнскѣ рзу безъ оустроенни», т. е., безъ всякаго приспособленія къ природѣ Славянскаго языка. Что это было такъ, что рассказъ Храбровъ совершенно справедливъ, доказательствомъ тому служитъ показаніе самой противной стороны, Запада, который, устами сочинителя исторіи обращенія въ Христіанство Баваровъ и Хорутанъ, говоритъ о томъ, что до появленія Меволія среди послѣднихъ, «lingua latina doctrinaeque romana atque literae latinae erant auctorales», стояли въ уваженіи, господствовали, слѣдовательно, послѣдними, какъ ни писали, все же писали, такъ какъ онѣ опирались на вѣроисповѣданіе Римское, объяснявшееся только на Латинскомъ языкѣ, равномѣрно на немъ лишь (latine) дозволявшее «missas et evangelia, ecclesiasticumque officium illorum celebrare». А чтобы уронить все это въ глазахъ народа, и доставить

ходъ Славянскому богослуженію по чину Восточнаго Православія, онъ (Меѳодій) вымыслилъ, де, новыя буквы; стало, новыя предполагають старыя, а етѣ послѣднія не могли быть иныя, какъ только Латинскія, по тому что, по его словамъ, имъ, а не другимъ, новозобрѣтенныя противопологаются, и отъ того называются *Славянскими*: «*noviter inventis Sclavinis litteris*»; въ противномъ случаѣ, если бы существовали не Латинскія у Славянъ Латинской Церкви, и Греческія у послѣдователей Греческой, по Храброву извѣстію, и при томъ «сѣтвореннымъ по Словѣнскѣи рѣчи» (принаровленнымъ къ ней), но Глагольскія, т. е., свои, Славянскія, то построеніе новыхъ, съ принаровленіемъ ихъ къ свойствамъ языка, для коего составлялись, къ чему жъ бы было? А что это не было похоже ни на одно изъ тѣхъ письменныхъ средствъ, которыми праотцы наши до того пробивались по нуждѣ, наилучшее свѣдѣтельство въ томъ самое названіе етѣхъ новоустроенныхъ буквъ, «Словѣнскія писмена» «*Sclavinae litterae*», даваемое въ равной степени двумя, совершенно независимыми, разноплеменными и разноземельными, писателями, Храбромъ и Неизвѣстнымъ Зальцбургцемъ, изъ коихъ одинъ современникъ самому событію, а другой если не современникъ ему, то современникъ ученикамъ составителя и распространителя ихъ, брата его. Кто же повѣритъ, чтобы и тотъ, и другой не имѣли никакого свѣдѣнія о Глагольскихъ знакахъ, особливо первый, написавшій особое сочиненіе «О писменехъ» у Славянъ, и не забывшій въ немъ даже такихъ, каковы урѣты и рзыи? Кто же повѣритъ, чтобы Глагольскіе знаки существовали уже до Кирилловскихъ? Можно ли было ихъ не замѣтить, а стало, и не упомянуть въ сочиненіи именно о происхожденіи азбуки. если они, бывши до того, играли ту роль, какую заславляютъ ихъ играть? Тѣмъ болѣе, сбыточное ли дѣло пропускъ ихъ, если, будучи старше, прислужились даже составителю новыхъ письменъ, отчасти даже матеріаломъ? Еще невѣроятнѣе звучитъ мнѣніе, когда называютъ Кириллицу Глаголицей, только въ Греческо-Славянскомъ гмацѣ. Имн-то, етѣми «монокстрокиными Словѣнскѣи писмены по Словѣнскѣи рѣчи», «*Methodius literas auctoriales latinas vilescere fecit cuncto populo*». Чрезвычайно любопытенъ вопросъ: въ силу какихъ же обстоятельствъ появилась Глаголица почти въ одно время съ

Кириллицей? Но, сознаюсь, при тѣхъ данныхъ, какими въ эту пору мы располагаемъ, рѣшеніе его — несбыточное дѣло. Пускаться же въ гаданія, послѣ столькихъ крушеній, исторію конхъ мы принуждены были, по долгу докладчика о прошломъ изслѣдываемаго вопроса, изложить тутъ, что за охота? Пора бы ужъ давно отказаться отъ привычки мечтать, по крайней мѣрѣ, въ такой наукѣ, въ которой дѣла составляютъ всю основу, все содержаніе ея: «отъ дѣлъ твоихъ саждага».

Есть еще мнѣніе, принадлежащее сочинителю статьи «Древнія письма Славянскія», помѣщенной въ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1848 года (233). Онъ говоритъ: «Что азбука составлена Кирилломъ въ 855, это подтверждается и временниками Болгарскими и Сербскими (Шфарика *Slow. Staroz.* 814 — 815). Гдѣ же именно составлена азбука Кирилломъ? По Нестору, въ Моравіи: св. братья уже по приходѣ туда «шауста съставилкати писменн азъбоукъовьннн Словѣнскы», и «первое преложенн кингы — Моравѣ, шже прозваса грамота Словѣнскнн, шже грамота естъ изъ Руснн и изъ Болгарѣхъ Доуманскннхъ». Принявши это, надобно принять и то, что сложена азбука не въ 855, а гораздо позже, около 862—863. Съ сказаніемъ Храбра и временниковъ о времени сложенія азбуки, болѣе сходны тѣ свидѣтельства, которыя утверждаютъ, что азбука сложена еще до выѣзда Кирилла въ Моравію, въ Константинополь или по крайней мѣрѣ въ границахъ Имперіи. Таково свидѣтельство Паннонскаго жизнеописателя Св. Кирилла, утверждающаго, что Кириллъ, въ слѣдъ за убѣжденіями Императора, удалился на молитву — «я азѣ сложи писменн и научахъ бесѣдоу писати Евангельскоу». Съ этимъ сходно показаніе Латинской легенды, гдѣ говорится, что Кириллъ и Меѳодій принесли съ собою въ Моравію уже переведенное Евангеліе: «Cognoscentes loci indigenae adventum illorum, valde gavisı sunt, quia et reliquias Clementis secum ferre audierant, et Evangelium in eorum linguam a Philosopho praedicto translatum (Добровскіаго, *Mähr. Legende* стр. 23). Неопровержимымъ также остается, что Кирилловская азбука сложена подъ двойнымъ вліяніемъ азбуки Греческой и нарѣчія не Моравскаго, а Старо-Славянскаго» (стр. 47—48). Очевидно,

что сочинитель борется между двумя показаніями, хочетъ управить челнъ свой между двухъ водоворотовъ; пусть такъ: кто же себѣ ворогъ? Но не понимаю, какимъ образомъ за Храброво показаніе стоятъ показанія Паннонскаго Житія Кирилла и Латинской Легенды (1-ой или Итальянской)? Развѣ въ томъ лишь, что не на Моравѣ; стало, тутъ сходство вовсе не во времени, а въ мѣстѣ; а если и во времени, т. е., до выѣзда Кирилла въ Моравію, а не послѣ выѣзда, то это не значить еще, чтобы она сложена была именно въ тотъ годъ, какой назначаетъ ей для того Храбръ, по тому что Паннонское Житіе Кирилла и Итальянское Сказаніе, сходясь съ Храбромъ касательно мѣста и, слѣдовательно, отъѣзда, показаніями своими касательно пребыванія въ Моравіи совершенно опровергаютъ сказаніе Черноризца о ближайшемъ опредѣленіи времени составленія Славянскихъ письменъ, т. е., назначенія самаго года, какъ это увидимъ ниже, въ своемъ мѣстѣ. Стало, тутъ (если ужъ пошло на опредѣленіе, кто изъ двухъ противсмыслящихъ согласнѣе съ третьимъ) къ етѣмъ показаніямъ гораздо ближе подошелъ не Храбръ, но Несторъ, т. е., совершенно противное тому, что сказалъ сочинитель статьи «Древнія письмена Славянскія».

Иного совѣтъ рода было бы дѣло, если бы когда либо и гдѣ либо нашелся памятникъ, писанный Глагольскими, или Кирилловскими буквами, съ яснымъ означеніемъ на немъ самаго года, или же, по меньшей мѣрѣ, поры, указывающихъ на время, протекшее до Кирилла, каково, на примѣръ, было обстоятельство, 14 лѣтъ тому назадъ — со мною. Путешествуя по заграничнымъ Славянскимъ землямъ, я (передамъ этотъ случай такъ, какъ онъ былъ описанъ мною въ моемъ «Донесеніи Г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, изъ Пешта, отъ 1-го февраля, 1839-го года») (234), спустя нѣсколько дней по приѣздѣ своемъ въ Брно (Brünn), столичный городъ нынѣшней Моравіи, осенью 1838-го года, собрался посѣтить *Райградъ* (Reyhrad), монастырь св. Венедикта, отстоящій на одинъ часъ пути отъ него. Цѣль моя была осмотрѣть тамошнюю Библіотеку, особенно находящійся въ ней «*Martyrologium Odonis*», писанный на пергаментѣ (въ 4-ку)

въ царствованіе Карла Великаго. На поляхъ этого письменнаго памятника на Латинскомъ языкѣ имѣются, во многихъ мѣстахъ, Славянскія слова, изображенныя буквами Церковно-славянскаго языка, замѣченныя, въ первый разъ, еще въ 1837 году, Ф. Палацкимъ, при осмотрѣ Библіотеки этого монастыря. Воротаясь въ Прагу, онъ сообщилъ новость эту г. Шафорнику, который было условился со мной отправиться вмѣстѣ въ Райградъ, что, однако жъ, не состоялось по нѣкоторымъ причинамъ. И такъ въ августѣ онъ самъ посѣтилъ Райградскую Библіотеку, осмотрѣлъ этотъ памятникъ, и нашегъ, кромѣ отдѣльныхъ словъ, начертанныхъ нашими Церковно-славянскимъ письмомъ, на поляхъ нѣсколькихъ листовъ, (235) еще слѣдующій отрывокъ, въ концѣ 70 страницы (чернила очень сошли, такъ что съ большимъ трудомъ можно читать, особливо средину и конецъ:

«Полиа хрѣсостома на рождѣсто стѣа Бѣа. Гѣ благослови Оуб. Святѣль дѣнь дѣнь и уудень прѣдъ оуески нашими дѣньсь мати жикота нашего изъ ложесни изиде сѣцѣна въ истинѣ мати сѣцѣа дѣръ небесѣама нѣмъ родиса носѣрѣа сѣбѣниѣ жидѣи еѣ же раздрѣшѣно бысть прѣ...»

На оборотѣ 71 страницы, на полѣ, какъ бы продолженіе: «второе небо земли.» Начертаніе буквъ, правописаніе и языкъ этого отрывка показываютъ, что онъ списанъ былъ съ какого ни будь Средне-Булгарскаго подлинника съ примѣсью Сербскаго нарѣчія.

Пересматривая, съ своей стороны, упомянутый «*Martyrologium Odopis*», я обратилъ все вниманіе свое на текстъ его, и принялся читать съ начала до конца. На 15 строчкѣ 2-го листа, въ самой срединѣ изложенія, въ статьѣ, подъ заглавіемъ: «*Quo genere vel cultu sancti martyres venerandi sunt, ex libris beati Augustini episcopi*», начинающейся такимъ образомъ: «*Populus christianus memorias martyrum religiosas solemnitate concellebrat*» etc., я нашегъ, къ удивленію моему, Греческое слово, писанное нашими Церковно-славянскими, *Кирилловскими*, буквами, именно: «*At illo cultu,*

latría

qui grece латрѣмъ dicitur, latine uno verbo dici ñ potest, etc. Слово это въ самомъ изложеніи писано одной и той же рукой и одними и тѣми же чернилами; сверху него приписано тою же самой рукой и чернилами еще по Латыни, маленькими буквами, *latría*. Извѣстно, чѣмъ глубже древность, тѣмъ буквы нашихъ Кирилловскихъ памятниковъ сходнѣе съ буквами Греческой азбуки; при всемъ томъ въ Славянской азбукѣ много и такихъ буквъ, коихъ не имѣется въ Греческой; слѣдовательно, это слово писано *Кирилловскими*, а не Греческими, *буквами*, ибо въ Греческой азбукѣ нѣтъ буквы ѡ (я). Грекъ написалъ бы *латрѣа*, или, желая выразить Славянскій звукъ ѡ, *латрѣа*, чего никогда не видимъ; наше ѡ онъ всегда обращаетъ, по свойству своего языка, въ *α*; или *латрѣа*, что неупотребительно, но отнюдь не *латрѣа* (*латрѣа*), а тѣмъ менѣе *латрѣмъ* (*латрѣмъ*), *латрѣмъ*. И такъ, хотя это слово Греческое, однако же, такъ какъ оно писано *Кириллицей*, то, по тому, и есть *самый древнѣйшій*, сколько намъ извѣстно, *памятникъ ея*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣдѣтельство, что предки наши, Славяне, *знали уже азбуку* названную по томъ Кирилловской, *Кириллицей*, еще до Кирилла (Константина) и Меодіа. «*Martyrologium Odonis*» (въ 4-ку, пергам.), по ясному показанію писца на концѣ его, писанъ въ царствованіе Карла Великаго, т. е., въ самомъ началѣ IX вѣка. Писецъ, исчисляя время, прошедшее отъ Константина В. до Карла В., говоритъ: «*et inde dominus Carolus solus regnum suscepit usque in presentem annum feliciter, qui est annus regni ejus XLII, imperii anno VIII. Sunt autem totius summe ab origine mundi anni usque in presentem annum III.DCC.LXI*». Азбука же наша, какъ говоритъ намъ черноризецъ Храбръ, изобрѣтена Константиномъ 855 г.; стало быть, названное выше слово писано *Славянской Азбукой* ровно за полвѣка до изобрѣтенія ея! Странно, а такъ выходитъ! Для объясненія этого событія не остается инаго средства, какъ допустить то мнѣніе, что Солунскіе Братья не были первыми, нашедшими и употребившими нашу Азбуку; что она была еще до нихъ въ ходу у Греческихъ Славянъ, которые, какъ сосѣди Грековъ, находись въ непрерывныхъ съ нами столкновеніяхъ и сноше-

ніяхъ , и при томъ многіе изъ нихъ учась , воспитываясь въ Цареградѣ и, въ послѣдствіи, занимая высокія государственныя должности, достигая даже самаго Престола, естественно , не могли не употреблять Греческой Азбуки для выраженія своихъ мыслей , чувствованій , и т. д. , на родномъ языкѣ , разумѣется , какъ обыкновенно случается въ подобныхъ обстоятельствахъ , мало заботясь о правописаніи , или и вовсе не соблюдая и не имѣя его , пиша по своему усмотрѣнію и знанію ; что сначала эта азбука была очень *несовершенна* , неполна , можетъ быть , только *зародышь* ея , больше походила на Греческую , чѣмъ на отдѣльную , самостоятельную ; наконецъ , что Константинъ и Меѳодій , Греки , выучившись языку Славянъ въ мѣстѣ своего рожденія , въ которомъ множество ихъ жило и имѣло свое торжище , посѣщаемое со всѣхъ сторонъ Славянами же , паселявшими въ то время цѣлую почти Македонію , и зная и видя , что многіе изъ нихъ , недовольные старинными своими *урътами* и *рѣзами* (по черноризцу Храбру *первое* Славянское письмо) , какъ несовершенными и неудовлетворительными , начали писать Греческими буквами , какъ представлявшими болѣе удобства , болѣе подручными и выгодными , *съ малою перемьной и припаровкой къ своему языку* , воспользовались етѣмъ , и , рѣшась быть просвѣтителями ихъ Христіанскою Вѣрою , не выдумывали иной , новой , азбуки , но взяли бывшую уже въ ходу , но крайней мѣрѣ отчасти извѣстную , *дополнили и усовершили ее* . Въ этомъ дѣлѣ поступили они , какъ мудрые и проницательные мужи , съ одной стороны , взявши знакомое , не раздражали народа новостями , и , слѣдовательно , дѣйствовали на своемъ поприщѣ съ болшею увѣренностію и надеждой на успѣхъ ; съ другой же привязывали его къ себѣ , т. е. , къ Греческому Престолу , кромѣ Вѣроисповѣданія , еще и самымъ *письмомъ* . Такъ всюду бывало , по свѣдѣтельству Исторіи : народы , если не имѣли своихъ письменъ до принятія новой Вѣры , принимали , вмѣстѣ съ Вѣрой , и самую азбуку того народа , который , будучи къ нимъ ближе , былъ съ тѣмъ ихъ Вѣроучителемъ и просвѣтителемъ . Но Исторія молчитъ , кто былъ первый , составившій для етѣхъ народовъ новую азбуку , или , вѣрнѣе , припаровившій азбуку народа просвѣтителя къ языку про-

свѣщаемаго, новокрещенца. То же самое могло случиться, или, лучше, случилось и съ нашими предками, Славянами. Монахъ Храбръ, по всему вѣроятію, жившій и писавшій въ X, или, по меньшей мѣрѣ, XI вѣкѣ, подтверждаетъ наше мнѣніе какъ не лъзя лучше, говоря: «Прежде оубо Словяне не имаша книгъ, нѣ урѣтми и рѣзми уртаха и гатааха, ногани сѣште, крѣстнише же са, Римскими и Гръьскими писмены ижддаха са писати Словянскѣ рѣчи безъ оустроениш (принуждены были по необходимости неправильно писать Римскими и Греческими буквами). И тако вѣша многа лѣта; но томъ же улоквилюющъ Богъ посла имъ Свѣтаго Константина Философа, нарицаемаго Кирила, мужа праведна и истинна, и сътвори имъ писмена, ома оубо по униоу Гръьскихъ писменъ, ома же по Словянскѣ рѣчи» (по свойству и требованіямъ Славянскаго языка). Отсюда видно, что праотцы наши не *свѣрили*, чтобы только Константинъ и Меодій были первыми изобрѣтателями Славянскаго письма, но что еще до етѣхъ мужей употреблялись у нихъ сперва урѣтм и рѣзм, а по томъ у однихъ Римское, у другихъ же Греческое письмо, неустроенное, кое-какъ, и, наконецъ, уже устроенное, принаровленное къ ихъ рѣчи. Долгое время мы не имѣли доказательствъ на то и другое, и по тому все писатели вообще и дѣписатели въ частности не обращали на это важное свѣдѣтельство Храбра никакого вниманія, допускали существованіе у Славянъ отдѣльной азбуки, нѣкотораго рода рунъ, продолжавшихся до самаго принятія Христіанства, съ которыми вдругъ, однимъ разомъ, прекратилась она, и мѣсто ея заступили Римскія письма у принявшихъ Римское Вѣроисповѣданіе или обращенныхъ Римскими проповѣдниками, а Греческія у обращенныхъ Греческими благовѣстителеми, не допуская, однако жъ, ничего средняго, никакого перехода отъ грубаго къ болѣе совершенному, считая такой скачокъ правдоподобнѣйшимъ, сообразнѣйшимъ съ природою, нежели постепенное улучшение! Но, найденное мною, упомянутое Греческое, слово, написанное нашими Славянскими буквами въ началѣ IX вѣка, задолго до Константина и Меодія, говоритъ рѣшительно о противномъ, ясно и блистательно подтверждаетъ показаніе Храбра объ употребленіи Славянами, жившими въ Греціи, Греческой азбуки еще до Солун-

скихъ братьевъ. Сдѣсь съ Храбромъ случилось то же, что съ Геродотомъ и другими древними писателями, конхъ мпогя извѣстія долго считались баснями, пока, наконецъ, розысканія новѣйшихъ путешественниковъ, изслѣдователей и подобныхъ имъ людей, не оправдали истинны ихъ сказаній. Остается еще ожидать отъ времени подтвержденія другаго показанія Храбра, тѣсно связаннаго съ первымъ, т. е., что Славяне, до принятія Христіанства отъ Римскихъ проповѣдниковъ, или только бывшіе ближе къ Риму, нежели къ Царюграду, пишучи по Славянски, на своемъ родномъ языкѣ, употребляли Римскія письма. Г. Шафарикъ, получивъ отъ меня свѣдѣніе объ етомъ словѣ, долго не хотѣлъ вѣрить, чтобы оно было писано такъ, какъ я извѣщалъ его; напоследокъ, доставъ снимокъ съ него, слѣдующимъ образомъ отозвался ко мнѣ о немъ въ своемъ письмѣ: «Недавно получилъ я изъ Райграда снимокъ слова *матрим*, которое тамъ писано такъ, какъ вы его читали. Я не записалъ словъ Греческихъ, и записалъ даже не всѣ Кирилловскія, а отъ того память моя ввела меня въ заблужденіе на счетъ этого слова. Признаюсь, я ничего не умѣю сказать въ объясненіе его, по тому что рѣшительно его не понимаю».

И точно: открытіе это было такъ печально и, съ тѣмъ вмѣстѣ, такъ поразительно, что ни чуть не кажется страннымъ признаніе перваго современнаго знатока Славянской старины. Все говорило, что въ открывшемся — чистая, нетронутая еще ни чьимъ прикосновеніемъ, правда; и, однако же, не все то правда, что блеститъ. Какъ Шафарикъ, разсматривая Райградскій «*Martyrologium Odonis*», оставилъ по неволѣ и на мою долю сдѣлать въ немъ поискъ, такъ и я, надоумленный уже его невольнымъ промахомъ, не смотря на то, что съ удвоеннымъ вниманіемъ разсматривалъ его, все таки, яко человекъ, оступился. Возвратившись изъ путешествія, я узналъ, что въ Ж. М. Н. П. было помѣщено «Донесеніе» трудящагося на одномъ со мной поприщѣ, и для того, какъ и я, посѣщавшаго земли соплеменниковъ, Из. Нв. *Срезневскаго* (съ которымъ я хотя возвращался назадъ, но какъ-то ни разу не пришлось завести рѣчь о Рай-

градскомъ памятникѣ), объ одной части его путешествія, и что въ ономъ говорится и о Райградскомъ Одоновомъ «Martyrologium». Доставши «Донесеніе», что же узнаю? Листъ, заключающій въ себѣ «дѣла», прибавленъ послѣ къ прочимъ, но когда, неизвѣстно. Дѣло статочное, по тому что листъ этотъ въ самомъ началѣ рукописи; обратить вниманіе на это я не имѣлъ ни какого повода, тѣмъ болѣе, что весь памятникъ писанъ одними и тѣми же чернилами, и ничто не вызывало меня ни мало на такую недовѣрчивость, даже переплеть его, и по тому, безъ нужды мнѣ и въ голову не приходило допрашивать послѣдній, все ли тутъ, какъ говорится, обстоитъ благополучно. Но знай объ этомъ я еще за границей, конечно, тотчасъ же посидѣвши бы повѣрить на самомъ мѣстѣ истину такого замѣчанія. Въ послѣдствіи, я поручалъ не разъ и не одному изъ знакомыхъ моихъ удостовѣриться въ этомъ, но ни одинъ изъ нихъ не могъ дать мнѣ достаточнаго объясненія, изъ чего вывожу заключеніе, что дѣло это можетъ быть и такъ, какъ оно представлено видѣвшимъ послѣ меня Одоновъ «Martyrologium».

Впрочемъ, такъ ли, иначе это дѣло, т. е., принадлежитъ ли начальный листъ Одонова Мартирологія къ прочимъ его листамъ испоконъ, или же прибавленъ въ послѣдствіи (тѣмъ болѣе, что въ немъ нѣтъ еще начала самаго Мартирологія, но выписка, какъ замѣчено уже, изъ одного творенія блаженнаго Августина) (236), исторія составленія Кириллицы такимъ, а не другимъ, образомъ, мало потерпитъ отъ того. Ибо, допустимъ на мгновеніе, что этотъ листъ написанъ со всѣми прочими еще до Кирилла, что мы получаемъ отъ того? То лишь, что, какъ я говорилъ уже тогда, что и до Кирилла Славяне Греческіе пытались нисать рѣчь свою Греческими письменами, какъ Славяне Латинскіе Латинскими, что опирается на Храброво сказаніе; а пытаюсь писать тѣми, или другими, и не находя ихъ достаточными для точнаго выраженія всѣхъ родныхъ звуковъ, естественно, больше, меньше, такъ, иначе, не могли не пытаться, помощію разныхъ сочетаній знаковъ той, или другой, азбуки, помочь своему неминуемому горю. Развѣ не то ли самое видимъ дѣй-

ствительно съ Латинской грамотой у Славянъ Западнаго Исповѣданія въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ? Не рядомъ ли множества такого рода попытокъ приспособили они, наконецъ, сколько ни есть, Латинскія буквы къ своему говору? И не то ли самое видимъ и у всѣхъ прочихъ народовъ, по крайности, Индоевропейскаго и Симиитическаго поколѣній? И что за такая мудреная особенность сочетаніе двухъ Греческихъ буквъ $i + \alpha$ для означеннаго Славянскаго звука, чуждаго Греку, μ , λ , который есть, собственно, смягченное только a ? Не такъ ли большая часть пишущихъ Латинской азбукой выражали и выражаютъ его и родственные ему звуки, т. е., почти всѣ смягченія твердыхъ гласныхъ? Что i , а не j употреблено для того, причиной тому, во первыхъ, отсутствіе послѣдняго въ Греческой азбукѣ, по немѣнно етого звука и въ самомъ Греческомъ языкѣ, а во вторыхъ, и въ Латинской, какъ образовавшейся изъ Греческой, етотъ звукъ первоначально выражался по образцу Греческой, и только въ послѣдствіи сталъ входить j , отъ того въ старину и у Славянъ Латинскаго обряда чаще встрѣчаете i въ етомъ случаѣ, что удержалось даже и теперь въ Польской, собственно старинной Чешской, азбукѣ. Отсюда, я ни мало теперь не удивился бы, если бъ когда либо доказали намъ, что всѣ гласныя мягкія такъ означались уже до Кирилла: при той роли, какую смягченіе играетъ въ говорѣ всѣхъ нарѣчій Славянскаго языка, составляющее главную и существенно отличительную особенность его въ сравненіи со всѣми прочими, ето должно было прежде всего броситься въ глаза, и дѣйствительно бросается, каждому, кто только захочетъ выразить нѣсколько предложеній на нашемъ языкѣ какими угодно письменными знаками. Другіе звуки, для которыхъ тоже нѣтъ отвѣтствующихъ въ Греческой, общи намъ въ большей мѣрѣ съ прочими языками, и по тому не въ такой мѣрѣ составляютъ потребность, уже по тому, что не проникаютъ съ такой повсемѣстностью всего организма Славянскаго языка, однако, и для нихъ не нашлось ничего въ Греческомъ алфавитѣ даже приблизительно сноснаго, стало, нужно было промышлять другимъ способомъ, а ето удается вполне, или от-

части, лишь немногимъ ученымъ, нерѣдко послѣ долговременнаго опыта и усилія цѣлыхъ поколѣній. Слѣдственно, допустивши бытіе и до Кирилла (о другихъ подобнаго же свойства не можемъ того утверждать, пока не будемъ имѣть на то достаточныхъ причинъ), и соглашаясь, что составъ этого знака могъ надоумить его примѣнить оный и къ другимъ гласнымъ, нуждавшимся въ подобномъ смягченіи, все таки честь образователя нашей азбуки останется за нимъ, честь, какъ показалъ намъ разборъ свѣдѣтельствъ древности, преимущественно принадлежащая ему и подтверждаемая, сверхъ того, и общимъ голосомъ преданія изъ поколѣнія въ поколѣніе. До него ни какія попытки, примѣнить Греческія письма къ Славянской рѣчи, какъ говоритъ Храбръ, не могли увѣнчаться успѣхомъ, отъ чего онъ и замѣчаетъ: «Иа како можеть са писати добра Гръцскими писмены: Богъ, или жикоть, или зло, или цръковь, или уаиник, или широтъ, или мѣ, или адоу, или юность, или шукъ и шма подобна смь?» Все это слова, въ которыхъ слышите звуки, не существующіе въ устахъ Грека: в, ж, в, ч, у, ш, м, д, л, ю, къ коимъ-де послѣ прибавляетъ еще пять: ф, ѣ, ж, л, з. (237) Константинъ же, какъ Философъ, т. е., ученый и писатель, самъ учившій довольно время въ Царьградѣ, много путешествовавшій и по тому знакомый съ языками не изъ однихъ лишь книгъ, приступая къ составленію азбучныхъ знаковъ для языка Славянскаго, конечно, имѣлъ въ виду то Славянское племя, съ языкомъ котораго онъ знакомъ былъ, т. е., Славянъ Греческихъ и Булгарскихъ; дажѣ, не могъ не знать, что и они, «наждаха са» и до него, и при немъ особливо, «Гръцскими писмены писати скожъ Словянскъ рѣчъ»; стало, если было что хорошаго въ егѣхъ опытахъ, то онъ не могъ, какъ умный человекъ и языковѣдъ, не воспользоваться тѣмъ; и, наконецъ, прежде всего нужно было ему для того обратиться къ етой азбукѣ, уже отчасти знакомой тѣмъ, коимъ хотѣлъ онъ услужить, къ азбукѣ Греческой, которую стоило только сумѣть приспособить или, какъ выражается Храбръ, «оустранити по Словянскъ рѣчи», и— дѣло было готово. За чѣмъ же обращаться было ему къ Глаголицѣ, если даже она тогда и существовала, Глаголицѣ, столько невзглядной и тяжелой для письма, но не безъ заим-

ствования уже изъ Греческой (говорю последнее такъ, смотря на нее тутъ съ одной точки зрѣнія съ приверженцами ея)? А если бы устроилъ онъ письма свои, примѣнялъ къ свойствамъ языка Великоморавскихъ Славянъ, тогда надо, чтобы онъ гдѣ либо успѣлъ познакомиться съ нимъ еще до того, а познакомившись, азбука его разумѣется, сколько ни есть, отзывалась бы етѣмъ языкомъ, по тому что, при всемъ сходствѣ нарѣчій нашихъ въ древности, въ историческую пору они имѣли ужъ тѣ же самыя существенныя отличія, что и нынѣ, хотя въ меньшей мѣрѣ развитыя. Впрочемъ, это ни мало не мѣшало имъ разумѣть слово Божіе и богослуженіе на какомъ бы то ни было родственномъ нарѣчій, какъ и теперь, спустя уже столько вѣковъ послѣ того «et tot discrimina rerum», не мѣшаетъ даже простолудину понимать довольно легко и его и соплеменника своего изъ самага отдаленнаго края необозримаго Славянскаго міра. И конечно, будь то помѣхой, Ростиславъ не обратился бы къ Михаилу съ просьбою прислать ему и «людемъ кою, погашствѣ са оуже отергъшимъ и по Хрѣтіанскѣ законѣ дръжаштимъ, оунителѣмъ тѣловлаго, иже бы имъ въ свои шукити истоужь вѣрѣ Хрѣтіанска съказаалъ»; въ противномъ случаѣ, нечего было бы ему жаловаться на то, что, «и соуть изъ имъ вѣшали оунителѣи мнози, хрѣстимиши изъ Влахъ, и изъ Гръкъ, и изъ Иамьць, оунителѣи имъ разумуъ»; не за чѣмъ говорить: «а имъ Словѣни, проста уади, и не имамъ, иже бы имъ настаивалъ на истинноу и разоумъ съказалъ, иже имъ исправити вѣсаявѣ праведѣ». Тогда не для чего было бы и молить о такихъ учителяхъ: слѣдственно, языкъ-то и былъ, дѣлавшій доступнымъ и понятнымъ Христіанство «престои уади», помимо другихъ, возможныхъ, государственныхъ и народныхъ, отношеній, однимъ изъ первыхъ и главнѣйшихъ побужденій къ вызову истинныхъ наставниковъ народа отъ Церкви, учителя коей говорили другой, не допускавшей того: «Мы же мнози роды знаемъ, книжки оунитюшта и Бѣу слава въздаюшта своимъ шукитимъ ижедо». Явившись съ словомъ Божіимъ на родственномъ языкѣ къ Ростиславу, Братья были приняты имъ съ особенными почестями и получили въ ученіе изъ среды туземцевъ: «Дошадшоу же имоу Морлемъ, съ великомъ устѣмъ притѣ и Ростиславѣ, и

оученики слышатъ, видятъ и оутити»; а по Нестору: «рѣди выша Словѣни, яко слышаша вѣсташа вѣсташа своимъ языкомъ»; равно какъ и по Итальянскому сказанію, почти слово въ слово съ нашими Паннонскими Житіями и Лѣтописью: «Cognoscentes loci indigenae adventum eorum, valde gavisi sunt, quia et reliquias beati Clementis secum ferre audierant et Evangelium in eorum linguam a Philosopho praedicto translatum. Exeuntes ergo extra civitatem obviam, honorifice et cum ingenti laetitia exceperunt eos. Ceperunt itaque ad id, ad quod venerant, peragendum, studiose insistere et parvulos eorum literas edocere, officia ecclesiastica instruere» etc. Возможно ли было все это, возможна ли радость еѣхъ Славянъ, если бы они не понимали сокровища, которое несли и, наконецъ, принесли имъ? Совершеніе богослуженія на томъ языкѣ и обученіе ему учениковъ (т. е., назначаемыхъ въ причетники) тоже условливалось общедоступностью его всѣмъ. И, концы концовъ, по согласному показанію разнонародныхъ и разновременныхъ лицъ, переложеніе Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ покончено на Моравѣ: сбыточное ли это дѣло, если бы языкъ, служившій тому орудіемъ, найденъ былъ, послѣ самаго уже опыта, т. е., пребыванія въ ней, невятнымъ для тѣхъ, кому переводъ назначался? Какъ сдѣсь, такъ и въ другихъ земляхъ Славянскихъ, введшихъ его у себя въ дѣлѣ богослуженія и письменнаго общенія, предполагается, по крайности, известная степень доступности его большинству, безъ чего вводимое не достигло бы своей цѣли, и при томъ вводимое именно по тому, чтобы замѣнить имъ непонятное, каково было богослуженіе и проповѣдь Латино-Нѣмецкихъ проповѣдниковъ и духовенства. А что честь составленія письменъ и начала перевода Св. Писанія на языкъ Славянъ Булгаро-Греческихъ принадлежитъ Константину предпочтительно—доказательствомъ тому то же, какъ мы видѣли уже, такія же разнонародныя и разновременныя показанія: Паннонскихъ Житіи, непосредственнаго ученика Солунцевъ, Климента, и Латинскія посланія папы Іоанна VIII-го: все современники, или же современники современниковъ; а ужъ известно, «qui audiunt»,—какъ говоритъ Плавтъ,—«audita dicunt; qui vident, plane sciunt». Сдѣсь, при такомъ разнообразіи, разновременности, разномѣстности и разнона-

родности, не можетъ быть и тѣни сомнѣнія о томъ, точно ли передаваемое ими когда либо происходило, но крайней мѣрѣ, въ существенномъ, и тому ли лицу приписывается, о которомъ большинство говоритъ, котораго не могли не знать, какъ главнаго виновника новой азбуки такіе люди, каковы: сочинители Жизнеописаній и Словъ, папа, ексархъ и Храбрь. Отъ того и названіе ей по имени своего-образователя: *Кириллица* по *Кириллу*, какъ говоритъ преданіе, идущее черезъ цѣлый рядъ вѣковъ у Славянъ Православныхъ и Неправославныхъ—знакъ подлинности, когда и свои, и чужіе, даже враги, въ одинъ голосъ свѣдѣтельствуя о томъ; а языкъ и языкъ врага, какъ говорится, и видитъ и чуетъ издалика. Она была возможно приспособлена къ свойствамъ той рѣчи, для выраженія звуковъ коей назначалась, но, вѣроятно, и тогда уже не всѣхъ въ равной степени удовлетворяла, какъ все человѣческое; такъ судимъ изъ словъ Храбра, который, оставляя въ сторонѣ уже извѣстные нападки на нее Латинско-Нѣмецкаго духовенства, упоминаетъ именно о томъ, что есть въ ней нѣсколько лиш-нихъ знаковъ: «Дрѹззи же глаголюхъ: нѣкто естъ ѿ писменъ створиша? а можетъ са и мьльшииъ того писати». Но тому-то дальнѣйшее приспособленіе Кириллова труда въ частностихъ началось довольно рано, если уже тотъ же Храбрь замѣчаетъ: «Даште ли нѣто речети, или нѣто оустроиша докѣ, нежеже пострашати и нѣте»; этому обстоятельству, стало, должно приписать неизвѣстность о настоящемъ числѣ составленныхъ Кирилломъ писменъ, равномѣрно, что нѣкоторыя въ ней нарушаютъ строгую органическую цѣлость: «оудокѣ же естъ послѣже потверити, неже прьвою стверити»; но за то трудно согласить потвореніе съ первотвореніемъ. А какъ каждое нарѣчіе имѣетъ свои особенности, ему по преимуществу принадлежащія, его наиболѣе отличающія отъ другихъ, то естественно ожидать должно было, что Кириллица, съ переходомъ къ нимъ, потерпитъ тоже въ первобытномъ своемъ составѣ нѣкоторое измѣненіе, какъ это и видимъ на самомъ дѣлѣ: иное число буквъ ея у насъ, иное у Сербовъ, иное у новѣйшихъ Болгаръ, а иное было бы, конечно, и у тѣхъ изъ нашихъ братій, которые такъ скоро, силою обстоятельствъ, принуждены были отойти къ другому стаду и другому пастырю. Противъ такого

примѣненія никто не можетъ ничего сказать, лишь бы оно держалось въ границахъ благоразумія, довольствовалось передачей главнаго, существеннаго въ каждомъ языкѣ; иначе, стремясь за полнотой въ подробностяхъ, легко впасть въ противоположный недостатокъ, сдѣлать изъ письма фонетическаго іероглифическое, Китайское. Кирилль, судя по его письменамъ, счастливо избѣгъ этой крайности, и, какъ мы ни усиливаемся прекрасное твореніе его «пошлати», по, «не у рукъ стряпня—пичканье», говоритъ пословица; и какъ ни пичкаемъ, какъ ни наряжаемъ его, и сквозь рубища наши проглядываетъ первичная доброта и красота Славянской азбуки, приводящая лучшихъ изъ современныхъ языковѣдвателей въ изумленіе своими высокими совершенствами и заставляющая, вопреки народной, застарѣлой, нерасположенности, употреблять, и совѣтовать и другимъ употреблять, нѣкоторые изъ буквъ ея для выраженія звуковъ въ области сравнительнаго языковѣднія. Въ этомъ отношеніи Константинъ или Кирилль по праву пользуется именемъ изобрѣтателя; какъ творецъ, хоть и изъ извѣстнаго уже матеріала, новаго, небывалаго до того и послѣ. Изъ ничего творитъ лишь Всемогущій; для насъ, его созданія, довольно, если уже изъ сотвореннаго сдѣлаемъ что либо такое, что сколько ни будь напоминаетъ творчество. А по тому сравнивать Кирилля съ составителями нѣсколькихъ только буквъ въ какой либо азбукѣ, на примѣръ, въ Греческой, или унижать достоинство его тѣмъ, что вещество-то давно существовало, всѣмъ извѣстно и доступно, въ высшей степени несправедливо. Тамъ часть, сдѣсь цѣлое; тамъ цѣлое—дѣло рукъ многихъ, тутъ—одного: «тамъ мнози мнози лѣты», говоритъ Храбръ, у насъ же—«единъ мѣжь, Константинъ, нарицаемъи Кирилъ, и писмена сътвори и книги прѣложи въ мѣлахъ лѣтахъ». Да и мало ли есть чего на бѣломъ свѣтѣ извѣстнаго и всѣмъ доступнаго, но неразгаданнаго въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, что ждетъ еще своихъ Галилеевъ, Коперниковъ, Ньютоновъ, Уатовъ, Дагерровъ и т. п.? При томъ, опыты другихъ, удачные, или неудачные, не рѣдко наводятъ умныхъ людей на неожиданныя открытія. Сдѣлать же изъ извѣстнаго и доступнаго такое, что своимъ устроеньемъ и сообразностью съ тѣмъ, для

чего назначается, помимо всѣхъ недостатковъ, поражаетъ каждого, заставляетъ удивляться и пользоваться, по невозможности представить что либо даже издалика напоминающее его, развѣ не есть своего рода творчество? Развѣ не такъ творить каждый художникъ, будетъ ли матеріалъ его вещество какое осязаемое, или же слово и представители его? Древніе, бывшіе гораздо ближе и къ творцу и къ его творенію, единогласно приписываютъ ему титуло изобрѣтателя, и приписываютъ, разумѣется, въ томъ смыслѣ, въ какомъ слѣдуетъ то понимать; а тѣ, кои приписываютъ это обонимъ братьямъ, тоже одинаковыя выраженія употребляютъ: «и азъ сътвори писмена» (по другому: «положи») (Панн. Житіе Кирилла); «оустрои писмена» (Панн. Жит. Меѳодія); «строи писмена» (I. E. Болг.); «сътвори, оустроилъ писмена» (Храбръ); «мауаста съставлявати писмена азъкоунокънаа Слозъньски» (Несторъ); «писмена сътвориша мноу (мзъкоунокъ Слозъньскоу), изнова писмена въокражъша» (Похв. Слово); «*υράματα τε ἐξευρέσαι, ἐξευρίσκειναι τὰ Σλαβονικὰ υράματα, υράματα ἐξεύροντο*» (Vit. S. Clem.); «*litteras Sclauiniscas a Constantino quondam philosopho repertas*» (Pap. Io. VIII); «*noviter inventis Sclavinis litteris*» (Anonym. Salisb.); «*gothicas litteras fuisse repertas*» (Archid. Salon. Thom.). Нѣкоторыя изъ етѣхъ выраженій прямо указываютъ намъ даже на самый образъ составленія писменъ; таковы: упомянутое уже мною выше выраженіе неизвѣстнаго Зальцбургца: «*noviter inventae Sclavinae litterae*», и выраженіе Похвальнаго Слова Кириллу и Меѳодію, въ коемъ, хотя дѣлю его приписывается обонимъ Братьямъ, но мы уже знаемъ, какъ это понимать, и по тому, говорю, выраженіе этого Слова: «*писмена сътвориша*», сдѣлали, но какъ? «*изнова въокражъша*», новъ образъ дали (вообразили), стало, тому, что было уже; а это были Греческія письма и тѣ, которыя взяты изъ другихъ азбукъ, доселѣ нами въ точности не отгаданныя, для звуковъ, чуждыхъ Грекамъ, собственно Славянскихъ, но находящихся также и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, извѣстныхъ составителю; етѣ-то знаки, вмѣстѣ съ Греческими, примѣнены были къ Славянскимъ звукамъ, получили какъ бы новый образъ, новое назначеніе, по всей вѣроятности, съ небольшимъ измѣненіемъ нѣкоторыхъ, на примѣръ (ограничиваясь одной Греческой аз-

буквой), образование изъ Греческихъ же такихъ знаковъ, которые бы могли выражать наши мягкія гласныя, или, наоборотъ, посредствомъ ихъ, стояція при нихъ согласныя; далѣе, такіе же знаки для носовыхъ; образование изъ одного Еврейскаго буквеннаго знака, помощію небольшого измѣненія, двухъ для двухъ же родственныхъ себѣ звуковъ, џ и у; статья можетъ, сюда же должно отнести ш и џ, ѣ, љ и њ, явно указывающія на образование свое изъ одной и той же, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ или прибавленіемъ къ первоначальной другой изъ другой азбуки (ѣи, љ, љ, љ). Это значило, по выраженію Похвальнаго Слова, «творити» или «сътворити писмена», «изъкова изобразити љ», или, какъ выразился Зальцбургецъ, «noviter litteras invenire», по папѣ Іоанну VIII-му и Отцамъ Салонскаго Собора, «gerere gerere» (находить вновь), по Нестору «составити», а по другому выраженію Храбра, «оустроити», то есть, сообщить тому строй, устрой, систему, организмъ, что до того было «безъ оустрои, безъ оустроини, неоустроино», каковымъ точно представлялось писаніе Славянъ въ предѣлахъ Греческихъ владѣній и смежныхъ съ ними Булгарскихъ, принимавшихъ уже крещеніе. Въ семъ послѣднемъ отношеніи, конечно, Константинъ или Кириллъ только составитель или устроитель (organisateur) (238), по тому что, какъ я выше замѣтилъ, онъ творилъ изъ извѣстнаго уже вещества, большей частью, азбуки Греческой и нѣкоторыхъ другихъ, которыя, въ свой чередъ, составлены такимъ же образомъ тоже изъ другихъ, первообразъ коихъ по сию пору не открыты еще, кѣмъ, когда и для кого сдѣланы. Тѣмъ не менѣе, каждая изъ етѣхъ азбукъ, въ извѣстномъ смыслѣ, самостоятельна, и составлявшіе ихъ давно и единогласно называются изобрѣтателями, устроителями каждой, по тому что послѣ своихъ предшественниковъ въ бывшемъ до нихъ сдѣлали весьма важное устройство, существенно измѣнявшее все прежнее, сдѣлали рѣшительный переворотъ въ существовавшемъ до того. Такимъ образомъ, кажется, можно примирить двѣ противоположности—*составленіе* и *изобрѣтеніе*. Константинъ *составитель* или *устроитель*— въ томъ отношеніи, что матеріалъ для него былъ уже готовъ, онъ строилъ изъ готоваго; *изобрѣтатель* же по тому,

что и изъ готоваго вышло у него цѣлое самобытное, творческое произведеніе, въ своемъ родѣ совершенное, вполне соответствующее своему назначенію. Онъ составилъ грамоту для Славянъ, не имѣвшихъ ее до него, а въ ней, дѣйствительно, нѣкоторые знаки или буквы какъ бы вновь изобрѣтены, «*noviter inventae*». Тамъ онъ «оустронъ, изъвола въскрзи, екстива, герегит»; сдѣсь же «сътвори, ѣѣѣурѣма, invenit; тамъ составитель, оустронитель, обрѣтникъ или, по Среднебългарски, обратникъ, по Сборнику 12-мъ мѣсяц. «изъобрѣтеникъ», что послѣ обращено въ «изъобрѣтатель», «преложитель» (по Кіевск. мѣсяцослову, см. выше, стр. 139), *heretor*; тутъ сотворитель или творецъ, *eurētēs* или *efeurētēs*, *inventor*. И стало, уже прежде насъ здраво смотрѣли на это дѣло, когда говорили: «*Constantinus primus fuit, qui linguam Sclavonicam literis Graecis scribere coepit, quod alii ante eum Latinis tentarunt, et propter haec nova literis Graecis adscripta nomina, et propter novas iisdem additas characterum figuras Constantinus dicitur litterarum Sclavonicarum inventor*» (239); другой, не въ однихъ лишь названіяхъ буквъ и фигурахъ ихъ видитъ тому подтвержденіе, но и въ томъ, что изобрѣтеніе названо по своему изобрѣтателю: «*Nam ut Cyrillici characteris inventum Constantino Philosopho, Cyrilli nomine a Pontifice ornato, unice acceptum ferendum esse vel nomen ipsum, eidem inditum, declarat*» (240); напоследокъ, сами мы, Рускіе, давно уже здраво смотрѣли на это, когда называли Константина (въ Кіевск. Молитвословѣ, см., гл. 1-я, стр. 139) «и писменъ изъобрѣтателя, вже изъ 'Славинскаго иа Россискии (собственно «Словянскыи») преложн», или, какъ сказано въ «Послѣдоваиѣи црковнаго пияѣа и собраиия исвяталаго (тамъ же): «ѣже преложн Роускю («Словянскоуѣ») грамоту со Греческиа». Папа же етотъ, знавшій лично нашего Константина, какъ мы видѣли уже, торжественно самъ, въ посланіи своемъ къ Святополку, Великоморавскому государю, 880-го года, засвѣдѣтельствоваъ принадлежность Славянскихъ писменъ не Меѳодію, черезъ котораго отправляъ свое посланіе, но, брату его, Константину, говоря: «*Litteras Sclaviniscas, a Constantino quondam philosopho repertas, quibus Deo laudes debite resonent, iure laudamus*». Что же, спрашиваю, важнѣе и достовѣрнѣе можетъ

быть хоть этого одного уже показанія первосвященника, не очень, въ сущности, расположеннаго къ Церкви Восточной, а еще больше къ народу Славянскому, особливо его языку, какъ орудію новаго Богослуженія, который называлъ его, по тому, языкомъ *варварскимъ*: «Audimus et iam, quod missam cantes in *barbara*, hoc est, in *Slavina lingua*? И память о принадлежности нашихъ письменъ Константину или Кириллу опирается не на соображеніи ученыхъ; на оборотъ, она идетъ изъ глубокой древности, должна была сохраняться изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе передаваться, слѣдовательно, крѣпко укорениться въ народѣ Славянскомъ, когда уже Храбръ ссылался на нее, какъ на лучшее свидѣтельство: «Дште въпросиши Словѣнскыи боукари, глаголю: кто вы писмена сътвориша иста, или кѣнигы предложилъ? то вси вѣдуть, и отвѣшташе ркати: Святый Константинъ Философъ, нарицаемый Кирилъ, ти илѣхъ писмена сътвори и кѣнигы предложи, и Мефодие, братъ его». На чемъ же это основывается? «Съхъ бо иште ишии, иже съхъ видѣши ихъ». Стало быть, въ етомъ случаѣ названіе нашей азбуки Кириллицей вполне законно, какъ вытекающее изъ самаго дѣла, свидѣтельствующее о дѣлѣ, а дѣло о немъ: «Conveniunt rebus nomina saepe suis», кто-то сказалъ изъ древнихъ (241).

ГЛАВА IV.

Царьградъ.

Es hält schwer, *verjährt* Erzählungen, die häufig nachgeschrieben wurden, selbst dann aufzugeben, wenn man auch schon die *trübe* Quelle, aus der sie geflossen sind, entdeckt hat.

Dobrowsky.

Ludmila und Drahomir, S. 6.

Слѣдившіе внимательно за всѣмъ, до сихъ поръ изложеннымъ мною, безъ сомнѣнія, сами уже произнесли, или же готовы произнести, отвѣтъ на вопросъ, заставившій меня предварительно войти во всѣ егѣ подробности: такъ, кажется, дѣло уяснилось само собою, Правда, что для этого потребовалось много работы, стало, и времени; но, во первыхъ, «безъ труда»,—по народной пословицѣ, — «не вынуть и рыбы изъ пруда»; во вторыхъ, гдѣ дѣло идетъ о времени, тамъ не стать же жалѣть его, по тому что, какъ замѣчаетъ та же народная мудрость: «Время не сѣмя—не выведетъ племя», если около него не порадовать; а въ третьихъ, «*jak se stavi, tak stoji*», говорятъ Чехи. Не очистивъ мѣста, не строятъ, да и во всякомъ случаѣ нужно знать напередъ, что за матеріалъ, изъ

котораго задумали возвести новое зданіе, какъ другіе до насъ то же ставили, далеко ли ушли, и что именно выпало на нашу долю. Мы знаемъ уже и старый и новый матеріалъ въ нашей задачѣ, знаемъ и трудившихся надъ нимъ больше, или меньше; а также на чемъ работа остановилась. Теперь нашъ чередъ: идемъ смѣло въ дѣло, въ увѣренности, что ни чѣмъ не пренебрегли изъ того, что требовалось для успѣха. Можетъ быть, и насъ ожидаетъ не большій успѣхъ другихъ; можетъ быть; и мы ничего не доведемъ; но, чего не поищешь — не сыщешь; ищемъ же истины и сдѣсь, какъ и во всякомъ розыскѣ, но довольны будемъ и вѣроятностью, гдѣ, при всѣхъ усиліяхъ, нельзя добиться правды. «Feci, quae potui», опираясь на имѣющіяся подъ руками данныя; откроются другія лучшія — пусть другіе его лучшее и сдѣлаютъ: «faciant alii meliora»! Тогда и мѣра, когда рожь.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы потрудимся припомнить себѣ хорошенько показанія свидѣтелей непосредственныхъ и относительныхъ; равно и сказанное по поводу ихъ, не можемъ долго находиться въ неизвѣстности на счетъ того, *когда же*, вѣроятнѣе всего, происходило составленіе писемъ для Славянъ? Мы видѣли уже; что всѣ отзывы о томъ образуютъ собой два главные разряда: такіе, которые о появленіи Славянской азбуки выражаются *неопредѣленно*, и такіе, которые приурочиваютъ его къ *извѣстному времени*. Съ характеромъ *неопредѣленнымъ*, изъ чужихъ: Посланіе папы Іоанна VIII-го, неизвѣстный Зальцбургецъ, Сазавскій черноризецъ, Сплитскій архидіаконъ Тома и Бернадъ; а изъ своихъ: оба Похвальныя Слова, Іоаннъ, ексархъ Болгарскій, Проложныя Житія, Апостоль XII-го вѣка, Службы Кириллу и Мефодію, Анеологіонъ; Послѣдованіе Церковнаго пѣнія и собранія вселѣтняго. Изъ нихъ, по времени, къ которому относятся, а равно, отчасти, и времени самыхъ рукописей, въ коихъ дошли къ намъ, замѣчательны, въ особенности, первые два въ обоихъ разрядахъ. Впрочемъ, показаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ быть отчасти приурочено; на примѣръ, Зальцбургца, увѣряющаго; что архипресвитеръ Рихвальдъ, намѣстникъ Зальцбургскаго архіепископа въ Панноніи, удалился изъ нея въ

Ювавію со времени появления въ оной Меѳодія. Еще въ 865 г. Зальцбургскій архіепископъ, Адалвинъ, совершалъ богослуженіе у Коцела, наслѣдовавшаго отцу своему, Привинѣ, съ 861 года, а къ 870 году относится прибытіе къ нему одного Меѳодія, который, какъ извѣстно, и ввелъ тамъ Славянское Богослуженіе: «vilescere fecit cuncto populo ex parte missas et evangelia ecclesiasticumque officium illoꝝ, qui hoc latine celebraverunt. Quod ille (Rihbaldus) ferre non valens, sedem repetivit Juvavensem». Къ 871-му же году относится крещеніе Чешскаго князя, Боривоя, бывшее уже въ Моравіи. Бернадъ Кремсмионстерскій, въ сущности, только повторилъ Зальцбургца. По Слову Похвальному въ одномъ лишь мѣстѣ видно нѣкоторое приуроченіе, именно, гдѣ витія говоритъ, что Кириллъ и Меѳодій, отъ Востока (Козарь) переходятъ на Западъ, и тамъ, Паннонію и Моравію, просвѣщаютъ буквами: «къ Западныхъ же странахъ, Плавонскихъ и Моравскихъ странахъ, пресвятисѣя буквами (242). По Проложному Житію Кирилла, написаніе Словѣномъ 38-ми словъ (буквъ) произошло послѣ возвращенія его изъ Болгаръ въ Словѣны. Что до перваго изъ сихъ показаній, то я уже, въ своемъ мѣстѣ (во II-й главѣ), замѣтилъ, что оно, собственно, не идетъ сюда, или же, по крайней мѣрѣ, тогда получить силу свою, когда докажется, что не Константинъ, но Меѳодій, составилъ намъ письма; по чему же, иногда, считали такимъ и старшаго брата, мы тоже знаемъ уже причину тому и, слѣдовательно, это тоже увольняетъ насъ отъ обязанности входить теперь въ дальнѣйшее разсмотрѣніе вопроса, по чему къ 870-му году отнесено тутъ появленіе «Sclavinarum litterarum». Показаніе Похвальнаго Слова получить свое значеніе, если уяснимъ себѣ напередъ, когда же слѣдуетъ полагать появленіе Кирилла и Меѳодія въ Западныхъ странахъ? То же самое должно сказать и о Проложномъ Житіи, т. е., прежде нужно опредѣлить посѣщеніе ими Болгаріи, и сколько именно разъ были они въ ней (что увидимъ ниже).

Отзывы съ характеромъ *опредѣленныя*, т. е., такіе, по коимъ составленіе Славянскихъ писемъ произошло въ извѣстное время, условны и безусловны. Первые назначаютъ только

пору, но не самый годъ, а вторые на оборотъ. Тѣ и другіе, однако, образуютъ кругъ времени довольно значительный, начинающійся правленіемъ Греческаго императора, Михаила, и оканчивающійся въ царствованіе Льва Мудраго. Правда, есть показанія, переходящія за етѣ двѣ крайнія черты; но какъ и въ нихъ всюду рѣчь идетъ, прямо, или подразумеваемая, все же о составленіи письменъ Кирилломъ, а не кѣмъ либо другимъ, то, по тому, подобное означеніе пахнетъ слишкомъ грубой ошибкой кого бы то ни было, чтобы можно было при нихъ сколько ни есть останавливаться. Съ нихъ довольно будетъ и того, что и ихъ бытіе, какъ говорится, занесено въ книгу живота, и только. То же слѣдуетъ сказать и о тѣхъ, кои находятся за чертой, назначаемой Исторіей для жизни младшаго изъ братьевъ, то есть, Кирилла, слѣдовательно 869-мъ или, употребляя круглое число, 870-мъ годомъ. Чтобы оспорить такое ограниченіе, нужно напередъ доказать одно изъ двухъ: либо, что письмена наши составлены не Константиномъ, но Меѳодіемъ, и при томъ уже послѣ, сейчасъ упомянутаго, періода: событіе, которое находится въ явномъ противорѣчьи со всѣми, самыми важными, свѣдѣтельствами въ нашемъ вопросѣ, и, какъ дѣло показало, доселѣ не удалось никому, кто ни пытался выставить его противу сихъ послѣднихъ; либо подѣ составленіемъ письменъ слѣдуетъ разумѣть не тѣ, которыя извѣстны подѣ именемъ своего устроителя, но со всѣмъ другія, будутъ ли то, такъ называемыя, Глагольскія, или какія нибя: опять событіе, въ которомъ требуется, прежде всего, поставить вопросъ въ обратномъ порядкѣ, т. е., внести въ него етѣ другія, а не первыя, письмена, что и дѣлали нѣкоторыя, но безъ всякаго успѣха, и безуспѣшность ета продолжится до тѣхъ поръ, пока первородство Глаголицы не утвердится, какъ выражаются Латынщики, *factis, non fictis*, памятникомъ докирилловскимъ; либо же, наконецъ, когда представятъ намъ доказательство, что и Кирилловскіе буквенные знаки существовали задолго до Кирилла, и существовали именно не по одиначкѣ, но въ цѣломъ своемъ составѣ, по какому они имѣютъ такое названіе, или, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе характеризуютъ Кириллицу, яковы всѣ мягкія, но-

совья и полугласныя въ томъ видѣ, какой носятъ въ ней. За чѣмъ же, скажутъ мнѣ, и говорить было о такихъ показаніяхъ или свѣдѣтельствахъ, которыя къ рѣшенію вопроса ничего не приносятъ? Во первыхъ, по долгу историка изслѣдываемаго нельзя опустить того; на обязанности его лежитъ представить дѣло не только въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь, но и какой имѣло прежде, кто и что о немъ судилъ и рядилъ; словомъ, изложить во всемъ его объемѣ; и во вторыхъ: «подобаетъ и вѣрси вѣдати». И такъ, за исключеніемъ всего этого, какъ второстепеннаго въ нашей задачѣ, ни подвигающаго, ни отдвигающаго ее, остаются только свѣдѣтельства, указывающія на правленіе царей Михаила III-го и Василя Македонянина. При нѣкоторыхъ изъ нихъ находятся и другія, болѣе, или менѣе опредѣляющія искомое время, обстоятельства, но всѣ они, въ сущности, подчинены первымъ двумъ, что условливалось самымъ способомъ лѣтосчисленія, который, какъ извѣстно, былъ Византійскій, въ слѣдствіе историческихъ обстоятельствъ.

Самое раннее назначеніе времени для составленія нашихъ письменъ при Михаилѣ III-мъ предлагаетъ черноризецъ Храбръ. Не всѣ изъ извѣстныхъ доселѣ списковъ Сказанія его сходятся въ годѣ: по однимъ (Лаврентьевскому, во главѣ, Вратиславскому, нѣкоторымъ Сербскимъ и т. д.) это случилось 6363 или 855 года: «въ времена Михаила црѣ Гръцкаго, и Бориса князи Българскаго, и Растица князи Моравска, и Коцели князи Блатвска, въ лето же ѿ сзданіи вссего мира 6363 ком. и .ѣ. и .ѣ. и .ѣ. м», т. е., 855. Не во всѣхъ, впрочемъ, спискахъ встрѣчается такое означеніе: въ однихъ изъ владѣтельныхъ лицъ нѣкоторыя опускаются, на примѣръ, въ списокѣ «О Свѣтци книгъ», по Сборнику Библиотеки Троицко-Сергіевской Лавры XVI вѣка, № 1552—7, стоятъ только первыя два: «А Словенскія книги преложи Кирило Философъ съ Мефедьемъ при Михаиломъ црѣств Греческымъ, при Борисъ князи Болгарскымъ»; въ другихъ остается лишь первое и дается къ нему еще имя матери его и 7-й Соборъ, т. е., въ списокѣ по Сборнику Москов. Синод. Библиотеки № $\frac{48}{347}$ (XVI в.): «во седмомъ соворе въ .мѣ. е лето, во времена Михаила Греческаго и мѣре его Феодоръ, иже пра-

когда оу крѣоу зтвердиста, в лѣто ѿ созданиа мѣръ „ѣѣ і ѣ го“; въ третьихъ: при Алфавитѣ Общества Исторіи и Древн. Росс. Отд. I, № 3-й; при рук. того же Общ. № 194; при Алфавитѣ Собранія рукописей В. М. Ундольскаго: всѣ XVII вѣка; при Виленской Грамматикѣ 1621, Азбукѣ 1637, изд. Бурцовымъ; Супрасльскаго 1781, у Новикова въ Повѣствователѣ древн. Росс. (I-й части) 1791, и въ Древней Росс. Вивліоикѣ (XVI части) 1789, ко всѣмъ 4-мъ (Миханлу, Борису, Растицу и Коцелу) присоединены еще Θεодора и 7-й Соборъ: «по .ѣ. Собора въ мѣ. с лѣто (въ Алфав. Общ. № 3, «ѣ, е»), во время (Алф. Унд. «во время») Михаила цѣи Греуеснаго и матере (Алф. Общ. и Унд. «мѣри») его, Θεодоры, иже арлокрѣмью крѣоу оутвердиста, и Бориса кнѣза Мордѣска, и Костела (Алф. Унд. «л») кнѣза Блатниска, ѣ (Общ. № 194 и Алф. Унд. «е») лѣто ѿ (Общ. № 194 «отъ») созданиа (Общ. № 194 и Алф. Унд. «л») мѣръ „ѣѣг.“ Калайдовичъ замѣчаетъ, что только въ новѣйшихъ спискахъ Храброва Сказанія находится 7-й Соборъ и Θεодора (стр. 192). По другимъ же списка Храброва извѣстія годъ выставленъ иной, хотя прочая обстановка не измѣнена. Это: Московской Духовной Академіи № 145, XV-го столѣтія: «въ лѣто же ѿ созданиа всего мѣра „ѣ, і, ѣ“, 6303—795, что, очевидно, произошло отъ пропуска писцемъ одного числа, т. е., «ѣ». Пропуски такого рода нерѣдко встрѣчаются въ рукописяхъ; на примѣръ, въ Псковской Палѣи, какъ мы видѣли (стр. 97), при означеніи этого же самаго событія, и какъ это замѣтилъ уже, по увѣренію Шафарика (243), Добровскій на полѣ въ своихъ выпискахъ (нынѣ въ Чешскомъ Народномъ Музеѣ); подобный же пропускъ, именно числа «ѣ», встрѣченъ былъ нами въ той же Псковской Палѣи подъ 6403 вмѣсто 6453 (стр. 97); не говорю уже о, такъ называемыхъ, лѣточислительныхъ сказаніяхъ и продолженіяхъ Никифорова Лѣтописца. Съ Храбромъ за одно указываютъ на 855-й годъ позднѣйшія Рускія передѣлки Сказанія его; таково: «Преложеніе Грамматикъ» (см. выше, стр. 94 и примѣч. 93, стр. LVII), и сокращенная передѣлка его, упомянутая выше, въ Сборникѣ XVI в. Библиотеки Троицко-Сергіевской Лавры № 1552 — 7, помѣщенная тотчасъ за Храбровымъ Сказаніемъ, впрочемъ, не конченнымъ. Въ первомъ сказано: «Въ цѣтѣ Михаила,

Греуескаго цѣря, ѿ Царьграда цѣткоюликаго, при патриарсѣ Фотіи, и лѣ Бориса княза Болгарьскаго, и Растица княза Моравьскаго, и Костея княза Блатеньскаго, въ княженіе княза великаго всея Русїи Люрика, погана сѣфа и не вѣрени, за .рѣ. лѣ до вѣрениа Русьскыя земли, а ѿ сзданїа міра и лѣ .ѣ.тѣг; а во второмъ: «А Слѣконскїа книги предложї Кирило Философъ съ Мефедьенъ лѣта .ѣтѣ, при Михаилковѣ царствѣ Греустамъ, при Борясѣ князи Болгарьстамъ. Сдѣсь, въ одномъ, прибавлены еще два новыя лица, для большаго, конечно (по мнѣнію составлявшаго это извѣстіе) опредѣленїя событїа: патриархъ Фотій и В. Рускій князь Рюрикъ, въ другомъ же, на оборотъ, показаны только первыя два (Михаилъ и Борисъ), но годъ удержанъ по Храбру.

Разсматривая показанїе Храбра, видимъ, что оно, согласное съ истиной въ цѣломъ своемъ составѣ, ошибочно, однако же, въ опредѣленїи самаго времени и обстановкѣ событїа нѣкоторыми историческими лицами. Такъ, оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что до 857-го года правленїемъ Греческой Державы, собственно, завѣдывала мать Михаила, Θεодора, и сестра его, Θεκλα, и допуская это, по примѣру нѣкоторыхъ лѣточислений, не отличающихъ того, что сказать о Коцель, который, какъ замѣтилъ я уже выше, правилъ Блатенскимъ Княжествомъ только по смерти отца своего, Прибины, убитаго Моравцами, 861 года, въ схваткѣ Растица съ Нѣмцами и ихъ приверженцами, Растица, принявшаго сторону Карломана, сносившагося съ нимъ противъ отца своего, Людвика, между тѣмъ какъ тотъ, послѣ нѣскольkokратныхъ съ ними ссоръ, прильнулъ пуще прежняго къ нимъ, и за то получилъ было во владѣніе Паннонскій предѣлъ или Задунайскую, иначе Паннонскую, Моравїю, среди коей лежитъ озеро Блатно или Болотно (Болотное, Болото, извращенное Мадырами въ Balaton, а Нѣмцами Platen-See, гдѣ *p*, по извѣстной перегласовкѣ этого языка одиоорганичныхъ, произошло изъ *b*), по коему другое названїе его княжества словомъ Блатенско, Блатенское (244). А какъ мы знаемъ уже, что даже въ 865-мъ году Коцель принималъ и угощалъ у себя, на Рождественскихъ Святкахъ, въ своемъ стольномъ градѣ, Мосбургѣ (Блатноградѣ?), прежде (по нѣкоторымъ) Салабургѣ (при устьѣ рѣки Салы, впадающей въ озеро Блатно,

нынѣ Салаваръ, переводъ Мадьяровъ, у коихъ var=Burg, наше градъ, городъ), Зальцбургскаго архіепископа, Адалвина (245), стало, принадлежалъ тогда къ Латинской Церкви, то, по тому, едва ли вѣроятно, чтобы Храбръ сталъ означать правленіемъ его, въ такомъ отношеніи находившагося къ Православію, время происхожденія азбуки, такъ тѣсно и нераздѣльно соединенной съ тѣмъ послѣднимъ. Ежели уже Шлѣцеръ, по словамъ Добровскаго (246), замѣтилъ, что Коцель тутъ «не совсѣмъ согласуется съ тѣмъ, что извѣстно намъ о немъ изъ Франкскихъ времяниковъ» (247), и замѣтилъ, разбирая Несторовъ рассказъ о посольствѣ въ Царьградъ, случившемся гораздо позже, то тѣмъ болѣе неумѣстно помѣщеніе сего Князя въ 855 году. Точно то же слѣдуетъ сказать о *Фотіи*, который сдѣланъ патріархомъ лишь 857 года, слѣдовательно, въ патріаршество его не могли быть составлены наши письма. Еще менѣе третье опредѣленіе выдерживаетъ повѣрку: разумію, означеніе лѣтъ, протекшихъ отъ послѣдняго Вселенскаго Собора до составленія ихъ въ 855 или 852-мъ, какъ ни полагай етотъ Соборъ, 805, 806, или же 783, 787, 795, ибо получаемъ оттуда годы: 827, 831, 839, 849, 850, отнюдь же не означенные въ Сказаніи о писменехъ; а если станемъ слагать только 40, то и того меньше приблизимся къ Храброву году. Первый совпадетъ съ годомъ рожденія Константина, второй съ 4-лѣтнимъ возрастомъ его, третій съ 12-ти, четвертый 22-хъ и пятый 23-лѣтнимъ; стало, все произошло еще до перваго посольства его (къ Сарацинамъ), бывшаго на 24-мъ году его возраста (851). Напрасно, по тому, и Добровскій (248) и Шафарикъ (249) старались, когда-то, отстоять Храбра, первый говоря: «Gegen das Jahr 855 ist nichts einzuwenden, wenn gleich die übrigen Data nicht ganz richtig berechnet sind», а второй извиняя Коцела тутъ тѣмъ, что онъ «могъ даже при жизни отца своего, Прибины, быть Удѣльнымъ княземъ», что, по новѣйшимъ розысканіямъ, кажется, имѣло мѣсто (250), но, тѣмъ не менѣе, все таки не спасаетъ Храброва показанія.

Вотъ по чему, хоть прочія означенія дѣйствительно удерживаются на своемъ мѣстѣ, все же странно кажется, отъ че-

го Храбръ, черноризецъ Восточной Церкви, выставя составленіе письменъ, какъ особенный знакъ благодѣи Божіей къ «родоу Словѣнскоу», желавшей тѣмъ «прикести его къ спасенію», отъ чего, говорю, Храбръ опредѣляетъ время составленія «Славянскихъ писемъ», называемыхъ имъ «святими и устыженими» отъ Греческихъ, устроенныхъ «Сланимъ погани», правленіемъ частью не крещеннаго Болгарскаго князя, а частью, если и крещенныхъ, за то принадлежавшихъ «къ Латиномъ и Итальянцѣмъ», величаемымъ въ Паннонскомъ Житіи Меодія «гроузомъ уадиш, не приютишихъ ниимъ»? Будь это событіе не въ ту пору, когда Борисъ уже склонился или клонился къ Христіанству, а Ростиславъ, задумавъ великое дѣло, вступилъ въ сношеніе съ царемъ Восточнымъ, за чѣмъ бы ему указывать на ихъ правленіе, какъ опредѣленіе времени передаваемого имъ собитія? Безъ этого оно не совсѣмъ достигало бы своей цѣли, сбывая своей неопредѣленностью то, что требовалось опредѣлить. Слѣдовательно, допустивъ противное, не только исчезаетъ эта неточность, но даже ссылка на княженіе Коцела является умѣстной, какъ дѣйствительно въ ту пору бывшаго уже государемъ въ Паннонской Моравіи. Все это, стало, показываетъ, что Храброво назначеніе года устроенію Славянскихъ письменъ противорѣчитъ какъ тогдашнему положенію дѣлъ въ Славянскомъ и Греческомъ мірѣ, такъ и собственнымъ его словамъ. Откуда это произошло, кто скажетъ? Можно въ етой несообразности подозрѣвать переписчиковъ (что во многихъ случаяхъ очень покойно для изслѣдователя), можно и самаго Храбра, что, по мнѣ, вѣроятнѣе, ибо всѣ, извѣстные донинѣ, списки (а ихъ очень много, хотя и не старѣе XIV-го вѣка), при всемъ разнообразіи языка (происшедшемъ наиболѣе отъ племенныхъ отличій писцевъ), въ сущности говорятъ одно и то же, даже въ разыскиваемомъ годѣ перевѣсь на сторонѣ большинства. Позднѣйшія прибавленія слишкомъ незначительны и тотчасъ бросаются въ глаза. Но Храбръ, сохраняя всю вѣрность событія, могъ, хотъ и близкій къ нему по жизни, но все же не современникъ и не очевидецъ, въ ближайшемъ и точнѣйшемъ опредѣленіи поры случившагося, самой единицы ея, точно такъ же погрѣшить, какъ, на примѣръ, и сочинитель Похвальнаго Слова Кириллу и Меодію, кото-

рый, по всему, былъ и современникъ и даже непосредственный ученикъ ихъ. Отсюда, я больше вѣрю въ справедливость Храброва опредѣленія времени составленія нашей азбуки посредствомъ предпосланныхъ лицъ, нежели етому послѣднему. Историческія же лица указываютъ на иную пору.

Что сказано о Храбрѣ, то же самое должно замѣтить и о небольшихъ Булгарскихъ и Сербскихъ лѣтописяхъ или лѣточислительныхъ показаніяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя говорятъ за одно съ нимъ (855), а другія приурочиваютъ составленіе азбуки къ 6360 или 852-му; изъ списковъ етѣхъ, напечатанныхъ доселѣ, извѣстны два: Рацкій, говорящій просто о написаніи словъ Кирилломъ, и Сеченіевскій съ указаніемъ на Михаила и Θεодору; издатель послѣднихъ еще въ своихъ Славянскихъ Древностяхъ (251) объяснялъ етотъ годъ опиской переписчика: дѣло статочное, только отъ того все же Храбру ни чуть не легче. Но и тутъ не думаю, чтобы все можно было уладить, сваливъ вину на безотвѣтнаго писца, по тому что не въ нихъ только однихъ встрѣчаемъ 852, но и въ другихъ; таково показаніе «Смизданиа клятца свѣдѣннѣ ѿ Адама», въ Черногорскомъ сборникѣ (выше, стр. 89—90), въ коемъ тоже Михаилъ и Θεодора обновляютъ Православіе, Болгаре дѣлаются Христіане, а «словеса Словенская» составляются Кирилломъ въ 6360 лѣто. Другой примѣръ: въ Псковскихъ Палѣяхъ читаемъ тоже 6303 годъ, а изъ лицъ—Михаила и Люрика; судя по такому же случаю съ сказаніемъ Храбра по списку Московской Духовной Академіи, какъ сказано сейчасъ, должно предполагать описку въ числѣ 60 (6363), что и идетъ къ Храброву Сказанію, но не можетъ итти къ Палѣямъ, въ которой выставлено лице Рюрика. Еще больше въ етомъ утверждаетъ насъ «Прологъ сѣи рязь собраніе ѿ многихъ Лѣтописецъ» Румянц. Музея (см. выше, стр. 110—111), въ котормъ не только сказаніе Палѣи повторено слово въ слово, съ перестановкой только членовъ етого періода и измѣненіемъ Люрика въ Ререка, но и все вообще извѣстіе послѣдней въ цѣломъ его составѣ. Тутъ слѣдовало бы ожидать зѣтг года вмѣсто зѣтг, однако вышелъ зѣтг, т. е., 865, чѣмъ и оправдывается, конечно, отчасти, помѣщеніе въ немъ Рюрика.

Другое время происхожденію Славянскихъ письменъ назначаютъ *Паннонскія Житія* и другія, принадлежащія съ ними къ одному разряду, показанія, которыя сейчасъ назовемъ поименно. Время это *двоико*, и хотя одно за другимъ слѣдуютъ непосредственно, но существомъ своимъ рѣшительно исключаютъ другъ друга. Подъ первымъ разумѣю сказаніе Паннонскаго Кириллова Житія о томъ, какъ онъ перенялъ письмена у какого-то Русина, которыми Евангеліе и Псалтырь писаны были, и какъ онъ, бесѣдовавъ съ нимъ, силу рѣчи узналъ и разлучилъ гласныя и согласныя буквы, сличая все съ своимъ собственнымъ языкомъ; Псковскія же Псалѣи и Прологъ Румянцевскаго Музея называютъ уже это Руской грамотой, данной Русину етому въ Корсуиѣ Богомъ; ею-то Константинъ написалъ книги Рускимъ гласомъ, посѣщая Мораву, Чехы, Ляхы и прочая языки, и ея-то Владимиръ Рускій послѣ обрѣлъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ крестился: «иде же книги обрѣтошася, тоу и крещеніе обрѣтеть, Рускимъ гласомъ писаны быша книги». Ясно, что послѣднія взяли извѣстіе ето изъ самаго Житія, или же, на оборотъ, въ Житіе оно пошло изъ подобныхъ Рускихъ источниковъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ спискахъ читаемъ его вдвойнѣ: въ самомъ Житіи и на концѣ; тамъ коротко, а тутъ въ связи съ извѣстнымъ рассказомъ о Войтѣхѣ, который тоже представляется въ двойномъ видѣ, краткомъ, какъ въ Житіи Кирилла по списку Московской Духовной Академіи № 19, и пространномъ по моему (см. выше, стр. 101 и слѣд., а также и примѣчанія). Такъ какъ путешествіе Константина къ Козарамъ не могло быть вмѣстѣ съ Грекомъ Петрономъ, отправленнымъ, по просьбѣ Козарскаго кагана, Греческимъ императоромъ для построения и укрѣпленія столицы его, Саркела (Бѣлоу Вежи, *Λευκὸν οἴκημα*, *Domus Candida*), а потомъ оставленнаго намѣстникомъ въ Херсонѣ (252), что случилось, по мнѣнію Ассемани (253) около 836, а по Добровскому и Шафарику (254) 840 года, по тому что тогда Константину было отъ роду только отъ 9 до 13 лѣтъ; то, по неволѣ, должно согласиться на приуроченіе оного между 858 и 861-мъ, тѣмъ болѣе, что, по свѣдѣтельству Паннонскихъ Житій, Похвальнаго Слова, Климентова Житія и друг., ето происходи-

до послѣ путешествія его къ Срацинамъ, бывшаго на 24-мъ году отъ рожденія: «Бѣ же тогда Философъ дѣлѣмъ десѣтѣмъ и устѣрѣмъ лѣтомъ» (255). Первое время назначаетъ Мартинъ Фульденскій (256): «Anno Domini DCCCLVIII, Nicolaus primus... Pontificem assumitur CVII post Petrum, sedit autem annos IX, menses 11, dies XX... Hujus Pontificis tempore Sanctus Cyrillus Slavorum Apostolus corpus Sancti Clementis mari siccatō, ubi in Trisoria in mari projectum fuit, afferens Romam portavit, ibique a Papa honorifice in ecclesia sua sepultum fuit»; а второе, «Слово на пренесеніе мощей преславаго Климентѣ, историческою мощи вестдоу», полагающее «Хіюю номоцію къ .ѣ. тѣсоуца .ѣ. и .ѣ. и .ѣ. лѣ изисманіе его» (257), что отвѣчаетъ 861-му, генваря 30-го: «ко единъ днь егда Бѣ изколи лентиса стѣмоу, тридесатень днь въ Іануаріа (по др. сп. «ѣ. днь егда генларѣ) мѣдѣ, етери ѣ теплыхъ мдоша», и по тому занесенное въ Рукописныя Четъ-Миней подѣ это число, въ одинъ день съ памятыю Климентѣ Анкирскаго (258), и составленное очевидцемъ: «не до сего же еше ѣкержеса оутѣшитиса дша моя, столѣи желлющимъ слокоуцаго (въ др. «славаго») Климентѣ видѣти мощи»; а описывая явленіе мощей Климентѣ, говоритъ: «Идохомъ до влажнейаго отока (острова)... въсна намъ стѣла и преславага глава преслокоуца Климентѣ, юже и вѣкто видѣтъ прѣконци (въ др. «къ прѣконци»), иже и се есть повѣстѣнникъ, аѣе влажнейимъ гласомъ възвонѣ» (259), и въ заключеніи: «що себе вѣдаѣтъ некаюуимимъ намъ и немотрекимимъ роуками нашими изисманѣ». Противъ такого назначенія времени я не скажу, чтобы оно было «сомнительно и поздно» (260), по тому что въ самомъ Житіи Кирилла замѣчено, что онъ, по возвращеніи отъ Козаръ въ Царьградъ, видѣвъ царя, «живаше кедъ мѣлѣмъ, къ ѣрїки стѣхъ аѣаъ сѣда», истолковалъ тутъ надпись на одномъ потирѣ, «Соломона дѣла, принадлежавшемъ «стѣи Софїи», «на вемъ же сѣтъ писмена Жидокскимъ и Самаринскимъ», и «кеслаштоу же са Философоу о Бога, пакы другамъ рѣуъ присѣа и троудъ не мѣнѣи прѣвѣхъ», т. е., известное посольство Ростислава. Слѣдовательно, послѣднія выраженія показываютъ, что промежутокъ между тѣмъ и другимъ путешествіемъ Константиана былъ весьма небольшой. А если отведемъ пребыванію его въ Козарѣхъ вообще пространство между 858 и 861 (ок. 3 лѣтъ), то, конечно, довольно приблизимся къ истинѣ.

Къ етому-то времени относится перенятіе Константиномъ писменъ отъ Русина-отшельника; но мы уже выше (въ главѣ 1-й) сказали, что это считаемъ чистой невозможностью, т. е., принимая его, должно отвергнуть показанія о томъ всѣхъ прочихъ свѣдѣтелей; еще больше, показаніе того же самаго Житія по случаю Ростиславова посольства. Кто же станетъ хоть на мгновение колебаться въ выборѣ между тѣмъ и другимъ, какъ бы ни былъ одержимъ духомъ родолюбія? Да и въ заключеніе Философова прѣнія въ первый день предъ каганомъ, сочинитель Житія говоритъ, что желающіе больше и подробнѣе познакомиться съ етѣмъ предметомъ, могутъ обратиться къ «книгамъ его», переведеннымъ Меѳодіемъ на Славянскій, раздѣланнымъ ихъ на 8 Словъ. Стало бытъ, Константинъ описать состязаніе свое на Греческомъ? Стало, Славянскихъ писменъ до того не существовало, ни имъ, ни другимъ кѣмъ бы то ни было изобрѣтенныхъ? Въ противномъ случаѣ, онъ написалъ бы его на Славянскомъ, а Меѳодій не перелагалъ бы его съ Греческаго. Равнымъ образомъ и «осмысленіи грамотниа прѣложи» (говоритъ сочинитель), конечно, съ Жидовской бесѣды на Греческую, а не Славянскую, по тому что ему предстояли споры съ раввинами, слѣдовательно, нужно было основательно познакомиться съ ихъ рѣчью, а для того требовалось облегчить себѣ пониманіе Св. Писанія на Еврейскомъ языкѣ грамматическимъ изученіемъ его. И точно, первыя попытки въ грамматикѣ Еврейскаго языка относятся тоже къ IX-му вѣку (261). Безъ сомнѣнія, переводъ ея, по ходу дѣла, сдѣланъ былъ еще въ Херсонѣ, а прѣніе могло бытъ описано и послѣ, по пріѣздѣ въ Византію, предложеніе же на Славянскій и того позже. По чему Константинъ писалъ по Гречески, а братъ его переводилъ его на Славянскій? Рѣшеніе этого вопроса не можетъ имѣть прямаго вліянія на рѣшеніе моего вопроса; примемъ пока, до другаго времени, его такъ, какъ оно есть, и не станемъ дѣлать ни какихъ посылкоу о происхожденіи нашихъ благовѣстниковъ. Будучи даже Славянами, тотъ и другой, воспитанные въ столицѣ Греческаго Царства, занимающія высокія мѣста въ немъ, конечно, отлично владѣли языкомъ господствующаго народа, и лишены были возможности писать родной рѣчью, пока не было еще самаго орудія для пе-

редачи ея харатьѣ. Во всякомъ случаѣ, однако же, занятіе Константина сочиненіемъ и переводомъ по Гречески въ Херсонѣ показывается, что въ ту пору Славянскія письма еще не были устроены имъ; стало, показаніе Храбра и Паннонскаго Кириллова Житія въ етомъ мѣстѣ о годѣ составленія ихъ оказываются несостоятельными. Такъ что же действительно?

Второе показаніе *Паннонскихъ Житій, Похвальнаго Слова, обѣихъ Латинскихъ Сказаній* (1-й и 2-й Легендъ), *Нестора* и друг., не поименованныхъ при первыхъ двухъ. И подлинно: разбирая етѣ свидѣтельства и сличая ихъ какъ между собою, такъ равно и съ тогдашними обстоятельствами всѣхъ, сколько ни есть, замѣшанныхъ въ семь дѣлъ, приходимъ, послѣ всесторонняго разсмотрѣнія и обсуждения подробностей его, къ тому заключенію, что, если ужъ нуженъ выборъ тамъ, гдѣ нѣтъ прямого и рѣшительнаго назначенія времени, не допускающаго ни малѣйшаго сомнѣнія, то такой выборъ нашъ долженъ неминуемо пасть на етѣ, а не другія, показанія, какъ во всемъ превышающія прочія своей внутренней и внѣшней цѣнностью и значеніемъ. По нимъ время составленія письменъ для Славянъ полагается въ 862 году, на который указывали уже, какъ извѣстно изъ «исторіи нашего вопроса», и другіе, но который теперь, въ силу новыхъ, или точнѣе, *новъ открытыхъ*, памятниковъ (т. е., бывшихъ когда-то извѣстными, но послѣ забытыхъ по чему бы то ни было и мало входившихъ, при опредѣленіи поры етому событію, въ соображеніе). Дѣйствительно, въ Паннонскомъ Житіи Кирилла читаемъ: «*устыредесать мѣсь сътвори изъ Моравъ, иде святити оученикъ скоихъ*»; далѣе, въ такомъ же Житіи Меѳодія: «*и трѣмъ лѣтомъ шидѣшемъ, издѣратиста са изъ Моравы, оученикъ идоучьша*»; изъ другихъ, оба Латинскія Сказанія (или Первая и Вторая Легенды, иначе Итальянская и Моравская), какъ извѣстно, назначаютъ *четыре съ половиной* года: «*Manserunt ergo in Moravia per annos quatuor et dimidium*» (по 1-му); «*Manserunt autem in Moravia annis quatuor et dimidium*» (по 2-му). Похвальное Слово Кириллу и Меѳодію не упоминаетъ о числѣ лѣтъ, проведенныхъ ими въ Моравіи до отбытія въ Римъ,

но даетъ ясно знать, что письмена были уже принесены ими готовыя изъ Царьграда, равно какъ и предложеніе нѣкоторыхъ книгъ, необходимыхъ на первыхъ порахъ для богослуженія; стало, вопреки Нестору, выведшему изъ Паннонскихъ Житій совѣтъ противное заключеніе. По тому что до прибытія ихъ въ Моравію, духовный витія выражается о происхожденіи письменъ опредѣленно, давая тѣмъ знать о составленіи ихъ не сдѣсь (въ Моравіи), но въ другомъ мѣстѣ (въ Царьградѣ), говоря: «Законъ же бжнн соуготоуо предложша, въ языкъ изумкъ предаста, писмена сътвориша имоу»; и ниже: «всѣ на тоужемъ основани своемъ дало иолгающа, изъ изюбока писмена въображша, и съвершиста въ изумкъ номъ». Когда же коснулся прибытія ихъ въ мѣсто своего призванія, выражается иначе: «сприидоста ѿтздоу на Западныхъ странахъ, вѣговѣствуююща слово бжнн въ изумкъ номъ, и всѣмъ прнвнннн законъ предложша ѿ Гръцнннго, въ свои номъ изумкъ предаста»; за тѣмъ: «въ Западныхъ же странахъ Паноньстѣхъ и Моравьскѣхъ странахъ дко снннн въспнмѣша, мрѣка грѣховьна ѿгнѣмѣша, просектнста боумъками и моууша оуценнннн прнвнннмоу унмоу исплннн». Слѣдовательно, сдѣсь уже рѣчь только о просвѣщеніи буквами, т. е., готовыми, принесенными ими тула изъ другаго мѣста, отнюдь же не о составленіи ихъ тутъ. Какъ до прибытія ихъ въ Мораву часто и охотно говорилъ витія о сѣтвореніи письменъ, такъ послѣ того ни разу ужъ не помннаетъ о томъ, напротивъ повторяетъ лишь объ ученіи, т. е., наставленіи посредствомъ перевода Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, на примѣръ, устами папы Адріяна II-го, въ посланіи его къ Славянскимъ князьямъ: «снѣмъ врата нашего устьнаго, Меѳоднн, снѣна на архнскпнѣство на страны ваща, имо же есте просннн оу нѣсъ (собственно, князь Блатенскій, Коцель), да въмоуунтѣ, въ изумкъ предлагамъ книгы». По Житію Меѳодія: «мы же оумысалхомъ, испытавѣше, послалнн Меѳоднн, снѣше и съ оуценнннн, снѣ же нашего, на страны ваща, моужа же съвершена разоуимъ и правотарна, да въ оуунтѣ, имо же есте просннн, снѣзѣамъ въ книгы въ изумкъ ваща, по въсемоу прнвнннмоу унмоу исплннн». Не со всѣмъ точное выраженіе въ послѣднемъ («снѣзѣамъ») совершенно уясняется первымъ, («предлагамъ»), т. е., сказывать книги въ языкъ чей либо значить переводить ихъ на этотъ языкъ. По всему,

стало быть, устройство новыхъ писемъ, происходило не на Моравѣ, и происходило, по ясному показанію упомянутыхъ сейчасъ свидѣтельствъ, не за долго до прибытія устроителя ихъ въ нее, случившагося, по сказанію Житія Меѳодіева, за «три лѣтъ», а по сказанію Кириллова Житія, за «четырѣдесать мѣѣ», или, приводя все къ однородному, за 36 или 40 мѣсяцевъ, иначе за три года, или три года и четыре мѣсяца, а по Латинскимъ Житіямъ ихъ за 52 мѣсяца или четыре съ половиною года. Такое, по видимому, явное противорѣчіе, очень легко объясняется, если вникнемъ, какое именно время каждый изъ творцевъ ихъ имѣлъ въ виду, поставляя свой срокъ пребыванію незабвенныхъ Братьевъ въ Моравской землѣ. Самой меньшей срокъ, три года, назначаетъ Житіе Меѳодія, и, по мнѣ, разумѣетъ подъ тѣмъ только время, протекшее отъ прихода обоихъ въ собственную Мораву, мѣсто пребыванія и главной силы Ростислава, а не во владѣніи, принадлежавшія къ его государству, не княжества Нитранское, бывшее у Святополка, племянника его, и Паннонское или Блатенское, у Коцела, сына, недавно убитаго Моравцами, Привины, все князей-подручниковъ Ростиславовыхъ, изъ коихъ объ одномъ и упоминается въ Житіи Меѳодія, какъ участникъ въ посольствѣ въ Царьградъ: «Приоуѣхеса къ тѣмъ днѣмъ Ростиславъ князь Словѣнскъ съ Стопѣльмъ, посласта изъ Моравы къ црѣю Михаилоу», но въ Кирилловомъ Житіи о немъ ни слова, но говорится только отъ лица Ростислава съ подвластными ему князьями, въ числѣ коихъ, разумѣется, слѣдуетъ считать и Святополка, и вообще Моравлянами (или, по другому чтенію, «съ князи своими Моравляныи»): «Ростиславъ, Моравскыи князь, Бѣгомъ оустниъ, съвѣтъ сътвори съ князи своими и Моравляныи, и посладъ изъ црѣю Михаилоу». Слѣдовательно, сюда относятся 863—65 годы, послѣ коихъ, какъ сказано въ Житіи, назначающемъ ихъ на пребываніе въ Моравѣ, они возвратились: «и трѣмъ лѣтомъ ишѣдъшимъ, възвратиста са изъ Моравы, оуѣениемъ илоуѣшѣа»; т. е., исполнивъ то, для чего призвались: «да вы оуѣнтѣ къ мѣмъ мѣшѣ». Куда же пошли они? Выраженіе «възвратиста са» не оставляетъ намъ ни какого сомнѣнія на счетъ земли, въ которую они воротились послѣ исполненія возложенной на нихъ обязанности, слѣдственно, въ Царь-

градъ. А по чему же не туда? Докладываютъ же намъ нѣкоторые изъ источниковъ, какъ мы уже знаемъ, и объ етомъ? Такъ Несторъ, больше всего державшійся въ своемъ извѣстїи Паннонскаго Меѳодіева Житія, тоже упоминаетъ, согласно съ нимъ, объ отшествїи изъ Моравы, но не обоихъ братьевъ, а одного лишь Кирилла: «Костантинъ же възвратиса възслау, а Меѳодїи оста въ Моравѣ»; Проложное же Житіе возвращаетъ и Меѳодїя: «Возвратившюу же сѧ Меѳодїю въ Костантинъ градъ, патриархъ же свѧти его епискп и возврати и въ Моравоу во градъ Кляноу». Положимъ, что посвященіе его въ епископы и противорѣчитъ всѣмъ лучшимъ показанїямъ, но отбытіе изъ Моравы обоихъ братьевъ, будетъ ли то одновременно, или разновременнo, по крайности, одного, кажется, дѣлю вѣроятное. Можно даже согласиться еще на меньшее, возвращеніе ихъ (опять одного, или обoихъ) ограничить гораздо ближайшей страной; подъ етѣмъ разумѣю Булгарію, въ которую Несторъ и Проложное Житіе его именно отправляютъ его изъ Моравы; первый: «и иде оучити Болгарскаго азмыка»; второе: «По семъ иде въ Болгары, проповѣда Христа; тако же и къ Словѣмъ пришедъ», и проч.; между тѣмъ, о путешествїи Меѳодїя сюда оба етѣ источника молчатъ: Несторъ даже прямо говоритъ, что онъ остался въ Моравѣ: «а Меѳодїи оста въ Моравѣ»; Прологъ же, напротивъ, какъ видѣли сейчасъ, посылаетъ его въ Царьградъ, но не въ Булгарію. Во все не зная Паннонскихъ Житій въ ихъ теперешнемъ видѣ (по тому что они, въ сокращенїи по «Книгѣ Житїи», были извѣстны давно), Добровскїй, опираясь наиболѣе на Западные источники, соглашался съ Ассемани въ томъ, что четырехлѣтнее съ половиной пребываніе Солунцевъ въ Моравїи, какъ полагаютъ то Легенды, слѣдуетъ относить не къ одной лишь послѣдней, но распространить на обѣ страны, Моравїю и Булгарію. Еще больше: они могли до 867 года возвращаться не одинъ разъ, но нѣсколько въ послѣднюю, и если до того еще государь ея не былъ склоненъ къ принятїю Христіанства, подвинуть его къ тому, одинъ доводами, другой—тѣмъ же и извѣстнымъ живописнымъ изображенїемъ Страшнаго Суда, въ чемъ Добровскїй ни мало не сомнѣвается, т. е., что рассказываемый Византїйцами живописецъ, монахъ Меѳодїй былъ одно и то же лице съ нашимъ Меѳодіемъ (262):

«Assemani glaubt, die 4½ Jahr auf ihren Aufenthalt in beyden Ländern beziehen zu dürfen. Wenn sie auch 863 das Land Mähren betraten, so konnten sie doch mittlerweile vor 867 auch einmal oder auch öfter in Bulgarey zurückkehren, und den König zur Annahme der Taufe bewegen, Cyrill durch Gründe, Method durch ein Gemälde» (263). И далѣе, возражая Нестору, замѣчаетъ: «Nicht jetzt erst, wo Method allein in Mähren als Bischof bleibt, sondern vor ihrer Ankunft in Mähren, und auch während ihres fünfhalbjährigen Aufenthalts daselbst, arbeitete Constantin an der Bekehrung der Bulgaren». Конечно, такъ, судя по свѣдѣтельству Климентова Житія, продолжателя Константина Багрянороднаго, Скилицы, Кедрина, а изъ Западныхъ: Моравскаго Житія и Житія Людмилы, Градиштскаго черноризца и Дуклянца; изъ нихъ первый прямо и неотразимо утверждаетъ, что еще до отъѣзда своего въ Мораву, Меѳодій избралъ себя въ ученики Булгарскаго государя, Борнса, жившаго въ царствованіе императора Михаила, воспламеня въ немъ любовь къ прекрасному родному языку и сообщая ему благодѣянія слова: «οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὸν τῶν Βουλγάρων ἄρχοντα Βορίσην, ὃς ἐπὶ τοῦ τῶν Ρωμαίων βασιλέως Μιχαὴλ ἦ, καὶ τοῦτον ὁ μέγας Μεθόδιος καὶ πάσαι μὲν τέκνον ἐποίησατο, καὶ τῆς εἰκείας γλώσσης τῆς πάντα καλῆς ἐξηγήσατο καὶ τότε δὲ ταῖς τῶν λόγων εὐεργεσίαις ἀδιαλείπτως εἶχε δωρούμενος». Слѣдовательно, посѣщеніе Булгаріи блаженными Братьями для обращенія, безъ сомнѣнія, прежде всѣхъ, того, отъ кого зависѣло ежели не вполне обращеніе народа, то, по крайности, согласіе на то, на проповѣдь для обращенія, посѣщеніе, говорю, Булгаріи еще до приглашенія въ Моравію, не подлежитъ ни какому сомнѣнію. Времени къ тому не требовалось слишкомъ много, по близости ея къ столицѣ Имперіи, куда оба они возвратились изъ Козарь. А какъ подъ обращеніемъ Булгаріи въ это время должно, по всему, разумѣть не обращеніе цѣлаго народа, но только самаго государя и его Двора, т. е., самыхъ приближенныхъ, то, по тому, оно и не требовало для себя долгаго времени, тѣмъ болѣе, что все дѣло издалека и давно уже подготовлялось, и нуждалось только въ конечномъ завершеніи. Не говоря о мно-

жествъ Християнъ между Славянами Имперскими (имѣвшими даже архіепископа и епископовъ) и Булгарскими на границахъ и въ самой Булгаріи, какъ показываютъ то частыя и жестокия гоненія на нихъ предшественниковъ Бориса, вспомнимъ только то, что Вѣра Християнская открыла было уже себѣ входъ въ самое его семейство, и что это—то обстоятельство, по всей вѣроятности, ускорило и облегчило трудъ Братъевъ, равно какъ скопленіе разнаго рода несчастій, около этой поры обрушившихся на него и его народъ (голодь, неудачныя войны съ сосѣдями, въ томъ числѣ и съ императоромъ). Это называется первымъ обращеніемъ Булгаръ, собственно, Булгарскаго государя съ приближенными его и съ тѣми, которые уже были къ тому приготовлены самыми обстоятельствами, и къ нему—то относятся всѣ тѣ указанія въ источникахъ, которыя говорятъ о крещеніи Булгаръ до отбытія Константина и Меодія въ Моравію, именно: Нестора, подъ 6366 или 858: «Миханъ царь изиде съ кон брегомъ и моремъ на Болгары; Болгары же оукндяше, не могоша стати противоу, креститиса просиша и покоритиса Грекомъ. Царь же крести кидза ихъ и вола ры вса, и миръ сѣтвори съ Болгары». Годъ етотъ, конечно, слишкомъ ранній, исправляютъ показанія Византійцевъ (264), тоже рассказывающіе объ обращеніи Бориса за одно съ Несторомъ, взявшимъ то у одного изъ нихъ, и указывающіе на 860—861, хотя въ подробностяхъ, какъ водится, разногласятъ, т. е., одни полагаютъ крещеніе Бориса въ собственной землѣ, а другіе, напротивъ, заставляютъ его отправляться за тѣмъ въ самый Царьградъ. Сличая съ ними Нестора, видно, что онъ осторожно пользовался сказаніемъ ихъ. Всѣ же они, кажется, основали свое показаніе на Амартолѣ, разнообразя его по своему, и къ его ошибкамъ придавая еще свои собственные; въ этомъ видѣ перешелъ рассказъ ихъ и въ наши Рускіе Временники, какъ мы видѣли уже (въ 1-й главѣ, стр. 115—116), которые еще пуще запутали его своими привнесеніями: по одному: «иде Борисъ въ Црьградъ, проса стѣго крещена со всѣмъ княженіемъ своимъ, сподобиса приати и изречеши высть Миханъ», а по другому (уже въ 868 г.), отправившись туда, получилъ имя «Симеонъ», и проч. Между тѣмъ какъ дѣло происходило очень просто: крещеніе совершено бы-

до въ самой Булгаріи, разумѣется, посланнымъ ли изъ Царьграда парочно для того лицомъ, или же бывшимъ уже въ ней прежде, хоть бы то и не съ давняго времени. Изъ этого лица сдѣлали уже, не слишкомъ заботившіеся о точности, Греческіе хронисты, епископа. Безъ сомнѣнія, и епископа, или, по другимъ, даже архіепископа Борисъ получилъ, но только уже послѣ удаленія Меѳодія (вѣроятно, и Кирилла, какъ неразлучныхъ въ жизни сотрудниковъ, по собственному выраженію его передъ кончиной своей: «въ соудроуга елхоуѣ, идишоу враздоу тажаѣ»), конечно, въ Царьградъ, въ который, между тѣмъ, въ это самое время, подоспѣло посольство отъ Великоморавскаго государя, т. е., открывался другой, не менѣе важный, подвигъ, по выраженію Кириллова Житія: «иагы друугамъ рѣчь приспѣ и троудѣ, же мьшии прѣвѣхъ». Царь долженъ былъ призвать ихъ оттуда, если еще не было ихъ въ столицѣ; а ежели были, то, разумѣется, не задолго передъ тѣмъ возвратившись изъ Булгаріи. Успѣхи прежніе («въ Сраццѣхъ и Кожарѣхъ») и только что полученные въ сей послѣдней, свѣдѣтельствовали, что лучшихъ учителей и не надо желать для Славянскаго государя, какъ етъ Братья, которые одни въ состояніи «въ свои кмоу и яго людемъ изымъ сьмазати истоужь етра Хрѣтѣанскѣ и въсака правѣ и разоумъ»; по тому-то Михаилъ и обратился къ Константину, говоря ему въ Соборѣ, что хотѣ онъ «троудень сашть, по потреба кмоу естъ тамо ити, сем бо рѣчи не можетъ инаъ никто же исправити, яко же онъ», тѣмъ болѣе, что предлежитъ теперь луть держать къ Славянамъ: «въ же кста Селоушнина», которые «въси гнсто Слокѣнскѣ бесѣдоу ютъ»; по тому, «пониъ братъ свои, игоумѣтъ Меѳодии, и дары многи, иди», заключилъ императоръ, и Братья, отправившись, пробыли въ новомъ своемъ проповѣдническомъ подвигѣ, какъ мы видѣли, отъ 3-хъ до 3½ лѣтъ, по прошествіи коихъ, въ слѣдствіе событій, совершившихся, между тѣмъ, въ Булгаріи, должны были, одинъ ли, или и оба, навѣститъ и ее, и употребить въ ней слово и дѣло, все свое значеніе и вліяніе. Послѣ Булгарскій государь получилъ изъ Византіи другихъ дѣлателей для своего вертограда, какъ свѣдѣтельствуеть о томъ одинъ очевидецъ, Болгаринъ, рассказывающій, подъ 14-мъ сентябрѣ, въ пергаменномъ Прологѣ XIV-го вѣка, на

ходящемся въ Библиотекѣ Троицко-Сергіевой Лавры № 5-й (265), объ етомъ времени, т. е., первокрещеніи своего народа, на смертномъ одрѣ, окружающей его братін: «И рече: Оубо игоумене Петре! азъ есмь ѿ изыма новопросвященнаго Болгарскаго, яко же Бѣ просвяти стѣмъ крѣщениемъ къ симъ азъта извращениомъ сконымъ, Борисомъ, яко же нарекоша въ стѣмъ крѣщении Михаила, иже силою Хѣою и знаменемъ крѣтисмъ побѣди цѣпанъ и непокоривки родъ Болгарскын, и омраченымъ срѣца злокознымъ дѣволинымъ дѣствомъ, свѣтомъ бѣразоумымъ просвяти и ѿ темныхъ и лѣстныхъ и смрадныхъ и бѣмерскихъ жертвъ ѿбрати и изведе и ѿ тмы на свѣтъ, ѿ лѣсти и кривды на истиноу, и смрадныи бршши и неутам ѿверже, і трекища ихъ расыпа, оутверди и стѣмъ книгамъ въ прѣвозрвоу взроу крѣтисмьскою, прикедъ стѣго Іосифа архиепѣа, иицхъ оучители и инаказатели, и създа цркви и монастыра, и послани кѣпѣи, шовы, игоумены, да оучаты и праваты людинъ яко на Бѣнъ поутѣ» (266). Однако, разныя неустройства, появившіяся въ ету пору, особливо наполненіе Булгаріи, кромѣ Греческихъ проповѣдниковъ, еще Армянскими, Еврейскими и Латинскими, смущавшими, какъ и въ Моравской Державѣ, только что обращавшихся, но большинствомъ остававшихся еще при старой своей языческой Вѣрѣ, все ето заставило Бориса прибѣгнуть къ тому же средству, къ какому, по такимъ же причинамъ, недавно передъ тѣмъ, прибѣгъ сосѣдъ его, Ростиславъ, т. е., подобно Растицу, стремившемуся къ тѣснѣйшему, посредствомъ вѣроисповѣдныхъ связей, соединенію съ Византіей противъ своихъ главныхъ непріятелей, Нѣмцевъ, и Борисъ силился, въ слѣдствіе одинакихъ государственныхъ причинъ, сблизиться съ Нѣмцами и вообще Западомъ противъ враговъ своихъ, Византійцевъ, съ коими до того велъ безпрестанныя войны. Средство къ тому видѣлъ онъ въ томъ же, въ чемъ и Ростиславъ: онъ отправилъ въ концѣ 855-го, или въ 866-мъ году, великолѣпное посольство къ Нѣмецкому императору, Людовику, и въ Римъ къ папѣ, Николаю, извѣщая, какъ и Ростиславъ, о своемъ крещеніи, и, какъ онъ, прося прислать духовныхъ учителей, священныхъ книгъ и т. п. Извѣстно, что папа и императоръ спѣшили исполнить желаніе союзника, совершенно для нихъ неожиданное, судя по бывшему предъ тѣмъ; впрочемъ, первый упредилъ послѣдняго своимъ посольствомъ, которое доставило Булгарско-

му государю также обширные и чрезвычайно замѣчательные отвѣты Римскаго первосвященника на 106 вопросовъ его, касавшихся отношенія новой Вѣры къ разнымъ остаткамъ прежней, особенно народнымъ обычаямъ и, по новости положенія, разнымъ недоумѣнїямъ, наиболѣе возбуждаемымъ частью обрядной. При содѣйствїи Бориса, Греческое духовенство было удалено и смѣнено Латинскимъ, которое, такимъ образомъ, сдѣлалось полнымъ хозяиномъ въ владѣнїяхъ его и принялось все заводить по своему. Такое опасное состоянїе Булгарїи, въ которой только что было Солунскїе благовѣстники постѣяли смѣна Православнаго ученїя, обѣщавшія принести сторичный плодъ, естественно, не могло быть имъ неизвѣстнымъ и, слѣдовательно, не побудить ихъ, при первой возможности, послѣпить на помощь. Объ етомъ-то возвращенїи изъ Моравы обоихъ Братьевъ и говорятъ намъ Жизнеописатель Меодїя, Несторъ и Проложныя Житїя, предпринятомъ однимъ послѣ 3-хлѣтняго пребыванїя, а другимъ 3-хъ лѣтъ и 4 мѣсяца; т. е., я полагаю, что не разомъ удалялись они изъ Моравы, но чередуясь; если же вмѣстѣ, тогда должно будетъ допустить въ лѣтномъ означенїи нѣкотораго рода неточность, правда не слишкомъ важную и встречающуюся и въ другихъ мѣстахъ обонхъ Паннонскихъ Житїй. Если всѣ историки обыкновенно почитаютъ прибытїе Греческихъ духовныхъ проповѣдниковъ въ Великоморавїю, какъ бы нѣкотораго рода вторичнымъ крещенїемъ ея, что во многихъ мѣстахъ, дѣйствительно было (по тому что само Латинское духовенство называло етѣхъ Славянъ ни чѣмъ не хуже язычниковъ, сколько за ихъ привязанность къ старинѣ, столько и за отвращенїе отъ учителей на непонятномъ имъ языкѣ), то, такимъ же образомъ, и на подобное же обстоятельство, случившееся вскорѣ въ Булгарїи, смотрѣли многіе изъ Западныхъ лѣтописцевъ, на примѣръ, *Mansi* (Coll. conc. XV, 457), приводитъ слѣдующій случай: Когда Констанцкїй епископъ Соломонъ, посланный въ Римъ императоромъ Людвигомъ, договаривавшимся въ Тульнѣ, лѣтомъ 864 года, о мирѣ съ Булгарами, явился къ папѣ, то услышалъ отъ него, между прочимъ: «*Quia vero ducis, quod christianissimus rex (Ludovicus) speret, quod ipse rex Vulgarorum ad fidem velit converti, et*

именно, какъ говоритъ Житіе перваго, въ Панноніи и Венеціи: черезъ ту и другую нужно было проходить имъ. Въ первой не только принялъ ихъ съ великими почестями князь Коцель, но и полюбилъ новосоставленную грамоту, выучился ей самъ, далъ имъ тотчасъ около 50 изъ своихъ Славянъ въ ученіе и лично проводилъ ихъ: «Примѣ же и ндоуше Коцель, князь Паноньскы, и възлюбен велми Словѣнскы боукъемъ, и ндоуше са имъ, и великоу устьтѣ кмоу сѣтворь, иммо проводи и». Въ Венеціи же, какъ извѣстно, оба принуждены были выдержать новыи споръ съ Латинно-Нѣмецкимъ духовенствомъ, возстававшимъ на нихъ за введеніе Славянскаго языка въ Богослуженіе: «Бмадоу же етера уады, мже гадихоу Словѣнскыа кннгы, глѣоще, имко недостонтъ ни котороу же мзкуоу имати боуковъ своихъ, разке Сербн, и Гркъ, и Латинъ, по Пилатоу писанню, еже на крестѣ Гѣи написа», и проч. А въ Житіи Кирилла: «Въ Натцехъ же бмъшоу кмоу, сѣвраша са на нь Латиньстни киньскои и попоке и уьриоризьци, имко враши изъ секолъ, и въздвнгоша трнмъзкуьмоуше иересь, глѣощте: уауе, скажи имъ, како кси ть сѣтвориа Словѣномъ кннгы, и оуѣнши м, ихъ же изьстѣ никъто же имъ прѣвѣе обрѣаъ, ни аѣли, ни Римьскыи папезъ, ни феологъ Григорини, ни Юронимъ, ни Авегоустинъ: мы же три мзкуы тѣкъмо вѣмъ, ниим же достонтъ въ кннггахъ славенти Бѣ, Ювряискы, Юславьскы, Латиньскы.» Только въ самомъ концѣ 867 года прибыли они въ Римъ, и, какъ папа, Николай, между тѣмъ, скончался, 13-го ноября, а черезъ мѣсяць, 14-го декабря, былъ избранъ на его мѣсто Адрианъ II-й, то, по тому, полагають нужно, что приходъ ихъ послѣдовалъ не раньше праздника Р. Х. или даже, что довольно вѣроятно, въ началѣ 868 года, по тому что, послѣ встрѣчи ихъ самимъ папой за городомъ, въ послѣдующихъ за тѣмъ богослуженіяхъ въ разныхъ церквахъ Рима, видимъ лице, которое, по основательному розысканію одного изъ лучшихъ нашихъ знатоковъ Церковной исторіи, могло участвовать въ нихъ не прежде начала етого года, возвратившись изъ путешествія въ Булгарію; я разумѣю, Формоза, епископа Портуанскаго (268): «Оувѣдѣвъ же Римьскыи папезъ, послаа по нь, и дошѣдшоу кмоу Рима, изънде самъ апостоликъ Андрианъ вротнеоу кмоу съ встми гражданы, скышта посамте, оувѣдѣвъ, имко стго Климентѣ мошти несаътѣ, моууеинка и влнежѣ Римьскѣ. Примѣ же папезъ кннгы Словѣнскыа, сти и

положи и въ цѣлкі стѣна Маринъ, иже са наречесть Фатинъ, вѣше иадъ нимъ антоѳргию. И по семь повесахъ илнесь дѣтма мѣщанъ, Формосоу и Гондрихоу стѣти Слохъскыи оученникы, и проч. (269). Или же и тутъ оиать маленькая неточность жизнеописателя Кириллова, подобная той, какую встрѣчаемъ въ етомъ мѣстѣ въ Меѳодіевомъ Житіи? Сказавъ, что папа Николай пригласилъ Меѳодія въ Римъ, сочинитель говоритъ далѣе, что папа «сти оученникъ его, положи Слохъскомъ евангелие на алтари стѣо Петра апла, стѣи же на поповъство блѣжго Меѳедия». Это не могло быть сдѣлано Николаемъ, но Адрианомъ, какъ и замѣчено о томъ въ Житіи Кирилла и Похвальномъ Словѣ обоимъ. Такая неточность произошла отъ того, что сочинителю не столько шло объ имени папы, сколько о самомъ папѣ, т. е., о совершеніи всего етого папой, или, какъ онъ выражается, апостоликомъ (apostolicus), кто бы онъ былъ. А что онъ не думалъ смѣшивать, доказываютъ послѣдующія слова, въ коихъ онъ упоминаетъ объ Адрианѣ. Пока же Братья находились въ Римѣ, произошли важныя событія въ земляхъ, въ которыхъ они въ послѣднее время дѣйствовали: въ Великоморавіи открылась страшная война Славянъ Западныхъ, предводимыхъ Ростиславомъ, съ Нѣмцами (*Hist. Ruten. ar. Pertz I, 482*), а съ другой въ Булгаріи Борисъ, разсерженный самоправными распоряженіями папы (отказомъ его посвятить въ Булгарскіе архіепископы Формоза и отравленіемъ новыхъ епископовъ, которымъ поручалъ управление духовными дѣлами), и видя положеніе свое ни мало не улучшившимся отъ перехода къ новой Церкви, начинавшей уже вмѣшиваться въ права главы народа, рѣшился снова сблизиться съ Царьградомъ, въ которомъ, между тѣмъ, собранъ былъ, новымъ императоромъ и патріархомъ (Василіемъ Македоняниномъ и Игнатіемъ), Соборъ, на которомъ, на вопросъ Борисовыхъ пословъ, кому принадлежитъ управлять Булгарской Церковію, Риму, или Царьграду, Восточные патріархи присудили ето послѣдному (869—870), и отправили туда новаго архіепископа, извѣстнаго Теофилакта, съ достаточнымъ числомъ духовныхъ, заставившими удалиться Латинцевъ. На ето-то обращеніе или скорѣе примиреніе Булгаръ съ Имперіей многіе изъ лѣтописцевъ смотрѣли какъ бы на новое крещеніе, что справедливо и не-

справедливо: по отношенію къ государю и его Двору— несправедливо, ибо онъ почти за 10 лѣтъ до того сдѣлался уже Христіаниномъ; но по отношенію къ простому народу, конечно, справедливо, который получилъ теперь гораздо большую возможность къ обращенію, больше заботились о томъ какъ Борисъ, такъ равно и Византійскій Дворъ; при томъ же, въ промежуточное время самые упорные изъ противниковъ Христіанства были сражены и не могли болѣе мѣшать распространенію новаго Исповѣданія. Вотъ по чему Несторъ, во второй разъ, подъ 6377-мъ лѣтомъ (869), говоритъ опять о крещеніи Болгаръ, но ужъ не князя ихъ и бояръ, какъ это замѣтилъ онъ подъ 6366 (858) вмѣсто 6369 (861), или 6370 (862), но цѣлаго народа: «крещена вьствъ вса земля Болгарьская» (П. С. Р. Л., I, стр. 9), т. е., большинство, слѣдовательно, тутъ то же самое было, что и у насъ, при Владимирѣ, конечное и всенародное обращеніе къ Христіанству, по преимуществу принимавшихъ его, хотя и послѣ долго еще, тамъ и сямъ, особливо въ отдаленныхъ и глухихъ затишьяхъ, язычество держалось. Это-то крещеніе Болгарской земли разумѣется и во всѣхъ нашихъ Лѣтописцахъ отъ Адама въкратъцѣ, въборзѣ и т. п., въ Временникахъ (Хронографахъ), Палѣяхъ, Мѣсяцословахъ, и т. д. Не во всѣхъ, правда, ихъ встрѣчаемъ правильное указаніе на этотъ годъ: въ однихъ 867, въ другихъ 868, въ третьихъ 869, что все, какъ мы видѣли уже (см. 1-ю главу), отъ того, что крещеніе опредѣляется въ нихъ числомъ лѣтъ, протекшихъ либо отъ преложенія книгъ на Славянскій, либо на оборотъ, либо отъ 7-го Собора, либо даже отъ созданія міра; но есть и такія, которыя точнѣе означаютъ его, именно: «Въ .л. лѣто црѣка его (Василія Македона) крѣна вьствъ земля Болгарьская, а ѿ Адама лѣ .л. и .лѣ», что вполне вѣрно и подтверждаетъ одно другое, такъ какъ Василій умертвилъ Михаила 23-го сентября 867, а 6377 лѣто есть, по обыкновенному счисленію, именно 869-й годъ. Тутъ такая же неточность, какую иногда встрѣчаемъ и въ показаніяхъ подобныхъ источниковъ о первомъ крещеніи, но которую, не рѣдко, другіе тутъ же и исправляютъ, на примѣръ, въ одномъ Хронографѣ сказано, въ заглавіи: «Ѿ дрѣземъ книзи Болгарьскомъ и о крѣненіи вьствъ Болгаръ, иже крѣтиса в лѣто .лѣтоа. е»; то же

и въ самомъ разсказѣ о походѣ Михаила съ Вардою противу Бориса: «и тако весь родъ Болгарскій стое крещеніе восприя в лѣто .ϣ. тѡѡ». Выраженіе въ первомъ случаѣ «весь родъ Болгарскій» заставило сдѣлать кого-то выноску на полѣ рукописи: «ниѣ нишетъ в лѣто ϣ. тѡѡ» (868); а во второмъ, съ одной стороны, имена Михаила и Варды, равно какъ и то обстоятельство, что въ слѣдъ за тѣмъ же прибавлено о полученіи Булгарами отъ Грековъ края Загорскаго (при чемъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ, стоитъ имя матери Михайловой), говорятъ въ пользу 6371 года, между тѣмъ какъ «весь родъ Болгарскій» за 6377. Правильность указаній на 869 годъ, какъ годъ обращенія Булгарскаго народа, подтверждается и прямымъ свидѣтельствомъ Житія Климента, въ которомъ сказано: «ἐν εἰτεῖ γὰρ ἑξακισχίλιον τριακοσιοντῶ ἔβδονηκοσιῶ ἔβδίδμῳ τῆς τοῦ κόσμου γενέσεως ἢ τοῦτου τοῦ γένους κλήσις γεγένηται», т. е., призваніе (обращеніе) сего народа произошло въ лѣто отъ сотворенія міра шесть тысячъ триста семьдесятъ седьмое (6377) = 869». А что тутъ нельзя разумѣть и обращенія Борисова въ Христіанство, доказательствомъ тому слова того же самаго Климента жизнеописателя, который замѣчаетъ, что Меѳодій еще прежде, т. е., до путешествія своего, сдѣлалъ его ученикомъ своимъ: «Οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὸν τῶν Βουλγάρων ἄρχοντα Βορίσην, ὃς ἐπὶ τοῦ τῶν Ῥωμαίων βασιλέως Μιχαὴλ ἦν, καὶ τοῦτον ὁ μέγας Μεθόδιος καὶ πόλαι μὲν τέκνον ἐποίησαντο». При немъ-то, — продолжаетъ далѣе, — народъ Булгарскій сталъ принимать Христіанство, для котораго и были составлены ими, какъ сказано выше, письма: «γραμμὰτα ἐξεύροντο καὶ ὁ προεῖρήκαμεν», и переведено писаніе на Булгарскій языкъ: «καὶ τὴν τῶν γραφῶν ἐπὶ τὸ Βουλγαρικὸν μετάθεσιν ἐποίησαντο». Слѣдовательно, и составленіе азбуки и переводъ книгъ относится не къ етому, но къ другому, бывшему передъ тѣмъ, времени, о которомъ онъ упомянулъ выше. Разумѣется, о преложеніи Св. Писанія тутъ говорится тоже вообще, т. е., не то, чтобы оно было совершено въ одинъ, такъ сказать, пріемъ; напротивъ, что за обрѣтеніемъ буквъ послѣдовало непосредственно и самое начало преложенія книгъ Писанія и богослужебныхъ, въ послѣдствіи только оконченнаго. Да и въ первомъ мѣстѣ точно

также выразился онъ общими словами: «изобрѣли письмена для Славянъ и перевели боговдохновенное писаніе съ Еллинскаго на Булгарскій»: «Ἐξευρίσκειν μὲν τὰ Σθλοβενικὰ γράμματα, ἑρμηνεύουσι δὲ τὰς Θεοπνεύστους γραφὰς ἐκ τῆς Ἑλλάδος: γλαῶσθης εἰς τὴν Βουλγαρικὴν». На такое время составленія азбуки указываетъ какъ то обстоятельство, что оно отнесено къ царствованію императора Михаила (а обращеніе Булгаръ произошло при Василии), такъ и то, что, послѣ составленія ея и начала перевода книгъ, тотчасъ повѣствуется объ одобреніи его паной Адрианомъ, приѣмъ переводчиковъ онымъ, посвященіи приведенныхъ ими учениковъ, Меодія въ епископа Моравіи Паннонской, а Кирилла въ иноческій образъ, погребеніи и, за тѣмъ, отшествіи старшаго брата къ своей частвѣ, гдѣ подавалъ онъ наставленія князьямъ, Ростиславу Моравскому и Коцелу Паннонскому. И это точно такъ онъ дѣлалъ имъ, какъ передъ тѣмъ Борису Булгарскому; послѣ того, привязываясь къ слову «наставленія подавалъ въ истинной вѣрѣ», биографъ Климента продолжаетъ излагать исторію борьбы Меодія съ новопоказавшейся Ипаторской ересью, распространяемой Франками, склонившими было на свою сторону и самого Ростиславова преемника, Святополка, мало слушавшагося Меодія: далѣе, рассказъ о тѣхъ неприятностяхъ, которыя вынесъ послѣдній отъ того въ правленіе Святополка и проч. Очевидно, при такомъ составѣ сочиненія, цѣлью коего изложеніе жизни Климента, нельзя ожидать строгой послѣдовательности въ передачѣ событія за событіемъ въ лѣточслительномъ преемствѣ, а по тому, ни мало не удивительно, что и о составленіи письменъ Климентовъ жизнеописатель говоритъ въ двухъ разныхъ мѣстахъ, и при томъ, какъ говорится, къ слову, да и передаетъ его тоже въ общихъ чертахъ, безъ всякой особенной соразмѣрности предыдущаго съ послѣдующимъ, не слишкомъ взвѣсивая свои выраженія. Но изъ общаго хода рассказа ясно открывается, что ему хорошо были извѣстны Паннонскія Житія, съ которыми передаваемое имъ во многомъ буква въ букву сходится; по сему понятно, отъ чего и самая повѣсть его о составленіи письменъ въ нѣкоторыхъ частяхъ какъ будто списана съ такой же упомянутыхъ источниковъ, на примѣръ: обращеніе

съ молитвой къ Тому, отъ Кого исходитъ всякъ даръ языковъ и слова, сдѣланное ими прежде, нежели приступлено было къ самому нахожденію буквъ, отвѣтствующихъ той рѣчи, на которую собирались передать слово Божіе съ Греческаго языка.

Замѣтятъ мнѣ: «Стало, и азбука и переводъ Св. Писанія предприняты были для Булгарскихъ Славянъ?» Ну, что жь?— «Въ такомъ случаѣ 862-й годъ не состоятеленъ?»—Отъ чего же? Важной причины къ тому я вовсе не вижу. Представленное выше лѣточислительное указаніе по Паннонскимъ Житіямъ, Слову Похвальному, Латинскимъ Сказаніямъ и т. д., правда, мѣтитъ на этотъ годъ, но не безусловно: онъ по столько справедливъ, по сколько справедливы етѣ показанія, по сколько они лучше всѣхъ прочихъ, содержатъ во всемъ своемъ составѣ, частности и общности, болѣе основательнаго, по сколько цѣнностью своей превышаютъ другихъ, стойче и вѣроятнѣе ихъ; ибо искать безусловной истины тамъ, гдѣ все такъ спутано и перебито, гдѣ, какъ выразился уже Бальбинъ, съ которымъ я въ етомъ случаѣ вполне согласенъ, а по тому охотно повторяю еще разъ: «ita esse illa confusa, ut quod uni tribuitur, ab aliis alteri tribuatur» (Miscell. IV, 7), было бы слишкомъ самонадѣянно, да и неблагоприятно, значило бы искать, во что бы то ни стало, провести свою мысль, напередъ составленную, прилаживать къ ней всѣ свѣдѣтельства и событія, дорожить только тѣми, которыя ей мирволятъ, гнать воду на свое колесо. Такъ есть, говорю, послѣ соображеній, всѣхъ имѣющихся на лицо доводовъ за и противъ, такъ было, такъ должно было быть, или же, по крайности, могло. Сдѣсь, въ етомъ показаніи, далеко меньше противорѣчій, чѣмъ въ показаніи Храбра; прочіе случаи жизни обоихъ Братьевъ легче и естественнѣе объясняются имъ, нежели етѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ во вниманіе слѣдующія обстоятельства, увѣренъ, что послѣ нихъ все уладится, какъ нельзя лучше:

I. Я уже сейчасъ замѣтилъ выше, что біографъ Климентовъ, имѣя цѣлью описать дѣянія своего учителя, естественно, по столько касался всего прочаго, по сколько оно от-

посилось къ етому послѣднему, а касаясь, не могъ держаться строгой послѣдовательности, передавая его, какъ оно казалось ему приличнѣе и сручнѣе; отсюда, и разсказъ его о Кириллѣ и Меѳодіи, равно какъ и о составленіи письменъ, переложеніи книгъ и крещеніи Бориса и его народа, не отличается, да и не могъ, по тому, отличаться, хронологической послѣдовательностью.

II. Составленіе письменъ передано въ Жизнеописаніи Климента почти словами Паннонскихъ Житій; точно также и многое другое, показывающее, что сочинитель Житія Климента жилъ уже послѣ сочинителя Житій Солунцевъ и, по тому, пользовался ими послѣдними. Такъ какъ онъ былъ родомъ Булгаръ (см. примѣч. 5, стр. III — IV), то ужь о Славянахъ и письменахъ Славянскихъ выражается какъ о Булгарскихъ, чѣмъ ясно даетъ знать, что это — одно и то же, между тѣмъ какъ сочинитель Паннонскихъ Житій и Похвального Слова употребляетъ всюду только выраженія «Славяни, Словѣнскыи, Словѣнскыи писмена» и т. п. Изъ этого можно заключить, что етѣ сочинены въ то время, когда имя завоевателей Мизіи и т. д. еще не осилило вполнѣ домашняго имени Славянь, а то — наоборотъ. Названіе же Славянь или, по свойству языка обитателей тѣхъ странъ, *Словѣнь*, произошло по Словѣнамъ Македонскимъ, именно, въ окрестностяхъ Солуня, родины Константина и Меѳодія, въ которомъ послѣдній былъ даже воеводой или княземъ (см. Житіе Меѳодія и Похв. Слово; Шафарика Слав. Древн. I, §. 30); по тому-то етѣ должны были говорить имъ, какъ языкомъ родины своей, въ которомъ, по замѣчанію императора Михаила, чисто бесѣдовали по Словѣнски: «*вѣ бо уста Селоушнина, да Селоушнѣ вѣси (все) уисто Словѣнскыи бесѣдоушѣ*»; по тому-то, стало, для него, а не другаго какого Славянскаго парѣчія, долженъ былъ составить Константины письмена и съ братомъ и пособниками перевести Св. книги; дѣлая же это для него и на немъ, Братья дѣлали и для всѣхъ прочихъ соплеменниковъ, разумѣвшихъ въ ту пору гораздо легче другъ друга, нежели теперь, хотя и теперь нѣтъ иного племени въ Европѣ, котораго бы члены, разбросанные на страшно огромномъ пространствѣ, съ такой

легкостью могли понимать одинъ другаго. Слѣдовательно, по такому отношенію етого языка ко всѣмъ Славянамъ, Климентовъ Біографъ совершенно правильно называлъ его также Булгарскимъ, такъ какъ Славяне Булгаріи и вообще ея владѣній въ то время были тѣ же самые Славяне, что и въ Македонской *Словѣни* или *Словѣнахъ*, а по тому, возраженіе отъ такого названія письменъ противъ того, гдѣ, кѣмъ, когда и для кого они составлены, не имѣетъ ни какой важности, послѣ всего, сказаннаго выше, и что сказано еще будетъ ниже.

III. Если бы письмена устроены были Константиномъ не въ Царьградѣ, по другому поводу, а не тому, какой представляютъ Паннонскія Житія и подобные имъ источники, и въ другое время, то, конечно, етъ источники, или иные того, либо близкаго къ тому, времени, предложили бы намъ повѣсть о томъ; по тому что рассказы позднѣйшихъ, приведенные мною въ своемъ мѣстѣ (1-й главѣ), не могутъ ити въ сравненіе съ тѣми, какъ современными и неподдѣльными. Сдѣсь мѣсто, лицо, время и поводъ одно другое подкрѣпляютъ, составляютъ цѣлое нераздѣльное. Да, не азбука вызвала два почти равно-временныя и равноважныя въ жизни нашего Славянскаго племени явленія; на оборотъ, она сама была вызвана ими: ето обращеніе къ Церкви Восточной двухъ самыхъ могущественныхъ въ ту пору государей Славянскихъ народовъ, составлявшихъ двѣ среды, одна на западѣ Европы, другая на югѣ, около которыхъ собирались силы раздробленныхъ до того поколѣній, жившихъ каждое отдѣльной жизнію и заботившихся только о себѣ. Но тутъ въ виду страшной опасности, скоплавшейся на предѣлахъ ихъ, со стороны сосѣдей, изъ коихъ одинъ, послѣ распадѣнія блистательнаго, но кратковременнаго и непрочнаго, Царства Каролинговъ, сложился въ новое цѣлое однородное, а другой, счастливо переживъ сильное внутреннее потрясеніе, произведенное вѣроисповѣдными разногласіями, и чуть было не погубившее его, готовился къ обновленной дѣятельности, выжидая только, чтобы могучая рука государя стянула покрѣпче ослабѣвшія бразды правленія, въ виду, говорю, такихъ рѣшительныхъ опасностей, Ростиславъ и Бо-

рисъ поняли, что, желая отклонить удары судьбы, мало одной грубой физической силы; нужна еще сила высшая, сообщающая самой немощи чудесную крѣпость и доблесть. Сила эта было Христiанство, но Христiанство, равно доступное какъ его служителямъ, такъ и простой «юдѣ», что возможно только въ томъ случаѣ, когда оно сообщается словомъ, равно понятнымъ всѣмъ и каждому, словомъ роднымъ. Испытавъ бесплодность противнаго на себѣ самомъ и своемъ народѣ, владыка Великоморавскiй замыслилъ положить конецъ печальному состоянiю новообращенныхъ своихъ подданныхъ, не разумѣвшихъ проповѣдниковъ на чужемъ языкѣ и при томъ «оуштыхъ разнучь», и, какъ извѣстно, «связать сътворивъ съ инази сконни и Моравлины», послалъ къ царю Греческому просить «оуштелеи, иже въ ны», — писалъ онъ, — «къ своимъ шдшимъ истощъ вара Хрѣтiанскъ снхаздль». По чему же въ Царьградѣ, а не куда инудъ? По тому что два только было горнила Христiанства въ то время: первое испытано уже и мало принесло пользы: проповѣдуя на невразумительномъ языкѣ, «оуштелеи изъ Влахъ (Италiи) и изъ Вимъцъ», съ тѣмъ вмѣстѣ смотрѣли на обращенныхъ ими, какъ на своихъ работниковъ. Оставляя извѣстное по Исторiи вообще, напомнимъ только, что Зальцбургскiе архiепископы, къ которымъ Великоморавiя въ церковномъ управленiи относилась, жалуются въ послѣдствiи папѣ на Меодiя, открыто признавались, что Славяне Растица, обращенные ими къ Вѣрѣ, должны непременно быть въ ихъ зависимости и платить подати: «Idcirco iure proprio tributarios habere debuerunt et debent»; и такъ какъ они отказываются намъ-то дѣлать: «quia quando debitum tributum senioribus nostris regibus et principibus eorum soluere respuerunt», то, «si velint, nolint, regno subacti erunt», писалъ къ папѣ (Юанну IX) Зальцбургскiй архiепископъ, Теотмаръ, 889 (*Boczek, Codex diplom. et epist. Moraviae I, p. 62*), что повторилъ, вскорѣ послѣ (900), и Гатонъ, архiепископъ Майнцкiй, въ письмѣ къ тому же папѣ: «Quod si vestra admonitio illos non correxerit, velint, nolint, Francorum principibus colla submittent» (*Ib. p. 67*). Другое, напротивъ, никогда не обращало обращаемыхъ въ рабовъ, проповѣдуя имъ слово Бога на ихъ языкѣ и охотно дозволяя его предлагать

на всевозможные глаголы человеческіе; отъ того, по тѣсной связи въ древніе и средніе вѣка религіи съ жизнью государственной, условивавшейся, большею частью, ею, Ростиславъ понялъ, что и государственныя и вѣроисповѣдныя выгоды заставляютъ его обратиться туда за наставниками, откуда лишь можно ждать одного добра: «отъ насъ во»,—говорилъ онъ въ посланіи своемъ къ царю, — «изъ вса страныъ вьсегда доверми законъ исходить». Послѣдствіемъ посольства было порученіе Селунскимъ проповѣдникамъ отправиться къ просившимъ просвѣщенія и наставленія «изъ мѣстъ своихъ»; но для того нужны были письма, и на вопросъ, есть ли такія у приглашающихъ, получивъ отрицательный отвѣтъ, Константинъ, какъ извѣстно, «сложи писмена (по другимъ «положи, оустрои, сътвори»), и писмене бесада Славьгельска (Кир. Житіе); «оустрои писмена и бесадоу състави, поуты са изъ Моравьскаго» (Мор. Жит.). Обстоятельства, сопровождающія этотъ рассказъ, не подають ни какого сомнѣнія въ истинѣ передаемаго. Лица, участвующія въ немъ, мѣсто и время, подтверждаютъ то; ибо, если бы письма имѣлись до этого посольства, конечно, источники наши, коимъ мы тутъ слѣдуемъ, передали бы намъ извѣстіе о томъ; Храброво же извѣстіе совсѣмъ не говоритъ ни о чемъ изъ этого, но вообще лишь означаетъ время составленія ихъ указаніемъ на государей, при коихъ случилось оное, считая, можетъ быть, то лишнимъ, какъ всѣмъ извѣстное, и по тому занимаясь болѣе самымъ составомъ новаго письма и возраженіями, противу его направленными, нежели сопровождавшими подробностями устройство сей грамоты. Стало, повисъ оно не въ это время, которое назначается сими показаніями, или другимъ образомъ; имѣлъ ли бы тогда какой смыслъ вопросъ, обращенный Философомъ къ Михаилу, равно какъ и отвѣтъ на него: «и твѣдымъ сы и боляимъ таломъ, радъ идѣ тло, дште имать боукы изъ мѣстъ своихъ? И гла црѣ къ писмоу: Дѣдъ мой и оцъ мой, искиаше того, не сътъ обрѣти; иако азъ могъ то обрѣсти?»—слова, въ высокой степени важныя! Они относятся къ Моравскимъ Славянамъ, по просьбѣ коихъ послѣдовало дѣло, по тому что ни дѣдъ Михайловъ, ни отецъ не могли разыскивать, есть ли у нихъ какое письмо; да и не для чего то было имъ, въ ту пору еще «погальства са и отвѣгъшимъ», и не имѣвшимъ съ

Имперіей ни какихъ связей; если же «по Хрѣтѣльскимъ са законамъ дръжащимъ», то лишь едва, едва начавшимъ то. Напротивъ, самъ императоръ «сътвори Философъ» по тому только такую «смыслати рѣчь», что «ниъ никто же мѣ не можетъ исправити», а это отъ того, какъ онъ самъ замѣтилъ, что Братья — Селунцы, стало «чисто Словѣнскимъ бесѣдоужь»; слѣдовательно, Царьградскій Соборъ и царь не видѣли большой разницы въ тогдашнихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, чтобы книги на одномъ изъ нихъ были невразумительны для говорившихъ другими. Да и Моравляне, прося прислать къ нимъ учителя, «ниже бы въ свои мзыкъ Христїанскую Вѣру истолковалъ имъ, разумѣли подъ таковымъ, конечно, не того, кто бы говорилъ на ихъ мѣстномъ нарѣчїи, но вообще на языкѣ Славянскомъ, о чемъ, будучи непосредственными сосѣдами Булгаръ вдоль всего теченія Дуная отъ нынѣшняго Пешта, знали очень хорошо, что происходило у сихъ послѣднихъ, какъ во владѣніяхъ ихъ ширится «истамъ Вѣра Хрѣтїанска въ свои мзыкъ»; далѣе, что самъ ужъ государь ихъ принялъ ее съ цѣлымъ своимъ Дворомъ; знали, кромѣ того, что и въ другихъ земляхъ проповѣдники Церкви Греческой точно также «оучать Гоу слава въздѣвати своимъ мзыкомъ къждо», отнюдь же «проумъ въ свои мзыкѣмъ слѣпымъ не ведаште быти и глухимъ». И эта увѣренность получить и самимъ то же самое, «даръ», — по словамъ посланія Михаила къ Ростиславу, — «боли и устьяни млеу въсаго золота и сѣбра и каменни драга и богатства прѣходимста», что и они черезъ то, «велицѣхъ мзыкѣхъ приуутьъ са», безъ сомнѣнія, внушили «князю Словѣнскоу и Моравскоу послати во него къ црѣ Михаилу». Сообщение же этого блага было не вообразимо безъ письменъ, о которыхъ прежде всего Константинъ и спросилъ царя и Соборъ, говоря, что безъ того значило бы «я кодъ всѣгда писати», и, пожалуй, можно даже «кретнѣе сво нма сева обрѣсти, съказахъ слово Бжїе въ мзыкѣ нмъ, на тоуи-демъ основани своѣ дѣло полагажште», по апостолю: «мзыкѣмъ аште не разумѣмъ словеса дасте, како разумѣно еждетъ глаголимомъ? Бждетъ бо въ мерь глѣште». А въ самомъ посланіи къ Ростиславу, Михаилъ писалъ, что онъ отправляетъ къ нему того самаго, кому Богъ явилъ буквы въ вашъ языкъ: «я то ти послдохомъ того, кмоу же м Бжїи мѣи». Какъ смотрѣли на состав-

леніе ихъ самыя Греки, видно изъ того же самаго посланія: «Бѣ, иже велитъ късамоу, дакъ въ рзцоу и истиньныи пришлъ и на большии са уннѣ стажлъ, кндзѣхъ стрѣ твож и подвигъ, съткорн и пчмъ, въ вѣша дѣта, мѣлъ боумъвъ въ вѣшь мзукъ, юго же не кѣдмо было, тѣкъмо въ прѣвѣмъ дѣта». Какихъ же еще больше нужно завѣреній о времени и мѣстѣ происхожденія нашихъ письменъ, равно какъ и о томъ «мѣжи уестыи и благоваръ-нѣ, кѣннѣмъ зело философъ, юмоу же м Бѣ мн?» Если необходимо свѣдѣтельство на то отъ стороны, какъ говорится, противной, то мы уже знаемъ его изъ устъ самаго современника событію, папы Іоанна VIII-го, который назвалъ Константина именно «*literarum Slavinarum repertor*». Но вотъ и тотъ папа, который выходилъ на встрѣчу Братьямъ съ цѣлымъ Римомъ, и «принимъ кѣннги Словѣнскыи, стѣи и положи м въ цркви стѣи Маріи, иже са ирнуеть Фатъ, иѣкъше надъ ними антоургижъ Словѣнскыи мзукомъ» (Житіе Кирилла) пишетъ, въ посланіи своемъ къ Ростиславу, Святуполку и Коцелу, что какъ Константинъ Философъ посланъ былъ къ нимъ благовѣрнымъ царемъ Михаиломъ, съ братомъ, такъ теперь и мы посылаемъ къ вамъ Меѳодіа, «смѣ же иѣшего, на странѣ вѣша, да въ оуунтъ, мко же юсте проснн, съмѣзѣмъ кѣннги въ мзукѣ вѣшь по вѣсемоу црковьномоу унпоу исноиъ, мко же юсте Философъ Константинъ илудалъ»; аще же кѣто ѿ събратинѣхъ вѣшь оуунтель и уешоцихъ слоухъ и ѿ истинн събратоуцихъ, иууиеть дързкоуѣтъ илко рѣзвратитъ въ, гдѣ книги мзукѣ вѣшего, да боудеть отьлоууентъ». То же самое и почти тѣми же словами читаемъ и въ посланіи сего папы, передаваемомъ Похвальнымъ Словомъ: «Слѣжемъ брата нашего, устѣмго Меѳодіа, сѣщѣ на архиепѣство на странѣ вѣша, мко же юсте проснн, да въ оуунтъ, въ мзукѣ прѣлагамъ книги». Посланіе же это, хотя и не дошло до насъ въ своемъ Латинскомъ подлинникѣ, однако, какъ было замѣчено уже мною (въ главѣ 1-й), во многихъ мѣстахъ сходится дословно съ нѣкоторыми изъ посланій Адріянова преемника, а это говоритъ намъ о томъ, что оно хранилось еще въ папской Куріи и было хорошо извѣстно ему. Такое же сходство представляетъ и Итальянское Сказаніе, приписываемое Гавдеріку, тоже современнику Братевъ, участвовавшему въ торжественныхъ почестяхъ, оказанныхъ имъ Адріяномъ II-мъ.

IV. Что посольство Великоморавскихъ Славянъ дѣйстви- тельно было въ то время, на которое указываютъ данныя въ нашихъ источникахъ, свидѣтелемъ тому и Западъ. Такъ, Ростиславъ, оставленный въ покоѣ съ 855-го года Нѣмцами, не могшими до того осилить его, и занявшись устройствомъ своего государства, имѣлъ довольно времени подумать и о томъ, что составляетъ всегда и всюду главную основу проч- ной жизни, то есть, о просвѣщеніи народа своего истой Вѣрой. Замыслы и мѣры его не укрылись отъ Людвига Нѣмецкаго, тѣмъ болѣе, что всѣ, недовольные имъ (а въ числѣ ихъ были самые ближайшіе къ нему вельможи его, даже дѣти), находили убѣжище и защиту у Моравскаго владыки; и по тому, желая скрыть, какъ можно болѣе, настоящую цѣль похода своего, предпринятаго въ 863-мъ противъ возставшаго на него старшаго сына, Карломана, правителя Хорутаніи, вступившаго съ Растицемъ въ тѣсныя сношенія за два года передъ тѣмъ, онъ всюду разглашалъ, какъ говорятъ *Annales Fuldenses* подъ 863 годомъ, что онъ «collecto exercitu specie quidem, quasi Rasticen Mar- gensium Sclavorum ducem, cum auxilio Bulgarorum, ab oriente venientium, ut fama fuit, domaturus, re autem vera ad Carantanos filium expugnaturus accessit». И дѣйстви- тельно, Булгары етѣ были не кто другой, какъ только со- провождавшіе Братъевъ нашихъ поспѣшники и иные, «иже владѣху того же доуха, иго же и си», словомъ весь великолѣп- ный поѣздъ изъ Царьграда, везшій съ собой множество да- ровъ отъ императора, какъ прямо говорятъ о томъ лучшіе источники наши: «и посла и съ дары многы, писавъ къ Ростиславоу испистолю», замѣчаетъ Житіе Кирилла; «тъ на ти дары мнози (многы), и поимъ братъ скон, игоуменъ Мефедни, иди же», говоритъ Михаилъ къ Константину въ Житіи Меѳодія; «cujus (Principis Moraviae) precibus annuens imperator supernomina- tum Philosophum ad se venire rogavit, eumque illuc, id est, in terram Sclavorum, simul cum Methodio germano suo trans- misit, copiosis valde illi de palatio suo datis expensis»; «mandans ei copiosas expensas dari pro itinere», свидѣтельствуютъ обѣ Латинскія Легенды. Разумѣть же тутъ посольство отъ Бориса, или войско его, отправленное къ Ростиславу, не позволяютъ

и Исторія, и самое дѣло: во первыхъ, послѣдній не заключалъ ни какого союза съ первымъ; во вторыхъ, не просилъ его о пособіи, да и не къ чему было, такъ какъ пора-то была самая мирная изъ всего долголѣтняго правленія того и другаго. То же не диво, что сочинитель *Annalium Fuldensium*, отдаленный мѣстомъ пребыванія, принялъ это мирное посольство за «*auxilium Vulgarorum*»; впрочемъ, онъ прибавляетъ, «какъ слышно» (*ut fama fuit*), а слухъ— часто глухъ; и, говорятъ Поляки, «*zawsze ludzie powin przyczyniają*», по тому что «*реши асте, а гласъ расте*», прибавляетъ Сербъ, и какъ «*оћеи се гознáhá*, такъ «*ровѣст се гознáси*», замѣчаетъ Чехъ. А какъ, съ другой стороны, по Чешской пословицѣ, «*trest' (трость, деревцо) se ne kláti (колышется) bez wétru*», то, хотя Фульдская лѣтопись и преувеличила по неволѣ вѣсть, летѣвшую птицей о приходѣ новыхъ благовѣстниковъ въ Великоморавскія земли, однако, и въ преувеличеніи уцѣлѣло зернышко отъ правды, т. е., что къ етому, а не другому какому, времени должно относиться возвращеніе посольства Ростиславова съ «*оучители и изстанины въри въ мзыкъ словъ*»; стало, расчисленіе времени составленію Славянскихъ письменъ, на основаніи показаній Паннонскихъ Житій и Латинскихъ Сказаній, справедливо, по крайней мѣрѣ, вѣроятнѣе, чѣмъ всякое другое показаніе, въ томъ числѣ и Храброво. Чрезвычайно замѣчательно, что и Крупичпольская Пчела, хотя памятникъ далеко позднѣйшаго времени, въ Житіи Владимира Великаго, рассказываетъ, подъ 863-мъ годомъ, о второмъ (а первое, де, при апостолѣ Андрѣ) крещеніи Руси, «за Михаила црѣ Грецкого а за патриархи Константинопольского Фотѣа», говоритъ, что, по просьбѣ «*виазен Словенскихъ Сватополака, Ростислава и Коцела, Слованомъ и Руси (простительное прибавленіе Рускаго о Руси!)*, отправлены были «*чѣти въри Хрѣи, Мефодѣи и Кирилъ*», которые «*Дѣомъ стымъ хдожили Словенскѣи лхтери, і преложили на мзыкъ Словенскѣи Грецкѣи книги, стѣе Бѣаѣе, Апѣола и бни*» (см. глав. 1-ю, стр. 137). Хотя Житіе это основано преимущественно на Несторѣ, однако, годъ тутъ крещенію Руси, а съ нимъ и составленію письменъ, отнесенъ не къ 866-му, чего можно было бы ожидать, такъ какъ подъ крещеніемъ Руси разумѣеть сочинитель крещеніе при Оскольдѣ и Дирѣ, но къ нѣскольکو

раньшему, конечно, выведенному по соображенію, вѣроятнѣ всего, со временемъ составленія азбуки, бывшимъ, очевидно, по его понятію, не въ одно время съ крещеніемъ Руси, но годомъ раньше, слѣдовательно, въ 862-мъ.

Все это показываетъ, что поводъ къ составленію письменъ и переводу Св. Писанія и т. п. подавъ былъ появленіемъ пословъ Великоморавскихъ Славянъ въ Царьградѣ, слѣдовательно, собственно говоря, для нихъ прежде всего то и другое назначалось, отнюдь же не для кого иного, хоть бы и ближайшаго по мѣсту жительства. Въ противномъ случаѣ было бы сказано о Славянахъ Греческихъ и Булгарскихъ. Они не были еще въ то время въ такомъ огромномъ множествѣ Христіане, или готовые сдѣлаться ими, въ какомъ Великоморавскіе Славяне, съ государемъ своимъ, черезъ нарочное посольство просившіе крестить ихъ и научить Христіанству, «снѣзозомъ кнѣгъ въ изымъ ихъ». Обращеніе одного государя, хоть бы и со Дворомъ своимъ, не то, что обращеніе такого же государя съ цѣлымъ народомъ. Тамъ меньше настоящей нужды, чѣмъ здѣсь. При томъ, судя по всему, обращеніе Бориса случилось не за долго до прибытія пословъ Ростислава въ Византію, и пребываніе у него одного, или и обоихъ Братьевъ, не могло быть, по тому, продолжительно, такъ какъ мѣсто ихъ вскорѣ заступили другіе, присланные, разумѣется, отъ того только, что тѣмъ предстояло иное, не меньше важное, а по важности далеко блистательнѣйшее, дѣло. Безъ сомнѣнія, не случись этого, первообратители остались бы при обращенныхъ и, конечно, не преминули бы, со временемъ, при большей потребности, большемъ числѣ крещенныхъ, особенно всего народа Булгарскаго, то же совершить, что совершили по поводу, данному Моравцами. Впрочемъ, послѣдніе только ускорили это благодѣяніе, и я не сомнѣваюсь, что преложеніе книгъ и письмена одновременно перешли изъ Царьграда какъ къ Булгарскимъ и Греческимъ Славянамъ, такъ и Моравскимъ, вызвавшимъ то своимъ посольствомъ, и что Константины и Меодій легко могли даже сами, на пути своемъ въ Ростиславовы владѣнія, принести ихъ и къ Борису; быть можетъ, даже архіепископъ Юсифъ съ прочими духовными, вмѣстѣ съ

ними, явился къ нему, или же вскорѣ за тѣмъ, такъ что во-все нѣтъ нужды оставлять Булгарь безъ письменъ и книгъ до 865, 869, а тѣмъ болѣе 885, или 895 года. Такое мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе какъ во Второй Латинской Легендѣ, такъ равно въ Житіи Людмилы и Вячеслава, а также въ Продолжателѣ Константина Богрянороднаго, Скилицѣ, Кедринѣ, Дуклянцѣ, особенно же Климентовомъ жизнеписцѣ, увѣряющихъ, что Кириллъ и Меѳодій, до прибытія въ Моравію, были въ Булгаріи: «Egressus vero (изъ Константинополя) venit primo ad Bulgagos», etc. Начатое же предложеніе книгъ въ Царьградѣ было продолжаемо, въ послѣдствіи, на Моравѣ, сперва вмѣстѣ обоими Братьями, и, послѣ кончины младшаго, окончено старшимъ, со-вершившимъ то въ послѣдніе годы своей прекрасной, вѣчно памятной для насъ, Славянъ, подвижнической жизни: «Псалтырь во еѣ тѣхъмо и Свѣтънѣ съ ѿвѣтъми, и нѣкърѣкими слоужьбами црквицѣми, съ Философъми прѣложиа въръкъ». Естественно, имѣя это въ виду, Несторъ могъ сказать: «первое прѣложено кинги Маркъ»; и это сущая правда по отношенію къ большинству прѣложеннаго, но не по началу прѣложенія и положенія или устроенія письменъ, какъ это ясно изъ обонхъ Паннонскихъ житій, особенно Меѳодіева, входящаго о томъ даже въ подробности, также изъ показанія Іоанна, Ексарха Болгарскаго; Проложное же Житіе Меѳодія по Хиландарскому списку, находящемуся въ Румянц. Музеѣ (см. 1-ю главу, стр. 75—79), прямо называетъ самую землю, въ которой этотъ переводъ поконченъ: «въ земли Моравѣстѣи прѣложѣ все .ѣ. кингъ Вѣтхлго и Новаго Закона отъ Гръцкѣ къ Словѣнскѣи, при Свѣтоплѣцѣ Кнезѣ, Царь въ тѣгда Гръкомъ Василѣе, а Балгаромъ отъ Бога Кнезь Борысь,» и проч., даже годъ, который, какъ бы не объясняли его, все падеть между 870 и 885, или даже 890. Къ этому-то прѣложенію книгъ относятся всѣ сказанія о немъ нашихъ Временниковъ, нѣкоторыхъ списковъ Несторовой лѣтописи и разныхъ лѣтописцевъ въкратцѣ, въборзѣ и въскорѣ, старающихся, разными путями, опредѣлить его и, болшею частью, неудачно, какъ уже было показано мною выше (см. стр. 111—136). Кажется, однако же, поименованіе трехъ етѣхъ личностей довольно хорошо опредѣляетъ время Меѳодіева прѣложенія, особенно указаніе на императора Василія, царствовавашаго съ 867 по 887 годъ.

Таковы основанія, опираясь на кои, и я подаю голосъ свой за составленіе письменъ для Славянскаго народа въ 862-й году. Подробности, въ которыя я принужденъ былъ войти сдѣсь, вызваны желаніемъ, попытаться, какъ можно ближе подойти къ правдѣ событія, опредѣлить наиболѣе вѣроятную единицу времени, въ которое оно случилось. Тѣ же, кому нѣтъ нужды до такихъ историческихъ дробей, кто и въ Исторіи любитъ десятичный и сотенный счетъ, конечно, могутъ оставаться и при Храбрѣ, тѣмъ болѣе, что весь вопросъ, какъ говорится, вращается въ кругѣ какихъ ни будь десяти лѣтъ. Такъ, скажутъ мнѣ; но, вѣдь два етъ противоположныя мнѣнія, какъ показываетъ исторія вопроса, давно уже извѣстны, и поваго вы намъ ничего еще не сказали? Во первыхъ: не все то ново, что вновь говорится; во вторыхъ: и старинское не рѣдко живетъ лучше новинькаго; въ третьихъ: я и не думалъ открывать что либо новое; цѣль моя была повѣрить лишь старое новоотысканными, точнѣе, вновь напоминовенными, памятниками. «Мы ходимъ древними путями, и совратились бы съ нихъ и вступили бы на пути новые и стропотные, если бы приняли таковыя притязанія», скажу я, напоследокъ, въ отвѣтъ на такой упрекъ, словами автора прекрасной статьи: «Римская церковь съ настоящими ея притязаніями на главенство предъ судомъ Св. Ипполита» (270). А впрочемъ, никто въ своемъ дѣлѣ не судья; есть ли что новаго въ высказанномъ мною тутъ, пускай судятъ другіе; взятую задачу на себя рѣшалъ я, какъ зналъ, опираясь на свѣдѣтельства, предпочтительно изъ первыхъ рукъ; и, послѣ всего этого скажу съ Овидіемъ: «*Documenta damus, qua simus origine nati*» (1. Met.).

Знаменателенъ этотъ 862-й годъ въ судьбахъ Славянскаго племени! Въ вѣкъ сложенія въ самостоятельныя государства отдѣльныхъ частей изъ сплоченныхъ было сильной рукой Карла Великаго и его предшественниковъ въ одну монархію, когда начинаютъ предъявлять права свои на самобытную жизнь разныя племена и народности Западной Европы, Восточная ея половина тоже пробуждается отъ долговременнаго сна и глазамъ нашимъ представляетъ подобное же явленіе,

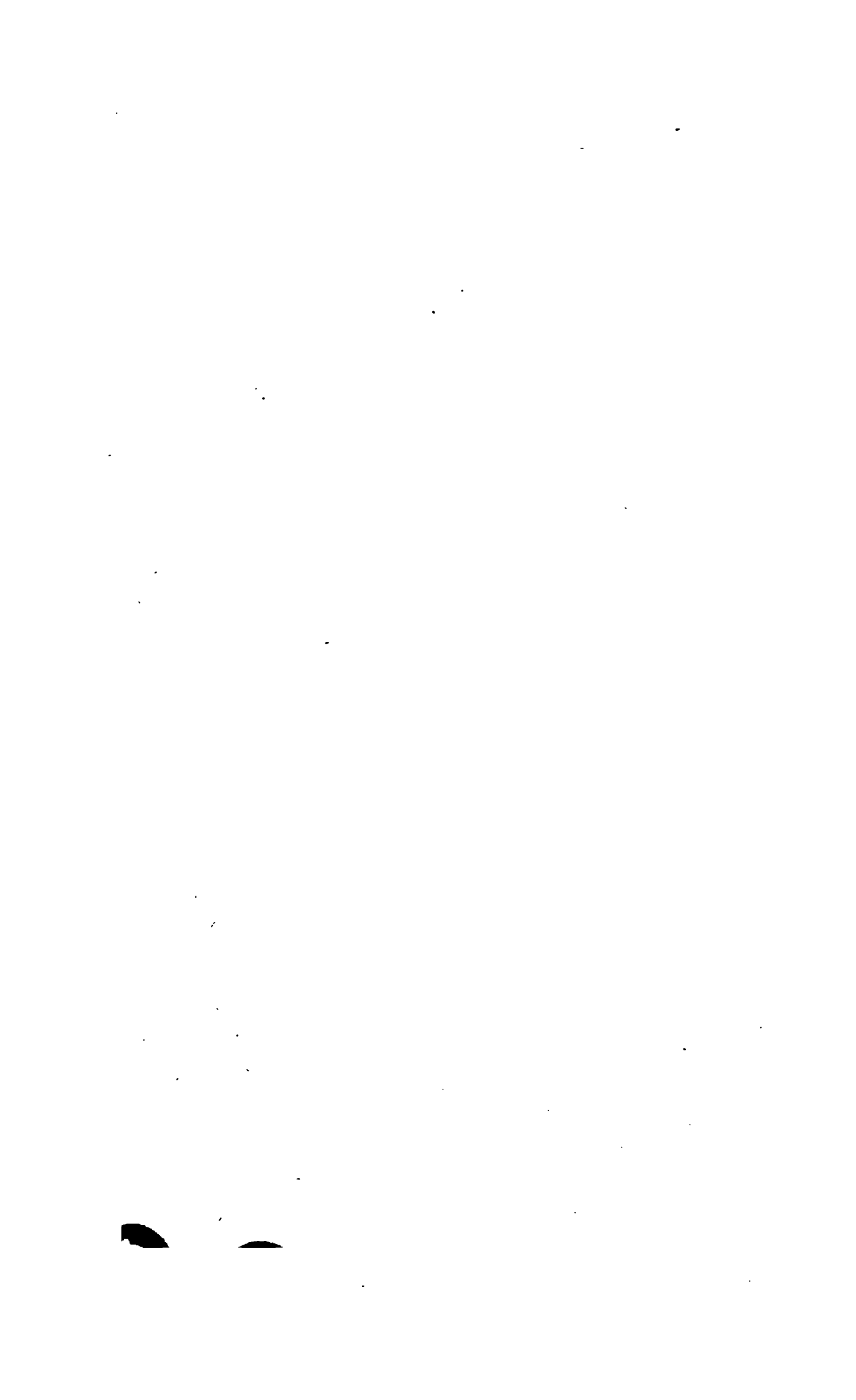
Славяне, до сихъ поръ, такъ сказать, затертые или, по крайности, закрытые чужей тѣнью, являются на позорище и совокупляются около нѣсколькихъ горнилъ, пытаются около нихъ образовать нѣсколько независимыхъ цѣлыхъ, соединенныхъ однородностью и общими выгодами, преимущественно вѣроисповѣдно-племенными, такъ какъ религія и родъ въ ту пору, и долго, долго послѣ того, были главнымъ двигателемъ большей части событій, условливающихъ жизнь и смерть народовъ на цѣлые вѣка, даже и нынѣ отзывающихся во многомъ у того, или другаго народа. Съ одной стороны, понимая важность богослуженія на родномъ языкѣ для жизни, составившихъ Славянское государство его поколѣній, Ростиславъ отправляетъ, въ 862-мъ годѣ, посольство къ царю и Церкви, въ высшей степени благопріятствующихъ самобытному развитію всякой народности, и получаютъ отсюда учителей и устроителей независимой іерархіи и самостоятельнаго образованія, принесшихъ съ собой самые знаки, какъ орудіе для проявленія духовнаго совершенствованія, вскорѣ сообщившіеся и тѣмъ и другимъ, и гдѣ они съ языкомъ уцѣлѣли, тамъ и народность уцѣлѣла употреблявшихъ ихъ даже подъ чужимъ жезломъ. Съ другой стороны, около того же и въ томъ же годѣ, государь изъ племени покорителей Славянъ Мизійскихъ принимаетъ крещеніе, а съ нимъ и письмена етѣ, собственно и приспособленные къ рѣчи его народа, и тѣмъ окончательный наноситъ ударъ господствующему народу, заставляя съ принятіемъ вѣроисповѣданія перелиться въ народъ покоренный; а на отдаленномъ Сѣверѣ ближайшіе по происхожденію къ етѣмъ южнымъ Славянамъ, Славяне Ильменскіе, наскучивъ усобицами и не видя имъ конца, призываютъ изза моря себѣ владыку для наряда, чѣмъ полагаютъ краеугольный камень тому государству, которое твердостью и прочностью своей оставило позади себя всѣ одноплеменные ему, и которое всѣхъ ихъ лучше воспользовалось Цареградскимъ изобрѣтеніемъ. За тѣмъ идутъ вѣка за вѣками, Русь постигаютъ страшныя испытанія, и ровно черезъ пять столѣтій (1362) является на престолѣ ея первоначальникъ Руской славы; проходитъ еще сто лѣтъ (1462)—другой виновникъ величія нашего вступаетъ на него, и начи-

наеть собирать воедино волости, разнесенныя было врагами въ годину злыхъ дней и бѣды неминуемой; вотъ ушло еще новыхъ три вѣка (1762), и мы видимъ у себя утвердительно обновленной Руси, нашу несравненную Государыню.

И, стало быть, вотъ гдѣ, когда и какимъ образомъ произошли письма для выраженія звуковъ того изъ говоровъ необозримаго своей численностью Славянскаго племени, который, превосходя прочихъ собратьевъ богатствомъ, звучностью, стариной и разнообразіемъ формъ, составляетъ для всѣхъ ихъ языкъ разъяснительный, что Готскій въ семьѣ Нѣмецкой, Латинскій въ Романской, Санскритъ въ цѣлой Индоевропейской, а для разединеннаго Славянскаго народа, сверхъ того, и теперь еще то же самое, чѣмъ предназначался было служить имъ съ устройства «писменъ по Словѣнскимъ рѣчи», разумѣю, звеномъ собранія въ одну точку всѣхъ лучей Славянскаго міра, талисманомъ противъ дальнѣйшаго разложенія его и гибели, который, по тому, какъ выразился давно уже одинъ изъ нашихъ Западныхъ собратій (стало, испытавшій на себѣ и подобныхъ себѣ всю силу предлагаемаго) (271) какъ первый, по меньшей мѣрѣ, древнѣйшій, извѣстный намъ, источникъ Славянскаго языка, долженъ быть изучаемъ и усвоенъ всѣми Славянскими вѣтвями, если уже не ради единенія Церквей, по крайности, ради высшаго ученаго образованія, сохраненія Славянской народности, чтобъ намъ не онѣмечиться, не отатариться, не отуречиться (не офранцузиться и не омадыриться, прибавляетъ Шафарикъ), чтобы, напоследокъ, не сдѣлаться намъ отщепенцами отъ общаго родника народности, уцѣлѣвшей донныи вопреки урагану десяти вѣковъ. Отсюда всѣ успія нашихъ языковѣдцевъ должны быть направлены на возстановленіе этого языка «въ его настоящей чистотѣ»,—говоритъ отъ себя Шафарикъ,—дѣйствительно, «въ теченіе времени довольно потерпѣвшаго подъ чужимъ небомъ, отъ чужихъ, языка, представляющаго своей стариной и внутренними достоинствами для всякаго языковѣдца важный предметъ, а для Славяновѣдца трижды и четырежды важнѣйшій, и по тому, въ новѣйшее время, по всей справедливости, считающагося краеугольнымъ камнемъ Славянской кри-

тической Лингвистики и Филологіи» (272). Царьградъ, столица Греческаго образованія, отъ котораго пошло нынѣшнее, столица Православія, по всѣмъ соображеніямъ и вѣроятности, представляемымъ извѣстными и доступными мнѣ источниками, былъ колыбелью и нашихъ, истинно народныхъ, писменъ; Константинъ Философъ, «царицею Кирилъ»,—ихъ творецъ; Ростиславъ, «князь Моравскій» по Житію Кирилла, «князь Словѣнскъ» по Житію Меодія, «Бѣгъ оустныхъ съ князи скомми и Моравскими»,—первоинициаторомъ этого блага, которое «воля и устыженіе», по словамъ «испостолни Гръцкаго црѣ» къ нему, «маже всакаго злата и сръбра и каменни драгата и богатства преходаша», т. е., «целюмни боуиѣкъ къ нашъ шукитъ», просвѣщенія насъ ими, и черезъ нихъ «снхазлени истинъ вяръ Хрѣтианскитъ къ свои ны шукитъ, иставаемни на истиню и разоумъ, и съприуѣтении велицѣхъ шукитѣхъ, иже славетъ Бога скомми шукитъ»; а 862-й годъ—первогодомъ воззванія Славянскаго племени къ новой во всѣхъ отношеніяхъ жизни, государственной, вѣроисповѣдной, духовной и самостоятельно народной. «Такоуъ разоумъ, вратни, Бѣгъ истъ далъ Словѣномъ!»

ПРИМЪЧАНІЯ.

=

1. *Slowanské starožitnosti. W Praze. 1837, I, str. 809—810, pozn. 72; въ Руск. переводѣ, Москва 1848, томъ II, кн. 2-я, стр. 313—315, примѣч. 2.*

2. «О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что Церковно-книжный языкъ есть Славяно-Булгарскій,» въ Ж. М. Н. П., 1843 г., кн. VI.

3. На примѣръ, поступокъ съ переводомъ Новаго Завѣта на Новобулгарскій языкъ, составленнымъ по Церковнославянскому Неофитомъ, іеромонахомъ Рыльского монастыря, съ одобренія Терновскаго митрополита, Иларіона, и изданнымъ въ Смирнѣ 1840 года. Или самыя новѣйшія поступки Пловдинскаго, иначе Филиппопольскаго митрополита, Хрисанова, родомъ Грека, описанныя въ NN. 108—110 Цареградскаго Вѣстника 1853 года, откуда переводъ сдѣланъ на Рускій и напечатанъ въ Одессѣ, при тамошнемъ Вѣстникѣ и отдѣльно.

4. Сюда относятся: Продолжатель Константина Багрянороднаго, въ изд. Боннскомъ, стр. 162—165, Симеонъ Логоветъ, тамъ же стр. 665—666; Іоаннъ Скилица (ок. 1057) и Кедринъ (тогда же), II, стр. 151—153.

5. Первоначально отрывокъ изъ этого памятника помѣщенъ, на Греческомъ и Латинскомъ яз., по бумажному списку Ватиканской бібліотеки, извѣстнымъ Львомъ Алляціемъ въ книгѣ: «In Roberti Creyghtoni apparatus, versionem et notas ad historiam concilii florentini scriptum a Sylvestro Syropulo exercitationes. Romae, 1665, 4, I, 259;» отсюда Іос. Сим. Ассемани перенесъ отрывокъ по Латыни въ свои «Kalendaria ecclesiae universae. Romae, 1755, 4, III, 147—149;» вполне же изданъ, въ первый разъ, въ Македонскомъ городѣ, Москополѣ или Вошкополѣ (разрушенномъ Керчеліями или Кпрджаліями въ началѣ текущаго столѣтія), на югъ отъ Охрида (который, по мнѣнію Шафрика, вовсе не Юстиніана, по тому что Iustiniana prima есть Кѣстендинъ; названіе же ето перешло на Охридъ, въ церковномъ отношеніи, съ того времени, какъ пребываніе митропо-

лита Юстинианскаго перенесено было въ сей городъ. См. Славян. Древн. I, стр. 627, Руск. Т. II, кн. I, стр. 375, прим. 104.), въ двухъ часахъ отъ города Малаго, 1741 г., 4, 13—37; во второй разъ въ Вѣнѣ 1802, 8, 101—140, іеромонахомъ Амвросіемъ Пампереемъ (*νὺν πρῶτον ἐκδοθέντα ἐπιβιβασία Ἀμβροσίου ἱερομονάχου τοῦ Πамπερέως*), Македоняниномъ и учителемъ въ Валахін; списокъ принадлежалъ монастырю св. Наума близъ Охрида; кто-то перевелъ его на Новогреческій языкъ и напечаталъ въ Лейпцигѣ 1805, 8, стр. 84—133, что, впрочемъ, какъ сказано тутъ, является въ исправнѣйшемъ видѣ противу выпущеннаго въ Венеціи. Жизнь сего святаго въ обоихъ изданіяхъ (Вѣнскомъ и Лейпцигскомъ), какъ показываютъ самыя страницы, составляетъ часть какого-то другаго сочиненія (въ видѣ сборника?), но какого именно, не могу сказать навѣрное, по тому что хотя я имѣю то и другое у себя, однако, каждое отдѣльно. Полное заглавіе перваго таково: «*Bios καὶ πολιτεία ὁμολογία τε, καὶ μερικὴ θαυμάτων διήγησις, τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος ἀρχιεπισκόπου Βουλγάρων. Συγγραφεὶς παρὰ τοῦ ἁγιοτάτου καὶ αἰοιδίμου ἀρχιεπισκόπου τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς, καὶ πάσης Βουλγαρίας, κυρίου Θεοφυλάκτου, τοῦ καὶ μαΐσσορος τῶν ῥητόρων χρηματίσαντος ἐν Κωνσταντινουπόλει.*» Въ послѣднемъ прежде всего изображеніе Климента, за тѣмъ выходной листъ, на которомъ, въ заглавіи, выставлено: «*Μηνὶ Νοεμβρίῳ κβ.*» Въ другую строчку: «*Bios Παρθαύματος τοῦ ἐν ἁγίοις Πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος ἀρχιεπισκόπου ἀχρίδων καὶ πάσης βουλγαρίας τοῦ ὁμολογητοῦ, μεταφρασθεὶς ἐκ τοῦ ἑλληνικοῦ ἰδιώματος ἀνευ τῶν προοιμίων, καὶ μέχρι τινός.*» Понизже: «*Ὅστις κολοβωθεὶς τὰ καιρία, καὶ ἀχρειωθεὶς παράτινος, ὡς ἢ τοῦ παρόντος πρὸς ἐκείνον παράθεσις, σαφῶς δηλοῖ, ἤδη ἄρτιος καὶ ὀλόκληρος τύποις ἐκδίδεται.*» Далѣе, на стран. 73-й, слѣдуетъ: «*Ὁ Ζηλωτῆς ὀρθόδοξος, ἀπὰρ τοῖς εὐσεβέσι τέκνοισι τῆς ἁγίας καὶ θεοδοῦσάτου ἐκκλησίας τοῦ χριστοῦ τῆς Ἀνατολικῆς, ὑμῖν, τὸν ἐν χριστῷ ἀσκαμόν καὶ τὸ χαίρειν.*» Начало: «*Εὐκολοκτάλητος εἶναι,*» и пр., до конца 82-й стран.; на 83-й же: «*Ἐπιγραμμα. Εἰς τὴν ἱερὰν Μονὴν τοῦ Προδρόμου τὴν Ἰχουβαν τὴν ἁγίαν κάραν τοῦ ἱεροῦ Κλήμεντος,*» въ 4-хъ стихахъ; на послѣдокъ «*Εἰς τὴν περιφανῆ Θεσσαλονίκην, τὴν ἐνεγκοῦσαν τοὺς θεοφόρους καὶ ἱσαποσόλους Κήρυκας τῆς βουλγαρίας, Κίριλλον καὶ Μεθόδιον, εἶχοι πολιτικοί,*» всего 7, и только на 84-й стран.: «*Bios καὶ πολιτεία τοῦ ἐν ἁγίοις Πατρὸς ἡμῶν Κλήμεντος Ἀρχιεπισκόπου βουλγαρίας τοῦ ὁμολογητοῦ μεταφρασθεὶς εἰς τὴν κοινὴν φράσιν ἐκ τοῦ ἑλληνικοῦ, πρὸς κοινὴν ὀφέλιαν τῶν ὀρθοδόξων λαῶν.*» За тѣмъ: «*Προοίμιον τοῦ μεταφράσαντος. Δὲν ἔκρινεν,*» и пр. Какъ заголовокъ, сверху всякой страницы, читаемъ: «*Ουρανοῦ κρισις.*» Я по тому вошелъ въ

такія подробности объ етѣхъ изданіяхъ, что они теперь уже большая рѣдкость, такъ что я, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, не могъ ни одного изъ нихъ приобрести за границей, а получилъ, послѣ долгихъ сношеній, лишь въ 1847 г., отъ одного знакомаго Серба, который нарочно поручалъ отыскать ихъ не только въ княжествѣ Сербскомъ, но и сосѣднихъ Турецкихъ областяхъ. Профессоръ Славянскихъ нарѣчій и словесности въ Вѣнскомъ Университетѣ, Франц. Миклошичъ повторилъ изданіе Памперей въ Вѣнѣ, 1847, 8, 34 стран., подъ заглавіемъ: «Vita S. Clementis, episcopi Bulgarorum.» Онъ пользовался для него какъ Ватиканскимъ отрывкомъ, такъ равно и спискомъ мон. св. Наума, сообщеннымъ ему профессоромъ Казанскаго Университета, В. И. Григоровичемъ, снявшимъ оный во время своего путешествія по Македоніи. Въ Предисловіи (Praefatio, XXII страницы) издатель, въ VII отдѣлахъ, излагаетъ: свѣдѣнія о спискахъ этого памятника, которыхъ начало по Добровскому (Cyrill und Meth. §. 2, S. 9, въ Руск. перев. стр. 6), изданіяхъ (I—II), ученыхъ, пользовавшихся въ своихъ изслѣдованіяхъ имъ (IV), прочихъ статьяхъ, заключающихся въ Москопольскомъ и имѣющихъ отношеніе къ Церковнославянской исторіи (всего 7); далѣе, представляетъ, для незнакомыхъ съ Греческимъ языкомъ, краткой обзоръ (по Латини) историческихъ данныхъ, содержащихся въ Житіи Климента (VI), извѣстіе о другомъ Житіи сего святителя, писанномъ на Греческомъ и отысканномъ В. И. Григоровичемъ въ Охридѣ, въ пергаменномъ спискѣ XIII или начала XIV стол., въ Святцахъ (Синаксарѣ) мѣсяцей іюня, іюля и августа (напечатанномъ въ подлинникѣ и съ переводомъ на Рускій въ Ж. М. Н. П.), и, наконецъ, приводитъ доказательства изъ самаго Житія Климента въ пользу того, что сочиненія этого нельзя приписывать Теофилактѣ. То есть, это невозможно: а) по тому, что сочинитель называетъ себя однимъ изъ учениковъ Климента: *αὐτὸς ποιῆν καὶ χρηστὸτάτη, τηροῖς δὲ καὶ βαρβαρικῶν ἐπιδρομῶν ἀπειράτους τοὺς τοὺς τροφίμους ἡμᾶς, καὶ πάντοτε μὲν ἐφορῶν, μάλιστα δὲ νῦν, ὅτε θλίψις ἐγγύς, ὅτε οὐκ ἔστιν ὁ βοηθῶν, ὅτε βυθικὴ μάχηρα Βουλγαρικῶν αἱμάτων ἐμέθουεν* (гл. XXIX).» Подъ Скиеами онъ разумѣетъ сдѣсь Угровъ, вторгавшихся, съ 934 года по 962-й, четыре раза въ Булгарію (934, 943, 959 и 962); б) причисляетъ себя къ Булгарамъ, между тѣмъ какъ Теофилактъ былъ Цареградскій Грекъ: *πάντα τὰ τῆς ἐκκλησίας, καὶ οἷς μνημαὶ Θεοῦ καὶ ἀγίων φαῖδρύνονται, καὶ ψυχὰ κατανύσσονται, Κλήμησ τοῖς Βουλγαροῖς ἡμῖν παρέδωκε* (гл. XXII).» Мнѣніе это первоначально высказано было Фрид. Блумбергеровъ, въ спорѣ его съ Добровскимъ, утверждавшимъ, что сочинитель житія Климентова не былъ

IV

современникомъ ни самому Клименту, ни даже Теофилакту (Cyrill und Method, S. 10, Руск. перев. стр. 141); въ этомъ Блумбергеръ наиболѣе опирался на XVIII главу сего Житія; особенно сюда относится то мѣсто, которое начинается словами: «οὐκ ἔιδομεν οὐν αὐτὸν ἠδ' ὀλοαχότα κότε, ἀλλ' ἢ παῖδας ἐδίδασκε καὶ τούτους κοινίως, τοῖς μὲν τὸν τῶν γραμμάτων χαρακτῆρα γνωρίζων, τοῖς δὲ τὸν τῶν γεγραμμένων τοῦν βαφηνίζων», и проч., до конца главы. Дѣйствительно странно, что Добровскій пришелъ къ заключенію, будто сочинитель Климентова Житія не только не былъ приближеннымъ къ Клименту, но даже жилъ далеко позже самаго Теофилакта (ум. 1107 г.), между тѣмъ какъ, умалчивая уже о прочихъ мѣстахъ въ этомъ Житіи, говорящихъ въ пользу противнаго мнѣнія, Добровскій самъ приводитъ слѣдующія слова, находящіяся въ концѣ сочиненія: «и намъ скуднымъ и недостойнымъ оказывалъ онъ болѣе довѣренности и милостей, нежели другимъ, такъ что мы всегда при немъ бывали, служили ему вездѣ, когда училъ онъ словомъ и дѣлами; никогда не выдали мы его безъ занятія.» Можно ли яснѣе и положительнѣе выразиться о своей близости къ Клименту, и, все таки, въ слѣдъ за тѣмъ, утверждать: «Однако, судя вообще по содержанію сего сочиненія, ни какъ невѣроятно, чтобъ онъ былъ приближеннымъ Климента?» (стр. 7.). Блумбергеръ напрасно возражалъ на это тѣмъ, что сочинитель Житія Климента не выдаетъ себя за того, за кого признаетъ его Добровскій, по тому что изъ приведенныхъ выше словъ точно онъ является и довѣреннымъ и близкимъ къ Клименту; но ни довѣренность, ни приближенность еще не даютъ намъ ни какого повода считать творцемъ Житія иное лице, особенно относить его къ такому позднему времени, и въ этомъ смыслѣ возражать правъ, говоря, что «во всей Біографіи не найдется ничего такого, по чему бы ее должно приписать какому либо другому сочинителю (стр. 141).» Защищеніе Добровскаго Рускимъ переводчикомъ неудачно. Если считать съ Добровскимъ послѣднія слова Житія поддѣльными, въ коихъ писатель говоритъ о близости къ Клименту и довѣрїи его къ нему большею, нежели къ другимъ, то придется считать такимъ же и все, что ни рассказывается имъ о томъ, что онъ былъ его ученикомъ, и вообще всѣ указанія на событія, случившіяся, судя по ходу рѣчи, въ его время (стр. 144).

6. По этому требовать удовлетворительнѣйшихъ доказательствъ въ пользу подлинности Житія св. Климента, чѣмъ тѣ, кои представлены первымъ защитникомъ его противу подозрѣній Добровскаго, и приводить въ прилѣръ благовиднаго подлога Христана, который выдалъ себя за сына Болеслава 1-го и оовременника Праж-

скому епископу, Адальберту (Войтѣху), единственно для приданія большей важности младшему своему сочиненію, обличаетъ либо незнакомство съ Житіемъ, либо съ требованіями исторической критики. Стоить только прочесть безъ предубѣжденія его, чтобы послѣ сказать, что все это могъ знать одинъ лишь человекъ, близкій къ рассказываемому; что такъ говоритъ только тотъ, кто находился въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ къ дѣйствителямъ. Впрочемъ, Шафарикъ того мнѣнія, что изъ двухъ Житій св. Климента, писанныхъ по Гречески, древнѣйшее точно составлено ученикомъ его, но по томъ, вѣроятно, подновлено, и даже исправлено, архіепископомъ Теофилактомъ. См. «Rozkvět slovanské literatury w Bulharskú, въ «Časopis českého Museum, 1848. Praha, I, st. 12, по Руски мой переводъ въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ», годъ 3-й (1848), книж. VII, Отд. III, стр. 8.

7. Нѣмецкій переводъ этого свидѣтельства, представленный въ сокращенномъ видѣ, см. въ Dobrowsky's Cyrill und Method, §. 8, S. 45—47, Руск. стр. 33—34, также въ Славянскихъ Древностяхъ, Шафарика, въ Чеш. стр. 817, въ Руск. томъ II, кн. 2, стр. 338—331. Скудость нашего знакомства съ Церковнославянскими письменными памятниками—непонятна. Что за сокровища находятся въ извѣстныхъ хранилищахъ одной Москвы и ея окрестностей, не говоря уже о Новѣгородѣ, Бѣлозерскомъ, Соловецкомъ и другихъ монастыряхъ Сѣверовосточной Руси! Сколько, съ одной стороны, изданіе ихъ составляетъ настоящую потребность для нашей и вообще Славянской Словесности, столько, съ другой, доступность ихъ для желающихъ черпать свѣдѣнія прямо изъ источника, въ высшей степени необходима. Желая содѣйствовать первому, по возможности, Общество исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, во время моего секретарства въ немъ, помѣщало въ «Чтеніяхъ» своихъ довольно часто такіе памятники (на прим.: Паралипоменъ Зонаринъ, въ 1-й кн. 3-го года; Славяно-русскія сочиненія въ пергаменномъ Сборникѣ И. Н. Царскаго, тогда же, кн. VII-я; Кирилла Философа Слово на соборъ архистратига Михаила, 3-го года кн. III и друг.; кромѣ того, много описаній рукописей разныхъ библіотекъ, доставлявшихся знатокомъ нашей старинной Библіографіи, В. М. Ундольскимъ, на прим.: Сильвестръ Медвѣдевъ и его оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ, 1-го г., кн. III; Опись Греческимъ, Греко-Латинскимъ, Польскимъ и Славянскимъ печатнымъ и письменнымъ книгамъ, поступившимъ въ 1676 г. изъ Воскресенскаго монастыря и Иверскаго подворья въ Патріяршую Ризницу казну, 2-го г., кн. V; Оглавленіе Четвѣй-Миней митрополита Макарія, хранящихся въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, того же

года, кн. IV. и др.). Общество открыло было для нихъ даже особый отдѣлъ съ 4-го года «Чтеній» подъ заглавіемъ: «Славянскіе матеріалы», для котораго заготавлились уже (а нѣкоторые совершенно готовы были) памятники далеко большаго объема, между прочимъ: Творенія Іоанна ексарха Болгарскаго (изъ коихъ Калайдовичъ помѣстилъ, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи, только нѣсколько отрывковъ), Константина (конца IX-го стол.), Антиоха ефесскаго, Поризца Пандекта, Временникъ Георгія Гръшнаго, Чтеніе о Житіи и погубленіи св. князей Бориса и Глѣба, равно какъ Сказаніе о страсти и похвала имъ же; Житіе Θεодосія Печерскаго, и многія другія. Всѣ они по пергаменнымъ спискамъ, и съ разнословіями по нѣсколькимъ (на примѣръ: Θεодосій по 3-мъ, Антиохъ по 5-ти, Ексархъ по 8, Амартоль по 10-ти). Чрезвычайно благотѣльно было бы и для изданія Славянорусскихъ памятниковъ такое же учрежденіе, какое имѣемъ уже для памятниковъ по части Руской исторіи въ лицѣ Археографической Комиссіи. Послѣдствія были бы одни и тѣ же. Но безъ обнародованія какъ можно большаго числа ихъ, систематически руководимаго *знатоками*, напрасны всѣ наши усилія достигнуть какихъ либо положительныхъ свѣдѣній въ Древнеславянской и Руской Словесности; отрывочные памятники и ведутъ къ отрывочнымъ знаніямъ, которыя всегда почти вполнѣ опровергаются, или же сильно потрясаются, первымъ же, случайно появившимся въ печати, сколько ни есть важнымъ памятникомъ. Пора, давно пора, заняться намъ и егѣмъ, какъ владѣльцамъ самыхъ богатыхъ, единственныхъ собраній Церковнославянской литературы, составленныхъ нашими неутомимо любознательными предками, собраній, которыя нигдѣ не найдемъ подобныхъ. Императорская Публичная бібліотека въ состояніи удовлетворять живущихъ въ Петербургѣ и желающихъ изучать Славянорусскую старину; Москва, напротивъ, до сихъ поръ лишена того, хотя числомъ любителей, статья можетъ, превзойдетъ самой Петербургъ, между тѣмъ какъ изъ однихъ лишь своихъ и ближайшихъ къ ней хранилищъ, можно бы образовать превосходное «Центральное хранилище Славянорусскихъ рукописныхъ памятниковъ для средней Россіи», съ коимъ слѣдовало бы соединить и замѣчательное собраніе старопечатныхъ книгъ прежняго Типографскаго Двора. Маѣ извѣстно, что такое собраніе вскорѣ умножилось бы патріотическими приношеніями многихъ владѣльцевъ рукописной и книжной старины, которые копили ее вовсе не съ торговой цѣлью и ради бы завременно найти ей пріютъ въ будущемъ отъ всякаго рода случайностей. Увѣренъ, что и для самаго помѣщенія, приличнаго такимъ сокровищамъ, предназначеннымъ для всеобщей

пользы, книголюбивая столица не отказала бы въ жертвѣ съ своей стороны. Равнымъ образомъ нашлись бы люди, которые готовы были бы служить безмездно при такомъ общепольномъ заведеніи своими свидѣніями и трудами. При немъ-то, кажется, лучше всего могла бы образоваться упомянутая выше Комиссія для изданія Славянонорусскихъ памятниковъ, для коей нигдѣ нѣтъ столько талантливыхъ людей, какъ въ нашей Москвѣ, и при томъ изъ одной страсти удовольстворенія ей и возможности примѣненія къ дѣлу своихъ познаній. Тогда свидѣнія наши о старой литературѣ и языкѣ получили бы совсѣмъ иной видъ, стали бы создаваться на твердомъ, неколебимомъ, основаніи; а безъ того, вѣрьте, изъ ничего—ничего не будетъ, или же мало путнаго.

8. Шафарикъ въ новомъ, чрезвычайно важномъ, изслѣдованіи своемъ о Глаголическомъ письмѣ и судьбахъ его, составляющемъ введенеіе къ «Памятникамъ Глагольской письменности» («Památky Hlahol ského písemnictví. V Praze, 1853»), разбирая названія буквъ въ обихѣхъ Славянскихъ азбукахъ, вездѣ приводитъ произношеніе и названіе ихъ Малороссіянами. Етъ послѣднія сообщены были ему мною, во время моего пребыванія за границей, и по тому за правильность ихъ, разумеется, тотъ и въ отвѣтъ, кто въ дѣлѣ. См. стр. 10, 18 — 23. Мудрому доколѣ!—Совершенно иное, во многихъ отношеніяхъ, представляетъ *Ἡτοι σοιχσία Βλάχων, Σέρβων, Βουλγάρων καὶ Ράβων,* находящ. въ одной рукописи Вѣнской Придворн. библіотеки № 233 (cod. philol. gr.), писанной въ 7025 году отъ сотворенія міра или 1517 отъ Р. Х., и напеч. Копитаромъ въ его «Glagolita Clozianica» стр. XXIX, прим. 1. Вотъ въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ въ немъ одна буква за другой: а, б, в, г, д, е, ж, з, з, і, и, к, л, м, н, о, п, р, с, т, ф, х, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, у, ш, ц, ю, ѡ, к, л, ж, ѡ. Слѣдовательно, всѣхъ числомъ 37. Не смотря на заглавіе, азбука эта ни одному изъ упомянутыхъ въ немъ народовъ не принадлежитъ въ томъ видѣ, въ какомъ она тутъ намъ представляется, по тому что въ ней: а) ѡ слѣдуетъ тотчасъ за х, а м и ѡ вовсе нѣтъ; б) ѿ и ѿ стоятъ между ѡ и шипящими, равно тутъ же и ѿ, оторванное отъ ѡ, за которымъ обыкновенно всюду слѣдуетъ въ нашей азбукѣ, именно, на самомъ ея концѣ, что и указываетъ на позднѣйшее включеніе ихъ въ оную; впрочемъ, мѣсто ето ѿ близко къ тому, которое оно занимаетъ въ азбукѣ Греческой, помѣнявшись только имъ съ ѿ; в) за шипящими, слѣдующими за ѿ, идутъ три двойныхъ: ю, ѡ, м, тоже не въ обыкновенномъ порядкѣ, по коему ѡ должно бы стоять впереди; г) за двойными носовыми, начиная съ слабѣйшей, и, въ концѣ всего, д) ѡ,

VIII

разобщенное, какъ сказано, съ своей неизмѣнной спутницей, ψ , а ϕ и τ совершенно опущены. Что до названія буквъ, то, судя по названію только нѣкоторыхъ изъ нихъ, оно довольно отлично отъ названія ихъ въ отрывкѣ, сообщенномъ Бандури; на пр.: с $\mu\pi\tau$, ж $\zeta\eta$, в $\tau\zeta\acute{\epsilon}\lambda\omicron$, х $\gamma\acute{\epsilon}\rho$, ѿ $\acute{\omega}\tau$, ч $\tau\zeta$, у $\tau\zeta\epsilon\rho\beta$, ш $\sigma\acute{\alpha}$, ф $\sigma\acute{\alpha}$, ю $\gamma\iota\omicron\upsilon\varsigma$, з $\acute{\iota}\acute{\alpha}\tau$, м $\acute{\iota}\acute{\alpha}$, а $\acute{\iota}\acute{\epsilon}$, ж $\acute{\iota}\acute{o}$. Между ними поставлены еще четыре: в, т, ц и ч безъ всякаго указанія на произношеніе, какъ и прочія, въ азбукѣ находящіяся; изъ отличенныхъ же произношеніемъ вполне сходится съ Бандуриевыми лишь одно ($\acute{\omega}\tau$), нѣскольکو отличается тоже одно ($\sigma\acute{\alpha}=\sigma\acute{\iota}\alpha$), по тому что $\tau\zeta\acute{\epsilon}\lambda\omicron$ и $\zeta\epsilon\lambda\acute{\epsilon}$, $\tau\zeta\iota$ и $\tau\zeta\eta$, $\tau\zeta\epsilon\rho\beta$ и $\tau\zeta\epsilon\rho\beta\eta$, $\sigma\acute{\alpha}$ и $\sigma\acute{\alpha}\iota\alpha$, $\acute{\iota}\acute{\alpha}\tau$ и $\gamma\acute{\epsilon}\alpha\tau$ намекають на значительную разницу въ выговорѣ, существующую и теперь еще у Православныхъ и Глаголитовъ, именно: $\tau\zeta\acute{\epsilon}\lambda\omicron$ въ устахъ южныхъ Славянъ звучитъ съ удареніемъ надъ $\acute{\epsilon}$, $\tau\zeta\epsilon\rho\beta$ и $\sigma\acute{\alpha}$ напоминають больше Булгарское и Сербское произношеніе, а $\tau\zeta\epsilon\rho\beta\eta$ и $\sigma\acute{\alpha}\iota\alpha$ — Великорусское; $\tau\zeta\iota$ тоже наше, $\tau\zeta\eta$ скорѣе близкое къ Латинскому с; $\acute{\iota}\acute{\alpha}\tau$ же и $\gamma\acute{\epsilon}\alpha\tau$ можетъ быть, въ сущности, одно и тоже, но выражены разными знаками, по тому что сочетаніе $\gamma\acute{\epsilon}$, очевидно, употреблено для показанія силы $\acute{\iota}$ (мягкости его), самое же γ , не смотря на смягченіе его уже въ устахъ Грековъ среднихъ вѣковъ, казалось означавшему, по чему-то, недостаточнымъ для выраженія етой мягкости; присоединивъ къ нему ϵ , онъ думалъ тѣмъ отклонить всякую сбивчивость въ выговорѣ. Но и то могло статься, что $\gamma\acute{\epsilon}\alpha\tau$, вмѣсто $\acute{\iota}\acute{\alpha}\tau$, хотѣли означить произношеніе буквы λ Рускими и нѣкоторыми другими Славянами (собственно, какъ μ), между тѣмъ какъ $\acute{\iota}\acute{\alpha}\tau$ прямо указываетъ на звукъ μ , какъ его слышимъ въ устахъ Булгаръ въ собственной Булгаріи, Поляковъ и т. д. Но $\gamma\iota\omicron\upsilon\varsigma$ его и $\gamma\acute{\epsilon}\iota\omicron\upsilon\varsigma$ Бандур. существенно различны: первое есть ю, а второе ж; то въ Бандуриевомъ отрывкѣ названо $\gamma\iota\omicron\upsilon$, и, въ слѣдъ же за нимъ, ж $\gamma\acute{\iota}\omicron\upsilon\varsigma$, а второе, поставленное въ Вѣнской рукописи черезъ три буквы ниже (передъ ϵ), выражено словомъ $\acute{\iota}\acute{o}$. По чему ю названо юсомъ, трудно сказать: вѣроятно, по сходству произношенія его съ мягкимъ ж (μ), хотя самое сочетаніе знаковъ, для выраженія его (ю) употребленныхъ, не вело къ такому названію. Знаки етъ $\acute{\iota}+\omicron$ или же $\acute{\iota}+\nu$, изъ коего, въ послѣдствіи, выработалось нынѣшнее его начертаніе. Видѣть въ етомъ послѣднемъ заимствованіе изъ Глаголицы, непозволительно, по тому что и въ ней древнѣйшее начертаніе указываетъ на соединеніе $\acute{\iota}+\omicron$, слѣдовательно, начертаніе ето могло быть взято для выраженія сего звука, по природѣ своей двойственнаго, изъ азбуки Латинской, разумѣется, извѣстной изобрѣтателю его, безъ всякаго посредства Глаголицы и Паннонцевъ (вопреки Копитару: Nesuchius, pag. 40). Напослѣдокъ, означеніе произношенія носовыхъ въ Вѣнской рук. отлич-

но отъ означенія того же въ отрывкѣ Баядури. Правда, носовой звукъ ни въ одной изъ етѣхъ азбукъ не показанъ прямо, тѣмъ не менѣе, въ первой гораздо болѣе признаковъ, указывающихъ на природу этого звука, чѣмъ во второй. Въ самомъ дѣлѣ: если прибавимъ къ означенію носоваго звука по *'Αλφιβυγο'* только *υ*, то получимъ произношеніе (въ мягкомъ видѣ) точь въ точь такое, какое слышимъ и теперь еще у Поляковъ, *je, ja*.

9. Письма етѣ напечатаны погодно Бочкомъ въ «*Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. Olomucii, 1836, tom. I, pag. 39—46, № № LVII, LVIII, LIX*, а прежде въ разныхъ сочиненіяхъ и сборникахъ, на прим.: *Salagii, De statu ecclesiae Pannonicae. Quinqueecclesiis 1780, 4, lib. IV, p. 424; Harduin., Collectanea conciliorum. VI. p. I, col. 85; Dobner, Annales Bohemorum. Pragae, 1765, 4, III, p. 190—193; Timoni, Imago antiquae Hungariae. Viennae, 1762, 4, I, p. 152; Schlözer, Несторъ. III, 200—204. Руск. перев. II, 502 — 510; Dobrowski, Cyrill und Method. S. 38, 92 и слѣд., въ Руск. переводѣ, Кириллъ и Мессодій. Москва 1825; 6. 4, стр. 27, 68 и слѣд. (собственно только выписки изъ посланій); Fejér Codex diplomaticus Hungariae, I, p. 213; кромѣ того у Бальбина, Гольдаста, Баронія, и друг. Блумбергерь, разбирая сочиненіе Добровскаго «*Cyrill und Method*», въ «*Jahrbücher der Literatur*» (Wien, 1824, XXVI, S. 211—233), смиллся заподозрить всѣ етѣ посланія папы Іоанна VIII-го, называя ихъ «источникомъ всѣхъ затрудненій и сомнѣній при изслѣдованіи о жизни Кирилла и Мессодія.» Но а) вымышлять посланія, изъ которыхъ въ одномъ запрещается Славянское богослуженіе и языкъ, а въ другомъ, напротивъ, одобряется и восхваляется однимъ и тѣмъ же лицомъ, черезъ чуръ уже хитро для Рима, когда онъ нуждался только въ послѣднемъ, и б) истинность ихъ подтверждается частью Реестра посланій упомянутаго папы, сохранившейся въ спискѣ второй половины XI-го вѣка, принадлежащемъ бібліотекѣ Монтекассинскаго монастыря, и снятаго по всему, съ подлинника, или же подлиннаго реестра, находящагося въ Ватиканскомъ Архивѣ. *Palacky's Italienische Reise im Jahre 1837. Prag. 1838, S. 15 — 16.* При такомъ положеніи дѣла нѣтъ настоятельной нужды доказывать подлинность етѣхъ писемъ тѣмъ, что они писаны и отправлены въ такомъ точно видѣ, въ какомъ до насъ дошли, или что списки съ нихъ настоящіе отпуски, равно какъ, наконецъ, тѣмъ, что писаны ранѣе 1343 года; также требовать, чтобы хотя одинъ достовѣрный писатель ссылался на сія письма до этого года. (См. Библиографическіе листы, № 10-й,*

X

стр. 145). Копитаръ въ своихъ «Prolegomena historica» къ Рейнскому Евангелію (изданному въ Парижѣ 1843 г. противнемъ, по волѣ Государя Императора, славнымъ Французскимъ краснописцемъ, *Силвестромъ*), написанныхъ имъ, безъ всякаго приглашенія къѣ либо, къ небольшому числу экземпляровъ, пущенныхъ въ продажу (по тому что опредѣленное число ихъ все отправлено было въ Россію для раздачи, по Высочайшей волѣ, разнымъ ученымъ, заведеніямъ и т. д.), и представлявшихъ новый случай высказать свои, и безъ того всѣмъ уже довольно извѣстныя, мнѣнія о началѣ Христіанства у Славянъ и языкъ ихъ богослуженія, Копитаръ, говорю, въ 1-ой главѣ етѣхъ «Prolegomena,» между прочимъ, утверждаетъ, что если бы ету привилегію, данную, съ рѣдкой обдуманностью и благоразумной осторожностью, папой Іоанномъ VIII-мъ, 880-го, исключительно Славянскому народу, позже подтвержденную Иннокентіемъ IV-мъ 1248 г. (уступка, которой ни одному народу не было сдѣлано ни прежде, ни послѣ, по тому что всѣ исповѣдывающіе Христіанство по Римскому обряду, совершаютъ богослуженіе на Латинскомъ языкѣ: «Memorable sane est unicum in patriarchatu romano privilegium liturgiae vernaculae Slavorum; reliquis omnino omnibus populis catholicis per Europam, Africam et Americam nonnisi *latine sacra facientibus*»), старался съ обѣихъ сторонъ добросовѣстно сохранять, тогда бы раздѣленіе не дошло до такой степени на Востокъ, а на Западъ не возникла бы въ послѣдствіи причина отторженія. Но Копитаръ забываетъ, или нарочно умалчиваетъ, о томъ, что ета привилегія прежде всего нарушена была на Востокомъ, на Западомъ, изгнавшимъ изъ Великоморавскаго Царства, тотчасъ по смерти Меѳодія, учениковъ его, а съ ними и Славянское богослуженіе, и введшимъ снова Латинское, какъ оно было до прибытія Солунскихъ благовѣстниковъ. Справедливость етѣхъ событій подтверждена въ новѣйшее время посланіемъ самаго папы къ Святополку, преемнику Ростислава. Папа етотъ былъ Стефанъ V-й или VI-й, третій (885 — 891) преемникъ Іоанна VIII-го (872 — 882 г.), по предписанію котораго, заключавшемуся въ упомянутомъ посланіи его (открытомъ недавно Вильг. *Ваттенбахомъ* въ бібліотекѣ Цистерціенскаго монастыря св. Креста въ нижней Австріи, Monasterium S. Mariae ad S. Crucem in valle petrososa, не подалеку отъ Вѣны, въ декабрѣ 1847 г., въ одномъ сборникѣ церковныхъ и свѣтскихъ законовъ, по письму, принадлежащихъ X-му столѣтію, и напечатанномъ въ 1849, при сочиненіи его: «Beitraege zur Geschichte der christlichen Kirche in Maehren und Boehmen. Wien, 8, S. VIII—56»), Латинское духовенство дѣйствова-

ло рѣшительно, во время отсутствія Святополка, явно склонявшася на сторону Латинниковъ, употребляя нарочно страшныя жестокости и преслѣдованія противъ Православныхъ (*Vita Clementis*, cap. IX—XIII, p. 399). Предписаніе же папы, вѣроятно, было составлено Вихингомъ, викаріемъ города Нитры, получившимъ его въ послѣднее свое путешествіе въ Римъ, который былъ, какъ показываетъ то его имя, Нѣмецъ, человекъ, по словамъ самыхъ соплеменниковъ, «*turbulentus et ambitiosus, ipsisque Bavaris invisus (Vita Clementis, ed. Fr. Miklošič, p. XIV, not.)*. Лстя всячески и поблажая слабостямъ князя, онъ втерся, такъ сказать, въ его благосклонность и былъ употребляемъ имъ не разъ, какъ посолъ въ Римъ. Воспользовавшись примиреніемъ Святополка съ импер. Карломъ III-мъ (884 г.), равно и съ Арнульфомъ (его племянникомъ, вскорѣ свергшимъ дядю съ престола), етотъ хитрый Нѣмецъ вооружалъ, кажется, Великоморавскаго государя противу Меѳодія, стоявшаго твердо за Православіе и совершеніе его на Славянскомъ языкѣ; по крайности видимъ, что Святополкъ неохотно являлся при Славянскомъ богослуженіи, предпочитая ему отправленіе на Латинскомъ. И точно, чѣмъ же объяснить желаніе Меѳодія, выраженное въ его Житіи, и состоявшее въ томъ, что если онъ явится къ нему съ войскомъ и дворомъ своимъ на литургію въ день апост. Петра и Павла, то получить побѣду надъ врагомъ: «нигдѣ же плыи Стопѣлкоу конюшоу изъ погнѣжи и нинѣсо же оуспяюцию, изъ моударию, стго Петра мѣши приближюирица, рекѣше слоужьст, послаа къ немоу гдѣ, яко аце ми са обѣцаеши изъ стѣи Петрокѣ дѣи съ конъ сконни сътворити оу мене, ктѣроу къ Бѣ, яко предати ти имѣти еи къскорѣ, вже и бысть.» Да и въ посланіи папы Іоанна VIII-го, въ заключеніе сказано: если князь предпочитаетъ слушать обѣдню на Латинскомъ, то можетъ это: «*Et si tibi (Suatoplucio) et iudicibus tuis placet, missas latina lingua magis audire, praecipimus, ut latine missarum solennia tibi celebrentur (Ep. an. 880)*.» Объ етомъ желаніи (*placet*) папа могъ, конечно, узнать скорѣе всего отъ людей, подобныхъ Вихинку, а можетъ быть, и отъ него самаго. Но когда Меѳодій, потерявъ всякое терпѣніе, произнесъ, наконецъ, отчужденіе надъ княземъ и его любимцемъ (*Vita Clement. c. VII. и Моравск. сказаніе, у Добровскаго, стр. 43, 104*), то первый, пораженный тѣмъ, обратился (разумеется, по внушенію своего любимца), къ папѣ за совѣтомъ. Вихингъ увѣрилъ папу, Стефана V-го, о преданности Святополка Латинскому обряду, и по тому тотъ писалъ ему: «*Methodium tamque supersticioni, non edificacioni, contencioni non paci insistentem audientes, plurimum mirati sumus; et si ita est, ut audiimus,*

XII

supersticionem eius penitus abdicamus. *Anathema vero pro contemnenda catholica fide, qui indixit, in caput redundabit eius.* Tu autem et populus tuus sancti spiritus iudicio ~~eritis~~ innocii, si tamen fidem, quam romana praedicat aecclesia, tenueritis inuiolabiter. Diuina autem officia et sacra misteria ac missarum solemnia, que idem Methodius Sclauorum lingua celebrare presumpsit, quod ne ulterius faceret supra sacratissimum beati Petri corpus, iuramento firmauerat, sui periurii reatum perhorrescentes nullo modo deinceps a quolibet presumatur. Dei namque nostraque apostolica auctoritate *sub anathematis uinculo interdiciamus*, excepto quod ad simplicis populi et non intelligentis aedificationem attinet, si euangelii, uel apostoli, expositio ab eruditis eadem lingua annuncietur, et largimur et exortamur, et ut frequentissime fiat monemus, ut omnis lingua laudet deum, et confiteatur ei. *Contumaces autem et inobedientes, contencioni et scandalo insistentes*, post primam et secundam admonicionem, si se minime correxerit, *quasi zizaniorum seminatores, ab aecclesie gremio abici sancimus, et, ne una ouis moruida totum gregem contamine, nostro uigore refrenare et a uestris finibus procul excludi precipimus.* Етъхъ-то, столько опасныхъ, людей, Латинское духовенство постаралось тотчасъ, по кончинѣ Меодія, не только различить съ своимъ стадомъ, но даже совершенно изгнать за предѣлы, какъ оно утверждало, *своей земли.* Какъ же, послѣ всего этого, увѣрять еще, что Востокъ не заботился о *добросовѣстномъ* сохраненіи единственной въ своемъ родѣ папской привилегіи для Славянъ, когда она, черезъ 5-ть лѣтъ послѣ наданія своего, была, прежде всего, нарушена самымъ папой?

10. *Wattenbach*, Beitrage u. s. w., S. 23.

11. По увѣренію Палацкаго, въ Реестрѣ Ватиканскаго Архива (fol. 100), стоитъ «*sclauiniscas*». См. Fac-simile съ етъхъ словъ, отъ «*quasi zizaniorum seminatores*» до «*quae praecipit dicens*», помѣщенное имъ на концѣ его «*Literarische Reise nach Italien im Jahre 1837.*»

12. Сколько помню, напечатано въ «*Juavia*»; *Freheri*, Regum Bohemic. antiqui scriptores. Hanoviae, 1602, f., p. 15—20; *Ofel*, Scriptores regum Boicar. I, p. 780 sq.; съ нѣкоторыми пропусками, но за то слѣдующее съ пятью пергаменными списками Импер. Вѣнской библіотеки (изъ коихъ два XI—XII, а три XIII—XIV стол.) у *Konigara*, какъ «*Appendix quinta*,» въ его «*Glagolita Clozianus. Vindobonae, 1836, f., pag. LXXII—LXXVI.*

13. Сочинитель хроник монастыря Монтекасино въ 3-хъ книгахъ, къ коимъ, въ послѣдствіи, прибавлена, Петровъ діаконъ, и 4-я, содержащая исторію етой обители до 1138 года, изд. вполнѣ въ Парижѣ 1603 и 1668 г., въ л.; кромѣ того, она помѣщена и въ собраніи Муратори.

14. Фламандскій езуитъ (1600—1681), трудившійся съ Болландомъ (Жаномъ, Голландцемъ, 1596—1665), основателемъ изданія «Acta SS.», при выпускѣ первыхъ четырехъ книгъ.

15. *Maehrische Legende von Cyrill und Method, nach Handschriften, herausgegeben, mit andern Legenden verglichen und erläutert.* Prag, 1826, 8, 128, стр., явилась, спустя три года послѣ его «Cyrill und Method», съ котораго былъ сдѣланъ Русскій переводъ, по порученію Государственнаго канцлера, графа Н. П. Румянцева, М. Погодинымъ, и напечатанъ въ Москвѣ, 1825 г., въ 4-ку: «Кириллъ и Меодій, Словенскіе первоучители.» Оба етъ сочиненія вошли также и въ «*Abhandlungen der k. böhm. Gesellschaft der Wissenschaften*; Prag.» коего сочинитель былъ членомъ.

16. *Cyrill und Method, S. 17, въ Руск. 11—12.* Напечатана у Болландистовъ по списку, полученному ими изъ прежняго Бенедиктинскаго монастыря, *Waubersberg*, въ Виртембергскомъ корол. 1480 г., перепечатана Шлэцеромъ (Несторъ, II, S. 154—160, Руск. III, 414—422) съ ошибками, и вновь издана Добровскимъ по двумъ древнимъ рукописямъ, Оломуцкой (библіотеки Соборной церкви) и Пражской (библіотеки Публичной). *Maehx. Leg. 7—8.*

17. Важнѣйшее слѣдующее: Святополкъ названъ язычникомъ, который, по крещеніи себя и народа, учреждаетъ архіепископство, въ столицѣ своей, Велеградѣ, а Кирилла дѣлаетъ первымъ архіепископомъ Моравскимъ, подъ конигъ было 7-мъ епископовъ, жившихъ въ Польшѣ и Угріи. Далѣе говорится, что отецъ Кирилла и Меодія назывался Константиномъ, а не Львомъ; что Меодій пытался увезти изъ Рима, съ собою, тайнымъ образомъ, тѣло своего брата, но не могъ поднять его съ мѣста. *Cyrill u. Method. §. 4, S. 26 — 32, Руск. 18—22.*

18. Онъ родился въ ту ночь, въ которую отецъ его убилъ брата своего, Вячеслава, и по тому названъ былъ Страхъвасъ (страшный пиръ, виршенство, угощеніе), какъ это слово (квасъ) имѣетъ, между прочимъ, значеніе въ Чешскомъ и въ некоторыхъ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Убіенство произошло 936 года, сент. 28 дня, въ среду, по Добнеру (*Annal. Naues. III, 652—657*), что принялъ и Палацкій въ свою *Geschichte von Böhmen, Prag, 1836, I, S. 208—209*, но послѣ, въ «*Dějiny národu Českého, I, 1848, стр. 237, примѣч. 22 0*

XIV

согласился съ показаніемъ Церковнославянскаго Житія Вячеслава, по которому ето случилось въ понедѣльникъ 935 г., какъ доказывалъ то уже Пубичка въ «Chronologische Geschichte» II, S. 307—310.

19. Добровский, *Bořivoj's Taufe*, §. 26.

20. *Vita et Passio specialis S. Wenceslai Martyris*, въ спискѣ, XIV-го стол., Пражской митропол. библиотеки, въ коемъ и древнѣйшій списокъ Хроники Козьмы Пражскаго (*Scriptores rerum Bohemicarum*, T. I, 8, Prag. 1783, pag. XX). Тамъ же, S. 7 и 14.

21. Издано въ первой разъ Менкеномъ въ *Scriptores rerum Germanicarum*, T. III, Lips. 1730, pag. 1830 и слѣд., по древнему Дрезденскому списку; оно приведено тутъ, въ видѣ дополненія къ Лѣтописи Козьмы и составляетъ основной источникъ для всѣхъ послѣдующихъ Житій, далеко превышающихъ его подробностями и украшениями.

22. Въ спискѣ Пражской Публичной библиотеки, о коемъ упоминаетъ Бальбинъ въ 3-й части *Bohemia docta*. Prag. 1777, §. pag. 115. *Dobrowsky, Bořivoj's Taufe*, S. 16 — 23.

23. *Bořivoj's Taufe*, S. 23—28, гдѣ подробно доказано все ето.

24. *Dobrowsky, Cyrill und Method*, §. 3.

25. Извѣстіе Сазавскаго монаха о Прокопіи почти тѣми же словами внесено въ другое Житіе сего святаго, писанное по Латини и переведенное кѣмъ-то съ Славянскаго: «*Deo tamen conscio teste historia veridica, de sclaunonicis literis in latinitatem translata, cujus materiam succincte adior explicare: Procopius natione Bohemigena ex ingenuis parentibus... cujus origo exstat ex quodam territorio, cui nomen vulgariter Chotim... Videntes ejus praeclari genitores pueri tantam gratiam Dei in eo rutilare, commendaverunt eum in castro Visegradensi magistro liberalium litterarum studiis, ut eorum informatione coelestibus institueretur disciplinis, ubi tunc temporis famosum studium Sclaunonicae linguae vigebat*», etc. Можетъ быть, сдѣсь подъ «*historia veridica*» разумѣется сказаніе о св. Прокопіи на Чешскомъ языкѣ, находящееся въ пергаменной (на 122 л.) Градецкой рукописи, принадлежащей библиотекѣ князя Лобковица въ Прагѣ, по письму начала XIV-го вѣка, но по языку гораздо старѣе; доказательствомъ тому, по словамъ Шафарика, служить порча многихъ стиховъ и речей. Первоначально Сказаніе ето напечатано В. В. Ганкой въ «*Starobylá skládání. W Praze 1817, I. стр. 1—51*; потомъ Шафарикомъ въ «*Wybor z literatury české. W Praze, 1845, стр. 182—212*».

Оно начинается такъ:

«*Slyšte staří, i wy děti,*

co jáz vám chci povědieti,» и проч.

Далше: «Swatý Procop jest Slowenského roda,
 nedaleko ot Českého Broda;
 tu wes dobře bôh rozplodil,
 w niež sě ten swatý urodil.
 A wšak dobře powědieti směji:
 tei wsi jmě Chotún ději,
 w niejžto bydlěše stary kmet,
 ten sobě imieše mnoho let,
 Swú ženu šlechtnú jmieše
 S nížto manželstwo držěše. ...
 Prokop ot dětinstwie swého
 by chowáně welmi čsného:
 po boze tworcí tůžieše,
 Swětskú sláwu potupieše...
 Widúce to roditeli,
 jakého synáčka jměli,
 wzachu mezi sobú radu,
 chtiec jej sláti k Wyšehradu,
 k mistru na slowo wzatému,
 by jej učil čtení wšemu,
 kdež slawné učenie bieše,
 w Slowenském jazyku kwěše.»

Сходное читаемъ еще въ одномъ старомъ служебникѣ: «Erat S. Procopius bohemus oriundus de quadam villa Chotin, non longe a Praga, a beato Cyrillo *slavonicis apicibus* episcopo imbutus, in Visegradum a parentibus nobilebus ad scolae ad literas appositus,» etc. См. «Сазаво-Еммауское святое благовѣствованіе, нынѣ же Ремское, иждив. В. Ганкы.» Прага, 1836 г., III—VI.

Все это, между прочимъ, свидѣтельствуеъ также объ употребленіи Церковнославянскаго языка и въ Чехахъ со времени пребыванія Кирилла и Меодія въ Великоморавскомъ Государствѣ, который преподавался въ самой столицѣ Чехъ, Вышеградѣ. Послѣ передачи Сазавскаго монастыря (въ коемъ особенно процвѣтало Славянское богослуженіе по обряду Православія) Латинскому духовенству, Сазавскій монахъ сказаніе о своей обители заключаетъ слѣдующими замѣчательными словами: «et libri linquae eorum (Славянскихъ Православныхъ иноковъ) deleti omnino et disperditi, nequaquam ulterius in eodem loco recitabuntur.» pag. 102, ed. 1783 г. Послѣ было еще нѣсколько попытокъ возвратитъ потерянное, т. е.,

вести изученіе Церковнославянскаго языка и богослуженіе на немъ въ Чехахъ, что и въ Гусовомъ возстаніи противъ Рима играло важную роль, да и теперь сердца просвѣщенныхъ Чеховъ равнодушны къ этой святынѣ. Вспомнимъ борьбу знаменитаго Добровскаго. См. «Примѣчаніе» наше объ этомъ къ соч.: «Православіе у Чеховъ, соч. Ев. Новикова,» въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ, 1848 года, кн. IX-я.»

26. См. *Добровскаго* *Syngill und Meth.*, S. 51, въ Руск. стр. 37, гдѣ онъ неправильно названъ *Градскимъ* монахомъ, по Нѣмецки *Hradischer Mönch* (слѣдовало, по крайности, перевести «Градшкскій» монахъ). Названіе «Градшкскій» монахъ дано ему Добнеромъ и другими, на томъ основаніи, что въ лѣтописи его много извѣстій о Градшкскомъ монастырѣ (близъ Оломуца, основан. 1077 г.). Но Палацкій, опираясь на списокъ его лѣтописи, дошедшійся ему въ руки 1829 г., съ надписью: «*Liber monasterii Oratovicen.*», назвалъ его монахомъ «*Опатовицкимъ*», по Опатовицкому Бенедиктинскому монастырю на р. Лабѣ, между Кралоувеградцемъ (*Koenigin-graetz*) и Хрудимомъ, основ. 1088 г. королемъ Вратиславомъ и разруш. въ Гуситскія войны. Сдѣсь, стало быть, жилъ сочинитель этой лѣтописи, принадл. XII-му в. уже по своему списку, на пергам., въ листъ. Составитель ея пользовался многими рукописями (Козьмой, продолжителемъ его, Сазавскимъ черноризцемъ и друг.); она писана неровнымъ слогомъ, а это заставляетъ думать, что въ составленіи ея участвовали многіе. *Palacky*, *Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber. Eine gekrönte Preisschrift. Prag. 1830, S. 52—64.*

27. См. *J. Lucius* (Лучичъ) *De regno Dalmatiae et Croatiae lib. IV. Amstel. 1666, f.* Въ Вѣнскомъ изданіи этого сочиненія она пропущена, а «*Kronika Hrvatska iz XII veka.*» переведенная съ Сербскаго на Латинскій Маркомъ Маруломъ 1510 года и напечатанная Швабдтнеромъ (въ *Scriptores regum Hungaricarum. Vindob. 1746—48, f.*) теперь издана на языкъ подлинника въ 4-ой книжкѣ «*Arhiva za povēstnicu jugoslavensku društva za jugoslavensku povēstnicu i starine u Zagrebu, 1851, стр. 1—37.*», гдѣ въ предисловіи подробно изложена судьба ея (1—3). Отношеніе ея къ первой, съ которой чрезвычайно сходна (почти дословно въ большой части изложенія), по сѣ пору не рѣшено еще окончательно.

28. Примерскіе Далматскіе города, наитавшіеся, отъ долгаго общенія съ Италіей, Западные мысли, просили папу, Николая II-го, созвать новый соборъ противу Православнаго богослуженія,

которое, не смотря на два перыме, бывшіе слишкомъ за 130 лѣтъ передъ тѣмъ (въ Сплитѣ 925 г. и Салонѣ 928 г.), при папѣ Іоаннѣ X-мъ, сильно держалось въ внутренней Далмаціи, между Славянскимъ народонаселеніемъ. Соборъ этотъ былъ открытъ, подъ предсѣдательствомъ Кассинскаго аббата, а Сельскаго епископа, Майнарда, въ Салонѣ 1059 г., на коемъ, въ третій разъ, Православное богослуженіе запрещено, церкви же, въ которыхъ оно отправлялось, закрыты, Меѳодій, какъ виновникъ его, объявленъ еретикомъ, а Кириллица названа Готской азбукой. Спустя 5 лѣтъ, постановленія этого Собора были повторены на новомъ, въ Сплитѣ 1064 года. Однако же, Православіе, гонимое Римомъ и ни кѣмъ не защищаемое, до того было крѣпко въ Далмаціи и Хорваціи, что еще въ началѣ XIII-го вѣка (1204 г.) въ нихъ находился одинъ лишь чисто Католическій монастырь (сообщіе pure Latinum. *Bardosy, Supplem. Analect. Scerpus. 1802, pag. 196. Schlözer, Несторъ, III Theil, S. 176.*). Впрочемъ, преслѣдуемые нашли, около половины XIII-го столѣтія (1248 года), защитника въ самомъ папѣ, Інноцентіи IV-мъ, который разрѣшилъ Корбавскому епископу отправленіе богослуженія на Церковнославянскомъ языкѣ, но придерживаясь Римскаго обряда, сперва по Глагольскимъ книгамъ, смѣнявшимъ Кирилловскія, взявшія было опять верхъ въ половинѣ прошлаго вѣка, хотя и Глаголица коегдѣ и теперь еще употребляется, а потомъ когда послѣдняя очень упала, и по Кирилловскимъ. Наконецъ, вмѣсто того и другаго письма стали вводить Латинскія буквы. Отъ того число Католиковъ возрасло нынѣ въ этой землѣ до 350 т., которые имѣютъ архіепископа въ Задрѣ и 5 епископовъ (въ Шибеникѣ, Сплитѣ, Лезинѣ, Дубровникѣ и Которѣ), а Православныхъ, не взирая на всѣ неприятели, слишкомъ 80 т. съ 11-ью монастырями и епископомъ въ Задрѣ. См. *Николаевича* (Георгія, протоіерея въ Дубровникѣ) «Епархія Православна у Далмаціи,» въ «Сербско-Далматинскомъ Магазинѣ за лѣто 1850. Загребъ, стр. 1—50.

29. Именно, въ статьѣ «О чтеніи книгъ.» По другому списку это свидѣтельство о Житіи Кирилла такъ читается: «Послѣднѣе житіа сѣго Касміа и сѣго Кирилла Философа, и нѣтъ многихъ сѣмъ, нѣмо ти исперки поведзють ѿ нихъ рѣше, нѣмо измада прилеждѣ ѿ сѣмъ книгахъ, то же на добраа дѣла поденгивашася.» Списокъ этотъ XVI вѣка разобранъ А. Х. Востоковымъ въ «Опис. Румянц. Музея, № 182, стр. 230—232, а самая статья доставлена мнѣ Н. С. Тихонравовымъ, получившимъ ее отъ г. А. Н. Пыпина, который списалъ оную съ подлинника. Очень замѣчательно, что о нашемъ Кириллѣ говорится также въ одной статьѣ, именно 5-й, въ рукописи подъ № 35-мъ Московской Духовной

XVIII

Академія (въ листь, на лоснящ. бумагѣ, писанной уставомъ, съ кинноварными заглавіями и прописными, на 243 листахъ, оправленной въ кожаная доски, нѣкогда съ застѣжками), содержащей въ себѣ, съ 1-го по оборотъ 22-го листа: а) «Житіе и жизни прѣдшлага бѣи шшего Іоанна Дамаскина, списано Іоанномъ патриархомъ Антиохійскимъ.» Нач.: «Иже по образу вѣлю сохранившимъ.» и пр.; б) «Притча о инокѣхъ довророднемъ.» Нач.: «Уликъ довророденъ иде ѿ страни дядеуе прѣлти прѣво собѣ.» и пр. (10 строкъ); в) «Слово перкое ѿ Бѣхъ, Іоанна Ехзарфа.» т. е., «Книга небеса» или «Богословіе.» но безъ предисловія (съ обор. 22-го по обор. 76); г) «Притча о сѣмѣи.» Нач.: «Изуде сѣвецъ сѣмти сѣмѣи своего» (36 строкъ); д) «Слово сѣго Григорія пѣпы Римскаго.» Нач.: «Добро, братіе, и полезно есть всакому вѣрну поунтаніе книжное.» и пр. (38 строкъ); е) «Слово сѣго аѣл Пакла, истоликованно Іоанно Златѣстоу і Василемъ Великимъ.» Нач.: «Придемъ, братіе, да оуслыши слово ползы.» и пр. (съ обор. 77 по обор. 78-го); ж) «Слово сѣхъ бѣхъ Хрѣтѣмъ.» Нач.: «Рече вы послушайте любовно, братіе.» и проч. (по обор. 79 лис.); з) «Толикованіе несоудого поумнаемыхъ рече» (оборот. 80—94); и) Объ удареніяхъ (95—96); і) Пасхалія (97—100); к) «Книга глѣмла, Доматѣ.» (101—119); л) «Дзвзкокинкъ» (по 124); м) «Послание сѣго Іоанна Дамаскина ко стѣхъ сѣиносѣпу Козму Маѣоумскому» (по 129); и) «Сказаніе ѿ вѣстествомъ писани стѣхъ книгъ, како подобаѣ писати стое і посрѣнее і ѿпѣнее, і что писѣ по ѣзметѣ, і чего не подобаѣт покрывати.» и пр. (съ 130 до конца). Статья эта очень напоминаетъ извѣстную статью Ермитажнаго Святославова Сборника, но имѣетъ и свои особенности. Предлагаю ее сдѣсь для сличенія: «Добро, братіе, и полезно есть всакому вѣрну поунтаніе книжное; вѣдени бо рече пытающен свѣтѣл его; слышаше бо всегда слово вѣіе не забвднимъ ѿ истинны; велики бо ползѣ намъ, к матежи мира сего вѣдѣше, поунтаніе книжное; а се же велики есть зло і погибель дѣши, еже не слышаше оууеніа, безвѣстно жити. Но да са изсадимъ оууеніа вѣтвейнаго; держи бо хлѣта и каменіа многоцѣннаго, прѣкитель есть і оутверженіе дѣши; рече бо Дѣхъ прѣхъ: въ сѣрцы моимъ сѣрѣ сложеся твоа, да не согрѣши тебѣ. І како жѣ оуздѣ мовеши прѣкитель есть, тако и уликъ востаждетса ѿ поустѣшии, слыши оууеніа сѣла; і како же подонені оушъ ко своен страни есть, тѣмо нѣмѣ страхъ вѣіи, всегда мыслитъ ѿ нѣнѣи и желдетъ оууеніа слышати. Слыши жѣ, како ти хлѣтитъ прѣхъ не поунтанюшѣла, ни слышашѣла оууеніа: проклати оууенюшѣнса ѿ хлѣповѣден твоѣ, і хлѣ осудатса. І самъ са похвали, глѣ: Коль сладка словеса твоа, паче меда оуѣтѣ моимъ, і хлѣкомъ оуѣтѣ твоѣ мате тысящѣ хлѣта и сребра, и во святѣ глѣ воз-

радуются дух о словесахъ твоихъ, мно обратъ помыслъ многу; помыслъ
нарекуе словеса кѣмъ. Да и мы ихъ слышати поумислѣ смыслею;
всѣ бо дѣломъ добрымъ являло есть поученіе стѣи пнигъ, і великиа
естъ полъза оученіе слышати стѣго Василѣа, і Нбѣи Златоустѣаго, і
Ефрема, и Кирилла Философа, і нѣ стѣмъ, да здѣ вѣоучѣнѣ по-
жише, онамо цѣтка некеснаго сподобимса кѣтѣю Гдѣи нѣего.»

30. На Чешскій переведенной В. В. Ганкой и напечатанной въ
Савор. česk. Museum 1846, I, стр. 3—33. Первое извѣстіе объ етой
статьѣ и употребленіе въ дѣло заключающагося въ ней сдѣлано бы-
ло мною въ моемъ соч.: «О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что Церко-
вно-Книжный языкъ есть Славяно-Булгарскій,» помѣщен. въ Журн.
Мин. Нар. Просв. 1843 г., кн. 6, стр. 15.

31. Житіе Кирилла въ рук. бібліотеки Московской Духовной Ака-
деміи, XV-го стол., въ листъ, на лоснящейся бумагѣ, полуустав., съ
киноварными заглавными и прописными буквами, содержащей въ се-
бѣ: 1) л. 1—340: Толкованіе на 16 пророковъ (извѣстное въ нѣко-
торыхъ спискахъ съ подписью попа Упиря, на примѣръ, въ бумажи.
XV-го же вѣка, въ листъ полууставомъ, принадлежавшемъ Петербург-
скому Биржевому маклеру, Федору Иван. Немилову, а теперь Ржевскому
купцу Е. В. Берсеневу); 2) л. 341—365: «Мѣа Номикрѣа дѣ Житіе и жизнь
и подвизи прѣдобнаго ѡца нашего Іоаннѣа» (ум. 847); 3) 365—389:
«Мѣа Феокларѣа къ, дѣ. Житіе и жизнь, и подвизи, иже въ стѣхъ ѡца на-
шего Кѣнстантѣна философа, прѣваго наставника и оучителя Словенскихъ
«языкъ; 4) л. 390—393: «Тѣлкованіе (о) ѡнольстѣи и Сѣформѣи цѣркѣи»
(неполное), и нѣкоторыя еще мелкія статьи, болѣе толковательнаго
содержанія, каковы: «О вѣрности ветхаго завета» (13 строкъ); «Законоу
образѣи о Хѣ стѣрхшнѣа» (36 стр.); Притча о тѣлѣ и о дѣи ульстѣи (34
стр.); Стѣго Григорѣа Бѣслова о шѣкнѣа» (9 строкъ). Рукопись опра-
влена въ красноватую кожу и значится подъ № 19-мъ. А Житіе Меео-
дѣа въ Четь-Миней на апрѣль и май, бум. рук. въ л., на 349 л., принадле-
жащая той же Академіи подъ № 94; она писана полууставомъ двухъ
почерковъ (первый по 238, а второй далѣе до конца); съ 105 по обор.
115 Житіе (на 11-ти лист.), а за нимъ Похвальное Слово по 128 (на
9-ти л.). Въ етой же рук., между прочимъ, находятся: 1) Сказаніе ѡ ую-
десахъ стѣю Ромѣи и Дѣкѣа (218—232, на 14 л.); 2) Мѣиѣ стѣхъ
Кроулаца, Мажѣа и Коуца, къ крѣстѣи Антола, Іоаннѣа и Евстаѣа,
пострадавшихъ въ Антоксной землѣ, къ Вѣнѣа, къ Православнѣю вѣроу
нѣтѣанскѣю» (300—304), и 3) Прѣваго по сѣщеннономѣхъ ѡца нѣего
Евфрѣаа слово ѡ житіи и оученіи стѣго ѡца нашего Стефана, вы-

шаго къ Перми Ёйма (362 — 876, на 15-ти тетрадахъ и полъ 4 листа). Всюду киноварныя заглавія и многія изъ прописныхъ буквъ; оправлена въ дерев. доски, покрытыя кожою.

32. «Památky dějného ráemnictví Jihoslovánův. V Praze, 1851, 8.»

33. На прѣмѣрь: допущено отдѣленіе словъ по требованію смысла, писанныхъ вплошь; далѣе, уничтожены тѣтла, вмѣсто которыхъ поставлены слова вплошь; возстановлены *ш* и *л* на своемъ мѣстѣ; всюду *оу* вмѣсто *у* въ словахъ Славянскихъ, и исправлены очевидныя ошибки переписчика (каковы: Вилигый вмѣсто Вугилый, трижники вмѣсто стрижины, и т. п.). Одобряя первое и послѣднее безусловно, я не нахожу нужнымъ прочихъ, по тому что подъ тѣтлами скрываются и такія слова, правописаніе которыхъ не всегда можно съ достовѣрностью отгадать; а возстановленіе различія между *ш* и *л*, *оу* и *у* страннымъ покажется во множествѣ прочихъ несообразностей, оставленныхъ безъ исправленія. При томъ ета самая непослѣдовательность составляетъ одинъ изъ признаковъ, опредѣляющихъ вѣкъ и изводъ памятниковъ. По етому я не одобряю тоже и измѣненій, сдѣланныхъ В. В. Ганкой въ его перепечаткѣ Остромирова Евангелія, въ 12-ю д. л., въ Прагѣ, 1853 г. (XII и 206), съ предисловіемъ на Чешскомъ, Рускомъ, Булгарскомъ, Польскомъ и Сербскомъ, но съ опущеніемъ Мѣсяцослова и Греческаго подлинника, при томъ не по недѣлямъ, но по Евангелистамъ и главамъ. «Привнесенія составляютъ: ударенія по образцу нынѣшнихъ церковныхъ книгъ, и исправленіе ошибокъ правописанія, по аналогіи съ другими мѣстами, добавленіе пропущенныхъ смягченій *и*, *л*, *р*, *д*, и нѣкоторыхъ достижательныхъ наклоненій (*supina*).» Поступая такъ съ древними рукописями, мы представляемъ читателю не то, или, по крайности, не въ томъ видѣ, въ какомъ найденное нами слѣдовало бы сдѣлать доступнымъ всѣмъ и каждому, но въ томъ, какъ намъ хотѣлось бы, чтобъ оно было, и тѣмъ лишаемъ возможности изучать памятникъ въ его первичномъ состояніи. По мнѣ, лучше все было бы наши исправленія не вносить въ самое изложеніе, безъ крайней нужды; но, если ужъ пришла охота отмѣчать ихъ, то отмѣчать въ примѣчаніяхъ, прибавленіяхъ, даже подъ чертой текста; или, на оборотъ, вставляя въ текстъ исправленіе, тутъ же показывать и самое ошибочное чтеніе, либо собрать всѣ промахи въ одно мѣсто, на концѣ изданія, съ ссылками на текстъ. Что до удареній, то извѣстно, что ихъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ нѣтъ, и, сверхъ того, въ новѣйшихъ большая разница, не только по разрядамъ рукописей, но даже и самыхъ переписчиковъ. Въ нынѣшнихъ Церковныхъ клягахъ ударенія стоятъ по выговору Рускому.

34. «Rozkvět Slowanské literatury w Bulharaku,» въ 1-й книжкѣ 1-й части «Sazoriz českého Museum. Praha,» 16; по Руски перевод. мною въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древн. Росс.,» тогда же, кн. VII, Отд. III, стр. 11.

35. Тамъ же, стр. 6 и 16, въ Руск. 4 и 11.

36. Тамъ же, стр. 8 и 19, въ Руск. 6 и 13.

37. *Πολυχρόνιον μοραβήριον* по разысканію сочинителя статьи «О Кириллѣ и Меѳодіи,» помѣщенной въ Москвитинѣхъ 1843 года, со-общенному мнѣ лично, въ прошломъ іюлѣ, находился на горѣ Сигрїанской, недалеко отъ города Кизика, на Азіятскомъ берегу Мраморнаго моря. Въ немъ постриженъ Теофанъ, извѣстный писатель Хронографа. Paris. 1655, и въ Act. SS., mart. T. II, p. 213—228.

38. Въ пергаменномъ Сборникѣ, въ два столбца, въ листъ, уставомъ, № 11 $\frac{0}{5}$ -й, принадлежащемъ Московскому Чудову монастырю. «Похвала» эта встрѣтилась мнѣ еще, уже по отпечатаніи етого (3-го), листа, въ Макарьевской Четъ-Миней, подъ 25-мъ ноября, что было и прежде извѣстно изъ «Оглавленія Четій-Миней, сдѣланны монахомъ Евѳиміемъ, справщикомъ и сотрудникомъ Епифанія Славнецакаго (стр. 18, столб. 2-й), гдѣ и самое начало ея приведено; но, такъ какъ я не имѣлъ ее въ ту пору еще въ своихъ рукахъ, то, по тому, и не могъ ею воспользоваться. Теперь, въ дополненіе къ сказанному мною въ самомъ изложеніи моего изслѣдованія, замѣчу, что это твореніе Климента занимаетъ шестое мѣсто въ числѣ прочихъ статей о Климентѣ подъ упомянутымъ днемъ, именно, стр. 2285, стол. 1-й: «Прологъ. Мѣѣ тогѣ .кѣ. страсть сѣго мѣѣннѣа Климентѣа архїеѣннѣа Римскѣаго.» Нач.: «Климентъ премоудрѣннѣа Римляниннѣа, бѣше оубиеннѣа и вѣмѣстннѣа стѣхъ апѣл.» (37 строкъ). «Въ тоѣже дѣѣе приносенѣе мѣрѣи сѣго Климентѣа ѿ глѣбннѣа мѣрѣа въ Корсоуѣннѣа.» Нач.: «Въ цѣрѣкѣ Микѣфорѣа златѣворнѣа мѣрѣа» (2+28 = 30), а на листѣ 2289: «Мѣуенѣе сѣго Климентѣа, патрїарха Римскѣаго, уѣтверѣаго бѣхнѣа по апѣстола Петрѣа.» Нач.: «Уѣтверѣтѣннѣа Римскѣи цѣрѣкѣи пристаниннѣа бѣхнѣа Климентъ (12-ть столбцевъ, съ 2289 по 2294 л.). Далѣе: «Въ тоѣ же дѣѣе слоко ѿ уѣдеси сѣго архїеѣннѣа Херисонѣнскѣаго Климентѣа.» Нач.: «Дѣлѣкѣннѣа Бѣгъ ко сѣѣмъ своимъ прѣлѣдѣко слоко рѣцѣи ннѣннѣа съ пророкомъ» (7-нь столбцевъ, съ 2294 по 2300). Потомъ ужъ слѣдуетъ: «Похвала сѣомъ Климентѣу, патрїархѣ Римскѣомъ, написаннѣа Климентѣомъ Епископомъ.» Начало въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ отлично отъ начала по списку Чудова монастыря, на примѣръ: «Неко рѣдѣтѣса и кеселѣтѣса сѣаѣтѣобразннѣа зѣлѣдѣннѣа оубиеннѣа сѣи, нехѣруѣеннѣа хѣлѣа творѣннѣа сѣоѣмоу кѣсѣлѣтѣе, цѣрѣкѣи же Хѣлѣа ннѣѣннѣа добрѣеннѣа зѣлѣдѣннѣа прѣрунѣа апѣстола и мѣѣннѣа же и

архїерея съ преносными, и тѣхъ благоуспѣшными словесы оукрашались, словесы свята личностноусть,» и пр., что по списку Чудовскаго монастыря такъ: «Иже радостно веселитъ святообразными зрѣдлами оукрашено сми, неизреченны хвалы творцю своему всмакстѣ, цркви же Хѣл, имоуци докровенныи цкты цркви и апла, мѣны же и архїскрам с прѣбывными, и тѣхъ благоуспѣшными словесы оукрашались, свята личностноусть.» Да и въ прочемъ значительныя разнословія. Не говоря о другихъ, возьмемъ хоть то мѣсто, которое я привелъ въ самомъ изложеніи егото изслѣдованія: «Ревнителъ же и заквистиниъ доброу старын врагъ Дѣволоу наоусти стера слоугоу своего Аѣ Фикла на игемона, да сиратити и коскорѣ благоуспѣшное его житіе.» Вообще, списокъ этотъ, какъ показываетъ все, приведенное мною изъ него доселѣ, далеко уступаетъ въ исправности Чудовскому, но, съ другой стороны, въ немъ нѣтъ же тоже довольно важныхъ особенностей. Онъ занимаетъ въ Четь-Миней 8 столбц. (съ половины 1-го столбца 2300 листа почти по конецъ 1-го же столбца 2304-го). Съ 2313-го листа по 2375 помѣщено Житіе Климента, въ которомъ послѣдній вездѣ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ; заглавіе егото Житія таково: «Въ томъ же днѣ сѣго сѣенномѣниа Климентѣ сѣна Римскаго, оуценика сѣго апла Петра.» Начало же, въ видѣ посланія: «Климентъ, Іакову гѣоу епѣпу І епѣпомъ сѣнны, сълюдиа, иже въ Іерлѣмъ стоюу Христїанскію цркви, и иже всюду кѣнныи промыслѣмъ оутверждены добръ, Хѣ Бѣл ишго черьѣки съ прѣскутеры же и съ служебники, и проуиномъ всен братїи миръ воуди всегда. Сказано ти буди, гѣе мон, мно лухъ Климентъ, Римскимъ житель сын, и въ прѣбывахъ образѣ челоуѣченъ жити кѣзюмоу, разоумъ моемоу ѿ дѣтствѣа непрѣднѣстивюци ѿ желаниа, еже къ мнѣ о пеллѣ же и болазне, сен бо въ мнѣ помыслъ не кѣмъ ѿвѣду науладо прѣимъ, ѿ смерти тѣсто творѣ кѣспоминаниа,» и проч. Въ етой автобіографіи множество важныхъ данныхъ, равно какъ и языкъ чрезвычайно замѣчателенъ, представляя всюду довольно особенныхъ словъ, выражений и тому под., нигдѣ почти не встрѣчающихся. Наконецъ, съ л. 2375 по 2406: «Слово похѣльное сѣенномѣннику Клименту, оуцнику сѣго апла Петра.» Нач. «Великаго и неизреченнаго вѣиа проразоумниа помизаніе къ хѣкомъ, испытанте рѣ писаниа, и в ниѣ обращете жнѣ вѣтныи; илулатомъ бо всемоу добру мѣтѣа ѣ, и сѣнѣа и жизни вѣтныи ходѣтаниа,» и пр. Кроме того, на л. 2415 (въ 1-мъ столбцѣ), въ другомъ Прологѣ того же 25-го ноября, встрѣчаемъ еще три извѣстія о Климентѣ: Прологъ же Житіа, которое еще короче помѣщеннаго выше (всего 22 строчки):

«Сѣго свѣдѣнїемъ свѣдѣнїи Римскаго.» Начало: «Климентъ препоудомъ, Римлянинъ вѣдше родомъ, чѣмъ рода сынъ, Флауста и Матѣи свѣдѣнїи» и проч. За тѣмъ: «Уюдо сѣго Климентъ о отроуатѣ.» Нач.: «Иже и уюдсмы Бгъ прѣсладилъ и по свѣдѣнїи своего оугодника уюдоуиствоуѣтъ вѣдѣ и прѣздѣнїе» (13+23=38 строкъ), и, въ заключенїе (во 2-мъ столбцѣ): «Принесенїе моремъ сѣго великомѣнника Климента ѿ глѣбныи морасиѣ и Корсоушъ» (19+15=34), представляющее нѣсколько особенностей отъ помѣщенного на л. 2285, большею частью въ языкѣ Въ этомъ же мѣсяцѣ Макарьевскихъ Четь-Миней находится и Похвальное слово Климента небеснымъ архистратигомъ, и при томъ вдвойнѣ. Первый списокъ подъ 8-мъ ноября, на л. 170-мъ (столб. 2-й): «Мѣца Покрѣа .ѣ. днѣ. Похвала архистратигу Михаилоу.» Нач. «Иста празднествоу прѣсвятлаѣ торжестко бесплѣннѣ снаѣ» и пр. (съ 170 по 174, столбцевъ 7-мъ); а второй (съ 197 по 200, 8 столбц.) озаглавленъ такъ: «Слово похвальное бесплаушнѣ Михаилу и Гавриилу, сѣтворено Климентѣ свѣдѣнїи.» Какъ обыкновенно водится, и оно предлагаетъ нѣсколько отличїй въ языкѣ, а и того больше въ правописанїи.

39. Какъ Прологъ Московскаго Успенскаго Собора подъ № 175, такъ и Сборникъ Чудова монастыря № $\frac{110}{85}$ -й, изъ коихъ содержатся въ первомъ: Житїе Меодїа и Похвала ему и Кириллу, а во второмъ: Похвала Клименту Римскому, вмѣстѣ съ Похвалой архистратигу Михаилу и Гавриилу, «списанныя» или «сотворенныя Климомъ» или «Климентомъ епископомъ», выписаны были мною, какъ секретаремъ Императорскаго Общества исторїи и древностей Россїйскихъ, изъ мѣстъ ихъ находенїя, по запискѣ В. М. Ундольскаго, осенью 1846 года, вмѣстѣ съ прочими рукописями, именно Сборникъ для него, а Прологъ для себя. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 23 марта, 1848 года, на запросъ мой, когда и какъ открыты были нѣ три, неизвѣстныя дотолѣ никому, слова Климента, съ приписью «Епископа Словѣнска», онъ, изложивъ подробно исторїю своей находки, приобщилъ, къ концу отвѣта, и «Списокъ сочиненїи Климента», извѣстныхъ ему до того времени. Письмо и списокъ сочиненїи были помѣщены мною въ «Предисловіи» къ статьѣ «Славяно-Рускія сочиненїя въ пергаменномъ сборникѣ И. Н. Царскаго» (стр. X—XI), напечатанной въ VII-ой книжкѣ «Чтенїи въ Общ. истор. и древн. Росс.» 1848 г. Кромѣ означенныхъ выше рукописей, содержащихъ въ себѣ Житїя Кирилла и Меодїа, а также и Похвальное Слово иже, послѣднее находится при упомянутыхъ Житїяхъ: а) по рук. Москов. Успенскаго Собора, при Житїи Меодїа (съ об. 110-го по обор. 115 л.), съ заглавїемъ, приведеннымъ въ текстѣ этого изслѣдованїя;

б) по Макарьевской Четь-Миней на февраль, при Житіи Кирилла (л. 922—929): «Слово похвално на память стѣмъ и преславнымъ оутѣлемъ Словенскимъ языкъ сотворшешъ (!) писмены емоу и предложешема на новыи и ветхыи законъ (!) къ языки (!) ихъ, блаженному Кирилу философу, архіепископу Панонскому (!) и Мефодію»; в) на октябрь, 14 дня, при Житіи его же (л. 910—920): «Слово похвално на память стѣмъ и преславнымъ оутѣлемъ Словенскимъ языкъ, сотворшешоу (!) писмены емоу и предложшима на новыи ветхыи законъ къ языки (!) ихъ, блаженному Кирилу, архіепископу Панонскому (!) и Мефодію»; г) на апрѣль, при Житіи Мефодія (л. 922—929): «Слово похвално на память стѣмъ и преславнымъ оутѣлемъ Словенскимъ языкъ, сотворшешъ (!) писмены ему и предложшима на новыи ветхыи законъ (!) къ языки (!) ѿ, блаженному Кириллу архіепископу Панонскому (!) и Мефодію»; д) въ Четь-Миней на апрѣль же Москов. Духов. Акад. № 94, при Житіи Мефодія (съ об. 115 по об. 124): «Слово похвално на память стѣмъ и преславнымъ оутѣлемъ Словенскому языкъ, сотворшешъ (!) писмены емоу и предложшешоу (!) на новыи ветхыи законъ (!) къ языки (!) ихъ, блаженному Кирилу Панонскому (другой рукой прибавлено «архіепископу») и Мефодію»; е) въ Сборникъ той же Акад. № 63, послѣ Житій обоихъ братьевъ (л. 128 — 136): «Слово похвално на память стѣмъ и преславнымъ оутѣлемъ Словенскому языкъ, сотворшешоу (!) писмены ему и предложшешма на новыи ветхыи законъ (!) къ языки (!) ихъ, блаженному Кирилу (архіепископу Панонскому (!) и Мефодію»; ж) въ библіотекѣ И. Н. Царскаго, именно, въ рук. № 702, Четь-Миней на мѣс. февраль (полууст. разн. XVII в., въ л., 100 л.); въ ней, на л. 463-мъ и дал., подъ 14-мъ февр.: «Въ той же день Слово похвално на память святымъ и преславнымъ учителямъ Словенску языку, сотворшеша писмены ему и предложшеша Новый и Ветхий Законъ во языки (!) ихъ, блаженному Кирилу Философу, Архіепископу Панонскому (!) и Мефодію»; з) въ Волоколамской монастырской библіотекѣ: «Слово похвално на память святымъ и преславнымъ учителямъ Словенску языку, створившешоу (!) писмены ему и предложшешоу (!) на новыи ветхыи законъ въ языки (!), блаженному Кириллу и Мефодію, архіепископу Панонскому.» Не имѣя возможности видѣть своими глазами послѣдніе два списка, я привожу заглавія изъ нихъ со словъ другихъ, и по тому гражданскими буквами. Что до «Похвалы Св. Кириллу, оутѣлю Словянскимъ языкъ», то она, пока, известна мнѣ только въ 3-хъ спискахъ: 1-й принадлежитъ В. М. Ундольскому, въ бумагахъ рукописи XVII-го вѣка въ л., при Житіи Кирилла (съ 28 по 31) № 161: «Въ тотъ же день похвала стѣмъ Кириллу оутѣлю Словенскимъ языкъ, сотворшешоу Климентомъ епископомъ»;»

второй повменованъ въ Описаніи бібліотеки Царскаго, въ Сборникѣ № 379 (писанномъ разными почерками исхода XVI стол., въ 4-ку, на 434 листѣ), съ приписью: «сѣтворено Климентомъ Епископомъ,» и третій въ Миней, принадлежащей А. Михановичу, о которой упоминаетъ Шафарикъ въ своемъ изданіи Житія Кирилла и Меѳодія. Касательно же списка, находящагося въ Макарьевскихъ Четь-Минейхъ, по увѣренію Шафарика, то я его нигдѣ не нашелъ въ нихъ. Вѣроятно, извѣстіе о немъ сообщено было ему неосновательно. Шафарикъ въ своемъ изданіи Житія Кирилла (въ «Изборѣ Югославянскихъ достопамятностей»), напечаталъ, какъ «Дополненіе» (Pridavek), еще двѣ главы (XIX и XX), взятая изъ 2-го Львовскаго списка, полагая, что онѣ существенно къ нему принадлежать, хотя и сознается, что не знаетъ, гдѣ и какъ ихъ помѣстить. Дѣйствительно, мудро назначить етъмъ главамъ мѣсто въ Житіи Кирилла, гѣмъ болѣе, что рассказываемое въ первой относится не къ Кириллу, но къ Меѳодію, а во второй дышетъ похвалою обоимъ. Но вся запутанность произошла отъ того, что составитель 2-го Львовскаго списка счелъ за нужно присоединить къ концу Кириллова Житія извѣстіе, въ видѣ продолженія, о томъ, что случилось съ братомъ его, Меѳодіемъ, оставшимся послѣ него въ Римѣ, взявъ его извѣстіе не изъ Житія его, но изъ Климентова «Слова Похвальна» обоимъ братьямъ, что доказывается дословнымъ сходствомъ того и другаго, т. е., дополнительныхъ главъ и Похвальнаго Слова. Но помѣщая ихъ (XIX и XX главы), Шафарикъ видѣлъ, что онѣ не совсѣмъ идутъ къ Житію Кирилла, и по тому оговорился, что не знаетъ, какъ быть съ ними: «pri onom žádné potoci odjinud netaje.»

40. Они собраны и приготовлены къ изданію неутомимымъ бібліографомъ нашимъ, В. М. Уядольскимъ.

41. См. «Разцвѣтъ Славянской письменности въ Булгаріи,» стр. 10, а въ Чешскомъ подлинникѣ стр. 16—17. Всѣ извѣстія о разныхъ предпріятіяхъ у насъ по изданію Церковнославянскихъ памятниковъ, содержащихся въ етой статьѣ Шафарика, почерпнуты имъ изъ монхъ писемъ къ нему.

42. Житія Кирилла находятся, сколько имѣ теперь извѣстно, кромѣ списковъ, упоминаемыхъ Шафарикомъ, еще: а) въ Макарьевскихъ Четь-Минейхъ, подъ 14-мъ февр., съ л. 900 по 2-й столбецъ 922: «Въ тои же днь житіе оучителя Словенскоу азумахъ, Кирилла философа;» б) тамъ же, подъ 14-мъ октября, съ конца 2-го столбца 881 до половины 2-го же столбца 911 листа: «Въ тои же днь память и житіе блженнаго зѣтла нашего Койстантина философа, перваго изстаника Словенскоу азумахъ;»

конъ, переведенныхъ на Славянскій Меѳодіемъ, помѣщенное во всѣхъ прочихъ, доселѣ извѣстныхъ мнѣ, спискахъ въ срединѣ самаго Житія, послѣ одного прѣвія у Козарскаго кагана. За тѣмъ слѣдуетъ тотчасъ приписка о Войтѣхъ (какъ и въ спискѣ Московск. Академіи № 19), котораго подробно исчисляются дѣянія въ Чехахъ, Уграхъ и Ляхахъ. Судя по языку и выходкамъ противъ Езуитовъ и Польскихъ пановъ, ясно, что это извѣстіе составлено во время Уніи; ж) Въ Волоколамской монастырской библіотекѣ, по словамъ сочинителя «Исторіи Христіанства въ Россіи до равноапост. князя Владимира» (стр. 199, прим. 384), подъ заглавіемъ: «Февраля 14-го: *Память и житіе блаженнаго учителя нашего Константина философа, перваго наставника Словенску языку.*» Въ описаніи «Рукописей Славянскихъ и Россійскихъ, принадлеж. Царскому,» показано тоже Житіе Кирилла, именно, въ сборникѣ № 382, но, судя по началу, приведенному тамъ, кажется, это Проложное Житіе его («Въ Селунстемъ градѣ» и пр.). Житіе же Меѳодія находится: а) въ пергаи. сборникѣ Московскаго Успенскаго Собора № 178 (со 2-го столб. 102-го листа по 2-й же столб. 115), съ заглавіемъ, приведеннымъ уже въ самомъ изслѣдованіи; б) въ Макар. Четь-Минен на апрѣль, л. 173—181: «Мѣа апрѣла в .5. дѣнь Память и житіе бѣженнаго оца нашего и оунтца Меѳодіа, архіеппа Моравска;» в) въ рукоп. Четь-Минен на апрѣль же Москов. Духов. Академіи № 94, л. 105—115: «Мѣа того же .5. дѣнь. память и житіе бѣженнаго оца нашего и оунтца Меѳодіа, архіеппа Моравскаго;» г) въ Сборникѣ этой же Академіи подъ № 63, между Житіемъ Кирилла и Похвальнымъ Словомъ обоимъ, л. 120—128: «Мѣа апрѣла въ .5. дѣнь. Память и житіе бѣженнаго оца нашего и оунтца Меѳодіа, архіеппископа Моравска;» д) въ библіотекѣ Волоколамскаго Іосифова монастыря: «Апрѣля 4-го. *Память и житіе блаженнаго отца нашего и учителя Меѳодія, Архіеппископа Моравскаго* (см. «Исторія Христ. въ Россіи» и пр.). Но что за Житія Кирилла и Меѳодія, писанныя Глаголицей и находящіяся въ «Служебникѣ», или «Молитвенникѣ,» второй половины XIV-го в., приобретенномъ въ 1846-мъ г. Вѣнской Придворной Библіотекѣ? См. извѣстіе о томъ въ «*Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft, herausg. von J. E. Schmalzer, 2-es Heft 1852, II. Einige altslawische und böhmische Handschriften in der kais. Hofbibliothek zu Wien, S. 67. 2: «Eine Pergamenthandschrift aus der zweiten Hälfte des 14 Jahrhunderts, welche einen Theil eines in altslawischer Sprache abgefassten Breviariums umfasst, worin sich unter Anderm auch die Legenden von den slawischen Aposteln Cyrillus und Methodius und*

XXVIII

zwar in glagolitischer Schrift erhalten hat. Dieses Manuscript wurde im Jahre 1846 angekauft.» Есть ли это Паннонскія Житія, или же Проложныя? А что Житія Кирилла и Меодія суть произведение одного лица, доказательствомъ тому, между прочимъ, тоже сходство выражений и оборотовъ въ обоихъ, на примѣръ: касательно приготовления къ составленію азбуки, перевода богослужебныхъ книгъ, трезычной ереси, препирания съ противниками, и проч. Данныя въ томъ и другомъ ни мало не противорѣчатъ себѣ; наоборотъ, нѣкоторыя изъ приводимыхъ сходны даже въ мелочахъ; таково показаніе о числѣ обращенныхъ Козарь, и проч. Что же до того, что они въ одномъ изъ нихъ излагаются подробнѣе, а въ другомъ сжатѣе, причина тому заключается въ самомъ предметѣ и цѣли каждаго изъ этихъ Житій. Въ Житіи Кирилла сочинитель наиболѣе распространяется о томъ, что непосредственно относится къ нему, и оканчиваетъ его вѣстѣ съ кончиной блаженнаго; и въ Житіи Меодія, напротивъ, о Кириллѣ говорится коротко, точно какъ о Меодіи въ Житіи Кирилла; за то, съ какою подробностью разсказана жизнь Моравскаго архіепископа, когда онъ остался одинъ дѣятелемъ у югозападныхъ Славянъ! Стало, оба Житія одно другое пополняютъ, и сочинителю ихъ не приходилось распространяться съ одинакой обширностью въ каждомъ изъ нихъ объ одномъ и томъ же. Это, по мнѣ, нѣкоторымъ образомъ, служитъ подтвержденіемъ мысли, что и то и другое составлены однимъ и тѣмъ же писателемъ.

43. См. «Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона, соч. Палаузова.» Сиб. 1852, 4, стр. 94.

44. Это твореніе Иоанна, ексарха Болгарскаго, какъ сказано уже въ 7-мъ примѣчан., вѣстѣ съ прочими его сочиненіями и переводами, изготовлено мною даже самымъ печатаніемъ для помѣщенія въ отдѣлѣ «Славянскихъ матеріаловъ» въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ.» Изъ разнословіи, относящихся къ нашему предмету, замѣчательнѣйшія: а) по списку бум. рукописи, въ 4-ку XV-го в. Московской Духовной Академіи, № 145, послѣ самаго «Богословія» и инымъ почеркомъ, стр. 359—362: *Понеже зѣю стѣи уѣиъ кѣи Кириллини, реки философи, многи греды приа, строа писмена Словакъскихъ книгъ и ѿ сѣлаа и апаа пралагаа изворъ, елико же достиже, живы въ мирѣ семъ темнамъ, толико же пралажи, праступи къ бесновемую свѣтлость, приаъ дѣаъ своѣ мѣдѣ, съ сниже са и остлаъ его къ житіи семъ великимъ рекъ кѣи архіепѣиъ Меодіи, братъ его, пралажи вса зстлениа книги, ѣте ѿтъ Славнскѣа азума, еже естъ Греускѣа, къ Словакъскѣа; Азъ же се слыша, многаж-*

ды са хотѣвъ покусити зунтельска сказанїа готока предложити къ Словенскимъ азукъ; оны бо .ѣть предложилъ вѣше оуже Мефодїи, яко же слышѣ, оубохса, помышляд, егда въ него место хождя погрѣдїса на вспѣхъ уади, предложити къ свои азукъ сказанїа зунтельска, еда бѣдѣ нмъ на исказж; б) по бумажному списку рукописи «А л ф а в и т ъ,» въ 4-ку, на 104 л., порядочной скорописи XVII-го в. (оправлена въ дерев. доски, покрыты кожей), принадлежащей Библиотекѣ Императ. Общества исторїи и древностей Россійск., въ описанїи коей, составленномъ П. М. Строевымъ, внесена въ отдѣленїе 1-е за № 3-мъ. Самому Алафавиту, въ видѣ предисловія, предпослано «Храброво сказанїе о писменехъ,» а за нимъ, на оборотѣ 3-го листа, «Нолїиа прозектерѣ І ехѣрха Болгарскаго томъ же подобно пишеться.» «Понеже збо бѣиі стїи уѣкхъ Коитїиїниѣ, филосоѣ глѣкѣ, многи трѣды принѣтъ, оустраїа писанїе Словенїи кїиѣ, ѿ егїана, ѿ аїла предгаи соборїа, еанїко достиже, жнїи к мїра семъ лѣкаомъ и темномъ и млокремїиномъ, тоїно приложи, пренде, к бѣконсунїи жнїотѣ, принїмъ трѣдокъ свои мїдѣ; но ѿшѣтнїи же его къ гѣ остаси к жнїи семъ кедїиїи бѣиї архїепїиѣ Мефодїи, братѣ его, предложїи уставнїи кїи, .ѣ. ѿ Слїиїкѣ азукѣ на Словенїи. Азѣ же се слышѣвъ, многаждѣ восхотѣ покусамса оуутѣлїи сказанїи готока предложити ѿ Грейлго азукѣ къ Словенїи азукѣ. Блѣжнїи бо Мефодїи .ѣ. предложилъ вѣше, якоже слышѣ. Снїи же помышляд, оубохса, да не како, хотїи погрѣдїтїса на вспѣхъ уѣиомъ, предложити на свои азукѣ сказанїа оуутѣлїи, бѣдѣ нмъ на кредѣ.»

45. Такъ по списку Московской Синодальной библиотекѣ № 145-й, въ малой листѣ (коихъ 214), на хлопчатой бумагѣ, четкнїи полууставомъ. Рукопись эта списана въ 6856 или 1348 для Булгарскаго царя, Александра, священноинокомъ Лаврентїемъ: «Трѣдѣ же и колезїи Лаврентїа многогрѣшнаго таха священнонока.» Калайдовичъ спрашиваетъ при семъ: «Что такое та хъ?» и приводитъ еще двѣ рукописи, въ конхъ переписчики называютъ себя тахами. Если бы спрашивающїи потрудился заглянуть въ Дюканжевъ «Glossarium ad scriptores mediae et infimae Graecitatis (Lugduni 1688, fol.), то нашелъ бы объясненїе загадочному для него слову; тамъ, стр. 1537, сказано: *ατάχα, vox praemitti solita a Graeculis nomini dignitatis, in demissi animi ac humilitatis argumentum,*» и приведены примѣры употребленїа его. Слѣдоват., его отвѣчаетъ нашему «недостойный, смиренный,» и т. п. Списокъ этотъ напечатанъ Калайдовичемъ въ его «Іоаннѣ, Ексархѣ Болгарскомъ,» въ Приложенїи XI-мъ, сличеннїи съ изданїемъ Василїа Фодор. Бурцова (въ Азукѣ. Москва, 1637, 8, перепечатанной въ

Супрасльской типографіи, Черняговской губ. Клинцовскаго уѣзда, 1781, 8), и Н. Н. Новикова (въ 1-й части «Повѣствователя древностей Россійскихъ», Спб. 1776, и въ XVI-й ч. «Древней Росс. Вивліюэки», Москва 1791). Точно такое же заглавіе и по списку рукописи Московской Духовной Академіи, подъ № 145-мъ, содержащей въ себѣ сначала Шестодневъ Іоанна, ексарха Болгарскаго (по 275 стр.), потомъ Богословіе Іоанна Дамаскина, въ переводѣ того же ексарха (280—362); послѣдняя же статья «О писменехъ черноризца Храбра», стр. 380—383. Первоначально Храброво сказаніе явилось въ печати, кажется, при Катихизисѣ, безъ означенія мѣста и года, по Добровскому, въ Вильнѣ 1575—1580, по томъ въ Азбукѣ или «Грамматикѣ, альбо сложеніи писмена хотящимъ ся учити Словенскаго языка младолѣтнимъ отрочатомъ», въ 1673, въ Азбукѣ Бурцовой 1770; 1776 Новикова, 1781 въ Супрасльской Азбукѣ, и 1791 тоже у Новикова; далѣе у Калайдовича, у меня (см. ниже), И. И. Срезневскаго (въ статьѣ «Древнія Славянскія писмена», помѣщенной въ Ж. М. Н. П.) и, наконецъ, у Шафарика, въ Прагѣ 1851: «Mnichů Chrabra o písmenech Slovanskýchъ», 8, въ стр. 8, по изложенію Синодальнаго списка, напеч. К. Калайдовичемъ, исправленнаго по списку, найденному мною въ Вратиславѣ, и А. В. Горскимъ въ Моск. Дух. Академіи, съ возстановленіемъ привильнаго употребленія полугласныхъ (ъ и ъ) и носовыхъ (д и ж), равно какъ и съ важѣйшими разнословіями (10-ть по названнымъ спискамъ и 1-нъ по Бурцову и Новикову). Изъ этого открывается, какіе именно списки, по мнѣнію Шафарика, особенно важны.

46. По списку Болгаро-Сербскаго Сборника въ Саввинскомъ монастырѣ, въ Далмаціи, вѣроятно XV-го вѣка, откуда вывезенъ П. И. Прейсомъ и И. И. Срезневскимъ во время посѣщенія ими онаго; послѣдній напечаталъ его въ статьѣ: «Древнія писмена Славянскія», въ Журналѣ Мин. Народн. Просв., съ разнословіями списковъ: Супрасльской Азбуки, Синодальнаго (у Калайдовича), Московскаго Академич. и Вратиславскаго Магдалин. Гимназіи, съ небольшими примѣчаніями издателя. Далѣе: по списку, найденному мною въ 1842-мъ г., въ Вратиславской (Бреславской) Гимназіи при церкви Св. Магдалины, въ рукописи, въ 4-ку, въ кожу оправленной, и озаглавленной на переплетѣ, «Молитовникъ», въ самомъ же дѣлѣ «Служебникъ», а въ Реестрѣ бібліотеки: «Reposit. XL, in 4-o, № 17. «Ein moskovitisches Buch.» Сказаніе его помѣщено тотчасъ за лѣточислительнымъ Сказаніемъ отъ перваго Никейскаго Собора, въ концѣ рукописи, на 4-хъ страницахъ. Оно напечатано мною уже разъ при статьѣ моей «О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что Церковно-книжный языкъ есть Слав-

вяно-Болгарскій», и сличено съ списками у Калайдовича, Бурцова и Новикова. См. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1843 года, книж. 6-я. Объясненіе замѣчательныхъ мѣстъ въ лексическомъ отношеніе сдѣлано тамъ же, въ слѣдъ за самымъ Сказаніемъ (стр. 29—39). Языкъ въ Бурцовскомъ и Новиковскомъ изданіяхъ Храброва Сказанія подновленъ; у перваго оно озаглавлено такъ: «Сказаніе, како состави святыи Кирилъ Философъ азбуку по языку Словенску»; у втораго точно также, кромѣ перешты «Словенску» въ «Славенску», и, сверхъ того, прибавлено еще: «книги приведе отъ Греческихъ на Словенскій языкъ.» Новиковъ прибавляетъ въ концѣ: «Сіи двѣ піесы («Сказаніе объ Азбукѣ, и «Чинъ, бываемый како подобаетъ, егда кто хошетъ Государю Царю служити всею правдою у его Государевыхъ дѣлъ») выписаны изъ Патріаршаго книгохранилища въ Москвѣ;» но изъ какой рукописи, умолчалъ. По списку, принадлежащему етому же книгохранилищу, № 444 (въ 4-ку, бумажи. сборникъ на 363 стр., переплет. въ кожу и озаглавленный по 1-ой статьѣ «Каноны на Рождество Христово»), Сказаніе Храброва написано почти одинаково съ Новиковскимъ: «Сказаніе, како состави свѣтъ Кирилъ философъ азбуку по языку Словенску, и книги приведе ѿ Греческихъ на Словенскій языкъ;» но рѣчь его далеко менѣе измѣнена и представляетъ довольно еще особенностей. Въ библиотекѣ Общества исторіи и древн. Росс. имѣется тоже два списка: первый въ «Алфавитѣ» (толкованіи рѣчей иностранныхъ въ священныхъ книгахъ), скороп. XVII в., въ 4-ку, на 104 л., № 3-й, съ заглавіемъ: «Сказаніе, како состави свѣтъ Кирилъ философъ азбуку по языку Словенску і книги приведе ѿ Греческихъ на Словенскій языкъ;» а второй въ сборникѣ подъ № 194-мъ скороп. того же XVII-го в., въ 4-ку, на 362 л. (на 29 л.), и имѣетъ заглавіе, въ сущности, во всемъ сходное съ заглавіемъ предыдущаго списка; точно такое же заглавіе и въ спискѣ рукописи, принадлежащей В. М. Ундольскому, въ 4-ку, бумажи., писанной прекраснымъ почеркомъ XVII-го вѣка и называемой «Алфавитъ». Въ ней Сказаніе это предшествуетъ самому предисловію Алфавита. Въ описаніи рукописей Славянскихъ и Россійскихъ, принадлежавшихъ Ив. Ник. Царскому. М. 1848, встрѣчается Сказаніе наше только въ одномъ сборникѣ, № 409, полууст. XVII в., въ 4-ку, 397 л., на л. 198; заглавіе его во всемъ согласно съ заглавіемъ у Новикова, но языкъ не извѣстенъ. Тоже самое сходство заглавія и въ Описаніи Славяно-Россійскихъ рукописей Графа Ѳ. А. Толстова, сост. Кон. Калайдовичемъ и П. Строевымъ. М. 1825, Отд. II, № 139, полууст. XVII в., на 244 л., на л. 4-мъ, и № 175, скороп. разн. почерковъ XVII в., 539 л., на л. 392. Напоследокъ, въ сборникѣ Троицко-Сергіев-

ской Лаврской библиотекѣ XVI в., въ 4-ку, южнаго полуустава, № 1552, помѣщено Сказаніе Храбра, съ заглавіемъ, отличнымъ отъ всѣхъ, упомянутыхъ выше, именно: «**Ⲙ** скитѣи книгъ.» Списокъ съ него доставленъ мнѣ В. М. Ундольскимъ.

47. Еще въ своихъ «Славянскихъ Древностяхъ» Шафарикъ, опираясь на одинъ только языкъ Храброва Сказанія, относилъ сочинителя къ стому вѣку, отнюдь же не далѣе начала XI-го (подлинн. стр. 810 и 814; въ Руск. перев. томъ II, кн. 2-я, стр. 315 и 323); а въ «Разсвѣтъ Славянской письменности въ Булгаріи,» ссылаясь на это сказанъ: «Положимъ, что одинъ изъ непосредственныхъ учениковъ и сотрудниковъ св. Кирилла и Меѳодія, во время кончины Кирилла (869) былъ 25 лѣтъ отъ роду, и что онъ по томъ жилъ еще 25, тогда вѣкъ Храбра слѣдуетъ отнести ко времени, предшествовавшему смерти царя Симеона, послѣдовавшей 927 года».

48. Именно: Лаврентія Таха и Вратиславскій принадлежать къ Среднебулгарскому разряду, Саввинскій къ Булгаросербскому, Московской Духовной Академіи къ Глаголическому, прочіе же, доселѣ извѣстные мнѣ, къ Рускому. Предпоследній вызываетъ нѣкоторыя объясненія. Мнѣніе о принадлежности его къ стому разряду опирается на слѣдующемъ. Исчисливъ письмена, взятыя съ Греческаго Кирилломъ, списокъ этотъ послѣ **Ⲙ**, вопреки всѣмъ прочимъ спискамъ, прибавляетъ еще: «**ⲏ. ⲑ. ⲗ. ⲧ. ⲧ̄. ⲧ̄̄. ⲧ̄̄̄. ⲧ̄̄̄̄.** по Словѣнскѣмъ дѣломъ,» и проч. Сдѣсь, по основательному объясненію нашедшаго этотъ списокъ, первая буква, **ⲏ**, есть просто **и**, союзъ, ошибочно поставленный писцемъ подъ титлой, а **ⲑ** тоже, что **ѣ**; **ⲗ**=**л**, **ⲧ**=**ѣ**. Этѣхъ буквъ вовсе нѣтъ въ старыхъ Глагольскихъ рукописяхъ, а появляются для первой и послѣдней изъ нихъ особыя знаки лишь со времени Карамана, который, исправляя Глагольскія книги по нашимъ Церковнымъ, пополнял и самую Глаголицу новыми знаками и значками, въ первыхъ соображаясь съ произношеніемъ Сербовъ, а во вторыхъ съ нашей Церковной азбукой. Что до **ⲗ. ⲧ̄. ⲧ̄̄. ⲧ̄̄̄**, то и тутъ первая буква есть тоже союзъ (**а**), двѣ же слѣдующія число 14-ть, но только по способу Глагольскому, т. е., по азбукѣ Славянской, а не Греческой, отъ чего въ первой **з** означаетъ 4, между **т**мъ какъ во второй **з** (по тому что тамъ 2-е есть буква **в**, а тутъ **в**, Греческая **β**); поступая далѣе по ряду Славянской азбуки и стало означать 10, по тому что, кромѣ **д**, въ ней передъ нимъ стоитъ еще новый знакъ для нашего звука **ж**, которому выпало на долю выражать число 7; въ Греческой же азбукѣ хотя **η** есть 7-я буква, но, какъ для числа 6-ть

придуманъ былъ послѣ знакъ *ς*, т. е., *στ*, *στύμα*, у насъ *з* и *з*, то отсюда *η* стало означать не 7-мъ, но 8, а 7-ми досталось *ζ*. То же самое сдѣлано Греками еще для двухъ чиселъ, именно 90 и 900. Слѣдственно, недостающіе знаки взяты послѣ Греками изъ того же самаго источника, изъ коего и всѣ прочіе первоначально брали, т. е., изъ Финикійско-Еврейской азбуки. Это было известно и Храбру, который именно замѣчаетъ, что три упомянутыя буквы приняты въ Греческую азбуку послѣ, и при томъ для означенія чиселъ: «*ς* есть бо два десѣте и уетыри писменъ (Греческихъ), и *η* не приближаться тѣмъ книгамъ, и *ζ* приложили сѣтъ двоудесѣтхъ *λ*. и въ численехъ же *ι*. *ε* шестомъ и девѣтъ десѣтномъ и девѣтъ сѣтномъ.» Мѣсто сіе снова подтверждаетъ Глаголическое происхожденіе списка Московской Духовной Академіи, въ которомъ читается такъ: «и въ численѣ же *ι*. *ε* *ο* и *ϕ* десѣтосъ. и *ϕ* десѣтосотносъ,» т. е., *ι* въ значеніи *γ* (3), по тому что въ Глаголицѣ оно означаетъ это число (а—1, б—2, в—3, г—4), а *ε*—последняя буква въ «триѣ» или «трѣе» (*й*—*ε*). Что до *ο*, то это описка, вмѣсто *з* (6, шестомъ, шестое), а *ο* тамъ употребляется для 400, какъ и въ Кириллицѣ, хотя въ Остромировомъ Евангеліи этого и не находимъ; по въ немъ нѣтъ и для 600, 700, 800 и 900, между тѣмъ какъ въ другихъ, очень древнихъ, они означаются *ж*, *џ*, *ѡ* и *Ѡ* или *д*. Глаголица же, сошедшаяся было съ Кириллицей въ означеніи чиселъ, начиная со 100 (*р* 100, *с* 200, *т* 300, *оу* 400, *ф* 500 и 600), съ 700 опять разошлась въ употребленіи знаковъ, по тому что, не принявъ буквы *џ* съ Греческаго, въ ней слѣдующая буква послѣдней должна была поступить на ея мѣсто, отъ чего *ѡ* стало означать не 800, какъ у Грековъ и насъ, по образцу ихъ, но 700; для 900 же мы употребили послѣ, по причинѣ окончанія знаковъ въ Греческой азбуки, первую изъ своихъ буквъ, которая слѣдовала по окончаніи Греческихъ въ принятомъ порядкѣ, т. е., *ϕ*, вмѣсто которой, иногда, появляется и носовая *д*, то есть, послѣдняя въ ряду Славянскихъ буквъ. А какъ въ Глаголицѣ послѣ *ѡ* стоитъ не *Ѡ*, но *ѡ*, то послѣднему и выпало означать 800, а *Ѡ* 900, какъ слѣдующему за *ѡ*, согласно распредѣленію Глагольскихъ буквъ. Наконецъ, тысяча у нихъ выражается буквой *ϕ*, которая у насъ употреблена для означенія 90, слѣдов., опять свою букву для такой же вставочной числительной въ Греческомъ алфавитѣ (вмѣсто *ζ* = 90), какъ и *ϕ* для 900 (вмѣсто *θ*) и, что замѣчательно, первую изъ своихъ буквъ, послѣ ряда Греческихъ, *η* дъ большаго числа (900), а вторую, за ней слѣдующую (*ϕ*), для меньшаго (90); для самаго же малаго изъ нихъ

(6-ти) оставили Греческую числительную прибавочную, *στίμια* (σ), = з, которое пишется еще и з.

49. Примеры из старинной письменности приводит Шафарикъ въ »Ročátkove staročeské mluvnice,» стр. 70: «sedm mezi dcjětma lét (Nov. Zákon, пергам. рукоп. Вѣнской Публ. Библиотеки). — Čtyř mezi dcjětma tisícův (Pasional Musejní). — Ve dvú mez dcjětma lětech (Život Ježíše Krísta). — Páté mezi dcjětma lěto (Čtení z Evangelíí). — Až do šestého mezi dcjětma lěta (Životy svatých Otcův). — Изъ нынѣшняго языка Чеховъ: Den má čtyřmécítma hodin.»

50. Мнѣніе Жака (Вик. Павл.), сочинителя Чешской грамматики, замѣчательной новѣйшею попыткой ввести въ письменный языкъ нѣкоторыя изъ старинныхъ формъ, сохранившихся и теперь еще въ устахъ Моравцевъ. См. Böhmische Sprachlehre für Deutsche. Brünn 1842, S. 101.

51. И въ Греческомъ встрѣчаемъ иногда подобный счетъ. Въ-сто обыкновеннаго *ὀκτωκαίδεκα* (8 и 10=18) говорили и *δvoiv δεούτοιον ἑικοσι*, равно вм. *ἐννεκαίδεκα* или *δεκαεννέα* выражались *ἐνός διούτος ἑκοσι*, т. е., род. пад. съ причастіемъ отъ глагола *δει*, *δειν*, Атл. *δειν*, *δειω*, недоставать, нуждаться, и *ἑκοσι* 20: *εἰκοσι dvoiv διούτα* или *δεούτοιον*, двадцать безъ двухъ, или безъ двухъ двадцать; *ἐνός διούτος ἑκοσι*, безъ одного двадцать. Это называлось *subtractio*, отпятие, довольно частое и въ устахъ Славянъ, которые любятъ означать такимъ образомъ большее число: безъ пяти сто рублей, и т. под., т. е., посредствомъ недостающаго къ извѣстной величинѣ его лишка. Романскія нарѣчія нѣсколько отступили въ числительныхъ отъ своего источника, Латинскаго языка. Такъ Итальянскій, вмѣсто *septemdecim* или *septendecim* употребляетъ *dieci sette* или *dicia sette*, 18 *diciotto*, 19 *dieci nove* или *dicianove*, т. е., какъ Латинск. *Ordinalia* съ 13: *decimus tertius*, *decimus quartus* etc. до 18-ти и 19-ти, которыя по образцу *Cardinalia* (*duodevicesimus*, *undevicesimus*). Испанскій начинаетъ это съ 16: *diez y seis*, 17 *diez y siete*, по тому что и Латиняне говорили двояко: *sedecim* и *decem et sex*, 18 *diez y ocho*, 19 *diez y nueve*. Португальскій тоже: 16 *dezaseis*, 17 *dezasete*, 18 *dezoito*, 19 *dezanove*; но Французскій съ Итальянскимъ: 17 *dix-sept*, 18 *dix-huit*, 19 *dix-neuf*; за то, вопреки всѣмъ прочимъ, отстываетъ въ счетѣ послѣ 60, употребляя для 70 *soixante et dix* (60+10=70), 71 *soixante onze* (60 + 11) и т. д. до 80 *quatre-vingt*, которое значить четыре раза двадцать (4 + 20 = 80), для 90 *quatre-vingt-dix* (4+20+10 = 90), что удерживаетъ и въ порядковыхъ и т. д. Нѣмцы ни въ чемъ не отступаютъ отъ нашего, за исключеніемъ Датчанъ, кото-

рые послѣ 40 считаютъ, подобно Французамъ для 80, т. е., двумя десятками, именно 50 означаютъ такъ: halvtredsindstyve, полтридцати или $2\frac{1}{2}$, двадцать; tresindstyve, $3 \times 20 = 60$; halvfjersindstyve, полсорока или $3\frac{1}{2}$, двадцать=70; fiirsindstyve, $4 \times 20 = 80$, и halvfemtsindstyve, полпятидесяти или $4\frac{1}{2}$, двадцать = 90; для легкости, обыкновенно, выражаются: halvtreds, treds, halvfjers, fiirs, halvsems, т. е., сокращая увѣсистыя составныя слова.

52. Památky hláholského písemnictví, и проч.

53. Památky hláholského písemnictví, str. LX, 14.

54. Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона, стр. 90.

55. Древнія письма Славянскія, соч. И. И. Срезневскаго въ Ж. М. Н. П., Отд. II, стр. 57—58. Первый (Наумъ) проводилъ время своей жизни въ мѣстѣ *Дабвиа*, которое лежало на восточномъ берегу Охридскаго озера, на срединѣ между Охридомъ и Дъволемъ, гдѣ и теперь еще существуетъ старинный монастырь его имени; въ немъ почиваютъ и самыя его мощи. Второй (Гораздъ) дѣйствовалъ въ окрестностяхъ Албанскаго Бѣлграда или Берата, судя по тому, что тутъ находятся монастырь и храмъ, посвященные тоже его имени, а въ оныхъ покоятся его мощи. Третій (Константинъ), по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время жилъ здѣсь, въ Кутиницицѣ; иначе не могъ бы, по собственнымъ словамъ его (въ Прологѣ или Предисловіи къ «Сказанію сѣго Святигелия», переведенному имъ съ Греческаго и найденному недавно въ Московской Синодальной Библиотекѣ; см. примѣч. мое къ «Разцвѣту Славянскои письменности въ Булгаріи, стр. 14), быть побуждаемъ къ «Проложенію сказанна квалгельскаго» старцемъ Наумомъ. Rozkvět Slov. liter. v Bulharsku, str. 17—21, въ Руск. пер. 11—15.

56. Сочинитель статьи «Кириллъ и Меѳодій» помѣщенъ въ «Москвитянинѣ», 1843 г., и Шафарикъ въ «Rozkvět slovanské literatury v Bulharsku», str. 19, roznam. 16, въ Руск. перев. стр. 13, гдѣ именно читаемъ: «Его сказаніе зналъ уже лѣтописецъ Несторъ (1070—1100), и нѣкоторыя мѣста изъ него включилъ въ сочиненіе свое слово въ слово.»

57. Разумію «J. W—cz» если не ошибаюсь, Иванъ Вагилевичъ, который, опираясь только на предисловіе Шафарика къ изданному имъ Житію святаго Меѳодія въ «Památky jhoslovanského písemnictví», утверждаетъ (въ небольшемъ предисловіи къ изложенію собственными словами содержанія етого Житія, помѣщенному въ Польскомъ журналѣ, издающемся въ Львовѣ: «Dziennik Literacki», № 32, и переведенному въ Смолеровыхъ «Jahrbücher für Wissenschaft u. s. w.

Bautzen 1852, 2-er Heft, S. 89—94), что заимствование Нестора изъ Меѳодіева Житія ускользнуло отъ вниманія Шафарика. Вообще, г. И. В.—чъ позволяетъ себѣ, взягая Житіе, правносить многое, чего нѣтъ въ немъ; на примѣръ: Меѳодій посланъ былъ царемъ Греческимъ съ Кирилломъ къ Козарамъ по той причинѣ, что превышалъ послѣдняго релігіозностью и саяовитостью; по прибытіи въ Моравію оба брата перевели съ Греческаго Евангеліе и Дѣянія Апостольскія; были потребованы папой Николаемъ въ Римъ по донесенію чужихъ проповѣдниковъ о томъ, что они стараются Паннонскую митрополію отторгнуть къ Царьградской патріархіи; недоумѣніе, къ какому царю отправлялся Меѳодій, къ Василію ли въ Царьградъ, или къ Карлу Толстому, тогда какъ тутъ же сказано, что и *патріархъ* не меньше ласково принялъ его, и что онъ въ пути своемъ туда и обратно подвергался, между прочимъ, бѣдамъ на морѣ; наконецъ, будто онъ умеръ 9-го апрѣля, постригшись передъ тѣмъ въ схиму. Изъ етѣхъ привнесеній нѣкоторыя вѣрны, но взяты изъ другихъ источниковъ, но не отдѣлены отъ самаго Житія, такъ что читая, подумаешь, что все это находится только въ одномъ послѣднемъ. Что до увѣренія, будто изъ этого Житія открывается истинное происхождение Церковнославянскаго языка, т. е., что онъ не былъ языкомъ Славянъ Булгарскихъ, но, напротивъ, это языкъ искусственный, образовавшійся больше подъ вліяніемъ Паннонскихъ и Моравскихъ стихій, нежели Македоно-(или Фрако-) Словѣнскихъ (Селунскихъ), то такое мнѣніе — старая пѣсня, пропѣтая уже покойнымъ Копитаромъ и по сю пору ни кѣмъ еще не допѣтая, а принимаемая на вѣру нѣкими, повторяющими ее безъ дальняго съ разными трелями и тому подобными прикрасами. Не меньше бездоказательно и увѣреніе о томъ, что ученики Меѳодіевы, послѣ смерти его удалившіеся въ Булгарію, распространили въ ней слухъ, перешедшій даже къ потомству, будто Меѳодій и въ ней также проповѣдывалъ Христіанство и крестилъ Бориса. Если этого не находимъ прямо въ Житіи Меѳодія, то не находимъ въ немъ также и противнаго; слѣдов., обращеніе Булгаринъ и ея государя нужно рѣшать при помощи другихъ показаній. Спѣшить съ подобными мнѣніями нечего. Шафариково изслѣдованіе объ апостольствѣ Селунскихъ братьевъ у Славянъ основано на всестороннемъ пересмотрѣ извѣстій, бывшихъ въ то время доступными всѣмъ и каждому; теперь же, съ открытіемъ нѣкоторыхъ новыхъ, конечно, оно требуетъ передѣлки; но, вѣдь, это общая судьба всѣхъ, подобныхъ изысканій? И намъ, не окусившимъ еще въ такой мѣрѣ, какъ Шафарикъ и подобные ему безкорыстные труженики, всей прелести археологическихъ поисковъ и сладости архивной пыли, не

пристало, открывъ тамъ, или тутъ, прорѣху въ геніяльномъ твореніи, становиться на подмостки и кричать во всеуслышаніе проходящимъ: «Прорѣха, прорѣха!» Лучше cadaго изъ насъ это извѣстно самому зодчему, равномѣрно и способъ, какъ недостающее пополнить, промахъ исправить.

58. Такъ по спискамъ Радивиловскому и Троицкому 1-му, по другимъ же (Лаврен., Ипатьев. и Хлѣбник.) прибавлено еще: «бѣ имъ» (Полянамъ), что, въ сущности, одно и тоже съ предыдущимъ выраженіемъ.

59. Оно помѣщено въ печатномъ Прологѣ подь 14-мъ февраля, и, сверхъ того, при сочиненіи Добровскаго въ Рускомъ переводѣ: «Кириллъ и Меводій,» въ Приложеніи 1-мъ, по двумъ рукописнымъ Прологамъ, пергаменномъ въ листъ 1432 года, принадлежащемъ Импер. Публичной Библиотекѣ, и на бумагѣ въ л. XVI вѣка въ Румянцевскомъ Музеѣ, слѣдовательно, по сводному тексту, сличенному съ печатнымъ А. Х. Востоковымъ, приславшимъ его Рускому переводчику (стр. 103—105). Тамъ же (стр. 105—107) и тѣмъ же помѣщено и Проложное Житіе Меводія, равномѣрно по двумъ рукописнымъ Прологамъ Румянцевскаго Музея, одного на бумагѣ въ л. XV-го в., а другаго на бумагѣ же въ 8-ку конца XVI-го (1590 года).

60. См. ниже, примѣч. 66.

61. Слич. примѣч. 65.

62. Онъ оправленъ въ доски, покрыты кожей, на 665 листахъ (собственно полулистахъ), но въ томъ до 314 перемѣта по страницамъ, а съ 315-го до конца по листамъ (полулистамъ); пропущена 133 страница (т. е., счетъ), да дважды 172 (счетъ же). Оканчивается статья: о приходѣ въ монастырь (Троицко-Сергіеву Лавру) пословъ Московскаго царства, и о миру съ королевскими послы. Но за тѣмъ слѣдуютъ еще краткія замѣтки съ 7133 года, сентября по 14-е іюля 7138 (1630): послѣднее о рожденіи царю Михайлу Фодоровичу дочери, Анны, отъ царицы Евдокіи Лукьяновны. Заглавіе киноварное (послѣ виньетки): «Ихулао писменемъ црѣиныхъ родовъ (вязью) ѿ многихъ латонисецъ. Прежде кыта ѿ сотвореніи шіра ѿ иннхъ Мюгсеовыхъ, ѿ Іисуса Илгнихъ, ѿ Суден Іуденскихъ и ѿ четырёхъ царствъ, таже ѿ Ассирійскихъ царяхъ, и Македоніи, Римскихъ царѣ. Сланихъ же и блгоустивнѣй, ѿ Рускй латонисецъ, Персйскихъ же (вмѣсто «Сербскихъ,» какъ обыкновенно стоитъ это въ другихъ спискахъ) и Колгарскй. Періе сѣ Бгомъ илунилей глати безуааламаго и безукоуеуалаго Бга ѿ шести днѣ, и инже сотвори Бгъ всю тварь. ино же рече

ныхъ тѣхъ прехвалныи дѣла и вселенныи стѣхъ седми соборъ и поместныи собравшихся стѣхъ оуъ иишихъ, поданила к ии покаянїа и бѣгоуестныхъ иишихъ црси и правокрпий кнзси, ии же по своему улюбовїю область поруку, градсиа законы уставшиа, ѿ единого Сго Дха бѣгодати вси охарисеша, заповѣдши полезниа, ииуто же приложнише, или земше изложенїи покаянїи, да не пакн претуплюще оуеснїа заповѣди, горе наследуемъ. Не разуста ли ны Бгъ по лицу всеа земли? Не взаты ли быша грады наши? Не падоша ли силїи наши кнзи острїемъ меуа? Не поведены ли быша ѣ пакнхъ удуи наши? Не завустыша ли стѣа вѣїа цркви? Не томмыи ли есмы на всахъ днѣ ѿ поганїи? Стѣа еса выслуоутъ намъ, заче не хранимъ Спасителя нашего заповѣди, и клячюти са.» По етѣмъ словамъ Предисловія нужно направить разысканїа, кто и когда писалъ его. Не то ли самое лице, которому послѣднїе вопросы принадлежать и которое отчасти уже намъ извѣстно? Во всякомъ случаѣ, очевидно, что значительная часть Хронографа составлена въ то время земли Руской, когда она томилася «на всахъ днѣ ѿ поганыхъ.» Послѣ этого Предисловія слѣдуютъ: Слово ѿ премудрости Соломони к наказанїе:» «Сѣе, ты премудрость проповѣждь;» (стр. 14): «Слово ѿ притоуннїи:» «Сѣхъ, ѿверзши уста своа словесемъ вѣїимъ;» и проч., тому подобн., до стр. 30, внизу коей киноварью: «Конецъ всахъ смнхъ повученїамъ ко црсмъ и великимъ кнзсмъ и к сѣдїамъ и всахъ православнымъ хрїаномъ, из древнаго лѣтописца избрание ѿ книгъ ижекого премудраго философа, соткоршаго книгу Грамографъ, прежде повученїе ко црсмъ, иио цркамъ вездѣ къ црсмъ и сѣдїамъ, шавредъ и предложиса.» А на стр. 33 (31 и 32 вырваны), послѣ заставки, новое «Предисловіе кнзѣ Грамографѣ шарцаетса лѣтописецъ;» и тутъ же въ строчку: «Изложеное ѿ православннхъ крѣ хрїанствїи.» Нач.: «Перїе чѣо подобаетъ истинномъ хрїанннхъ, не текѣо пноку, но и стѣрннхъ к мрѣ; испытати исанїе;» и проч.; а на 40-й стр.: «Сего рѣди и мы, желлююще ииуто развнннхъ ѿуести чановыхъ, во многи и долгокремннхъ тѣды кнндохомъ, еже изерати ѿ многихъ лѣтописннхъ и кѣтскнхъ книгъ ижежившїа и доврїшїа, и сокочнннхъ ко едннн;» и пр., какъ въ первомъ Предисловіи; но послѣ словъ: «некозможно естѣ всахъ стажати;» дальнѣйшее иначе изложено, и сходится во всемъ съ напечатаннымъ уже извлеченїемъ изъ сего Предисловія въ описанїи Хронографа подѣ № CCCCLIV, принадлежащаго Румянцевскому Музею (стр. 734—735). Замѣчательно, что за нимъ слѣдуетъ еще «Предисловіе второе», коего начало: «ѿнелъ же оуѣо всепремудрымъ;» и пр.,

съ окончаніемъ: «Сиче кетхаго Гранографъ преираго оного философи копецъ дожда,» котораго нѣтъ въ спискѣ Румянц. Музея; за тѣмъ: «Настонтъ же ѿсега сиче предисловіе же и слога покато Гранографъ ѿсмыа тысаши.» Нач.: «Уюкстеннымъ оубо непостижимъ ситъ змшаа и плотскимъ дѣовнаа,» и пр. Въ немъ Гранографъ объясняется такъ: «Заве вса науаальства, ѿрѣка же и гдѣства в немъ краткѣо описветъ; грамиъ зѣо науаальство (!), графъ же описаніе, и ѿеое сложникъ ко единонизъ, те реуетса Гранографъ, еже естъ науаальствъ описаніе.» Тутъ уже толкуется о сродствѣ потомковъ Рюрика съ Августомъ Кесаремъ: «Дше и мимѣзи глѣютса науаальства, но ѿ тожествиюнихъ же размиашиааа ироуи, шкѣ и намъ шкѣ показа, еже ѿ Августа Римскаго Кесара сродниустеко нмамы Рюрикоко.» На стр. 46-й: «Повѣдасть же къ книзѣ семъ и жизни селъ науаало, средѣ же еа и прокъ, седмѣотевизѣа уисленничыъ вѣикъ,» и пр.; на стр. 47 опять «Шестоднекъъ ѿкратца,» за которымъ, на стр. 66-ой, читаемъ: «О сконуаніи же седми настоящій вѣикъ, и ѿ преставленіиъ всего рода ууесваго и ѿ осмомъъ вѣдѣремъ и несконуаеомомъ вѣце;» на стр. 71-й: «Лѣтописецъъ ѿ созданиа мѣра въкратца,» о которомъ скажу въ своемъ мѣстѣ, а за нимъ новой счетъ лѣтамъ, изъ конихъ на 1-мъ: «Науаало писменемъъ ѿрѣскихъ родовъъ ѿ многихъ лѣтописецъ,» и проч., точь въ точь, какъ съ самаго начала съ «Шестодневцемъъ ѿкратца,» и пр., которымъ и начинается, собственно, етотъ Хронографъ. Въ немъ довольно ссылокъ на источники, каковы: Максимъ Грекъ («къ Мадиме же Грениа написано»), «Книга мудреца Маркиса ѿ дивидесати Сивиллахъ,» Большая Козмографіа («О Августинъ епинъ града Ниона, а писано ѿ Большой Козмографіи, а не ѿ Гранографъ»), и пр. Все это, равно какъ и показаніе известной статьи «О ѿложеніи мѣсъ инопомъ,» могутъ отчасти уяснить намъ составъ етого замѣчательнаго Хронографа. Въ послѣдней «Федоръ Стоудитъ вмаъ по седмѣомъ соборѣ за седмъ сѣтъ лѣтъ безъ дидесати до сконуаніа седмима тысаши, а до сихъ временъ до ѿзрѣ; ннъ же пишеть, вмаъ в лѣто ѿзѣ, а до сихъ временъ за ѿѣг.» Тоже и о Никонѣ: «А какъ Никонъ вмаъ до сконуаніа седмима тысаши за ѿе лѣтъ, а до сего времени ѿзрѣ годъ; ннъ же пишеть, Никонъ уже вмаъ в лѣто ѿзѣи, а до сего времени за ѿѣе лѣтъ.»

63. По крайнъ етого Хронографа находится слѣдующая подпись (съ 3-его по 48-ой л.): «Сию книгу Гранографъъ изпиаъ дѣакиъ Порфирій Самениковъъ у черковнина Никиты Александрова, рвиною ево написаниую, къ немъ же сѣтъ глакъ рѣо по ѿрѣко всеа Россіи ѿра Ми-

дана Феодоровна, которыхъ главамъ ѳтively оглавленіе на всю сію книгу соприди, на листу перкомъ отъ доски, а далъ за нее космъ рубливъ денегъ, а подписалъ сію книгу на розныхъ ѳи листахъ племянникъ сво Иванъ Мешной Самениковъ». (другою рукою:) А Микита Александровъ сію книгу, рзкою моею написавшу, по подписи купца на ѳи листахъ подписавшій, ему дѣлкъ Порфирію Саменикову продалъ и дѣлкъ космъ рубливъ кулкъ, в томъ рзкою моею и подписалса.» Подписи каждаго собственноручныя.

64. На 158 л. плотной бумаги или 68 тетрадахъ (по 4 листа), изъ коихъ недостаетъ первыхъ трехъ, а въ послѣдней одного листа. Письмо — скоропись XVII-го столѣтія, всюду ровная, съ киноварными заглавіями; оправка—доски, покрытыя кожею, съ застежками. Начинается исчисленіемъ острововъ, за тѣмъ глава 4-я: «Ѳ горѣ великй,» а оканчивается, во время Болярскаго державства, отнятіемъ Москвы отъ Поляковъ: «въ лѣто ,рѣмъ, (1613), октавра въ ѳд днѣ, на память сѣго мѣина Арсѣмъ Кремль градъ прѣлаша і множество Полскій и Литовскій людей побѣди, і вса земля Русина идулаиго промолника Федекъ Андромока жива аше, і по многомъ істазданіи обяшеиъ бытъ». Въ изложеніи то же, какъ и въ предыдущемъ Хронографѣ, ссылка на Польскія Хроникки, на примѣръ, стран. 9: «Сие выписано ис Подсков Хроникки».

65. Пересматривая Хронографы, принадлежащіе Императорскому Обществу исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, дошедшіе ко мнѣ уже по отпечатаніи 5-го листа етого изслѣдованія, я встрѣтилъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ тоже самое извѣстіе, что и въ двухъ Хронографяхъ В. У. Ундольскаго, первыхъ, наведшихъ меня на развиваемую тутъ мною мысль, именно: въ Хронографѣ № 280, скороп. XVII-го в., въ л., на 627 л. (съ киноварн. заглавіями), оправленномъ въ кожу и оканчив. 179-й главой, извѣстіемъ о прибытіи въ Кострому «отъ вса Русина земли посольства для пригласенія сѣз на прѣлкъ ѳрѣина Московскаго гдѣтца Михайла Феодоровнуд, иже бысть по средству племянникъ ѳдъ и великаго кнѣзъ Феодора Ивановнуд», событіемъ, приступая къ описанію котораго, лѣтописецъ восклицаетъ: «В лѣто ,рѣмъ, го (1613), мрѣта въ ,дѣ днѣ, илии сѣмѣе Русинѣ приемлютъ входъ ѳуестка достоянина дрекиаго града, Москкы, илии наста всаиъ кѣгодатил бытиа, и простирается стрза сѣтла тенѣраго житиа». и пр. Отъ, по выкладкѣ лѣтъ въ главѣ объ «О т л о ж е н і и м я с ѣ», принадлежитъ къ разряду 7125 (1617). Въ немъ извѣстіе наше находится съ обор. 480 по 482. Хронографъ же № 282, двумя почерками конца XVII-го в., въ листъ на 1072 л. плотной и

лоснящейся бумаги, чрезвычайно сходный съ Хронографомъ В. М. Ундольскаго подъ № 393, по извѣстію объ отложеніи мясъ, относится тоже къ изводу 7125 (1617) и оканчивается 7137 (1629), разсказомъ о пожарѣ Московскомъ, на Чертольѣ, и великомъ вихрѣ, дождѣ презълнемѣ, громѣ престрашномъ и молніи преужасной (л. 1075). Оправленъ въ кожаныя доски новѣйшаго переплета. Въ этомъ Хронографѣ равномерно извѣстіе о переводѣ книгъ съ Греческаго на Славянскій сходно во всемъ, кромѣ нѣкоторыхъ небольшихъ особенностей въ выраженіи, съ извѣстіемъ Хронографа подъ № 280-мъ, рознясь только окончаніемъ, содержащимъ въ себѣ славословіе Болгаръ Кириллу; оба же ни чѣмъ не отличаются отъ извѣстія въ обоихъ Хронографахъ, приводимыхъ мною въ самомъ изслѣдованіи; что до названія города, то оно—Катаонъ: «И поставленъ бысть сѣиному в Катаонѣ градѣ. . . . и погребенъ бысть в Катаонѣ градѣ» (стр. 481, обор. 482). Исчисленіе статей, входящихъ въ етъ Хронографы, см. въ описаніи «Библиотски Импер. Общества исторіи и древн. Россійск. П. М. Строева, 1845, стр. 125—127. То же самое сказать должно и о Хронографѣ подъ № 397-мъ, доставленномъ мнѣ В. М. Ундольскимъ въ послѣдствіи, въ листъ, разныхъ почерковъ XVII-го в., бумажномъ и оправленномъ въ кожу, начинающемся извѣстнымъ предисловіемъ: «Уюкстекшимъ оубо» и пр., за конемъ «о седми днехъ», и оканчивается 179-й главой «О прихода в мѣръ (Троицкую Лавру) послокъ Московскаго Государствя и о шпрѣ съ Королекскимъ людемъ, Покра ѿ дид»; слѣдующія три главы содержатъ въ себѣ коротенькія, по годамъ и мѣсяцамъ, замѣтки о царствованіи Алексѣя Михайловича, Феодора Алексѣевича, и Іоанна и Петра Алексѣевичей; послѣднее извѣстіе относится къ 7204 (1696), іюля 19-му, «О кнѣи Азовецкѣ Турчанѣ Веанкому Государю уеломъ но сдѣлѣ Азова». По счисленію 124-й главы объ отложеніи мясъ, Феодоръ Студитъ жилъ по седномъ соборѣ «къ зѣтмъ (836), а до тѣхъ времениъ за ѹиѣ лѣта кнѣи быль Феодоръ Стоудитъ»; о Никонѣ говорится, что онъ жилъ «къ лѣто зѣфи, а до сего времени за фѣи лѣтъ» (1072). И въ немъ сказаніе о Кирилловомъ предложеніи книгъ совершенно согласно съ сказаніемъ предыдущихъ Хронографовъ, и онъ названъ въ немъ епископомъ Катаонскимъ. Послѣднее названіе встрѣтилось мнѣ даже въ самомъ заглавіи этого Сказанія, при недавнемъ пересмотрѣ описанія Славянскихъ и Россійскихъ рукописей библиотекъ И. Н. Царскаго, составленнаго П. М. Строевымъ (Москва 1846), въ Сборникѣ № 379 (изъ 3-хъ рукописей разныхъ почерковъ исхода XVI-го в., въ 4-ку, на 487), гдѣ, послѣ «Похвалы св. Кириллу, епископа Климента», читаемъ, на л. 439-мъ:

«Отъ Пролога. Въ той же день, иже во святыхъ отца нашего Кирила Философа, епископа Катаньскаго, учителя Словеномъ и Болгаромъ, иже преложи *Русьскую* (такъ-съ!) грамоту съ Греческія и крести Словены и Болгары». Начало: «Въ Сѣдуньстѣмъ градѣ», и проч. Къ сожалѣнію, послѣдняя рукопись мнѣ недоступна, и по тому не могу сказать, въ чемъ его сказаніе сходствуетъ, а въ чемъ разнится съ прочими, упомянутыми выше.

66. Извлеченіе это напечатано въ «Статьяхъ, касающихся древняго Словянскаго языка, В. Григоровича. Казань 1852», перепечатан. изъ «Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета за 1851 годъ», именно, въ статьѣ: «О трудахъ, касающихся древняго Словянскаго языка до М. Смотрицкаго» (стр. 26—52). Оно взято изъ двухъ рукописей, одной города Охрида, а другой монастыря Богородицы на горѣ Тръскавецъ, близъ Прилѣпа. Въ первой, писанной уставомъ и около половины XVI-го стол. (1547 г.), какъ показываетъ приписка, оно помѣщено на концѣ, послѣ твореній Іоанна Дамаскина (какихъ?) и Григорія Паламы въ переводѣ, а о второй отыскавшей ее ничего не говорить, кромѣ того, что она найдена «отдѣльно, въ кучѣ разныхъ лоскутковъ, лежавшихъ въ церковной наперти, и, по видимому, старѣе первой, а по тому положенной въ основаніе изданія» (своднаго); обѣ писаны уставомъ, но уставъ послѣдней «не столько крупенъ и болѣе сжатъ». Существенной разницы въ той и другой нѣтъ, кромѣ «разницы писанія нѣсколькихъ прифрговъ». Вотъ заглавіе самаго сокращенія, напечатаннаго съ возможной точностью правописанія, «противорѣчащаго самой теоріи»: «Сіа словеса въ кратцѣ извршиа отъ книгъ Константина Философа Костенъскаго, бывшаго оучителя Сръбскаго въ дни благоутѣвлаго Стефана Деспота, Гидіа Сръблемъ, и имать образъ сицевъ къ писанелюмъ» (стр. 36—52). Уже самое заглавіе показываетъ, что сочиненіе это въ названныхъ рукописяхъ—Сербскаго разряда. Шафарикъ гдѣ-то говорить, что списокъ этого сочиненія находится еще въ одномъ Фрушкогорскомъ (въ Сремѣ, въ южной Угріи) Сербскомъ монастырѣ (кажется, Врѣдникѣ), а въ «Разцвѣтѣ Славянской письменности въ Булгаріи» приписываетъ Костенскому Философу, кромѣ того: «Бесѣды на Евангелія, Житіе Сербскаго князя, Стефана Лазаревича» (ум. 1427), и проч. Послѣднее извѣстно ему въ рукописи XV-го вѣка. См. его «Uebersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bey den Serben und anderen Südslawen», въ «Anzeige=

Blatt für Wissenschaft und Kunst № LIII, «Jahrbücher der Literatur. Wien 1831, S. 54.

67. Кроме того,несите, на прилѣзъ, съ стѣнъ еще слѣдующія данныя, которыя предлагаетъ нашъ «Описаніе рукописей Славянскихъ и Россійскихъ библиотеки И. Н. Царскаго». Москва 1848 г.: а) въ Сборникъ № 179, писанномъ полууставомъ XVI-го вѣка, въ листъ (449 л.), на л. 351-иъ: «Въ недѣлю 19-ю. Св. Кирила Философа Слово о исходѣ души и о восходѣ на небо». Нач.: «Понеже убо тайна сія не всѣмъ откровенна бысть», и проч.; б) въ Сборникъ № 388, того же полууст. XVI-го в., въ 4-му (305 л.), на л. 244: «Се мудрость Кирила Философа, како училъ Варееоломѣя». Нач.: «Одѣнъ въ рубѣхъ, непоработенъ, въ добрыхъ портѣхъ», и пр.

68. По харатейному списку Московской Духовной Академіи, описанному весьма подробно И. М. Снегиревымъ уже въ «Трудахъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ», часть V-я, кн. 1-я (Москва, 1830 г.), статья 13-ая: «Замѣчанія о Георгіи Амартолѣ», стр. 255—264. Въ дополненіе къ находящемуся въ этой статьѣ, прибавлю, съ своей стороны, слѣдующее: а) на 15-иъ листѣ находится извѣстіе «О рочьскомъ пришествіи»; б) съ 150 «писано другою рукою и другими чернилами», собственно только иною рукою, но чернила, какъ и прежнія, желты, хотя нѣсколько свѣтлѣе, а почеркъ крупнѣе и тверже (уставъ), впрочемъ, очень сходенъ съ предыдущимъ; съ 153 еще иной почеркъ, нѣсколько меньше и тоньше, чернилы черныя; съ 198 послѣднія становятся немногу блѣднѣе, а съ 205, т. е., съ «Врешельника ѿ хрестыянскихъ црехъ», уставъ, величиной съ тотъ, который съ 150 л. до 153-й, но блѣднѣе, хотя почеркомъ похожъ на черныи, служиваясь постепенно; съ 236 по 260 одинаковъ съ прежнимъ чернымъ, который отсюда опять показывается и идетъ до конца, т. е., по 266 л., оканчиваясь во 2-иъ столбцѣ оборота 265 л., строкой 16-й, словами: «и шатыи своръ ѿ. ѿ. и ѿ. и шатыи стѣи ѿ»; за тѣмъ, на остальномъ, полууставомъ, который почти стерся, съ трудомъ можно разобрать только слѣдующее: «снимни мѣткы шатыи пожелтѣемъ ѿдѣ шѣлго, могущаго поминати итъ къ дѣи онъ, и и техъ конициъ, преслаще ѿцрешѣи, поминати итъ ѿче і сѣе и стѣи дше тво. . . . ткиши стати кеспорона предъ токою и ѿкерзи зстыи мен, да помолотиса, гдѣ приде. . . .»; далѣе замѣтно нѣсколько *Глаголическихъ* буквъ, равно какъ и одна на послѣдней строкѣ. За симъ слѣдуетъ нѣсколько листовъ, переставленныхъ теперъ сюда, но прежде впаденныхъ было между

149—150-й л., Богъ въсть откуда взятыхъ, много уставнаго письма, чернилами черными, а по содержанию совершенно не принадлежащихъ къ Амартолову сочиненію. Еще замѣтить должно, что съ 151 л. другой пергаментъ, покрѣпче, равно какъ и на изображеніяхъ, встречающихся на немъ въ среднѣхъ изложеніяхъ, краски ярче и свѣжѣе. На разгнутомъ Евангеліи одного изъ начальныхъ изображеній читается: «Рѣ гѣ азъ есмь сяхъ всеми миру, ходи по мѣстѣ не имать ходити ко тѣмъ, но имать жи...» Языкъ этой рукописи Амартоловаго «Временныя» во многомъ отличенъ отъ языка другихъ, извѣстныхъ жиѣ, рукописей его, Булгарскаго извода, сравнительно далеко темнѣе, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, богаче особенными выраженіями и словами. Слѣдовательно, судя по этому и остаткамъ Глаголическихъ буквъ, этотъ списокъ его—*списокъ съ Главолицы*.

69. Мѣсто это о препираниіи Петра съ Симономъ Волхвомъ, къ сожалѣнію, по отсутствію списка съ Академической рукописи Амартола, приведено мною, по необходимости, въ текстъ изслѣдованія моего, по другому, нѣсколько позднѣйшаго извода, списку. Получивъ же теперь первый списокъ, считаю нужнымъ привести это мѣсто и по нему: «И кѣи въ Римѣ матежъ много и сѣристаныи Петра рѣдѣ и Симона, ино предъ окомъ твордохуться уюдеса.... кѣи юдѣи ѿ дѣли покая Симонъ привести оуицеи превеликѣ, кѣдугласи кѣ оуко нему, лѣж оуице оуицеи; Петръ же помолихъся, лѣж кѣсѣри; людие же кидѣше, дакинаса, гѣше: кѣ истинноу иже оживити лѣж оуицеи лѣж кѣстѣ тѣи, и ина знаменни много створиша, и словеса кѣгословлѣни и родословлѣни глѣста мѣжи совою не тоуѣю въ Римѣ, но и въ Соурии древле, иже Климъ Римлянинъ, премудрѣи оуѣи Петрокъ и силвертинѣи съдѣлствѣиши исповѣдають» (стр. 151—152). Впрочемъ, сказаніе Амартола могло быть отдаленнѣйшимъ источникомъ для составителя Проложныхъ Житій Кирилла и Меодія; непосредственнымъ же—Проложное Житіе самаго Сильвестра, основанное, разумѣется, вполнѣ, или же отчасти, на Амартоловомъ повѣствованіи. Очень жалѣю, что это Житіе встрѣтилось мнѣ уже по отпечатаніи этого листа. Занимаясь наведеніемъ справокъ, я увидѣлъ, что Проложныя Житія Кирилла и Меодія суть не что иное, какъ Житіе Сильвестра, папы Римскаго, то есть, составлявшій ихъ взялъ себѣ въ образецъ Житіе послѣдняго, что сдѣлалъ, безъ сомнѣнія, по тому обстоятельству, что жизнь тѣхъ и этого представляла нѣсколько точекъ соприкосновенія, сходства. Таковы: какъ Сильвестръ былъ проповѣдникомъ слова Божія и первымъ Христіанскимъ епископомъ въ Римѣ, такъ точно и Солунскіе братья

тѣмъ же самымъ были для Славянъ. Какъ Сильвестръ держалъ прѣ-
 ніе, въ присутствіи императора Константина, съ Евреями, кончившее-
 ся чудомъ, посрамленіемъ и разсѣяніемъ спорщиковъ, а нѣкоторыхъ
 изъ нихъ и крещеніемъ, такъ тоже самое оба брата, съ своей сто-
 роны, выдержали во время пребыванія своего въ Козарѣхъ, гдѣ дѣй-
 ствительно Жиды, по свѣдѣтельству исторіи, имѣли сильную власть и
 значеніе, по тому что часть Козаръ, особливо самъ каганъ и его
 окружавшіе, были послѣдователями ихъ исповѣданія. Точно ли прѣ-
 ніе Кирилла кончилось одинаковымъ образомъ съ прѣніемъ Сильвестро-
 вымъ, неизвѣстно; но крайности, въ одномъ сходство несомнѣнно:
 разумію, обращеніе, тамъ и здѣсь, къ Христіанству многихъ изъ пре-
 ниравшихся, а еще больше изъ присутствовавшихъ при состязаніи. Для
 повѣрки моихъ словъ приведу Проложное сказаніе о Сильвестрѣ,
 какъ я его нашелъ въ извѣстныхъ Макарьевскихъ Четь-Минеехъ,
 именно, за мѣсяць генварь, и при томъ по двумъ спискамъ: первый
 на листѣ ѳ• (столбецъ 1 и 2) и ѳ• (столбецъ 1-й), а второй на л.
 фѳе (столб. 2-й) и фѳз (столб. 1-й и 2-й). Вотъ сводное его изложе-
 ніе: «Въ тѣмъ днѣ (генв. 2-го) уюдо етго Селикестра и прѣнѣ его съ
 Жиды. По крѣпшн велнзго Константил слоуъ вьствъ ескамъ 'Елліномъ и
 Жидомъ, яко заткорнтиса коумирнцямъ ихъ и Жидовскѣмъ крѣпшмъ,
 Хрѣтіаномъ же ко ескаѣ мѣсте създати крѣпшн въ славоу стѣмъ Трѣнца.
 И приндохъ Жидоке на Селикестрѣ, да смъ снншъ прѣтъ прѣдъ крѣмъ; и
 въ Жидокъ .р. и .н. , докря оумнющѣи законъ. Прѣкѣ (въ 1-мъ спснк.
 «перкое») крѣ оуморншл, яко прѣщесл Селикестромъ, потомъ на Се-
 ликестра и на Хѣ хвалъ (во 2-мъ сп. «хвалоу») глѣощи; стѣмъ же, яко
 издѣшенъ коннш, вѣноснмъ моужъ и стѣмъ прѣкъ пророуенѣ (во
 2-мъ: «пророуенѣ»), нже о Хѣ прѣщеслѣн, акы прѣщесл на оеъ
 рѣцѣ (во 2-мъ: «роуцѣ») вѣдѣшеть (во 2-мъ: «вѣдѣшеть») а, 'Еллі-
 ны яко вѣсовьскыа (во 2-мъ: «вѣсовьскыи») рѣкы, Жиды же акы
 ѳпладшн (въ 1-мъ: «ѳпладшл») слакы Бѣіа (въ 1-мъ: «вѣіа сла-
 кы»), и не возмогаша еси (въ 1-мъ: «всѣ») протнктнса ёмоу. Замѣрѣн
 же (во 2-мъ тутъ и ниже: «Замѣрѣн») повелѣ крѣкн прнвекстн волъ,
 уюдо дѣл, и рече: азъ оубо словѣ оумрѣткю (во 2-мъ: «оумрѣткю») ёго,
 ёго же ты, Селикестре (во 2-мъ: «Селикестрѣ»), прѣю це сътворншн.
 Селикестрѣ же рече: Иастъ мнъ повелѣнн Хѣмъ жнкотнмъ оумрѣкѣтн
 (во 2-мъ съ «л»), но уѣмъ закѣлоуждѣшл на ноуѣ истѣннмъ наста-
 клѣтн (проп. въ 1-мъ все это). Прнвекденъ же вьствъ волъ (проп. во 2-мъ:
 «волъ») на крѣю, и есемоу мнѣжествоу същедншюса (въ 1-мъ: «шѣу»),
 Замѣрѣн нѣкоё дѣлѣкольскоё рече слово въ зхо вьскоу, и на вьмъ
 оумрѣ. Жидоке же и 'Еллінк прѣшлхд (въ 2-мъ: «прѣшлхдѣу») оумрѣ-

ти Селивестра; Селивестръ же, еше (во 2-мъ: «козше») на столпѣ, помакше, вела мѣуати; молуатиоу же бышею (въ 1-мъ: «шоу»), реуе Селивестръ: Покелн, црѣю, да ёго же быма оумориаъ, того же и жива сътворитъ. Замерѣи же реуе: Нитѣ можетъ ѿ уѣкъ жива сътворити. Аще ли ты сего жива сътвориши (въ 1-мъ: «оживнши»), то мы вси крѣтнѣса. Селивестръ рѣ: Во нма ѿца и сѣа и стго дѣа, и нмъ (въ 1-мъ: «І ёмъ») быма за оухо, постади жива. Тогда повелъ црѣ Мидомъ крѣтнѣса, нехоташа же меуемъ погоуен. Мнози же (въ 1-мъ: «мнози же») болре, видывше уюдо, крѣтнѣса с домы своими, а Ёланимьскыа црѣки изжошл (во 2-мъ: «изжогошл») ѿнѣмъ, нмѣнѣа Мидовьскыа дѣла Селивестроу. Селивестръ же мѣоуы црѣки създа и мѣоуы (въ 1-мъ: «ги») ѿ Ёланихъ крѣтнѣъ (въ 1-мъ: «крестнѣъ»), и Гѣу ѿнде».

Ясно, Забрій былъ Жидъ, какъ показываетъ его имя, во первыхъ: по своему значенію; далѣе, употребленію, на примѣръ, въ числѣ царей Израильскихъ или Самарійскихъ приводится Амартоломъ Забрій, отецъ Ахавовъ: «мко по Нлѣ крѣткова Забрѣи лѣта .лѣ.»; въ спискѣ другаго извода, равно какъ и въ Библии «Забрѣи»; и напоследокъ, въ Проложномъ Житіи Сильвестра тѣхъ же Макарьевскихъ Четивъ-Миней (л. фѣе, столб. 1-й) онъ названъ прямо Евреемъ: «Сем (Селивестръ) съвершенаго ради ёго късхоженѣа поставленъ бысть ёпѣпъ Староаго Римъ, Мелетнадоу ѿ житѣа ѿшедшоу, многымъ уюдесемъ дѣлатель бытъ, и великоаго иже въ црѣхъ Константилъ къ Хѣвъ вѣре ил-стакнѣъ и бжественнымъ крѣтнѣмъ дѣшеиыа и телесныа стрѣти оуи-стнѣъ, и ёже законъ Хѣ проповѣданиаго показѣъ, и оуѣца ожнѣмъ, ёго же оуенъ Ёкрѣнѣъ Забрѣи, а не може того късирѣити, и мѣоуы сѣнѣю повннѣнѣъ бытъ, во глагоуа староста и Гѣу ѿнде». Въ Проложномъ Житіи Кирилла названный только еретикомъ, Забрій въ такомъ же Меѳодіа обращенъ уже въ Козарина, конечно, по той причинѣ, что прѣнѣе, по Панновскому Житію Кирилла, имѣло мѣсто въ Козарѣхъ, на основаніи коего и перенесено (съ примѣненіемъ) происходившее тамъ въ Моравію (къ етому прибавленъ помощникъ его, Съдиславъ, котораго, сказано тамъ, пожрала земля, при чемъ Забрій «рѣхъсѣса», и т. д.), но по образцу Проложнаго Житія Сильвестрова. Нельзя также не замѣтить, что и самое Житіе Сильвестра все основано, даже до выраженій, на рассказѣ, помѣщенномъ въ «Временникѣ» Амартола, который, по сему, повторяю, должно считать первоосновой какъ его, такъ, черезъ него, и нашихъ Проложныхъ Житій Кирилла и Меѳодіа. Правда, сказаніе о Прѣнѣи Сильвестра и Чулѣ его съ юнцемъ помѣщено также во всѣхъ почти нашихъ Хронографахъ, но въ нихъ оно зашло тоже изъ Амартола, и съ зна-

чительными переѣнами въ содержаніи, а еще больше въ выраженіяхъ, при томъ тѣхъ самыхъ, которыя встрѣчаемъ въ Проложныхъ Житіяхъ Кирилла и Меодія, равно какъ Житіи Сильвестра и Амартоловоу сказаніи. Этого не могло быть, если бы Житія нашихъ Солунцевъ были составлены по одному только разсказу Хронографовъ, а не упомянутыхъ выше источниковъ.

70. *Kalendaria ecclesiae universae*, III, p. 14 sq.: «At quod Henschenius subdit de lingua Slavorum, Chazaris communi, quam Cyrillus, dum Chersonae degeret, didicerit, deque sacris libris ibi ab eodem in eam Slavicam linguam versis, novisque ejus linguae characteribus excogitatis, hoc, inquam, nullo pacto probari posse censeo: tum quia paucorum mensium spatio, quo Cyrillus Chersonae moratus est, fieri nequit, ut et linguam illam didicerit, et in eam tot sacros libros converterit, tum quia Chazarorum lingua a Slavica erat aliena: Chazari enim Hunnico sive Turcico sermone, non Slavico utebantur.» Слѣдуютъ выписки о томъ изъ Кедрина (подъ 16 год. Ираклія), Конст. Багряроднаго (*De admin. imperio*, сар. XXXVIII), и друг. *Шльцеръ*, въ *Несторѣ*, подлинник. Кар. X., Abschn. VI, I, S. 229, 237, Руск. перев. часть II, стр. 556 и 572. Объ языкѣ Козаръ см. Френоуи выписки изъ Арабскихъ писателей.

71. *Rozkvět slovanské literatury v Bulharsku*, str. 15—16, въ Руск. 10—11; сравн. тамъ же, подлин. 7—8, перев. моего 5. Это сказаніе по сию пору извѣстно мнѣ только по двумъ спискамъ: а) рукоп. Миней на генварь, Московской Духовной Академіи, л. 677 и сл., и б) Макарьевск. Четь-Миней на генварь же. Сдѣсь и тамъ оно помѣщено подъ 30-мъ генваря, т. е., днемъ празднованія памяти св. священномученика Климента, епископа Анкиры Галатскія. Именно, въ послѣдней (Макар. Четь-Миней) сперва (л. 1475, столб. 2-й) Проложное Житіе его, за тѣмъ такое же Житіе епископа Павла (1-й же столб.), потомъ (съ столб. 2-го л. 1477 до полов. 2-го же столб. 1482 л.): «В той дѣнь слово на пренесеніе (въ сп. Мак. «пренесеніе») мощемъ преславаго Климента, историчьскою вышше (Мак. «нмощи») всяду, мно Хѣю помощію къ д. тысяча. ѿ, нѣ, а, б. къ изысканіемъ (Акад. «изысканіе») ѣго любезно (Акад. «любезно») и вѣрно, мно изо (Акад. «изъ») нѣ бо (Акад. проущ. «бо») къ Повѣ кося». Нач.: «Въ обратеніе мощи (Мак. «мощи») стѣ славаго Климента и радостнымъ образомъ иже нѣхъ высокою бесѣдою, како оубо сытость вѣговарий (Мак. и) дѣоимымъ и (Мак. нѣтъ «и») любачимъ (Мак. «и») по-слоушлите, еще же и добрымъ званіемъ обхитникомъ (Мак. съ «д.») вѣзго и славаго словесе къ мысленъ вельетій, постретіе же и проданіе ково радостно изысканіе», и пр. Очевидно, сдѣсь, въ означеніи времени,

ошибка не...
 Житие Карла...
 не задан...
 Жаль, что...
 сение и...
 но, что...
 шо выра...
 древа...
 сивой...
 Московской...
 сивой...
 лесом...
 Мана...
 назван...
 извест...
 велико...
 его...
 25-го...
 Похва...
 сказано...
 грядущ...
 менте...
 что она...
 ром...
 Филосо...
 слова...
 углубл...
 слово...
 72...
 73...
 74...
 75...
 76...
 77...
 78...
 79...
 80...

ь-
 ихъ
 но-
 1851
 отъ
 Вра-
 ромъ
 те не

ній обвинъ Брячиславомъ 1-мъ, сыномъ Чешскаго князя, Ольдриха, читаемъ слѣдующія замѣчательныя слова, въ которыхъ онъ выражаетъ чувства, волновавшія его при видѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда дѣйствовали Кириллъ и Меодій, за сто лѣтъ съ небольшимъ передъ тѣмъ, т. е., Моравіи и ея стольнаго града, остававшихся, по разрушеніи Ростиславовой Державы (907 г.), въ заустѣннѣ, но теперь освобожденныхъ имъ послѣ пораженія на голову въ нѣсколькихъ битвахъ Угорскаго короля, Стефана, отнявшаго было ихъ у Поляковъ, заусобившихъ по смерти Болеслава Храбраго (1025 г.), который недавно передъ тѣмъ, во время такихъ же усобищъ Чеховъ (послѣ Болеслава II-го), отторгъ оныя къ своимъ владѣніямъ. Освободитель Моравіи получилъ ее отъ отца своего въ управленіе съ именемъ Воеводы Моравскаго. «*Illacrimavi sane et intimo corde sum perculsus, quando uidebam loca illa sacra, ubi cepit christianitas, per eosdem Ungaros, tum paganos, devastata et diruta atque in ruderibus dissipata iacere et ecclesias in illis partibus terre nostre omnes ad unam spoliatas et profanatas existere; et deuoni pio meo tum proposito magnam spoliatorum copiam ab eisdem uastatoribus et depredatoribus receptam in reedificium et restaurum predictarum ecclesiarum impendere, deponendo ipsam super altari eius, cui ablata, atque quo opitulante recepta esse dinoscuntur. Hinc est, quod ego Brachizlaus dux Morauiensis etiam ecclesie sancti Petri in Olomuci et capelle, que est in honore b. Clementis constructa ibidem, eam dotis sue restitui fecimus portionem, quam ipsi ex collatione antiquorum huius terre principum concessam esse scripto et oretenus ueraciter didicimus*» etc. См. *Boček Codex diplomat. et epistol. Morauiae, I, № CXXXVII, pag. 112*, взят. «*ex fragmento antiquissimi codicis ecclesiae Olomucensis, quod ab ipsius detectore, professore Monse, Monsianum nominatur*» (Lit. III.). Грамота эта, по мнѣнію Палацкаго (*Geschichte von Böhmen, I Bd., S. 271; Ego же, Dějiny národu českého, Díl I, část. I, str. 298*), относится къ 1028, а не 1030, году, какъ полагалъ Бочекъ. А что подъ выраженіемъ ея: «*ubi cepit christianitas*» разумѣется именно Велеградъ, то стоитъ только снести съ етѣмъ,—говоритъ тамъ же Палацкій,—такія же слова о Велеградѣ, употребленныя тѣмъ же самымъ Брячиславомъ въ грамотѣ своей, данной, спустя два года (1030), церкви, построенной въ память побѣды надъ Уграми, въ только что основанномъ имъ городѣ, Снитыгѣвѣ (теперь селѣ на рѣкѣ Моравѣ, въ Градиштскомъ краѣ), и напечатанной Бочкомъ въ слѣдъ за предыдущей, въ *Codex diplom. etc. подъ № CXXXVIII (pag. 113—114.)*, сохранившейся въ одной невзданной рукописной Хроникѣ XIII-го столѣтія, составленной первымъ Моравскимъ лѣто-

паспешъ, Гильдегардомъ Градиптскимъ (Hildegardus Gradicensis, 1127—1147 г.): «Brachizlaus dux Moraviensis, tradidit ad eccelsiam, quam in loco noue ciuitatis Zpitigneu, in memoriam uictorie sue super Ungarorum gente locande, honorifico opere construxerat, universam dotem, que olim ecclesie b.—iuxta *Vueligrad*, ubi cepit christianitas, in loco quondam ciuitatis Deuin extitisse cernitur», etc. Сличите также о Велеградѣ *Annales Fuldenses* ap. Pertz I, 381: «Karolus dum cum exercitu sibi commisso in illam ineffabilem Rastizi munitionem et omnibus antiquissimis dissimilem venisset», etc. И сдѣсь подѣ *мунитио* разумѣется,—говоритъ Палацкій,—(тамъ же I, примѣч. 87), Велеградъ, который, собственно, значить «велий градъ», а градъ, въ старину, какъ и теперь, у многихъ Славянъ, значить крѣпость, укрѣпленіе, слѣдовательно, по Латыни *magna munitio, munitus locus*. О названіи же «Deuin» сравните тѣ же *Annales Fuldenses*. (I, pag. 378), въ комхъ читаемъ: «In quadam ciuitate... Douina, id est, puella» (Дѣвина, Дѣвинъ, отъ дѣва); по сю пору, замѣчаетъ Шафарикъ (*Slovanské starožitnosti*, I, str. 801, въ Рускомъ II, кн. 2, стр. 296, прим. 35), ложно примѣняли ето къ Дѣвину, близъ Пресбурга находившемуся. Стало быть, столица Великоморавіи носила три названія: самое древнее, «*Дѣвинъ*», составлявшее собственное ея имя; второе—«*Велеградъ*», которое, кажется, скорѣе было прозваніе Дѣвина, то есть, велий градъ, великій градъ, или укрѣпленіе, твердыня («*ineffabilis munitio, magna munitio*»), какъ въ средневѣковой Латыни *Magnopolis*, Нѣмецкое *Mikilinburg* (названіе для Славянскаго города Любова, въ землѣ Бодричей), по коему и весь край прозванъ Миклинбургомъ или Мекленбургомъ (*Slov. starož. I, str. 902*, Руск. II, кн. 3-ья, стр. 147); и, наконецъ, третье, «*Градипте*» (*Hradisté*) или наше «*Городище*», названіе для возникшаго уже изъ развалины «*велия града*», городка или «*городища*».

75. Етотъ отрывокъ изъ «Службы» сообщенъ мнѣ, лѣтъ 7-мъ тому назадъ, В. И. Григоровичемъ. Языкъ ея въ теперешнемъ своемъ видѣ, очевидно, уже Среднебулгарскій.

76. См. статью мою: «О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ» и проч., стр. 17—18, 28—39. Какимъ образомъ очутилось ето свидѣтельство, по правописанію на *Среднебулгарскомъ* языкѣ, въ сводѣ краткихъ лѣтописей *Сербскихъ* въ «Памятникахъ Югославянской письменности» или «Изборѣ Югославянскихъ достопамятностей» (Прага, 1851 года, стр. 67—68), изданныхъ Шафарикомъ, получившимъ его отъ меня еще въ 1842-мъ году, тотчасъ по возвращеніи моемъ изъ Вратиславы (Бреслава), въ которой оно было открыто мною? Кромѣ того, въ томъ видѣ, какъ оно тутъ напечатано, правописаніе не

всюду соблюдено строго, но принаровлено отчасти къ Сербскому, именно: ѣ ви. ѣ, а ви. м.

77. «О древней письменности Словянъ», В. Н. Гриворовича, стр. 62, 64.

78. Тамъ же, стр. 67. Я отдѣляю въ два реченія «въспресьма», т. е., «въспресь» и «ма, относя послѣднее къ слѣдующему слову «стала», (шастала), съ которымъ оно и составитъ одно реченіе «шастала», ви. «шастала». Подъ «въспресь» разуется Греческое *ἀκρατος* вѣсто *ἀκρατος*, то есть, праздничныя или недѣльныя (*ἀ+κρατος, κρατος, κρατος*, дѣлаю, *ἀκρατος*, не дѣлаю, веду жизнь праздную, отіосишъ шшт, гуляю; *ἀκρατος*, недѣлающій, недѣльный; *ἀκρατία*, отіосишъ, празднось, бездѣйствіе), по недѣлямъ (какъ днямъ праздничнымъ, въ которые не трудятся, не дѣлаютъ, *ἀκρατος ἡμέρας, festae*, праздники, святки, гулянки, досугъ, дни, свободные отъ трудовъ и занятій) расположенныя чтенія Евангелій, начиная съ праздника праздниковъ, Пасхи или Свѣтлаго Воскресенія, Святой, въ противоположность чтеніямъ, расположеннымъ по Евангелистамъ. А какъ названіе Воскресенія Славянами-Христіанами, особенно Рускими, перенесено и на всякой первый день недѣли (откуда у насъ простой народъ поздравляетъ васъ «съ праздникомъ», т. е., съ Греческимъ *ἀκρατος ἡμέρας* во всякое воскресенье или воскресный день [старинное недѣля, какъ его и теперь еще употребляется у многихъ Славянъ въ смыслъ воскресенья, по первому или главному дню, а не седмицы, называемой разными разно: тыждень, т. е., тыжедьвь, тыжедьвь, тыдьнь, цѣло, состоящее изъ известнаго числа сходныхъ, одинакихъ или *тыхъ же дней*, и т. п.]), то отсюда наше названіе для такого Евангелія «Въспресь» (особенно «Въспресь»), Воскресеніе («Въспресьи»). Впрочемъ, если допустить чтеніе «Въспресьма», тогда должно подразумѣвать при немъ «чтеніи», и форму «стала» вѣсто «стала», либо «стала».

79. Извѣстно изъ сравнительнаго языкоученія, что буква *я* собственно есть доегласная, образовавшаяся изъ *і* приставкой *а*: *я+і=аі*, выражаемой въ Санскритѣ обыкновенно звукомъ *е*, а въ Славянскомъ различно: *е, ѣ, ё, е, и* или *я, а, і, ея, ё* или *ю*, смотря по нарѣчію, времени и степени любви къ смягченію или іотациі, составляющей одну изъ главнѣйшихъ особенностей Славянскихъ языковъ. Такой способъ обращенія гласной въ доегласную называется усиленіемъ или удвоеніемъ, по Санскритски *гуной*. Сдѣсь въ «обратникъ» звукъ *а* составляетъ гуну, т. е., Древнебулгарское *я* обратилось въ Среднебулгарскомъ въ *а* ви. м (*я*), какъ родственныи ему звукъ *и* часто переходитъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, уже

въ Церковнославянскомъ или Древнебулгарскомъ въ *а*, особенно послѣ плавныхъ и небныхъ или шипящихъ и свистящихъ: *драти* (вн. *драти*), *жрати* (*жрати*), *прати* (*прати*), *всада*, *зрати*, *пратида* или *пратида*, *обитаа*, *благодати* (собственно «*благодати*»), *орахъ* (*оряхъ*), *боура* (*боура*), *азъ* (*изъ*), *лице* (*лице*), и множество другихъ, а не «*небольшое только количество*». Да и нынѣшніе Булгаре нерѣдко говорятъ, тамъ и сямъ: *цалаа*, *цанаа*, *цалати*, *исцаленее*, какъ мы: *цаловать*, *поцалуи* и т. п.

80. Смотри. «О древней письменности Словянъ»; стр. 68; сравн. выше примѣч. 77: «Св. Меѳодій названъ *обратникъ* (въ Трופарѣ ему), отъ обращенія Греческаго алфавита (и Глагольскаго?), въ Словянской, принявшемъ Греческихъ буквъ къ *извѣстнымъ* уже въ Словянскомъ языкѣ».

81. См. выше примѣчаніе 37.

82. Это въ отвѣтъ на вопросъ въ статьѣ: «О древней письменности Словянъ», стр. 68. «Сообразивъ эти обстоятельства, спрашиваю, не достоверно ли заключить могу, что Меѳодій *сталъ первый писать* Греческими буквами въ Словянской языкѣ?»

83. Стр. 66—67, строк. 13 и 33—36.

84. Первое извѣстіе объ этой рукописи сообщено было самимъ Кухарскимъ, въ письмѣ его изъ Дубровника (Рагузы), отъ 28-го августа, 1829 года, напечатанномъ въ IV-й книжкѣ Журнала Чешскаго Музея, подъ заглавіемъ: «*Literní zpráva z Dalmatska*». Исчисляя Церковнославянскія рукописи, видѣнныя въ Черногорской митрополичьей Библіотекѣ, онъ приводитъ, подъ № 16-мъ, и етотъ Сборникъ, говоря: «Рукопись бумажная, въ 4-ку, подаренная мнѣ митрополитомъ; она содержитъ въ себѣ много разныхъ предметовъ, между прочимъ и лѣтопись, въ коей читаемъ: «и Болгары хрѣстѣишыи», и проч.; но годъ ошибочно выставленъ, то есть, 6330 вмѣсто 6360 (стр. 127). Шафарикъ тоже упоминаетъ объ этомъ «Сказаніи въкрѣтцѣ», съ осылкой на письмо Кухарскаго, въ «*Uebersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bey den Serben und anderen Südslawen*», помѣщенн. въ «*Anzeige-Blatt für Wissenschaft und Kunst*», № LIII, der «*Jahrbücher der Literatur*», 1831, Januar—März. Wien, S. 55. Конечъ 14 листа этой рукописи таковъ: «Петръ. Ободилъ быти исповѣдлю по писанью, мже глѣшн, се бо тьрѣдо рѣзъмю, мно житіе, а не знаменіа, шрѣтсе; и та бо выключѣа знаменіа, докродателнаго житіа поклазаніе носеть. Молю оубо аще и еше нѣма естала сѣтъ, ивленна ми и та быти, мно да глѣдѣюща ме къ кѣгьхъ поклазаніихъ шрѣнитасни. Григоріе. Хотѣхъ тебѣ, въ хвалѣ и славу изъ-

капителъ нашего Бѣх, о мѣзи намосъ вѣгогоуаннъ, именемъ Кеседита. вѣла похвѣти; но зрю дѣеиное прѣше нѣ сѣихъ повѣствъ не можеть довати, тамже проуе сѣа Бѣ ирѣность подлюфѣ, иже наило сътпенѣа прѣдложикъ, съ помосемъ повѣствъ». За тѣмъ: «Ковѣцъ книзъ архикон». Книгу вторую составляетъ: «Григоріа стѣшиаго и лѣисаго или старшиаго Римъ сложеса по вѣресе и Фектоу о жителесе стѣо Кеседита» (25 ¹/₂ листа). Книгу третью: «Того же Григоріа . . . повѣствъ о Павлитѣ еѣковѣ гредѣ Молонисаго» (32 листа). Книгу четвертую: «Того же Григоріа . . . книга четвърта. Ко еже въ рѣи радости съгрѣшеніе прѣсказаніа сътворихъ, прѣмѣ тѣтѣснаго рода Фтоудѣ изгнани кысть и въ зѣтоуеніе слѣпоти сеѣ и неуглаи, юже страждемъ, прѣиде» (3 листа). «Конецъ книзъ блженнаго Григоріа или Римскаго». Всѣ етѣ книги въ видѣ разговорѣ между Петромъ и Григоріемъ. Послѣ этого слѣдуютъ уже разныя статьи, числомъ 45, которыя съ прежними составляютъ всего 50.

85. Именно, въ сочиненіи А. Д. Черткова: «О переводѣ Манасіиной лѣтописи на Словенскій языкъ», и проч. Москва 1842, въ «Приложеніи», стр. 158—160, съ объясненіемъ встрѣчающагося въ немъ указанія о крещеніи Руси въ 866 году.

86. По видному «Сказанію» его съ начала есть «Лѣтописецъ въскорѣ» Никифора, патріарха Цареградскаго (о которомъ см. въ самомъ изложеніи) и его невѣстныхъ продолжателей; но съ 6864 (1356) года Греческіе императоры и ихъ Византія совершенно остаются въ сторонѣ, а на мѣсто ихъ являются внутреннія и вѣшнія отношенія Сербскаго народа, разсказываемыя, при всей сжатости, довольно обстоятельно, даже многое такое, чего не встрѣчалось нѣагдѣ читать. Оно занимаетъ цѣлыхъ 19 съ половиною листовъ; изъ коихъ 15 писаны полууставомъ, а остальное мелкой скорописью.

87. Г. Кухарокому сказали, что онъ отправленъ въ Синодальную бібліотеку (?). См. Сазоріа českého Muzeum. 1829, IV.

88. Извѣстіе это привожу по Шафарику, въ его Slovanak. staroz. I, стр. 816, примѣч. 100.

89. Оно на 259 листахъ, разряда Рускаго.

90. Вотъ оно: «Палеа (книга глаголемла) сирѣчь бытіа Ф Адамъ родоначальника, в ней же сказуетъ твореніе шесть днѣи Гдѣи шего Иса Хрѣта и о Адамѣ и о проуихъ прѣтецѣ по родослѣкію, кмо же содержитъ в себѣ книга бытіа, и отъ коего колѣна пондоша црѣи и сѣдѣа, владѣльцы надъ Іудѣи, и колмо кто лѣтъ нмѣи владѣлъ, и ео прѣтѣхъ прѣтѣвахъ мнмотемущаго кола сего съ лѣтописцемъ».

91. Послѣсловіе его привожу по выпискѣ «Описанія рукописей»

Рушица. Музея»; но въ ней не находимъ слѣдующихъ словъ, напечатанныхъ, однако, при переводѣ сочиненія Добровскаго «Кириллъ и Меѳодій», въ примѣчаніи къ отрывку изъ этого Хронографа, сообщенному переводчику самимъ А. Х. Востоковымъ: «и при всеобщемъ Митрополитѣ всаѣ Русіа Зосима»; послѣ сего слѣдуетъ: «и пре всеобщимъ Архїепискѣ великого Нокагорода и Пскова влѣкъ Геннадій». Такъ какъ Слово «всѣобщимъ» въ томъ и другомъ находится, то, вѣроятно, оно-то и было причиной пропуска со стороны наборщика, который вдругъ перескочилъ отъ перваго къ послѣднему, какъ это нередко случается въ Типографіяхъ. Иногда рѣшительно невозможно бываетъ замѣтить то при выправкѣ, особливо, когда смыслъ отъ того не страдаетъ, какъ въ этомъ случаѣ.

92. На оборотѣ 835 листа читаемъ вверху, на полѣ, такое заглавіе кнжоварью: «Книга нарицемаа», а на 836-мъ: «Палла, написана въ лѣта 745ъ» (1518).

93. Представляю его здѣсь вполнѣ:

Предложеніе грамотамъ.

Прежде всѣхъ бы Жидовьскія грамота. С томъ снана 'Елливьстїи грамотиуицы; тате во снхъ Римьскла и проуїи и нїи мнѣзи. По мнѣзхъ же лѣтѣ Русьскла; послѣ же всѣхъ Пермьскла. Оу Жидовьскїа азбукы перкомѣу слову нма алфъ, а оу Греуескыа азбукы перкомѣу слову нма алфѣкта, а Сурьскыа алфѣкѣе, а Оугорьскыа алфѣкласакл, а оу Русьскїа азъ, а оу Пермьскыа азбуръ, да не по единомъ глѣще оумнѣжнѣса слово; мнѣзи бо сѣтъ грамоты, и мнѣгы азбукы. Сѣтъ бо писмена кнжнїа нже издавна и по пошлїику мзцы ннѣше з себе, нкѣ се Жидовьскыи и 'Елливьскыи и Римьскыи, и ннѣ что достонѣ рѣци, нли что подобнѣ ѡкзцати? Илѣ ѣ, нкѣ нкоууаѣмса ѡ писнїа, а не ннано како; но ѡба в писнїи ннѣ ѣ, еже ѡ Адамл перкоздннїаго глѣу, егѣ сннѣ Снфъ, сѣ перкїе нкоуунса грамотъ Жидовьскїи; тате ѡ Адамл до потопа пренде лѣтъ 760. снѣ; но потопѣ бы столпотворенїе, егдѣ раздѣлнша мзцы, нкѣ кнѣше писнѣ, да нко раздѣлншѣ азбукы, тлѣо раздѣлншѣ и нрлїи, и ѡмьлїи, и оустлїи, и злѣоны, и ннѣтростн на азбукы, нкѣ се глѣу ѣ мзкы 'Егїпетьскы, ѣмоу земноннѣрїе досталосѣ, а Персомъ и Хаддѣомъ и Асїрїонъ острононїе, зѣкздоуѣтїе, колшкенїе и уроклнїе, и проуїа свѣтнл ннѣтростн улуескїа; Жндѣкомъ стїа кннѣгы, нонѣ тѣ нкоууенн сннѣ, ѣю грамотоу и Моїсен потомъ писнѣе ѡ кнѣтїи всего мнрл Бнѣтїскїа кннѣгы, в ннѣхъ же ннслїо, еко Бѣ сѣтворнл нбо и землю и всѣ, нже на ннр, и улул

и асе по радѣ проуса, яко ѣ Бытїи писать; 'Сланиомъ же доставася грамотниѣ, и риторниѣ, и философіа. Но исперѣл 'Сланин не выгнѣ оу себе грамоты, но Ѡвнѣнскою грамотою поуждакъса писати свою рѣчь, и тако бѣша по многа лѣта. И вѣсть вѣкто и нѣхъ философъ именовъ Понамидѣ, иже послѣдѣ пришедѣ, сътвори 'Сланиомъ азкоукоу, илусѣнъ снѣ: алфа, кнта, и положнъ усломъ словъ .ѣі., такомо 'Сланиомъ изъобрѣтено. Потомъ по ижекоуцѣхъ лѣтахъ иже ѡвнѣнскъ именовъ Кидомъ Милнсіи, приложи нѣхъ тѣи слова писемѣла; тѣмъ же и по многа лѣта .ѣі.ю словъ свои азкоуны, своимъ писемъ поуждакъса писати. Потомъ же нѣхъ грамотниѣ, именовъ Снмслѣдѣ, обратѣ ѣще приложи нѣхъ .ѣ. слова писемѣла, и оуже слагѣтса усломъ словъ нѣхъ .ѣа. 'Снхирїи же ѡвнѣнскъ, снхадѣтель сынъ книгамъ, сїи изъобратѣ, приложи нѣхъ .ѣ. слова писемѣла; тѣи тако събрѣса азбукъ Греускїа словъ усломъ .ѣд. Потомъ же по многуцѣхъ лѣтахъ Дїонисъ ижекоу грамотниѣ, шесть дефгласнѣхъ изъобратѣ; но снхъ же другымъ философъ .ѣ. словъ приложи, нѣхъ книжнѣхъ .ѣ. слова, нѣмъ же усла иимѣтса, шестое мѣхъ, и декатдесѣтное и декатсѣтнѣе. И тако по многа лѣта мнози философи ѣдѣ събрали съѣ азбукъ Греускїю словъ усломъ .лн. Потомъ же многымъ лѣтомъ ижекоу меднѣнѣхъ, сѣїнѣхъ словомъ обратомѣ .ѣ. иже ѡвнѣнскъ, иже приложили книги ѡ Иудѣнскѣмъ языку ил Греускымъ. Коли многа лѣта мнози философи 'Сланинѣстїи събрали и съставили грамотъ Греускїю, и ѣдѣ оуставили, мнози тѣмъ и мнози времени ѣдѣ сложили, .ѣ. философъ ѣдѣ азбукѣ състалили, а сѣдмѣдѣ мѣхъ ѡвнѣнскъ предложнѣ предложнѣ, перѣтѣмѣли книги, ѡ Иудѣнскѣмъ языку ил Греускымъ прекедѣши. Тѣмъ мною, яко Роускїа грамота ѡвнѣнскѣ илѣ 'Сланинскѣмъ, сѣхъ бѣ ѣл моужъ сътвориѣ ю ѣсть, Кирїилъ ревоу философъ, а Греускою алфавитоу 'Сланинъ, не прѣрѣтїи снѣ, състалили съѣ. Тѣмъ и потомъ Прѣмскїа грамота илѣ 'Сланинскѣмъ, ю Стефанъ сътвори. Но Кирїилъ философъ спосоклаше многлѣды вратѣ ѣго Мефодъ, илѣ грамотъ складѣти, илѣ азбукъ състалиити, илѣ книги прѣводити; Стефанѣмъ нѣкто обратѣтса помощнѣхъ, разѣтѣ токомо ѣднѣхъ Бѣ илѣхъ, илѣжнѣше и сила, помощнѣхъ въ спорѣхъ, ѡвнѣнскѣхъ нѣхъ зѣло. Аже ли кто реуетъ слово илѣ Прѣмскїю грамотоу, яко нохоуламъ ю, гѣдъ, яко нѣхъ горлѣдо оустроѣилъ грамота сн, достоно ѣ поуннѣлати ѣа, и ѣще тѣмъ и снѣхъ реуемъ: и Греускїю грамотъ тако мнози поуннѣлали: Анѣла и Сѣмѣхѣмъ уадѣ и нѣнѣ мнози; днѣи по ѣ готовѣмо поуннѣти, оудѣево ко ѣ послѣднѣ пострадати, илѣ нежели исперѣл науку и съкорїти. Аже ко кто изърѣснѣ Греускїю книжнѣмъ, гѣдъ: кто нѣхъ ѣ грамотъ сътвориѣ, илѣ книги предложнѣ,

и в коѣ время то са с дѣлао. то рѣдѣѣ ѿ иѣ бѣхѣ дати могоуѣ, и не мнѣзи вѣдуюѣ. И аще вѣпросиши Русьскыя грамотники, гдѣ: кто ны ѣ грамоту сътвориалъ и книги прѣтаѣкокалъ, то вси вѣдуюѣ и вскорѣ ѿвѣщюуѣ. рѣпоуѣе: стѣи Костанѣтнѣи философъ, крѣицлемъ Кирилъ, тѣ намъ грамотоу сътвориалъ и книги прѣложналъ съ Греуескыа изыма иа Роуцьскыи съ братомъ си съ прѣимъ с Мефодомъ, и кѣмъ посатди ѣиши Моравьскыи. В коѣ время то баше? Вѣ црѣтко Миханда. Греуескыа црѣа, и въ Царьградѣ црѣткокашнѣаго, ири штриарсѣ Фотѣи, и лѣ Борисѣ книжа Болгарьскыаго, и Растичѣа княжа Моравьскыаго, и Костелѣа княжа Блѣтеньскыаго, къ книженѣе вижа великыаго всѣа Русѣи Люрника, поганиа свѣда и не ирѣшѣа, за .рѣи. лѣ до ирѣшѣи Русьскыа земли, а ѿ създаиѣа мирѣа и лѣ .рѣ.тѣгѣ.

94. «О древней письменности Словянъ», стр. 69, примѣчан. 2-ое.

95. Прокопій хвалитъ склонность егѣхъ Готовъ къ Христїанству, замѣчая, что они дѣйствительно получили себѣ епископа отъ императора Юстинїана. *Bellum Gothicum*, IV, 4. О войнѣахъ съ Козарами говорится въ «*Acta S. Joannis*», ар. *Boll. Jun. 5. pag. 190 — 191*, а о Готской Епархіи у Кодина «*Notitia Graecorum episcoporum*», pag. 381, 403.

96. «Древнїа письмена Славянскїа», въ Ж. М. Н. П., 1848, кн. VII, Отд. II, стр. 64.

97. Въ рукописи Московской Духовной Академіи № 19-й, въ слѣдъ за Житїемъ Кирилла, помѣщено небольшое извѣстїе о Руской грамотѣ и судьбѣ ея. Очевидно, цѣль сочинителя была показать, что, не смотря на извѣстїе этого Житїа объ изобрѣтенїи азбуки Константиномъ, онъ, собственно, только перенялъ ее отъ какого-то Русина Христїанина, жившаго въ Корсуни, слѣдовательно, это не его изобрѣтенїе, но чисто Руское, свое, и, по тому, она, собственно, грамота Руская; ею онъ написалъ книги Моравцамъ, отъ коихъ по томъ перешла къ Чехамъ и къ Ляхамъ, и держалась у нихъ до самаго Войтѣха, замѣнявшаго ее Латинской. Повторяю, составленїе этого извѣстїа относится ко времени вѣроисповѣдной борьбы Рускихъ съ западными соплеменниками, которымъ доказывали тѣмъ, что и они, когда-то, были Православные и, стало, писали одинаковой съ ними азбукой, вытѣсненной только насильно извѣстнымъ ревнителемъ Латинскаго обряда, Войтѣхомъ. А чтобъ еще болѣе удостовѣрить въ томъ, рука, увлеченнаго ревностью по старинѣ, не дрогнула сказанїе собственнаго своего изобрѣтенїа внести даже въ Житїе Кирилла, помѣстивъ его въ отдѣлѣ, въ которомъ говорится о пребыванїи послѣдняго въ Корсуни; цѣль была очевидна—показать, во первыхъ, что

она, какъ я сказалъ уже, собственно Руское дѣло; во вторыхъ, самъ Константинъ перенялъ, отнюдь же не изобрѣлъ, ее; въ третьихъ, она тамъ «идеши вмѣстѣ самѣи Бѣгомъ», гдѣ «Владимирѣ Дѣхъ стѣи въдохмоуль» и самую «Вѣроу прѣлати». Такъ какъ извѣстiе или сказанiе это находится и въ обомъ Псковскихъ спискахъ Псалъи, и при томъ, непосредственно соединено съ выписками изъ Кириллова Житiя, относящимися преимущественно къ азбукѣ, то отсюда можно вывести заключенiе, не изъ подобнаго ли источника сдѣлана эта вставка въ Житiе, да и сама не для Хронографовъ ли собственно составлена была, которымъ нельзя было обойтись безъ разсказа о происхожденiи нашихъ письменъ? Что это стояло совершенно въ разладѣ съ послѣдующимъ разсказомъ Кириллова Житiя, вставщикъ не заботился о томъ. Такiе люди никогда не смущаются подобными противорѣчiями: ихъ задача — сдѣлать по своему, а тамъ—разбей себя, кто можетъ; объясняй и доказывай, сколько угодно, противное. Дѣло сдѣлано, и не стать же передѣлывать его для какой-то исторической совѣстливости. Я увѣренъ, что когда найдется списокъ Паннонскаго Житiя Кирилла постарше тѣхъ, которые теперь у насъ подъ руками, въ немъ не будетъ этой *вставки*—здѣлiя нашей умной и книжной члди.

98. Cosmae Pragensis Chronica Bohemorum, lib. I, въ «Scriptores rerum Bohem., ed. Peltzel et Dobrovsky», T. I. pag. 49. Подлинность этого посланiя сюда не относится; если бы даже самъ лѣтописецъ выдумалъ его, какъ полагаетъ Добровскiй, все таки оно показываетъ намъ, что уже въ его время такими, а не иными, глазами глядѣли на отношенiе нашего стараго языка и народа къ Православному Богослуженiю, т. е., въ XI—XII вѣкѣ.

99. См. «Évangélique slave de Reims, ou texte du sacre, fac-simile et publié par J. B. Silvestre». Paris 1843, 2-de livraison; другое заглавiе: «Evangelia slavice, quibus olim in Regum Francorum oleo sacro inungendorum solemnibus uti solebat ecclesia Remensis, vulgo Texte du sacre, ad exemplaris similitudinem descripsit et edidit Silvestre. Lutetiae Parisiorum, pag. 61—62; также: «Слѣздо-Смилзское стѣе блговѣствованiе, нынѣ же Ремское, на неже прѣже прислагна при квиулькомъ мѣропомозанiи цари Францоустѣи. Съ призвлечѣтѣмъ съ коноу того же утѣиѣи Латиньскими боукамаи и сѣмленѣтѣмъ Остроширока еулигелѣи и Острожьскимъ утѣиѣи. Троудомъ и надикенѣтѣмъ Качеслака Гашны. Въ Уешьской Празѣ, 1849», стр. 186—188.

100. Молитва эта такъ читается въ «Прологѣ о Хѣ сѣказаннѣи

Оѣоу, Сѣоу и прѣстоуоуѣоу Дѣоу.
 Кѣмоу же уѣсть и дръжка и слѣз
 Отъ ксеѣ тварѣ и думанѣхъ,
 Къ ксеѣ кѣхъ и нѣ кѣхъ, дѣнѣхъ.

Выраженія: «Шестырицѣть слово въсприимъ.

Шѣстоуоу шѣнѣ по слѣдоу оучителю,

Имени ксеѣ и дѣлоу послѣдоуѣ»,

показываютъ, что молитва сія, писанная; какъ видно, стихами (и напечатанная дважды при соч. Добровскаго въ Руск. перев. «Кириллъ и Меѣодій,» стр. 109 и 151), не можетъ быть сочиненіемъ Константина Философа, напротивъ, ученика его, Константина, по догадкѣ Шафарика (Разцвѣтъ Славян. письм., стр. 20, по Руски стр. 13), епископа Прѣславскаго, которому, сверхъ названнаго творенія, принадлежитъ еще переводъ Аѣанасія Александрійскаго четырехъ словъ на Аріянъ, сдѣланный, по желанію Булгарскаго царя, Симеона, въ 906 г., и сохранившійся въ двухъ рукописяхъ XV-го в., въ Москвѣ и въ Волоколамскомъ Іосифовѣ монастырѣ, на которыя первый обратилъ вниманіе наше К. Ф. Калайдовичъ (въ Іоан. Екс. Болг., стр. 14 и 98, прим. 40, стр. 94, пр. 20). Последнія встрѣтилъ и я также въ Макарьевской Четъ-Миней на мѣсяцъ май. Тутъ, между «Житіемъ (2-го мая) стѣго Аѣфансѣи, архѣпѣпа Александрѣискаго» (листъ рѣме), и его Словами на Аріянъ: «Иже къ стѣи шѣи нашего Аѣфансѣи архѣпѣпа Александрѣискаго на Аріамы Слово прѣвое» (т. рѣме—стѣи), столб. 1-й, читаемъ извѣстіе о времени перевода ихъ, находящееся, по увѣренію Калайдовича, въ концѣ 4-го слова по Синодальной рукописи. Такъ какъ оно чрезвычайно важно по своему содержанію, то я его и выписываю сдѣсь. Изъ сличенія его съ Синодальнымъ можно замѣтить только нѣкоторыя язычныя разности: «Стѣи шѣи кѣгоуѣтѣмъ, нарѣчѣмъ Аѣфансѣи, повелѣнѣмъ кѣнѣа нашего Болгарска, имени Сѣмеона, прѣложи ихъ ѣпѣпѣ Константины къ Сломенскѣмъ азѣмъ ѣ Гравеска, в лѣ ѣ началѣ мѣра .ѣ. ѣ .лѣ. нѣ .лѣ., оуѣтѣмъ сѣи Меѣодоу, Архѣпѣпа Морамы. Иаѣтѣ же ѣ Тоудоръ уерпорицеѣ Доходѣ, тамѣе кѣнѣе покѣлѣ, на оуѣтѣи Тыма, в лѣто .ѣ. ѣ. ѣ. ѣ., Іѣнѣ. іѣ., иже стѣи зѣтѣи ѣрѣмъ новѣа стѣтворѣна ѣ тамѣ кѣнѣемъ. В се же лѣто оуѣне раѣкъ ѣжѣи сѣго кѣнѣа шѣи, къ кѣнѣа царѣ живѣи, в добронспѣданѣи Гѣи нѣго Іѣ Хѣ, великѣи, уѣтѣи, кѣго-кѣрѣи госпѣи нашѣи кѣнѣа Болгарскѣи, имени Борѣи, крѣтѣанѣе шѣа ѣмоу Михай, мѣи маѣи къ .ѣ. дѣи, в сѣботѣи кѣѣр. Сѣи Борѣисъ Болгарѣи крѣтилъ ѣ в лѣ .стѣхъ. кѣхъ., но шѣа Шѣи и Сѣи и стѣго Дѣи, дѣнѣи». Кромѣ того, Шафарикъ приписываетъ ему и «Написаніе о правѣи

вѣрѣ», известное по Булгарской рукописи 1348 г., сделанной для Булгарского царя, Иоанна Александра, и находящейся въ Московской Синодальной Библиотекѣ. Разнорѣчіе въ приведенныхъ трехъ стихахъ, относящееся къ словамъ: «оучителю, мю», вѣсто которыхъ въ другихъ спискахъ стоитъ «оучителя его», конечно, можетъ указывать вообще на обоихъ братьевъ, коихъ Константинъ былъ равно ученикомъ; но тогда выраженіе: «Имени мю и дзюу носаздоумъ», будетъ противорѣчить тому, слѣдовательно, надобно признать, что здѣсь должно стоять единственное, а не двойственное, число (оучителя мю).

Твореніе это, судя по статьѣ, приложенной въ заключеніе его: «Историкни за бѣ вѣратъца одръжани лѣ отъ Адама до Хѣа пришествіа, и пани отъ Хѣ до настоящаго мѣ .бѣ. индикта,» переведено въ концѣ IX-го вѣка, въ правленіе Булгарскаго царя, Бориса, котораго и изображеніе приложено въ самомъ началѣ, или же въ началѣ X-го, даже въ годъ его смерти, либо вскорѣ по томъ. То обстоятельство, что при немъ выставлена подпись: «Сѣмъ Борисъ», было причиной, что на него никто не обращалъ вниманія, считая его Рускимъ княземъ Борисомъ. Въ соч. «Вѣкъ Болгарскаго Царя, Симеона» (стр. 111, прим. 123), повторивъ слова Шафарика объ изображеніи при Константиновомъ переводѣ Булгарскаго князя, Бориса, спрашиваютъ: «Не ошибка ли это: *Бориса* вѣсто *Симеона*?» Кто видѣлъ это изображеніе и сообщилъ о немъ упомянутое извѣстіе, имѣя подлинникъ въ рукахъ своихъ болѣе года, тотъ зналъ, что писалъ; впрочемъ, извѣстіе его можетъ повѣрить всякой въ Московской Синодальной Библиотекѣ, гдѣ хранится послѣдній. Вообще, надо признаться, что сочинитель этого изслѣдованія компилируетъ другихъ, но только компилируетъ, и то не всегда вѣрно, самъ же или вовсе ничего не представляетъ своего, или же представляетъ все въ превратномъ видѣ: почти что ни слово, то ошибка, недоразумѣніе, даже чистая напраслина. Это очень жаль, тѣмъ болѣе, что самоувѣренный тонъ сочинителя можетъ ввести многихъ въ заблужденіе, яко бы то, что онъ говоритъ, дѣйствительно такъ. Вотъ, впрочемъ, заключеніе упомянутаго сейчасъ Историческаго лѣтосчисленія: «Въстѣхъ же лѣтъ ѿ провѣтца Хѣа до Аѣка цѣла и мѣтѣшнѣаго десѣтъ сѣтъ .иѣ., а ѿ Адама до настоящаго мѣ бѣ индикта, естъ лѣ 7.75». Я не могу вдаваться въ розысканіе правильности показаній этого лѣточисленія и соглашенія разнорѣчій его съ другими современными, на прикѣрѣ, по чему въ немъ, въ заглавіи и заключеніи, сказано «въ .бѣ. индик., при 918 и 6406, между тѣмъ какъ по другому показанію, приведенному выше, въ 6415 поставлено «Индик. .лѣ.» Наконецъ, Молитва Константина, какъ легко замѣтить, написана въ

азбучномъ порядкѣ; сличеніе ея съ другими списками было бы теперь не совсѣмъ уместно, хотя и привело бы къ весьма любопытнымъ выводамъ, особливо касательно числа и послѣдовательности симиыхъ буквъ. Замѣчу только, что во всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ, спискахъ ея (которые далеко моложе Синодальнаго), довольно опущеній, между тѣмъ какъ въ этомъ послѣднемъ важнѣйшій промахъ, въ сравненіи съ ними, состоитъ: въ поставленіи п на мѣстѣ і (или даже вовсе пропускъ); далѣе, ѳ на мѣстѣ ѿ; ю ви. ш; и ви. ш; послѣдніи два и въ прочихъ спискахъ не соблюдены, а изъ двухъ ш, одно для ш, а другое для шт, ви. ѱ, котораго не было въ языкѣ Кирилла и Меодія, отъ того въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ нашихъ (Русскихъ) спискахъ этой молитвы пишется слово «шѣствою черезъ ѳрестѣе»; наконецъ, выставляются: ѣ при «имени», ѱ при «мѣстѣ», ѳ при «и (прибавленное) хвалоу», а при «иже» ви. «ю(ш)же», и т. д. Какое правильнѣе чтеніе: Синодальнаго ли списка: «Детитъ во шѣмъ и Слоянсько плема», Волоколамскаго: «І азъ то во иѣмъ Слоянсько плема», какого-то третьяго: «І азъ то, сѣе, Слѣянсько плема», или же Псковскихъ списковъ Палѣи: «И проситъ дѣръ твою приити Слоянское плема», теперь не могу сказать навѣрное.

101. По крайней мѣрѣ не подлежатъ уже ни какому сомнѣнію, что иное Церковнославянскій языкъ, а съ нимъ, стало быть, во многомъ и редація въ памятникахъ, писанныхъ Глаголицей, или съ нея списанныхъ, а иное онъ въ памятникахъ Кириллицы. Впрочемъ, и послѣдніе представляютъ довольно поучительныхъ особенностей. Чѣмъ старѣе памятникъ, тѣмъ языкъ въ нихъ чище, своеобразнѣе и естественнѣе, тѣмъ въ нихъ больше своего, кореннаго; даже многія слова, извѣстныя теперь намъ только въ Греческой одеждѣ, тогда ходили въ одеждѣ своего руководѣля.

102. Послѣдняго по Сборнику, вышѣ Императорской Публичной Библиотекѣ принадлежащему: «Память и похвала князю Рюсному Колодимеръ, како крестиса Колодимеръ и дати своа крести и всю землю Рускую ѿ конца и до конца. Писано Никономъ Манкомъ». Это Слово, одна изъ немногихъ жемчужинъ нашей древней письменности, издано теперь въ «Извѣстіяхъ по 2-му Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ».

103. Списокъ этотъ, судя по языку его, принадлежитъ къ изводу Южнорускому и, сверхъ того, отличается многими опущеніями и прибавленіями.

104. Сравните съ етѣмъ исчисленіемъ народовъ Православнаго исповѣданія и Славянской грамоты исчисленіе, напечатанное иномъ

въ первомъ моемъ «Донесеніи Г. Министру Народнаго Просвѣщенія изза границы», помѣщенномъ въ Ж. М. Н. П. 1838 г. Что до сказанія о судьбахъ Православія, стоящаго, въ моемъ спискѣ Кириллова Житія, тотчасъ за етѣмъ послѣднимъ, какъ бы дальнѣйшее продолженіе о томъ, что же случилось съ грамотой и Вѣрой, для которыхъ столько потрудился етотъ апостоль Славянъ, то въ немъ особенно подробно излагается отношеніе Каѳоличества въ Западныхъ земляхъ Славянскихъ къ Католичеству, начиная съ Войтѣха до Езуитовъ. Вспомогаемые «Господаремъ землямъ» (Королемъ) и его панами, послѣдніе вслѣдствіи преслѣдуютъ Православныхъ, и «за оубогимъ Ржскимъ народомъ никто не предстательствуетъ»; они (Езуиты), «не изымаючи разширена илюки Ржси, къ шумяща и рога скон къносать надъ оубогою Ржсью, ѿ которыхъ насъ Бѣ да извѣстити, шкъ ѿ епископихъ Контеха, иже приахъ мзда и ядра скол: къзде неприяда ёго на галехъ ёмъ оу Пржсехъ», по тому что онъ-то «прекратилъ тмѣ земан (Чехы, Мораву, Ляхы и Угры), и илюки стго Кирила Словенскию, котори оу Пржсехъ оублѣнъ бысть, адо згнѣхъ, за прекратность и расколъ злюкѣ стго, иже мадрокадъ надъ Слованъ Грецескимъ закономъ, не изымаючи илюки Ржсой Слованомъ, прекратилъ ихъ не оублѣнъ, но маунтелствомъ и прогнаніемъ а шордоканкѣмъ ёипокъ Г ёреѣмъ Словенскихъ», и проч. Стало, сочинителю очень хорошо извѣстно было, что Войтѣхъ первоначально, подобно многимъ своимъ землякамъ, принадлежалъ Православному Исповѣданію, слѣдовательно, было время, когда и онъ не противился ему. Къ етой-то порѣ его жизни относится также и то обстоятельство, на которое указываетъ сочинитель статьи: «Ostatnie pojzzenie na Polakę srednich wieków». (Pozn. 1851, str. 523—524), т. е., что Войтѣхъ «z siebie samego nauce sławiańskiej i zwyczajowi greckiemu przychylił, chrzcił poganę, z obrędem sławiańskim żył w zgodzie, kiedy sam pragnął w mnichy greckie wniść». Дѣйствительно, въ Жизнеописаніи его, составленномъ близкимъ къ нему лицомъ (Vita sancti Adalb. per Johan. Kapararium, умер. въ Римѣ 1004 г.; см. Monumenta Germaniae historica, t. IV scriptorum, ed. J. N. Pertz. Hanov. 1841), находимъ извѣстіе, какъ онъ, въ первое свое путешествіе въ Римъ, явился было, одлажды, къ Нилу (ум. 1005 г.), игумену Греческаго монастыря свят. Михаила близъ Бара, прося принять его въ обитель, и какъ тотъ отвѣчалъ ему: «Recepissem te, nisi haec susceptio mihi meisque nocitura, tibi tamen minime esset profutura» (cap. XV.). Но въ послѣдствіи, когда возмужалъ и побрался Латинства въ частыхъ своихъ путешествіяхъ въ Италію и

пробываніи въ ея монастыряхъ , Войтъхъ переѣхался, изъ расноложеннаго къ Православію сдѣлался преслѣдователемъ его , какъ показываютъ то дѣла его.

105. «Древнія письмена Славянскія», въ Ж. М. Н. П. 1838, кн. VII, Отд. II, стр. 63, 66. Извѣстіе Храбра объ употребленіи Славянами, во крещеніи своемъ, въ Греческихъ областяхъ и сосѣднихъ имъ и Италиіи краяхъ Римскихъ и Греческихъ, письменъ по нуждѣ, ни мало не говоритъ въ пользу справедливости сказанія о существованіи перевода на Рускій языкъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ до Кирилла и Меѳодія, по тому что это двѣ вещи, совершенно разныя. Въ противномъ случаѣ пришлось бы заключать изъ того обстоятельства, что нѣкоторые простые Булгаре, особенно торговцы, незнакомые съ Кириллицей, но, по сношеніямъ своимъ, знакомые съ Греками и ихъ азбукой , пишутъ , равнымъ образомъ , по нуждѣ , послѣдней свои счеты, грамотки и т. п., пришлось бы, говорю, заключать изъ этого обстоятельства также о существованіи перевода на языкъ Булгарскомъ, Греческими буквами писанномъ, или даже изданномъ, т. е., «писменъ казъ оустроенни».

106. Выраженіе «и со дидефонгами» даетъ намъ знать, что писавшій это смыслалъ коечто и по Латини.

107. Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die frühere Geschichte Russlands. S. Petersburg 1810, S. 8—12, 14, 57—58, 81, 86, 97, 114—115, 126, 165; 91—92, 96—98, 126, 143; 325—326.

108. Такъ по Нестору, по тому что онъ прежде, рассказавши, о поселеніи Славянъ въ нынѣшней Руси, равно какъ о другихъ народахъ, «иже днѣ дають Рѹси», опять обращается къ Дунайскимъ Словѣнамъ , отъ которыхъ они и другіе ихъ соплеменники «рѹдидомъ са по хемъ», и замѣчаетъ, въ дополненіе къ сказанному уже о нашествіи на нихъ Волъховъ, о такомъ же нашествіи Булгаръ изъ Козаріи или древней Скиѳіи, а за ними о нашествіи третьяго иноподца, *Угровъ Бѣлыхъ*, появившихся при царѣ Иракліи, которому, какъ и Обры, помогали противъ Персовъ. Послѣдніе (Обры) даютъ ему случай распространиться о такомъ же нашествіи на Русь, какъ и на Славль Дунайскихъ, прежде всего етъхъ Обровъ, слишкомъ сурово обращавшихся съ нѣкоторыми ихъ вѣтвями (Дулъбами), по томъ Печенѣговъ, что, какъ извѣстно, было въ 6423-мъ году или 915, въ 3-е лѣто Игорева княженя, и, кромѣ того, о нашествіи *Угровъ Черныхъ*, которые, однако, только прошли мимо Кіева, еще за 17 лѣтъ до Печенѣговъ, «при Олѣхъ». Ясно, лѣточисла-

гельский порядок у Нестора не соблюденъ; по во всякомъ случаѣ Угры нашли было на Русь, хотѣ и не утвердились въ ней, а прояслись далѣе, на югозападъ, устремились черезъ горы великія, слѣдовательно, въ Паннонію, гдѣ жили тогда Словѣни съ Волъхами, своими, когда-то, покорителями, которыхъ немедленно прогнали и сами сѣли съ Словѣнами, овладѣвши землей ихъ, прозванной, съ тѣхъ поръ по нимъ, землей Угорской. Слѣдовательно, и выше, и сдѣсь говорится объ одномъ и томъ же событіи, равно какъ и объ одномъ и томъ же народѣ, т. е., какъ покоренномъ, Славянахъ, такъ и покорителяхъ, Уграхъ, и стало, Угра Бѣлимъ и Угри Чернымъ будутъ одно и тоже. Но по чему же Несторъ въ одномъ мѣстѣ своей лѣтописи назвалъ ихъ Бѣлыми, а въ другомъ—Черными? Не по тому ли, что первые дѣйствительно принадлежали въ то время, о которомъ говорится у него о нахожденіи ихъ на «Хоздрод, царя Перьскаго», къ народу, еще ни кѣмъ не покоренному, свободному, что, обыкновенно, жителями Востока и нами, сосѣдями ихъ, выражается цвѣтомъ бѣлымъ («Бѣлой Царь» и т. п.), а вторые, хотя, въ сущности, племя первыхъ, но съ тѣхъ поръ (съ начала VII-го вѣка) до своего движенія къ Карпатамъ, нѣсколько разъ были, говоря тѣмъ же пластическимъ языкомъ Востока и нашего народа, въ черномъ тѣлѣ, т. е., въ зависимости отъ другихъ: Обровъ или Аваровъ, Булгаръ, Козаровъ и т. д.?

109. Это сборникъ, въ 4-ку, бум., подъ названіемъ: «Писма на собраниѣ кеерѣй богоодохоженнаго скатыхъ отецъ Писмаѣ. Мко же писма отъ разнихъ хвалѣй собиратъ, тѣмъ и къ сію книжку трудолюбиво собранио». Вотъ по чему, стало быть, въ старину называли Пчелой собраніе разныхъ статей въ одно мѣсто (сборникъ или сборникъ). Она писана 1679 году въ Круничполѣ, при храмѣ святителя Христова, Николая, многогрѣшнымъ П. Виноградскимъ, и получена мною въ даръ отъ П. А. К. Достойно вниманія, что ето Житіе Владимира заключаетъ уже въ себѣ разныя попытки опредѣлить поближе мѣстность повѣствуемаго въ немъ. Такъ, говоря объ Андрѣе Первозванномъ, замѣчаетъ, что онъ, «пришедши на горы Кіевскія, благословихъ ихъ, и престъ скатый на нихъ, гдѣ теперь церковь скатого Симеона стоить, поставихъ». Далѣе, о проповѣди апостола Павла говорить: «Придесть лѣтописци, преподобный Несторъ, же и скатый апостолъ Павелъ бмахъ. чумаи и проповѣдаючи Христова Евангеліе, къ Мисіи и Илагрику, мко къ Дваліахъ пишеть: Мисіа хдъ и Илагрикъ Словенская есть земля. Потому скатый апостолъ Павелъ послалъ Словенномъ чумени своего Андроника, единаго отъ сешидесатъ апостолъ, которій чумаъ і преставъ къ Илагрику і Мисіи, то есть къ Болгарскъ,

къ Босна и къ Мерца, где потомъ къ Павла евангелиюмъ книгъ. Стало быть, чтеніе «Павла» иже сто «Павла», довольно было распространено въ спискахъ Несторовой лѣтописи. Замѣчательно, что перковъ св. Симеона уже не упоминается въ одномъ, современномъ Круничнольской Пчелѣ, Описаніи Кіева, составленномъ 1692 года въ Кіевской Приказной Избѣ. Сохранилась ли какая память объ этой церкви въ теперешнемъ Кіевѣ?

110. Въ этой книгѣ за Соборникомъ или Мѣсяцесловомъ слѣдуетъ «Прокляло мелекое, мнѣхъ на ѣднѣ, во вся дни» или «Прокляло Миншеское (съ фѣи по фѣи); далѣе: «Назвѣ и приказы, до тасуого сѣсеннаго исповѣданія грахоуъ» или «Назвѣ о исповѣданіи» (по фѣе); за тѣмъ: «Исповѣданіе грахоуъ своихъ повседневно» или «Мѣткъ до Исповѣданіи» (по фѣа); напоследокъ: «Последованіе къ кѣтвенному приугрѣнію» (фѣа) и «во Приугрѣніи» (фѣа), а въ заключеніе: «Насхалѣи лухвѣула»; послѣдняя, къ сожалѣнію, вырвана, и по тому неизвестно, до какой страницы она простиралась.

111. Тоже безъ выходнаго листа, на фѣз л., идетъ отъ «Политицины вседнекамъ» до «Вопроса о прощеніи». Самый «Мѣсяцесловъ» простирается съ тѣа по оборотъ фѣе, между «Трошари и Кошдаки стѣа ѣ мѣци» и «Насхалѣи зрѣтѣи».

112. Кроме того, въ немъ помѣщены: полная Хронологія до 1833 года, съ присовокупленіемъ хозяйственныхъ замѣчаній, врачевныхъ наставленій и другихъ общепользныхъ свѣденій. Изданіе 2-ое. Кто составитель этого «Памятника», не знаю, но онъ, какъ сказано на заглавномъ листѣ, «умноженъ трудами Александра Кузнецова, а изданъ иждивеніемъ братьевъ Кузнецовыхъ и А. Ерофеева, 595 стр. Въ немъ множество противорѣчій даже собственнымъ своимъ показаніямъ.

113. Особенно послѣднихъ четырехъ.

114. Можетъ быть, коечто изъ второстепенныхъ источниковъ и ускользнуло отъ моего вниманія, но не изъ первостепенныхъ, слѣдовательно, это обстоятельство ни комъ образомъ не можетъ имѣть важнаго вліянія на произнесеніе окончательнаго сужденія при рѣшеніи разсматриваемаго вопроса, такъ какъ оно должно быть основано на прямыхъ показаніяхъ, отнюдь же не на, такъ называемыхъ, пособіяхъ: «Pluris est oculus testis unus, quam auriti decem».

115. Въ скобкахъ: (sub sigillis, Archivi secreti apostolici Vaticani, nec non D. Marini, Tabul. Praefecti). Къ сему Бочекъ прибавляетъ еще отъ себя, отъ кого онъ получилъ списокъ етѣхъ посланій папы: «Quorum authenticum exemplar (literarum sub n. LVII) sicuti et li-

literarum sequentium sub n. LVIII et LXI (e cod. Ms. sec. XI minusculis Longobardicis in Monte Cassino pro Tabulariis S. R. E. descripto: оно не относится къ изслѣдуемому нами предмету) Clar. D. Professor, Gregorius *Wolny*, с. r. legato Romae intercedente, patriae nostrae procuravit. Quum authentia literarum juxta editiones hactenus emanatas saepius in dubium vocaretur, ipsas forma genuina obtutibus sisto». См. Codex diplom. et epistol. Moraviae, I, pag. 40.

116. Добровскаго: «Кирилль и Меѳодій», въ Руск. перев., стр. 142.

117. «О древнѣйшимъ свидѣтельствѣ, что Церковно-книжный языкъ есть Славяно-Булгарскій», въ Ж. М. Н. П. 1843, кн. VI, стр. 11—13.

118. Несторъ, III, S. 186, 2; въ Руск. пер. II, стр. 476.

119. II, pag. 112—116; *Stritter*, *Memog. populog.* II, pag. 963.

120. Впрочемъ, въ харатейномъ спискѣ этого Слова, хранящемся въ Сборникѣ Московскаго Успенскаго Собора (см. выше прим. 39) стоитъ тутъ «сѣторъшемоу», что можно бы принять за признакъ того, что списывавшій, зная изъ другихъ рукъ, кѣмъ собственно изобрѣтены Славянскія письмена, не осмѣлился поставить этого слова въ двойственномъ числѣ, думая, конечно, тѣмъ исправить ошибку, если бы новая ошибка его въ концѣ сего заглавія не заставляла насъ инаго быть о томъ мнѣнія.

121. Стр. 85.

122. III, S. III, S. 185; Руск. III, стр. 473—474.

123. Стр. 50—51.

124. *Národní zpiewanky Slowáků, sebr. od J. Kollára. V Budině 1834, str. 29.*

125. Доказательства етъ въ первый разъ высказаны нашедшимъ Павлонскія Житія, въ статьѣ его: «Кирилль и Меѳодій», стр. 405—409; мною же подкрѣплены они сдѣсь еще новыми соображеніями.

126. Шлёцеръ, въ Несторѣ, III, S. 184, въ Руск. II, 471.

127. Шафарикъ, *Slov. starož.*, str. 828; Руск. пер. II, кн. 2, стр. 352.

128. Тотъ же и тамъ же.

129. «Памятники духовной литературы времени Великаго Князя Ярослава 1-го. Москва 1844,» стр. 38, и «Славянорусскія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ И. Н. Царскаго. Моск. 1848», стр. 36, также въ «Чтеніяхъ въ Общ. ист. и древн. Росс.» того года, кн. III-я.

130. *Frachn, Ibn-Foszlan und and. arab. Bericht. St. Petersburg. 1823, 27, прим. 75.*

131. Тамъ же, стр. 15.

132. Несторъ II, S. 172; Руск. пер. III, стр. 448.

133. «P. *Dobner* ein wahrer Geschichtsforscher.... legte zu unsern

vorliegenden Untersuchungen einen Grund, auf dem ich hier fortbinau.
II, S. 152, Руск. пер. 412—413.

134. Въ самомъ дѣлѣ, *Шлегель*, сказавши, что «прежде всего, конечно, надобно опредѣлить время, въ которое случились сіи досто-
намятныя происшествія» (посольство Моравовъ въ Царьградъ, пре-
брѣненіе писемъ и переводъ Свѣт. Писанія на Славянскій языкъ),
замѣчаетъ, что «Несторъ ничего не опредѣляетъ, кромѣ того, что Мо-
равскіе Князья отправили посольство къ Им. Михаилу», и по томъ
еще прибавляетъ: «но какъ онъ (Михаилъ) былъ убитъ въ 867 г.,
то этому (посольству) должно случиться, по меньшей мѣрѣ, предъ
сказаннымъ годомъ» (слѣдственно, во время Рюрика). Вотъ все его
рѣшеніе; дальнѣйшее же заключается въ вывѣскѣ яко бы Добнеро-
выхъ соображеній о годѣ пришествія обоимъ нашимъ апостоламъ въ
Моравію, случившагося въ первыхъ мѣсяцахъ 863 г., т. е., 1) что, по
Легендамъ, оба они пробыли въ Моравіи 4½ года; 2) отозваны въ
Римъ папой Николаемъ; 3) не застали его въ живыхъ.

135. И. Г. Р. I, гл. III, стр. 66, сжатаго изд.

136. Изд. Кіевск. 1707, обор. стр. 541-й.

137. Явная описка, ви. 1-й, по тому что папъ съ етѣмъ именемъ
всего на всего было только пять: 1-й 858—867, II-й 1058 — 1061,
III-й 1277 — 1280, IV-й 1288 — 1262, и V-й 1447—1455. Изъ
нихъ, по Фабрицію, II-й 1059—1061, да Антипана 1328—1330. Jo.
Alb. Fabricii, Bibliographia antiquaria. Hamb. et Lips. 1713, pag.
224—225.

138. Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ ду-
ховнаго чина Греко-Россійской Церкви, изд. 2-ое, т. II, стр. 57—
58. Спб. 1827, а 1-го 1818, II, стр. 422—423.

139. Іоаннъ Ексархъ Болгарскій. Москва, 1824, гл. I, стр. 3—4.

140. Тамъ же, стр. 89.

141. Тамъ же, стр. 87.

142. Кіевъ, 1837 г., стр. 15—16.

143. Стр. 200, прилж. 386.

144. Я не привожу здѣсь сочиненія «О языкѣ Церковно-Сла-
вянскомъ, его началѣ, образователяхъ и историческихкихъ
судьбахъ», громкомъ и много общающемъ по заглавію, но въ
сущности составляющемъ, по собственному признанію автора, толь-
ко «сборъ и сводъ отдѣльныхъ мнѣній ученыхъ, занимавшихся
этими предметомъ, при чемъ, гдѣ было надобно и возможно, самъ дѣ-
лалъ выводы, казавшіяся ему наиболее правдоподобными». Другими
словами, это—компилляція, слѣдовательно, какъ не представляющая
ничего самостоятельнаго, не можетъ требовать къ себѣ особеннаго

визнанія, кромѣ упоминанія дьяволоути библиографической. Въ ней то хорошо только, что хорошо въ своемъ источникѣ. На стр. 28 говоритъ онъ, въ очеркѣ жизни Кирилла и Меѳодія, что «между 861 и 863 годами, Моравскіе князья, Ростиславъ, Святополкъ и Коцель, прислали къ Императору посольство и просили себѣ учителя, который научилъ бы народъ ихъ читать божественныя книги на родномъ языкѣ, и наставлялъ его въ Христіанскомъ законѣ, и что въ 863 году Константинъ и Меѳодій отправились въ Моравію, гдѣ народъ принялъ ихъ съ восторгомъ.» На 30-й: «Четыре съ половиною года К. и М. оставались въ Моравіи, проповѣдывали и отправляли священнослуженіе на Славянскомъ языкѣ». И только. О годѣ же составленія писменъ ни гдѣ ни слова, хоть въ оглавленіи 1-й главы и читаемъ: «Мнѣнія о томъ, кѣмъ и когда совершенъ былъ первоначальный переводъ книгъ Св. Писанія на Славянскій языкъ, и когда изобрѣтена была Кирилловская азбука». Но изъ всего, въ ней сказаннаго, выведено то лишь одно, что «Кириллъ и Меѳодій были первыми изобрѣтателями Славянской азбуки и переводчиками Св. Писанія (стр. 17), что они были первоначальными составителями настоящей Славянской грамоты, и что если бы даже до Солунскихъ братьевъ и существовала Славянская грамота и начатки переводовъ, то К. и М. конечно сдѣлали весьма важный и рѣшительный шагъ въ этомъ дѣлѣ, такъ что по всей справедливости имъ принадлежитъ титулъ первоучителей Славянскихъ (стр. 18). А годъ? о немъ оброрено слово мимоходомъ только по поводу свидѣтельства папы Іоанна VIII, гдѣ сказано: «Все это (изобрѣтеніе азбуки, литургія, св. Евангеліе и божественныя изреченія Ветхаго и Новаго Заветъа на Славянскомъ языкѣ) возымѣло начало свое только при Святополкѣ, котораго тутъ же (стр. 15) называетъ «*Богемскимъ* королемъ!»

145. Geschichte der böhmischen Sprache und ältern Literatur. Ganz umgearbeitete Ausgabe. Prag 1818, 12, §. 6.

146. Josephi Dobrowsky Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus Graeci, tum apud Dalmatas Glagolitas ritus Latini Slavos in libris sacris obtinet. Vindobonae MDCCCXXII, 8, pag. V, Руск. перев. Спб. 1833, стр. III. «Ad Moraviam et Pannoniam circa annum 863 evocatus Methodius, «noviter inventis Slavinis literis», ut loquitur Anonymus de Conversione Carantanorum, inducto nimirum ritu Slavico id effecit, ut populo vilescerent Missae et Evangelia ecclesiasticumque officium eorum, qui hoc latine celebrabant».

147. Cyrill und Method der Slawen Apostel. Ein historisch-kriti-

scher Versuch. Für die Abhandlungen der kön. böhm. Gesellschaft der Wissenschaften von den Jahren 1822—1823. Prag. §. 7, S. 42—43, Рус. пер. стр. 30.

148. Botiwoy's Taufe. Prag, 1803, S. 60.

149. Шафарикъ въ «Славянскихъ Древностяхъ» тоже увлекся примѣромъ Ассемана и Добровскаго, на коихъ и ссылается Отд. XI, стр. 811, прим. 74, Руск. пер. Т. II, кн. 2-я, стр. 316.

150. Собрание Словенскихъ памятниковъ въ Россіи. Спб. 1827, стр. 2, примѣч.

151. Slov. starož. Okr. II, čl. III, O Slowanech Bulharských, §. 29, str. 588, въ Руск. перев. Томъ II, кн. 1-я, стр. 295—296.

152. По Моравскому Сказанію (Легендѣ) о Кириллѣ и Меѳодіи, равно какъ Житію Климента Булгарскаго и свидѣтельству Діоклейскаго священника, Меѳодій сперва проповѣдывалъ въ Булгаріи у Бориса, а по томъ уже въ Вышней Моравѣ, куда пришелъ въ 863 г., если еще не прежде» (862).

153. Изъ етѣхъ другихъ, однако же, въ 85 примѣчаніи поименованъ лишь Баронъ Розенкампфъ.

154. Въ Отд. о Славянахъ Булгарскихъ, примѣч. 109, Шафарикъ замѣчаетъ: «Въ Сербскихъ лѣтописяхъ обыкновенно показывается 852, а не 855-й, годъ изобрѣтенія Славянской азбуки, что, какъ догадываюсь, произошло отъ порчи лѣточисленія». При семъ ссылка на приведенное мною мѣсто въ надолженіи.

155. Slov. starož, str. 814—823, Руск. перев. II, кн. 2-я, стр. 322 и слѣд. Въ 1834 г. появилась статья въ Нью-Йоркскомъ Журналѣ «Biblical Repertory» etc., за мѣсяцы апрѣль и июль, издававшимся Ед. Робинсономъ, въ которомъ представлено было Американцамъ и Англичанамъ извлеченіе, озаглавленное: «Historical view of the Slave language» etc., изъ извѣстнаго Шафарикова сочиненія, вышедшаго передъ тѣмъ за 8 лѣтъ, въ Будиный, въ Угрии. Сдѣсь мнѣніе сочинителя о началѣ Славянскихъ письменъ передано безъ дальнѣйшей оговорки, какъ оно тогда образовалось у него. Такъ какъ статья эта напечатана была въ недоступномъ для многихъ Европейцевъ журналѣ, а отдѣльныхъ оттисковъ было сдѣлано лишь нѣсколько, то, съ одной стороны, это побудило г. E. von O., молодого Прусскаго офицера, перевести его на Нѣмецкій, съ дополненіями изъ его источника (Шафарикова сочиненія) и кое камихъ другихъ, извѣстныхъ ему, сочиненій и издать, спустя три года (1837) подъ названіемъ «Geschichtliche Uebersicht der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten», а съ другою, въ 1852

году гжу Talvj (Teresia, Amalia, Luisa von Jacobi, дочь одного Нѣмецкаго ученаго, служившаго въ началѣ нашего столѣтія въ Россіи, именно, въ Петербургѣ и Харьковѣ, и вышедшую за Американца Робинсона) пересмотрѣть вновь свой «Историческій взглядъ на Славянскій языкъ» (ибо овъ принадлежалъ ей) и выпустить особой книгой, съ предисловіемъ своего мужа (въ коемъ изложена исторія всего этого; она переведена на Нѣмецкій Докторомъ Б. К. Брилемъ (Brühl) и напечатана въ Лейпцигѣ (въ б. 8-ку, XII, 346, т. е., 264 для Исторіи, а остальное для Очерка Народной Славянской повѣи, какъ 4-я часть сочиненія), 1852. Въ этомъ сочиненіи высказано тоже самое мнѣніе, что и въ прежнемъ, но уже съ оговоркой: «Wahrscheinlich ging Cyrill nach seiner Rückkehr von dieser Mission an die Bekehrung der Bulgaren. Um diese Zeit, oder kurz zuvor, erfand er, nach Dobrowsky's Ansicht, die slavischen Lettern, und übersetzte während seines Aufenthaltes zu Byzanz die Evangelien. Dies ist jedoch nicht mehr als eine Annahme, welcher von anderen Gelehrten andere Annahmen entgegengestellt werden. Zwischen dem Jahre 861 und dem Jahre 863 kam eine andere Gesandtschaft vom mährischen Fürsten Rostislav an den Kaiser, welcher Fürst nicht nur um einen Lehrer zum Unterrichte seiner Unterthanen im Christenthume, sondern auch im Lesen bat. Die meisten Mähren wurden damals auch getauft. Konstantin wurde, begleitet von seinem Bruder Methodius, nach Mähren gesendet und von dem Volke daselbst mit grosser Freude aufgenommen. Sie führten die slavische Liturgie ein und predigten in slavischer Sprache», u. s. w. (S. 28).

156. Geschichte von Böhmen, Prag. 1836, I Band, S. 118—157. V Capit.

157. «И тебѣ, дорогой Францъ Палацкій, моя сердечная благодарность: подавши мѣ главную мысль и, нѣкоторымъ образомъ, планъ этого сочиненія, ты по томъ постоянно оставался при немъ, словно своимъ, какъ совѣтникъ и помощникъ». Стр. VI, Руск. пер. VIII. Разбирая въ послѣдствіи это сочиненіе (въ Саз. česk. Muzeum), Палацкій, въ числѣ особенно удавшихся Шафаряку Отдѣловъ, ставитъ и Отдѣлъ IX-й, въ которомъ заключается именно изслѣдованіе о Кириллѣ и Меѳодіи, равно какъ и Отдѣлъ III-й о Славянахъ Булгарскихъ.

158. Dějiny národu českého. I, str. 138 — 139. Geschichte von Böhmen, I Bd. S. 121. Изъ прочихъ Чешскихъ писателей: Я. Б. Малакъ, въ «Dějiny národu českého (V Praze, 8, VI, 190), историческомъ учебникѣ для среднихъ учебныхъ заведеній, явившемся 1849 года, и Чекановичъ въ «Stav a děje národův, na zemi uherské bydlících (dil I, v Praze, 8, VI, 124), 1854, не смотря на перемѣну мнѣнія, объявленную Шафарикомъ еще въ 1848 году, держатся, подобно Палац-

тому, прежняго, повторя своиа выраженія лишь сказанное дру-
гими, въ четь послѣдній и признается, говоря, что весь рассказ
о Кирилѣ и Меѳодіи взятъ ниъ изъ Шафариковыхъ Древностей и Па-
лацкаго Исторіи народа Чешскаго (стр. 117, прим. 2).

159. Стр. 149—150; 212—213. Въ этой, по объему, небольшо-
й (всего 226 стр., въ мал. 8-ку) исторіи нашей древней Слове-
сности, въ первый разъ обращено должное вниманіе на Рускій языкъ
какъ въ изустномъ, такъ равно и книжномъ, его видѣ, что въ осо-
бенности замѣчательно въ отношеніи къ родственнымъ нарѣчіямъ,
преимущественно къ Церковнославянскому. По сю пору ничего луч-
шаго не было сказано объ этомъ предметѣ ни въ нашихъ Исто-
ріяхъ Словесности; говорю, въ нашихъ Исторіяхъ Словесности,
а не отдѣльныхъ сочиненій и статьяхъ, изъ коихъ одна изъ замѣ-
чательнѣйшихъ принадлежитъ все же ему, т. е., «Начатія Руской
Филологіи». Кіевъ 1848, 8, стр. 212. Можно съ сочинителемъ не
соглашаться во многомъ, но вообще всюду проглядываетъ наблюда-
тельный ботаникъ-филологъ, подмѣчающій часто такіа, по види-
мому, мелочи, которыа по томъ обращаются въ основу весьма важ-
ныхъ явленій. Очень жаль, что по сю пору не видимъ продолженія
обоихъ упомянутыхъ трудовъ. Не ужели и ниъ суждено остано-
виться на 1-ой книжкѣ?

160. Свѣдѣніе какъ объ этомъ спискѣ, такъ равно и объ означен-
номъ у Шафарика именемъ Львовскаго 1-го (въ Предисловіи къ
Житію Кирилла Философа), первый сообщилъ Ярославъ (Яковъ) Го-
ловацкій въ «Русскій Дѣлострой» (Будимъ, 1837, 12 л), въ ко-
роткой вѣдомости о рукописяхъ въ Библиотекѣ монастыря св. Василя
Великаго въ Львовѣ, подъ № 14-мъ и 20-мъ, стр. 124 и 126. Первый
списокъ помѣщенъ въ Сборникѣ, въ л., на 188 л., въ коемъ л. 165—
188: «Память и житіе влжениаго оуцителя нашего Константина Фи-
лософа, перваго наставника Словенскагоу земли» (конецъ вырванъ),
а во второмъ, на л. 366—384: «Память и житіе влжениаго оуцителя
нашего Константина Философа, перваго наставника родоу Россійско-
моу и всенюу земли Словенскагоу, списано изъ Библиотекки Хиландар-
ской Лавры Сербской».

161. Стр. 189.

162. Slovan. star., str. 274, Руск. пер. I, кн. 2, стр. 104.

163. Подлия. стр. 6, перев. стр. 4.

164. S. 86.

165. Mährische Legend., von Dobrowsky, S. 17—18.

166. То же, стр. 17.

167. Въ подкрѣпленіе этого дѣлаеть слѣдующее примѣчаніе:

«Martinus ille, vir maxime quidem pius, sed habitu seculari, imbecillus admodum et pedibus mutilatus ita, ut a quattuor bajulis, quocunque vellet, deferretur, qui c. 837 Croatas in fide Romana confirmavit (teste Constantino Porphyrogenito) ad illos venerat e Francia, quae inter Chrobatiam et Venetiam media est, i. e., e Carniola seu Histria».

168. Slovanka. Zur Kenntniss der alten und neuen slawischen Literatur, der Sprachkunde nach allen Mundarten, der Geschichte und Alterthümer, von J. Dobrowsky. Prag, 1814—1815, 2 Lieferungen, I, S. 72—73.

169. Говорю въ сущности, по тому что въ печатную «Книгу Житій Святыхъ» вошло, собственно, только Житіе Кирилла, а изъ Житія Меодія весьма мало, по крайности, въ сокращеніи; но въ рукописной Четь-Минееи оба Житія вполне находятся, не говоря уже объ особенныхъ спискахъ того и другаго въ разныхъ сборникахъ и отдѣльно. Стыдно подумать, какъ мало мы, книжники, сами знакомы были съ еѣми двумя Житіями до обнародованія извлеченій изъ нихъ въ 1843-мъ году, хотя надпись, выставленная на полѣ печатной Четь-Минееи: «Въ различныхъ харатейныхъ Уетіи сокращенія», должна была бы возбудить въ насъ любопытство отыскать еѣ харатейныя Четин въ ихъ несокращенномъ видѣ. Что намъ во сто разъ доступнѣе было и чѣмъ мы все таки воспользовались такъ поздно, въ томъ нельзя упрекать другихъ, болѣе отдаленныхъ отъ источника. При томъ, Копитаръ могъ находиться въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ своего первообраза, Добровскаго. Вліяніе Добровскаго на Копитара до того простиралось, что онъ ни въ чемъ не измѣнялъ ему, и даже старался найти въ немъ то, чего тотъ никогда не говорилъ, оправданіе своихъ замысловъ и тайныхъ желаній: примѣромъ тому можетъ служить это мнѣніе, составляющее единственное отступленіе его отъ вѣрованій своего образца. Но въ этомъ обязанъ онъ былъ чисто случаю, доставившему ему въ руки одну изъ древнѣйшихъ рукописей Глаголическаго письма какъ по внѣшнему своему виду, такъ и внутреннему содержанію, т. е., буквы коей чрезвычайно отличались самымъ уже начертаніемъ отъ буквъ Глагольскихъ памятниковъ, извѣстныхъ Добровскому, равно какъ и языкъ говорилъ далеко о древнѣйшемъ времени, нежели вѣкъ, къ коему послѣдній приурочивалъ появленіе старѣйшаго изъ Глаголитскихъ списковъ. Отдѣлившись въ одномъ, онъ, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ обстоятельствахъ, не зналъ уже мѣры, и, по тому, грездя предположенія на предположенія, дошелъ, подъ конецъ, до того, что рѣшительно отдавалъ предпочтеніе Глаголицѣ передъ Кириллицей какъ по времени появленія, такъ и употребленію ея въ бо-

гослуженіи и т. п. Подозрительный отъ природы, онъ съ постоянною недоувѣрчивостью встрѣчалъ всѣ открытія въ области древнихъ лѣтъ, особливо неутомимо преслѣдовалъ тѣ изъ нихъ, которыя не были одобрены его образцемъ: стоитъ только припомнить жалкіе споры его съ Чешскими учеными и язвительныя выходки противъ нихъ. Впрочемъ, онъ былъ въ непрерывныхъ походахъ противъ какого либо ученаго Славянина, даже противу цѣлаго народа; такъ извѣстны битвы его съ землякомъ его, Краинскимъ Словенцемъ, бібліотекаремъ Чопомъ, описанныя послѣднимъ въ «*Illug. Blatte*» 1833, и особо въ «*Nuovo discacciamento di lettere inutili, das ist Slowenischer ABC-Krieg*». Laibach, 1833; съ Польскимъ графомъ, Дуинишъ-Берковскимъ, объ «*Editio princeps des St. Florianer Psalterium trilingue*», начатый въ «*Jahrbücher der österreichischen Literatur, Band 67, Jahrg. 1834*», и вызвавшій отвѣтъ: «*Zur Geschichte des ältesten polnischen Psalters zu St. Florian bei Linz, genannt der Psalter der Königin Margarethe*». Wien 1835, на что отсылды въ «*Anti-Tartar oder Herstellung des Thatbestandes in Sachen der Wiener Editio Princeps (1834) des ältesten Denkmals der polnischen Sprache, nämlich des polnischen Drittes des (nicht Margarethen=sondern) Elisabeth-Hedwigischen Psalterium trilingue (A. 1300—1370) zu St. Florian in Oesterreich gegen den plagiarischen Roman eines Tartaren. Als Manuscript für Freunde herausgegeben von Leberecht Hassenschelm*». Уже послѣднія слова показываютъ, какимъ духомъ дышетъ отповѣдь, яко бы изданная въ «*Stockholm, bei A. Bonnier*», хотя на оборотѣ послѣдняго листа выставлено: «*Druck von Breitkopf und Härtel*», а подъ статьей подпись «*K*», объясненная въ выходномъ листѣ, въ скобкахъ (В. Коритаръ's), а также и въ самомъ изложеніи. Онъ любилъ прибѣгать къ заугольнымъ продѣлкамъ журналовъ, являясь, однако же, въ отдѣльныхъ отгискахъ, для присныхъ предназначаемыхъ, безъ всякаго покрывала. Авъ «*Appendix miscellanea philologici maxime et slavistici argumenti*», къ «*Hesychii glossographi discipulus et $\epsilon\lambda\lambda\iota\gamma\lambda\omega\beta\iota\sigma\tau\eta\varsigma$ Russus*», etc., далъ, наконецъ, полный просторъ негодванію какъ противъ старыхъ своихъ, мнимыхъ, соперниковъ, такъ равномерно и новыхъ. Завершеніе же етѣхъ бранныхъ подвиговъ своихъ сдѣлалъ онъ, по увѣренію нѣкоторыхъ, двумя, довольно объемистыми, памфлетами противъ насъ: оба преисполнены самыхъ грубыхъ и нелѣпыхъ вымысловъ, самыхъ недобросовѣстныхъ искаженій и толкованій, и т. п. Замѣчательно, что въ томъ же 1844-мъ году, въ которомъ появился послѣдній изъ нихъ, и самъ онъ скончался.

170. Отдѣлъ этотъ даже названъ имъ по тому: «De linguae S. Methodii liturgicae rannonietate». Впрочемъ, та же самая мысль, прямо и непрямо, проводится и въ слѣдующихъ двухъ отдѣлахъ, изъ коихъ 14 озаглавленъ: «De theatro apostolicorum SS. fratrum Cyrilli et Methodii laborum», а 15: «De W. A. Maciejowski ad Slavorum historiam, litteraturam et legislationem commentariis lingua polonica editis Petropoli et Lipsiae 1839, 8, voll. II», также и въ другихъ отдѣлахъ, кстати и некстати.

171. Въ примѣчаніи на концѣ «Appendix» читаемъ: «coeptum imprimi mense Martio 1839, absolutum Februario 1840», но на заглавномъ листѣ выставленъ 1839 годъ.

172. Slow. star., str. 347, Руск. I, кн. 2, стр. 252.

173. Проф. И. Н. Березинъ въ «Москвитянинѣ», 1854 г., № 22, кн. 2, Отд. IV, стр. 70.

174. Мнѣніе, по которому *црѣкы* образовано точно такъ же, какъ *Вабилонѣ* (отъ *Babylus*, т. е., basilica, regia, scilic. *αὐλή*, чертогъ, по томъ судилище, а послѣ исключительно храмъ Христіанскій), т. е., отъ *црѣ*, откуда *црѣкы*, а тамъ *црѣкыль*, показываетъ плохое знаніе приемовъ сравнительнаго языковѣдѣнія, равно и языковъ, сличаемыхъ между собою. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы *црѣкы* произошло отъ *црѣ*, надо впередъ допустить: а) что заимствованіе послѣдняго далеко раньше въ Славянскомъ языкѣ, чѣмъ первое, по тому что при современномъ нельзя и думать о томъ; б) что Славяне, образуя *црѣкы*, засматривались при этомъ на *Вабилонѣ*, т. е., справлялись съ Греческой грамматикой, а это—чистая нелѣпость и поклепъ на нашихъ предковъ, которые, какъ извѣстно, такіа Греческія формы всегда передавали согласно съ свойствами своего языка всякой разъ, когда приходилось имъ усвоить себѣ Греческое слово, имѣвшее ету форму; таковы *Фубинѣ*, *аридитинѣ* и т. п., слѣдов., одинаково съ Латинцами; в) развѣ въ Славянскомъ языкѣ есть прилагательныя на *ы* въ женскомъ родѣ? Или статочное ли дѣю, чтобы Славяне удерживали въ етѣхъ прилагательныхъ и самый родъ ихъ, перенося такіа слова въ свой языкъ? г) наконецъ, если бы *црѣкы* было образовано нами какъ *Вабилонѣ*, то оно должно бы имѣть прежде всего форму *црѣсаркы* или *црѣсарскы*, подъ титлоу *црѣскы*, *црѣкы*, *црѣкы*, такъ какъ *црѣ* есть дальнѣйшее и позднѣйшее стяженіе *црѣсарь*. Покажите же намъ напередъ ету мнимую форму въ какомъ ни есть старинномъ памятникѣ, и тогда говорите уже смѣло: «Это происхожденіе, по крайней мѣрѣ, скорѣе можетъ быть допущено, нежели отъ Kirche» или *сігсисъ*» (Паплонскаго статья: «Филолог. замѣтки о Русскомъ языкѣ», въ Ж. М. Н. П. 1854, кн. VI, Отд. II, стр. 207, примѣч. 14).

175. Dobrowsky, Slovanka. Prag 1814, I, S. 248. Я не согласенъ съ Добровскимъ, чтобы Славянскія названія дней недѣльныхъ указывали «auf den christlichen Gebrauch». Что въ нихъ такого, чтобы говорило объ етомъ, кромѣ субботы?

176. Сравни. Шафарика Славян. Древн., стр. 819, Руск. II, кн. 2, стр. 334.

177. Miklošič Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen. Wien, 1852, 8, Einleit. S. VII—VIII.

178. «Pregled slovenskega slovstva» при «Slovenska slovnica, zprisal Anton Janežič». V Celovcu, 1854, 8, стр. 120—129. Увлеченіе простирается до того, что, когда рѣчь зайдетъ о памятникѣ, изданіи или разработывавшемся Словенцемъ и другимъ ученымъ Славяниномъ, послѣдній либо вовсе пропускается, либо же ставится въ тѣни, какъ это сдѣлано съ Фрейзингенскими отрывками, изданіе и объясненіе копѣхъ приписано одному лишь Копитару; дагѣ, сочиненія по Церковнославянскому языку Востокова равнымъ образомъ умолчаны, а первымъ во главѣ оказавшихъ услуги въ области этого языка поставленъ Миклошичъ, сочиненія коего названы первымъ руководствомъ къ изученію и вычислены въ преемственномъ порядкѣ: «Na koncu še dostavljamo knjige, po katerih se moremo s staroslovenskim jezikom popolnoma soznaiti; in te so skorej zgolj dela našega preslavnega jezikoslovca, g. prof. Miklošiča».

179. Житіе св. Вячеслава найдено г. *Востоковымъ* въ Торжественникѣ, носящемъ заглавіе: «Книга нарицаемая Соборникъ», въ 4-ку, на 348 л., полуустав. начала XVI-го вѣка; принадлежитъ Румянцевскому Музею и описана подъ N. СССРXXXVI-мъ въ «Описаніи рукописей сего Музея» (стр. 692—698). На оборотѣ 54-го листа, подъ 28-мъ сентября, читаемъ: «Въ ии дѣи. възъше стго Вячеслава князѣ Уесьскѣ. Начало: «Се ииъ смъса пророцеское слово, еще гѣше Гѣ влшъ Ісѣ Хѣ, въздетъ во рече к послѣднимъ дѣи, мно жъ минимъ свѣдѣ, възстаетъ во братѣ на брата своего и смѣ на оцѣ скон» Сказаніе ето продолжается до 60-го листа. Оно сообщено было нашедшимъ его издателю «Московского Вѣстника», который и напечаталъ оное въ XVII-й книжкѣ этого журнала на 1827 годъ, стр. 82—94, гражданскими буквами, безъ сокращеній и титулъ и съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ замѣчаній приславшаго. Спустя 3 года, В. В. Ганка перевелъ его на Чешскій и помѣстилъ въ Čas. česk. Mus. 1830 г., кн. IV-й, стр. 453—463, назвавъ: «Petrohradská legenda o swatém Wáclawu»; къ ней тоже присоединены небольшія примѣчанія, большею частью, состояція въ выпискахъ

сходныхъ мѣстъ изъ Лаврентійской Легенды, писанной на пергам., въ 4-ку, по Латыни, Лонгобардскимъ великимъ письмомъ XI-го вѣка, въ Монтекассино (см. Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde, von G. H. Pertz. Hannov. 1825, V, S. 137). Я тоже нашелъ его въ Макарьевскихъ Четь-Минейхъ подъ тѣмъ же 28-мъ сентябрѣ (л. 1888—1993): «Въ томъ же днѣ житіе блжнншаго князя Вячеслава бывшаго. Со нимъ смыслъа нрѣцское слово», и т. д. Оно потерпѣло уже довольно подѣ перомъ списчиковъ и т. п., но во многомъ представляетъ и теперь еще довольно весьма уважительныхъ особенностей. Вообще, житіе наше (по обомъ спискамъ) замѣчательно также нѣкоторыми подробностями убіенія, неизвѣстными Чешскимъ писателямъ, на прим., о томъ, какъ Людмила, бабка Вячеслава, отдала его, прежде всего, учиться Славянской грамотѣ; о 4-хъ сестрахъ его, изъ коихъ только обѣ одной говорятъ Чешскіе летописцы, «Прибиславѣ»; о числѣ убійцъ (по Чешск. два, а тутъ еще одинъ); смерти нѣкоего Мстины, убитаго съ нимъ вмѣстѣ въ Болеславѣ; обѣ имени попа, *Крестя* или *Крася*, взявшаго тѣло убитаго, положившаго предѣ церковью и покрывшаго тонкой плащаницей. Это и слѣдующіе признаки показываютъ, что Сказаніе наше составлено *тотчасъ по совершеніи убійства*, даже прежде *Стражковскаго* жизнеописанія его, равно какъ и упомянутой Легенды, вѣроятно, написанной Монтекассинскимъ монахомъ, Лаврентіемъ, на основаніи устнаго разсказа Войтѣха, бывшаго 989 г. въ Монтекассинѣ, любимомъ Итальянскомъ монастырѣ, и украшенной, по обычаю того времени, сильно цвѣтами краснорѣчія. Доказательства мои:

1) Названіе Богородицы просто, по обычаю Запада, *Святою Марією*, Sancta Maria: «И възрасте отрокъ, и шчо въ оуати своѣ колосъ, и призва Коротиславъ князь Епископъ етера съ всѣмъ клиросомъ, и пѣвшимъ литургію въ цркви Стыа Маріа». Въ Мак. Четьи нѣсколько иначе: «И възрасте отрокъ, и шчо въстѣ шчо его Кратиславъ посадити отрока на своемъ столѣ, самъ въ старѣ, уашише смрти свѣя, и призвакъ Кратиславъ князи, иже въ тогда въ своемъ области, і ешии и весь приметъ црквыи, добрыи же и блгоуарныи ешии и нотаріи со всѣмъ клиросомъ, шпѣше стоюю литургію въ цркви шчтыа блуца нашед Бѣа и шчо Дѣи Мрїа, и въведеше отрока, поставиши на степенн прѣ олтаремъ, и блги его ешии, шце рекъ», и пр. (л. 1889).

2) Извѣстіе о неудовольствіи Чешскихъ вельможъ на Вячеслава за его малолѣтство и излишнюю, по ихъ мнѣнію, привязанность къ благочестивымъ занятіямъ, а оставленіе дѣлъ государственныхъ.

LXXVIII

Религія его была уже Католическая, отъ чего онъ особенно уважалъ *Божіихъ рабовъ*, т. е., Римское духовенство, какъ оно всегда называло себя, а, напротивъ, послѣдователей *Православія*, которое, безъ сомнѣнія, имѣло еще своихъ служителей въ Чехіи, если не преслѣдовалъ, по крайности, не отличалъ особенно. Это подтверждается благоприятнымъ отзывомъ сочинителя о Драгомирѣ, матери его, какъ извѣстно, гонительницѣ Христіанъ, полагать должно, Католическихъ. Она такой сдѣлалась по видамъ политическимъ. Будучи дочерью Стодеранскаго князя, въ нынѣшнемъ Браннборѣ (Бранденбургѣ), Драгомира видѣла, какъ Нѣмцы, подъ предлогомъ Вѣры, старались лишить свободы земляковъ ея; что было тамъ, того могла ожидать она и сдѣсь, въ новой своей родинѣ, и что, дѣйствительно, оправдывалось вторженіемъ императ. Генриха 1-го (928), Птицелова, склонившаго къ себѣ сына ея, Вячеслава, который обязался ему платить ежегодную дань и быть въ зависимости. Такое обязательство повело за собой введеііе Западнаго духовенства въ Чехы и заставило ее съ , младшимъ сыномъ , Болеславомъ, и нѣкоторыми сильными, сдѣлать заговоръ, нѣвѣній слѣдствіемъ изгнаніе ея, и потомъ опять возвращеніе. Но какъ Вячеславъ продолжалъ начатое, то и Драгомира тоже не перемѣнялась, то есть, держала постоянно сторону Славянскую и, слѣдовательно, сторону послѣдователей старой Вѣры. По этому-то, повторяю, составитель Сказанія такъ отзывается о невинности Драгомиры, хотя она раздѣляла чувства Болеслава: «*Пси зѣи, иже вышѣ Вячеслава злоучни выдѣти илѣть свою безъ вини*». Слѣдовательно, Драгомира является намъ совсѣмъ въ иномъ видѣ, нежели въ какомъ представляютъ ее Латинскіе источники, т. е., она не была защитницей язычества, какъ язычества; этого нельзя предполагать въ супругъ Христіанскаго князя, вышедши за котораго, разумѣется, должна была и сама отказаться отъ своего язычества, если только еще держалась его до того; нельзя допустить, говорю въ такомъ глубоко Христіанскомъ семействѣ, каково составляли потомки Боривоя; но она защищала исповѣдававшихъ Славянское Богослуженіе, которое такъ пришлось было по сердцу всѣмъ Западнымъ и Южнымъ соплеменникамъ ея, въ высокой степени благопріятствовало самостоятельному развитію ихъ, охраняло и совершенствовало народность каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вообще. Извѣстно, что Римская Церковь, въ увлеченіи своемъ, очень не рѣдко величала Православныхъ *язычниками*, *pagani*. А какъ *pagani* у старыхъ означало, собственно, обитателей селъ, простой народъ, долѣе и упорнѣе державшійся своего, роднаго, то и сдѣсь *pagani*, кромѣ обычнаго своего значенія,

могло также означать и тѣхъ, кои отстаивали старину Славяно-Христіанскую, были, какъ самъ же народъ называлъ ихъ, *старовѣрами*, хотя они не многимъ старьше были Латинцевъ. Слѣдовательно, Вячеслава мать, какъ Полябка, не терпѣла Римскаго обряда, уже по тому, что оная была обрядомъ утѣснителей ея прежней и новой родины, и покровительствовала обряду Славянскому, какъ вызывавшему и воспитывавшему народную самостоятельность исповѣдававшихъ его. Иначе, нельзя объяснить себѣ этого особеннаго расположенія къ ней сочинителя Житія ея сына. Скажутъ: «А поступки ея съ Людмилой?» Такъ; но тутъ она дѣйствовала не какъ соперница по вѣроповѣданію, а какъ соперница по власти, какъ дочь независимаго князя и жена такого же князя, не хотѣвшая унижаться передъ дочерью, хоть и богатаго, но все же простаго, невладѣтельнаго, Чеха, и мало ли еще по какимъ побужденіямъ, порождающимъ и питающимъ соперничество двухъ женщинъ.

3) Названіе: «*Божји рабы*» вѣ. духовенства, священства, и т. п., которое столько разъ повторяется въ Сказаніи, указываетъ также, какъ мы уже замѣтили выше, на мѣсто написанія его. Это, какъ извѣстно, обыкновенное и любимое титуло Западнаго духовенства, называющаго себя рабами Божиими. Въ Фрейзингенской рукоп. тоже попадаетъ это выраженіе, равно какъ и въ Житіи Кирилла и Меодія по Паннонскому списку читаемъ, какъ тотъ послѣдній старался расторгнуть бракъ одного богатаго княжескаго совѣтника, женатаго на своей «*коупетрѣ*» или ятровѣ. Нѣмецкіе духовные, «*Божји рабы*» творяще са, тли развращающіи и, ласкающе мнѣшнни ради».

4) Вячеславъ былъ обѣтованъ св. *Емѣрааму* (Еммераму): «*Приде днь сѣго Емѣраамъ, къ нему же обѣщанъ сѣмъ Вячеславъ, веселшеса о Богу*». Въ Макар. Чет. здѣсь и ниже всюду: «*Авраамъ*»: «*Приде же днь сѣго Авраамъ, и нему же къ калейнѣи обѣтъ скон твораше, и веселшеса о Богу*». Еммерамъ былъ сперва епископомъ Французскимъ, по томъ миссіонеромъ въ Регенсбургѣ, гдѣ и скончался въ полов. VII-го (652, сент. 22) мученически, отъ того особенно чтли его въ Регенсбургской Епархіи. А какъ Чехи тогда, по духовному управленію, принадлежали къ ней, то это могло быть извѣстно только одному туземцу. Въ Регенсбургѣ находился монастырь Емѣраама, куда Болеславъ, спустя 3 года по убіеніи Вячеслава, послалъ на воспитаніе малолѣтнаго своего сына, Страхаса (Моск. В., 1827, кн. XVII, стр. 89, прим. 8).

5) Когда же погребенъ Св. Вячеславъ, «*добрими и праведными владими*», то «*кроки его не хоташа по три дни къ землю ити, къ*

третѣи же вечерѣ, кснмъ кидашнмъ, цѣркви кзде надъ нмъ. И дн-
кншася тоу кси, и еше надземса Божѣ, молиткми и благокрѣстѣ
добраго Влчеслава, и больши уоудо дкнтиса». Въ Мак. Четви: «прощ
его по три дѣи не рауи ѣ землю нти, къ .ѣ, же дѣи проща его
потрксиса, и цѣрки кзде надъ нмъ, кснмъ людемъ кидашнмъ тоу
и днцашнмъ, а и еше надземсеса Божѣ и нл мѣтку вѣговарнаго Вл-
чеслава, колшо уоудѣ шадшоуса». Ясно, что такъ можетъ говорить
только очевидецъ, современникъ: «надземса», выражается онъ, и
при томъ описываетъ только единственное чудо, совершенное тот-
часъ Святымъ. Если бъ онъ писалъ нѣсколько позже, на прии.,
какъ Страхвасъ, и друг., то, конечно, не умолчалъ бы о многихъ
другихъ чудесахъ, сотворенныхъ Вячеславомъ и рассказываемыхъ
съ такой подробностью прочими его жизнеописателями. Напротивъ,
онъ изъясляетъ одну лишь надежду на будущія чудеса, большія
перваго (Тамъ же, стр. 93, прии. 15).

Къ етѣмъ историческимъ доказательствамъ присоединю еще нѣ-
сколько *язычныхъ*, лучше и неопровержимѣе всего говорящихъ о
мѣстѣ и лицѣ, которому принадлежитъ этотъ памятникъ.

6) «Бѣ же нѣкто кнзѣ великѣмъ славою, къ Уехлахъ жншнмъ». Въ
Мак. Четви: «Бѣ же нѣкто кнзѣ великѣмъ и славою уестемъ, к Уехехъ
жншнмъ, пшншемъ Вратиславѣ». Многіе Славяне употребляютъ такое
означеніе страны именемъ народа; въ ней живущаго, то есть, имен.
пад. множ. названія этого народа, но ни одинъ такъ часто и съ
такой любовью не привязанъ къ етому, прекрасному, самостоятель-
ному и истинно Славянскому, наименованію, какъ Чехи. И теперь
Чехи иначе не называютъ свою землю, да и не умѣютъ даже на-
звать ее, какъ *Чехы*, равноѣрно Угрію—Угры, Хорвацію—Хрваты,
и пр. Имен. пад. множ. числа именъ народа оканчиваютъ они иначе:
Чехи, Угржи, Хрвати, и т. п. И у насъ въ старыхъ памятникахъ,
то же, на пр., у Нестора и др., даже еще въ XVII ст.: Запорогъ
Волохи, Мутьяны, Ноган, и т. п.

2) «Къ то же время оумре Коротиславъ Кнзѣ, и поставиша Кнзѣ
Влчеслава на столѣ дѣдннѣ». Въ Макар. Чет.: «Къ то же время
оумре Вратиславъ кнзѣ, и посадиша и кнзѣ Влчеслава на столѣ бѣца
своего Вратислави». Въ первомъ: «на столѣ дѣдннѣ» — оборотъ,
чисто Западныхъ Славянъ. Восточная вѣтвь употребляетъ въ та-
комъ случаѣ отнѣй, отеческій, или, какъ стоитъ во второмъ спискѣ
уже, «бѣца своего Вратислави», и т. д., но Западная всегда почти
дѣдннѣй, *dědinný*, *dědiny*, *dědinský* и т. п., то есть, собственно *дѣ-*
довскій, дѣдичинный, по дѣду или послѣ дѣда доставшійся, по томъ

наслѣдственный по праву родства, по предкамъ, отцу, отсюда *dědinník, дѣдичъ*—наслѣдникъ чего по дѣдамъ, наше *отчимъ*; *dědina* — доставшееся по дѣдамъ движимое и недвижимое, особенно состоящее въ поляхъ, нивахъ, и т. п., *haereditas, fundus, proprietas*, далѣе деревня, село, какъ мѣсто жительства нашихъ дѣдовъ, перешедшее къ намъ по праву наслѣдства, и, наконецъ, вообще земля, домъ, *terra, territorium, domus*. У насъ во всемъ отвѣтствуетъ этому *отчина* и *вотчина*, и т. д. Правда, есть нѣсколько случаевъ, что это слово и у Чеховъ замѣняется словомъ *отнй* (на пр., въ Суду Любуши нѣсколько разъ, Вацерадовомъ словарѣ и, можетъ быть, еще кое-гдѣ), равно какъ и у насъ слово дѣднй тамъ и сямъ попадаетъ, на пр., у Нестора: «И живяше Володимеръ по устройенію отню и дѣдню»; но все это—исключенія, устарѣлые остатки прежняго, а не обыденные обороты, по которымъ только однимъ произносимъ приговоръ языку и народу.

3) «Неже яко вса Болеславоу дѣволъ въ сердце, да поустниша и на брата своего». Въ Мак. Чет. это неже пропущено, а сказано: «ѣ тоже время вса дѣволъ, неже изматула неманида рода уѣкум, Болеславоу лоукава въ срѣце его, и поустни его на брата своего, мнже и шкльниго Сѣполки, неже сокраща злое на братію свою въ срѣци своемъ, изди братію свою, и прѣимъ власть единъ в Роустен земли, а не издоуше бѣженіа Бѣжа, мнже слоуги вѣжа не тоуше мѣхъ носить, но ѣ погнбелъ неустынимъ; тако и тѣи земли советницы дѣволи, неже сокращаша злоа въ срѣцихъ своихъ с Болеславоу на бѣженіаго кнѣжа Кавеслака» (л. 1890—91). Очевидно, въ послѣднемъ это мѣсто передѣлано въ послѣдствіи, послѣ такого же убіенія Рускимъ Болеславоу (Святополкомъ) братьевъ своихъ, вызывавшаго, естественно, ссылку на прежде бывшее, слишкомъ за сто лѣтъ, въ Чехахъ. Отъ того, въ этомъ не видимъ уже слова «неже», которое составляетъ чисто Чешскій союзъ, по Церковному «иъ, но»; теперь онъ употребляется сокращенно, *неж*, или же *нежелі*, *нежли*, и соотвѣтствуетъ во всемъ Южносербскому *него, негъ*. Но Церковнославянское *неже*, встрѣчающееся въ Остромировомъ Евангеліи, стр. 12 (Іоан. III, 19), 56 (Мат. XVIII, 13), 77 (Мат. XIX, 24), 111 (Лук. XVIII, 25), 290 (Марк. VI, 11), то же, что позднѣйшее *нежели*, Греч. *ἤ*, и разъ въ значеніи выше, больше (*нежели*), *ἤπερ*, стр. 43 (Іоан. XII, 43).

4) «Кавеслакъ же аздаше по градомъ». Въ Макар. Чет. это мѣсто пропущено, по тому что выше сказано: «Блхоу же свѣщеніе прѣимъ тогда», см. «Блхоу же свѣщеніе прѣимъ въ всахъ градехъ», отъ

того «Вкуслякъ лѣдше по гредомъ», и однажды «аха (и) не Бо-леслякъ гредоу». Форма «лѣдше» обращаетъ на себя вниманіе. Письменный языкъ Чеховъ не знаетъ ее, за то больше, чѣмъ вѣро-ятно, знаетъ устный, простонародный, судя по тому, что сжатая гласная и теперь еще не всюду употребляются Чехами въѣсто широкихъ. Есть много краевъ, въ коихъ слышите: *duša, duši, duše, dušu*, и т. п., вм. нынѣшняго книжнаго и по книжному, большаго частью произносимаго, *duše, duši*, и т. д., точно такъ и конч. на мягкое *ě*: *meša, meši*, а не *meše, meši*, и т. д., равно отглагольные *na-ě, se*, склоняются правильно во всѣхъ падежахъ: *šěsě, -tia, -tiu*, и т. д., а не *šěstí*, почти всюду *i* (происшедшее отъ стяженія). Такъ, глаголы простолюдинъ всегда скажутъ: *riju, biju, mažu*, вм. *rij, bij, ma-ži*. Тѣмъ болѣе это въ употребленіи въ Моравіи, которая, гранича, съ одной стороны, съ Словаками, а съ другой съ Поляками, подкрѣп-ляется стѣми народами въ сохраненіи широкихъ, по старому. По тому, очень вѣроятно, когда ни будь говорили, если не въ Чехіи, по край-ности, въ Моравіи, *вздѣ, лѣда*, какъ теперь Поляки, *jazda*, а гла-голь уже *jezdzić, jeździeć, jehać*, наст. *jadę*, стар. *jachać*, Серб. и Хорут. *яхати* (верхомъ на лошади), наст. *яшемъ, equito*. Впро-чемъ, это послѣднее опредѣляетъ намъ еще точнѣе родину сочи-теля Житія, т. е., Мораву.

5)... «и смышкъ лѣтоургію, Вкуслякъ хота ахати домоуъ изъ Праздъ». Въ Макар. Чет. опять измѣнено: И Бслоушкъ клѣненимъ нѣтъ Вкуслякъ стоюу лѣтоургію, хотахъ ахати ѣ домоуъ скон абордъ». Нарѣчіе домоуъ, собственно, образовалось изъ дательнаго падежа *од. домови*, подразумѣвая, или не подразумѣвая, предлоги *къ, ко, до, во, въ*, какъ это бываеъ въ нѣкоторыхъ Славян. нарѣчіяхъ, на прим., обоихъ Серболужицкихъ, нѣкогда Древнерускомъ (у Нестора и др.), и даже въ нашеиъ Сказаніи: «и не смѣ нести его въ домоуъ скон, нѣ попова изъа омыкше и обоуыше и, положиша посреди черкви»; въ Макар. Чет. прибавлено уже «къ»: «ио ѣ попова двоуъ омыкше и обленше и, и несоми и, и положишъ и въ цркви»; или: «и еше иддемса Боуъ», и пр. Въ старину въ такихъ случаяхъ предлоги не ставились. Изъ этого же домоуъ произошло, съ одной стороны, наше *домой*, тоже дательный сокращен., употребляемый, обыкновенно, въ нынѣшнихъ Серболуж. нарѣчіяхъ, въ коихъ пре-жде, въ старинныхъ памятникахъ, встрѣчается полное оконч.-*оуи* (*owí*), равно какъ и въ простонародномъ Чеш., именно въ краяхъ Младоболеславскомъ, Биджовскомъ, Градецкомъ, частію Хрудли-скомъ и Къркопшахъ, слѣд., на границѣ Лужицъ и Силезіи, на примѣръ, *holuboj*, и т. п., а съ другой стороны нынѣшнее Чешское

domi, дому, въ коемъ конечное *o* опущено, а *o* измѣнено, по обыч. закону, въ *u*. Но нѣкогда оно употреблялось въ полной своей формѣ, т. е., *domov*: «*Pojed', mili, ruče domov*»;—«*J vzech zmilitku v náruče, otědech v nju domov*» (Краледв. рук.). Теперь оно также употребляется, но уже въ смыслѣ существительнаго, и означаетъ родину, отечество, жилище, обиталище, и склоняется правильно: «*Dostal právní z domova*»; даже просто въ значеніи родной домъ: «*Od domova prýč bití*». Иногда дается ему еще форма средняя: *domovo*, *domovi*: «*z domovi vyjítí*». Какъ не замѣтить здѣсь сходства въ употребленіи слова *домъ* въ видѣ нарѣчія, безъ предлога, съ древними Греч. и Латин., въ коихъ, однако же, оно имѣетъ еще обширнѣйшій объемъ. Можно сказать даже: *domi Virgilio, Ovidii, domi meae, tuae*, ви. *in domo* и *domum*, *domum meam*, ви. *in domum*, между тѣмъ какъ въ Руск. языкѣ только въ свой домъ, туда, гдѣ живетъ, находится временно, или постоянно кто либо; но Чешскій превышаетъ и самые классическіе языки: въ немъ оно перешло въ существенное отличіе употребленія *домъ* въ существ. и нарѣчной его формахъ и заключается въ слѣд.: въ первомъ значеніи болѣе определенное, стѣсненное, сжатое, болѣе вещественное, а во второмъ на оборотъ, смыслъ обширный, нестѣсняемый 4-мя стѣнами, болѣе, такъ сказать, духовный. Вы говорите: «*онъ въ домъ*», и разумѣете при семъ всегда, неизбѣжно, въ етомъ, а не другомъ, домѣ, во внутренности его; а когда говорите: «*онъ дома*», «*онъ пошелъ домой*», то не стѣсняете его извѣстнымъ домомъ, внутренностью его; напротивъ, даете знать, что онъ находится (или отправился) въ извѣстномъ только мѣстѣ своего пребыванія, такъ, что онъ можетъ и вовсе не быть въ домѣ, не имѣть его, а все же находится дома, или пойти домой, можетъ быть въ домѣ, и на дворѣ, пойти въ домъ прямо, и на дворѣ, и т. д. Словомъ, оно прекрасно выражается нашимъ оборотомъ: «*у себя, къ себѣ*». Такимъ образомъ, и здѣсь: «*хотѣ ѣхать домой*», значить *домой*; а для большаго еще опредѣленія прибавлено: «*къ Празѣ*».

6) «Болеславъ не да емоу ѣхати домой». Молва палуевинимъ смысломъ, молв и глаголъ: *нико хощеши отъѣхати: нико црло имамю. Онъ же не оторуетъ брату, не ѣха домой*. Въ Макар. Чет. «оторуетъ» измѣнено въ «ѣреуетъ». «Оторуетъ», чуждо теперь Церковно-Славянскому языку, но лучше всего можетъ быть объяснено Чешскимъ *odstrčeti*, отъ *strčiti, -kati*, корень *strk*, а того *trk*, откуда глаголъ *trkati, trčiti*, Словац. *trgam*, наше *торгамъ, дергамъ*, бить чѣмъ острыми, рогами и т. п.; двигать туда и сюда;

драть; торчать; висѣть; прильнуть; бѣжать прытко: «*Tako zlutise (Jaroslav), v Tatary trčii.*—«*Davem trčiju ku braně*» (Краледв. рук.). Въ этомъ смыслѣ употребляется и въ Южносерб. «*Дотрчао самъ Београду.*—«*Како трчишъ?*» Отъ сего глагола произведень другой, *strčeti*—*kati*, бить, пихать кого чѣмъ острымъ; стаснуть; толкать; бросить; всунуть кому что; свергнуть, сразить; столкнуться; спрятаться; показываться; выглядывать; напоследокъ, отбросить; отчалить. Очевидно, что во всѣхъ етѣхъ значеніяхъ постоянно прасуще понятіе чего-то выдающагося, остраго изнутри, которымъ что либо отражается, не допускается, прогоняется и т. п. По этому: «*онъ же не оторуседъ*», значить, не сталъ противъ него *торцемъ*, не отказалъ ему, не противился, и т. п.: «*Ne odstrčil modlitby mé od sebe*» (Br. žal. 66, 20).

7) «*Онъ же изкиши, а друзѣи разкигошиса по зечлаши, а младенци изкиши его*»; и ниже: «*Разкишоша его, и младенци его изкиши.* Тутъ «*младенци*» не значить наше и Церковное *младенець*, *infans*, но соотвѣтствуетъ нашему *молодецъ*, что кое-гдѣ и употребляется; *mládec*, но съ наращеніемъ *en* еще больше уменьшено; третья форма *mládek* и *mladik*. Всѣ етѣ формы постоянно значать молодець въ обширномъ смыслѣ, Лат. *juvens*, *-nis*, *-nalis*, *adolescens*, т. е.: а) уже не дѣтъ, но молодой до возмужалости (30 лѣтъ), парень; б) оруженосецъ, благороднаго и неблагороднаго происхожденія; пажъ, чурра, гридень; в) неженатой: «*Jest ještě mládenec*»; г) дѣвственникъ; д) бояринъ на свадьбѣ; е) старой холостякъ (*starý mládenec*); ж) прикащикъ, сѣдлецъ; з) слуга вообще, особенно у господъ. Для нашего *младенець* Чехи употребляютъ слово *mladě*, *mlad'atko*, и т. п., хотя и то иногда означаетъ вообще *молодаго*, *-дог*. Въ старину же у нихъ и *mládenec* значило *infans*, *pullus*, на пр.: *Svá ženu a dva mládence jsem ztratil*. *Príkl. z kron. rkp. 139.*—«*Z úst mládencov, ex ore infantium et lactantium*». Ms. Ps. 8, 3;—«*Orlice mládence své, aquilla pullos suos*». Ms. Ps. 162. Deut. 32; послѣ, мало по малу, раздвигалось значеніе этого слова и переносилось также на другіе возрасты, что неудивительно при необыкновенной склонности Чешскаго народа къ уменьшительнымъ. Слѣдовательно, и сдѣсь будетъ оно означать непосредственныхъ служителей князя, разумѣется, въ лѣтахъ юношескихъ, оруженосцевъ, пажей, въ Монтекасси. Легендѣ *palatini*, придворные слуги, отвѣчающіе Церковному и у нашихъ предковъ «*отроки Княжескіе*», называвшіеся иногда *молодые*. Это-то слово заставило А. Х. Востокова сказать, что Житіе сіе «*переводъ съ Богемскаго*», что, по моему мнѣнію, совершенно на оборотъ, хотя дѣйствительно, слово это внесено въ него сочините-

лемъ изъ Чешскаго языка, слѣдов., оно показываетъ, вѣсть съ которыми другими, кто составитель былъ природній Чехъ и, пишучи по Церковнославянски, противу воли употреблялъ и выраженія своего языка, какъ это же самое замѣчаемъ у Сербскихъ и Рускихъ писателей въ ихъ Церковнославянскихъ сочиненіяхъ.

8)... «слоужи бо سموу гокъшѣмъ и съ страхомъ». Ясно, что тутъ гокъшѣмъ употреблено не въ смыслѣ нашего *говолія*, т. е., воздержанія отъ пищи, пиятія и т. д., но въ томъ, въ какомъ оно поставлено въ сложныхъ Церковнославянскихъ, *вдогокшѣ, -шии, -гокшѣ*; послѣднее дѣйствительно и находимъ въ Макар. Чет.: «слоужитель бо въ Бѣ со *вдогокшѣмъ* и со страхомъ», и въ какомъ употребляется и теперь еще въ Чешскомъ, именно: уважать, чтить, почитать; далѣе же, потакать, благопріятствовать, сообразоваться съ чѣмъ: «*Máz li dobytek, hověj mi!*» похлѣбствовать, снисходить: «*Dobrým škodí, kto zlým hoví;*» щадить, беречь: «*Stavěl, žádným nákladům ne hověl.*»

Впрочемъ, «Сказаніе ето»,—говоритъ г. Востоковъ,—«по видному, внесено въ Прологъ (сент. 28) сокращенно и съ отиънами». Помянутое сокращеніе встрѣчается уже въ рукописныхъ Прологахъ первой половины XV-го в., на пр., въ пергаменномъ 1442, принадлежащемъ Имп. Публичной Библ. и въ Макар. Четъ - Миненъ подъ тѣмъ же 28-мъ сентября, въ двухъ спискахъ: одинъ предпосланъ етому, болѣе подробному, на л. 1872 — 1873, а другой послѣ, на 1895—1896, подъ заглавіемъ: «Въ томъ же днѣ стѣръ стѣго Вячеслава кнѣзъ Ушьскаго». Нач: «Подожно естъ вѣдати преже бѣство и столъ стѣго мѣни Вячеслава. «Сен въ сѣхъ Вратислава Ушьскаго кнѣзъ, и пр. Но полное, какъ оно тутъ есть, должно быть составлено гораздо прежде. И такъ, нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Житіе ето сочинено въ самой Чешской землѣ, и при томъ Чехомъ. Въ то время, въ которое оно, по изложеннымъ признакамъ, должно быть сочинено, т. е., тотчасъ по убіеніи Вячеслава, Чехи мало еще писали на своемъ языкѣ, а могли писать только или на Церковнославянскомъ, или же Латинскомъ, какъ и дѣйствительно Болеславовъ сынъ, Страхквасъ или Христанъ, описавъ послѣ смерть своего дѣди на послѣднемъ. И возможно ли, чтобы онъ, или кто другой, не упомянулъ о существованіи Чешскаго подлинника, если бѣ былъ такой когда? А что никто не говоритъ о Церковнославянскомъ подлинникѣ, то ето понятно само собою: тогда Латинское духовенство сильно старалось истреблять все, сколько ни будь напоминавшее ему и народу ето Исповѣданіе. Въ пользу глубокой древности Житія сего, т. е., написанія его въ X-мъ вѣкѣ, говоритъ и то обстоятельство, что сочинитель

Сказанія: «О святомъ мученикоу Борисѣ и Глядѣ», упоминаетъ и о мученіи Вячеслава князя, на пр., слѣд. мѣсто, выписываемое Влостокowymi: «Помышлаше во себѣ божьими Борисъ мѣнше стго Шпѣты и страсти стго Вячеслава княза». (Опис. Румянц. Музея, стр. 693). Стало, Житіе его перенесено было къ намъ, потерпѣло нѣсколько передѣлокъ какъ въ сущности изложенія, такъ и самоу видѣннеу видѣ, даже языкѣ. На етоу послѣдній указываютъ: а) формы, чисто Рускія, замѣнившія прежнія, на пр., названіе князя Вратислава *Воротиславомъ*, а Драгомиры *Дорогомироу*, хотя въ спискѣ Макарь. Четъ-Миненъ: «Вратиславъ» и «Драгомиръ»; б) измѣненіе имени города, въ который Вячеславъ былъ отданъ отцемъ своимъ для ученія Латинскимъ книгамъ, *Будецъ* въ *Будучъ*, *Будичъ*. «И въдѣ и блава свод, Людмила, илоуити книгамъ Словенскимъ по слѣдоу попокоу, и илывуе разоумъ добръ. Отсади же Воротиславъ въ Боудоуу, и илау отрокъ оуити книгамъ Латынскимъ, и илоуица дѣкря». Въ Макарь. Чет.: «И едѣ его блава свод, Людмила, оуити книгамъ Словенскимъ, послѣдоу своему оуителю добръ, и илывуе разоуму всему иборѣ; Отсади же и князь Вратиславъ въ Будичу, и илывуе отрокъ оуити книгамъ Латынскимъ, и илоуица добръ». *Христанъ*.. filium suum... Wenceslaum... in lege divina litteris imbuendum tradiderat in civitatem, quae *Budecz* vocabatur.» Vita S. Ludmillaе. Вообще, сочинитель Житія Вячеслава хвалитъ успѣхи его въ ученіи: «И възложи Богъ благоудѣ тлѣкоу на Вячеслава Княза, и илау оуити книги Латинскія или же добрыи епископъ, или попъ, да аще и възмаше, и Греческія книги, или Словенскія, проуиташе и евъ безъ блазид. Не токмо же книги оумаше, но и вѣроу совершил, всемъ оубогимъ добро твораше». Въ Макарь. Чет.: «И възложи благу сицекоу на Вячеслава княза, и илау оуити книгамъ Латинскимъ или или же свѣтъ, или свѣтъ, да аще возаше (възаше) Греческія книги и Словенскія, и иташе ивъ соба безъ блазид (въ рук. испорчено: «соблазид»). И не токмо книгамъ оумаше, но и вѣроу совершил, всемъ оубогимъ добро даше». Тутъ второе и употреблено вмѣсто «или», отъ «или, или» что теперь южные Сербы часто дѣлають, особливо въ Далмаціи; да ето подтверждается и слѣдующимъ за *или*. в) «Греческія» стоитъ въ обоихъ, конечно, вмѣсто «Латинскія». г) «Състыже Болеславъ въ коротѣхъ», вм. «вратѣхъ», какъ въ Макарь. Четъ: «И постиже и Болеславъ во вратѣхъ. д) Господинъ, вм. господине, хотя въ Макарь. Четъ-Миненѣ въ етомъ мѣстѣ «гдѣ»: «Вячеславъ же оурикса и рече: добръ дѣнь, гдѣ, вѣра», вмѣсто, какъ въ Румянц. спискѣ: «Добръ въ намъ, господинъ, вѣеръ»!

Г. Востоковъ, въ «Описаніи Румянц. Музея», на стр. 454 и 456, упоминаетъ еще о двухъ Житіяхъ Вячеслава, одно въ Прологѣ первой половины года, съ сентября по февраль, въ л., 502, полуустав. XVI-го в., сентября 28: «Стръть сѣго Вячеслава князя Уешскаго»; а другое въ Прологѣ же второй половины года, съ марта по августъ, въ л., 460 л., небрежнымъ Русскимъ полууст. конца XV-го или начала XVI-го стол., именно подъ: 4-мъ марта: «Принесеніе мощей сѣго Вячеслава князя». «Начало: «Бъ князь в Уесахъ пришедець, именемъ Вячеславъ, рождеся ѿ хрѣстиану родителю, ѿца Братислава, матери же Дорогомиръ». Это другое Проложное сокращеніе, на перенесеніе мощей, составлено чрезвычайно коротко. Названіе Воротислава или Вратислава, отца Вячеслава *Братиславоу*, точь въ точь, какъ въ Монтекассинской Легендѣ, Lectio II: «Quodam igitur tempore *Bratesclabus* quidam regali insigniter potiens». Изъ *Братиславъ* образовалось, по известнымъ законамъ Чешскаго благозвучія, *Břetislav*, въ старину, какъ въ Рускомъ, *Брѣтиславъ*. Но въ этомъ же Проложномъ Сказаніи по одному списку Макарьевской Четь-Миней правильно, по другому «Ростиславъ». Первый списокъ на л. 66, а второй 71-мъ: «В томъ же днѣ (.д. марта) принесеніе мощи сѣго Вячеслава, князя Уешскаго». Въ 1-мъ начало: «Томъ въ князь в Уесахъ пришедець, именемъ Вячеславъ, родиса ѿ хрѣстиану родителю, ѿца Братислава, матери же Дорогомиръ»; а во 2-мъ: «Бъ князь в Уесахъ пришедець, именемъ Вячеславъ, рождеся ѿ хрѣстиану родителю, ѿца Ростислава, матери же Дорогомиръ».

Что до *Церковной пѣсни*, то, по мнѣнію Юнгмана (*Historie literatury české. V Praze 1849, 2 vydání, str. 16*) и Шафарика (*Wybor z literatury české. Díl 1nı́, str. 28 — 29*), она твореніе либо Кирилла и Меѳодія, либо же непосредственныхъ учениковъ ихъ, и по тому составляетъ первый и самый древнѣйшій памятникъ введенія Христіанства въ Чешскую землю, тѣмъ болѣе, что уже Козьма завѣряетъ насъ въ томъ, что ее пѣли ужъ при посвященіи перваго Пражскаго епископа, Дитмара, 973-го года, слѣдовательно, она не могла быть произведеніемъ Войтѣха. Она, какъ я сказалъ въ изложеніи, во всѣ вѣка пѣлась, и теперь поется, въ торжественные случаи, въ Чешскихъ храмахъ. Впрочемъ, старѣйшій списокъ ея, по сю пору отысканный, не восходитъ далѣе XIV-го столѣтія (1397, въ Пражской Университет. Библиотекѣ, подъ зн. XVII, F. 30). Тогда же (въ концѣ XIV в.) *Янъ изъ Голешова* считалъ уже нужнымъ написать на нее объявленіе, которое *Болелуцкій* напечаталъ въ «*Rosa Bohemiae*», но съ ошибками; по томъ многіе много разъ издавали ее. Шафарикъ въ

LXXXVIII

«Выборъ» помѣстилъ ее въ троякомъ видѣ, предполагаемомъ Церковно-славянскомъ, далѣе, какъ уцѣлѣла въ устахъ Чешскихъ, и, на послѣдокъ, въ Латинскомъ переводѣ. Вотъ первые два:

I.

Господи, помилуй ны!	Hospodine, pomiluj ny!
Исусу Кръсте, помилуй ны!	Jesu Křiste, pomiluj ny!
Ты, Спасе всего міра,	Ty, Spase všeho míra,
Спаси жь ны, и оуслыши,	Spasi ž ny, i uslyži ž,
Господи, гласы наша!	Hospodine, hlasy naše!
Дни намъ въскыи, Господи,	Daj nam všem, Hospodine,
Жизнь и міръ въ земли!	Žizn a mir v zemi!
Крещь, Крещь, Крещь!	Křeš, Křeš, Křeš!

Удивительно, какъ въ теченіе такого долгаго времени (почти 1,000 лѣтъ) такъ мало еще измѣнился подлинникъ отъ безпрестаннаго употребленія въ живой рѣчи Чеховъ. Вся разница только въ словѣ *Hospodine* вм. *Господи*, да одной фонетической особенности («*všet*» вм. «*všть*»). *Крещь* же есть Греческое «*Κύριε ἐλεῖσθι*».

180. Собраніе Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи, составленное П. Кеппеномъ. Спб., 1827, стр. 21—24.

181. Въ такъ названномъ «*Nachschrift*» къ разбору его «*Josephi Dobrowsky, Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris*» etc. (S. 66 — 97). Этотъ «*Nachschrift*» сдѣланъ по поводу полученной имъ отъ двухъ Русскихъ путешественниковъ, П. И. Кеппена и Березина, XVII-ой части «Трудовъ Общества любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ» (Москва, 1820 г.), въ которой помѣщено «Разсужденіе о Славянскомъ языкѣ», А. Х. Востокова. Представляя 10 выводовъ изъ этого изслѣдованія, и привѣтствуя въ немъ дѣянію настоящей Древнеславянской Филологіи на восточномъ небосклонѣ Славянскихъ земель, Копитаръ, съ своей стороны, считалъ нужнымъ сдѣлать замѣчанія на три положенія Востокова (7, 8 и 9, по собственному своему исчисленію), именно: объ окончаніяхъ *ьмь* и *ьмь*, о *gz* и о носовыхъ звукахъ. По поводу послѣднихъ возражаетъ, что остатки ихъ сохранились не у однихъ только Булгаръ, но также и у Хорутанцевъ, и, въ доказательство того, ссылается на 9-ть четвертокъ Сѣверо-Хорутанскаго «*Vademecum*» одного Фрейзингенскаго миссіонарія, и относитъ составленіе этого памятника, по всей вѣроятности, ко времени доквирловскому: «*Ferner, nicht allein die Bulgaren haben Reste des Rhines-*

mus, sondern auch die Karantaner, wie aus den unschätzbaren Quartseiten des nordkarantanischen Vademecums eines Freysinger Missionars erhellt. Въ прилѣгъ приводитъ изъ трехъ отрывковъ первый, какъ кратчайшій, сперва дословно по подлиннику, за тѣмъ Кириллицей, какъ бы тотъ же самый миссіонеръ написалъ ею это, и въ заключеніе, прибавляетъ подстрочный Латинскій переводъ; тамъ и сямъ, въ выносахъ, дѣлаеть нѣсколько небольшихъ прилѣчаній. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ помѣстилъ, въ своемъ «Glagolita Clozianus», на стр. XXXIII—XLVIII, подъ числ. XXXI-мъ, всѣ етѣ отрывки, какъ «Specimen dialecti Carantanicae sec. X: Monumenta Frisingensia tria explicata et illustrata». Тутъ, прежде всего, изложена имъ исторія открытія ихъ, между прочимъ, какъ Добровскій отказался отъ объясненія, предоставляя ету честь ему, природному Хорутанцу, и какъ онъ, не имѣя досуга, не могъ того сдѣлать, между тѣмъ Кенпенъ и Востоковъ такъ хорошо это выполнили въ «Собраніи Словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи, изд. въ Спб. 1827 года», что ему осталось только привести списокъ съ нихъ (*διὰ γραφῶν*, Facsimile), полученный имъ отъ В. Л. Гумбольдта: «sed de erat otium; nosque non invitos, imo gratulantes praevenere amicissimi Russi, P. Köppen et Al. Vostokov, qui A. 1827 inter alia monumenta slavica etiam haec Frisingensia edidere Petropoli non solum sculpta omnia, sed explicata summo studio, et scientia mirabili. Ita ut nobis vix restet aliud, quam illorum rarioris apud nos editionis nostris reliquis monumentis partem maxime necessariam fideliter e nostro *διὰ γραφῶν*, adjicere» (р. XXXIV). Представивъ каждый отрывокъ, какъ онъ есть, какъ слѣдуетъ читать по его мнѣнію, далѣе, какъ нужно написать по правописанію Остромирова Евангелія Кириллицей, и, въ заключеніе, дословный Латинскій переводъ, Копитаръ приводитъ мнѣніе Добровскаго о нихъ изъ письма къ нему отъ 21-го ноября, 1826 г., свои на него замѣчанія, описываетъ внѣшній видъ ихъ, правописаніе и прибавляетъ «commentariolus», далеко во всемъ уступающій объясненіямъ Востокова, и проч. Тутъ же встрѣчаемъ и слѣдующее его мнѣніе о «Поученіи ихъ измать св. апостола Марка»: «Nec uno fortasse argentibus illorum (Кенпена и Востокова) reperta, quod historia Frisingensi duce scriptorem codicis non dubitamus esse ipsum Frisingensem Episcopum Abrahamum, Carantanum, qui A. 957—994 sedit in Frisingensi cathedra». (Glag. Cloz., pag. XXXIV).

182. Тамъ же, стр. XLIV.

183. Первое озаглавлено такъ: «Занокъданин о праздницѣхъ, Климента епѣпа Словѣнска, когда хотѣше въ стѣмъ дѣнъ илѣ, ли мѣнѣхъ, ли стѣмъ, проученіе къ людѣмъ». Начало: «Да есте вѣдоуще, брѣде,

шко днь ксть праздникъ стго, нѣриѣ, да събертеса въ цркви на шѣткѣ, шкоже рѣ въ стѣмъ свѣтлѣни». и пр. Второго же заглавіе: «Поученіе стго (или «сѣпѣна») Климентѣ на стое въспресеіе». Начало: «Длѣжши ксмы, братиѣ, праздникы бжнн уѣстити, въздържѣса отъ всакого зла, оубѣгающе ѿ всакомъ нѣштоты», и пр. То съ оборота 23 по 25 безъ малаго, а ето съ обор. 26 почти до начала оборота 28 л.

184. Сборникъ етотъ въ 4-ку, писанъ четкимъ полууставомъ, индѣ переходящимъ въ уставъ, оправленъ вновь въ доски, покрытыя кожей, съ застежками, и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, еще «Антиоховы Пандекта», но не полныя.

185. Сколько могу припомнить, въ бытность мою секретаремъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, изданіе ето нач.то было уже печатаніемъ.

186. Такъ, заглавіе нашего поученія: «Поученіе на память дѣлѣ или мѣнѣ». Поученіе, стоящее въ рукоп. Сергіево-Лаврской Библіотеки передъ нимъ, озаглавлено такъ: «Заповѣданіа о праздницѣхъ Климентѣ сѣпѣ Словѣнскихѣ, игда хотѣше въ стѣмъ днѣ дѣлѣ, ли мѣнѣ, ли стѣмъ поученіемъ къ людѣмъ». Что до имя рекъ, то вотъ приѣтры его изъ сихъ двухъ поученій; изъ перваго: «да въкидемы рѣдоуѣрѣса въ бесконъушную рѣдѣсть, въ въсмѣртнымъ жнкотѣ, въ вену-дрѣуенънею красотоу, кѣи же желѣмъ бжннѣи съ мѣнѣ Хѣѣ, нѣмѣ, воденнгоуса жннѣ сего сласти поспрати», и пр. II ниже: «Постѣ же истннны сѣе ксть, не тѣмѣ отъ брѣшнѣ въздържѣтисѣ ли ѿ питнѣ, нѣ всакого грѣха вѣгати, лиѣ рѣтннѣ гоубѣща днѣю свою, и томи-ти плѣть свою стѣрѣи и моуками Хѣ ради, нннѣ же съ бжннѣи, нѣмѣ, воденнгоуса, предѣлѣ плѣть свою на стѣрѣи и на рѣнѣи и смѣрть поно-свою Хѣ ради, Снѣ бжннѣ», и пр. Изъ втораго, начало: «Да кстьте въ-доуѣше, вѣдѣе, шко днь ксть праздникъ стго, нѣмѣ, да събертеса въ цркви на молнткѣ», и проч.

187. Смотри выше приѣч. 179.

188. Slovan. starož., str. 822, Руск. II, кн. 2, стр. 340 — 341, прим. 117.

189. Для исторической послѣдовательности замѣчу, что нѣнѣ ето Копитаръ высказалъ въ первый разъ еще въ разборѣ своемъ Добровскаго «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris», помѣщенномъ въ «Jahrbücher der Literatur» Wien, 1822, Jahrg. XVII, Jan.—März, S. 66 — 107, и отдѣльно отпечатанномъ въ небольшомъ числѣ. Тутъ, на стран. 71 — 72 (или 7 — 8), читаемъ:

«Aber, wenn man anderseits bedenkt, dass 1) ausser den Illyriern, im Süden der Donau, und zwar in *Pannonien* dem eigentlichen Kirchensprengel Method's, der hier an die dreissig Jahre im Weingarten des Herrn arbeitete, am südlichen und östlichen Abhange der nobrischen und julischen Alpen, längs den Flüssen Save, Drave, Mur, Rab u. s. w., zwischen der Kulp und der Donau, noch jetzt anderthalb Millionen der ältesten slawischen Metanasten leben und weben, der Sprache 2) *der kirchenlawischen noch jetzt näher ist*, als die illyrische; bedenkt man 3) dass, nach den damaligen Sitzen der Südslawen, Cyrill und Method das Serbenland mit keinem Fusse berührten, sondern den Chroniken zu Folge nur durch das Land der Bulgaren reisten; dass 4) die Chroniken und Legenden nur von Bekehrung der Chasaren, Bulgaren, *Slawen in Pannonien* und Mähren sprechen; dass also 5), da nur die *Bulgaren* und die pannonischen *Slowenen* als berechnigte Prätendenten übrig bleiben; aber endlich 6) ausser der grössern Sprachähnlichkeit auch noch besonders *Germanismen*, wie *oltar* (Altar), *kr'sti* Christ, *kr'stiti* christen (taufen), *cerky* Kirche, *pop* wohl zunächst von oberdeutschen *Pfoff* (Pfaffe), *mnich* Münch, *post Faste*, *goneznu* genesen, *stol* Stuhl, *Rim* (vgl. Römer), *ocet* (acetum), *upvati* hoffen, *penez* Pfennig, *plastyr* Pflaster, *plug* Pflug u. s. w. Germanismen, die wohl in *Pannonien*, nicht aber in *Mösien* natürlich sind, *entscheidend für Method's Diöcesanen sprechen*: so lässt sich's nur aus der heutigen literarischen und politischen Zerstückelung und Unbedeutendheit derselben erklären, wie man sie, bey Lösung der Frage, in der Ferne so ganz vergessen konnte. Denn «der Historiker ist», wie schon *Thunmann* bemerkt, «oft eben so ungerecht, wie der gemeine Mensch: er verachtet den, der nicht im Glücke ist.» So wäre denn *Method's Sprengel zugleich auch die wahre Heimat der von ihm zuerst zur Schriftsprache erhobenen slowenischen Sprache!* Und die heutige Sprache der Nachkommen seiner Diöcesanen in streitigen oder zweifelhaften Fällen mit Nutzen zu befragen! Denn kann war diese Sprache durch Method zur Schrift und Kirchensprache geweiht worden, als sie nach seinem Tode vor *Wiching* u. a. Gegnern gleichsam landflüchtig werden musste, und nur bey entfernten Verwandten Aufnahme, Schutz und Pflege fand. Kein Wunder, wenn sie in der Fremde manch Fremdes angenommen; ja, dass dessen im Ganzen nicht viel mehr geworden, ist nur aus ihrer heiligen Bestimmung und ihrem von Method und seinen Gehülfen fest aufgefasstem Typus zu begreifen. Method's heilige Bücher wurden nämlich im Ganzen mit frommer Gewissenhaftigkeit genauer abgeschrieben, als sonst bey profanen Gegenständen von sprachverwandten Abschreibern zu ge-

schehen pflegt, und nach dem Typus derselben die slowenische Literatur, mit Hintansetzung der Muttersprachen, selbst von gebornen Serben, Bulgaren, Wallachen, Russen u. s. w. fortgesetzt,—bis, durch stufenweise allgemeinere Kultur, erst seit gestern und ehegestern, die Landessprachen ihr Recht geltend machten, auch Schriftsprachen zu seyn; hier früher, dort später, nach Umständen: aber überall natürlich später, als dort, wo (wie bey den Katholiken) die Redesprache nicht erst eine heilige Kirchensprache zu beschwichtigen hatte. Man denke an die Literatur der Böhmen, Polen, Illyrier latini ritus, Krainer, Kroaten u. s. w., davon die jüngsten an dreyhundert Jahre zählen; während die Russen erst seit etwa hundert Jahren ihren Dialekt schreiben, und die Serben, die noch bis auf diese Stunde um die Rechte der Muttersprache streiten müssen, nicht so wohl gegen die alte Kirchensprache, als gegen einen Makaronismus, der entsteht, wenn Leute, die die Kirchensprache aus schlechten Grammatiken oder sonst schlecht gelernt haben, Altes und Neues durcheinander mengen, um sich doch von Unstudirten zu unterscheiden, und so Jeder seinen individuellen Makaronismus für Schriftserbisch verkauftъ. Ясно, что онъ въ послѣдствіи долженъ былъ отказаться отъ нѣкоторыхъ словъ, выдаваемыхъ имъ за перенесшія изъ Нѣмецкаго черезъ посредство своихъ Паннонцевъ, каковы: gonesnu, stol, Rim, upvati, plug.

190. «Nos interim rideamus *scholam historicam Bohemiae, in qua Palackus se et Schaffarikum statuit summi Dobrovii successores. Videmus quidem sedentes hos ambos in cathedra unius Dobrovii, sed negamus esse successores, quales e. g. fuere Aristotelis aut Platonis, continuantes doctrinam magistri. Nam quid commune vigilantissimo Dobrovio, cum his somniantibus, quid luci cum tenebris, quid summo Critico, ne dicamus ἀπειροκτινῶ cum summa et impudentissima vel ἀκροβίχῃ vel hypocrisi! Sunt igitur nec vocati, nedum electi, sed ἀπίστοι κλητοί, i. q. Russis самозванцы. Certe Jacobus Grimm (Göttingische gel. Anzeigen 1837, № 33) gravissimo iudicio, sed ut vides etiam periculo suo, nec leviori nostra invidia, alium pronunciavit veriozem Dobrovii successorem. Hincque illae lacrimae?» А въ Гёттингенскомъ журналѣ сказано было, что мѣсто Добровскаго у Славянъ (заграничныхъ) достойно, кажется, занялъ Копитаръ, что очень понятно, когда вспомнимъ, что Гриммъ, какъ Нѣмецкій ученный, незнакомъ въ такой степени съ Славянскими нарѣчіями, чтобы могъ свободно читать на нихъ, слѣдовательно, судить и судить по тому лишь, что писано, или переведено на его языкъ, или другой Западноевропейскій. Копитаръ же исключительно писалъ только на Нѣмецкомъ, или Латинскомъ. Подобный промахъ не въ первый разъ встрѣчать*

намъ у Западныхъ ученыхъ касательно сужденія объ нашихъ писателяхъ; отсюда не исключаются даже и тѣ, которые, по самому роду своихъ занятій, казалось, должны бы лучше насъ знать и, стало бытъ, судить и присуждать побѣдные вѣнки.

191. Götting. gel. Anz. 1837, № 33—36.

192. См. его «Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen». Einleitung, S. VII—VIII.

193. На примѣръ, въ его «Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti». Vindobonae 1850.

194. Vergl. Lautlehre u. s. w., S. X.

195. «Grammatik der bulgarischen Sprache». Wien, 1852. Причина, приводимая самыми сочинителями, по чемъ, они промѣняли Кириллицу на Латиницу при изданіи грамматики своего роднаго языка, еще страннѣе, чтобъ не сказать что хуже. Признаваясь въ Предисловіи, что они «sind keine Literaten vom Fach», между тѣмъ отважились на такое нововведеніе, которое не литератору, да и литератору, если онъ истый Булгаръ по роду и Вѣрѣ, никогда и въ голову не придетъ. И для чего же? «Wir haben aber hier *des allgemeinen Verständnisses* wegen die lateinische Schrift gewählt» (Vorrede, S. VI). Но развѣ есть какой смыслъ, на примѣръ, трезвому для того, чтобы, попавши между пьяныхъ, походить на нихъ какъ можно ближе, и самому корчить пьяную рожу и кривлянья всякаго рода? Пора бы ужъ давно перестать намъ обезьяничать, и начать пробиваться своимъ умомъ-разумомъ, хоть изза того, чтобъ перестали, наконецъ, честить насъ «imitatorum resus»! Для кого, спрашиваю, изъ Булгаръ (о прочихъ Славянахъ молчу уже) понятенъ будетъ, на первый разъ, слѣдующій образецъ ихъ писанія: «As sù ímam zùsé ròčeten pres dobrinù - tú vi, iš tú bùde golêma pečêlbù za ménê, ako pridobjú dobrò-to vi sklonêvane»? (стран. 141). И это «чудище огло, озлобло, съ трезвонной и стаей», смѣютъ еще называть намъ «angemessener, verständlicher», и прочее, тому подобное? Какъ! Знаки, составленные Кирилломъ Философомъ для выраженія звуковъ языка нашихъ предковъ, ужъ не годятся для насъ, ихъ потомковъ, и мы должны приобѣгать къ тому способу Славянъ, когда они, «погани саште, урътами и рязлими урътахъ и гатадхъ», когда они, до посланія къ нимъ Константина Богомъ, помиловавшимъ родъ «Словѣнскыи», какъ выражается Храбръ, «Римьскими и Грььскыими писмены иждадхъ саште Словѣнскоу рѣчь безъ оустромъ»?

196. Vergl. Lautlehre u. s. w., S. VII.

197. Ср. «Radices linguae slovenicae veteris dialecti».

Lips. MDCCCXLV; «Lexicon linguae slovenicae» etc; но въ «Formenlehre» 1850, и «Vergl. Lautlehre» 1852, такъ называемыя «Quellen» приводятся въ азбучномъ порядкѣ.

198. Glagolitica, von J. Dobrowsky, 2-te Ausg. v. W. Hanka. Prag. 1822, S. 20.

199. Abhandlungen der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften auf das Jahr 1785. Prag, 4, 2-te Abtheilung (1786), S. 101—139.

200. Parisiis 1538, 4. Такъ называемая новозобрѣтенная Постелломъ азбука есть просто скоропись Сербовъ Хорватскихъ, Далматскихъ, Боснійскихъ и т. п. его времени. Ею напечатано нѣсколько книгъ въ Венеци, упоминаемыхъ *II. Соларичемъ* въ соч. «Помипакъ книжескій о Славено-Сербскомъ въ Млеткахъ (Венеци) печатанію», 1810, на коего ссылаются: Добровскій въ «Institutiones linguae slav. vet. dial.», pag. XLIV—XLV, и Кеппенъ въ «Библиограф. Листк.» 1825 г., № 21, стр. 295, и № 26, стр. 375, столб. 2-й.

201. I, Budae, 1795. 8.

202. Versuch einer Geschichte von Krain». 2 Theile. Laibach, 1788—91, 8.

203. «Erste Linien eines Versuchs über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Meinungen und Kenntnisse». Leipz. 1789, 8.

204. «Nach den Gesetzen der Gesellschaft durfte ich mich in keine Controvers mit ihm (Dobner) einlassen, auch Durich erinnerte mich, den alten würdigen, von ihm eben so, wie von mir geschätzten und verehrten Mann zu schonen. Ich konnte um so lieber von einer literarischen Fehde abstehen, als sich hoffen liess, Durich selbst würde einst diesen Gegenstand in seiner Bibl. slau. in's gehörige Licht setzen und ganz erschöpfen». Glag., 2-te Ausg., S. 22.

205. Въ И. Г. Р. Карамзинъ, въ 267 примѣч. 3-й главы I-го тома (сжатого изд., стр. 69—70), представляетъ содержаніе Добнерова изслѣдованія о Глаголитикѣ и свои замѣчанія на него, которыя по тому времени очень и очень хороши.

206. Его мнѣніе найдено Добровскимъ въ дополненіи къ одной статьи его «Bibliotheca slavica antiquissimae dialecti communis et ecclesiasticae universae Slavorum gentis», vol. I, оставшейся безъ заголовки. Glagolitica. S. 42.

207. Онъ, въ сочиненіи своемъ: «In originem et historiam alphabeti slavonici Glagolitici, vulgo Hieronymiani disquisition», Venetiis, 1766, 8, доказывалъ появленіе Глаголитскихъ письменъ задолго до Р. Х., изобрѣтенныхъ какими-то Фригійцемъ

Фензиємъ (Славяпиномъ, по тому что Фригійцы, по его мнѣнію, Славяне) (pag. 56), употреблявшихся, подъ именемъ рунъ, Гетами или Готами (тоже, какъ онъ полагаетъ, Славянами).

208. *Dobrowsky's Glagolitica*, S. 43.

209. Тамъ же, стр. 43.

210. *Götting. gel. Anzeigen* 1837, Nr. 33—36, въ разборъ Копитаровой «*Glagolita Clozianus*». Шафарикъ въ «*Průběh vývoje hláskového písemnictví*»,—str. 8—24.

211. Объ етомъ сходствѣ начертанія нѣкоторыхъ рунъ съ Глагольскими еще точнѣе говорить онъ въ выпискѣ, приводимой Добровскимъ въ своей *Glagolitica* (S. 44—45): «*Quisquis solam varietatem literarum Runicarum, quibus glagoliticis adeo similes immo easdem esse Grubissichius mauult, apud Wormium p. 6. in tabula, collectam pensi habuerit, non adeo difficilis erit ut in eandem mecum opinionem deducatur substantiam ductuum in literis Cyrillicis et Glagoliticis eandem esse diversitate quadam ad solam reductionem linearum curuarum in rectas et subinde geminatas pertinente*» etc. *Durich* 1, 462. *Collect. an. 1783*.

212. *Lepsius* (Rich.): «*Ueber die Anordnung und Verwandtschaft des Semitischen, Indischen, Aethiopischen, Alt-Persischen und Alt-Aegyptischen Alphabets*», въ «*Abhandlungen der königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin, aus dem Jahre 1835*». Berl. 1837, *Historisch-philosoph. Klasse*, S. 177—227, и отдѣльно 1836, S. 76—80.

213. Pag. 76 и слѣд. Что до Фришевой Рѣчи, то она въ 4-ку, всего 19 стр. Замѣчательно, что тутъ уже встрѣчаемъ изображеніе Глаголическихъ буквъ (въ таблицѣ къ 9-й стр.), большихъ и малыхъ, въ печати и рукописяхъ употребляемыхъ, съ означеніемъ произношенія и объясненіями разныхъ сокращеній и т. п. Это уже третья попытка представить Глагольскую азбуку отдѣльно: первая, по словамъ сочинителя, принадлежитъ Вальвазору (in «*Topographico-historica descriptione Ducatus Carniolae*» II, p. 346), который, однако, «*omisit multa, quae in genere ad Characteres Glagoliticos, in specie vero ad scriptorum typis Ungnadianis editorum, faciliorem editionem pertinent*»; вторая Стредовскому, взявшему ее у перваго «*et historiae Cyrilli et Methodii inseruit, sed nec omissa supplevit, nec errores correxit*». При составленіи своей таблицы, Фришъ пользовался, сверхъ стѣхъ азбукъ, *Новымъ Заветомъ*, издан. Труберомъ, въ Тибингенѣ 1562, его же *Постиллой*, и *Молитвой Господней*, напеч. Ав. Миллеромъ въ «*Centuria versionum Orationis Dominicae*» (p. 56), выписанной изъ одного рукописнаго Катихизиса, наход. въ Ве-

неции. Въ заключеніе ичисляеть извѣстныя ему Глаголическія печатныя книги, которыя, кромѣ упомянутыхъ уже двухъ изданій Трубера, суть: «Praecipui Fidei christiani articuli e locis Theologicis Philippi Melanchthonis. Tubingae 1562; Abecedarium, cujus titulus est: Tabla za ditzu s glagolskimi sslowi tschitati», etc., безъ объясненія, говоритъ Фришъ, произношенія и сокращеній, но съ указаніемъ числительнаго значенія буквъ, и страницей складовъ; недостаетъ также 3-хъ знаковъ, встрѣченныхъ въ Тибенгенскихъ изданіяхъ; и, наконецъ, пятая книга, соединенная, однако, съ предыдущей, Катихизисъ, перев. Стефана Консула, вышедшій тоже въ Тибенгенъ, 1561 г. (р. 17—19).

214. *Лейбницъ* тоже называетъ выдумкой, хоть безъ всякихъ подробныхъ доводовъ, приписаніе изобрѣтенія Глаголическаго письма Иерониму: «Alphabeta hodierna Europaea omnia ex latinis formata sunt, demtis duplicibus Slavonicis, uno, *Cyrillico*, altero, ut parum apte vocant (glagola enim linguam significat) *Glagolico*. Male hoc posterius nonnulli auctori S. Hieronymo gente Illyrico tribuunt, falsa persuasione linguam veterem Illyricam ex Slavonicarum gente fuisse». «Dissertatio de variis linguis» etc. Кромѣ того и другіе современные ученые, особенно занимавшіеся изслѣдованіемъ о переводѣ Св. Писанія на разные языки, точно также отзываются объ этомъ, на прим.: *Фабрицій* (въ своей «Bibliotheca Graeca», vol. VII, pag. 682): «Solet etiam Chrysostomus a quibusdam venditari auctor versionis Armenicae Bibliorum, sed quam non minus quam *Slavonicam Hieronymo* tributam *chimaeris* accensere licebit». И.и.: (lib. IV, р. 79): «Quae de antiqua *Slavonica* sacrorum bibliorum versione ad *Methodium* vel *Cyrillum* aut *falso* etiam ad *Hieronymum* auctorem relata plerique narrant, de industria praetereo». *Лелонгъ*, по замѣчанію Коля (pag. 62, not.), подробности прочихъ изложившій исторію мнѣній о происхожденіи перевода Свящ. Писанія на Славянскій въ сочиненіи своемъ: «Bibliotheca sacra» (tom. I, ed. Paris. 1723, fol., Art. VI, pag. 453, Sect. 1.), и доставившій ему нѣсколько данныхъ («a quo nonnulla prout opus ac visum est mutuabimur», pag. 57), въ заключеніе своихъ изслѣдованій, вынужденнымъ нашелся повторить только слова Бальбина (см. ниже, примѣч. 236).

215. «Да простятъ мнѣ всѣ великіе и малые толкователи лѣтописей и легендъ за мою дерзость противъ историческихъ предразсудковъ. *Въ меня вселилась искусительная недоверчивость къ авторитетамъ писателей*» (Критич. изслѣдованія объ исторіи Болгаръ, стр. 58).

216. L. *Tubero*, Comment. de temporibus suis, l. I, §. 6. «At-

que inde conjicio *Slavemos et Gothos eandem esse nationem.*» — «Nostro quoque tempore Rhagusanae matronae, cum ancillis *Slavenae* nationis succensent, eas *Gothas* appellant». — *Thom. Archid. Historia Salonitana*, c. V: «Coeperunt autem habere proprios Duces et quamvis pravi essent et feroces, tamen christiani erant, sed rudes valde, *Ariana* etiam erant tabe respersi. *Gothi a pluribus dicebantur* et nihilominus *Sclavi sunt* secundum proprietatem nominis». — «Dux *Gothus*, qui toti praeerat *Sclavoniae*, coadunato magno exercitu descendit.» — Cap. XV, an. 1074: «Mittere statuit (Papa Alexander) ad exstirpandum schismatis fomitem de partibus *Sclavoniae*. Itaque Cardinalis ad illas partes adveniens, ipsum pseudo-Episcopum (Celedam), coram *suis Gothis* durissime increpavit». Последнее объясняет все дѣло. Далматскіе Славяне Православнаго Исповѣданія для Католиковъ и ихъ писателей были и суть *schismatici Gothi*, по тому что живутъ въ тѣхъ земляхъ, въ коихъ прежде довольно долго жили Готы Ариане, вышедшіе оттуда въ Италію и столько памятные обитателямъ ея. По этой же причинѣ *Феофилактъ Симоката* и *Фотій* величаютъ насъ Готами, равно какъ и *Дуклянецъ* (*Diocleas presbyter*), отнюдь же не по тому, чтобы Латинцы смѣшивали Глагольскія буквы съ Готскими. Въ смыслѣ Отцевъ Салонскаго Собора отвѣчалъ и папа Александръ III-й: «Propter Arianos inventores Litteraturae hujusmodi.» Иное дѣло мнѣнія поздѣйшихъ ученыхъ, на прим., *Грубишича*, который, съ своей точки зрѣнія, толкуетъ и самыя слова сихъ Отцевъ (pag. 40) «Itaque Slavonicae illae literae, quae Hieronymo tribuuntur. forte non immerito gothicae ab Archidiacono (Spolitano Thoma) appellantur quin si illas accurate consideremus, gothicis, seu runicis illis, quarum frequens vestigium in Septentrione, atque adeo in Italia ipsa, occurrit magna ex parte similes esse comperiuntur».

217. Изданной, подъ моимъ надзоромъ, на иждивеніи Болгарина, Н. Н. Денкоглу, въ 1849-мъ году, подъ названіемъ: «Критическія изслѣдованія объ исторіи Болгаръ, съ прихода Болгаръ на Фракійскій полуостровъ до 968 года, или покоренія Болгаріи Великимъ княземъ Русскимъ, Святославомъ». Москва, стр. 8, 342.

218. Видно, по сему, что Венелинъ вовсе не читалъ жизнеописанія Климентя, говоря, что оно умножено статьей о Кириллѣ и Меѳодіи.

219. Въ «Исторіи Болгаръ», стр. 120, говоря о важности путешествія по Болгаріи для собранія остатковъ древней ея письменности, между прочимъ и Болгарской Четъ-Миней о Кириллѣ и Меѳодіи, Венелинъ прибавляетъ: «Если я не возмогу вырваться изъ моихъ обстоятельствъ, чтобы имѣть возможность достиженія сей цѣ-

ли, чего уже столько лѣтъ такъ сильно желаю, то, по крайней мѣрѣ, вызываю къ сему благородному путешествію всякаго, желающаго обогатить отечественную Исторію новыми приращеніями. Неужели въ XIX столѣтіи не найдется никто, который бы имѣлъ довольно любопытства для совершенія сего предпріятія? Неужели не найдется другой Румянцовъ? Извѣстно же, что онъ, по окончаніи ученія въ 1829-мъ, получивъ, въ 1830-мъ году, себѣ дипломъ на званіе лѣкаря, отправился уже въ Болгарію на счетъ нашей Академіи Наукъ. Статья, помѣлованная въ «Спискѣ рукописныхъ сочиненій Велелина», въ концѣ 2-й части «Историко-критическихъ изысканій (названія, общаго для обѣихъ частей, давнаго въ послѣдствіи), подъ ч. 34-мъ: «Славянскій алфавитъ, и опроверженіе мнѣній объ изобрѣтеніи его Кирилломъ и Меѳодіемъ», 26 стран., составляетъ только извлеченіе изъ сказаннаго мнѣ подробно въ «Исторіи Болгаръ», напечатаннаго, если не ошибаюсь, въ «Отч. Запискахъ», 1839 г., Томъ II, стр. 36 и слѣд., и переведеннаго на Сербскій *Д. Тиролема*, 1841, въ Бѣлградѣ: «Доказывавъ, да су Славянски народи приими Христіанство іошъ пре Кирила и Меѳодія», стр. 24.

220. Изд. также и отдѣльно.

221. Оно такъ и есть, по тому что о другой какой-то азбукѣ древнѣйшей еще Глаголицѣ, и самые поклонники послѣдней ничего не знаютъ, равно какъ и противники Кириллицы, если не считать Храбровы чѣрты и рѣзи, а также и тѣ знаки, которые, по Дитмару Межиборскому, находились на Петрійскихъ истуکانахъ, относящимся сюда, такъ какъ во всѣхъ ихъ нѣтъ прямой рѣчи о знакахъ, въ смыслѣ нашихъ буквъ. Въ Дитмарѣ читаемъ: «*interius . . . dii stant manufacti, singulis nominibus insculptis*» (VI, 17); а о рукописаніяхъ Хорватовъ, приложенныхъ, де, къ договору съ папой тотчасъ послѣ крещенія (стало, прежде чѣмъ успѣли выучиться у Христіанъ какой либо грамотѣ): «*οὗτι οἱ Χρωβῆτοι, μετὰ τὸ αὐτοῦς βαπτισθῆναι, συνθήκας καὶ ἰδίαις χεῖρα ἐποιήσαντο καὶ πρὸς τὸν ἅγιον Πέτρον τὸν ἀπόστολον ὄρκους βεβατοῦς καὶ ἀσφαλεῖς, ἵνα μηδέποτε εἰς ἀλλοτρίαν χώραν ἀπέλθωσι καὶ πολεμήσωσιν ἀλλὰ μάλλον εἰρηνεύειν μετὰ πάντων τῶν βουλομένων*». *Chrobati siquidem post acceptum baptismum pepigerunt et chirographis propriis datis S. Petro apostolo iuraverunt, nunquam se alienam terram armis invasuros, sed pacem habituros cum omnibus volentibus.*» *Const. Porphyg.* De admin. imp., с. XXXI, ed. Bonn. Наконецъ, въ Любушскомъ Судѣ упоминаются «*desky pravdodatné*».

222. «*Ni fallor, colligendum erit, Ethicum non post initium quarti saeculi fuisse natum; tum vero cum his bene consentiunt, quae nos-*

tro loco dicit: Histriam cruentissimis illis annorum 260 — 280 bellis devastatam, usque ad diem nativitatіs suae incultam remansisse. Quare haud multum aberrare credimus a veritate, si circa *annum hujus aerae trecentimum natum fuisse Ethicum contendimus* (197).

223. «Constat autem vergente saeculo secundo haud semel Sarmatas atque Iazyges, non in Histriam dico et Pannoniam, sed in Italiam ipsam pervenisse» (p. 155).

224. «Scimus veteres scriptores notissimo more omnes fere gentes septentrionales, quae ab Histro inde usque ad Riphaeos montes et mare Caspium habitabant Scytharum nomine designasse, ita ut uno vocabulo diversissimas nationes comprehenderent. Sic nomine illo appellantur Iazyges, Sarmatae, Sclavi, Geti, Gothi, Hunni etc., qui omnes minime ad eandem stirpem pertinent. Nam, ut brevibus quaestionem difficillimam absolvam, Scythae orientalibus nationibus adnumerandi sunt, ut Hunni et Mongoli, Iazyges vero Sarmataeque gentibus iis, quas Sclavos hodie vocitamus: has autem Histriam et Pannoniam incoluisse certum est» (pag. 153—154).

225. «Post saeculum quartum non solum Illyricum, verum etiam Dalmatia, Paunonia, atque Histria a Sclavis occupatae sunt» (pag. 156).

226. «Jam supra demonstravimus Cosmographiam Ethici intra annos 396 et 409 a Sancto Hieronymo translatae esse, neque vero eodem tempore ab Ethico conscripta est. Quod enim iam aliis ex causis veri simile est: ex ipsis translatoris verbis apparet, Cosmographiam complures annos ante illud tempus ab auctore compositam fuisse. Legimus scilicet pag. 500, v. 12: «quam ut a praecedentibus lectoribus errorem enigmatum illorum» etc., quare iam ante annum 396 liber Ethici et notus erat, et lectores sibi comparaverat» (pag. 196—197).

227. Въ 383 примѣч. говорится: «Ipsa litterarum nomina apud varias Sclavorum gentes varie pronuciari docet Grubissichius», вовсе не то, что совершенное несходство въ названіи. При томъ, Грубишичъ говоритъ только о различіи въ произношеніи названій буквъ, а не самихъ названій, которыя у всѣхъ Славянъ для Кирилловскихъ и Глагольскихъ буквъ были и есть одинаковы во всё времяна.

228. Такъ приведены имъ тутъ явные противники древности Глаголитики и составленія ея Іеронимомъ: Фришъ, Коль, Ассемани, Добровскій и другіе, писавшіе, одинъ за другимъ, противъ такого мнѣнія, а прежде нихъ Белларжинъ (De verbo Dei, lib. II), Анс. Бандуря (въ Notae ad Const. Porphyg. de adm. imp.) и Бальбинъ (Miscell. Regn. Boh., Dec. I, lib. II, c. 23).

229. Не смотря на стараніе сочинителя быть полнымъ въ этомъ, все таки пропущены имъ тутъ: Дубравскій (Dubravius. Hist. Bohem.

С

l. I.), Горданъ (Orig. Slav. P. I, с. 54), Стредовскій (Sacra Moraviae hist. l. II, с. 6), Коженскій (Amos Commenius, Histor. Frat. Bohem., ed. Hal. 1702, p. 4), Лупачъ, Велеславина и др.

230. Отъ 16-го октября, 1853 года, изъ Праги.

231. «Sed de Ethico et vita eius alio tempore disputabimus. Resat enim, ut, quantum fieri potest, exponamus, quid de auctore ipso et de libris eius nobis statuendum sit. De his autem atque aliis multis, quae huc pertinent, iudicium certum edere tum demum valebimus, quum libris aliquot melioribus inspectis, sanio rem Cosmographiae textum constituerimus» (p. 197).

232. «Cosmographiam Aethici Istrici, ab Hieronymo ex Graeco in Latinum breviarium redactam, secundum codicem Lipsiensem, separato libello expressam, primum edidit *Henricus Wutke*. Accedunt duae tabulae. Lipsiae MDCCCLIII (8-о), но на оберткѣ «1854», равно какъ и въ торговлѣ только въ послѣднемъ годѣ появилось. Самому изложенію (1 — 85) съ «Glosse, Randschriften der wolfenbüttler Handschrift, Lesarten und Register» (87—128), предпослано: I) «Einleitung», въ которомъ говорится: «Ueber den Inhalt und Werth der Bücher des Aethikos; Fragmente des Aethikos (VI—LXXVII); II) Ueber Aethikos (CCII); III) Ueber Hieronymus, dem Bearbeiter des Aethikos (CII—CXVII); IV) Von den Handschriften und von dieser Ausgabe (—CXXXII).

233. См. выше примѣч. 96.

234. Напечатано въ Ж. М. Н. П. 1836 года, Част. XXIII, Отд. IV, стр. 17—30.

235. Изъ конхъ нѣсколько разъ «папа» вполне и сокращенно, разъ «но папа» (папа Іоаннъ VIII?), разъ «Кюрили», и разъ «телехскогъ жырашт», что прямо указываетъ на Серба.

236. Начало Мартирологія на 3-мъ листѣ: «Incipit libellus de festiuitatibus sanctorum apostolorum et reliquorum, qui discipuli aut vicini successoresque ipsorum apostolorum fuerunt». Romae natalis beatorum apostolorum Petri et Pauli, qui passi sunt sub Nerone» etc.

237. Тутъ нѣтъ никакого противорѣчія послѣдующимъ словамъ Храбра, по конхъ Кирилъ къ Греческимъ прибавилъ еще «четырнадцать по Словянскоу шзимоу», по тому что въ исчисленныхъ за тѣмъ поименно буквахъ стоитъ ш, а въ словахъ, для которыхъ нѣтъ знаковъ въ Греческой азбукѣ, приведено слово ш, следовательно, одна изъ нихъ должна быть лишней въ Кирилловской азбукѣ. А какъ а) древнѣйшее начертаніе ш есть шт; б) ш не знаетъ

Новобулгарскій языкъ, ближайшій въ этомъ судья, и в) ѣ есть то же ш+х, звукъ, преимущественно любимый Рускими нарѣчїями, то и надобно допустить, что первоначально Кириллъ едва ли изобрѣталъ его, т. е., на Фракійскомъ полуостровѣ, гдѣ онъ не могъ слышать его, но могъ легко прибавить онъ, или братъ его, Меѳодій, или же кто либо изъ сотрудниковъ и учениковъ, въ послѣдствїи, въ Великоморавской Державѣ, гдѣ этотъ звукъ уже замѣтенъ больше, меньше въ устахъ Славянскихъ народовъ, составлявшихъ ее, особливо сосѣдей ихъ, Рускихъ и Поляковъ. А какъ онъ послѣдними двумя употребляется тамъ, гдѣ первыми шт, то естественно, вмѣсто того, чтобы отыскивать для него какой либо другой знакъ, стоило только первую изъ сочетаемыхъ (шт), какъ характеристическую этого звука, отличить чѣмъ либо, что легче всего можно было сдѣлать, проведши среднюю черту ея нѣсколько ниже. Если же видѣть въ ней Коптскую букву, то и это Кириллу, какъ знатому языковъ (и при томъ Египетъ въ іерархическомъ отношенїи всегда состоялъ въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ Царьградомъ), легко было тогда сдѣлать, тѣмъ болѣе, что Коптская азбука—та же Греческая, только приспособленная къ свойствамъ Коптовъ. Въ послѣднемъ случаѣ нужно было только изъ этой Греко-Коптской азбуки перенести ее въ Славянскую.

238. Уже Бальбинъ въ своихъ «Notae historicae in «Vitam et passionem S. Ludmillae et S. Principis Wenceslai», a Christanno scr., думалъ, представляющееся тутъ, противорѣчїе, согласить такимъ образомъ: «Caruisse omnibus omnino litteris Slavicas gentes, ad usque S. Cyrilli tempora, difficile est dicere (слѣдуетъ свѣдѣтельство о томъ изъ Гайка); nihilominus gravissima Christanni auctoritas, alteram sententiam (quae S. Cyrillum aut Methodium inventorem Slavicae litteraturae facit) reddit probabilem; idem sensit Lupacius, idem aetuis illa narratio, de conversione Carentanorum, nisi quod S. Methodium ejus scripturae facit authorem. Conciliari sententiae possunt, si dicamus: quamvis antea Slavi, ac potissimum Bohemi, litteras habuerint, novam tamen et commodam scribendi rationem invenisse Sanctos Cyrillum et Methodium, ac fortasse illa erit, quam nunc Rutheni alique Slavica lingua utentes Graeci ritus sacerdotes sequuntur; quales litterarum notas in Coenobio Slavorum Praegae, pueri quondam legebamus, qualesque alicubi ex vetustis inscriptionibus attulit Paprocus (in «Diadocho»), suntque in vetustis quibusdam Bibliothecis libri ejusmodi genere scripturae constantes». По томъ упоминаеть о приписывающихъ изобрѣтеніе Славянскихъ письменъ Іерониму и отвергающихъ то, Кромеръ, Хрїстанъ и другихъ, и заключаетъ: «Quid ipse potissimum sequar,

nescio, in *Christanni* tamen et *Cromeri* sententiam inclino, praesertim, cum non satis constet, an S. Hieronymi temporibus (anno post Christum natum 400) Slavi Illyricum, eaque loca tenuerint». См. «*Epitome historica rerum Bohemicarum*». Pragae MDCLXXXVII, fol., pag. 77—78. А. Фойтцъ, разбирая въ своемъ изслѣдованіи («*Untersuchung über die Einführung der Buchstaben*» u. s. w.), разныя предположенія о происхожденіи Славянскихъ письменъ, такъ выразилъ это мнѣніе (§. VI, S. 177): «Der andere Einwurf besteht darin, dass, wenn man ja den angeführten Schriftstellern (§. IV) zufolge, den beyden Aposteln der Slaven, in Ansehung der slavischen Buchstaben, etwas zugestehen müsse; *solches doch keine Erfindung im eigentlichen Verstande, sondern nur eine Vermehrung, Verbesserung und bequemere Einrichtung derselben gewesen sey.*»

239. *Фришъ*, въ упомянутомъ выше сочиненіи своемъ.

240. *Коль*, см. его мѣсто, приведенное вполнѣ выше.

241. Писатели, говорившіе о нашемъ предметѣ кстати, но не вдававшіеся ни въ какія подробности и розыски, а большею частью принимавшіе одно изъ извѣстныхъ уже имъ мнѣній, сколько могу припомнить теперь, суть, изъ *Рускихъ*: М. Т. *Каченовскій*, въ статьѣ: «О Славянскомъ и въ особенности Церковномъ языкѣ», въ VII-й части «Трудовъ Общества любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ». Москва, 1817, стр. 15. Онъ уже пользуется Житіемъ Меодія и Кирилла, помѣщеннымъ, въ «Книгѣ Житій Святыхъ», подъ 11-мъ мая, и доказываетъ, что буквы сдѣланы Кирилломъ, а переводъ Св. Писанія совершенъ на старинное Сербское нарѣчіе, которому тотъ и другой выучились еще въ Солуни и ея окрестностяхъ, слѣдовательно, на тотъ языкъ, которому имѣли случай научиться, начавъ его (переводъ) въ Константинополѣ и окончивъ въ Моравіи: «*Кириллъ, составивши буквы для всѣхъ звуковъ Славянскихъ*, трудился съ братомъ своимъ надъ переложеніемъ съ Греческаго языка тѣхъ самыхъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, которыя донынѣ употребляются Славянами православною восточнаго исповѣданія, обитающими въ Босніи, Сербіи, Венгріи, Булгаріи, Польшѣ, Россіи».—Баронъ *Розенкампфъ*, въ «Обзорѣни Коричей книги» (Моск. 1829 г.), стр. 44: «Въ царствованіе Василія Македонянина и Льва Мудраго введены были у Болгаръ Славянскія письмена».—Н. II. *Гречъ*, въ «Опытѣ исторіи Русской литературы» (Спб., 1822), весьма замѣчательной по своему времени богатствомъ матеріаловъ, которымъ по сю пору ни одна изъ появившихся послѣ Исторіи нашей Словесности не могла превзойти

его Опыта, § 14, стр. 17—18: «Братья *Меодій* и *Константинъ* (въ монашествѣ наименованный Кирилломъ), жившіе около половины IX вѣка, уроженцы Греческаго города Солуня (нынѣ Салоника), были изобрѣтателями церковныхъ буквъ Славянскихъ. Первый изъ нихъ посланъ былъ Греческимъ Императоромъ Михаиломъ III въ страны, населенныя Славянами, и выучился тамошнему языку, а послѣдній, воспитанный при Цареградскомъ Дворѣ, былъ Священникомъ, Библіотекаремъ при Софійской Соборной церкви въ Константинополѣ, и Учителемъ Философіи. Около 863 года, Моравскіе Князья Ростиславъ, Святополкъ и Коцель просили прислать къ нимъ изъ Константинополя Христіанскихъ учителей. Къ нимъ отправлены были братья Меодій и Константинъ. Они изобрѣли Славянскую азбуку (названную въ послѣдствіи, по имени послѣдняго изъ нихъ, *Кириловскою*), составивъ оную изъ буквъ Греческихъ, къ коимъ присовокупили изображенія звуковъ, свойственныхъ языку Славянскому (ѡ, ѣ, ѓ, ѣ, љ, њ, џ, ѣ, ю, ѣ, ѡ). Потомъ перевели они съ Греческаго языка Апостолъ, Евангеліе, Псалтырь, Октоихъ и другія нужнѣйшія для церковной службы книги на одно изъ нарѣчій Славянскаго языка, которое въ тѣ времена къ Рускому было гораздо ближе, нежели нынѣ. Спустя 18 лѣтъ, въ «Чтеніяхъ о Русскомъ языкѣ» (Спб. 1840), встрѣчаемъ то же, но уже съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, стр. 77—78: «Славянская азбука, составлена въ половинѣ IX вѣка. Моравскіе князья, Ростиславъ, Святополкъ и Коцель, просили Греческаго Императора прислать къ нимъ христіанскихъ учителей. Онъ отправилъ къ нимъ двухъ братьевъ, Меодія и Константина (въ монашествѣ Кирилла), уроженцевъ Солуня, жившихъ посреди Славянъ, которые распространились съ VI вѣка въ областяхъ Имперіи. Они не изобрѣли, а составили Славянскую азбуку, названную, по имени послѣдняго изъ нихъ, Кирилловскою. Главнымъ основаніемъ ея былъ алфавитъ Греческій, къ которому они прибавили буквы: ѡ, ѣ, ѓ, ѣ, љ изъ армянскаго, ѣ и ѣ изъ еврейскаго и коптскаго, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ и ѡ. Эта азбука, съ нѣкоторыми перемѣнами, урѣзками и прибавками, существуетъ у насъ понынѣ. Ей обязаны мы возможностью выражать большую часть звуковъ голоса человѣческаго, которые, въ языкахъ, имѣющихъ азбуку латинскую, изображены быть не могутъ. Неудобства ея произошли, во-первыхъ, отъ того, что составители ея слишкомъ близко придерживались азбуки Греческой, и ввели въ нее многія буквы лишнія, на пр.: *зѡло, і, икъ, ижмиу, кси, пси*; вторыхъ, для насъ есть въ ней нѣкоторые недостатки, происшедшіе отъ того, что она составлена не для русскаго, а для другаго

нарѣчія славянскаго, близко подходившаго къ нынѣшнему сербскому. Есть еще одна славянская азбука, *Глаголитская*, или букваца, которой изобрѣтеніе католики приписываютъ Иерониму, жившему въ IV вѣкѣ, но это также *Кирилловская*, только обезображенная вычурными украшеніями, которыя придуманы Западныхъ Духовенствомъ въ XIII вѣкѣ для Далматовъ: это родъ Грамматической уніи». — Н. А. Полевой, въ 1-мъ томѣ «Исторіи Русскаго народа» (Москва, 1830), въ изложеніи, стр. 95—96: «Они (Греческій Императоръ, Патріархъ Фотій и Василій, любимецъ и соправитель Михаила) рѣшились избрать проповѣдника, знающаго Славянскій языкъ, который могъ бы изъяснить Славянамъ Священное Писаніе на ихъ природномъ языкѣ, переведа оное съ Греческаго. Окрестъ Селуня, родины Василія, жило множество Славянъ, *Сербскаго поколыя*, и жители Селуня хорошо знали языкъ ихъ поселенцевъ. Монахи, *Кирилль* и братъ его *Меѳодій*, урожденцы Селуня, мужи ученые и мудрые, отправлены были въ Моравію. Еще въ *Царьградѣ* начали они переводъ Евангелія, и увидѣли необходимость, для выраженія звуковъ Славянскаго языка, прибавить къ Греческой азбукѣ нѣсколько буквъ, упростивъ начертаніе другихъ. Событіе важное, ибо *здесь начало Славянской азбуки и Церковно-Славянскаго языка*, который, будучи въ основаніи *древнимъ Сербскимъ*, для выраженія великихъ таинствъ и велѣній Библейскаго языка, преобразенъ былъ по Греческимъ формамъ. Разумѣется, что такой языкъ не могъ быть совершенно понятенъ всѣмъ Славянамъ, говорившимъ уже отдѣльными нарѣчіями, но онъ былъ для нихъ вразумителенъ: книги Св. Писанія приводили въ восторгъ Славянъ, и были приняты въ Булгаріи, гдѣ жители, потерявъ уже свой первобытный языкъ, говорили испорченнымъ Славянскимъ нарѣчіемъ (?). Въ примѣчаніи 68: «Булгарскій языкъ былъ самый испорченный Славянскій; но Булгары писали на Церковномъ языкѣ. Переводъ Библии, сдѣланный для Моравовъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, былъ принятъ Булгарами (ссылка на Калайдовичевъ Ю. Екс. Болг.). А въ «Дополненіи», въ статьѣ IV: «О Церковно-Славянскомъ языкѣ и составленіи Славянской азбуки,» о послѣдней говоритъ и того меньше, замѣчая только, что «письмена для Славянскихъ звуковъ изобрѣтены были въ IX вѣкѣ, когда Христіанская вѣра была введена между Славянами». Ниже: «Славянская азбука была составлена двумя Греческими проповѣдниками». Касательно же языка, на который переведено было Св. Писаніе, представляетъ два рѣшенія, изъ коихъ по первому: «Славяне въ IX-мъ вѣкѣ говорили хотя и отдѣльными нарѣчіями, но различія между ними не были еще весьма

велики. Славянскіе обитатели Греціи, Сербіи, Булгаріи весьма сходствовали въ языкахъ своихъ. На сей-то языкъ переведено Св. Писаніе, и потому языкъ Церковныхъ книгъ есть самый близкій къ первоначальному Славянскому языку, и древнѣйшій изъ всѣхъ различій Славянскихъ языковъ; а по второму: «переводъ начатъ былъ Греческими проповѣдниками въ Царьградѣ; они знали Славянское нарѣчіе своей родины, Селуня; окрестъ Селуня жили *Сербы*, слѣд. переводъ сдѣланъ былъ на *Сербскій языкъ*. Дѣйствительно, изъ всѣхъ нынѣшнихъ Славянскихъ нарѣчій ни одно столь близко не подходитъ къ языку церковныхъ книгъ, какъ *нынѣшнее Сербское (?)*, потому что Сербы точно жили окрестъ Селуня, и слѣд., Кириллъ и Меѳодій должны были знать Сербское Славянское нарѣчіе; также, что они начали переводить Св. Писаніе въ Царьградѣ, еще до отбытія на свою Паству, на все это есть историческія свидѣтельства. И такъ, въ пользу *второго рѣшенія* мы находимъ убѣдительныя доказательства; въ пользу *перваго* остаются одни предположенія. Церковный Славянскій языкъ никогда и нигдѣ не былъ народнымъ, разговорнымъ, но составленъ, или, такъ сказать, *изобрѣтенъ* Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ для перевода Св. Писанія, при чемъ взяли они въ основаніе *древній Сербскій языкъ*, но преобразили его по Греческимъ формамъ, измѣнили, выдумали слова, слѣд., Церковный Славянскій языкъ долженъ быть почитаемъ особымъ книжнымъ языкомъ, ни къ какому нарѣчію, а также къ первоначальному языку Славянъ, вовсе не принадлежащимъ. Самая азбука Славянская была спискомъ съ Греческой, гдѣ много буквъ находилось излишнихъ (какъ-то: *згло, и, оу, нив, отъ, юсъ, двойное о, ѡ, пси, пси, фита, ѡжича*), и нѣкоторыхъ недоставало (какъ-то буквы для звука *ѣ*)» (стр. 336—339).—Сочинитель «Россіи въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ» (Спб. 1837.), во 2-й части «Исторіи», разбирая, въ главѣ III-й, «военныя и политическія отношенія Западныхъ Славянъ къ Франкскому Государству, во время Карла Великаго и его наследниковъ до 862 года», касается, въ §. 2-мъ, Чеховъ и Моравцевъ, и замѣчаетъ (стр. 231—232), что «Ростиславъ, въ угодность волѣ народной, желая избавитися отъ вліянія ненавистныхъ *Славянамъ* Франковъ и вообще Германовъ, вознамѣрился заключить тѣсный союзъ съ Восточною Имперіею и обитающими на ея границахъ *Славянами*, между которыми уже было много Христіанъ. Ростиславъ упростилъ Императора Михаила (между 861 и 863 года) прислать къ нему наставниковъ въ Христіанской Вѣрѣ, для крещенія на ода и обученія чтенію Священнаго Писанія. Въ это время прибыли въ Моравію зна-

менитые въ Исторіи Славянскаго просвѣщенія мужи, Кириллъ и Меводій. Объ ихъ подвигахъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, а теперь должны объявить предварительно, что мы не вѣримъ, будто до *изобрѣтенія Славянскихъ буквъ* этими проповѣдниками истинной Вѣры Моравцы были народъ безграмотный. Моравскіе князья были въ безпрерывныхъ торговыхъ и политическихъ сношеніяхъ, то съ Восточною Имперіей, то съ Франками, а потому безъ всякаго сомнѣнія и гражданственность была развита въ почетномъ сословіи народа до той степени, что они знали употребленіе письменъ въ условія тогдашней Дипломатики». А въ IV-й части, главѣ 1-й, §. 2-мъ (стр. 17—20): «Ислѣдовавъ важнѣйшее, что было писано нашими Славянскими учеными на счетъ изобрѣтенія Славянской азбуки, мы думаемъ объ этомъ слѣдующее. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что у Славянъ были *руны*. При распространеніи умственныхъ потребностей и по введеніи Христіанства у Адриатическихъ Славянъ, изъ *рунь* или буквыцы составили правильную *Азбуку*, которая нынѣ называется *Глаголитскою*. Изобрѣтеніе этой Азбуки приписывается Святому Іерониму (Мы не утверждаемъ, что она точно изобрѣтена Іеронимомъ, но вѣримъ, что эта Азбука *древнѣе* Кирилловской, потому именно, что очертанія буквъ ея приближаются болѣе къ письму руническому, и что Далматы, просвѣтившись гораздо прежде другихъ Славянъ, долженствовали имѣть прежде свои письмена.). Прежде ученые мужи не вѣрили, чтобъ эта Азбука была древнѣе изобрѣтенной Кирилломъ, а Шлецеръ бранитъ безпощадно тѣхъ, которые осмѣлились принимать это предположеніе. По прилежномъ и хладнокровномъ изслѣдованіи дѣла, весьма многіе Славянскіе ученые возвратились къ прежней мысли, и самъ почтенный Копитаръ, одинъ изъ главнѣйшихъ противниковъ древности Глаголитскихъ письменъ, нынѣ признаетъ, что они древнѣе Азбуки, изобрѣтенной Кирилломъ (Мы вѣрили въ это прежде нежели получили новое сочиненіе Копитара, *Glagolita Clozianus etc. Vindob. 1836*). Но *Кириллъ и Меводій, впрямую, изобрѣли для того новую Азбуку, что Глаголитскія буквы слишкомъ кудрявы для скорписи*. Притомъ же, въ то время, эти письмена были недостаточны для предпринятаго труда, а потому для большаго сближенія Славянской грамоты съ Греческой, *Кириллъ и Меводій должны были составить новую Азбуку, по образцу Греческихъ буквъ, и недостающія буквы взяли изъ Греческой Азбуки и изъ древнихъ руновъ Славянскихъ или чертъ* (т. е. начертаній) *и рѣзовъ* (т. е. парѣзаній на деревѣ), о которыхъ говоритъ монахъ Храбръ. Очертаніе буквъ Славянскихъ, въ послѣдствіи намѣнилось, какъ-

то видно изъ прежнихъ рукописей, и нѣкоторыя буквы книгъ вовсе отброшены, но основаніе осталось древнее. Константинъ жилъ около четырехъ съ половиною лѣтъ въ Моравіи, отправился въ Римъ, вступилъ въ монашескій чинъ, прозваннись Кирилломъ и скончался около 871 года. Меѳодій, возведенный въ санъ Архіепископа Моравскаго, продолжалъ трудиться надъ утвержденіемъ Христіанства, почти 30 лѣтъ, и умеръ около 899 годъ». На послѣдокъ (стр. 22—23): «По нашему мнѣнію, наши Церковныя книги писаны языкомъ, который былъ въ употребленіи у Славянъ, поселившихся въ Греціи, въ окрестностяхъ Селуня, а это нарѣчіе приближалось болѣе къ Булгарскому и Сербскому, т. е. къ нарѣчію Южныхъ Славянъ. Нельзя сомнѣваться, что въ древности всѣ Славянскія нарѣчія болѣе нѣбли между собою сходства, но по нашему мнѣнію, они всегда (якъ по крайней мѣрѣ, съ незапамятныхъ временъ) различались формою рѣчи и произношеніемъ. Переведенныя книги Кирилломъ и Меѳодіемъ могли быть понимаемы тогда всѣми Славянами, но усвоить ихъ могли только Адриатическіе Славяне, Сербы, Булгары и Южныя Славяно-Руссы, которыхъ языкъ былъ весьма близокъ къ нарѣчію Греческихъ Славянъ. Мы почитаемъ Дунайскихъ Славянъ переселенцами изъ Россіи, слѣдовательно и различіе въ нарѣчій между отдѣльными племенами не могло быть велико, въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ, особенно при частыхъ сношеніяхъ». Вообще сочинитель, при всѣхъ промахахъ, говоритъ довольно дѣльно о многихъ Славянскихъ предметахъ, даже такое, чего у другихъ не отыщешь, да и старое является нерѣдко въ новомъ, болѣе выгодномъ для себя, видѣ, и тѣмъ наводитъ на новыя соображенія, которыя, статься можетъ, и не пришли бы безъ того.—Въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» (Моск. 1851) томъ 1-мъ, главѣ IV-ой, обозрѣвая «состояніе Европейскихъ народовъ, преимущественно Славянскихъ, въ эпоху призванія князей», сочинитель, между прочимъ, замѣчаетъ (91—92), что «въ Византіи, въ IX-мъ вѣкѣ, происходитъ важное явленіе: богословскіе споры, волновавшіе ее до сихъ поръ, прекращаются: въ 842 году, въ годъ востшествія на престолъ Императора Михаила, съ котораго нашъ лѣтописецъ начинаетъ свое лѣтосчисленіе, созванъ былъ послѣдній, седьмой Вселенскій Соборъ для окончательнаго утвержденія догмата, какъ будто для того, чтобы этотъ окончательно установленный догматъ передать Славянскимъ народамъ, среди которыхъ въ то же самое время начинаетъ распространяться христіанство; тогда же въ помощь этому распространенію является переводъ священнаго писанія на Славянскій языкъ, благодаря святой ревности Кирилла и Меѳо-

CVIII

дія. По слѣдамъ знаменитыхъ братьевъ обратился къ нашимъ западнымъ и южнымъ соплеменникамъ, судьбы которыхъ должны обратить на себя наше особенное вниманіе». И точно (исправивъ, во второмъ изданіи 1854 года, важную ошибку касательно времени послѣдняго Вселенскаго Собора), сочинитель, очеркнувъ состояніе и отношеніе Чеховъ съ V-го вѣка къ Германцамъ, Франкамъ, Аварамъ, переходить къ состоянію Моравскаго государства, о которомъ основательно говорить (стр. 95—96), что «князь Моравскій долженъ былъ понимать, что для независимаго состоянія Славянскаго государства прежде всего была необходима независимая Славянская церковь, что съ Нѣмецкимъ духовенствомъ нельзя было и думать о народной и государственной независимости Славянъ, что съ Латинскимъ богослуженіемъ христіанство не могло принести пользы народу, который понималъ новую вѣру только со вѣшной, обрядовой стороны, и, разумѣется, не могъ не чуждаться ея. Вотъ почему князь Моравскій долженъ былъ обратиться къ Византійскому двору, который могъ прислать въ Моравію Славянскихъ проповѣдниковъ, учившихъ на Славянскомъ языкѣ, могшихъ устроить Славянское богослуженіе и основать независимую Славянскую церковь; близкій и недавній примѣръ Болгаріи долженъ былъ указать Моравскому князю на этотъ путь; со стороны Византіи нечего была опасаться притязаній, подобныхъ Нѣмецкимъ: она была слишкомъ слаба для того,—и вотъ Ростиславъ посылаетъ въ Константинополь къ Императору Михаилу съ просьбою о Славянскихъ учителяхъ, и въ Моравіи являютъ знаменитые братья—Кирилъ и Меѳодій, доканчиваютъ здѣсь переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ и распространяютъ Славянское богослуженіе въ Моравіи и Панноніи. Примѣръ Кирилла и Меѳодія, полагаемый въ 862 году, совпадаетъ со временемъ основанія Русскаго государства, которому по преимуществу суждено было воспользоваться дѣломъ святыхъ братьевъ.—*Балудянскій* (Андрей), Карпаторусъ, Мукачевскій каноникъ и въ Угроградскомъ Лицеѣ профессоръ Исторіи и Церковнаго права, въ «Исторіи церковной Новаго завѣта (въ Вѣнѣ, 1852, изд. 3-е), въ 1-й главѣ III-го періода (800—1517 г.), хотя основывается, большею частью, на второстепенныхъ источникахъ или пособіяхъ, однако, о началѣ Христіанства у Славянъ, предлагаетъ довольно правильное понятіе, а о судьбѣ Православной Церкви въ Угрію, Галлію и сосѣднихъ краяхъ, весьма любопытныя свѣдѣнія, доселѣ бывшія для насъ во многомъ неизвѣстными. Сочиненіе его написано нашимъ языкомъ и нашими буквами, съ небольшимъ отгѣнкомъ Малороссійскаго. О нашемъ предметѣ прямо утверждаетъ (стр. 168),

что «Кирилъ и Меѳодій Славянъ Апостоли изобрѣтенныя буквы Славянскія, которія про то *кириллическія* называются, въ Моравію принесли, и Мораво-Чехомъ нѣкій предъ тѣмъ алфавитъ немѣшчанскій, передали. Кромѣ того с. писаніе и книги Грековъ литургическія, въ Славенскій языкъ переведенныя, въ больше образцехъ переписать велѣли, по Моравіи распространили, и въ службу божію славенскій языкъ ввели, изъ которыхъ причины Славяне Моравскіи ихъ съ великою радостію и восторгомъ пріяли». — Изъ писателей прочихъ Славянъ: *Столичковичъ* (Александръ, Сербъ), въ «Исторіи Восточно-Славенскаго богослуженія и Курілскаго книжества кодъ Славена Западне цркви» (У Новомъ саду, 1847), такъ выражается, стр. 8—9: «Я тако мыслимъ, да народъ Христіанскій и не може бити безъ художества писанія, и за то, кадъ (когда) смо доказали, да е една знаменита часть народа Србскогъ год. 640, т. е. на 200 и нѣколико година пре (прежде) св. Курілла и Меѳ. Христіанску вѣру приимаю, онда смо скупа (вмѣстѣ) и то доказали, да е Србљина художество писанія пре св. Кур. и Меѳ. на 200 и нѣколико година познато было. Ясніе да изложимъ видѣніе мое: Србљя су пре крштена свога имали безъ сумнѣ свою язическу азбуку, но почемъ они Христіанскій законъ прише, то одна (тотчасъ) изтребленія таково постане главнымъ задаткомъ Грчкому духовенству, о томѣ стараются, да ничега не заостане, што би покрштеной народъ Србскій на предяшиѣ свое язическо служене опоминяло. Тако заведена буде кодъ (у) Србляя Грчка азбука. Садъ (теперь) се ны выше появе, трудившисе ову за Славенско употребленіе употребовати, можда (можетъ быть) гдикое писмо по пужди и изъ язическе азбуке позаимивши. Ове о усавершенствованю Грчко-Славенске азбуке трудившесе мужеве сматрати можемо као предтече Св. Курілла, *ком е истій посао (дѣло) сретньо (счастливо) довршио, речену азбуку у таково совршенство приведиши, да она и данасъ (нынѣ) предметъ удивленія учени сачинява.* И за то ова азбука, о кое усавершенствованю Св. Куріллъ има наивете (наибольшія) заслуге; доцнѣ (послѣ) у земляма, по коима е оны препиутствено проповѣдао и дѣйствовао, названа буде Куріллова азбука или Куріллица». Въ другомъ мѣстѣ «Писменана е, говорисе (стр. 14), св. Куріллъ умѣсто Грчки или Финикійски, Славенска имена наденуо (надалъ). Но ны завѣроятнѣ држимо, да су то имена изъ старе язическо-народне азбуке задржана». Сочинитель держится мнѣнія земляка своего, Драгосавльвича и под. ему. — Извѣстный Польскій ученый, В. А. *Мацьевскій*, въ «Исторіи первобытной Христіанской Церкви у Славянъ», переведенной по Руски Ор. Евевкинъ и напо-

чтаниной въ Варшавѣ, 1840, возражая Копитару, говорить (стр. 34—36): «Мы не повторимъ словъ г. Копитара, утверждающаго, что Римско-Католическое духовенство изобрѣло Глаголитскую азбуку, древнѣйшую нежели Кирилловская, которая потому много содѣйствовала въ усовершенствованію Славяно-Церковной азбуки (стр. IX, XI, XXXII *Glag. Sloz.*). Точное свидѣтельство исторіи, что церковная азбука изобрѣтена Кирилломъ и Меѳодіемъ (*Epist. pap. Joan. VIII*) прежде Глаголической, какъ это всѣ утверждаютъ, и что Славяне, которые издавна были подвѣдомственны Восточно-Католической церкви, и тѣ, которые перешли на лоно ея изъ язычества, употребляли при божественной литургіи книги, писанныя одними только Кирилловскими буквами, низпровергаетъ мнѣніе г. Копитара. Славяне, обращенные въ Римско-Католическую Вѣру до Кирилла и Меѳодія въ Каринтіи и въ некоторыхъ другихъ мѣстахъ, могли употреблять при отправленіи богослуженія книги, написанныя другими какими нибудь письменами (на пр., Фрейзин. памятникъ); но чтобъ эти письмена были Глаголитскія, или чтобъ Кирилловскія отъ нихъ произошли, на это нѣтъ слѣдовъ въ исторіи и нѣтъ никакихъ историческихкихъ свидѣтельствъ въ подтвержденіе выше изложенныхъ предположеній. Происхожденіе Глаголитской азбуки, которая, по словамъ г. Копитара, изобрѣтена прежде Кирилловской, не восходитъ выше XI вѣка, судя по наружному ея виду и начертанію буквъ, и слѣдовательно относится, согласно съ общимъ мнѣніемъ, къ тому времени, когда, вмѣсто Кирилловской азбуки составлена новая, названная Глаголитскою. Ничего также не доказываютъ слова, которыя, по замѣчанію г. Копитара, получивъ начало въ западной Европѣ, перешли, при посредствѣ Глаголитской письменности, въ Кирилловскую и наконецъ удержались въ Старо-Церковномъ нарѣчій; потому что ясно уже доказано (*Шафарикошъ, въ Славян. Древн. I, стр. подл. 814—824*), что эти слова напротивъ имѣютъ корень въ Греческомъ языкѣ.—*М. Вишневицкій*, въ «*Historja literatury polskiej*», томъ 1-мъ (Краковъ, 1840), вѣритъ въ старшинство Глаголицы передъ Кириллицей (стр. 167—172): «*Pismo glagolickie czyli bukwa, dawniejsze jest od Kirylicy czyli greckiego abecadła, które Cyryll do mowy słowiańskiej zastosował (приспособилъ), a które w Bulgaryi, Serbii, Pannonii i Morawii upowszechniło się (принялось) przedъ zaprowadzeniem Kirylicy. Słowianie pisali od prawej ręce ku lewej, podobnie jak Etruakowie i Grecy (?)*». А въ примѣч. 8-мъ повторяетъ слова Папенброха и Геншена, *że Cyryll nie wynalazł abecadła, ale greckie zastosował do ruskiego (?)*».—*Тышинскій*, въ «*Rus historyczny oświecenia Słowian*» (Варш. 1841), утверждаетъ (стр. 39), что Коп-

ставникъ, прибывши, послѣ путешествія своего къ Козарамъ, въ Булгарію, и «з нарзечемъ Słowian w stronie téj rozszianych z powodu pochodzenia swego, oznajomiony, zajął się był właśnie wynalazkiem dla mowy téj писма, i przekładem na nią ksiąg śś., kiedy nowe poselstwo wnet (тотчасъ) далѣй go powołało. Rościslaw ksiązę Morawii upraszał także o missyя. Konstantyn udał się tu razem już ze swym bratem, Strachotą. Słowianie całѣй téj strony rychło (быстро) przyjęli słowo, cała Serbia, Bulgarya i rozległe Morawii państwo staly się wkrótce chrześcijańskie. Przekład, ksiąg śś. i wprowadzenie obrędu w jedném z narzeczy słowiańskich tu też (w Morawii) ostatecznie dokonanemi zostały».—Что до иностранныхъ писателей, то въ послѣднее время можно только указать на болѣе прочихъ сноснаго въ этомъ случаѣ, извѣстнаго языковѣда, *Ейхгофа*, который такъ отзывается, въ «Histoire de la langue et de la littérature des Slaves» etc. (Paris, 1839) о нашемъ вопросѣ (стр. 180): «Ce fut probablement à son retour (изъ Козаръ) qu'il fut appelé (Cyrille) chez les Boulgares et les Serbes, pour lesquels il entreprit les grands travaux qui font encor bénir sa mémoire. Combinant avec art les caractères grecs avec quelques lettres empruntées à l'hébreu, à l'arménien, au copte, il composa un alhabet nouveau, propre à rendre tous les sons des idiomes slavons, et il entreprit avec cet alphabet la traduction complète des livres saints. Bientôt une autre ambassade, envoyée vers 862 par Rostislav, prince des Moraves, appela Constantin et Méthode avec ce peuple déjà converti, mais qui avait besoin d'être instruit encore dans la connaissance de la religion chrétienne. Ce fut là qu'ils se livrèrent avec zèle à l'interprétation de la Bible et à l'introduction de la liturgie, jusqu'en l'année 868, où le pape les invita à se rendre à Rome».

242. Много въ этомъ Словѣ встрѣчаемъ важныхъ намековъ для дальнѣйшаго опредѣленія дѣятельности нашихъ благовѣстниковъ. На примѣръ: «Закояъ же ѿ Бѣ прийыша не скомиъ племени, яко же Акрамъ, нъ изъмоу, нже не разоумѣша десница скома, ни шочина». По видимому, это указываетъ на ихъ не Славянское происхождение; но выше: «Сми же сѣмъ оидъ и оучителя прѣседниина вѣмста оуѣстелъ своѣго и пришельца на землю тоужю», кажется, говорить не о родовомъ, племенномъ, происхожденіи, но лишь о колѣнномъ, болѣе въ землеписномъ, чѣмъ народописномъ, отношеніи. При томъ выраженіе, слѣдующее ниже: не на тоужемъ ескомаини ское дѣло подагюща, нъ изюка писмена къокрѣмѣша и съвършиста къ изумъ покъ», показываетъ, что если бы они были по всему чужды тѣмъ, для кого предприняли то, въ такомъ случаѣ, выраженіе: не на тоужемъ ескомаини» не имѣло бы сдѣсь мѣста. Или

же полъ ннѣ разумѣть отношеніе двухъ азбукъ, той, которая доставила матеріалъ составителю, и той, которая изнова воображена была ннѣ, т. е., получила новый образъ отъ приѣженія письменныхъ знаковъ Греческихъ къ Славянскимъ звукамъ и прибавленія къ ннѣ новыхъ, отчасти также взятыхъ изъ другихъ азбукъ, отчасти же преобразованныхъ посредствомъ соединенія тѣхъ и другихъ? Далѣе, какъ разумѣть: «данонъ на Бѣни соуготоу прилежанъ?» На послѣдокъ, сходясь въ годъ смерти Кирилла: «и тако поуми о Гѣ въ .ѣ.т. ѡх.» 6377, т. е., 869, съ показаніемъ Кириллова Житія по всѣмъ, извѣстнымъ ннѣ, спискамъ его, Слово это не сходится однимъ годомъ въ означеніи времени кончины Меѡдія съ такимъ же въ Житіи его, именно: въ первомъ: «и тако поуми о Гѣ въ лѣ ѡ тѣлри всьего мира. ѣ.т. ѣ. .ѣ.», а въ послѣднемъ: «поуми въ .ѣ. днѣ мѣдѣ апрѣла, въ .ѣ. мѣднѣтъ, въ ѣ. и .ѣ. и .ѣ. лѣ ѡ тѣлри всьего мира». Впрочемъ, такое разнорѣчіе только видимое, какъ показывается то ближайшее разсмотрѣніе, которое, однако, теперь было бы неумѣстно ннѣ приводить здѣсь.

243. Slovan. staroŝ., str. 814, Руск. II, кн. 2, стр. 324, прил. 88.

244. Блато или наше болото означаетъ не только просто топъ, иловатое и тинистое мѣсто, покрытое стоячею водою, грязь, но еще, въ некоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, лѣсъ, особенно еловый, лиственный, боръ, растущій на немъ (Нижнелужицкое bloto, bwoto, boto, отсюда лѣсъ по рѣкѣ Спревѣ или Сировѣ у селенія Буки, на мѣстѣ чрезвычайно низменномъ, простирающемся на нѣсколько верстъ), а также, въ старину, и самую воду озерную, озери, съ етъми особенностями въ большемъ разлѣрѣ, лужу. Въ Костромской губ. именно болотомъ называютъ лужу, а въ Смоленской крупной лѣсъ (Опытъ областного Великорусск. словаря, стр. 12). Точно такъ боръ и бара, барина, въ Чешск. и Серб. сродны между собою, происходятъ отъ одного и того же корня; послѣднее значитъ лужу, болото, lacus, palus, а у Хорватовъ вообще лугъ, pratum, словомъ, всякую топкую страму, а боръ—лѣсъ, растущій особенно на такихъ мѣстахъ. Слич. Нѣм. Born, Рум. и Алб. переу.

245. *Аноупт. De conversione Bagoar. et Carant. ap. Kopitar, G la g., pag. LXXV.* «Venerabilis archiepiscopus Juvavensium Adalwinus nativitatem Christi celebravit in castro Hezilonis, noviter Mosebuch vocato, quod illi successit moriente patre suo privvino quem Maravi occiderunt; illo quoque die ibi officium celebravit ecclesiasticum. Sequentique die in proprietate Wittimaris dedicavit ecclesiam in honore S. Stephani protomartyris», etc. Копитаръ возражаетъ Добровскому касательно названія Salaburg и Moseburg: «Male dicit

246. Mährische Leg. S. 88.
247. Несторъ, III, Kap. X, S. 177, Руск. II, стр. 458.
248. Cyrill und Method, §. 7.
249. Slow. star., str. 814, пер. II, кн. 2, стр. 324, прим. 89.
250. *Dümmler* (Er.) Ueber die südöstlichen Marken des fränkischen Reiches unter den Karolingern» (795 — 907), въ X-ой части «Archiv für Kunde österr. Geschichts-Quellen» u. s. w., S. 34.
251. *Шафарикъ*, Slov. star., str. 814, пер. II, кн. 2, стр. 324, прим. 87.
252. *Конст. Багрянородный* Chronogr. lib. III, 28.
253. Kalendaria Ecclesiae universa II, pag. 367.
254. Mähr. Leg., S. 81.—Slow. star. I, str. 811, Руск. II, кн. 2, стрн. 316, прим. 74.
255. Житіе Кирилла.
256. *Martini Fuldensis* Chronicon, въ Io. Geo. *Eccardi* Corpus historicum medii aevi, tom. I, pag. 1665.
257. См. выше, примѣч. 71.
258. Въ *Макар. Четь-Минеѣ* оно помѣщено между проложными и пространными Житіями сего святаго.
259. Кромѣ того, всюду рѣчь, какъ участника въ обрѣтеніи: «сѣтеорихомъ, ндохомъ, носелдохомъ, ностанихомъ речеъ тоу, нѣше съ нами и сѣноклаа; къ неугали же намъ соущемъ, зѣше много тасъ пренде в нитѣ же днса, нѣгдахомъ оуко оуи и оуиъ око къ Кѣу Козлодаре, око къ сѣи тои рѣду нмоуше, нѣше нмоуше сице».
260. Разцвѣтъ Славян. письмен. въ Булгаріи, стр. 4, прим. 2.
261. *Gesenius*, Hebr. Grammat. 1842, §. 3.
262. Cyrill und Method, §. 16. Въ етомъ *Добровскій* собственно возражаетъ *Шлецёру*, и въ заключеніе выражается словами *Ассемани*: «Wir unterscheiden also Assemani's wahrscheinlichen Schluss, nach welchem unser Method von dem Maler Method nicht verschieden, sondern mit ihm eine und dieselbe Person ist: «Conveniunt tempora, nomen Methodii, locus praedicationis, historici denique, qui illum primo Bulgaris, deinde Moravis praedicasse scribunt» (p. 44). Gründe genug für unsre Meinung».
263. Тамъ же, §. 14.
264. *Симеонъ Логоветъ*, *Левъ Грамматикъ*, *Георгій Монахъ*, *Продолжатель Константина Багрянороднаго*, *Кедринъ* и *Зонара*. *Stritter* II, pag. 570—572.
265. На 171-мъ листѣ; онъ писанъ крупнымъ уставомъ, въ два

столбца; мѣсяцы сентябрь, октябрь и ноябрь. Заглавіе: «Уюдо стго Георгіа ѡ крѣтѣ и ѡ Болгаринѣхъ».

266. Далѣе, историческая часть сего разсказа чрезвычайно важна и совершенно нова для насъ: «и потому сподоки и Бѣ, да приимѣхъ англіини образъ, ѡ ластнаго сего житиа въ кышнини крѣпѣхъ къ Хѣ престалиса. И еще юму живѣ сѣцю въ уернеустехъ, и к него мѣсто сѣцю Колодимерѣ, сѣю юго неркомѣ, кѣтѣ кѣткнѣ Бѣис и Михаилово изъ Семсонтѣ, и прии столѣ, сѣгнакъ крѣта, и вѣста на нь кѣзыкъ Оугорскнни, и ноловиша юмоу, ко тѣ годѣ и мнѣ сѣцю въ сѣци тон. Кѣарашнхъ же и рече келнени архимандритѣ: нннѣ самомѣ поутенѣ ты кѣше ѡ нннѣ? Онѣ же рече ми: Азѣ, оубѣ, слнѣ нѣсмѣ нннѣхъ нннѣюго же, нн юсмѣ жнлѣ, ндѣже нннѣхъ жнклѣше, но кнѣ, к людехъ; ннѣ ннѣ радѣкаша Оугри, нѣвѣже насѣ юдннѣхъ поутемѣ, и погнаша ннѣ Оугри, и нннѣ ми нѣомѣ славетн и остѣкати», и проч.

267. Въ «Anhang III: «Ueber das Jahr, in welchem der bulgarische Fürst Bogoris getauft ward» (S. 80—82) къ соч: «Ueber die südöstlichen Marken des fränkischen Reiches unter den Karolingern» (795 — 907), въ 1-мъ выпускѣ X-ой части «Archiv für Kunde östereichischer Geschichts-Quellen». Возраженія, сдѣланныя Димлеромъ Паджи, больше чѣмъ слабы; выходками въ общнхъ выраженіяхъ противъ Византійцевъ не опровергають противниковъ: нужно отдавать у ннхъ истину отъ лжи, которой не меньше и у другихъ лѣтописцевъ объ етомъ предметѣ.

268. Москвитянинъ 1843, кн. VI, стр. 422—423.

269. По всему вѣроятію *Гондрихъ* или *Гонрдихъ* — Гавдерикъ (Gaudericus), епископъ Велитрскій, коему приписываютъ составленіе Житія св. Климента, папы Римскаго, посвященнаго папѣ Іоанну VIII-му, въ 3-хъ книгахъ. Извѣстное сказаніе «De translatione corporis b. Clementis», по мнѣнію отца Геншена, есть только отрывокъ изъ третьей книги, содержаніе коей составляли: «miracula, prodigia, exultationis angustiae» etc. Онѣ тоже является въ Римѣ со времени вступленія Адріяна на папство, который возвратилъ его изъ ссылки. — Москвитянинъ, 1843, кн. VI, стр. 423—424.

270. Творенія Св. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. 1853 г., кн. IV-я, стр. 663.

271. Я. С. *Бандтке*.

272. Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen, 1826, S. 118—119.